Министерство науки и высшего образования РФ
Институт российской истории РАН
Совет молодых ученых ИРИ РАН

Международная научно-практическая
школа-конференция молодых ученых (25–28 октября 2022 г.)

История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды

Сборник статей

Москва
2022

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
И90

Утверждено к печати Ученым советом
Института российской истории Российской академии наук

Редакционная коллегия:
канд. ист. наук *Ю.И. Дин*, д-р ист. наук *С.В. Журавлев*,
д-р ист. наук *В.Н. Захаров*, канд. ист. наук *С.П. Ким* (отв. секретарь),
канд. ист. наук *В.Н. Круглов*, д-р ист. наук *Д.Б. Павлов*,
д-р ист. наук *Ю.А. Петров* (отв. ред.), канд. ист. наук *О.А. Плех* (отв. ред.),
д-р ист. наук *В.В. Тихонов*

Рецензенты:
д-р ист. наук *Д.В. Лисейцев*,
канд. ист. наук *Т.И. Морозова*

История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды [Текст]: сборник статей Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых (25–28 октября 2022 г.) / отв. ред.: Ю.А. Петров, О.А. Плех; Институт российской истории РАН. – М.: Институт российской истории РАН, 2022. – 520 с.

ISBN 978-5-8055-0413-7

Сборник содержит материалы Международной школы-конференции молодых ученых «История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды», состоявшейся 25–28 октября 2022 г. В него вошли статьи, подготовленные участниками конференции. Исследования посвящены широкому кругу вопросов отечественной истории начиная с Древней Руси и заканчивая современностью. Авторы затрагивают сюжеты политической, социальной, военной истории, истории государственных учреждений, церкви, экономики, медицины, науки, внешней политики и многие другие.

© Институт российской истории РАН, 2022
© Коллектив авторов, 2022

Содержание

I. История России до начала XX в. 9

А.А. Казаков. Савва Вишерский или Савва Бороздин? (О казусах средневековых биографий) 10

В.А. Слугина. Организация церемоний присяг на верность царю Федору Алексеевичу в Западной Сибири (1676 г.) 18

Д.О. Манин. Особенности дипломатического церемониала русского посольства во Франции в 1681 г. 27

И.А. Устинова. К вопросу о выборе кандидатуры Стефана (Яворского) на пост местоблюстителя патриаршего престола в 1700 г. 36

А.С. Севостьянов. Пенсионное обеспечение служащих Посольского приказа в начале XVIII в. 43

О.А. Плех. Социальные гарантии гражданских служащих в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. 49

О.В. Ларюшкин. Мусульмане в составе московского купечества (конец XVIII – середина XIX в.) 73

И.В. Кравченко. Проблема отношений Великого княжества Литовского и Великого княжества Московского в работах преподавателей Санкт-Петербургского императорского университета (XIX в.) 85

А.С. Кравчук. Управление иностранными колонистами в Новороссийском крае в начале XIX в. 91

М.А. Белан. К истории службы нижних чинов: обстоятельства увольнения, возвращения, награждения ополченцев и призрения инвалидов в 1814–1815 гг. (на материалах Санкт-Петербургской губернии) 98

А.А. Ефимов. Предложения по восстановлению или консервации дворца в Ореанде после пожара 1881 г. как пример отношения к историческому наследию 107

А.В. Филимонов. Роль представителей администрации в развитии библиотечного и музейного дела на Дальнем Востоке в конце XIX в. 114

В.А. Болтрукевич. Теория «крейсерской войны» в представлениях контр-адмирала Ф.В. Дубасова (по документам РГА ВМФ) 121

А.Ф. Савченко. Германский фактор в эскалации российско-японских противоречий в конце XIX – начале XX в. 129

С.А. Иконников. Освещение Русско-японской войны в проповедях православного духовенства центрально-черноземных губерний России 137

Е.И. Головач. Становление и развитие доктрин либеральных и правых партий России по рабочему вопросу в начале XX в. 144

Ф.М. Крученов. Революционный терроризм начала XX в. в дневниках российских консерваторов 152

Н.А. Овчинникова. Развитие почтово-телеграфной службы в Вологодской губернии в начале XX в. 161

А.С. Шестопалова. Издание Журнала Императорского Русского военно-исторического общества 171

А.Е. Власов. Жандармы при исполнении: к вопросу о профессиональной компетентности служащих железнодорожной жандармерии Калужской губернии в начале XX в. 179

Д.Ю. Хоменко. Организация помощи беженцам из западных окраин в Енисейской губернии (1915–1917 гг.) 186

А.А. Педько. Печати государственных учреждений Российской империи и СССР из собрания ГИМ: эволюция и технические особенности 194

II. Отечественная история XX – начала XXI в. 203

И.А. Концевой. Динамика представительства большевиков и левых эсеров в губернских органах власти (март – июль 1918 г.) ...204

Д.Л. Шереметьева. Массовая политическая коммуникация на востоке России в фокусе публичных выступлений премьер-министра антибольшевистских правительств П.В. Вологодского (30 июня 1918 – 22 ноября 1919 г.) 212

А.К. Лагунов. Особенности отражения деятельности Комуча в воспоминаниях современников 218

С.А. Орешин. Политическая борьба в Чечне и создание Чеченской автономной области (1920–1923 гг.) 223

А.В. Чеботарева. Контроль как элемент системы управления партийно-советскими кадрами в начале 1920-х гг. (на материалах Донецкой губернии) 232

А.Н. Гребенкин. Организация культурно-просветительной работы в 1-й Советской объединенной военной школе РККА им. ВЦИК в 1921–1922 гг. 240

Д.А. Панов. Управление государственной рыбной промышленностью Мурмана: на материалах «Севгосрыбтреста» (1924–1931 гг.) 249

С.П. Ким. Дискуссия о методологических основах мобилизации промышленности в советском правительстве в 1926–1927 гг. (по материалам Госплана СССР) 257

В.Н. Сергеев. Два лика Н.А. Семашко: особенности совмещения должностей наркома и профессора в 1920-е гг. 269

В.В. Слискова. О вивариях и лабораторных служителях Государственного института народного здравоохранения (1920-е гг.) 277

А.С. Акимова. Усадебная тема на страницах журнала «Новый мир» 1920-х гг. 283

С.А. Лиманова. Разработка программы празднования 200-летнего юбилея Академии наук СССР 297

Д.А. Сосницкий. Юбилеи В.И. Ленина на страницах журнала «Огонек» 308

С.В. Артемова. Дар, проклятие или естественный процесс: взгляд представителей литературного зарубежья на забвение революции и гражданской войны в России 316

А.С. Котов. Способы организации снабжения городского населения РСФСР в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. (на материалах Вологды и Череповца) 326

А.Е. Котельвас. Потребление в фокусе советских травелогов (1930–1931 гг.) 333

С.А. Бельская. «Путевка в жизнь» и Болшевская трудовая коммуна: к вопросу о документализме первого советского звукового художественного фильма 344

А.А. Арутюнов. «Свои» среди «чужих»: взаимоотношения советских граждан и испанских эмигрантов 354

О.Н. Шанина. «За отсутствием состава преступления»: механизмы внутрипартийных репрессий 1937–1938 гг. (по документам бывшего Ярославского партийного архива) 364

Д.В. Родин. Советская дипломатия и проблема черноморских проливов в 1936–1941 гг. 371

Там Хок Чиу. Защитник мира или предатель союзника: китайские историки о роли СССР в борьбе с политикой «умиротворения» 380

А.М. Третьяков. Экономическое положение Архангельска в годы Советско-финляндской войны (1939–1940 гг.) 388

Ф.В. Копылов. Организация эвакуации и реэвакуации раненых военнослужащих в/через систему РЭП-95 в период Великой Отечественной войны 394

А.В. Латышев. Роль исправительно-трудовых лагерей НКВД в фильтрации советских граждан (1943–1948 гг.) 404

С.В. Решетников. Письма участников движения Сопротивления о событиях на острове Олерон в 1944–1945 гг. 412

А.А. Дерюгина. Образ плена и Сопротивления в эго-документах и литературных произведениях (на примере Г. Златник и В. Маслакова) 419

В.Н. Круглов. «Было время – и цены снижали». Финансовая политика и настроения населения в СССР (1946–1954 гг.) 426

В.В. Тихонов. Языковые процессы в СССР в 1950–1980-е гг. и борьба за национальные языки 438

Чжуан Шици. Непроизнесенная речь Г.М. Маленкова на январском (1955 г.) пленуме ЦК КПСС 448

М.В. Третьяков. Роль магаданских обкома КПСС и облисполкома в развитии региональной авиации во второй половине 1950-х гг. 454

Т.М. Петрова. Реакция советских людей на поездки Н.С. Хрущева по СССР (конец 1950-х – начало 1960-х гг.) 462

В.С. Батченко. Комиссия по правовым вопросам межпланетного пространства АН СССР: история советского космического права 469

Г.А. Гряникова. Государственное и общественное регулирование торговли в Алтайском крае в середине 1960-х – 1980-е гг. 477

Р.Ю. Червяков. «Союзу нашему полвека, а дружба наша – на века»: 50-летие образования СССР на страницах журнала «Крокодил» 484

П.С. Гребенюк. Золото сверх плана: визит А.Н. Косыгина в Магадан в 1974 г. и проблемы развития золотодобычи на Северо-Востоке СССР 495

О.Г. Казак, А.С. Середа. Западнополесское этнокультурное движение в оценках научного сообщества Беларуси (конец 1980-х – первая половина 1990-х гг.) 504

С.Ю. Козлова. Презентация и интерпретация советского времени: нарративы краеведческого музея и их восприятие посетителями (на материалах Музея истории города Ярославля) 512

I. История России до начала XX в.

УДК 94(47).035+929.5

А.А. Казаков[1]

Савва Вишерский или Савва Бороздин? (О казусах средневековых биографий)

Аннотация. Традиционно считается, что новгородский инок и основатель Вишерского монастыря Савва – не кто иной, как выходец из среды тверского боярства Савва Бороздин. Доказательство тому обычно находят в Житии Саввы Вишерского, где говорится о его благородном тверском происхождении. Однако свидетельство единственного источника не выдерживает проверки в рамках сравнительного анализа. Автор статьи демонстрирует, что отождествление новгородского инока и тверского боярина покоится на ложных основаниях, а массив источников как о Савве Вишерском, так и о Савве Бороздине изучен недостаточно. Настоящая работа восполняет этот пробел. Автор рассматривает и анализирует широкий круг источников (агиографических, летописных, генеалогических), относящихся к этим персонам, и приходит к выводу о неоправданности указанного отождествления.
Ключевые слова: Житие Саввы Вишерского; генеалогия бояр Бороздиных; средневековое русское монашество; церковь Великого Новгорода.

Savva Vishersky or Savva Borozdin? (On the cases of medieval biographies)

Abstract. It is traditionally considered that the Novgorodian monk Savva Vishersky is Savva Borozdin from family of Tver boyars. This opinion existed for a long time, but its evidence is unreliable. The author demonstrates it has a false basis. A lot of sources about both Savva Vishersky and Savva Borozdin have not been studied thoroughly. This paper fills the gap. The author considers and analyzes a wide range of sources relating to these persons, and comes to the conclusion that the identification of a Novgorod monk with a Tver boyar is unjustified.
Keywords: the Life of Savva Vishersky; genealogy of the boyars Borozdins; mediaeval Russian monasticism; Church of Novgorod the Great.

Житие Саввы Вишерского не слишком богато фактами, касающимися жизненного пути этого подвижника благочестия. По Житию, Савва был «рода убо не проста, но паче велика и всѣмъ знаема» и происходил из города Кашина. После принятия иноческого пострига он долго подвизался в тверских

[1] **Александр Александрович Казаков** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Школа актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия), e-mail: astrubal@yandex.ru.
Alexander A. Kazakov – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the School for Advanced Studies in the Humanities of Institute for Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia).

монастырях, «жестокое житіе проходя» [3, стлб. 26–27]. Некоторые списки Жития содержат уточнение: Савва «изыде wт своего дому, ї wт своих сродник, и прїиде въ ч҃стную обитель ст҃го Савы, wтстоящу wт господствующаго града Твери пѧтнадесѧт поприщъ на рецѣ ґлемеи Тмѣ, и вселисѧ ту, и возложивъ на сѧ иноческїи wбраз» [11, л. 371; ср.: 26, с. 551]. Впоследствии он отправился под Новгород Великий и поселился на речке Вишере, «и ту малу колибу въздрузивъ», продолжил свои аскетические упражнения. Вскоре слух об анахорете достиг архиепископа Иоанна, который после знакомства с Саввой стал его покровителем. Со временем вокруг Саввы собрались чернецы, положив основание Вишерскому монастырю – на землях, отведенных братии Словенским концом Новгорода. Наконец, Житие сообщает, что на восьмидесятом году жизни тяжело болевший Савва «вручаеть» попечение о Вишерском монастыре «архіепископу Емиліану» и спустя непродолжительное время, 1 октября, умирает [3, стлб. 26–29, 31–33].

Принадлежность Саввы Вишерского к благородному роду, происходившему из Тверского княжества, дала возможность отождествить его с Саввой Бороздиным. Насколько уместно такое отождествление?

Известия о Савве Бороздине оставил Иосиф Волоцкий в «Отвещании любозазорным», где поведал о Саввином Тверском монастыре, который посещал, по крайней мере, дважды. Иосиф сообщил, что «Сава Бороздінъ, нарицаемый Ера» был «началникъ обители оноя», затем «отъиде въ Святую гору», ни словом не обмолвившись, что позднее Савва вернулся с Афона и основал монастырь на речке Вишере [2, стлб. 554]. Именно в монастыре св. Саввы, по свидетельствам некоторых списков Жития, принял постриг Савва Вишерский. Однако Савву Бороздина Иосиф назвал «начальником», т.е. основателем Саввина монастыря – это позволяет усомниться в том, что Савва Бороздин и Савва Вишерский – один и тот же человек. В своих посланиях Иосиф Волоцкий слово «начальник» использует как раз в значении «начавший, начинатель», т.е. основатель [18, с. 209; 23, стлб. 348; ср.: 22, с. 16]. Согласно приписке в Уставе церковном из Саввина монастыря, в Петров пост 1432 г. обители «миноуло 35 лет» [4, с. 934] – значит, основана она была в 1397 г. [22, с. 8–9; ср.: 10, с. 253, прим. 11].

С такой датировкой не мог согласиться В.О. Ключевский, который, во-первых, отождествлял Савву Бороздина с Саввой Вишерским, а во-вторых, полагал, что последний скончался 1 октября 1460 г., как на то указывали поздние «рукописные святцы и вслед за ними церковные историки»[1]. Если Савва Вишерский умер в 1460 г. на восьмидесятом году, то основать

[1] Очевидно, основным источником для такого вывода послужила «Книга глаголемая описание о российских святых», где кончина Саввы Вишерского отнесена к 1 октября 6969 г. [24, с. 41]. Впоследствии эту дату повторил Филарет (Гумилевский) в обзоре о русских святых [27, с. 558].

Саввин монастырь он должен был 17 лет от роду, во что, действительно, «трудно поверить». Вместе с тем Ключевский полностью игнорировал свидетельство Жития о кончине Саввы во время святительства архиепископа Емелиана, под которым следует разуметь Евфимия Брадатого. Историк полагал, что «всего вероятнее, первое иноческое имя Евфимия I поставлено здесь вместо имени преемника его Евфимия II; позднейшие писцы и писатели часто смешивали этих епископов» [9, с. 157–158].

Обратившись к истории написания Жития, едва ли можно согласиться с этим выводом. Текст создавался поэтапно: в 1464 г. биографические заметки о Савве были подготовлены игуменом Вишерской обители Геласием, а в полноценное Житие их переработал Пахомий Логофет, подвизавшийся при новгородской кафедре в пору архиепископа Ионы [1; 9, с. 156–157; 26, с. 546–549]. Даже если Геласий перепутал владыку, при котором скончался Савва, то едва ли возможно, что эта ошибка осталась не исправленной Пахомием. Сербский агиограф среди прочего был составителем Жития новгородского архиепископа Евфимия II Вяжищского, написанного по поручению его преемника, архиепископа Ионы [13, с. 30–31].

Из Жития Евфимия Вяжищского следует, что Пахомий отличал Евфимия II от его предшественника на новгородской кафедре, Евфимия I, причем последнего он называл именем, полученным при хиротонии [13, с. 19]. Вероятно, Пахомий Логофет причастен к созданию Жития архиепископа Ионы [19, с. 175–176], где упоминаются события 1428 г. [14, с. 432], связанные с именами архиепископа Евфимия I Брадатого и его преемника Евфимия, который в то время был игуменом Лисицкого монастыря: «Преже бо зѣло малѣхъ дней епископьства его въздвижеся Витовтъ, князь Виленьскій» на «градъ Порховъ, и Великому Новуграду злѣ прѣтящу, тогда блаженному Еуфимию съ послы Великаго Новаграда отъ архіепископа Емеліана, иже Еуфиміемъ преименованнаго, к ратнику сему о смиреніи ходившу» [13, с. 16]. Здесь владыки-тезки различаются иначе, чем в Житии Евфимия Вяжищского; Евфимий Брадатый назван монашеским именем. Приведенные факты явно свидетельствуют, что ни Пахомий Логофет, ни кто-либо из книжников новгородской кафедры 1460–1470-х гг. не путали соименных архиепископов, Евфимия I и Евфимия II. Кроме того, если относить кончину Саввы к 1460 г., ее нельзя приурочить ко времени святительства Евфимия Вяжищского, который преставился 11 марта 1458 г. [17, с. 183], поэтому можно встретить мнение, что и «Савва Вишерский умер до 1458 г.» [26, с. 550]. Впрочем, и эта дата вызывает сомнения, если обратиться к актовому материалу, связанному с землевладением Вишерской обители.

В 1417 г. в Вишерском монастыре была построена Вознесенская церковь [14, с. 417; 17, с. 171]. Обустройство монастыря шло на землях, пожа-

лованных братии Словенским концом Новгорода, о чем упоминает Житие Саввы. Сохранилась недатированная грамота вишерскому игумену Алексею с подтверждением земельных пожалований, некогда сделанных монастырю посадниками Федором Тимофеевичем († 1421) и Иваном Александровичем († 1417) [5, с. 148]. Очевидно, на момент ее составления Саввы Вишерского уже не было в живых. Наряду с указанной грамотой посадниками Словенского конца Иваном Максимовичем, Василием Степановичем, Федором Остафьевичем и иными было заключено докончание с Иваном Губаревым о размежевании принадлежавших ему угодий с землями Вишерского монастыря. Публикаторы докончальной грамоты датировали ее 1436–1456 гг. [5, с. 172], в чем, безусловно, есть своя логика. К 1435 г. относится духовная посадника Федора Остафьевича [5, с. 169–171], а имя посадника Василия Степановича не встречается в актовом материале позже 1456 г., когда была составлена грамота о выплате Великого Новгорода великому князю Василию Темному по Яжелбицкому договору [5, с. 43–44]. В.Л. Янин небезосновательно полагал, что обе грамоты были выданы одновременно, отметив, что «в момент дарения вотчинки Савве» в 1410-х гг., по всей вероятности, «не было выдано ободной грамоты на монастырскую землю». Поэтому словенские посадники подтверждали прежние земельные пожалования Вишерскому монастырю и одновременно производили межевание между землями монастыря и Ивана Губарева. Составление обеих грамот историк относит ко времени не ранее 1461 г., когда, по его мнению, скончался Савва Вишерский (здесь Янин следовал авторитету Ключевского), и не позднее 1467 г., когда якобы умер посадник Василий Степанович, принявший к тому времени постриг с именем Варлаам, прославленный впоследствии как преподобный Варлаам Важский (Пинежский) [28, с. 403–404].

Ложные посылки, однако, рождают неверные выводы. Во-первых, хронологическая привязка кончины Саввы Вишерского к 1460/1461 г., как было показано выше, ничем не обоснована. Во-вторых, согласно Житию Варлаама Важского, посадник Василий Степанович стал иноком Варлаамом за шесть лет до своей кончины, последовавшей 20 июня 1462 г. [12, л. 10–11][1]. Очевидно, уже после пострига в 1456 г. Василий Степанович, став иноком Варлаамом, едва ли мог принимать активное участие в жизни Великого Новгорода, а грамота 1456 г. о выплатах Василию Темному по условиям Яжелбицкого мира является последним свидетельством его мирской деятельности. Поэтому и докончальная грамота с Иваном Губаревым, в кото-

[1] Попытка приурочить кончину Варлаама Важского к 1467 г. ошибочна: «эта дата является результатом неправильного прочтения и копирования текста Жития» [7, с. 613]. Действительно, в Житии Варлаама сказано, что скончался он «въ лѣто ѕцое», что следует читать как «лето 6970-е», а не «лето 6975». Конечное «е» характерно для написания дат в одном из ранних списков этого памятника, например, «лѣто ѕцлде» [12, л. 4].

рой Василий Степанович упоминается в качестве посадника, едва ли могла быть составлена позже 1456 г. Следовательно, обе грамоты, касающиеся земельных владений Вишерского монастыря, относятся ко времени между 1436 и 1456 гг., причем на момент их выдачи вишерским игуменом был Алексей. Это позволяет утверждать, что Савва Вишерский преставился не позже 1456 г.

Очевидно, вопрос о времени кончины Саввы искусственно запутан исследователями. В Житии, напомним, сказано, что вишерский подвижник умер 1 октября при архиепископе Емелиане. Чернец Деревяницкого монастыря Емелиан был избран 10 сентября 1422 г. [14, с. 432–433], а 24 сентября 1423 г. митрополит Фотий совершил хиротонию Емелиана в новгородские архиепископы с переменой имени на Евфимий [14, с. 431–432; 17, с. 176]. По всей вероятности, Савва Вишерский скончался как раз в период, когда Евфимий Брадатый был нареченным архиепископом, т.е. 1 октября 1422 г., а упоминание в Житии Саввы владыки под иноческим именем следует понимать как намек на такую возможность. Во всяком случае, поскольку архиепископ Евфимий Брадатый преставился 1 ноября 1428 г. [14, с. 432], относить смерть Саввы ко времени позже 1 октября того же года нет никаких оснований.

Уточнение даты смерти Саввы Вишерского самым непосредственным образом связано с возможностью отождествления его с Саввой Бороздиным. Румянцевская редакция родословных книг сообщает, что «Бороздины были во Твери многие в боярах» и содержит сведения о родоначальнике Иване Борозде и восьми его сыновьях, среди которых: «Ондрей Ек, да Федор Челей, да Михайло Ошурок, да Сава, бездетен, да Петр, да Захарья, да Микита, да Яков Слепой, бездетен» [21, с. 156]. Из всех детей Ивана Борозды источники сохранили сведения только о Захарье Ивановиче, который в июле 1428 г. предводительствовал тверским отрядом во время похода Витовта на Новгород и в течение недели осаждал Порхов [10, с. 260; 15, стлб. 489 второй пагинации; 20, с. 42], – рассказ о тех события был включен в Житие новгородского архиепископа Ионы. Поскольку смена поколений в Тверском княжестве эпохи Средневековья происходила в среднем за 35–40 лет [10, с. 253], можно предположить, что разница в возрасте между Саввой, четвертым сыном Ивана Борозды, и Захарьей, шестым, была минимальна, в пределах нескольких лет. Если отождествить Савву Бороздина с Саввой Вишерским, который, как было установлено, скончался не позже 1 октября 1428 г., будучи на восьмидесятом году, получается, что в 1428 г. его брату Захарье Ивановичу было едва ли менее семидесяти лет.

Наблюдения за демографическими процессами в эпоху Средневековья приводят к предположению, «что активная жизнь значительной части служилых людей могла заканчиваться в возрасте 35–45 лет. После этого

человек мог прожить какое-то время, которое, однако, в большинстве случаев не фиксируется». Особо отмечается, что «иноки в силу более строгого соблюдения постов и жестко регламентированного распорядка жизни жили существенно дольше, чем миряне» [25, с. 60–61]. Следовательно, вероятность того, что Савва Вишерский скончался в 1420-е гг. семидесяти девяти лет от роду, довольно велика. Однако отождествить его с Саввой Бороздиным никак нельзя, ибо Захарья Бороздин, разница в летах которого со старшим братом Саввой была не столь значительна, осаждал в июле 1428 г. Порхов, т.е. его возраст не выходил за верхнюю границу фазы активности служилых людей.

Возможно, Захарья Бороздин перешел эту границу несколько позже, в 1430-е гг. III Пахомиевская редакция Жития Сергия Радонежского содержит рассказ о тяжком его недуге и исцелении радонежским чудотворцем. И хотя это событие не привязано к конкретному времени, нарративный цикл, в который оно помещено, позволяет высказать соображение на сей счет. Открывается он рассказом об обретении мощей Сергия «по преставлению святого тридесятном лѣтом минувшим <…> месяца июля в 5 день», т.е. 5 июля 1422 г. За ним читается повествование о кончине игумена Никона Радонежского 17 ноября 1427 г.[1] Следом идут 11 чудес, из которых пятое – рассказ об исцелении Захарьи Бороздина. В седьмом чуде, о спасении Сергием знатного воина из татарского плена, по наблюдению Ключевского, речь идет о Белевской битве 4–5 декабря 1437 г. [8, с. 418–420, 423–425, 427–429; 9, с. 117; 16, с. 188–190]. Хронологический принцип подборки статей очевиден, а рассказ о Захарье Бороздине, по-видимому, следует отнести ко второй половине 1428 – 1437 гг. [ср.: 10, с. 261].

Таким образом, вопреки традиционному мнению, отождествление новгородского подвижника Саввы Вишерского с выходцем из тверского боярства Саввой Бороздиным при внимательном прочтении источников не подтверждается. Ключевым моментом для предложенного вывода является возраст Саввы Вишерского, которому на момент его кончины в 1420-х гг. шел восьмидесятый год. Братья Савва и Захарья Ивановичи Бороздины, как следует из обращения к деятельности последнего, в то время, очевидно, были гораздо моложе.

Список источников и литературы

1. *Белоброва О.А.* Геласий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. Л.: Наука, 1988. С. 144–145.

[1] В III Пахомиевской редакции Жития Сергия указан лишь день и месяц кончины Никона Радонежского, 17 ноября, полную дату сохранил краткий Кирилло-Белозерский летописец середины XV в. [6, с. 26].

2. Великие Минеи Четии. Сентябрь. Дни 1–13. СПб.: Тип. Имп. АН, 1868. VI с., 672 стлб.

3. Великие Минеи Четии. Октябрь. Дни 1–3. СПб.: Тип. Имп. АН, 1870. VIII с., 792 стлб.

4. *Вздорнов Г.И.* Роль славянских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV–XV вв. // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 904–937.

5. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / подгот. В.Г. Гейман, Н.А. Казакова, А.И. Копанев и др. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 407 с.

6. *Зимин А.А.* Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. Вып. V. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 3–39.

7. *Исидорова З.Н., Рыжова Е.А.* Варлаам Важский // Православная энциклопедия. Т. VI. М.: Православная энциклопедия, 2003. С. 611–613.

8. *Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. I: Житие Сергия Радонежского. М.: Языки русской культуры, 1998. 568 с.

9. *Ключевский В.О.* Древнерусский жития святых как исторический источник. М.: Наука, 1989. 512 с.

10. *Кузьмин А.В.* На пути в Москву: очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. Т. I. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014. 336 с.

11. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 173/I (фундаментальное собрание МДА). № 15. Апокалипсис толковый с прибавлениями. Первая пол. XVII в. 400 л.

12. ОР РГБ. Ф. 310 (собрание В. М. Ундольского). № 291. Житие Варлаама Пинежского (Важского). XVI в. 39 л.

13. Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Г. Кушелевым-Безбородко. Вып. 4. СПб.: [Тип. Кулиша], 1862. 221 с.

14. Полное собрание русских летописей. Т. IV. Ч. 1. Вып. 2. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. 321–536 с.

15. Полное собрание русских летописей. Т. XV. М.: Языки русской культуры, 2000. 432 с.

16. Полное собрание русских летописей. Т. XVIII. СПб.: Тип. Александрова, 1913. III, 316 с.

17. Полное собрание русских летописей. Т. XLIII. М.: Языки славянской культуры, 2004. 367 с.

18. Послания Иосифа Волоцкого / подгот. А.А. Зимин, Я.С. Лурье. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 390 с.

19. *Прохоров Г.М.* Пахомий Серб (Логофет) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л.: Наука, 1989. С. 167–177.

20. Псковские летописи. Вып. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 364 с.

21. Редкие источники по истории России / сост.: З.Н. Бочкарева, М.Е. Бычкова. Вып. 2. М.: Ин-т истории СССР, 1977. 188 с.

22. *Соколов И.П.* I. Краткие историко-статистические сведения об упраздненном Тверском Саввине монастыре на р. Тьме (ныне село Саввино Тверского уезда),

1397–1764. II. Материалы для истории тверских упраздненных монастырей: Астрагаского, Дудина, Тутанского в XVII в. Тверь: Губернская тип., 1916. 102 с.

23. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 2. СПб.: Тип. Имп. АН, 1902. 15 с., 1802 стлб.

24. *Толстой М.В.* Книга глаголемая описание о российских святых // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1887. № 4. С. 1–291.

25. *Усачев А.С.* «Старость глубокая» в XIV–XVI в.: демографические реалии и их восприятие современниками (на материале письменных источников) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 1 (55). С. 58–68.

26. *Федотова М.А.* К вопросу о житии Саввы Вишерского // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. LII. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 544–560.

27. *Филарет (Гумилевский), архиеп.* Русские святые, чтимые всею церковью или местно. СПб.: Русская симфония, 2008. 759 с.

28. *Янин В.Л.* Новгородские посадники. М.: Академический проект, 2017. 511 с.

УДК 930:908(571.1)

В.А. Слугина[1]

Организация церемоний присяг на верность царю Федору Алексеевичу в Западной Сибири (1676 г.)[2]

Аннотация. В статье выявляются процедурные особенности проведения церемоний присяг русского (православного) и иноземческого (неправославного) населения на верность царю Федору Алексеевичу Романову, организованные московскими стольниками и сибирской администрацией в 1676–1677 гг. Описан организационный порядок направления уполномоченных для проведения процедур присяг лиц – из Москвы в столицы разрядов, Тобольск и Томск, приезжали московские стольники, и уже оттуда воеводы отправляли в сибирские уезды служилых людей, снабжая их подробными наказами, как приводить к присяге воевод, голов и население. Установлено, что порядок приведения к присяге православного населения сибирских городов и уездов в целом соответствовал регламентам царских наказов, а церемониал выполнялся по чиновной книге. Неправославные (служилые и ясачные иноземцы), как определил автор, приводились к присяге по текстам царских и воеводских наказов, а также шертовальных записей, которые составлялись воеводами.

Ключевые слова: присяги; XVII в.; Сибирь; крестоприводные книги; шертовальные книги; шертовальные записи, служилые люди.

Organization of the oath of allegiance's ceremonies to Tsar Fedor Alekseevich in Western Siberia (1676)

Abstract. The article analyzes the procedural aspect of the oath of allegiance's ceremonies with the participation of the Russian (Orthodox) and indigenous Siberian (non-Orthodox) population conducted by Moscow stolniks and the Siberian administration in 1676–1677 in order to get an oath to Tsar Fyodor Alekseevich Romanov. It describes procedure of appointment of the authorized officials from Moscow to the centers of administrative subdivisions (razryad) Tobolsk and Tomsk, from where service people were sent to the Siberian districts, provided with detailed instructions on how governors, local officials

[1] **Виктория Александровна Слугина** – кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора археографии и источниковедения, Институт истории СО РАН; старший преподаватель кафедры отечественной истории Гуманитарного института, Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Россия), e-mail: slugina881@gmail.com.

Viktoriya A. Slugina – Candidate of Historical Sciences, Research Scientist, Sector of Archeography and Source Study, Institute of History of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Senior Lecturer at the Department of Russian History, Institute for Humanities of the Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

[2] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-60006.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, project № 19-39-60006.

and population should swear. The article establishes that in general the oath procedures of the Orthodox population of Siberian towns and administrative subdivisions (uezd) corresponded to the regulations of royal orders, and the ceremonial was determined according to officials' book. Non-Orthodox (service and yasak indigenous people) took oath based on the texts of royal and voivodship orders, as well as shert records compiled by voivodes.
Keywords: Oaths; 17th century; Siberia; oath books; shert records; service people.

Формы присяг для подтверждения верности монарху, установленные в Российском государстве с конца XVI–XVII вв., уже давно вызывают интерес исследователей. Присяги являлись одновременно и публично-правовым актом, скреплявшим обязательства подданных перед правителем, и сакральным актом «обещания», «божбы», «клятвы». Поэтому изучению подвергались как политико-правовые основания возникновения и развития форм государственных присяг, так и роль православной идеологии, посредством которой осуществлялась сакрализация власти, а также семантика обрядов присяг.

Еще в дореволюционной историографии предпринимались попытки рассмотреть эволюцию и трансформацию различных форм присяг, бытовавших в XVI–XVII вв. [6]. В настоящее время значимый вклад в изучение присяг внесли труды А.И. Филюшкина [21], П.С. Стефановича [20], Д.И. Антонова [1]; анализ институциональных и содержательных изменений в отношении присяг на верность российским монархам в XVII в. представлен в статье М.В. Королевой [5]. Тем не менее исследовательский фокус сконцентрирован преимущественно на политико-юридическом и религиозно-идеологическом значении «крестоцелования» и «присяг на Евангелие», предусмотренных для подтверждения обязательств православных подданных, а также на общих установках и регламентах центральной власти (светской и духовной) в отношении организации процедур присяг для рядового населения, в то время как фактическая реализация этих процедур за пределами Москвы исследована фрагментарно [7; 8; 19].

Особый интерес в этом отношении представляет вопрос об организации церемоний присяг на дальних рубежах империи – на территории Сибири, где проживало мобильное полиэтничное и поликонфессиональное население, а приведение к присягам-шертям неправославных подданных (сибирских иноземцев) выполняло явно выраженные функции учета их местонахождения и пролонгации ясачных обязательств [16]. Иными словами, изучение способов и приемов организации присяг на верность новому монарху населения Сибири позволяет рассмотреть практическое сочетание нормативно-правовых установок центральной власти с исполнительной системой воеводского управления в отдаленных районах формировавшейся империи.

Практика организации присяг на верность монарху как общегосударственная процедура фиксируется со времени вступления на престол Бориса Годунова – этот сюжет, пожалуй, является одним из самых изученных в отечественной историографии [4; 15; 18]. Первые известные историкам формуляры крестоцеловальных и шертовальных записей, отправляемые в Сибирь, связаны с воцарением в 1605 г. Федора Борисовича Годунова [11, л. 19–22; 17, с. 191–194]. В последующем на протяжении XVII в. при восшествии на престол нового монарха в Сибирь непременно направляли известительные (о смерти предыдущего правителя) и указные грамоты, описывавшие необходимость проведения церемоний присяг новой царствующей персоне. Причем если в первой половине XVII в. к наказам о проведении присяг прикреплялись также образцы крестоцевальных и шертовальных записей, то после 1654 г. крестоцеловальные записи не составлялись, так как вместо «крестного целования» установилась присяга «пред святым Евангелием» по регламенту чиновника, который уже включал в себя образцовый текст присяги [5, с. 78].

С установлением нового регламента православное население острога и близлежащих к нему поселений необходимо было приводить к присяге в соборной церкви, а иноземцев (неправославных ясачных и служилых) – в съезжей избе. В города Тобольского и Томского разрядов (Западная Сибирь) из Москвы направляли для «государева и земского дела» стольников, специально уполномоченных проводить присягу. Разрядные воеводы, получив из Москвы предписание о приводе населения к присяге новому царю, направляли в подведомственные уезды, остроги, городки, волости и землицы служилых людей, которые должны были организовать церемонии в отдаленных районах. Учет приведенных к присяге необходимо было вести в составляемых специально для этого книгах (крестоприводных и шертовальных), которые затем следовало отправлять в Москву. Несмотря на то что требование центральной власти охватывать процедурой присяги (крестоцелованием для православных подданных и шертованием для неправославных) поголовно все взрослое мужское население Сибири, кроме холопов, формулировалось в наказах воеводам еще с начала XVII в., дошедшие до нас отчетные сведения о проведении таких процедур фрагментарны.

В настоящей статье на основе отчетов сибирских воевод, которыми сопровождались именные крестоприводные и шертовальные книги, составленные по случаю приведения в 1676–1677 гг. к присяге на верность Федору Алексеевичу населения Западной Сибири, устанавливаются процедурные особенности проведения церемоний присяг русского (православного) и иноземческого (неправославного) населения в сравнении с описанными в царских наказах регламентами и порядком проведения процедур, определенным чиновником (чиновной книгой 1654 г.).

Приказы весьма оперативно составляли и направляли воеводам российских городов грамоты, извещавшие о смерти царя Алексея Михайловича и воцарении его сына Федора Алексеевича [9, с. 1–7] (в основу этих грамот, вероятно, был положен текст записи, составленной в Приказе Большого Дворца) [3, стлб. 1635–1636][1]. В известной грамоте, направленной 10 февраля 1676 г. из Сибирского приказа туринскому воеводе Ивану Суздальцову, сообщается, что «всяких чинов люди» Московского государства «учинили веру» новому царю Федору Алексеевичу, и теперь государь отправляет в Сибирь стольника князя Ивана Козловского для приведения самого воеводы, тарских служилых и жилецких людей по спискам к вере по чиновной книге, а иноземцев – к шерти [9, с. 7]. Присягу для православных подданных предписывалось проводить в Соборной церкви (куда воеводе требовалось предварительно призвать всех людей) перед «святым Евангелием» по указу, с которым приедет стольник князь Иван Козловский. Он, как следует из других источников, направлялся в Тобольский разряд, а его племянник стольник Тимофей Афанасьев Козловский должен был ехать в Томск, однако добрался до Тобольска раньше дяди и с 29 февраля по 3 марта 1676 г. проводил присяги там [13, л. 1–2, 87–88]. После прибытия в Тобольск Ивана Тимофей отправился в Томск (о факте его присутствия там можно судить по книге Томска [12, 158–159][2]), передав дяде составленные им крестоприводные книги Тобольска (иноземцев к присяге Тимофей не приводил). Иван Козловский приводил к присяге остальных жителей Тобольска и близлежащих поселений с 4 марта по 7 июля 1676 г. [13, л. 85, 88].

В столицах разрядов, насколько можно судить по сообщениям о проведении процедуры в Тобольске (и можно полагать, что отправленный из Тобольска стольник Тимофей Козловский аналогичным образом действовал и в Томске), процедура приведения к присяге православного населения выглядела следующим образом.

1. Стольник давал распоряжение воеводе собрать всех людей в Соборной церкви, предоставить актуальные списки жителей города и пригласить в церковь представителей духовенства. В Тобольске, например, в процедуре участвовал сам сибирский митрополит Корнилий, также были архимандрит Знаменского монастыря Герасим, протопоп Софийского собора Никифор Ларионов, протопоп Вознесенского собора Борис Михеев [13, л. 1–4; 14, л. 331].

---

[1] Примечательно, что в этом тексте прямо говорится, что в Москве присягу новому правителю давали «пред святым Христовым Евангелием», но чиновная книга не упоминается, в то время как в грамотах, направленных в города, она фигурирует.

[2] Эта книга составлена томским воеводой Даниилом Афанасьевичем Борятинским, однако в ней указано, что в нее вошли имена тех, кто не был у присяги во время нахождения в Томске Тимофея Козловского.

2. Затем стольник произносил «речи» и зачитывал царский указ (вероятно, его содержание во многом было аналогично тексту известительных грамот о воцарении Федора Алексеевича).

3. Далее процедура проходила по регламенту чиновника, ее церемониальные элементы зафиксированы в Записной книге (Сибирский лицевой свод): «А обещания их верную исповедь[1] читал им Знаменского монастыря архимандрит Герасим в облачении, а святитель в то время стоял во своем киотном месте» [10, с. 167–168][2]. Текст присяжных обязательств (в Записной книге они названы «крестоцеловальной записью») зачитывал воевода, а остальные присутствующие за ним повторяли. Напомним, что текст присяги, зафиксированной в чиновнике 1654 г., почти полностью повторял содержание крестоцеловальной записи на верность царю Алексею Михайловичу 1645 г., и эта присяга носила характер индивидуального обещания – «яз имярек». Однако остается невыясненным, кем, когда и как осуществлялась актуализация этого текста – вносились имена новых правителей и их родственников. Затем, согласно регламенту чиновника, должно было следовать чтение поучений, однако в дошедших до нас сведениях указаний на это нет. Записная книга сообщает, что митрополит Корнилий (который называется в тексте «святителем») «молебственное пение служил о царском многолетном здравии» и в конце процедуры «говорил титлу здравия царского». Присутствует в Записной книге и указание на процедуру целования Евангелия [10, с. 168], хотя Тобольская крестоприводная книга о таком не упоминает.

Порядок учета приведенных к присяге осуществлялся на основе сопоставления списка, подготовленного в городе воеводским дьяком, с именами присутствующих на процедуре. Этим объяснятся формализация крестоприводных и шертоприводных книг, которые составлялись непосредственно отправленными из Москвы стольниками, – в них указывались занимаемые или прошлые должности, отмечались родственные связи присягавших, учитывались даже «тюремные сидельцы». Наряду с постоянными жителями города и подгородных поселений в книги вносились и те, кто временно оказался в городе в момент организации церемонии присяг: торговые, гулящие люди, служилые из других городов. Отдельно указывались также и имена тех, кто не был на присяге, с указанием причин отсутствия. Как правило, среди причин отмечались посылки в другие города или отъезд на промыслы.

Московские стольники приводили к присяге население столиц разрядов (Тобольск, Томск) и некоторые города (Верхотурье [12, л. 2 об.],

[1] Имеется в виду текст «Символа веры».

[2] Я.Г. Солодкин отметил, что это описание, вероятно, составлено непосредственным участником церемонии [19, с. 93]. С этим предположением можно согласиться.

Туринск [9, с. 6–7]). Затем разрядные воеводы рассылали указания о проведении процедур присяг нижестоящим воеводам и направляли своих служилых людей в подведомственные разряду уезды, чтобы они организовывали церемонии на местах. В целом порядок этих процедур совпадал с тем, которого придерживались московские стольники: прибывшие в город служилые люди собирали в соборной церкви все взрослое мужское население, оглашали указ разрядного воеводы, который фактически цитировал царский наказ из Москвы, и первыми приводили «к вере» перед Евангелием воеводу уезда по «чиновной книге».

До нас дошли крестоприводные и шертоприводные книги, зафиксировавшие проведение процедур присяг уполномоченными из Тобольска в Таре [14, л. 1–34], Сургуте [14, л. 35–46], Мангазее [14, л. 47–65 об.] (туда направили тобольского письменного голову Ивана Никитича Тютчева с подьячим), Березове (был направлен тобольский жилец) [14, л. 66–79]; также направлялись дети боярские в Березовский уезд для приведения к вере православных и иноземцев [14, л. 349–369 об]. Уполномоченные из Томска проводили присяги в Енисейске (сын боярский Федор Полозов с подьячим), Кетске (сын боярский Иван Вербицкий), Красноярске (сын боярский Федор Полозов с подьячим), Кузнецке (сын боярский Иван Петров) [12, л. 31–156 об., 170–175, 207–244 об., 246–249]. Главной задачей таких делегаций было приведение к присяге собственно воеводы, его администрации и родственников, и уже затем местные воеводы самостоятельно отдавали распоряжения своим служилым людям (как правило, детям боярским) ехать в сопровождении писарей и толмачей приводить к присяге остальное население уезда. Собственно, поэтому процедуры присяг растягивались на длительное время, книги составлялись разными людьми и дошли до нас в разрозненном виде.

Шертование в сибирских городах осуществлялось в съезжей избе, причем, скорее всего, не внутри, а рядом, так как в процедуре участвовало большое количество людей. К присяге приводили всех неправославных иноземцев: служилых, их захребетников и родственников, предводителей ясачных родов и их ближайших родственников (их приглашали в города заранее), а также аманатов. Из городов в ясачные волости и землицы (места проживания иноземцев) воеводы направляли отряды служилых людей для организации процедур на местах. Приведение к присяге и учет ясачных людей в шертоприводных книгах сочетался также с призывом в подданство новых родов иноземцев, их шертованием и обложением ясаком [14, л. 86–91].

Подробных описаний церемониальной части шертования отчетные документы не содержат. В царских наказах о проведении процедуры не

было никаких распоряжений по поводу составления текстов присяг – шертовальных записей, лишь кратко указывалось, что иноземцы должны быть приведены к присяге «по своей вере».

Можно предположить, что аналогично церемонии для православных в процедуре также был задействован царский указ, с которым приезжали уполномоченные стольники. В наказах, рассылаемых тобольскими и томскими воеводами в уезды, также содержались все необходимые элементы и реалии новой присяги – перечислялись все титулы и родственники правящего монарха, присутствовала краткая присяжная формула: «Служити и прямити во всем, всякого добра хотети безо всякие хитрости и быть в ево государском повелении так же, как служили и были при отце ево государеве блаженные памяти при великом государе и великом князе Алексее Михайловиче всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержце» [14, л. 31–32]. Кроме того, имеются прямые указания на отправку из Тобольска текстов шертовальных записей, которые, вероятно, там же, в Тобольске, и составлялись на основании прежних образцов. [14, л. 331]. Уездные воеводы также снабжали образцом шертовальной записи служилых людей, отправляемых в ясачные волости [12, л. 256 об.]. Таким образом, шертование, вероятнее всего, предварялось чтением текста царского указа, однако шертовальные записи могли составляться / не составляться по усмотрению воевод, так как прямого указания из Москвы о необходимости разработки текстов присяг для иноземцев не было.

Главными субъектами шертования были князцы и главы этнотерриториальных родов, которые должны были произнести или подтвердить текст присяги-шерти, что означало автоматическое распространение обязательств на все подвластное правителю этого рода население. Маловероятным представляется, чтобы каждый ясачный иноземец давал персональную присягу, так как это занимало бы очень продолжительное время. В отчетных сведениях о проведении процедуры также упоминается, что иноземцам говорили «жалованное слово» – торжественное обращение от имени царя к иноземцам с обещанием «государевой милости» [12, л. 256, 293–293 об.; 14, л. 83]. Жалованное слово также следует считать одним из элементов церемонии присяги иноземцев. Религиозные же обряды, которыми иноземцы должны были сакрализовать присягу-шерть в отчетных документах, описывавших шертование на верность Федору Алексеевичу, не зафиксированы. Однако можно предположить, что иноземцы, долгое время находившиеся в российском подданстве и дававшие присяги предыдущим царям, воспроизводили те же обряды, которыми пользовались ранее.

Анализ распорядительной и отчетной документации о проведении присяг на верность Федору Алексеевичу в городах и уездах Западной Сиби-

ри позволил установить, что воеводская администрация очень скрупулезно подходила к организационной стороне процедуры: приглашались представители духовенства, четко воспроизводился регламент царского указа и чиновной книги, разрабатывались и направлялись шертовальные записи, снабжались наказами служилые люди разрядных городов и отправлялись в уездные города, слободы, деревни и волости. Не менее пристальное внимание уделялось и учетной составляющей, что выражалось в подробной фиксации имен в крестоприводных и шертовальных книгах, составление которых продолжалось даже после отъезда московских стольников и представителей, направленных из Тобольска и Томска. Дошедшие до нас крестоприводные и шертовальные книги, таким образом, являются не только ценным источником для выявления категорий и численности населения Сибири, но также фиксируют ряд этнорелигиозных и этнополитических реалий, которые наглядно проявлялись в формировании института подданства в Российском государстве.

Список источников и литературы

1. *Антонов Д.И.* Смута в культуре Средневековой Руси: Эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII в. М.: РГГУ, 2009. 448 с.

2. *Воробьев Г.А.* О Московском соборе 1681–1682 года: опыт исторического исследования Григория Воробьева. СПб: Изд. книгопродавца И.Л. Тузова, 1885. 158 с.

3. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. 3: с 1645 по 1676 г. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1852. 841 с.

4. *Каменцева В.М.* «Присяги правительствам» в Смутное время // Vox medii aevi. 2019. Vol. 1 (4). С. 15–48. URL: http://voxmediiaevi.com/2019-1-kamentseva (дата обращения: 15.07.2022).

5. *Королева М.В.* Процедура государственной присяги в России XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 4. С. 73–82.

6. *Макаров М.* Древние и новые божбы, клятвы и присяги руския // Труды и летописи Общества истории и древностей российских. Ч. 4. Кн. 1. М.: Университетская тип., 1828. С. 184–228.

7. *Мордовина С.П., Станиславский А.Л.* Крестоприводная книга Смоленска 1598 г. // Источники по истории русского языка. М.: Наука, 1976. С. 131–166.

8. *Перевалов В.А., Коновалов Ю.В.* Крестоприводные книги Верхотурского уезда XVII в. (проблемы изучения и публикации) // Культурное наследие российской провинции: история и современность: к 400-летию г. Верхотурья. Тезисы докладов и сообщений всероссийской научно-практической конференции. (Екатеринбург-Верхотурье, 26–28 мая 1998 г.). Екатеринбург: ИИИА, 1998. С. 71–75.

9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Т. 2: 1676–1688. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. 974 с.

10. Полное собрание русских летописей. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи / отв. ред. А.П. Окладников, Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1987. 382 с.

11. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 199. Оп. 1. Ед. хр. 133. Д. 5.

12. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 605.

13. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 607.

14. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 610.

15. *Савченко Д.А.* «Государю хотети добра во всем»: присяга подданных московскому царю (начало XVII в.) // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 8. С. 940–946.

16. *Слугина В.А.* Контингент сибирских иноземцев, присягавших российскому монарху в XVII веке (по данным шертовальных книг) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16. № 8. С. 41–47.

17. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. 2. М.: Тип. С. Селивановского, 1819. 612 с.

18. *Солодкин Я.Г.* Из истории воцарения Бориса Годунова (сколько раз и когда ему «Целовали крест»?) // Вестник НВГУ. 2010. № 4. С. 22–27.

19. *Солодкин Я.Г.* Присяги московским государям по данным Сибирского летописного свода (К определению источников основных редакций памятника) // Вестник «Альянс-Археo». 2016. № 17. С. 90–102.

20. *Стефанович П.С.* Крестоцелование и отношение к нему церкви в Древней Руси // Средневековая Русь. Вып. 5. М.: Рос. унив. изд-во, 2004. С. 86–113.

21. *Филюшкин А.И.* Институт крестоцелования в Средневековой Руси // Клио: журнал для ученых. 2000. № 2 (11). С. 42–48.

УДК 94(47).047+033

Д.О. Манин[1]

Особенности дипломатического церемониала русского посольства во Франции в 1681 г.

Аннотация. В статье рассмотрены особенности использования дипломатического церемониала русскими послами во Франции в 1681 г. Работа посвящена проблеме интеграции России в европейскую систему международных отношений во второй половине XVII в. Этому во многом способствовала деятельность дипломатов. Основой источниковой базы стали дипломатические документы из Российского государственного архива древних актов и Архива Министерства иностранных дел Франции. В рамках работы сформулированы выводы о специфике исполнения русских посольских миссий во Франции XVII в., о влиянии использованных послами практик на развитие русско-французских отношений в 1680-е гг., а также отмечены изменения, происходившие в самой структуре русской дипломатии этого периода.
Ключевые слова: русско-французские отношения; П.И. Потемкин; кн. В.В. Голицын; история дипломатии; Вестфальская система.

Peculiarities of the Russian embassy's diplomatic ceremonial in France (1681)

Abstract. The article concerns itself with the peculiarities of diplomatic ceremonial usage by the Russian ambassadors to France in 1681. It focuses on the problem of Russia's entry into the European system of international relations in the second half of the XVII century, as the diplomatic activity contributed much to this process. The source base are the diplomatic documents from the Russian State Archive of Ancient Acts and the archive of the Ministry of Foreign Affairs of France. Within the framework of the work conclusions about specificity of execution of Russian ambassadorial missions to France, influence of the practices used by ambassadors for the development of the Russian-French relations in 1680s, and also the changes taking place in the structure of the Russian diplomacy of this period are made.
Keywords: Russian-French relations; P. Potemkin; prince V. Golitsyn; history of diplomacy; Westphalian system.

Дипломатические отношения между государствами раннего Нового времени представляют собой комплексную проблему. Наряду с анализом госу-

[1] **Даниил Олегович Манин** – лаборант-исследователь Лаборатории эдиционной археографии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), e-mail: daniil-manin@mail.ru.
Daniil O. Manin – Laboratory Assistant-Researcher, Laboratory for Studying Primary Sources, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

дарственных интересов и внешнеполитических событий необходимо уделять внимание форме межгосударственной коммуникации – посольствам, для которых ключевое значение имел церемониал. На мой взгляд, особый интерес представляет взаимодействие России с Францией, одним из центральных государств европейской дипломатии второй половины XVII в., которое до сих пор не осмыслено в историографии с применением новых подходов и привлечением новых русских и французских источников.

В настоящем исследовании основное внимание уделено проблеме создания и поддержания дипломатических связей между государствами с отличной друг от друга культурой. Важной особенностью рассматриваемого периода было существование «придворного общества», в котором первостепенное значение имел статус каждого его члена [9, с. 52]. В межгосударственных отношениях это приводило к оформлению «общества князей» («société des princes») [12], в котором послы, репрезентуя своим статусом отправившего их монарха, должны были не только следовать формальностям иностранного церемониала, но и с его помощью активно бороться за поддержание своего положения относительно принимающей стороны. Во Франции эта борьба имела особое значение для русских дипломатов, так как Россия не рассматривалась французскими церемониймейстерами как часть «общества князей», и ее послы, посланники и гонцы были вынуждены искать способы создания особого статуса для решения как задач связанных с государственными поручениями, так и для личных целей, закрепляя после успешных посольств свой статус внутри государева двора. Рассмотрение этой проблемы на сегодняшний день актуально в связи с происходящей фрагментацией исторической памяти о развитии государств Европы и необходимостью переосмысления комплексности развития системы международных отношений в раннее Новое время. Исследование подобных процессов не лишено и научной значимости. Несмотря на наличие отельных работ по русско-французским отношениям XVII в. [1; 5; 6] значение дипломатического языка и церемониала в них рассмотрено лишь в трудах отдельных исследователей [10; 13; 14], при этом основной акцент сделан не на посольстве 1681 г., в котором, на мой взгляд, способности русских дипломатов к адаптации к французскому церемониалу проявились наиболее ярко. Более того, именно это посольство привело к единственной во второй половине XVII в. попытке отправить ответное французское посольство в Россию [4, с. 348–349], что может свидетельствовать об определенном успехе миссии.

Целью исследования является реконструкция стратегий поведения русских посланников во Франции в ходе посольства 1681 г. Для ее достижения были определены следующие задачи: сравнить церемониал миссии

1681 г. со стандартным французским дипломатическим церемониалом, а также с церемониалом принятия русского посольства 1668 г.; определить основные стратегии сторон и возможные причины отступлений от ранее выработанного церемониала; проанализировать способы выхода посланников и принимающей стороны из дискуссионных ситуаций. Выделение таких задач приводит к необходимости наряду с общеисторическими методами обратиться к методу case study, который позволяет органично включить богатый, но локальный материал в общий контекст развития русско-французских отношений и русской дипломатии.

В качестве основы источниковой базы использован статейный список П.И. Потемкина 1680–1681 гг. из фонда 93 Российского государственного архива древних актов. Конечно, статейный список требует критичного отношения, и не только в связи с заинтересованностью посланников представить свою миссию в выгодном свете: переводчик посольства обвинял посланника в том, что тот, пребывая за границей, не вел записей для подготовки отчетной документации [7, л. 106]. Тем не менее многие элементы статейного списка находят подтверждение во франкоязычных источниках, что позволяет говорить о его определенной достоверности. Помимо самого статейного списка использованы материалы допроса, организованного для Потемкина осенью 1682 г. главой Посольского приказа кн. В.В. Голицыным, благодаря которому можно проследить аргументацию посланника о принятых им в ходе миссии решениях. Французские материалы в исследовании представлены делопроизводственными документами, сохранившимися в Архиве Министерства иностранных дел Франции (г. Курнев). Наличие этих материалов помогает в источниковедческом анализе статейного списка и способствует синтезу информации с высоким уровнем достоверности.

Французский посольский церемониал середины XVII в. находился в процессе формирования [10, с. 6] и посольство стольника П.И. Потемкина и дьяка С. Румянцева 1668 г. во многом заложило церемониальные основы приема русских посольств, вызвав резонанс в парижском обществе [2, с. 22]. Образцовым оно стало и для русской стороны, будучи единственным из посольств во Францию, описанным в Титулярнике 1674 г. Таким образом, возвращение Потемкина во Францию в рамках его посольства 1681 г. представляет особый интерес для изучения. Уже знакомый с французским церемониалом Потемкин мог выработать наиболее адекватные способы адаптации и использования этого церемониала в своих и государственных интересах. Также именно от этого посольства сохранился уникальный для русско-французской дипломатии XVII в. источник – материалы допроса посланника о причинах принятых им и его свитой решений в ходе миссии.

Поводом к отправлению посольства стало восшествие на престол Федора Алексеевича, а целями – укрепление братской дружбы и любви между

государями, поддержка со стороны Франции и Испании перемирия с Речью Посполитой, а также обсуждение торговых вопросов [8, л. 1 об.–2]. Посольство было направлено во Францию, Испанию и Англию, и сам факт посещения в первую очередь Франции был показательным для принимающей стороны, которая осталась недовольна своей второстепенной ролью в миссии 1668 г. [3, с. 611].

Во Франции русские посольства рассматривались как часть экзотических «восточных» посольств: послы принимали различные почести во всех крупных городах, которые они проезжали по пути в Париж, а также были освобождены от расходов в течение всего пребывания в стране [10, с. 75]. Отчасти формированию такого церемониала способствовали сами русские послы, так как в 1668 г. они убедили принимающую сторону в необходимости их материального обеспечения, поскольку аналогичным образом поступает царь при приеме представителей иностранных государств [11, fol. 122]. По прибытии в Кале 28 марта 1681 г. посланникам без уточнений дипломатической практики были выделены местные кареты и постоялый двор [8, л. 38 об.], а после разрешения короля к ним прибыл королевский метрдотель де ла Гард с королевскими каретами, верховыми лошадьми и повозками для посольских вещей [8, л. 39–40 об.; 11, fol. 132]. Посланники поблагодарили метрдотеля за оказанные им почести: восемь пушечных залпов, встречу местным гарнизоном и подарки от управляющих города. Однако посланники не проводили городских представителей после аудиенции, что было подмечено де ла Гардом [11, fol. 122]. Стоит отметить, что в отличие от других прибывавших во Францию «восточных» посольств (османского, сиамского и персидского) русские послы придерживались значительно большего формализма, что позволяет увидеть в их деятельности использование известных им европейских церемониальных практик [13, p. 215].

На протяжении всего посольства, исходя из полученного наказа, посланники добивались поддержания дружеских отношений с Францией, подчеркивая, что ранее с Алексеем Михайловичем у Людовика XIV была «дружба, любовь и ссылки», и объявляя, что ныне восшедший на престол Федор Алексеевич желает их возобновить [8, л. 41]. Именно это всячески подчеркивалось посланниками как основная цель миссии.

Можно выделить несколько этапов взаимодействия посланников с французскими представителями. Первый – прибытие посланников на территорию Франции и путь до Парижа. На пути в столицу они проявляли вежливость и регулярно благодарили сопровождавших за оказанную им честь со стороны короля. В городах по пути следования их встречали стрельбой из пушек, парадным строем в гарнизонах, сопровождали драгуны, с посланни-

ками встречались региональные власти, приносившие подарки [8, л. 41–42]. Посланники, принимая все это, демонстрировали благодарность за оказанные почести [8, л. 43–43 об.], особенно Потемкин оценил представленные ему швейцарские роты, которым выдал сумму в один экю, попросив сопровождавшего его дворянина разделить ее между всеми солдатами [11, fol. 122].

Второй этап дипломатической миссии был связан с подготовкой и осуществлением въезда посольства в Париж (одна из основных дипломатических церемоний во Франции при Людовике XIV) [10, с. 53]. 11 апреля к посланникам, остановившимся в Сен-Дени, прибыл посольский интродуктор де Бонней, с которым возник конфликт по поводу копии с царской грамоты: де Бонней просил ее подготовить для информирования короля о целях посольства, но посланники отказывались давать ее раньше официальной церемонии. Для укрепления своей позиции они, во-первых, отмечали, что такого не бывает ни в каких государствах, во-вторых, ссылались на события 1668 г., когда копии прежде посольства они не посылали [8, л. 45–46 об.][1].

Также дискуссию вызвал вопрос о расположении в каретах основных действующих лиц посольского въезда. Интродуктор указал, что в королевской карете поедет стольник Потемкин, слева от него, на менее престижном месте, маршал Франции Жан д'Эстре, а перед ними дьяк С. Полков и слева от него сам посольский интродуктор [8, л. 52]. Однако посланники считали, что им обоим необходимо сидеть на первом по значимости месте, так как они были присланы вместе, кроме того, в России приставы всегда сидели ниже послов. Со своей стороны де Бонней обратился к историческому прецеденту, ссылаясь на то, что в 1668 г. дьяк Румянцев ехал в отдельной карете с третьим приставом, а стольник Потемкин – справа от сопровождавшего его маршала де Бельфона[2] [8, л. 52 об.]. В ответ Потемкин подчеркнул, что Румянцев был болен, в связи с чем и ехал в отдельной карете. В итоге интродуктор объявил, что королевский указ окончательный [8, л. 53], а также подчеркнул, что д'Эстре самый великородный человек и сидеть ниже дьяка не может[3], если же дьяк не может сесть ниже, де Бонней может прислать для него отдельную карету, на что посланники согласились [8, л. 53 об.], продемонстрировав уступчивость.

---

[1] В посольстве 1668 г. сложилась аналогичная конфликтная ситуация по поводу копии царской грамоты, но русской стороне удалось добиться принятия их без отправления документа [3, с. 613].

[2] Согласно регламенту 1633 г., во время торжественного въезда посла в Париж его сопровождал маршал Франции [10, с. 76].

[3] Жан д'Эстре (1624–1707) являлся одним из наиболее известных флотоводцев Франции второй половины XVII в., что, вероятно, придавало ему особый социальный статус.

До отъезда из Сен-Дени посланники посетили местные гробницы, мощи и ризницы [11, fol. 123], подчеркнув свою приверженность общехристианским ценностям, и далее всячески стремились придерживаться церемониала. Так, маршал д'Эстре был ими встречен у кареты со всеми почестями [11, fol. 123]: Потемкин приказал подьячим и трубачам спуститься к карете, дворянам встречать рядом с нижним крыльцом, а посланникам – на самом нижнем крыльце [8, л. 54]. После приезда в Париж маршала проводили до крыльца [8, л. 57]. Все это вновь показало русское посольство в более выгодном свете, чем в 1668 г. когда этикет с крыльцом не был соблюден [3, с. 616]. Кроме того, знакомый с французским церемониалам Потемкин заранее подготовился к торжественному въезду, нанял до приезда во Францию трубачей, которым приказал трубить во время церемонии, привлекая большее внимание горожан, чем в 1668 г. [8, л. 56].

Третий этап исполнения посольской миссии заключался в посещении аудиенций короля и министров. Перед торжественной королевской аудиенцией посланники пожали руки обер-церемониймейстеру маркизу де Сенкто и капитану королевских телохранителей [11, fol. 125]. Однако на самой встрече король снимал шляпу не каждый раз, когда произносилось царское имя, что было отмечено Потемкиным, и далее король все же согласился следовать принятому в его же королевстве обычаю [8, л. 61–66]. Также королю были вручены подарки как от имени царя, так и личные от членов посольской свиты, в том числе сын Потемкина поднес персидскую ткань, оцененную в 350 руб., которую король лично похвалил [8, л. 67–67 об.; 11, fol. 127]. Решение сына посланника преподнести подарок от своего имени было поставлено под сомнение при допросе Потемкина в Посольском приказе [7, л. 31, 73], однако тот отметил, что то же самое он совершил при посольстве в 1668 г., не вызывав никаких возражений со стороны тогдашнего руководства [7, л. 87].

Новые разногласия возникли в связи с аудиенцией у министра иностранных дел Франции Ш. Кольбера де Круасси. Посланники отказались ехать к нему в тот же день после королевской аудиенции, а после отказывались без посещения короля, вновь ссылаясь на события 1668 г., согласно статейному списку [8, л. 73 об.–76]. Во французском отчете эта ситуация представлена иначе: посланники отказались идти на прием в здание, не входившее в состав Версальского дворца [11, fol. 128]. Посовещавшись около двух часов в день назначенной аудиенции, посланники согласились идти к де Круасси. В ответ на это король согласился их принять в неофициальной обстановке после прибытия в Версаль [11, fol. 129], а посланники поблагодарили его за оказанные почести [8, л. 79 об.–80].

На переговорах с де Круасси, где обсуждался русско-французской торговый проект, посланники согласились подготовить письмо с описани-

ем условий торговли в России [8, л. 81–85 об.] и сделали это на основании положений своего наказа и царской грамоты [8, л. 90]. 19 апреля министр иностранных дел приехал к посланникам в Париж для обсуждения торговых дел, особо подчеркнув, что король высоко оценил их предложения. Министр де Круасси пообещал на этот раз отправить в Россию ответное посольство, что также было оценено посланниками, пообещавшими уведомить царя о королевских планах [8, л. 91–95 об.]. Тем не менее усилия Потемкина по заключению торгового договора сочли в Посольском приказе недостаточными, срыв переговоров думный дьяк Е. Украинцев, проводивший расспрос посла, связывал с тем, что тот так и не предложил открыть транзитный маршрут для французов в Персию, оговоренный в наказе посольству [7, л. 74].

Наконец, последним этапом посольства стала подготовка к отпускной аудиенции и получение королевской грамоты. В присланной 30 апреля латинской копии ответной грамоты посланники отметили неправильный порядок именования короля, а также то, что царские титулы скопированы со старой французской грамоты к царю Алексею Михайловичу [8, л. 95а об.]. Посланники отказывались идти на отпускную аудиенцию без правильно написанных царских титулов, но, под угрозой вовсе лишиться аудиенции, были вынуждены согласиться. Потемкин аргументировал это опасениями испортить отношения с высоко вознесшимся на международной арене королем [8, л. 96–108 об.].

На отпускной аудиенции посланники поблагодарили короля за достойный прием с момента пересечения ими границ королевства, пообещав, что расскажут об этом царю. Перед завершением церемонии посланники поцеловали королевскую руку и получили ответную грамоту для царя [8, л. 110; 11, fol. 129]. В ней не оказалось титула «великого государя», который Потемкин и Полков настоятельно просили написать «по достоинству», как это было в грамоте к царю Алексею Михайловичу, и отказывались покидать Францию без правильно оформленного документа. Однако, опять же опасаясь испортить отношения с Людовиком XIV, после длительных споров приняли грамоту [8, л. 112–115 об.]. Решение принять ее не из рук монарха также показалось руководству Посольского приказа противоречащим задачам посольской миссии [7, л. 35]. Потемкин в допросных речах аргументировал свой поступок нежеланием поссорить царя с королем из-за одного неправильного титула, обращая внимание на то, что в наказе 1668 г. запрещалось принимать грамоту только без титулов «царь» и «самодержец», которые здесь присутствовали [7, л. 86].

Помимо использования церемониальных элементов Потемкин также старался повысить престиж царя через неформальные разговоры с француз-

ским придворными. Например, маршалу д'Эстре рассказал о 300-тысячной царской армии, которая ранее противостояла султану во время Чигиринских походов. Маршалом было оценено использование общехристианской риторики в противостоянии внешнему врагу, в связи с чем он отметил необходимость дружеских отношений, чтобы султан опасался христианского мира [8, л. 102–103 об.]. Также посланники посетили сады и фонтаны Версаля [11, fol. 130], выказав уважение королевскому проекту дворца.

Таким образом, можно подтвердить вывод одного из ведущих современных французских специалистов по истории русской дипломатии раннего Нового времени М.-К. Шоб о меньшей «курьезности» русских посольств в сравнении с посольствами других восточных стран [13, p. 215]. События 1681 г. позволяют прийти к выводу о готовности русских послов быть частью европейской системы международных отношений и «общества князей», принимавших и использовавших европейские нормы дипломатии для достижения своих целей. При этом, как показывает сравнение с посольством 1668 г., русские посланники переосмыслили полученные знания, встречали и провожали французских представителей по всем нормам церемониала, нанимали трубачей для большей грандиозности при въезде в Париж, снимали шляпы и здоровались за руки с французскими представителями. Использование европейских норм помогало посланникам получать признание во Франции и добиваться определенных результатов, отразившихся в подготовке де Круасси ответного посольства в 1683 г. Однако излишне свободные нравы посланников (например, решение дарить подарки от своего имени наряду с царскими) вызывали нарекания со стороны руководства Посольского приказа, вероятно, стремившегося к созданию более однонаправленной системы дипломатии, в меньшей степени зависимой от решений отдельного посла.

Список источников и литературы

1. *Безобразов П.В.* О сношениях России с Францией. М: Университетская типография, 1892. 468 с.

2. *Берелович А., Назаров В.Д., Уваров П.Ю.* Как издавали записки Маржерета // Маржерет Ж. Состояние Российской империи: Ж. Маржерет в документах и исследованиях: тексты, комментарии, статьи. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 16–41.

3. Дневник г. Кате, кавалерийского полковника и придворного дворянина, о Московитах, прибывших во Францию в 1668 г. // Русский вестник. 1863. Т. 47. С. 610–620.

4. Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого: Биографический словарь выходцев из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойи: 1682–1727 / под ред. В.С. Ржеутского. М.: Ломоносов, 2019. 800 с.

5. *Козулин В.Н.* Зарождение русско-французских отношений и первые представления русских о Франции (конец XVI – начало XVII в.) // Известия АлтГУ. 2016. № 2 (90). С. 78–86.

6. *Преображенский В.Д.* Франко-русские отношения в XVI–XVII вв. Ч. 2. // Ярославский пед. ин-т. Уч. зап. Вып. 9. 1947. С. 4–17.

7. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1.

8. РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Д. 7.

9. *Седов П.В.* Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб: Дмитрий Буланин, 2006. 604 с.

10. *Шикуло М.И.* Дипломатический церемониал как способ репрезентации королевской власти во Франции второй половины XVII – начала XVIII в.: дис. … канд. ист. наук. М., 2016. 277 л.

11. Arch. du ministere des affaires étrangères. Correspondence Politique. Russie. Vol. 01.

12. *Bély L.* La société des princes. Paris: Fayard, 1999. 651 p.

13. *Hennings J.* Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725. N.Y.: Cambridge University Press, 2016. 297 p.

14. *Schaub M.-K.* Comment régler des incidents diplomatiques? Diplomates russes et français au XVIIe siècle // L'incident diplomatique (XVIe–XVIIIe siècle). Paris: Éditions A. Pédone, 2009. P. 323–343.

УДК 930.2

И.А. Устинова[1]

К вопросу о выборе кандидатуры Стефана (Яворского) на пост местоблюстителя патриаршего престола в 1700 г.

Аннотация. В статье рассматриваются обстоятельства прибытия Стефана (Яворского) в Москву в конце XVII в., позиция духовных и светских властей относительно поставления Стефана (Яворского) на Рязанскую кафедру, собственное отношение кандидата к этому назначению и его конфликт с патриархом Адрианом, сопротивление хиротонии во епископа Рязанского. На основе восстановленной хронологии событий сделан вывод о том, что поставление Стефана было осуществлено под сильным давлением царя при недовольстве высшего духовенства. В статье показано, как в этих обстоятельствах кандидатура Стефана стала оптимальной для роли местоблюстителя патриаршего престола после смерти патриарха Адриана.
Ключевые слова: Стефан (Яворский); местоблюститель патриаршего престола; патриарх Адриан; Петр I; Русская православная церковь.

On the reasons of placing Stefan (Yavorsky) to the post of mestoblyustitel' of the patriarchal throne in 1700

Abstract. The article discusses the circumstances of the arrival of Stefan (Yavorsky) in Moscow at the end of the XVII century, opinions of spiritual and secular authorities regarding his appointment to the Ryazan cathedra, the candidate's own attitude to it and his conflict with Patriarch Adrian arousing from the resistance to consecration to the bishop of Ryazan. On the basis of the reconstructed chronology of events, it is concluded that the appointment was carried out under strong pressure from the Tzar, with the displeasure of the higher clergy. The article shows how, in these circumstances, the candidacy of Stefan became optimal for the role of mestoblyustitel′ of the patriarchal throne after the death of Patriarch Adrian.
Keywords: Stefan (Yavorsky); locum tenens of the patriarchal throne; Patriarch Adrian; Peter I; Russian Orthodox Church.

Вопрос о выборе кандидатуры Стефана (Яворского) для руководства Русской церковью в отсутствие патриарха довольно подробно анализировался в историографии. И.К. Смолич справедливо отметил, что Стефан «был для церковных кругов Москвы человеком новым и чужим. Он принадле-

[1] **Ирина Александровна Устинова** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории РАН (Москва, Россия), e-mail: ilustinova@yandex.ru.
Irina A. Ustinova – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Centre of the History of Russian Feudalism, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

жал к выходцам из Малороссии, которых на Москве не слишком жаловали и православность которых была под большим сомнением» [14, с. 72]. Это, по мнению многих исследователей проблемы, и стало одной из причин выбора кандидатуры Стефана царем [15; 17; 19]. Однако важным представляется обстоятельство, на которое до настоящего времени обращалось мало внимания, – с первых дней своего пребывания в Москве в начале 1700 г. Стефан фактически стал царским заложником. История его переезда в Москву показательна для объяснения причин выбора его кандидатуры на пост местоблюстителя патриаршего престола. Обратимся к ней.

Помощник Киевского митрополита Варлаама (Ясинского), игумен Никольского Пустынного монастыря (с 1697 г.) Стефан нередко бывал в Москве по делам Киевской митрополии. Очередная его поездка началась в январе 1700 г., когда он прибыл в столицу с письмом от митрополита Варлаама (Ясинского) патриарху Адриану. Митрополит просил учредить Переяславскую епархию и поставить на нее епископом Стефана (Яворского) или Захария (Корниловича) (который также был отправлен в Москву) [16, с. 531]. Стечением обстоятельств 2 февраля 1700 г. Стефан был приглашен произносить проповедь на похоронах боярина А.С. Шеина. Царь, слышавший проповедь, был ею весьма впечатлен и распорядился оставить Стефана в Москве [3, с. 893]. Патриарх Адриан сообщил об этом решении в Киев: «игумен... Стефан Яворский по указу царского… величества... оставлен зде в царствующем граде, в служение церковное, в коем достоинстве Господь Бог быти повелит» [2, с. 146]. Место для Стефана было найдено быстро – уже 24 февраля 1700 г. из Москвы в Рязань прибыл иподьякон Алексей Григорьев и передал Рязанскому митрополиту Авраамию распоряжение царя, благословленное патриархом: «тебя… за старость и за очную скорбь твою от архиерейства отставить, и ити в монастырь тебе в келью» [3, с. 894]. В ходе дальнейшей переписки между патриархом и митрополитом уже к 8 марта Авраамию был определен для жительства московский Заиконоспасский монастырь, велено взять на свои нужды из казны 500 руб., а остальную архиерейскую казну запечатать и передать в ведение казначею Гедеону Гундорову, да выслать к Москве архиерейскую ризницу [3, с. 894–895].

Рассмотрев обстоятельства этого дела С.Н. Введенский пришел к выводу, что «удаление митрополита Авраамия с кафедры было отнюдь не добровольное. Это был не уход, а увольнение» [3, с. 895]. Представляется, что такую оценку ситуации косвенно подтверждает и тот факт, что Авраамий просил определить монастырь для его будущего жительства патриарха. Если бы он просился на покой сам, то, вероятнее всего, уже имел бы собственные предпочтения в этом вопросе. Ризница рязанского владыки была отправлена в Москву 11 марта, но сам Авраамий оставался в Рязани

(вероятно, в Солотчинском монастыре [16, с. 534–535]). Впоследствии он переехал в Москву и жил в Знаменском монастыре до своей смерти в 1708 г. Примечательно, однако, что официальная версия ухода Авраамия с кафедры, описанная в настольной грамоте Стефана, выглядит иначе. В ней сообщается, что Авраамий «престол за немощию своею остави и пойде в монастырь Солочинский обитати» [3, с. 897; 9, с. 160–161], а сама отставка состоялась только после многократных слезных просьб владыки со ссылкой на сильное нездоровье.

Дальнейшее развитие событий приняло несколько неожиданный оборот. В письме от 17 марта 1700 г., адресованном царю, Адриан сообщал: «Егда твое величество благоволи еси… меня, старца немощна, посетити и притом изволил глаголати: еже бы Киевскаго Николаевскаго монастыря игумена Стефана Яворскаго (иже прислан в царствующий град от Киевскаго Варлаама митрополита в делех своих их просительных) зде, в Великороссийской стране где прилично, не в дальнем разстоянии от Москвы в епархию посвятити во архиереи, и наша мерность о том тщание имехом. И сего ради… ему игумену из Москвы в Киев ехати не велено по указу, донелиже обыщется, где место архиерейства праздное и приличное. И нынешняго 1700 г. марта в первых числех митрополит Авраамий Рязанский порученнаго ему престола правительство за немощию своею остави и пойде в монастырь Солочинский обитати; и мы велевше оттуду приехати с ризницею по обычаю к Москве, велели ему игумену Стефану сказать, что по твоему… указу и нашея мерности архипастырскому благословению, имать он быти митрополит Рязанский». Как следует далее из письма, Стефан обращался к патриарху с просьбой разрешить ему съездить в Киев: «И он *нам скуча много* [курсив авт. – *И.У.*] челобитьем своим, чтобы его ныне отпустити в Киев токмо побывать ради нужд его, и весною хоте, управився тамо, приехати» [16, с. 534–535]. Известно, что Стефан с сопровождением оказался в бедственном положении, поскольку не рассчитывал задерживаться в столице. За помощью ему пришлось обращаться в Посольский приказ к Ф.А. Головину [3, с. 893].

Примечательно, что подобные методы обращения с архиереями Петр I применял и в дальнейшем. Так, в августе 1720 г. архиепископ Черниговский Антоний (Стаховский) был вызван в Санкт-Петербург по духовному делу, а во время его пребывания в столице было принято решение о переводе владыки митрополитом на Сибирскую кафедру. Уже из Тобольска Антоний писал властям с просьбой выдать деньги на транспортировку своих вещей из Чернигова, поскольку выезжал он очень спешно, «когда имянным царского пресветлаго величества указом зван был в Санкт-Питер-Бурх, велено было мне выдать из Киевской губернии прогонныя деньги от Чернигова до

Москвы и от Москвы до Санкт-Питер-Бурха, и тогда не дано, для того что я предварил указ той выездом своим в Москву» [11, с. 40–41]. А 23 декабря 1715 г. последовал указ из Сената Стефану, «чтобы он прибыл из Москвы в Санкт-Питер-Бурх с ризницей и певчими для посвящения в Вологодскую и Астраханскую епархии архиереев» [7, с. 10]. В 1718 г. Стефан в очередной раз был вызван в Санкт-Петербург (спешно, со всеми присутствующими архиереями, по делу царевича Алексея Петрович), где вскоре узнал, что отныне он в Москву не вернется и будет жить в новой столице [13, с. 87].

Аналогичным образом патриархом была отвергнута и просьба Стефана о выезде в Киев. Адриан потребовал от него уже 15 марта к утру быть готовым к наречению в рязанские митрополиты: «Во утрии же в 16 день, егда архиереи… на нарицание в Крестовую нашу полату собрашася, и абие по него на подворие Малороссийское послахом и послании его на подвории не обретоша и сказаша, яко он уеде в Донской монастырь». Туда за ним дважды посылали и «велехом его взяти», но он всячески отказывался от архиерейства и не поехал на собор «и введе во оскорбление неповиновением своим». Тогда патриарх приказал из Донского монастыря Стефана не выпускать до царского указа, о чем и просил у царя разрешения в письме от 17 марта [16, с. 534–535].

Обстановка в патриаршем окружении 16 марта 1700 г. накалилась до предела. Среди архиереев, собравшихся на поставление Стефана, присутствовал митрополит Сибирский Игнатий (Римский-Корсаков). Он прибыл в Москву 12 февраля 1700 г. для «чередного служения». Во время ожидания новопоставляемого в патриаршей Крестовой палате разразился конфликт, в ходе которого Игнатий оскорбил патриарха и представителей епископата, после чего был заточен в Чудов монастырь. В литературе нет однозначного ответа на вопрос, что стало истинной причиной конфликта. А.П. Богданов указал, что Игнатий, известный противник пролатинской партии, выступал против поставления киевлянина Стефана в рязанские митрополиты [1, с. 386–387].

Косвенно в пользу этой версии свидетельствует и случай 1690 г. Во время патриарших выборов одним из кандидатов на престол был Псковский архиепископ Маркелл, также известный своей широкой ученостью. По свидетельству Патрика Гордона, Игнатий (Римский-Корсаков), на тот момент архимандрит Новоспасского монастыря, подал «вдовствующей королеве [Наталье Кирилловне. – *И.У.*] писание, обвиняя его [Маркелла. – *И.У.*] по многим пунктам и даже в ереси», но Петр I, «пребывая твердо за него [Маркелла. – *И.У.*], удалился со старшим царем [Иваном Алексеевичем. – *И.У.*] и всем двором в Коломенское». Основную опасность противники Маркелла видели в том, что у него «много учености, а оттого… он станет жаловать католическую и другие религии» [4, с. 21].

Согласно другой популярной версии, Игнатия неожиданно поразил какой-то припадок, вследствие чего он повредился умом [10, с. 533–534; 18, с. 168]. С точки зрения современного исследователя биографии митрополита Игнатия Н.И. Никулина, имела место какая-то случайная ссора в Крестовой палате патриарха [6, с. 143–144]. В независимости от причин произошедшего представляется, что данная ситуация отражает весьма напряженную обстановку в среде епископата в рассматриваемый период, разрядке которой совсем не способствовало открытое сопротивление Стефана поставлению в Рязань.

О событиях 16 марта патриарх уже на следующий день письменно уведомил царя, однако ответа не получил. Спустя две недели (1 апреля 1700 г.) Адриан обратился с письмами к Т.Н. Стрешневу, Ф.А. Головину, Н.М. Зотову и кн. А.Д. Меньшикову с просьбами помочь в получении царского распоряжения [2, с. 153–154; 16, с. 537–538]. Из писем следует, что Стефан продолжал в эти дни быть в Донском монастыре. Кроме того, Адриан спрашивал решения и о судьбе митрополита Игнатия (Римского-Корсакова), который «за неисправление свое ныне в Чюдовом монастыре живет под началом» [2, с. 153]. В тот же день Стефан написал царю «объяснительную» своего поступка. Отказ занять рязанскую кафедру он мотивировал тем, что «та епархия… имеет еще в живых своего архиерея, а правила святых отец отнюдь не повелевают, живу сущу архиерею, иному касатися епархии, ибо таково дело есть духовное прелюбодеяние» [12, с. 277]. Интересно отметить, что подобные аргументы в похожих ситуациях высказывались в Русской церкви как минимум дважды за предшествовавшие полстолетия. Так, на суде над патриархом Никоном в 1666 г. одним из обвинений в его адрес стало занятие новгородской кафедры при живом митрополите Аффонии [5, с. 353]. А чуть ранее, в 1663 г., Суздальский архиепископ Стефан, переведенный из-за конфликта с местным духовенством в Архангельский собор Московского кремля, оставил новое место своего служения, за что и предстал перед церковным судом. Стефан объяснялся тем, что «невозможно двема архиереом во едином граде быти, а седе я от своего престола, к которому исперва поставлен во град Суздаль, и от тех градских людей возненавиден и изгнан бысть, и тоя ради скорби никогда в ней во Архангельской церкви с чистою совестию не служил, и вперед в тоя церкви за тем же не могу служить до совершеннаго собора» [8, стб. 99–100]. Во всех трех рассмотренных случаях в решении вопроса о занятии кафедры принимала участие светская власть.

Наконец, 7 апреля 1700 г. ситуация разрешилась, и Стефан (Яворский) был поставлен в митрополиты Рязанские [12, с. 276]. Развитие событий февраля – апреля 1700 г. показывает, что, независимо от наличия симпа-

тии царя к Стефану, последний был буквально насильно оставлен в Москве и принужден занять место, определенное ему царем. Сопротивление будущего митрополита было довольно быстро сломлено. Такая модель взаимоотношений в полной мере описывает и все дальнейшее взаимодействие этих лиц на протяжении 20 лет (1701–1721) до создания Святейшего Синода.

История поставления Стефана на Рязанскую кафедру может объяснить выбор царем его кандидатуры на пост местоблюстителя патриаршего престола. С одной стороны, свою роль здесь сыграла западная образованность и литературный талант Стефана, который Петр I мог лично оценить на похоронах Шеина. С другой стороны, Стефан был чужаком в Москве, не имевшим финансовой опоры, а также поддержки со стороны епископата (об этом свидетельствует неприязненный тон писем патриарха Адриана и конфликт 16 марта 1700 г.). Наконец, еще накануне поставления в митрополиты Стефану были продемонстрированы широкие возможности давления как со стороны царя, так и со стороны патриарха. Все это, как представляется, делало Стефана уникальной, не имевшей конкуренции кандидатурой для управления Русской церковью (и Патриаршим домом), входившей в водоворот административных и экономических преобразований.

Список источников и литературы

1. *Богданов А.П.* Русские патриархи 1589–1700. Т. II. М.: ТЕРРА: Республика, 1999. 414 с.

2. *Браиловский С.Н.* Один из пестрых XVII-го столетия: Историко-литературное исследование. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1902. 494 с.

3. *Введенский С.Н.* К биографии митрополита Стефана Яворского // Христианское чтение. 1912. № 7–8. С. 909–919.

4. *Гордон П.* Дневник 1690–1695 гг. / пер. с англ. Д.Г. Федосова. М.: Наука, 2014. 618 с.

5. *Макарий (Булгаков), митр. Московский.* История русской церкви. Кн. 7. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. 672 с.

6. *Никулин И.А., свящ. Преосвященный Игнатий (Римский-Корсаков), митрополит Сибирский и Тобольский.* Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2015. 312 с.

7. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. Т. 1. СПб.: Синодальная типография, 1868. 103 с., 1252 стб.

8. Отдел рукописей Государственного исторического музея (ОР ГИМ). Син. грам. 1085.

9. *Пискарев А.Н.* Древние грамоты и акты Рязанского края. СПб.: В.А. Терсков, 1854. 171 с.

10. *Покровский И.М.* Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы: Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Т. 1: XVI–XVII вв. Казань: Типо-лит. Ун-та, 1897. 602 с.

11. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. 1: 1721. [Б.м.]: [Б.и.], 1869. 406 с.

12. *Рункевич С.Г.* Из истории Русской Церкви в царствование Петра Великого // Христианское чтение. 1900. № 2. С. 232–304.

13. *Рункевич С.Г.* История русской церкви под управлением Святейшего синода. Т. 1. СПб.: Тип. А.П. Лопухина, 1900. 429 с.

14. *Смолич И.К.* История русской церкви 1700–1917 // *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. Кн. 8. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. 798 с.

15. *Устинова И.А.* Кадровая политика Петра I в отношении высшего духовенства // Петр Великий: исследования и открытия. К 350-летию со дня рождения: материалы Межд. науч. конф. «Значение преобразований Петра в новой и новейшей истории России» (Москва, 17–19 мая 2022 г.) / отв. ред. В.Н. Захаров. М.: ИРИ РАН, 2022. С. 690–697.

16. *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. 3. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1858. 662 с.

17. *Харлампович К.В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань: М.А. Голубе, 1914. 878 с.

18. *Шляпкин И.А.* Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709 гг.). СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншель, 1891. 581 с.

19. *Ivanov A.I.* A spiritual Revolution: The Impact of Reformation and Enlightenment in Orthodox Russia. Wisconsin: The University of Wisconsin Press, 2020. 367 p.

УДК 93/94

А.С. Севостьянов[1]

Пенсионное обеспечение служащих Посольского приказа в начале XVIII в.

Аннотация. Тема социальной политики государства и пенсионного содержания граждан занимает важное место в современном Российском обществе. В мире существуют различные системы пенсионного обеспечения, каждая из которых имеет свою историю возникновения и особенности формирования. Настоящее исследование поднимает малоизученную тему истоков пенсионного содержания в России. В статье анализируется политика государства по социальному обеспечению служащих главного внешнеполитического органа начала XVIII в. – Посольского приказа. Автор вводит в научный оборот документ, позволяющий предположить, что в указанный период в данном учреждении уже существовала система пенсионного обеспечения сотрудников.

Ключевые слова: Посольский приказ; пенсионная система; Петр I; служащие государственных учреждений; социальная защита.

Pension maintenance of employees of the Ambassadorial Prikaz at the beginning of the XVIII century

Abstract. Social policy of the state and pension maintenance of its citizens occupies an important place in modern Russian society. There are various pension systems in the world, each of which has its own history of origin. The present study raises the little-studied topic of the origins of pension maintenance in Russia. The article focuses on the employees of the main foreign policy body of the Russian state – the Ambassadorial Prikaz – at the beginning of the XVIII century and the state policy on their social security. The purpose of this article is to introduce the document that allows us to make an assumption that this institution had a system of pension provision for its employees by the end of XVII century already.

Keywords: Ambassadorial Prikaz; pension system; Peter I; employees of state institutions; social protection.

В современном обществе пенсионное обеспечение граждан является важным элементом социально-экономической стабильности государства, что актуализирует изучение предпосылок и обстоятельств зарождения этого института в России. В центре внимания настоящей статьи пенсионное обеспечение служащих Посольского приказа начала XVIII в., а именно на-

[1] **Алексей Сергеевич Севостьянов** – научный сотрудник, исполняющий обязанности заведующего отделом, Усадьба Костино, Музейное объединение Музеи наукограда Королев (Королев, Россия) e-mail: sev0styanov.a@yandex.ru.

Alexey S. Sevostyanov – Researcher, Acting Head of the Department, Kostino Manor, Museum Association Museums of the Korolev Science City (Korolev, Russia).

значение им денежного содержания при выходе в отставку. Источниковой базой послужили финансовые делопроизводственные материалы Посольского приказа из фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА). В частности, в научный оборот вводится документ, позволяющий предположить, что к началу XVIII в. существовали не единичные случаи назначения пособий, как принято считать, а уже сформировалась система пенсионных выплат служащим.

Современные исследователи относят появление пенсионного обеспечения государственных служащих ко времени правления Петра I. Первые случаи пожалования пенсий относились к военным, сухопутным и морским чинам, выходившим в отставку по старости или вследствие ранения. Гражданским служащим они стали назначаться при преемниках Петра I. Историк И.Г. Дуров, рассматривая пенсионное обеспечение военных и статских чинов в XVIII в. [4; 5; 6], показал, что при Петре I офицеры армии и флота после отставки переходили на штатские должности и гарнизонную службу, назначались помощниками воевод – эти меры были направлены на решение проблемы содержания отставных военных. Дуров установил, что минимальный размер пенсии составлял половину денежного жалования по последнему воинскому чину до выхода в отставку [4, с. 43]. Кроме того, он уделил внимание процессу становления пенсионного обеспечения гражданских чинов во второй половине XVIII в. [4, с. 83].

Материальное обеспечение служащих Посольского приказа рассматривали Б.А. Куненков, А.В. Беляков, Н.М. Рогожин и А.Г. Гуськов. В исследовании Куненкова, охватывающем период правления Михаила Федоровича (1613–1645 гг.), приводятся примеры поддержки служащих в случае пожаров [7, с. 127, 213]. В работе Белякова социальная поддержка служащих Посольского приказа в 1645–1682 гг. рассмотрена в комплексе с жалованием; выявлены разного рода выплаты: при пожаре, на покупку платья, постройку дома, свадьбу, похороны, лечение [2, с. 64–72]. В монографии Рогожина также уделено внимание выплатам пособий на «избное строение» (зависело от оклада и местности, из которой лицо призывалось на службу), на «пожарное разорение», на свадьбу, лечение (выявлен один случай в 1672 г.), вдовам [8, с. 152–153, 156]. В статье Гуськова на примере служащих Посольского приказа рассмотрены формы социальной защиты, существовавшие во второй половине XVII в. [3, с. 695–699]. Впервые выявлены единичные случаи назначения пенсионного содержания в 1678 и 1703 гг. [3, с. 697], а также установлен размер выплат вдовам, составлявший половину или треть кормовых денег умершего кормильца. Указанные историки внесли весомый вклад в изучение социальной поддержки служащих Посольского приказа, однако эта проблематика требует дальнейшего исследования с привлечением архивных материалов.

Посольский приказ являлся главным внешнеполитическим органом государства. В начале XVII в. его возглавляли заметные царедворцы своего времени, ближайшие сподвижники Петра I – боярин Ф.А. Головин, руководивший учреждением до своей кончины в 1706 г., и сменивший его граф Г.И. Головкин. В штате приказа трудились опытные специалисты, хорошо владевшие иностранными языками и разбиравшиеся в зарубежных делах. С конца XVII в. после прихода к власти Петра I порядок работы приказа постепенно приобретал новые черты.

В начале XVIII в. возросли объемы переписки Посольского приказа как с другими учреждениями, так и со своими отделами и резидентами при иностранных дворах. Рост документооборота связывается с выездом из столицы главы государства и судьи приказа. При Петре I постоянно находилась часть сотрудников приказа, составлявшая штат Посольской походной канцелярии, куда из столицы доставлялась масса документов. Кроме дипломатических бумаг на рассмотрение к монарху и судье приказа регулярно поступали выписки из решаемых приказом дел, в том числе по финансовым и кадровым вопросам (определение размера средств на окладные и неокладные расходы, назначение на должности и т.п.). Обнаруженное в РГАДА «Расписание о выдаче годового жалования Посольскому приказу и иным принадлежащим к нему приказам» 1706 г. является одним из таких документов. Рассмотрим подробнее его содержание.

В начале документа помещен список всех служащих Посольского приказа и подчиненных ему учреждений с указанием их местонахождения и размера жалования [11, л. 1–10]. Этот список был составлен в результате издания указа «Об убавке половины окладов у служащих Посольского приказа по причине Русско-шведской войны» [11, л. 1] и фиксировал имена тех, кому жалование сохранялось в полном объеме, а кому сокращалось. Вместе с ним на утверждение была представлена итоговая сумма, необходимая на выплату полного и половинного жалования в каждом из учреждений [11, л. 10–12 об.].

Анализируемый документ позволяет предположить, что в начале XVIII в. в Посольском приказе уже существовала практика назначения пенсионного содержания служащим, выходившим в отставку по старости: «Нынешнего году в Посольском приказе за старостью отставлены 1 человек переводчик, 8 человек толмачей, о которых выписано к великому царю в докладе особо, что им давать указано будет для пропитания». Далее подьячий, делавший выписку, привел сведения об этих служащих (имена и размер жалования): «А в даче им было годового жалования: переводчик Павел Кулдинский 113 руб., толмачи Тахтаралей Багинин 21 руб. с полтиною, Леонтий Постников 51 руб. с полтиною, Иван Никитин 50 руб. с полтиною,

Тарас Иванов 43 руб. 8 алт. 2 деньги, Данила Леншин 28 руб. 8 алт. 2 деньги, Афанасий Постригиев 28 руб. 8 алт. 2 деньги, Родион Брескулов 28 руб. 8 алт. 2 деньги, Зот Чегодарев 28 руб. 8 алт. 2 деньги. Всего 9 человек, 432 руб. 24 алт. 4 деньги» [11, л. 13 об.]. Источник не сообщает размер пенсии, однако позволяет увидеть механизм ее назначения и указывает на то, что размер содержания зависел от размера жалования. Впервые обнаружено, что и толмачи могли претендовать на пенсию.

В историографии известны два случая пожизненного содержания служащих Посольского приказа, отставленных по старости: переводчика Ефима Фентурова (1678 г.) и подьячего Максима Алексеева (1703 г.) [3, с. 697]. Эти сведения вкупе с приведенным выше документом дают основание предположить, что в самом начале XVIII в. практика социальной поддержки служащих Посольского приказа эволюционировала в некое подобие системы пенсионного обеспечения.

Как уже было сказано, размер пенсии зависел от размера жалования. В связи с чем остановимся подробнее на особенностях материального обеспечения служащих приказа. В начале XVIII в. жалование подьячих, переводчиков, толмачей, золотописцев складывалось из различных статей (это могли быть денежные и натуральные выплаты) и зависело от исполняемых обязанностей и обстоятельств службы (к примеру, служащий, отправившийся в военный поход или дипломатическую поездку, получал иное содержание, нежели тот, кто занимал аналогичную должность, но работал безвыездно в приказе). Категории выплат за приказную службу сложились во второй половине XVII в. Основой жалования был годовой оклад, его размер служил индикатором внутренней иерархии среди служащих приказа, от него зависели некоторые категории натуральных выплат.

Тяжелое финансовое положение, вызванное начавшейся Северной войной, требовало строгого соблюдения штатных расписаний учреждений. Прием на службу в Посольский приказ допускался только при наличии свободных окладных мест. Из «убылых» окладов выплачивали прибавки к жалованию служившим лицам. Повышение оклада было возможно по выслуге лет, в качестве поощрения за добросовестную службу, частые заграничные поездки. Размер прибавки определялся на основе прецедентов.

О размерах жалования служащих Посольского приказа можно судить, опираясь на финансовые документы ведомства (окладные книги, приходно-расходные ведомости, счетные списки приказа и Посольской походной канцелярии). Упоминания об окладе встречаются и в прошениях (челобитьях) служащих, касавшихся разных вопросов, связанных с выплатой жалования. В ходе настоящего исследования удалось обнаружить сведения о жаловании переводчиков и толмачей Посольского приказа в начале XVIII в.

У переводчиков и толмачей существовало внутреннее деление на статьи (всего их было три). От причисления к той или иной статье зависел размер оклада и кормовой выплаты. Новичные оклады толмачей: 1 статья – 15 руб., кормовые 2 алт., итоговая сумма жалования в год (оклад с кормовой выплатой) составляла 40 руб. 20 алт.; 2 статья – 13 руб., кормовые 2 алт., итоговая сумма – 34 руб. 31 алт.; 3 статья – 10 руб., кормовые 1 алт., итоговая сумма – 28 руб. 8 алт. [10, л. 2].

Сведения из рассмотренного ранее документа об отставке переводчика и восьми толмачей свидетельствуют, что четверо толмачей (Данила Леншин, Афанасий Постригиев, Родион Брескулов, Зот Чегодарев) за время службы в Посольском приказе прибавок к окладу не получали и сохранили за собой начальную третью статью. Тахтаралей Багинин был переводчиком, но переведен в толмачи; возможно, в связи с этим сумма его жалованья весьма скромная. Павел Кулдинский являлся переводчиком калмыцкого, монгольского и тангутского языков; до 1706 г. его оклад составлял 40 руб., в 1706 – 48 руб. 16 алт. [1, с. 262]; по сведениям на 1702 г., его кормовая выплата равнялась 6 алт. 4 деньгам [9, л. 2 об.]. Это имя встречается в финансовых документах приказа 1709 и 1712 гг., в которых зафиксирован оклад 56 руб. 16 алт. [12, л. 1 об.].

Подводя итог, отмечу, что проанализированный в статье документ позволяет предположить наличие системы пенсионного обеспечения служащих Посольского приказа в начале XVIII в. Это согласуется и с данными, представленными в научной литературе. Однако заявленная проблема требует дальнейшего исследования с целью выявить точные сведения о размерах выплат, начислявшихся при выходе в отставку.

Список источников и литературы

1. *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю. М.: Индрик, 2021. 304 с.

2. *Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб.: Нестор-История, 2017. 368 с.

3. *Гуськов А.Г.* Формы социальной защиты во второй половине XVII в. (на примере служащих Посольского приказа и членов их семей) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. М.: Изд-во Московского университета, 2019. С. 695–699.

4. *Дуров И.Г.* Пенсионное обеспечение отставных военных и статских чинов, служивших в центральных, губернских и уездных учреждениях Российской империи в XVIII в. // Меньшиковские чтения – 2016: научный альманах. Вып. 7. СПб.: Изд-во «XVIII век», 2016. С. 42–102.

5. *Дуров И.Г.* Пенсии, пожалованные Петром Великим неимущим отставным офицерам, обеспечили ветеранам достойную старость. // Меньшиковские чтения – 2014: научный альманах. Вып. 5. СПб.: Изд-во «XVIII век», 2014. С. 78–123.

6. *Дуров И.Г.* Пенсионное обеспечение армейских и флотских кавалеров Российских орденов в XVIII в. // Меньшиковские чтения – 2017: научный альманах. Вып. 8. СПб.: Изд-во «XVIII век», 2017. С. 51–77.

7. *Куненков Б.А.* Посольский приказ в 1613–1645 гг.: структура, служащие, делопроизводство: автореф. дис. … канд. ист. наук. Брянск., 2007. 18 с.

8. *Рогожин Н.М.* Посольский приказ: Колыбель русской дипломатии. М.: Международные отношения, 2003. 432 с.

9. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 138. Оп. 1. 1702 г. Д. 49.

10. РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1704 г. Д. 3.

11. РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1706 г. Д. 44.

12. РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1712 г. Д. 39.

УДК 94(47).07

О.А. Плех[1]

Социальные гарантии гражданских служащих в последней четверти XVIII – первой половине XIX в.

Аннотация. В статье рассматривается процесс становления системы социальных гарантий гражданских служащих в Российской империи в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. Предпринята попытка проанализировать законодательство, регламентировавшее порядок выплаты жалования, материальное поощрение за добросовестный труд, компенсацию расходов, понесенных в ходе исполнения должностных обязанностей, продолжительность рабочего времени и время для отдыха, выход в отставку и получение пенсии. Автор приходит к выводу, что на развитие системы социальных гарантий непосредственное влияние оказывали изменения, происходившие в области формирования кадрового состава государственной службы.
Ключевые слова: гражданская служба, чиновничество, канцелярские служители, законодательство, Российская империя.

Social guarantees for civil servants in the last quarter of the 18th – first half of the 19th centuries

Abstract. The article analyzes the formation of the system of social guarantees for civil servants in the Russian Empire during the last quarter of the 18th – the first half of the 19th century. It considers the legislation regulating the procedure for paying salaries, material incentives for conscientious work, compensation for expenses incurred in the course of the performance of official duties, working hours and resting time, retirement and receiving a pension. The author comes to the conclusion that the development of this system was directly influenced by the changes that took place in the field of the civil service's personnel recruitment.
Keywords: civil service; officialdom; clerical servants; legislation; the Russian Empire.

Гарантии государственных служащих – важный элемент кадровой политики, выступающий, с одной стороны, фактором повышения эффективности государственного управления и стимулирования профессиональной деятельности, с другой – способом обеспечения социальной и правовой защищенности [15]. В современной России государственные гарантии, закрепленные Федеральным законом «О государственной гражданской службе

[1] **Олеся Анатольевна Плех** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра «История России XIX – начала XX вв.» Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: plekh@mail.ru.
Olesya A. Plekh – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Российской Федерации» (гл. 11), признаются главным условием формирования необходимой мотивации служащих. Но если сегодня мы видим разветвленную систему гарантий[1], то применительно к последней четверти XVIII – первой половине XIX в. можно вести речь лишь о ее зарождении и становлении.

Правовое обеспечение государственной службы в Российской империи дореформенного периода неоднократно привлекало внимание исследователей (в большей степени юристов, в меньшей – историков), однако по сей день эта, по сути, междисциплинарная тема остается недостаточно изученной[2]. Пожалуй, наиболее глубокий ее анализ представлен в дореволюционных публикациях, авторы которых попытались проанализировать исторический опыт правового регулирования отношений между государством «и теми лицами, которые служат его агентами и проводят в действительную жизнь его волю» [18, с. I]. Особо следует отметить труды правоведа Н.К. Нелидова, в которых отмечалось, что государственная служба имеет двойственный характер и ее основополагающие начала должны учитывать, с одной стороны, «интересы и пользы целого общества», потребности государственной власти, а с другой – интересы «служащих, как частных лиц, для которых служебная деятельность есть источник средств к существованию» [18, с. I]. Ученый выделял две исторически сложившиеся формы государственной службы: повинность, когда на все общество или его часть налагается наследственная обязанность нести службу, и «свободное соглашение», когда на должности приглашаются лица, изъявившие желание служить (следовательно, имеет место «свободное предложение своих услуг государству») [18, с. 150]. По мнению Нелидова, характер службы как повинности достиг своего апогея при Петре I, и лишь с 1762 г., когда дворянству были дарованы «вольности», начался переход к «свободному соглашению». На мой взгляд, именно с этого времени условия службы, как

[1] Современная система государственных гарантий включает три основные группы: гарантии служебно-правовой защиты, социально-экономического и социально-бытового характера [подробнее см.: 12, с. 176–177].

[2] Начало изучению темы было положено еще дореволюционными учеными [14; 18], но уже в советское время проблемы государственной службы в «крепостнической» России потеряли актуальность для исследователей. В последние десятилетия ученые все больше обращаются к этим вопросам в рамках историко-правовых изысканий. При этом в работах юристов в основном представлен взгляд на эволюцию модели государственной службы, охватывающий широкий хронологический отрезок, что, естественно, не позволяет всесторонне осмыслить и детально рассмотреть ключевые проблемы [15; 17; 68], а в публикациях историков, посвященных дореформенному чиновничеству, анализ правового обеспечения государственной службы крайне редко занимает достойное место [2; 3; 4; 19]. В целом система государственных гарантий гражданских служащих последней четверти XVIII – первой половины XIX в. до настоящего времени еще не становилась предметом специального изучения.

факторы мотивации, начали играть важную роль в формировании кадрового состава государственных учреждений. В связи с этим изучение правого обеспечения в период, являвшийся переходным, приобретает особую актуальность, поскольку позволяет не только проанализировать формировавшуюся модель отношений государства и «его агентов», но и увидеть, как власть реагировала на происходившие изменения, как менялись условия службы и насколько они соответствовали положению и интересам служащих.

Цель настоящего исследования – рассмотреть процесс становления системы социальных гарантий гражданских служащих с учетом общих тенденций развития института гражданской службы в Российской империи в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. В современной юридической литературе термины гарантии, государственные гарантии и социальные гарантии часто используются как взаимозаменяемые [12, с. 176], однако в данной статье я предлагаю обратить внимание на социальные гарантии в собственном смысле слова, а именно: право на заработную плату и материальное поощрение за добросовестный труд, на компенсацию расходов, понесенных в ходе исполнения должностных обязанностей, на отдых, выход в отставку и пенсию. Это, по сути, исчерпывающий перечень тех социальных гарантий, на которые могли рассчитывать служащие к середине XIX в.

***

С изданием Манифеста «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» от 18 февраля 1762 г. для высшего сословия несение государственной службы формально перестало быть повинностью [23, с. 912–915], что на практике, однако, не означало полного освобождения. Екатерина II в ходе проведения губернской реформы 1775 г. делала ставку на то, что дворяне займут ключевые позиции в местном управлении и обеспечат приток кадров во многочисленные учреждения, и не только в сословные. И хотя подготовка этого масштабного мероприятия учитывала корпоративные интересы «благородного» общества, реализация задуманного столкнулась с большими трудностями. Местные дворяне в основной своей массе оказались не готовы к гражданской службе, в особенности к канцелярской работе, да и большого рвения они не проявляли, уклоняясь даже от занятия выборных мест [1, с. 91–92; 11, с. 132; 13, с. 173, 200]. И если «классные» должности удалось более-менее укомплектовать за счет уже состоявших на службе гражданских чиновников, вышедших в отставку военных штаб- и обер-офицеров и сословных выборов, то кадровое обеспечение канцелярий стало настоящей проблемой.

Следует пояснить, что так называемые приказные люди, не имевшие классных чинов и дворянского достоинства, не получили «вольности», для них гражданская служба оставалась повинностью: они, как и их дети, были обязаны заполнять канцелярские должности [26, с. 753]. Однако их численность на момент проведения губернской реформы оказалась гораздо меньше количества открывшихся вакансий. Решение этого вопроса осложнялось еще и тем, что установленные сословные ограничения сужали круг источников рекрутирования кадров. В частности, запрещалось принимать на службу лиц из податного звания, но приветствовался набор излишних детей священно- и церковнослужителей.

Трудности, с которыми столкнулись в ходе проведения губернской реформы, вынудили верховную власть искать способы привлечения кадров. Основное внимание было обращено на систему чинопроизводства, которая в последней четверти XVIII в. эволюционировала в сторону упрощения правил и сокращения сроков производства в классные чины. Вследствие чего чин, по сути, превратился в награду, численность чиновников стала расти непропорционально открытию «табельных» должностей, а гражданская служба приобрела роль «социального лифта», позволявшего представителям непривилегированных сословий пополнять ряды дворянства. Служба стала привлекать не только тех, кто стремился к карьерным высотам в государственном аппарате, но и лиц, заинтересованных только в изменении сословного статуса, по достижении заветной цели выходивших в отставку. Здесь следует уточнить, что несмотря на запреты из-за дефицита кадров в канцелярии попадали представители податных сословий. И если при Екатерине II таких лиц не увольняли из прежнего звания (они продолжали нести повинности, платить подушную подать и, следовательно, не имели возможности претендовать на классные чины [28, с. 504, 686]), то с конца XVIII в. ситуация изменилась.

Законодательство Павла I допускало прием на службу податных лиц с одобрения Сената. Кроме того, в 1798 г. все те выходцы из купечества, мещанства и других непривилегированных состояний, которые находились на действительной службе (а равно и их дети), были исключены из подушного оклада, а накопившиеся у них за время службы долги по податям списывались [32, с. 335–336]. Уже в начале XIX в. стало очевидно, что сформировавшаяся система чинопроизводства не способствовала решению кадровых проблем, а развернувшаяся гонка за чинами для службы приносила больше вреда, чем пользы. Тем не менее осознание необходимости создания полноценной системы гарантий, которая бы сделала привлекательной именно гражданскую службу, а не социальное положение, приобретаемое вместе с классными чинами, пришло далеко не сразу. Отчасти это объясняется ограниченными финансовыми возможностями государства, экономической си-

туацией в стране, заметно ухудшившейся с началом наполеоновских войн, и стремлением сэкономить на содержании государственного аппарата; отчасти – неразвитостью правового регулирования гражданской службы. Немаловажную роль играло и то, что верховная власть продолжала воспринимать службу как повинность. Если мы обратимся к нормативно-правовой базе, то увидим, что законодатель акцентировал внимание на обязанностях служащих и многочисленных запретах, связанных со служебной деятельностью, и практически не выделял права. Те немногие акты, даровавшие привилегии, главным образом, касались чиновников, а канцелярские служители оставались наиболее незащищенной частью служащих[1].

Поворот в кадровой политике наметился с приходом к власти Николая I, инициировавшего реформирование гражданской службы, положившее начало формированию бюрократии (как особого слоя профессиональных управленцев) и развитию системы гарантий, в том числе социальных. Изменения в системе чинопроизводства, связавшие скорость приобретения чинов с сословной принадлежностью и уровнем образования служащих, предоставили возможность каждому претендовать на регулярное повышение в чинах. В связи с чем и звание приказного (канцелярского) служителя превращалось во временное, переходное состояние. К середине XIX в. взгляд на службу как на повинность, наследственную обязанность отдельных категорий населения остался в прошлом, а на первый план выдвинулось стремление наполнить государственный аппарат квалифицированными кадрами.

Жалование и материальное поощрение

В изучаемый период гражданским служащим полагалось жалование: для большинства оно включало только окладную часть, для некоторых должностей назначались еще столовые и квартирные деньги (или выделялось служебное жилье).

Существовало несколько вариантов определения размера выплат: по штатам, по распоряжению начальства и по особому высочайшему назначению[2]. Для большей части служащих размер годового содержания был обозначен в штатных расписаниях, «где каждой должности [был. – *О.А.*]

---

[1] На улучшение правового положения канцелярских служителей был направлен указ от 13 июля 1804 г., запретивший жестокое обращение с ними в присутственных местах. Поводом для его принятия стали открывшиеся случаи «непристойного» и «безчинного» наказания по инициативе губернских правлений: «сажают под стражу в тюрьму, содержат в цепях, таскают за волосы, бьют по щекам и в присутствии, наконец, и самых больных понуждают к отправлению должности» [35, с. 453].

[2] В исключительных случаях с высочайшего одобрения жалование назначалось персонально, вне зависимости от штатов и чинов; его размер зависел единственно от воли монарха и не подлежал никаким законным ограничениям.

назначен оклад, независимо от чинов» [65, с. 125]. Анализ этих документов позволяет увидеть, что при определении величины жалования верховная власть учитывала не только характер занимаемой должности и сопряженный с ней уровень ответственности, но и значение и место учреждения в структуре государственного аппарата. Так, в центральных учреждениях служащим полагались большие выплаты, чем в местных; в свою очередь, среди последних уездные чиновники получали меньше, чем губернские и т.д.[1] Существовал значительный разрыв в размере оплаты труда высших и низших категорий служащих; устанавливались разные оклады для должностей одного порядка в разных учреждениях (даже тех, которые формально признавались равными между собой[2]).

Особенностью штатов, действовавших в последней четверти XVIII – первой четверти XIX в., являлось то, что в них часто не отражался перечень канцелярских должностей (за исключением секретарей). Вместо этого указывалась общая сумма, исходя из которой начальники учреждений самостоятельно определяли численность работников и устанавливали для них годовые оклады в зависимости «от трудов, способностей и заслуг каждого» [65, с. 126]. Из этих же денег требовалось нанимать низших служителей (сторожа, переплетчика и проч.) и покрывать все канцелярские расходы[3]. Общую сумму, обозначенную в штатном расписании, запрещалось превышать; ее нельзя было скорректировалась с учетом изменения объемов делопроизводственной работы, даже в случае острой нехватки канцелярских служителей. И несмотря на то, что верховная власть направляла в учреждения «примерные расписания», сколько «в присутственных местах канцелярским служителям потребно быть и по скольку им жалованья производить, також и на канцелярский расход употреблять» [7, л. 2], по мере увеличения документооборота начальники были вынуждены расширять штат писарей, а средства на содержание новобранцев изыскивались за счет урезания жалования уже работавших в канцелярии лиц. Штатные расписания, издававшиеся во второй четверти XIX в., как правило, уже включали

[1] К примеру, по штатам 1803 г. оклад секретаря губернского учреждения составлял 350, а уездного – 200 руб. [44, 1812 г., с. 220–223].

[2] Так, советнику губернского правления, губернскому казначею, губернскому прокурору, совестному судье, состоявшим в V классе, по штатам 1803 г. полагалось одинаковое по размеру жалованье (600 руб.), а в 1820-е гг. советнику губернского правления и губернскому казначею было назначено 1 500 руб., губернскому прокурору – 2 000, а оклад совестного судьи остался неизменным [44, 1812 г., с. 220–223; 1825 г., с. 198–200, 203].

[3] Распределение этой суммы происходило следующим образом: в первую очередь определялся объем затрат, без которых не представлялось возможным нормальное функционирование учреждения, т.е. канцелярские расходы в собственном смысле слова (чернила, перья, бумага и проч.), покупка дров для отопления помещений, оплата работы сторожа и т.д., и уже затем из оставшихся в наличии денег делалась раскладка жалования канцелярским служителям.

подробные списки должностей, в том числе канцелярских (столоначальники, бухгалтеры, журналисты, протоколисты, архивариусы и т.д.), с фиксированными окладами[1].

Для всех учреждений перед «наступлением каждой трети» года («полагая месяц в 30 дней») казна выделяла жалование «на то только число людей, сколько где на лицо состоит», кроме суммы на канцелярию, которую отпускали сполна [28, с. 86, 286; 34, с. 498]. Раздача денег служащим производилась по прошествии каждой трети. С 1805 г. для канцелярских служителей выдача третного жалования была заменена на ежемесячную («по миновании каждого месяца») [35, с. 890]. Производство выплат исчислялось со дня определения на должность по день увольнения.

Следует подчеркнуть, что штатные расписания, действовавшие при Екатерине II, в целом учитывали уровень цен и, как показывают исследования, позволяли не бедствовать даже канцелярским служителям [19, с. 235–236]. Однако с конца XVIII в. бумажный рубль начал обесцениваться, еще более усугубили экономическую ситуацию наполеоновские войны[2]. В первой четверти XIX в. размеры окладов основной массы служащих не пересматривались с учетом инфляции. К примеру, штатные расписания местных учреждений, обновленные в 1796 и 1803 гг., сохраняли уровень оплаты труда екатерининского времени [44, 1796 г., с. 254–257; 1800 г., с. 394–395; 1812 г., с. 220–223]. Ввиду того, что жалование выплачивалось ассигнациями, реальные доходы служащих сократились в разы. Объемы документооборота к этому времени заметно возросли и требовали большего количества писарей; как следствие, жалование канцелярских служителей стало просто нищенским.

Более того, в послевоенное время многие меры, касавшиеся расходов на содержание служащих, явно были нацелены на экономию бюджета. В частности, с 1815 г. было запрещено совмещать должности с выплатой двух-трех окладов: «Не определять никого из чиновников в две или три должности, по коим получают они столько же окладов, и тем доказывают, что есть такие места, где нет почти занятия, и которые следовательно полезнее вовсе уничтожить, во избежание напрасных издержек» [38, с. 415][3]. В 1816 г. чиновникам, состоявшим под следствием с отстранением от должности, перестали выплачивать жалование и предписали «выдавать оное

---

[1] К 1840-м гг. учреждения, для которых по-прежнему указывалась общая сумма «на канцелярских служителей и расход», встречались гораздо реже. К таковым, к примеру, относились местные суды.

[2] В 1780 г. один ассигнационный рубль оценивался в 99 коп. серебром, в 1803 – 80, в 1812–1814 – 25–26, в 1814 – 20; позднее, вплоть до реформы Е.Ф. Канкрина, курс держался на уровне 26–27 коп. серебром [16, с. 240].

[3] В последующее десятилетие допускались исключения из этого правила [см., например: 42, с. 1141].

тем, кто должность их отправлять будет, если сии последние не получают по другим местам жалования»[1] [38, с. 521].

К 1820-м гг. бедственное положение служащих, заставлявшее одних искать незаконные способы «выживания», а других покидать службу, стало вполне осознаваемой для верховной власти проблемой, которую пытались решить полумерами. С одной стороны, правительство несколько увеличило оклады для наиболее важных с его точки зрения должностей (что, к слову, не компенсировало потери, связанные с инфляцией, но еще больше увеличило разрыв в оплате труда разных категорий служащих)[2], с другой – начало допускать (конечно, в качестве исключений) ассигнование «прибавочных сумм» на жалование и канцелярские расходы (так называемые экстраординарные статьи расходов). Следует отметить, что среди ведомств дополнительные суммы распределялись непропорционально, хотя отпускались они почти на все учреждения[3]. Кроме того, прибавки не были равномерными, их величина могла различаться даже для аналогичных должностей в однотипных учреждениях[4].

Во второй четверти XIX в. материальному положению служащих верховная власть уделяла гораздо большее внимание. С 1827 г. важными мерами поддержки канцелярских служителей, вышедших из наименее обеспеченных слоев населения, стали ежегодная выдача мундирных сюртуков и назначение «обыкновенного воинского пайка» [46, с. 896]. В 1835 г. было велено выдавать единовременно годовой оклад всем чиновникам и канцелярским служителям, оказавшимся за штатом «по случаю сокращения числа их или упразднения самых мест» [51, с. 1087][5], в 1837 г. – временно сохранять место и оклад за служащими, попавшими в дом умали-

---

[1] До 1816 г. служащие, преданные суду с удалением от должности, довольствовались «половинным» жалованием, с 1817 г. тем, кто не имел средств к своему содержанию, выплачивалось по 25 коп. в сутки.

[2] К примеру, жалование губернатора в 1803 г., составлявшее 3 000 руб. асс., в пересчете на серебро равнялось 2 400 руб., а его оклад в 1827 г., возросший до 6 000 руб., не превышал 1 620 руб. сер. Гораздо скромнее выглядели доходы уездных чиновников: жалование городничих и уездных судей, составлявшее в 1803 г. 240 руб. сер., в 1827 г. насчитывало всего 81 руб. сер.

[3] Так, в системе местного управления из общей «экстраординарной» суммы от 55 до 75 % тратилось на финансовые учреждения (казенная палата и уездные казначейства) [9, л. 39 об.–54 об.; 10, л. 113 об.–148 об.].

[4] Например, в Вологодской губернии в 1835 г. дворянским заседателям земских судов полагалось к выдаче: вологодскому – 2 319 руб. 32 коп. асс., грязовецкому – 2 000 руб., кадниковскому – 2 330 руб. 22 коп., вельскому – 1 524 руб. 45 коп., тотемскому – 1 306 руб. 66 коп., устюгскому – 1 232 руб. 63 коп., никольскому – 1 306 руб. 66 коп., сольвычегодскому – 1 158 руб. 54 коп., яренскому – 1 560 руб., устьсысольскому – 1 568 руб. [10, л. 233 об.].

[5] В 1839 г. был принят указ, согласно которому всем пребывавшим за штатом чиновникам требовалось производить жалование в течение года «или до определения к новой должности» [56, с. 347].

шенных (лица, поступившие на лечение в общественные или казенные заведения, могли рассчитывать на выплату полного жалования в течение года) [54, с. 833]. Наконец, целый ряд принятых указов был направлен на урегулирование вопросов, связанных с содержанием служащих, находившихся под следствием по должностным преступлениям: лицам, удаленным от должностей для предания суду, не желая оставлять их «без всяких способов к пропитанию», казна назначала половинное жалование «до решения об оных дел» (в случае оправдания выдавалась вторая половина) [45, с. 315; 47, с. 48][1].

В 1830-е гг. для отдельных учреждений были утверждены новые штатные расписания, зафиксировавшие значительное повышение окладов, что внесло еще большую диспропорцию в оплату труда служащих, поскольку основная часть ведомств оставалась при устаревших штатах. В указе от 23 декабря 1838 г. признавалось необходимым улучшить содержание гражданских чиновников – «отвратить несоразмерность» окладов и единообразно их возвысить [55, с. 430]. В связи с чем по линии ведомств от всех учреждений запрашивались сведения, чтобы привести «в совершенную ясность все оклады жалованья» [5, л. 20][2]. На основе полученных данных были разработаны новые штатные расписания по всем министерствам, зафиксировавшие должностные оклады в серебряных рублях (утверждены в 1840–1844 гг.). Отныне содержание стало отпускаться «во всех случаях ассигнациями… по постоянному и непременяемому на серебро курсу, считая серебряный рубль, как в крупной, так и в мелкой монете, в три рубля пятьдесят копеек ассигнациями», что стало возможным в результате реформы Е.Ф. Канкрина [66, с. 179]. С этого времени оклады служащих были приведены в строгое соответствие со штатными расписаниями [8, л. 67–67 об.]. С 1845 г. выдача жалования классным чиновникам, так же как и канцелярским служителям, стала производиться ежемесячно [61, с. 314].

Пересчет окладов на серебро существенно улучшил материальное положение служащих, однако особенности регулирования оплаты труда, сложившиеся в предыдущие десятилетия, заметно повлияли на определение размеров должностных окладов. Во-первых, они дифференцировались в зависимости от положения учреждения в системе государственного управления (если сравнивать с началом века, то у служащих одних учреждений оклады существенно возросли, у других – остались неизменными). Во-вторых, большую роль играло положение должности в учреждении (оклады начальствующих лиц выросли значительно; разница между жалованием

[1] Отставным чиновникам такая выплата не назначалась, но сохранялся в полном объеме пенсион [45, с. 922].

[2] К началу 1840-х гг. сложилась довольно запутанная система оплаты труда служащих, в особенности на местах, которую не могли понять даже лица, возглавлявшие ведомства.

руководителей и остальных служащих стала ощущаться сильнее, причем по отношению не только к низшим должностям, но и к другим членам присутствий).

В Уставах о службе гражданской подчеркивалось, что «столовые и квартирные деньги[1] не составляют общей принадлежности содержания гражданских чиновников, и определяются не по чинам, но штатами для некоторых только должностей в особенности или лично высочайшими повелениями»[2] [65, с. 134]. Эта норма, основанная «на соображении частных примеров, по несуществованию положительного закона», на практике означала, что рассчитывать на эти выплаты могли далеко не все служащие, а только те, содержанию которых верховная власть уделяла особое внимание. В центральных учреждениях таких лиц было больше. В местном аппарате управления этой привилегии удостаивались только высшие должности (генерал-губернаторы, губернаторы, вице-губернаторы и т.п.). С 1 января 1839 г., «по случаю назначения новых окладов по всем министерствам и главным управлениям», подход к выделению столовых и квартирных денег по гражданскому ведомству начал меняться [55, с. 430]. Если раньше выплаты являлись, по сути, привилегией и свидетельствовали об особом положении чиновника, их получавшего, то с 1840-х гг. они превращались в часть должностного оклада, которая, в соответствии с новыми штатами, уже назначалась для многих служащих, в том числе канцелярских. Правда, процесс выделения средств не был равномерным и единовременным, и к середине XIX в. еще не все служащие могли рассчитывать на дополнительные выплаты[3].

Законодательство изучаемого периода предусматривало возможность получить вознаграждение за добросовестный труд: «Верные, истинные слуги отечества имеют надеяться на особливое монаршее благоволение и милость и во всех случаях, по испытанной верности и искусству, ожидать

---

[1] Квартиры «в натуре» выделялись при наличии казенных зданий, предназначенных для проживания чиновников; в случае их отсутствия, выплачивались деньги на наем жилья (квартирные деньги).

Квартиры могли выделяться как от правительства, так и «от обывателей». Размещение чиновников в казенных зданиях, где таковые имелись, зависело от усмотрения начальства, однако сам процесс выделения жилья не был законодательно урегулирован, устанавливалось только, что «никто не имеет права требовать таковых квартир» [65, с. 134].

[2] Столовые деньги выдавались «вперед» за месяц, квартирные – за треть года [63, с. 443].

[3] В частности, по штатам 1838 и 1845 гг., в ведомстве Министерства государственных имуществ подавляющему большинству служащих на местах полагались столовые деньги [55, с. 116–122; 62, с. 32–74]. В 1845 г. для всех штатных должностей канцелярий губернаторов и губернских правлений также были назначены столовые деньги [62, с. 3–5]. В то же время штаты по Министерству юстиции 1844 г. среди местных учреждений предусматривали столовые деньги только для губернского прокурора, губернских стряпчих и секретарей губернских судебных палат [60, с. 23–144].

соразмерной заслугам награды» [66, с. 196]. Данная норма, веденная Генеральным регламентом от 28 февраля 1720 г., долгое время не дополнялась никакими «положительными правилами», а порядок пожалования наград зависел исключительно «от высочайшего усмотрения». Даже к началу XIX в. этот вопрос оставался неурегулированным, а в правовом поле нашло отражение лишь то, что ходатайствовать о награждении могло только непосредственное начальство, сами служащие просить об этом не имели права («в случае отличия должен ожидать возмездия по удостоению и представлению со стороны начальства») [66, с. 197]. В 1817 г. было запрещено представлять к награде тех, кто находился под судом, а в указе от 30 ноября 1819 г. подчеркивалось, что о поощрении чиновников не может ходатайствовать «постороннее начальство» [39, с. 312–313; 40, с. 404]. По общему правилу глава учреждения, даже имея в распоряжении остаток от отпускаемой на жалование суммы, не мог самостоятельно назначить прибавку тем служащим, чьи оклады фиксировались в штатных расписаниях [46, с. 1124][1].

В целом в последней четверти XVIII – первой четверти XIX в. щедрых наград и подарков удостаивались только высокопоставленные чиновники. Возможности поощрения рядовых служащих были весьма ограничены, им крайне редко удавалось добиться прибавки к жалованию или единовременных денежных выплат[2]. С воцарением Николая I этому вопросу начало уделяться гораздо большее внимание, что было связано, в первую очередь, с кадровым голодом, возникшим на фоне ухудшавшегося материального обеспечения служащих[3]. С 1826 г. все случаи награждения

---

[1] Этот запрет получил вполне определенное отражение в законодательстве: «Частные изъятия, по коим начальству предоставляется назначать чиновникам жалование более или менее противу штатного положения, смотря по заслугам и способностям, определяются самыми штатами; если же начальству сего не предоставлено, то оно без особого высочайшего соизволения не может возвышать само собою окладов, под опасением возврата излишнего в казну вдвойне» [65, с. 125].

[2] Можно обнаружить лишь единичные случаи награждения «прибавочным жалованием» рядовых служащих.

[3] Возрос и уровень взяточничества, в том числе и среди высокопоставленных чиновников, которым местные общества (добровольно или вынужденно) привыкли делать подарки, что по закону было запрещено. По всей видимости, не имея возможности улучшить содержание служащих, верховная власть на многое закрывала глаза, но масштабные «благодарственные» акции вызывали негодование императора. В частности, в декабре 1831 г. московское купеческое общество в знак признательности «за полезные распоряжения… во время бывшей в Москве эпидемической болезни холеры» решило соорудить на собственные средства памятник московскому генерал-губернатору князю Д.В. Голицыну. И хотя императора возмутила такая инициатива, но «по уважению особых обстоятельств, к сему побуждающих», он сделал исключение и разрешил принять подарок. Впредь же запрещалось делать приношения не только начальствующим, но и прочим чиновникам, пока они состояли при должностях [49, с. 136].

чиновников, как и взыскания, стали публиковать «для общего примера»[1]. Возросший поток прошений о поощрении потребовал утверждения единообразного порядка и разработки правил представления к наградам. В частности, указом от 13 февраля 1833 г. запрещалось «испрашивать наград всем вообще чиновникам без разбора», а представлять к таковым требовалось «единственно за действительные заслуги и особенное усердие, с соблюдением возможной в числе и роде наград умеренности» [50, с. 92]. Отныне нельзя было «два года сряду» просить об одних и тех же чиновниках, за исключением случаев, когда заслуги и отличия действительно являлись «особенными и выходящими из ряду обыкновенных» (а это требовалось доказать: «подобные представления делать не иначе, как с точным означением тех заслуг и отличий и самой пользы для службы, от них произошедшей») [50, с. 92].

Наконец, в 1842 г. было издано «Положение о наградах гражданских чиновников во время прохождения службы»[2], систематизировавшее все ранее изданные нормативные правовые акты и практику поощрения в гражданском ведомстве. В нем перечислялись следующие виды наград: 1) чины; 2) ордена; 3) высочайшие благоволения; 4) звания камергеров и камер-юнкеров; 5) арендные деньги; 6) пожалования земель; 7) прибавочное жалование; 8) подарки от имени его императорского величества; 9) единовременные денежные выдачи; 10) признательность начальства, объявляемая с высочайшего соизволения. При этом различались награды, жалуемые «в обыкновенном порядке» и «по особенным отличиям» [66, с. 242]. Во втором случае речь шла о пожаловании чинами первых четырех классов, высшими орденами, арендами и землями, а также о принятии ко двору в звания камергеров и камер-юнкеров, что зависело «единственно» от воли императора («непосредственно или по ходатайству высших начальств»). В отношении остальных поощрений действовал обыкновенный порядок. Право быть представленным к награде получили лица, находившиеся на действительной службе не менее трех лет. С этого времени при условии успешного исполнения должностных обязанностей, положительной аттестации и отсутствия штрафов каждый служащий мог претендовать на регулярное (раз в два года) награждение. Кроме того,

[1] Это норма была введена по итогам рассмотрения дела о чрезмерном накоплении нерешенных дел в Нижегородской уголовной палате, произошедшем во многом из-за нехватки канцелярских служителей и их нищенского содержания. Ознакомившись с материалами дела, император распорядился, чтобы всегда все награды и взыскания публиковались «непременно». В «собственноручном» повелении он пояснил свое решение: «В военной службе хорошему благодарность, дурному выговор объявляется в приказе не только в поощрение или наказание им, но и для общего примера; то же должно быть и в гражданском ведомстве, где на каждом шагу видно, сколь меры, по крайней мере побуждений, необходимы» [45, с. 663].

[2] Утверждено 3 июня 1842 г.

«усердные» чиновники и канцелярские служители, особенно нуждавшиеся в материальной помощи и имевшие свидетельства о бедности, с разрешения начальства могли обратиться со всеподданейшими просьбами о денежном пособии в Комиссию прошений [6, л. 20–26].

Анализируя денежное содержание служащих, следует также учитывать, что в изучаемый период существовали разного рода штрафы, пошлины и удержания из жалования. С 1721 г. ежегодно из оклада гражданских чинов вычиталось по копейке с рубля на госпитали и довольствие больных [22, с. 466]. В 1816 г. в целях формирования капитала для вспомоществования «изувеченным в Отечественную войну генералам, штаб- и обер-офицерам»[1] устанавливался ряд сборов, в том числе «вычет из столовых денег по 1 коп. с рубля в год, под названием для увечных» [38, с. 576]. С 1 января 1828 г. взамен сбора на содержание госпиталей вводился ежегодный вычет для пополнения пенсионного капитала, из которого полагалось назначать пенсии и единовременные пособия отставным служащим, их вдовам и сиротам: «С окладов жалованья чиновников по гражданской части свыше 500 руб. вычитать по 2 копейки с руб., а ниже 500 руб. по 1 копейке с руб.». Также в пенсионный капитал направлялся вычет по 1 коп. с рубля из столовых денег [46, с. 1033].

Разовые вычеты предусматривались при повышении в чинах[2] и пожаловании орденами. Они могли достигать значительных размеров. К примеру, при чинопроизводстве взыскивались сумма, равная месячному жалованию[3], пошлина за приложение к патенту государственной печати, печатная пошлина, деньги за гербовую бумагу, а также сбор в доход сенатской типографии, включавший деньги за напечатание патента (акт, удостоверявший пожалование чина) и за пергамент для патента [65, с. 422]. Удержания производились во время отпусков, во время нахождения под судом и следствием, за самовольные отлучки от должности, за несвоевременное предоставление отчетов в денежных поручениях, по частным долгам и «по разным другим штрафам, казенным начетам и взысканиям» [65, с. 133]. При Николае I разовые вычеты и удержания были систематизированы и упорядочены.

Возмещение расходов, связанных со служебными командировками

Вопросы, связанные с компенсацией расходов, понесенных в ходе исполнения должностных обязанностей, на протяжении последней чет-

[1] Деньги направлялись в Комитет, учрежденный 18 августа 1814 г. (Александровский комитет о раненых).

[2] С 1 января 1828 г. этот вычет направлялся в пенсионный капитал.

[3] Месячное жалование рассчитывалось не из фактически получаемого служащим годового оклада, а из суммы, законодательно установленной для соответствующего чина [67, с. 326–327].

верти XVIII – первой четверти XIX в. оставались на периферии внимания законодателя. До начала XIX в. оплата проезда чиновников, командируемых по казенным делам, производилась по указу от 21 марта 1765 г.: лица, отправлявшиеся не далее 1 500 верст от Москвы, получали прогонные деньги только «ежели они сами пожелают»; тем, кто должен был преодолеть большее расстояние, прогоны выдавались [25, с. 89–90]. В 1802 г. эти правила пересмотрели: дистанцию в 1 500 верст начали считать «не от одной Москвы, но от всех тех мест, откуда» служащие должны отправляться [34, с. 383], а в 1803 г. повелели выдавать «на всякое расстояние», при этом поверстные деньги при выдаче подорожных больше не взимались [34, с. 423–424]. Подсчет суммы производился с учетом расстояния в зависимости от чина: чиновникам III класса следовало выплачивать деньги на 12 лошадей, IV класса – на 10, V – на 7, VI – на 5, VII – на 4, VIII – на три, служащим обер-офицерских рангов – на две, канцелярским служителям – на одну [65, с. 53]. Предусматривалась также оплата «разъездов» чиновникам местных учреждений по губерниям, однако не всех и не по всем делам[1] – расходы на исследование частных имущественных споров старались взыскать с хозяев имений, преступлений и правонарушений – с виновных лиц [43, с. 715; 66, с. 187]. С 1815 г. чиновникам и канцелярским служителям, назначаемым в сибирские губернии, в качестве пособия начали выдавать «без зачета» годовые оклады жалования, когда они прибывали на место службы и вступали в определенные им должности [38, с. 296].

Во второй четверти XIX в. материальное обеспечение служебной деятельности значительно улучшилось. В 1826 г. была предпринята попытка урегулировать вопросы, возникавшие при выдаче прогонов лицам, «посылаемым для следствий»: еще до отправления чиновника требовалось выяснить, на чей счет должны быть отнесены расходы – казны или преступника, в последнем случае деньги сразу поступали в недоимку с виновных лиц; в случае, если до окончания следствия это невозможно было определить, то по итогам прогоны либо зачислялись на казенный счет, либо взыскивались с правонарушителей, если таковых удавалось выявить [45, с. 490].

[1] В первую очередь, речь идет о выдаче прогонов для лиц, направлявшихся на осмотр дорог, казенных строений, денежной казны в уездных казначействах, содержания и продажи соли, хлебных магазинов и по прочим поручениям, касавшимся казенного интереса. Также с конца XVIII в. покрывались расходы на разъезды губернаторов для осмотра губерний, вице-губернаторов и советников губернских палат для приема рекрут и уездных врачей «для разных свидетельств по селениям» (по случаю скоропостижной смерти, убийства, повальных болезней и т.п.) [28, с. 574; 32, с. 767, 789, 894; 33, с. 366]. В 1807 г. прогонные деньги стали выдавать уездным стряпчим, отправлявшимся в уезды «по делам уголовным и для освидетельствования мертвых тел» [36, с. 42]. В 1820 г. разрешили отпуск денег на «всякую поездку» губернатора по губернии, предпринимаемую по делам службы [41, с. 528].

Помимо выдачи прогонов и подорожен без взыскания поверстных денег, в 1830-е гг. чиновники получили целый ряд гарантий, касавшихся служебных командировок: право на получение «безденежно» заграничных паспортов [57, с. 484], пособий на подъем и путевые издержки, суточных и квартирных денег. Так, по указу от 14 июня 1832 г. губернским чиновникам, командируемым вследствие указов Сената, предписаний министерств и губернаторов, полагалось выдавать суточные деньги, исходя из следующего расчета: обер-офицерским чинам по 1,5 руб. в день, или 45 руб. в месяц[1], штаб-офицерским – 2 и 60 соответственно, V класса – 4 и 120, IV–III – 5 и 180 [49, с. 379]. В 1836 г. это право было распространено «вообще на чиновников всех ведомств по части гражданской» [53, с. 58]. Суточные назначались за время, которое, «по соображению» начальства, могло потребоваться для исполнения поручения, «полагая от полумесяца и не далее трех месяцев» (за исключением более продолжительных командировок из столиц в Сибирь и Грузию), и выдавались перед самым отбытием. Если поручение не могло быть исполнено в трехмесячный срок по уважительным причинам, то служащий имел право просить о компенсации, если ему удавалось все завершить раньше и вернуться к месту службы, то остаток от выданной суммы не отбирался [49, с. 379]. С 1840 г. чиновники, командируемые по особым назначениям министров и главноуправляющих отдельными частями, получали еще и добавочные квартирные деньги «в половину противу суточных»: обер-офицерским чинам по 75 коп. асс. (или 22,5 коп. сер.) за сутки, штаб-офицерским – 1 (30), V класса – 2 (60), IV–III – 3 (90) [57, с.750; 58, с. 141].

Пожалуй, наиболее существенной мерой поддержки стало введение пособий на подъем и обзаведение. Они назначались лицам, отправлявшимся из столиц по особым поручениям министров и главноуправляющих отдельными частями. Для чиновников первых пяти классов величина выплат варьировалась от 150 до 300 руб. сер. (в исключительных случаях могла достигать 600 руб.), штаб-офицеров – от 90 до 225 руб. (могла достигать 450 руб.), обер-офицеров – от 30 до 60 (до 120 руб.). При определении конкретной суммы учитывались важность и продолжительность поручения, отдаленность местности, куда направлялся служащий, и т.д. Подъемные деньги выдавались при назначении на посты губернатора, градоначальника и вице-губернатора[2], перемещении их на аналогичные должности в других губерниях[3] [52, с. 150]. С 1839 г. пособие стали получать чиновники,

---

[1] В ассигнационных рублях.

[2] С 1840 г. подъемные деньги также назначались управляющим палатами государственных имуществ.

[3] Определяемым в должности губернаторов и градоначальников на подъем и обзаведение выдавалось от 3 до 5 тыс. руб. асс. (от 900 до 1 500 руб. сер.), вице-губернаторам (позднее – председателям казенных палат) – 1,5 тыс. руб. ас. (450 руб. сер.) [58, с. 141–142].

изъявившие желание отправиться на службу в отдаленные края империи (они получали не в зачет годовой оклад жалования и двойные прогоны при условии, что прослужат в этой местности не менее 3 лет[1]) [56, с. 918].

Наконец, особое внимание уделялось материальному обеспечению сенаторов, направлявшихся в губернии «для обозрения управления или для взыскания недоимок». С 1832 г. сверх получаемого по службе оклада и положенных прогонов они удостаивались пособием на подъем и путевые издержки в размере от 5 до 10 тыс. руб. (в зависимости от отдаленности губернии) и столовыми деньгами по 500 руб. в месяц. Командируемым вместе с сенаторами чиновникам выдавалось: старшим до 1,5 тыс. руб. на подъем и путевые издержки и по 60 руб. в месяц суточных, младшим – до 400 и по 45 руб. соответственно[2] [49, с. 542].

Продолжительность рабочего времени и право на отдых

Режим работы учреждений, основы которого были заложены еще Генеральным регламентом 1720 г., к изучаемому периоду приобрел более-менее определенные очертания. Заседания присутствующих лиц проходили ежедневно, кроме воскресных и праздничных дней. Открывались в восемь часов утра и закрывались не ранее двух по полудни. Разрешалось, по общему согласию, начинать работу и позже, но при условии, что все чиновники прибудут в одно время. Неявки и опоздания наказывались. В частности, опоздавшие должны были «высидеть сие время вдвое», а «недосидевшие же узаконенных часов» подвергались «за каждый час вычету жалованья за неделю» [65, с. 9, 11].

Заседания присутствий обеспечивали канцелярии, режим работы которых был гораздо тяжелее: «Канцелярские чины и служители обязаны быть у своей должности в каждый присутственный день и являться за час до присутствующих, а выходить, как определено будет от председателя и других членов, смотря по занятиям; в противном случае подвергаются они тем же взысканиям, какие с присутствующих установлены» [65, с. 14]. Иными словами, точное время работы канцелярии не нашло отражение в законе и зависело от распоряжений непосредственного начальства, которое, в свою очередь, учитывало объемы документооборота и скорость течения дел. На практике продолжительность рабочего дня могла сильно различаться в разных учреждениях. Известно, что в последней четверти XVIII в. канцелярские служители больше проводили времени в учреждениях, часто

[1] Если покидали место службы до истечения 3-летнего срока, то должны были вернуть деньги в казну. С 1853 г. полученное пособие взыскивалось и с лиц, удаленных от должности по суду прежде выслуги установленного срока [63, с. 487].

[2] В ассигнационных рублях.

оставаясь допоздна[1], а к середине XIX в. их рабочий день заметно сократился [20][2].

В литературе отмечается, что продолжительный рабочий день, имевший место в XVIII в. компенсировался наличием многочисленных праздников и выходных (по подсчетам Л.Ф. Писарьковой, в 1797 г. число рабочих дней составило 220, в среднем 18 в месяц [21]). Следует предположить, что в предыдущие годы их было еще меньше, что беспокоило верховную власть. В частности, по указу от 23 декабря 1796 г. нерабочие дни с 25 декабря по 7 января, положенные по Генеральному регламенту, сокращались до трех (25–27 декабря). Эта мера объяснялась множеством накопившихся нерешенных дел по присутственным местам [31, с. 250–251]. В первой половине XIX в. тенденция, направленная на увеличение количества рабочих дней в году, сохранилась. Так, в 1805 г. признавалось, что «число праздничных и табельных дней, до 150 простирающееся, сокращая дни присутствия, продолжает время производства дел по всем вообще судебным местам, отчего тяжущиеся приходят в изнурение и часто, ожидая окончания дел своих, разоряются до того, что выигранный ими наконец процесс недостаточен бывает вознаградить их потери» [35, с. 797]. В связи с чем количество праздничных дней сократили более, чем в 3 раза (правда, в 1812 г. к нерабочим дням вновь прибавилось 7 церковных праздников [37, с. 455]).

Право служащего на отпуск также находило отражение еще в Генеральном регламенте, согласно положениям которого, отлучка от места службы на 8 и более дней требовала одобрения высшего начальства, а неявка к определенному времени грозила вычетом из жалования («за каждой день по неделе, а за неделю по месяцу» из годового оклада) [22, с. 146]. В 1765 г. был установлен максимальный срок отпуска для чиновников: «не более, как на четыре месяца, с вычетом из жалования»[3]. В 1775 г. губернское начальство получило право без представления Сенату увольнять просящихся в отпуск на 28 дней[4]. По всей видимости, ослабление надзора повлекло за собой частые неявки из отпусков, в связи с этим в 1798 г. всем губернаторам предписали, чтобы они «увольняемых в отпуски чиновников

[1] Рабочий день мог длиться 12 и более часов.

[2] По наблюдениям Л.Ф. Писарьковой, служащие канцелярий центральных учреждений работали с 10 до 16 часов, оставаясь позднее лишь в дни докладов (раз в неделю), местных – с 9 до 16 часов (ввиду значительного документооборота многие приходили в канцелярию еще на 2–3 часа вечером, а переписчики нередко брали работу на дом). Кроме того, в губернских учреждениях существовали ночные дежурства на случай получения срочных бумаг.

[3] Просить отпуск на срок более четырех месяцев запрещалось: «А кто пожелают быть в домах своих больше того времени, таковые имеют просить о увольнении от службы» [25, с. 120].

[4] Это правило касалось увольнения в отпуск чиновников, определяемых к должностям Сенатом [27, с. 79; 34, с. 457].

не прикрывали и далее срока в отпусках их не терпели» [32, с. 292]. В целом в конце XVIII в. был принят целый ряд указов, направленных на борьбу с неявками без уважительных причин. Так, запрещалось давать бессрочные отпуска тем, кто «отговаривался» от явки болезнью дольше четырех месяцев; таковых лиц следовало исключать из службы (по выздоровлении имели право просить о назначении на должность) [30, с. 485, 492].

В первой половине XIX в. действовал уже устоявшийся порядок предоставления отпусков. Каждый служащий мог воспользоваться правом на кратковременный отпуск (до 8 дней), который утверждался непосредственным начальником и не требовал согласования с вышестоящими инстанциями («может быть разрешено самим тем местом, в коем он служит») [31, с. 347, 791; 36, с. 904]. Служащим было предоставлено право просить о продолжительном отпуске: на один месяц с сохранением жалования; более одного, но не дольше четырех месяцев без содержания. По общему правилу ходатайство подавалось непосредственному начальнику, но согласование производилось по тому же принципу, что и назначение на должность: «От кого зависит представление и определение к местам и утверждение в оных, от той же власти зависит и увольнение в отпуск» [36, с. 690]. В просьбе требовалось указать количество «испрашиваемых» дней и срок, «с которого именно времени кто желает воспользоваться отпуском» [65, с. 142]. При положительном решении служащий получал от начальства «паспорт по установленной форме», в котором обозначались чин, имя и фамилия, должность, место, куда уволенный отправлялся в отпуск, и срок, на который паспорт выдавался [66, с. 209]. Существовали ограничения, влиявшие на предоставление отпусков: не разрешалось просить об отпуске слишком часто; отпуск согласовывался только в том случае, если в учреждении оставалось достаточное для производства дел число служащих; при одновременной подаче просьб от нескольких чиновников действовал принцип старшинства; запрещалось в одно время увольнять нескольких членов присутствия [66, с. 208].

Неявка к должности в срок без уважительных причин[1] приводила ко взысканию: за день просрочки вычет недельного жалования из годового оклада, за неделю – месячного[2] [65, с. 145] (в 1840 г. заменено на выговор с удержанием жалования за просроченное время [57, с. 674–675]). Пребыва-

[1] К уважительным причинам относились болезнь, умопомешательство, арест, карантин, смерть родителей или управляющего имением, нападение неприятеля, пожары, наводнения и другие чрезвычайные обстоятельства [65, с. 145–146].

[2] Служащих также штрафовали за самовольные (без ведома и разрешения начальника) отлучки с места службы. Чиновники за отлучку более суток, но менее недели наказывались в первый раз вычетом из жалования за месяц, во второй – за треть года; за самовольную отлучку в третий раз или на срок более 7 дней следовало исключение из службы с запретом впредь куда-либо определять к должностям. Канцелярские служители за отлучки бо-

ние в отпуске свыше четырех месяцев вне зависимости от причин не допускалось и грозило исключением из службы (даже при условии предоставления свидетельства о болезни) [31, с. 765].

Выход в отставку и пенсионное обеспечение

Вместе с «вольностью» служить или не служить дворяне получили право «просить увольнения от занимаемых ими должностей или отставки от службы во всякое время по собственному их усмотрению и желанию, в каком бы они ни состояли чине или звании» [65, с. 148]. Это правило сохранялось на протяжении всего изучаемого периода, однако в отношении канцелярских служителей оно начало действовать далеко не сразу. Уволиться они могли лишь в случае «совершенной неспособности к службе» (по болезни или старости)[1] [25, с. 472; 26, с. 275, 834, 1004; 27, с. 327], хотя в законе и отмечалось, что государь «желает, чтоб каждый трудился по собственной силе и способности» [25, с. 474]. С конца XVIII в. нерадивых и неспособных к службе канцеляристов предписывалось отсылать на военную службу [32, с. 419; 42, с. 567]. В первой четверти XIX в. политика верховной власти по отношению к ним несколько смягчилась, многим удавалось покинуть службу, получив «надлежащие о том от правительства виды» и сохранив свободное звание [47, с. 1012]. В первые годы правления Николая I правила увольнения в отставку канцелярских служителей были упорядочены: выходцев из податных состояний, не достигших оберофицерских чинов на службе, если «нерадивы» или просят об отставке, предписывалось обращать «в первобытное звание», выходцам из неподатного состояния – предоставить возможность избрать другой род жизни [42, с. 170; 65, с. 150][2]. Главным условием выхода в отставку для всех гражданских служащих являлась передача оставляемой должности в установленном порядке (включая сдачу дел, бумаг, денежной казны и казенного имущества) [30, с. 805; 34, с. 406, 475]. В 1844 г. был законодательно утвержден срок, в течение которого всем чиновникам, желавшим уволиться от службы, требовалось предоставить соответствующее прошение – с 1 января по 1 мая каждого года [59, с. 518].

лее одного дня наказывались содержанием под караулом «безвыходно вдвое против того, сколько кто пробыл в отлучке» [65, с. 147].

[1] В частности, в указе от 30 декабря 1765 г. говорилось, что «вольность и свобода в службе, сколь долго кто быть пожелает, пожалована единственно российскому дворянству», а «всех, которые не имеют права пользоваться… дворянством, а будут просить об увольнении от службы, таковых отсылать в Медицинскую коллегию для освидетельствования их болезней» [25, с. 472].

[2] С 1836 г. лица, вышедшие из податного состояния, также обязались в 6-месячный срок «избрать род жизни и подать о себе и о семействе своем ревизские сказки» [52, с. 694].

В последней четверти XVIII – первой четверти XIX в. материальное обеспечение лиц, вышедших в отставку по болезни или старости, не имело четких законодательных очертаний. Хотя право на пенсию служащие получили в 1764 г. (назначалось половинное жалование)[1], даже к концу XVIII в. выплаты получало весьма небольшое число лиц[2]. В период правления Александра I особое внимание уделялось пенсионному обеспечению отставных военных, в особенности после окончания Отечественной войны 1812 г.[3], а намерение обеспечить денежным довольствием всех отставных гражданских служащих так и осталось на уровне обсуждений [38, с. 541]. Между тем определенная практика назначения пенсий все же сформировалась. Во-первых, выплат, как правило, удостаивались лишь наиболее нуждавшиеся, не имевшие иных средств к существованию, а участь остальных зависела от воли начальства. Во-вторых, вдовы и сироты гражданских служащих искали назначения пенсий, обращаясь в Комиссию прошений, которая, в свою очередь, не гарантировала материальную поддержку, но позволяла получить ее, опять же, наименее обеспеченным [19, с. 244–245].

Следует отметить, что некоторые меры по улучшению ситуации все же были предприняты при Александре I. В 1819 г. в получении пенсий гражданские служащие были уравнены с военными [40, с. 153], в 1820–1821 гг. установлен минимальный размер пенсии (50–100 руб.) [40, с. 122; 41, с. 21–22, 806], в 1823 г. предписывалось выплачивать единовременные годовые оклады вдовам и сиротам чиновников, умерших на службе [42, с. 729]. В том же 1823 г. был учрежден особый Комитет для призрения заслуженных гражданских чиновников с капиталом в 1 млн руб., цель которого заключалась в оказании «разных вспомоществований» лицам, не имевшим «средств к приличному себя содержанию»[4] [42, с. 792; 46, с. 255]. Правила его работы гласили, что Комитет назначал «не пенсионы, а пособия» (постоянные и единовременные) «из внимания к особенному усердию в исполнении должностей и к произошедшим от того болезненным припадкам, не позволяющим продолжать службу временно или продолжительно». Помощь оказывалась как нетрудоспособным чиновникам, так и их родителям, вдовам и сиротам [46, с. 255].

---

[1] Согласно указу от 7 июня 1764 г., служащим, «кои по старости и дряхлости и по другим приключившимся увечным болезням дел отправлять не могут… дать каждому по приличеству персоны и его состояния пенсион» [24, с. 790].

[2] По подсчетам Л.Ф. Писарьковой, в 1792 г. «пенсионы получали 123 гражданских служащих, от статских советников до подканцеляристов» [19, с. 242].

[3] Как уже упоминалось, для помощи раненым офицерам в 1816 г. был учрежден «особый капитал», формировавшийся из разных источников [38, с. 576–577].

[4] Действовал по принципу работы Комитета 18 августа 1814 г.

Пожалуй, одним из самых важных событий в истории государственной службы изучаемого периода стало появление Устава о пенсиях и единовременных пособиях от 6 декабря 1827 г. с последующими дополнениями, гарантировавшего регулярное денежное довольствие при выходе в отставку каждому гражданскому служащему при условии «беспорочного» прохождения службы. По сути, эти выплаты приравнивались к наградам за труды. Единовременные пособия назначали для чиновников, служивших недолгое время и выбывших в связи с тяжкой неизлечимой болезнью (потерей зрения, параличом, лишением рассудка и т.п.), при этом увечья, полученные во время «действительного отправления должности», с которыми был связан выход в отставку, позволяли претендовать не на разовые, а на постоянные выплаты. Принятый расчет пенсии мотивировал на долговременное пребывание на службе: выслуга от 20 до 30 лет давала возможность получать треть годового оклада, от 30 до 35 лет – две трети, более 35 – полный оклад[1] [46, с. 1032–1037; 48, с. 18–19]. Пенсии также полагались вдовам и сиротам чиновников, заслуживших право на их получение (в размере, исходя из выслуги). Права на пенсию лишались чиновники, приговоренные по суду к наказаниям за время службы или в отставке (за исключением дисциплинарных взысканий за медленность и недосмотр, штрафов, выговоров, замечаний, подтверждений и т.п.).

***

Последняя четверть XVIII – первая половина XIX в. являлась временем становления системы социальных гарантий гражданских служащих. Непосредственное влияние на этот процесс оказывали изменения, происходившие в области формирования кадрового состава государственной службы, когда на смену служилому сословию приходила профессиональная бюрократия, для которой жалование являлось основным источником существования. Служба в форме повинности уходила в прошлое, вынуждая государство пересматривать кадровую политику с учетом не только своих, но и интересов служащих.

Проведенное исследование позволило увидеть, что верховная власть долгое время не воспринимала проблему обеспечения социальной защищенности служащих как одну из приоритетных задач кадровой политики, однако, пытаясь преодолеть дефицит кадров, в условиях которого функционировал государственный аппарат в изучаемый период, ей приходилось все больше обращать внимание на положение служащих. И если при Екатерине II сохранялся взгляд на службу как на наследственную обязанность отдельных категорий населения, то при Николае I уже сформировался системный подход к решению кадрового вопроса, а на первый план вышло стремление

[1] Минимальный размер пенсии составлял 100 руб.

наполнить государственный аппарат лицами, не только способными к исполнению должностных обязанностей, но и мотивированными на «беспорочную» и долговременную службу.

Список источников и литературы

1. *Берендтс Э.Н.* О прошлом и настоящем русской администрации. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. VII, 280 с.

2. *Воропанов В.А.* Развитие системы государственной гражданской службы Российской империи во второй половине XVIII в. Управление карьерой классных чиновников // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Т. 8. № 5. С. 90–97.

3. *Воропанов В.А.* Развитие системы государственной гражданской службы в Российской империи во второй половине XVIII в. Часть первая. Управление канцелярскими кадрами // Социум и власть. 2014. № 5 (49). С. 106–111.

4. *Воропанов В.А.* Развитие системы отбора и подготовки кадров государственной гражданской службы в Российской империи в первой половине XIX в. // Социум и власть. 2013. № 6 (44). С. 84–89.

5. Государственный архив Вологодской области (ГА ВО). Ф. 175. Оп. 2. Д. 36.

6. ГА ВО. Ф. 178. Оп. 3. Д. 326.

7. ГА ВО. Ф. 235. Оп. 2. Д. 505.

8. ГА ВО. Ф. 388. Оп. 1. Д. 7333.

9. ГА ВО. Ф. 388. Оп. 8. Д. 103.

10. ГА ВО. Ф. 388. Оп. 8. Д. 991.

11. *Градовский А.Д.* Начала русского государственного права. Т. 3. Ч. 1: Органы местного управления. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1883. VII, 384 с.

12. *Иванова Н.Л., Подольский Д.А.* Гарантии государственных гражданских служащих как элемент современной кадровой политики // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 1. С. 173–190.

13. *Корф С.А.* Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855 годов. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1906. VIII, 720 с.

14. *Лазаревский Н.И.* Лекции по русскому государственному праву. Т. II. Административное право. Ч. 1. Органы управления. СПб.: Тип. акц. о-ва «Слово», 1910. 276 с.

15. *Малышева Г.А.* Государственные гарантии гражданских служащих: современное административно-правовое регулирование и направления совершенствования: дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2012. 227 л.

16. *Марней Л.П.* Д.А. Гурьев и финансовая политика России в начале XIX в. М.: Индрик, 2009. 272 с.

17. *Метушевская Т.И.* Правовой статус государственного служащего в России в XVIII – первой половине XIX вв.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 198 л.

18. *Нелидов Н.К.* Юридические и политические основания государственной службы. Ярославль: Тип. губернской земской управы, 1874. III, 281 с.

19. *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России в первой трети

XIX в.: становление министерской системы. М.: Новый хронограф, 2019. 414 с.

20. *Писарькова Л.Ф.* Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX в. // Человек. 1995. № 3. С. 121–139; № 4. С. 147–158. URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/MEN/PISAR_1.HTM (дата обращения: 10.08.2022).

21. *Писарькова Л.Ф.* Чиновник на службе в конце XVII – середине XIX века // Отечественные записки. 2004. № 2. С. 358–370. URL: https://strana-oz.ru/2004/2/chinovnik-na-sluzhbe-v-konce-xvii----seredine-xix-veka (дата обращения: 10.08.2022).

22. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 1-е: по 12 декабря 1825 г.]: [в 45 т.] (ПСЗ–I). Т. 6. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 815 с.

23. ПСЗ–I. Т. 15. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1050 с.

24. ПСЗ–I. Т. 16. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1018, 106 с.

25. ПСЗ–I. Т. 17. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1135 с.

26. ПСЗ–I. Т. 19. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1081 с.

27. ПСЗ–I. Т. 20. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1034, 7 с.

28. ПСЗ–I. Т. 21. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1083 с.

29. ПСЗ–I. Т. 22. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1168 с.

30. ПСЗ–I. Т. 23. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 969 с.

31. ПСЗ–I. Т. 24. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 869 с.

32. ПСЗ–I. Т. 25. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 933 с.

33. ПСЗ–I. Т. 26. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 875 с.

34. ПСЗ–I. Т. 27. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1122 с.

35. ПСЗ–I. Т. 28. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1328, 24 с.

36. ПСЗ–I. Т. 31. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 944, 8 с.

37. ПСЗ–I. Т. 32. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1109, 14, 5 с.

38. ПСЗ–I. Т. 33. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1173 с.

39. ПСЗ–I. Т. 34. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 958 с.

40. ПСЗ–I. Т. 36. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 734 с.

41. ПСЗ–I. Т. 37. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 983 с.

42. ПСЗ–I. Т. 38. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1354 с.

43. ПСЗ–I. Т. 39. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 690 с.

44. ПСЗ–I. Т. 44. Ч. 2: Книга штатов. Отд. III и IV. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1172 с.

45. Полное собрание законов Российской империи: [Собрание 2-е: с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.]: [в 55 т.] (ПСЗ–II). Т. 1. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1525 с.

46. ПСЗ–II. Т. 2. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1561 с.

47. ПСЗ–II. Т. 3. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1642 с.

48. ПСЗ–II. Т. 6. Отд. 2. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1832. 693 с.

49. ПСЗ–II. Т. 7. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1833. 1492 с.

50. ПСЗ–II. Т. 8. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1834. 832 с.

51. ПСЗ–II. Т. 10. Отд. 2. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1836. 867 с.

52. ПСЗ–II. Т. 11. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1837. 895 с.

53. ПСЗ–II. Т. 11. Отд. 2. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1837. 1019 с.

54. ПСЗ–II. Т. 12. Отд. 2. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1838. 823–1067, 302, 101, 134 с.

55. ПСЗ–II. Т. 13. Отд. 2. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1839. 888 с.
56. ПСЗ–II. Т. 14. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1840. 1185, 31, 6 с.
57. ПСЗ–II. Т. 15. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1841. 961 с.
58. ПСЗ–II. Т. 15. Отд. 2. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1841. 981 с.
59. ПСЗ–II. Т. 19. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1845. 921 с.
60. ПСЗ–II. Т. 19. Отд. 2. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1845. 358, 36, 52, 115 с.
61. ПСЗ–II. Т. 20. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1846. 1045 с.
62. ПСЗ–II. Т. 20. Отд. 2. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1846. 821 с.
63. ПСЗ–II. Т. 28. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1854. 704 с.
64. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]. [Т. 2]: Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 2. Учреждения губернские. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1833. 903 с.
65. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]. [Т. 3]: Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 3: Уставы о службе гражданской. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1833. 530 с.
66. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]. [Т. 3]: Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 3: Уставы о службе гражданской. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1842. 512, 146, 320 с.
67. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]. [Т. 5]: Уставы казенного управления. Ч. 1. Уставы о податях, пошлинах, сбор и акциз и питейном, и акцизе с табаку. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1842. 564, 43, IV с.
68. *Чуб Н.В.* Организационно-правовые основы прохождения государственной службы в губернских органах России в XIX веке: дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. 215 л.

УДК 93/94

О.В. Ларюшкин[1]

Мусульмане в составе московского купечества (конец XVIII – середина XIX в.)

Аннотация. В статье автор попытался составить социальный портрет мусульман, вступивших в состав московского гильдейского купечества, обращая внимание на такие аспекты, как динамика их численности, национальная принадлежность, места проживания, взаимоотношения с местным купечеством, сроки пребывания в купечестве, род торговой деятельности, формы брака, участие в общественной жизни города, знание русского языка.
Ключевые слова: московское купечество; мусульмане; торговля; устойчивость капитала; поручители; мечеть.

The Muslims in the Moscow merchant estate (end of XVIII – middle of XIX century)

Abstract. The Author is trying to create a collective a portrait of muslims, who had joined the Moscow guild merchant estate, paying attention to such aspects as the dynamic of their number, ethnicity, places of residence, relations with the local merchants, length of stay in the merchants estate, the kind of business, forms of marriage, the participation in the public life of the city, knowledge of the Russian language.
Keywords: Moscow merchants; Muslims; trade; capital stability; guarantees; mosque.

В XVIII–XIX вв. Москва являлась перекрестком торговых путей между Западом и Востоком, привлекавшим разнонациональные группы предпринимателей. С XVII в. российское правительство проводило политику меркантилизма и протекционизма, обеспечивавшую защиту местной продукции на внутреннем рынке за счет запретов и ограничений для представителей иностранного капитала. В этих условиях последним приходилось вступать в местное купечество. Первые случаи вступления иностранцев в московское купечество датируются серединой 1744 г., но само купеческое сословие юридически оформляется в 1775–1785 гг. Среди инонациональных групп в московском купечестве во второй половине XVIII – середине XIX в. были представлены, главным образом, западноевропейцы,

[1] **Олег Викторович Ларюшкин** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра истории русского феодализма, Институт российской истории РАН (Москва, Россия), e-mail: laryuschkin@yandex.ru.
Oleg W. Laryuschkin – Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Center of the History of Russian Feodalizm, Institute of Russian History of the Russian Academy of Science (Moscow, Russia).

прежде всего, немцы и французы. Также выделялись общины греков, цыган, армян, грузин и группа купцов восточного происхождения, которых объединяла общность вероисповедания – ислам (татары, бухарцы, персы и азербайджанцы). Вопрос о мусульманах в составе московского купечества до сих пор является лакуной в историографии, несмотря на то что отдельные сюжеты, связанные с ним, нашли отражение в ряде исследований [1; 2; 5; 18; 19; 21–25].

Первые упоминания о вступивших в московское купечество мусульманах относятся к концу XVIII – началу XIX в. Среди них были татары, бухарцы и персы. В 1820–1830-х гг. в составе купечества с временным статусом упоминались граждане Шуши и Шемахи, имевшие характерную мусульманскую ономастику. Хотя в источниках не указана их национальная принадлежность, но, вероятно, речь идет, об азербайджанцах. На момент проведения пятой ревизии (1795 г.) в составе купечества Москвы числился лишь один мусульманин – татарин С. Тактагулов, по шестой ревизии (1811 г.) их было уже 12, в 1815 г. – 11, в 1834 – 10, в 1851 – 11, в 1858 – 13. В ревизиях учитывались лица, состоявшие в наличии на момент ее проведения, и те, кто вступал в купечество на постоянной основе. Купцы с временным статусом не учитывались. Всего за исследуемый период в московском купечестве состояло 94 мусульманина: 18 азербайджанцев, 25 персов, 15 бухарцев, 25 татар, один казах и 10 купцов с неустановленной национальной принадлежностью, но характерными для мусульман именами.

Итак, в фокусе настоящего исследования четыре национальные группы, состоявшие в купечестве, которых объединяла приверженность к мусульманской вере, культуре и традициям. Однако необходимо иметь в виду различия, обусловленные обстоятельствами их появления в Москве и национальной спецификой.

Татары

Если персы, бухарцы и азербайджанские татары (до определенного момента) вступали в купечество, будучи иностранными подданными, то татары относились к группе «российских инородцев». По оценке Д.З. Хайретдинова, в первой половине XVIII в. наблюдалась трансформация прослойки служилых татар в городское сословие [23, с. 101]. В результате реформ Петра I остались в прошлом привилегии многих служилых людей, в том числе и значительной части татарского дворянства [1, с. 4]. Бывшие служилые татары начали заниматься промыслами и со временем торговлей [23, с. 101]. В последней четверти XVIII в. были изданы указы, относившиеся непосредственно к служилым татарам и облегчавшие для них занятия торговлей и запись в городские сословия [23, с. 142].

В ходе исследования удалось выявить сведения о 26 татарах, состоявших в московском купечестве за изучаемый период. Первым среди них был упомянутый выше Тактагулов, вступивший в 1791 г. в 3-ю гильдию Басманной слободы [46, л. 431]. Изучение степени устойчивости татарских фамилий показывает, что четыре фамилии упоминались в ревизиях на протяжении почти полувека: Исаковы (1811–1858 гг.), Абдуловы (1811–1858 гг.), Ишинбаевы (1815–1858 гг.), Мангушевы (1815–1858 гг.).

Место происхождения удалось установить у 16 из 26 татар: пятеро (Тактагулов, А. Абдулов, М. Бурнаев, М. Хайрузин, В. Акбулатов) прибыли из Казанского наместничества; Х.А. и А.А. Мангушевы были мурзами из села Камкино Княгининского уезда Нижегородской губернии [27]; братья Абдуловы – уроженцами г. Малмыжа Вятской губернии; Б.М. и А.М. Ишинбаевы, А.К. Исаков и А. Мусин – из г. Касимова; Р.Я. Поздняков – из г. Темникова Тамбовской губернии; М.Т. Девишев – из Елатьмы; И.Х. Девишев – из Пензенской губернии; Т. Цалилов – из Тобольской губернии.

Переезжая в Москву, они не разрывали связи с прежним местом проживания. Д.Ю. Филиппов упоминал, что Бахтюш Ишинбаев, будучи московским купцом, с 1825 до конца 1840 г. числился временным касимовским купцом 3-й гильдии. Он занимался «выделкой калмыцких и русских овчин и шитьем тулупов». Его брат, Абуш, перешедший в 1835 г. из московского купечества в касимовское, владел в родном городе мерлушечным заводом [21, с. 45].

В середине XIX в. в Москву и Петербург касимовскими купцами-татарами вывозилось большое количество козьего пуха. Кроме того, они вели активные торговые дела с бухарцами и часто совершали деловые поездки в Оренбург и Астрахань [21, с. 45]. В Москве татары были ядром всей мусульманской общины, к которой примыкали персы, бухарцы, азербайджанцы.

Азербайджанцы

В официальных документах XIX в. тюркское население Восточного Закавказья именовалось «азербайджанскими татарами». После присоединения к Российской империи территории современного Азербайджана в результате двух русско-иранских войн 1804–1813 и 1826–1828 гг. торговые отношения Закавказья с крупными российскими городами активно развивались [3, с. 6]. Имена некоторых купцов из Шемахи и Шуши встречаются в книгах объявленных капиталов Москвы начиная с 1820-х гг. Но в материалах ревизий они не встречаются, из чего можно сделать вывод о том, что в купечестве они состояли временно и сохраняли за собой статус иногородних жителей.

Всего за изучаемый период в московское купечество вступило 18 азербайджанцев, среди них 11 человек ранее проживали в Шемахе, трое являлись выходцами из Нухи и Ширвана, один бакинский уроженец. В действительности их могло быть и больше, поскольку в это число могли быть включены персы.

Персы и бухарцы

Всего за изучаемый период в московское купечество было записано 29 персов. Пятеро из них еще до записи утратили национальные черты: из дел о вступлении в купечество следует, что они проживали в России с малолетнего возраста, состояли в услужении у российских дворян, воспитывались в православной вере и жены их были русского происхождения (как правило, бывшие крепостные девки). Остальные 24 человека остались мусульманами и смогли сохранить этничность. Среди них упоминались уроженцы Шемахи, Астрахани и Дербента. В основной своей массе (17 случаев) они вступали временно в купечество.

В материалах ревизий фигурировали лишь пятеро человек: А. Марданов (1811 г.), А. Хасанов (1811 г.), М. Мамедов (1811 г.), Т. Маметов (1815–1851 гг.), А.-Х. Яхь-яев (1834 г.). О пребывании остальных персов свидетельствуют данные дел о зачислении в гильдии и данные книг объявленных капиталов. Аналогичная ситуация наблюдалась среди астраханских персов. По замечанию Э.М. Оздамировой, «все записавшиеся в гильдии персы не скрывали временный характер такого шага. Все они объявляли себя не имеющими семей и недвижимости в Астрахани» [13, с. 23].

Похожая ситуация с временным характером пребывания наблюдалась у бухарцев. Всего с 1802 по 1860-е гг. в купечество вступило 15 бухарцев, из них только четверо приняли российское подданство (Д. Абдулин, М. Юсуфов, А. Хашаров и его дочь, Н. Валибаев). Имя Хашарова упоминалось на протяжении 20 лет (1811–1834 гг., к 1834 г. он умер, но записана его дочь), для остальных устойчивость капитала была недолговременной.

Среднеазиатские купцы нередко выступали проводниками русских товаров на китайский рынок [11, с. 21], а во второй половине XIX в., обеспечивали сырьем российские ткацкие и прядильные мануфактуры.

***

Таким образом, главные отличия внутри изучаемой группы видны из обстоятельств появления и степени укоренения. Татары, как правило, поступали из представителей служилого сословия, а персы, бухарцы и азербайджанцы изначально имели отношение к торговле. Но, вероятно, последние рассматривали Москву в качестве места проведения торговых операций, что выразилось в кратковременном состоянии в гильдии, в то время как татары значительно сильнее осели в древней столице.

Места проживания

До начала XVIII в. иноверцы в российских городах должны были расселяться изолированно от местного населения. Западноевропейцы жили в Немецкой слободе, мусульмане – в Татарской (Замоскворечье), существовавшей еще с XVI в.

В законодательстве 1740-х гг. правительство придерживалось мер по изоляции мусульман от православных: при наличии «порозжих» мест в городах татар следовало селить в отдельные слободы [14, с. 764]. По указу от 3 августа 1744 г., им запрещалось записываться в городские сословия и проживать среди русского населения [14, с. 192]. Хотя высокий удельный вес мусульман в районе бывшей Татарской слободы наблюдался даже в середине XX в., предприниматели-мусульмане в первой четверти XIX в. стремились поселиться в торговом центре Москвы.

По данным ревизии 1811 г., из 12 мусульман лишь трое проживали в Татарской слободе, относившейся к Пятницкой части (татары А.Г. Абдикеев, А.К. Исаков, М. Абдулов). Четверо проживало в Сретенской части (Земляной город), причем трое из них были бухарцами по происхождению: Н. Валибаев и А. Хашхалов снимали жилье в доме грека В.И. Муштакова, Д. Абдулин – в доме господина Петрово-Соловово, бакинский перс А. Хасанов – у лекаря Жуле. По одному купцу-мусульманину проживало в Городской, Мещанской и Рогожской частях Москвы.

В 1815 г. лишь двое купцов-мусульман проживали в Татарской слободе – Х.Б. Акбулатов и А.К. Исаков. Татары М. Абдулов и Х.А. Мангушев и бухарцы Д. Абдулин, М. Юсуфов и А. Хашаров снимали жилье в Мясницкой части, при этом Мангушев и Хашаров владели недвижимостью в Татарской слободе. Все упомянутые купцы, за исключением Абдулова, снимали жилье у господина А.А. Соловова. Еще двое персов-мусульман, числясь в московском купечестве, проживали в других городах. В 1839 г. на территории Татарской слободы владело домами трое татар: М. Абдулов, А.К. Ирков, А.-К.К. Исаков. В 1850 г. лишь татарин Абдулов владел жильем в Татарской слободе.

Предмет торговли

Хотя в московском купечестве состояли мусульмане из отдаленных друг от друга географических регионов, род их торговой деятельности в основном был идентичен. Наиболее заметно преобладание в торговле шалями, шелком, хлопчатой бумагой, причем татары изначально выступали посредниками между русским и бухарско-персидским рынками, сбывая привозные «азиатские товары»: персидские, бухарские, шелковые и бумажные ткани, а также овчинные тулупы [21, с. 45].

Встречается пять татарских фамилий, состоявших в гильдейском купечестве и имевших «пушной» торг. При более детальном рассмотрении оказывается, что их деятельность больше была связана с животноводством. Семьи татар Мустаевых и Ишинбаевых, владели в Касимове мерлушечным заводом (выделка овчин и шитье тулупов), продукция которого поступала на московский рынок [21, с. 47]. На выставке 1853 г. ими были представлены меха хивинской и русской мерлушки [20, с. 113].

За весь изучаемый период шалями торговало 26 лиц иностранного происхождения, из них 20 являлись выходцами с Востока: семь из девяти татар (с известным родом торговой деятельности), шесть армян, четыре перса, три бухарца. В 1816 г. татарином Макаем Абдуловым, владевшим лавкой на Лубянке в доме Лухманова, было подано объявление в газету «Московские ведомости» из которого следует, что им были «получены с Макарьевской ярмарки привезенные прямо через Бухарию настоящие кашемирские очень необыкновенных и тонких доброт и рисунков шали и платки» [12, с. 1632].

Торговлей шелком были заняты все временные купцы из Шемахи и Шуши. Шемаханские изделия по качеству превосходили ткани, изготовлявшиеся в других местностях Азербайджана, на Кавказе и в Иране. Мастерские Шемахи получали из Москвы заказы на производство пригодного для сбыта на рынках России шелка и изящных шелковых изделий [43, л. 431].

Поручительство

Каждый вступавший в купечество иностранец или иногородний при обращении в городовой магистрат с просьбой о записи должен был подтвердить отсутствие штрафов и подозрений за подписью нескольких лиц и заручиться свидетельством нескольких купцов в своевременной ежегодной уплате 1 % процента с объявленного капитала. Данные лица назывались поручителями. В случае если вступавший в купечество не мог произвести уплату податей, вся материальная ответственность возлагалась на них.

Известно о составе поручительства 28 купцов-мусульман: у 25 из них поручителями были их единоверцы, при этом доля соотечественников у лиц из каждой национальной группы невысока. Только у шести из 10 татар среди поручителей были их земляки, в то время как у 11 персов соотечественники фигурировали лишь в четырех случаях, а у бухарцев всего в одном (торговец шелком Д. Абдулин в 1811 г. поручился за торговца шалями М. Юсуфова) [44, л. 139 об.].

Русские купцы выступали поручителями у 18 мусульман. П.И. Полетаев в 1807 г. поручился за перса М. Алихана [36; 44, л. 102 об.], в 1808 г. за перса А. Марданова [41], в 1810 г. за бухарца Д. Абдулина [38]. Я.А. Коре-

лин был поручителем у двух бухарцев: С.Н. Бакибаева (1801 г.) [26, л. 775] и Д. Абдулина (1802 г.) [42; 44, л 134 об.], занимавшихся торговлей шелком.

Существовала связь мусульман с купцами армянского происхождения. Очевидно, это объяснялось однородным предметом торговли, сбытом шелковой продукции и шалей. Торговец шалями татарин М. Абдулов поручился за астраханского армянина А.К. Красильникова [27]. За М.Г. Красильникова поручились татарин А.К. Исаков и бухарец Д. Абдулин [44, л. 63 об.], а сам Красильников был поручителем у бухарцев М. Юсуфова [44, л. 139 об.], Н. Валибаева [44, л. 140], персов М. Алихана [36; 44, л. 102 об.], А. Марданова [41], А. Хасанова [44, л. 126], Н. Абдуллаева [40] и М. Мамедова [30, л. 13], при этом в составе его поручительства значился лишь один его соотечественник, Огостанос Герасимов [37; 45, л. 356 об.]. Бухарец З. Амиров был поручителем армянина А. Калустова [43; 44, л. 15 об.].

Браки

Одним из определяющих факторов для существования общины являлось наличие внутренних матримониальных связей. Права мусульман в вопросе вступления в брак с православными были ограничены в большей степени, чем у инославных христианских конфессий [15]. Если мусульманин, не вступивший в российское подданство, брал в жены российскую подданную мусульманку, то для сохранения брака он обязан был проживать в России. В случае его отъезда на родину, жена оставалась в России [16].

Среди изученных данных о семьях мусульман не выявлено ни одного смешанного в конфессиональном плане брака. В то же время в материалах ревизий встречается немало упоминаний о смешанных браках между представителями разных конфессий. У вступивших в московское купечество мусульман наблюдалось многоженство. Так, у М. Абдулова было три жены [8, с. 100], у В. Акбулатова – две [8, с. 233; 33, л. 127 об. – 128]. На факт многоженства у купцов-татар в Москве обращал внимание Л.И. Розенберг. Исследователь также заметил, что у московских татар взрослые сыновья оставались в большой единой семье. После смерти главы семьи взрослые братья в одних случаях жили вместе, не разделяясь, в других – обособлялись [18, с. 24].

Вероисповедание

Мусульманам запрещалось возводить и восстанавливать мечети в местах с проживанием православного населения, даже если в них доля мусульман преобладала [14, с. 157]. Хайретдинов приводит сведения о том, что мечеть в Москве существовала до 1771 г. и затем была ликвидирована крещеными потомками мурзы М. Семенеева, во дворе которого размеща-

лась [22]. Лишь в 1805 г. московские мусульмане обратились к местным властям с просьбой о разрешении строительства мечети, которая, однако, появилась лишь в 1821 г. Отчасти это было связано с принципиальной позицией некоторых видных членов мусульманской общины, высказывавшихся против покупки для мечети дома «без приличного по обряду признака» [22]. Здесь речь идет о купце М. Абдулове, на участке которого, а также А.-К. Курамшина были устроены собственные семейные молельни. Немалая заслуга в создании общинной молельни, располагавшейся в Старых Толмачах, принадлежала Х.А. Мангушеву. В 1826 г. мечеть переехала из дома Мангушева в здание Татарского молитвенного дома (Историческая мечеть), но и здесь московские власти во избежание конфликта с руководством Русской православной церкви предписали общине, «чтобы дом сей строим не был в виде мечети и не назывался бы мечетью» [22].

Таким образом, купеческий элемент в составе мусульманской общины играл заметную роль, что проявлялось, прежде всего, в финансовой и организационной помощи в обустройстве традиционных для мусульман культовых сооружений – мечетей. Мусульманская община была наиболее замкнутой среди всех остальных религиозных общин, представленных в Москве. Этому способствовали как внутренняя консолидация, так и запретительные меры со стороны правительства.

Укоренение в Москве

Некоторым мусульманским семьям удалось укорениться в московском купечестве. На протяжении семи десятилетий XIX в. в источниках упоминается семейство касимовских татар Ишинбаевых. Три брата, Абуш, Бахтюш и Максут, в 1811 г. вступили во 2-ю гильдию. Спустя три года Бахтюш, производивший торг пушным товаром, перешел в 3-ю гильдию, а Абуш и Максют выбыли из купечества. Хотя Бахтюш и его потомство были московскими купцами по статусу, проживали они в г. Касимове. У Бахтюша было две жены, от которых родилось 10 детей. Купеческую династию продолжили старшие сыновья Файзул и Файсул, состоявшие в 3-й гильдии, и третий сын Гайзизулл, купец 1-й гильдии. Признаков обрусения у них не обнаружено. Вероятно, представители фамилии по сей день проживают в Касимове. В частности, одним из касимовских краеведов был Ахмед Муртазинович Ишимбаев (1906–1998), участник Великой Отечественной войны.

Источники по московскому купечеству позволяют проследить вековую историю татар Исаковых из Касимова. Вдова Рахима Исакова и ее сыновья Абдул-Карим и Абдусалам вступили в московское купечество в 1796 г. Они владели двором в Татарской слободе и торговали шалями.

Оба брата до 1825 г. числились в одном семейном капитале. Затем Абдусалам перешел в мещанство. С 1842 г. семейное дело Исаковых перешло второму сыну Абдул-Карима Мухамед-Рахиму (1810–1898). 14 августа 1867 г. Исаковы были причислены к потомственному почетному гражданству [17]. Они прочно осели в Москве, сохранив устойчивый семейный капитал. Представители этого рода упоминались в посемейных списках 1874 г. [32, л. 127 об. – 128] и 1897 г. [34, л. 4 об. № 16].

По данным капитальных книг и ревизий за период с начала XIX в. по 1870-е гг. прослеживается судьба трех поколений семейства Абдуловых, родоначальник которого – Макай Абдулов из татар г. Малмыжа Вятской губернии – 31 октября 1806 г. был причислен в купечество 2-й гильдии. Некоторое время он даже состоял в 1-й гильдии (с 1811 по 1815 г.), затем вновь перешел во 2-ю, а с 1826 г. объявил капитал, соответствующий 3-й гильдии. Он принимал активное участие в общественной жизни Москвы. В 1815 г. был избран смотрителем за розничной и разносной торговлей российскими и иностранными товарами [6, с. 47]. В 1815 г. у него было четыре жены, от которых родилось 13 детей [9, с. 214]. До середины XIX в. семейство продолжало числиться в 3-й гильдии, а двое из восьми сыновей перешли в мещанство. После смерти Макая семейное дело продолжили его сыновья Мир-Якуб, Габайдула, Мир-Гафур и внук Мир-Азим. В посемейном списке 1874 г. упоминалось семейство Мир-Якуба: сыновья Мир-Азим, Ибн-Еман, Сулейман, Омяр и семьи братьев Габайдула и Мир-Гафур [31]. Они торговали типичным для московских татар товаром – шалями и халатами [7, с. 305]. В капитальной книге 1862 г. [29, л. 3 об.] упоминалось, что Мир-Якуб не знал русской грамоты, несмотря на то что родился в Москве.

В московском купечестве с 1811 г. состояло семейство татар Мангушевых. Родоначальник московской ветви Хасан Аитов Мангушев (1773–1827), вступивший в 3-ю гильдию, прибыл из купецких детей г. Княгинин (Нижегородская губерния) [39]. Он торговал шалями. Как и многие его единоверцы, был многоженцем. В материалах ревизий упомянуты две его жены – Глузавер Тяпыева, Кадуци Варишина (очевидно, транскрибация имен искаженная) [9, с. 219], в браке с которыми у него родилось семь детей. После смерти Хасана трое его старших сыновей – Умар, Осман, и Фетхулл, а также внуки, продолжали состоять в купечестве 3-й гильдии, занимаясь торговлей шалями и платками. Последние упоминания об их фамилии в составе купечества относятся к 1860-м гг. Позже, после упразднения 3-й гильдии, они, вероятно, пополнили ряды мещанства. С 1827 по 1836 г. в 3-й гильдии Устюжской полусотни состоял родной брат Хасана Айбгатулл со своей семьей [10, с. 251; 28, л. 2]. Несмотря на длительное проживание в Москве Мангушевы так и не обзавелись собственным домом, снимая жилье.

***

Таким образом, мусульмане, состоявшие в гильдиях московского купечества, практически не подвергались обрусению на протяжении ряда поколений, в то время как среди купцов западноевропейского происхождения признаки обрусения начинали проявляться, как правило, со второго-третьего поколения. Среди московских купцов-мусульман не выявлено ни одного случая обращения в православие. Они вступали в брак с представительницами своей этноконфессиональной среды. В их среде многоженство было типичным явлением. При вступлении в купечество за них поручались единоверцы. В книгах объявленных капиталов подпись напротив мусульманских фамилий ставилась на арабской вязи. Для большинства из них был присущ единый предмет торговли – шали, платки, шелк; некоторые были заняты сбытом пушнины. Пожалуй, лишь фактор проживания свидетельствовал об их инкорпорации в деловую жизнь. Значительная часть предпочла селиться не в историческом центре мусульман, расположенном в Татарской слободе, а на территории Белого города, в деловой части Москвы.

Список источников и литературы

1. *Габдуллин И.Р.* От служилых татар к татарскому дворянству. М.: Изд. Р.Ш. Кудашев, 2006. 317 с.

2. *Гончарова Н.С.* Татары в Москве (Опыт историко-статистического исследования): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2002. 24 с.

3. *Джафаров А.П.* Присоединение ширванского ханства к России и восстановление города Шемахи: автореф. дис. … канд. ист. наук. Баку, 1955. 16 с.

4. Ислам в Москве: энциклопедический словарь // ИД «Медина». URL: http://www.idmedina.ru/books/encyclopedia/?3079 (дата обращения: 20.02.2021).

5. История Москвы: в 6 т. Т. 3. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. 872 с.

6. Материалы для истории Московского купечества. Т. 2: Приговоры московского купеческого общества. М.: Типо-лит. И.Н. Кушнерев и К°, 1892. XVI, 378 с.

7. Материалы для истории Московского купечества. Т. 4: Приговоры московского купеческого общества. М.: Типо-лит. И.Н. Кушнерев и К°, 1899. XX, 467 с.

8. Материалы для истории московского купечества. Т. 5: [Сказки 6-й ревизии]. М.: Типо-лит. И.Н. Кушнерев и К°, 1887. 414 с.

9. Материалы для истории московского купечества. Т. 6: [7-я ревизия]. М.: Типо-лит. И.Н. Кушнерев и К°, 1887. 247 с.

10. Материалы для истории московского купечества. Т. 7: [8-я ревизия]. М.: Типо-лит. И.Н. Кушнерев и К°, 1888. 257 с.

11. *Никонов О.А.* Иран и Центрально-Азиатский регион во внешнеполитических планах Российской империи (первая половина XIX в.). Владимир: Изд-во ВГГУ, 2010. 190 с.

12. Объявления // Московские ведомости. 1816. № 76. С. 1632.

13. *Оздамирова Э.М.* Восточное купечество в русско-азиатской торговле через Астрахань в первой половине XIX века: автореф. дис. … канд. ист. наук. Грозный, 2017. 27 с.

14. Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. Т. 12: 1744–1748. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. 960 с.

15. Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 2-е]. Т. 1: С 12 декабря 1825 по 1827. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. 1525 с.

16. Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 2-е]. Т. 2: 1827 г. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. 1561 с.

17. Российский государственный исторический архив. Ф.1343. Оп. 39. Д. 1867.

18. *Розенберг Л.И.* Татары в Москве XVII – середине XIX вв. // Этнические группы в городах европейской части СССР (формирование, расселение, динамика, культуры). М.: АН СССР, 1987. С. 16–26.

19. *Тихонов Ю.В.* Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 352 с.

20. Указатель московской выставки мануфактурных изделий Российской империи, Царства Польского и Великого Княжества Финляндского. М.: Университетская тип., 1853. 134 с.

21. *Филиппов Д.Ю.* Связи касимовского купечества с Москвой в конце XVIII–XIX вв. // Города Подмосковья в истории российского предпринимательства и культуры: II конф., (Серпухов, дек. 1997). Серпухов: Серпух. ист.-худож. музей, 1997. С. 44–47.

22. *Хайретдинов Д.З.* Мифы о мечетях Москвы // Газета Медина аль-ислам № 111 (21.12.2010). URL: http://www.idmedina.ru/medina/?2159 (дата обращения: 25.10.2020).

23. *Хайретдинов Д.З.* Мусульманская община Москвы в XIV – начале XX века. Н. Новгород: Махинур: Медина. 2002. 182 с.

24. *Хайретдинов Д.З.* Мусульманская община Москвы: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2001. 25 с.

25. *Хайретдинов Д.З.* Татарская община Москвы начала XIX века: неизвестные страницы истории // Фаизхановские чтения № 8 (2011). URL: http://www.idmedina.ru/books/materials/?5101] (дата обращения: 05.07.2021).

26. Центральный Государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 2. Оп. 1. Д. 10.

27. ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 1. Д. 758.

28. ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 58.

29. ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1258.

30. ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 2955.

31. ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 4. Д. 20.

32. ЦГА Москвы. Ф. 3. Оп. 2. Д. 644.

33. ЦГА Москвы. Ф. 3. Оп. 2. Д. 686 а.

34. ЦГА Москвы. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1987.

35. ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 4. Д. 646.

36. ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 4. Д. 6185.

37. ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 11. Д. 4981.
38. ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 11. Д. 5154.
39. ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 11. Д. 5815.
40. ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 11. Д. 8557.
41. ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 11. Д. 9282.
42. ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 11. Д. 9413.
43. ЦГА Москвы. Ф. 51. Оп. 18. Д. 61.
44. ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 124.
45. ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 125.

УДК 930(470.23-25)»19»(093):378-051:94(4)»...../16»:327

И.В. Кравченко[1]

Проблема отношений Великого княжества Литовского и Великого княжества Московского в работах преподавателей Санкт-Петербургского императорского университета (XIX в.)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса внешнеполитических отношений Великого княжества Литовского и Великого княжества Московского в XIV–XVI вв. в работах российских дореволюционных исследователей. Приоритетным направлением научных исследований оставались вопросы формирования централизованного Российского государства, объединения княжеств Северо-Восточной Руси. Аспект внешнеполитических отношений двух государств приобрел актуальность в российской интеллектуальной среде во второй четверти XIX в. в рамках рассмотрения вопроса собирания русских земель. С целью детального изучения проблемы в статье проанализированы концепции представителей высшей школы Российской империи XIX в., в частности преподавателей Санкт-Петербургского императорского университета: Н.Г. Устрялова (1805–1870) и К.Н. Бестужева-Рюмина (1829–1897).

Ключевые слова: Великое княжество Литовское; Великое княжество Московское; внешняя политика; историография.

The problem of relations between the Grand Duchy of Lithuania and the Grand Duchy of Moscow in the works of teachers of the Imperial St Petersburg University (XIX century)

Abstract. The article concerns the issue of foreign policy relations between the Grand Duchy of Lithuania and the Grand Duchy of Moscow during XIV–XVI centuries in the works of Russian pre-revolutionary researchers. Formation of centralized Russian state, unification of the principalities of North-Eastern Rus' remained a priority area of scientific research. The aspect of foreign policy relations between these states became relevant in Russian intellectual community in the second quarter of the XIX century as a part of the consideration of the unification of Russian lands. For the purpose of a detailed study, the author analyzes the concepts of representatives of the higher school of the Russian

[1] **Ирина Витальевна Кравченко** – аспирант кафедры археологии, истории Беларуси и специальных исторических дисциплин, Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова (Могилев, Республика Беларусь), e-mail: ir.crawchenko2011@yandex.ru.
Irina V. Kravchenko – Graduate student of the Department of Archeology, History of Belarus and Special Historical Disciplines, Mogilev State University named after A. Kuleshov (Mogilev, Republic of Belarus).

Empire, in particular – teachers of the Imperial St Petersburg University: N.G. Ustryalov (1805–1870) and K.N. Bestuzhev-Ryumin (1829–1897).
Keywords: the Grand Duchy of Lithuania; the Grand Duchy of Moscow; foreign policy; historiography.

Изучение ранней истории Великого княжества Литовского является одним из приоритетных направлений в белорусской исторической науке, и оно невозможно без учета российского историографического опыта XIX в. Переиздание работ дореволюционных ученых по истории Великого княжества Литовского подтверждает актуальность проблемы. Тем не менее на сегодняшний день современными историками не создана научная работа, в которой специальным предметом исследования был бы процесс изучения представителями высшей школы Российской империи проблемы внешнеполитических отношений Великого княжества Литовского и Великого княжества Московского в XIV–XVI вв. [5, с. 169].

Цель исследования заключается в раскрытии концептуальных положений преподавателей Санкт-Петербургского императорского университета Николая Герасимовича Устрялова и Константина Николаевича Бестужева-Рюмина по вопросу внешнеполитических отношений Великого княжества Литовского и Великого княжества Московского. Достижение поставленной цели предполагает анализ концепций Устрялова и Бестужева-Рюмина по проблеме военно-политического противостояния княжеств в XIV–XVI вв.

Необходимо отметить недостаточную степень изученности обозначенной проблемы: в исследовании А.М. Столярова внешнеполитические отношения между великими княжествами в XIV–XVI вв. в трудах представителей высшей школы Российской империи не выделялись в качестве специального предмета исследования и рассматривались историком в контексте вопроса социально-политического развития Великого княжества Литовского [7]. Вопросам эволюции тематики научных исследований, а также формирования научных школ в Санкт-Петербургском университете посвящены работы А.Ю. Дворниченко и Е.А. Ростовцева [3; 4; 6]. Источниками настоящего исследования послужили опубликованные научные труды Устрялова и Бестужева-Рюмина по истории Великого княжества Литовского, в которых рассматривался вопрос внешнеполитических отношений с Великим княжеством Московским.

***

К профессиональному изучению прошлого земель, некогда входивших в состав Великого княжества Литовского, в Российской империи обратились еще в начале XIX в. Актуализация научного интереса была непосредственно связана с событиями последней трети XVIII в.: в результате

политического кризиса Речи Посполитой и последовавших разделов 1772, 1793 и 1795 гг. значительная часть ее территории (в том числе белорусские земли) вошла в состав Российской империи. Изменившиеся политические реалии, а также контакты с польской гуманитарной средой предоставили возможность российским дореволюционным ученым ознакомиться с источниковым корпусом по истории Великого княжества Литовского. Активизация исследований представителей высшей школы по проблеме внешнеполитических отношений Великого княжества Литовского произошла во второй четверти XIX в. вследствие Польского (Ноябрьского) восстания 1830–1831 гг., охватившего северо-западные губернии. Необходимость понять причины восстания, его корни подтолкнула историков к интенсивному изучению истории внешнеполитических отношений Великого княжества в XIV–XVI вв. Наряду с Московским университетом и Университетом Св. Владимира в Киеве крупнейшим центром научных исследований в XIX в. по вопросу внешнеполитических отношений великих княжеств стал Санкт-Петербургский университет: его преподаватели внесли значимый вклад в разработку данной проблемы.

Профессор русской истории Н.Г. Устрялов (1805–1870) одним из первых российских историков обратился к истории Великого княжества Литовского. В работе «О Литовском княжестве» он попытался объяснить политику московских государей. Устрялов отмечал, что параллельно процессу объединения удельных княжеств Восточной Руси вокруг Москвы происходило образование Великого княжества Литовского. Политогенез стал возможным благодаря политике князя Гедимина, который объединил княжества Западной Руси: Полоцкое, Витебское, Туровское, Киевское, Черниговское и др. [8, с. 15].

По мнению Устрялова, в XIV в. в ходе собирания русских земель преимущество было на стороне великих князей литовских, так как Гедиминовичи не платили дань монголо-татарам и рассматривались тверскими, рязанскими и новгородскими князьями в качестве освободителей от ига. Сближение с Польским королевством во второй половине XIV в. характеризовалось как «обрушившееся бедствие» и «несчастный союз», в результате которого княжеством была утрачена идентичность [8, с. 19]. Историк отмечал, что великие князья московские рассматривали земли Великого княжества Литовского (за исключением земель собственно Литвы) в качестве родовой вотчины. Идея Ивана III Васильевича о присоединении этих земель определяла вектор внешней политики Российского государства вплоть до XVIII в.

Таким образом, Устрялов пришел к выводу, что представления польских и русских летописных источников XIV–XV вв. о соперничестве двух

княжеств ошибочны: противостояние Гедиминовичей и потомков Ивана I Калиты было основано на стремлении к господству над всеми русскими землями и лишено честолюбивых амбиций. Более того, княжеские дома Калиты и Гедиминовичей с XIV в. связывали узы родства, поэтому их борьба приобретала характер семейной распри. По мнению историка, основания для сближения Западной и Восточной Руси были подготовлены при Дмитрии Ивановиче Донском, однако брак, заключенный между великим князем литовским Ягайло и королевой польской Ядвигой, сделал невозможным объединение в составе единодержавного государства земель Руси [9, с. 181].

Для ординарного профессора кафедры русской истории Санкт-Петербургского университета К.Н. Бестужева-Рюмина (1829–1897) история Великого княжества Литовского не являлась предметом специального научного исследования. Тем не менее вопросу отношений Московского государства с Великим княжеством Литовским посвящены две главы его двухтомной работы «Русская история», в основу которой легли принципы научного объективизма, а также скрупулезный анализ фактов и критическое отношение к источникам. Труд Бестужева-Рюмина, имеющий огромную историографическую ценность, содержит большое количество ссылок на работы других исследователей XIX в.: С.М. Соловьева, И.Д. Беляева, В.Б. Антоновича и др. [10, с. 30].

Согласно концепции, предложенной Бестужевым-Рюминым, период раздробленности в русских землях завершился к началу XIV в. складыванием двух государств в Западной и Восточной Руси. Центром земель Западной Руси мог стать город Галич, однако вследствие недальновидной политики, проводимой преемниками князя Даниила Галицкого, и успехов князей литовских произошло возвышение Вильни. Рост могущества Великого княжества Литовского в регионе историк связывал со временем правления князя Гедимина (1316–1341), который покровительствовал торговле, проводил активную внешнюю политику, оборонял рубежи княжества от немецких духовно-рыцарских орденов, а также татар, при этом принимал участие в делах удельных княжеств Руси [2, с. 3]. Центром объединения земель Восточной Руси стала Москва, игравшая до XIV в. незначительную роль в политической жизни региона. По мнению Бестужева-Рюмина, возвышение Москвы стало возможным благодаря «благоразумной политике, ловкости и такту», проявленными московскими князьями в борьбе за «ханскую милость» – ярлык на великое княжение [1, с. 389].

Наследник Гедимина великий князь литовский Ольгерд (1345–1377) придерживался внешнеполитического курса предшественника: в сфере его интересов находились Тверское, Новгородское и Смоленское княжества.

Примечательно, что в «Русской истории» не упомянуты три похода Ольгерда на Москву (1368, 1370, 1372 гг.), свидетельствовавшие о конфронтации между княжествами. Бестужев-Рюмин отмечал, что во внутренней политике Ольгерд не осуществлял действий по преследованию или дискриминации православного населения, которое проживало в поликонфессиональной среде Великого княжества Литовского [2, с. 6].

По мнению Бестужева-Рюмина, настоящую угрозу для Москвы мог представлять великий князь литовский Витовт (1392–1430), который, став единоличным господарем княжества, стремился «на Восток»: Великий Новгород, Псков и Смоленск. Более того, в контексте внешнеполитических отношений историк отмечал значение династического союза единственной дочери Витовта Софьи и московского князя Василия I Дмитриевича, заключенного по инициативе великого князя литовского. Однако поражение Витовта от татар в битве на Ворскле (1399 г.) вынудило временно прекратить территориально-политическую экспансию на земли княжеств Восточной Руси, входивших в сферу интересов Великого княжества Московского. Результатом противостояния, с точки зрения Бестужева-Рюмина, стал заключенный «вечный мир» по итогам стояния на Угре 1408 г.: за Витовтом осталось Смоленское приграничье, а также влияние на Новгородское и Псковское княжества, т.е. договор закрепил доминирующую роль Великого княжества Литовского в процессе собирания русских земель [2, с. 41].

Бестужев-Рюмин отмечал, что при великом князе литовском Казимире (1440–1492) отношения между государствами оставались напряженными из-за активизации приграничных князей и их переходов на службу к великому князю московскому, что повлекло за собой череду так называемых русско-литовских войн (конец XV–XVI вв.). Вместе с тем историк констатировал, что для Казимира важное значение приобрел «западный» вектор внешней политики, т.е. отношения с Королевством Польским, а дела земель Восточной Руси стали «предметом посторонним» [2, с. 51].

***

Обращение Устрялова и Бестужева-Рюмина к вопросу отношений Великого княжества Литовского и Великого княжества Московского (XIV–XVI вв.) стало реакцией на события Польского восстания 1830–1831 гг. Их исследования укладывалось в контекст проблемы собирания русских земель. При этом отмечалось, что в XIV в. преимущество было на стороне Великого княжества Литовского, огромная заслуга в этом принадлежала князю Гедимину, тогда как к концу XV в. инициатива перешла к Великому княжеству Московскому.

Устрялов впервые выдвинул тезис о том, что во второй половине XIV в. имелась возможность объединения Западной и Восточной Руси под вла-

стью единого правителя, однако она не воплотилась в жизнь из-за заключения Кревской унии между Польским Королевством и Великим княжеством Литовским. Для Бестужева-Рюмина в истории внешнеполитических отношений XIV–XVI вв. определяющее значение имели личности великих князей московских и литовских. По мнению исследователя, именно князья определяли векторы внешней политики государств: так, для Великого княжества Литовского «восточный» вектор был доминирующим при Гедимине, Ольгерде и Витовте, тогда как «западный» – приобрел значение во время правления Казимира и его преемников по причине сближения с Королевством Польским.

Список источников и литературы

1. *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история: в 2 т. Т. 1. СПб.: тип. А. Траншеля, 1872. 760 с.

2. *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история: в 2 т. Т. 2. СПб.: тип. А. Траншеля, 1885. 319 с.

3. *Дворниченко А.Ю.* Историография Великого княжества Литовского и «Очерк истории Литовско-Русского государства» М.К. Любавского // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 12. С. 97–120.

4. *Дворниченко А.Ю., Ростовцев Е.А., Баринов Д.А.* Опыт коллективного портрета историков столичного университета Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. № 1. С. 24–52.

5. *Кравченко И.В.* Концепция образования Великого княжества Литовского в работах М.О. Кояловича // XIV Машеровские чтения: материалы межд. науч.-практ. конф. (Витебск, 21 окт. 2020 г.). Витебск: Изд-во ВГУ им. П.М. Машерова, 2020. С. 169–171.

6. *Ростовцев Е.А.* Проблематика проектов по университетской истории и истории высшей школы (Санкт-Петербургский университет) // Новое прошлое. 2016. № 3. С. 145–158.

7. *Столяров А.М.* История Великого княжества Литовского в отечественной историографии XIX – начала XX века: автореф. дис. … канд. ист. наук. Казань, 2008. 24 с.

8. *Устрялов Н.Г.* Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1839. 43 с.

9. *Устрялов Н.Г.* Русская история до 1855 года: в 2 ч. Петрозаводск: Корпорация «Фолиум», 1997. 958 с.

10. *Фатыхова И.И., Худолеев А.Н.* К.Н. Бестужев-Рюмин: страницы исторической биографии // Научные исследования и разработки молодых ученых. 2014. № 1. С. 27–30.

УДК 94(470-321.9)

А.С. Кравчук[1]

Управление иностранными колонистами в Новороссийском крае в начале XIX в.[2]

Аннотация. В статье на основе архивных данных рассмотрено формирование органов управления иностранными колонистами в Новороссийском крае и Крыму. Ключевую роль в этом процессе сыграла Контора опекунства новороссийских иностранных поселенцев, функционировавшая с 1800 по 1818 г. Возглавлял учреждение главный судья. Эту должность занимал С.Х. Контениус. Процесс создания и функционирования Конторы является ярким примером формирования системы местного управления в Российской империи в начале XIX в. в условиях окраинного региона. Государство было вынуждено балансировать между экономией средств и построением административной системы, способной выполнять возложенные на нее обязанности. В таких условиях неизбежными становились «недоуправление» и злоупотребления чиновников.

Ключевые слова: Контора опекунства новороссийских иностранных поселенцев; иностранные колонисты; Новороссия; С.Х. Контениус.

Management of the foreign colonists in Novorossiya region at the beginning of the XIX century

Abstract. The article studies the history of the creation of a management system for foreign colonists in the Novorossiya region and Crimea. The Office of Guardianship of Novorossiya Foreign Settlers played a key role in this process. It existed from 1800 to 1818. The institution was headed by the chief judge S.H. Kontenius. The process of the Office's creation and functioning is a vivid example of the local government system formation in the Russian Empire at the beginning of the XIX century in the border region. The state balanced between the needs of saving money and building an administrative system capable of fulfilling its responsibilities. In such conditions, the mismanagement and abuse of officials became inevitable.

[1] **Александр Сергеевич Кравчук** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Крымского инженерно-педагогического университета им. Февзи Якубова (Симферополь, Россия), e-mail: alexkravchuk7@gmail.com.

Alexandr S. Kravchuk – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of History Department, Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov (Simferopol, Russia).

[2] Статья выполнена в рамках гранта «Формирование и кадровое обеспечение местных учреждений Новороссийского края и Крыма в конце XVIII – первой половине XIX вв.» Совета по грантам Президента Российской Федерации для молодых российских ученых, грант № МК-3927.2022.2.

This work was supported by The Russian presidential grant for young scientist, project «Formation and staffing of local authorities in the Novorossiya Region and Crimea at the end of the XVIII – first half of the XIX centuries», no. МК-3927.2022.2.

Keywords: the Office of Guardianship of Novorossiya Foreign Settlers; foreign settlers; Novorossiya; S.H. Kontenius.

Система управления и административное устройство в Новороссийском крае и Крыму на рубеже XVIII–XIX вв. претерпевали многочисленные изменения. Местные реалии не вписывались в привычные рамки жизни империи, требовали адаптации и проявления гибкости при решении проблем администрирования. Херсонский военный губернатор (с 1822 г. новороссийский генерал-губернатор) обладал значительной самостоятельностью. Здесь функционировали градоначальства в Керчь-Еникале, Одессе и Феодосии [1, с. 53–56]. Особая система управления существовала и у иностранных колонистов.

Европейцам, переселявшимся в Новороссийский край, отводилась важная роль. Они должны были создавать образцовые поселения и способствовать общему росту агрикультуры в регионе. Их расселение началось еще в 1787 г. В документах они фигурировали под названием менонитов, или колонистов иозефстальских, данцигских, шведских и ямбургских. В основном это были выходцы из Пруссии и Швеции. При Павле I в 1800 г. в Новороссийске (позже г. Екатеринослав, ныне г. Днепр) была учреждена Контора опекунства новороссийских иностранных поселенцев (далее – Контора), организованная на «праве коллежских контор» [5, с. 116–117]. Она была создана по итогам ревизии, проведенной советником Географического департамента надворным советником Самуилом Христиановичем Контениусом (1750–1830), который настаивал на необходимости организации общего органа управления, так как колонисты были рассредоточены по территории всего Новороссийского края. На содержание Конторы ежегодно отпускалось 4 тыс. руб. Возглавил новый орган управления главный судья, на место которого назначили самого Контениуса.

Спустя несколько месяцев, 26 июля 1800 г., Контора получила специальную инструкцию [5, с. 243–245]. Ей поручалось общее управление, сбор податей, судебные функции (апелляции подавались в Сенат). Уголовные дела рассматривались в общем порядке в уездных судах. Распоряжения по колониям должны были делаться на немецком языке для «яснейшего и основательнейшего уразумения». Судья обязывался раз в год объезжать все колонии и заботиться об их хозяйственном развитии [5, с. 245]. При непосредственном участии Контениуса 16 мая 1801 г. была принята «Инструкция для внутреннего распорядка и управления Новороссийских иностранных колоний», регулировавшая жизнь поселенцев [5, с. 635–649].

Новый поток иностранцев стал прибывать в Новороссийский край с 1802 г., а основная масса – в 1804–1805 гг. В 1814 г. в регионе насчитывалось уже 28 тыс. переселенцев, основавших 90 колоний [7, л. 28]. Все они

получили льготу на 10 лет, освобождавшую их от повинностей и податей. Также при поселении каждой семье выделялось от 270 до 550 руб. на пропитание и первоначальное обзаведение [7, л. 26]. Кроме того, в неурожайные годы и в случаях падежа скота колонистам оказывали дополнительную помощь. Таким образом, на каждую семью было затрачено от 500 до 800 руб. Многие получили поддержку от государства в 1812–1813 гг., т.е. за год до истечения льготного периода. По его завершении колонисты подлежали податному обложению: от 15 до 20 коп. в год с десятины земли, а в течение следующих десяти лет обязались возвратить полученные от казны пособия. Также они должны были нести земские повинности наравне с казенными поселянами. Следовательно, каждая семья обязана была ежегодно выплачивать от 59 до 92 руб. К этой сумме следует добавить сбор на земские повинности, содержание пастора и общественные потребности в колониях. Это еще не менее двух рублей с души. Кроме того, винный откуп, который во время льготного периода шел на обустройство колоний, должен был начать поступать в казну. В случае осуществления данного сценария новороссийские колонисты платили бы податей больше, чем другие колонисты в Российской империи [2, с. 49].

В столице понимали, что такие суммы были неподъемными и что это могло привести к разорению новых подданных. С подобной ситуацией уже приходилось сталкиваться в других колониях, где поселенцы не были в состоянии платить подати в полном объеме после истечения льготного периода. Так, в докладе Департамента государственного хозяйства и публичных зданий, датируемом 5 марта 1814 г., по этому поводу отмечалось: «Саратовские немцы, вышедшие в первых годах по издании Высочайшего манифеста о иностранных поселенцах 21 июля 1763 г., и кои около 1780 г. должны были весь свой долг совершенно выплатить, только с 1786 г. начали вносить в уплату оного по 3 руб. с работника. Доселе выплатили самую малую часть долга, коего почитается еще на них более 2 600 000 руб. Подати же начали они платить на равных с казенными крестьянами уже в 1808 г., следовательно, более нежели 40 лет по выходе их» [7, л. 27]. Схожие проблемы наблюдались у колонистов в Чернигове, Воронеже, Санкт-Петербурге. В связи с этим в 1790 г. продлили льготный период для менонитов Новороссийского края.

Прибывавших колонистов расселяли по всей территории региона. При этом значительная их часть обосновалась вблизи Одессы и в Тираспольском уезде. Для наблюдения за ними сюда был переведен один из членов Конторы – коллежский советник Андрей Андреевич Розенкампф. В результате чего в Одессе появился отдельный орган управления, напрямую подчинявшийся херсонскому военному губернатору А.Э. Ришелье.

В августе 1808 г. Контениус по состоянию здоровья временно оставил свой пост. Исполняющим его обязанности был назначен Розенкампф, но не получил перевода в Екатеринослав и оставался в Одессе: «Контора осталась без начальника и не вмешивалась в дела Одесского отделения колоний, в кои поступала большая часть вышедших в последние 10 лет на поселение иностранцев» [7, л. 20]. В 1809 г. Контениус вернулся на службу. Со временем в Одессе возникла отдельная канцелярия, на которую ежегодно отпускалось более 11 тыс. руб.

В 1810 г. в Конторе на службе состояли: главным судьей статский советник Контениус, товарищами судьи коллежский советник Розенкампф, коллежский асессор П.З. Диздарев, барон Ф.Л. Икскуль, секретарем Г.К. Евлашев, бухгалтером коллежский асессор Е.И. Гзель [3, с. 232]. К 1812 г. в связи с увеличением количества колонистов штат был расширен, а финансирование возросло до 10 700 руб. Вводилась должность смотрителя крымских колоний, которую занял И.И. Гзель [4, с. 278].

В 1812 г. положение новороссийских колоний обсуждалось в Министерстве внутренних дел. На повестку дня был вынесен ряд вопросов. Во-первых, государство стремилось оптимизировать расходы в связи с начавшейся Отечественной войной. Во-вторых, подходил к концу льготный период. В-третьих, общее положение жителей края было тяжелым, в столицу массово поступали жалобы от местного населения [9, л. 3–16]. Для улучшения ситуации еще в ноябре 1801 г. был создан Комитет по устройству Новороссийской губернии [8, л. 2–6].

В 1812 г. для обследования колоний были направлены столичные чиновники: коллежский советник Лифанов и надворный советник Лошкарев. Помимо них ревизию проводил Контениус [7, л. 20]. На основе этих проверок в 1814 г. Департамент государственного хозяйства и публичных зданий МВД подготовил доклад для Комитета министров. Обеспокоенность высших сановников вызывали неэффективность управления колониями и постоянно растущие расходы на них, а также регулярно поступавшие жалобы от самих колонистов. В частности, в основу громкого дела «бобылецких крестьян» легли жалобы, изучением которых занималась специальная комиссия.

К этому времени в Конторе реально служило всего несколько человек. Помимо главного судьи из трех товарищей один болел и просился в отставку, другой постоянно находился в разъездах по селениям для «разных исследований, особенно по домогательствам многих колонистов о вспоможении от казны» [7, л. 21]. Ревизору Лифанову поручалось разобраться с жалобами бобылецких поселенцев, а Лошкарева прикомандировали в саму Контору для ревизии дел.

Необходимость реорганизации управления колониями понимали и на местах. Этого добивался военный губернатор Ришелье и просил разрешения слить два учреждения, увеличив расходы на канцелярские нужды, которые «в ценах возвысились»: «При разъездах, на кои положено 1 000 руб. прогонных, платятся противу того времени больше, нежели вдвое. Особенно же канцелярские чиновники не в состоянии содержать себя безбедно получаемым жалованьем. Многие уже вышли, а многие еще требуют увольнения, прибавку же жалованья не из чего им делать» [7, л. 22]. Руководитель края ходатайствовал о пересмотре штатов учреждений, при этом, не дожидаясь одобрения центра, распорядился увеличить сумму на канцелярские расходы из средств, выделявшихся на поддержу колонистов. Общие расходы на Контору выросли до 22 тыс. руб. Это позволило принять на службу целый ряд канцелярских служителей: журналиста, двух помощников бухгалтера, двух писцов и трех смотрителей. А совокупные расходы с учетом трат на Одесское отделение стали превышать 30 тыс. руб.

Инициатива Ришелье не нашла поддержки в высших кругах власти. Там планировали не увеличить ассигнования, а, наоборот, сократить. Для разрешения возникших противоречий между местной и центральной властью в 1814 г. в Департаменте государственного хозяйства и публичных зданий разработали законопроект о новом устройстве управления колонистами. Во-первых, планировалось немедленно присоединить Одесское отделение к Конторе. Во-вторых, реорганизовать саму Контору: «завести производство дел в ней сообразно тому, как оно бывает в других присутственных местах, наблюдается в Саратовской опекунской конторе и сообразно инструкции, данной Новороссийской конторе. Отступление от сего порядка дозволено было только ради успеха хозяйственных распоряжений, именно при водворении новых выходцев, которое уже кончилось. Установление порядка повысит ответственность за отпускаемые казенные деньги» [7, л. 23]. В-третьих, в колонии должны были назначаться смотрители, напрямую подчиненные Конторе, а расширение штата ее служащих не предусматривалось: «Сим только образом, то есть усилив местный надзор, можно надеяться учредить в новороссийских колониях внутренний порядок. Мера такова принята была при подобном случае в 1775 г. в рассуждении саратовских колоний» [7, л. 22–23]. Главной же задачей Конторы становилось наблюдение за смотрителями. В-четверых, для улучшения материального положения членов Конторы утверждалась прибавка к жалованию, которую сделал Ришелье, не дожидаясь одобрения сверху [7, л. 23].

Все дела в Конторе требовалось разделить на две части: 1) взаимодействие с вышестоящими инстанциями; 2) командирование чиновников в колонии с целью выяснения их потребностей. Предполагалось, что

«для занятий первого рода довольно оставить в конторе при главном судье двух членов или товарищей, кои и составляли бы постоянное присутствие Конторы, не отлучаясь никуда без особенной крайности. Для занятия же другого рода – назначить двух членов, кои могут быть названы инспекторами. Оные должны быть употребляемы только в упомянутых нужных случаях, не быв обязаны принимать участия в производстве дел, ибо противно порядку, чтобы те, кои исследование производят, участвовали и в рассмотрении оного дела и дальнейших по тому распоряжениях» [7, л. 24]. В случаях, если инспекторы находились в Конторе, они должны были заниматься разбором старых бумаг и счетов. На финансирование реорганизованного учреждения планировалось выделять 15 тыс. руб. и еще временно 13 тыс. руб. на «разъездных помощников главного судьи» [7, л. 24].

Реализация задуманного позволила бы сэкономить значительные средства, так как «согласно планам Ришелье, расходы вырастут до 40 000 руб. По примерному же штату Департамента требуется только 28 000 руб. со включением и жалованья доктору при колониях, коего доселе не было. <…> При том же особливо уважено быть должно, что из сих 28 000 руб. только 15 000 руб. останутся постоянными, а 13 000 руб. составят временную надобность, которая с окончанием льготных лет <…> прекратится» [7, л. 25].

Важное место в новой системе управления отводилось смотрителям. Именно они должны были составить основу бюрократии, непосредственно призванной взаимодействовать с колонистами. В центре понимали необходимость их хорошего финансового обеспечения. По примеру саратовских колоний предполагалось разделение поселений на округа с центрами в наиболее многочисленных поселениях: «В каждом округе назначить одного смотрителя, при нем писца. Кроме жалованья им определить смотрителю некоторую сумму на канцелярские расходы и разъезды, смотря по пространству округа, прекратив затем все издержки на сей предмет из общественных колонистских доходов. <…> Смотрителей сих содержать только пока колонии совершенно устроятся» [7, л. 24].

Главного судью назначал министр внутренних дел; остальные служащие, кроме канцелярских служителей, должны были утверждаться министерством. Иными словами, центр полностью изымал данное учреждение из ведомства херсонского военного губернатора. Результатом ревизии Конторы стало увольнение большей части ее служащих. Контениус просился в отставку по выслуге лет, на что в итоге и получил разрешение. Этот чиновник прослыл честным человеком и оказал существенную помощь новым подданым империи, пользовался покровительством Александра I и был неоднократно отмечен орденами и медалями. Известный мемуарист

А.М. Фадеев называл его «самой почтенной личностью в Екатеринославе»: «Один из достойнейших людей, каких мне удавалось знать в течение моей жизни, и один из немногих иностранцев, принесших существенную пользу России на том служебном поприще, которое он проходил» [10, с. 44–45]. Заменить его в регионе оказалось не кем, и он продолжил службу до 1818 г., а 22 марта того же года Контора была ликвидирована, вместо нее учреждался Попечительный комитет о колонистах Южного края России [6, с. 154–155].

Таким образом, история создания и функционирования Конторы опекунства новороссийских иностранных поселенцев является ярким примером, иллюстрирующим особенности функционирования местных учреждений в годы царствования Александра I. Государство стремилось найти баланс между расходами и эффективным управлением на местах. Невысокие оклады чиновников и их некомпетентность не позволяли достичь ожидаемых результатов даже в тех случаях, когда общие ассигнования казны оказывались значительными. Государство затратило существенные суммы на переселение колонистов в Новороссийский край, однако эффект от этих мероприятий стал ощутимым лишь во второй половине XIX в., когда колонии разрослись, окрепли и стали образцовыми поселениями в регионе.

Список источников и литературы

1. *Кравчук А.С.* Дела и дни: таврические губернаторы, 1802–1854 годы. Симферополь: Бизнес-Информ, 2019. 244 с.

2. *Малиновская Т.В., Малиновский Б.В.* Финансово-податная функция выборных правлений в колониях иностранцев на территории Российской империи // Історія торгівлі, податків та мита. 2013. № 2(8). С. 46–52.

3. Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето 1810 от рождества Христова: в 2 ч. Ч. 1. СПб.: Инспекторский отдел С.Е.И.В.К., 1810. 602 с.

4. Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето 1813 от рождества Христова: в 2 ч. Ч. 1. СПб.: Инспекторский отдел С.Е.И.В.К., 1813. 688 с.

5. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. [Собрание 1-е]. Т. 26: 1800–1801. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. 875 с.

6. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. [Собрание 1-е]. Т. 35: 1818. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. 674 с.

7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1281. Оп. 1. Д. 2.

8. РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 1.

9. РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 255.

10. *Фадеев А.М.* Воспоминания Андрея Михайловича Фадеев: в 2 ч. Ч. 1. Одесса: Тип. Южно-рус. о-ва печ. дела, 1897. 231 с.

УДК 94(470.1/2 + 470.2)“19”

М.А. Белан[1]

К истории службы нижних чинов: обстоятельства увольнения, возвращения, награждения ополченцев и призрения инвалидов в 1814–1815 гг. (на материалах Санкт-Петербургской губернии)

Аннотация. В статье рассматривается малоизученная в исторической литературе тема – увольнение от службы нижних чинов. Автор проанализировал процесс освобождения от службы ратников в 1814–1815 гг. на примере ополченцев, поступивших на службу в 1812 г. из городских обществ Санкт-Петербургской губернии. Представлен механизм увольнения от службы. На основе материалов городских дум, документов губернского комитета ополчения и Военного министерства показано, как ратников организованно возвращали на место жительства в сопровождении офицеров и полицейских чинов. Изучено награждение ратников, выявлено, в каких дружинах и за какие сражения было больше всего выдано наград. Отдельно рассмотрен вопрос организации призрения ратников, получивших увечья на службе: выявлены примеры медицинского освидетельствования ополченцев и зачисления их «в инвалиды» второго разряда, согласно указу 1815 г. Дана таблица с подсчетом ратников: число вернувшихся, погибших, пропавших без вести и т.п.
Ключевые слова: земское ополчение; Отечественная война 1812 г; ратники; инвалиды; демобилизация.

About the service of the rank and file: circumstances of dismissal, return, awarding of militiamen, and care of the invalids in 1814–1815 (based on the files of the St Petersburg province)

Abstract. The article examines the service of militiamen who entered in 1812 from the towns of the St. Petersburg province, focusing on the circumstances of their dismissal from the service of the rank and file in 1814–1815. The mechanism of dismissal are examined in detail. Based on the sources, coming from local council archives where the documents of the returned men were preserved, files of the Provincial Militia Committee, as well as calculations of the Ministry of War, the article explores, by way of several examples, how the men were returned to their towns in an organised manner, accompanied by the officers, police bailiffs, or officials. The awarding of militiamen with silver medals in memory of the war of 1812 is also studied. Lastly, an important topic is touched upon: the provision of

[1] **Михаил Александрович Белан** – кандидат исторических наук, PhD Candidate Оксфордского университета (Оксфорд, Великобритания), e-mail: mikhailbelan@mail.ru.
Mikhail A. Belan – Candidate of Historical Sciences, PhD Candidate at the University of Oxford (Oxford, United Kingdom).

care for militiamen who had been maimed during their service. Several instances of militiamen are analysed, who upon a medical examination were classified as "disabled" of the second category, according to the decree of the 1815. Lastly, a comprehensive table of the militiamen is given.
Keywords: the People's militia; the Patriotic War of 1812; the rank and file; militiamen, the invalids; dismissal from the service.

История службы нижних чинов в Российской императорской армии – тема, давно привлекающая внимание исследователей [4; 5], однако вопросы, связанные с выходом в отставку, награждением, последующей помощью ветеранам, по сей день остаются малоизученными, в особенности применительно к периоду до второй четверти XIX в. Такая тема, как, например, призрение инвалидов в конце XVIII – начале XIX в., только недавно стала подниматься в работах ряда исследователей [6; 19; 20]. В этом отношении представляется многообещающим изучение комплекса проблем, связанных с отставкой нижних чинов от службы, на примере ополченцев – ратников Земского ополчения 1812 г. Обстоятельства набора ополчения в 1812 г. и дальнейшая служба ратников хотя и привлекали внимание историков [1; 7], но вопрос об их последующей судьбе – в частности, обстоятельства увольнения со службы и возвращения на место прежнего жительства в 1814–1815 гг. – остается неизученным.

Цель данной статьи – на основе материалов о ратниках, поступивших на службу в 1812 г. от городских обществ Санкт-Петербургской губернии, реконструировать обстоятельства освобождения от службы, процесс возвращения, награждения медалями за службу, а также обеспечение призрения инвалидов. Основной фокус исследования сосредоточен на ратниках, поступивших из мещан уездных центров Санкт-Петербургской губернии: Новая Ладога, Царское Село и Гдов [2]. Используются ранее не вводившиеся в научный оборот материалы городских дум, сохранившие информацию о возвращавшихся ратниках [13; 14; 17], а также списки ратников из губернского комитета ополчения [15; 16] и подсчеты Инспекторского департамента Военного министерства [11].

Списки Комитета ополчения Санкт-Петербургской губернии (далее – Комитет) содержат общие подсчеты и краткую информацию о службе: поименные списки ратников из каждого города, их возраст, а также – в последнем столбце – сведения об их дальнейшей судьбе. Сообщается, в какую дружину (батальон) Санкт-Петербургского ополчения они были определены; встречаются отметки о ранении (например, «ранен под Полоцком») и о пребывании в плену. Напротив большинства фамилий есть указания на дальнейшую судьбу ратников: «определен на прежнее место» в 1814 г., «убит», «в госпитале», «оставлен при обозе в селе / городе N.», «бежал»,

«пропал без вести» и т.п.; напротив части фамилий стоит прочерк. В крайнем столбце отмечено, был ли ратник награжден серебряной медалью «В память Отечественной войны 1812 г.».

Материалы городских дум предоставляют более богатый материал по отдельным ратникам: в течение 1814 – начале 1815 г. думы регистрировали возвращавшихся ополченцев, сохраняя копии с предъявленных ими документов, что в ряде случаев позволяет реконструировать историю службы.

В первую очередь, следует обратиться к статистическим данным. И. Лапина составила таблицу о ратниках из городов Санкт-Петербургской губернии на основе списков Комитета ополчения, указав, сколько ратников из каждого города было мобилизовано в 1812 г. и их средний возраст [7, с. 258]. Обнаруженная мною таблица Инспекторского департамента Военного министерства (см. табл. 1) позволяет дополнить эту картину. По всей видимости, приведенные цифры отражают ситуацию на первую половину 1815 г. Даны наиболее точные подсчеты по количеству призванных в 1812 г. и количеству отправленных «к водворению на прежнее жилище». К моменту составления таблицы процесс роспуска ополчения и возращения ратников, продолжавшийся большую часть 1814 г., в целом был завершен. Из таблицы 1 видно, какое количество людей погибло, умерло во время службы, было отправлено в командировки, осталось в госпиталях, при обозах и т.д. Очевидно, что из ополченцев, невозвращенных на место жительства в 1814 г., погибли далеко не все: часть из них в разное время покидала свои дружины (оставлены для лечения, охранения, «отстал на марше»); их точное местонахождение даже к 1815 г. установить не удавалось.

Формально ополчение было расформировано императорским указом от 22 января 1814 г. [10, с. 734–735], последовавшим после сдачи Данцига. Большинство ратников возвратилось в свои города к концу 1814 г., хотя некоторые думы регистрировали отдельные партии прибывавших и в начале 1815 г. Среди материалов городских дум встречается информация об обстоятельствах возвращения ополченцев. По сохранившимся документам прибывавших лиц, можно установить, что ратники из городов Санкт-Петербургской губернии к началу 1814 г. оказались разбросаны по разным частям и пунктам. Большинство возвращались группами. Они были освобождены и прибывали из дружин милиции или же из местных «команд» – вспомогательные подразделения внутренней стражи (фактически – гарнизонные войска), в которые зачислялись ратники в 1812–1813 гг. после ранений и лечения в госпиталях.

Процесс «водворения на прежнее место» был хорошо организован. Возвращавшиеся лица прибывали в думу, где составлялось официальное прошение о зачислении обратно в мещанское общество. Как правило, думы

регистрировали группы из 3–7 человек; гораздо реже прибывали один или два ратника: такие лица могли давно покинуть дружины, в которые были изначально распределены. Последними в города возвратились в самом конце 1814 – начале 1815 г. ратники, которые были отмечены как «казаки 2-го или 1-го добровольческого казачьего полка Санкт-Петербургского ополчения» (части легкой кавалерии, созданные в составе губернского ополчения в 1812 г.). Все эти большие и малые группы прибывали с сопровождением: под командованием офицера милиции, офицера или сержанта армии, передававшего их документы думе. Некоторые возвращались при посредничестве канцелярии гражданского губернатора; ряд людей прибыл с разными «оказиями» – земской полицией или курьерами, доставлявшими почту. Очевидно, перемещение на большое расстояние было дорогостоящим мероприятием, и властям (как это заявлялось в указе об освобождении ополчения [10, с. 734–735]) было приказано помогать с доставкой людей на их место жительства. Определенную роль сыграли и соображения, что кто-то из ратников мог бежать после роспуска ополчения (случаи дезертирства встречались и во время службы).

Иллюстрацией процесса возвращения ратников может служить история Наума Шахматинского, одного из влиятельных мещан Новой Ладоги начала XIX в. Шахматинский, по всей видимости, записался добровольцем в ополчение в июле 1812 г.: в возрасте 45 лет он возглавил списки первой, самой крупной группы, отправившейся в Санкт-Петербург уже через месяц после получения указа о сборе ополчения. В Новую Ладогу он вернулся в числе первых в марте 1814 г., вместе с еще одним ополченцем: оба были «присланы» канцелярий губернатора М. Бакунина. Военное начальство при освобождении ратников предоставляло им краткие списки о службе, которые предъявлялись городской думе. Эти документы содержат гораздо больше информации о службе и обстоятельствах увольнения, чем списки Комитета (к сожалению, сохранились списки далеко не всех возвратившихся). Так, в документах Шахматинского указано, что он был грамотен, не был «штрафован» за время службы, участвовал во второй битве при Полоцке (6–8 октября 1812 г.), где был «ранен пулей в ногу», «после чего больше не был пригоден для службы». Проведя некоторое время в госпитале во Пскове, Шахматинский был направлен в «команду псковского коменданта майора Элдерна». В таких центрах, как Псков, собирались раненые, рекруты и ратники слабые здоровьем, новобранцы и инвалиды. Шахматинский продолжил свою службу во Пскове до ноября 1813 г., а затем, по-видимому, был возвращен на службу в армию, но вскоре вышел указ об освобождении ополченцев, и его отправили домой, наградив серебряной медалью за полученное ранение [17, л. 170–175].

Таблица 1

Ведомость ополченцам из городов Санкт-Петербургской губернии, 1815 г.

	Вступило в 1812 г.	Определен к водворению на прежнее жилище, 1814–1815 гг.	Убит	Умер во время службы	Пропал без вести	Ранен	В разных госпиталях	В командировке	Отстал на марше	В отпусках	За неполучением сведений остается неизвестным	Следует медалей
Мещане												
Санкт-Петербург	385	243	7	10	12	14	46	12	11	1	29	136
Шлиссельбург	45	26	1	1	–	2	6	4	2	–	3	20
Царское Село, Гатчина, Павловск	83	49	3	5	2	–	9	5	1	–	9	18
Луга	18	7	1	1	1	–	2	–	–	–	6	2
Гдов	20	14	–	1	2	–	1	2	–	–	–	3
Ремесленники												
Русский цех, Санкт-Петербург	133	89	2	5	2	4	8	2	5	–	16	52
Иностранный цех, Санкт-Петербург	70	26	2	1	2	5	4	3	4	1	22	12
Нарва: мещан по усердию (добровольцы)	17	11	–	–	–	–	–	–	1	–	5	7

Составлено по: [11, л. 26].

Теперь рассмотрим, как могла сложиться судьба ратников после возвращения. Постановление, устанавливавшее статус и привилегии возвращавшихся из ополчения лиц, появилось в 1815 г.: 12 июня Александр I подписал указ, копия которого вскоре была разослана по всем городским учреждениям [13, л. 212–215]. Указ определял некоторые привилегии и,

главное, предусматривал предоставление государственной помощи тем, кто был тяжело ранен или приобрел за период службы серьезные проблемы со здоровьем.

На время службы ратники освобождались от несения повинностей (в том числе от уплаты подушной подати). Ратники провели в ополчении в среднем 1,5 года, но несмотря на это после возвращения их не освобождали от последующих рекрутских наборов, возобновившихся в Санкт-Петербургской губернии осенью 1815 г. Если бывшие ратники попадали в число рекрутов, их служба в ополчении учитывалась 1:1, следовательно, срок военной службы, составлявший 25 лет, несколько сокращался. Архивы городских дум свидетельствуют о том, что в первые послевоенные годы бывшие ополченцы нередко назначались в рекруты: свои решения мещанские общества, как правило, оправдывали неуплатой податей, долгами, пьянством, непристойным поведением. В Царском Селе по меньшей мере трое ратников были отправлены в армию в качестве рекрутов уже во время набора 1815 г. [14]. Возможно, это связано еще и с тем, что многие лица, вступившие в ополчение в 1812 г., относились к категориям, из которых набирали рекрутов в ходе очередных наборов, т.е. из числа бедных, бессемейных, недавно записавшихся в мещанское общество.

Указ от 12 июня 1815 г. предусматривал привилегии и награды, в том числе медали, которые ополченцы имели право получить за свою службу в 1812–1813 гг. Еще в 1807 г. планировалось выдавать серебряные медали ополченцам, принимавшим участие в боевых действиях во время Войны четвертой коалиции в Пруссии [5, с. 32], однако осенью 1807 г. первое ополчение почти полностью перевели в армию в качестве солдат [2, с. 20]. В 1814 г. была выпущена медаль «В память войны 1812 года», также известная по надписи «Не нам, не нам, а имени твоему». Существовало две версии этой медали: бронзовая, предназначавшаяся для награждения дворян и купцов, сделавших крупные пожертвования на военные нужды, и наиболее известная серебряная медаль для солдат, ополченцев и офицеров, принявших участие в боевых действиях во время кампаний 1812–1814 гг.

Списки Комитета свидетельствуют, что все ополченцы из городов Санкт-Петербургской губернии, принимавшие участие в сражениях, осадах или операциях с участием флота, получили серебряные медали: из 29 ратников, вернувшихся в Царское Село, были награждены 12; в Павловске 3 из 4 ополченцев; в Гатчине – 6 из 15; в Гдове – 3 из 13; в Новой Ладоге – 23 из 28 (новоладожцы служили в 1-й и 6-й дружинах Санкт-Петербургского ополчения, побывавших в боевых действиях более других). Согласно спискам [16], больше всего медалей было вручено за вторую битву при Полоцке, где ополчение Санкт-Петербургской и Новгородской губерний

сыграло важную роль, усилив полки регулярной армии корпуса генерала князя П.Х. Витгенштейна. В соответствии с ч. 3 указа 1815 г. «О имеющих знаки отличия», лица, получившие серебряные медали, освобождались от телесных наказаний; если они позже направлялись в армию в качестве рекрутов, то получали прибавку к жалованью в одну треть: 16 вместо 12 руб. в год для рядового и 17,5 вместо 14 руб. для урядника или армейского писаря [13, л. 212–215].

Наконец, важной малоизученной темой являются меры поддержки вышедших в отставку нижних чинов и ополченцев, в том числе инвалидов, со стороны центрального правительства, местных властей и благотворителей. Дж.Л.Х. Кип и Дж. Хартли отмечают, что социальное обеспечение отставных солдат и инвалидов, число которых заметно увеличилось в результате Наполеоновских войн, в Российской империи не отличалось системностью, по сравнению с формами поддержки, существовавшими в странах Западной Европы [19; 20]. В архивах городских дум обнаружен ряд документов, из которых видно, что среди вернувшихся ополченцев были те, кто оказался не способен зарабатывать на жизнь и платить налоги из-за ранений или появившихся в результате службы проблем со здоровьем: в течение 1815 г. думы получили ряд прошений об исключении таких лиц из городского общества и зачислении их в военные инвалиды.

Согласно указу 1815 г., забота об увечных ополченцах должна была производиться на основаниях, схожих с правилами 1810 г., действовавшими в отношении солдат регулярной армии: если срок службы приближался к концу, либо солдат приобрел серьезное заболевание, либо же оказался непригодным в результате ранения, назначалось обследование в медицинской комиссии, которая, в свою очередь, могла признать солдата полностью непригодным к дальнейшей службе или наполовину годным («полуспособные») [13, л. 212–215]. Нижние чины, отнесенные к обеим категориям, увольнялись с действительной службы и направлялись в губернские и уездные инвалидные команды. Служба в инвалидных отрядах была легче и часто ограничивалась формальными обязанностями, такими как охрана шлагбаумов, городских зданий, государственных учреждений и рынков (в начале 1840-х гг. городские власти Старой Русы жаловались на инвалидов, которые «расслабились» до такой степени, что вместо военной формы носили гражданскую одежду, что допускалось только по праздникам [12, л. 11]). Статус инвалида считался привилегией, как некая форма пенсионного обеспечения: инвалиды получали одежду, провизию, а также освобождались от налогов. Как отмечал бывший солдат П. Назаров, в 1820-е гг. «пожилые» солдаты с нетерпением ждали, когда их осмотрят и отправят в инвалиды из-за возраста или ранений, после чего, наконец, начнется легкая служба и будущее будет обеспечено [8, с. 532].

Первая часть указа 1815 г. посвящена именно инвалидам: их положение несколько отличалось от отставных солдат. Согласно указу, бывшие ополченцы также могли обращаться с просьбой о прохождении медицинского осмотра в губернских городах, но в инвалидные команды направлялись лишь те, кто был признан «совсем неспособным». При этом в указе подчеркивалось, что только ратникам, недавно возвратившимся, разрешено подавать такие прошения в местные думы, дабы избежать случаев недобросовестных ходатайств о признании инвалидом через месяцы или даже годы после окончания службы в армии (поскольку «инвалидность» могла быть приобретена уже после увольнения) [13, л. 212–215]. Так, из 49 ратников, вернувшихся в Царское Село, Гатчину и Павловск, как минимум трое сразу подали прошение о зачислении в инвалидные команды.

Так, мещанин Максим Шемякинский, служивший в 1-м Добровольческом казачьем полку, в своем прошении указал, что «в одном месте в Саксонии, название которого он не помнит, его сбили с лошади, и его голова была разбита копытом, а правая рука вывихнута, так что теперь он чувствует постоянную ломоту в этой руке». В результате полученных травм он совершенно «не в состоянии работать и зарабатывать себе пропитание» [13, л. 218–221, 233, 241]. Другой мещанин, Афанасий Кузнецов, утверждал, что из-за «долгих переходов обе его ноги ослабли, а также были помяты в битве при Полоцке» [13, л. 228, 239], а мещанин Василий Мухин доказывал, что в 1813 г. «его правая рука и нога были повреждены, и теперь ему нужно ходить на костылях» [13, л. 222]. После медицинского осмотра, подтвердившего указанные недостатки, Царскосельская ратуша исключила заявителей из мещанского общества (которое, в свою очередь, не имело заинтересованности в потенциальных неплательщиках налогов). Бывших ратников препроводили в рекрутское присутствие в Санкт-Петербург, а оттуда направили в инвалидные команды. Такой исход, видимо, мог считаться удачей для ополченцев из бедных семей.

Проведенное исследование позволило увидеть некоторые особенности увольнения от службы вышедших из мещанства нижних чинов – ратников Земского ополчения 1812 г. Освобождение от службы и возвращение к месту жительства растянулось почти на весь 1814 г. Те из ополченцев, кто не прибыл к 1815 г., видимо, умерли или остались на службе – при разных частях, в командировках и госпиталях. Возвращение ратников осуществлялось силами властей и армии. Сохранившиеся документы позволили выяснить обстоятельства службы и освобождения мещан ряда уездных центров Санкт-Петербургской губернии. Награду за службу – серебряную медаль – получили практически все участники боевых действий. Часть ополченцев позднее вернулась в армию в качестве рекрутов по очередным наборам.

Примечательно, что правительство проявляло заботу о ратниках, получивших увечья в ходе службы – они поступали в инвалидные команды, что свидетельствует об активном развитии системы социального обеспечения отставных нижних чинов.

Список источников и литературы

1. *Бабкин В.И.* Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М.: Соцэкгиз, 1962. 212 с.

2. *Белан М.А.* Участие мещанских обществ уездных городов Санкт-Петербургской губернии в сборах ополчений 1806–1807 и 1812 гг. // Тульский научный вестник. Серия: История. Языкознание. 2021. № 2 (6). С. 15–28.

3. *Белов А.В.* 1812 год в судьбе русского города. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 326 с.

4. *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX веке. М.: Наука, 1973. 616 с.

5. *Гулевич С.А.* История Лейб-гвардии Финляндского полка, 1806–1906 гг. Т. 1. СПб.: Экономическая типо-лит., 1906. 458 с.

6. *Козлова Н.В.* Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII века. М.: Политическая энциклопедия, 2010. 359 с.

7. *Лапина И.Ю.* Земское ополчение России 1812–1814 гг.: исследование причин возникновения губернских воинских формирований и анализ основных этапов их участия в войне с Наполеоном: дис. … д-ра ист. наук. СПб., 2008. 626 л.

8. *Назаров П.* Записки Памфила Назарова // Русская старина. 1878. № 8. С. 529–530.

9. Отечественная война и русское общество, 1812–1912 / под ред. А.К. Дживелегова, С.П. Мельгунова, В.И. Пичета. Т. 5. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1912. 236 с.

10. Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. Т.32. СПб.: Тип. 2-го Отд. С.Е.И.В.К., 1830. 1109 с.

11. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 395. Оп. 240. Д. 17. Л. 26.

12. РГВИА. Ф. 399. Оп. 1. Д. 161.

13. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 488. Оп. 1. Д. 1060.

14. РГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 1084

15. Российский государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 189. Оп. 1. Д. 96.

16. ЦГИА СПб. Ф. 189. Оп. 1. Д. 140.

17. ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 500.

18. *Hartley J.M.* Patriotism in the Provinces in 1812: Volunteers and Donations // Russia and the Napoleonic Wars (War, Culture and Society, 1750–1850) / ed. by J.M. Hartley, P. Keenan, D. Lieven. L.: Palgrave Macmillan, 2015. P. 148–162.

19. *Hartley J.M.* Veterans and empire: a comparison of British and Russian treatment of veterans in the late eighteenth and early nineteenth centuries // Journal of the Society for Army Historical Research. 2022. Vol. 100. P. 14–31.

20. *Keep J.L.H.* Catherine's Veterans // Slavonic and East European Review. 1981. Vol. 59. No 3. P. 385–396.

УДК 94(47).082

А.А. Ефимов[1]

Предложения по восстановлению или консервации дворца в Ореанде после пожара 1881 г. как пример отношения к историческому наследию[2]

Аннотация. Статья посвящена малоизученному эпизоду истории первой императорской резиденции в Крыму – Ореанды. Автор отмечает, что в целом административные, организационные и экономические вопросы создания и существования крымских резиденций Романовых остаются в тени. В статье на основе архивных материалов исследованы предложения по восстановлению или консервации Ореандского дворца, пострадавшего от сильного пожара в 1881 г. Автор указывает, что свои предложения вносили как управляющий имением А.А. Панаев, так и сторонний специалист П. Самойлов. При этом если первый предлагал сугубо консервационные меры для недопущения полного разрушения здания, то проект П. Самойлова предполагал на первом этапе заделку трещин в стенах, восстановление перекрытий, установку временной кровли с перспективой перехода к полномасштабной реконструкции. В статье отмечено, что ни один из проектов не был принят по экономическим причинам.

Ключевые слова: Министерство императорского двора; Крым; Ореанда; великий князь Константин Николаевич; Александр III; А.А. Панаев; П. Самойлов; Кичкине.

Ideas of restoration or conservation of palace in Oreanda estate after the fire of 1881 as an example of attitude to historical heritage

Abstract. The article refers to a little-studied episode in the history of Oreanda – the first imperial residence in the Crimea. The author notes that, in general, the administrative, organizational and economic issues of the creation and existence of the Crimean residences of the Romanovs remain in obscurity. Based on archival materials, the article examines proposals for the restoration or conservation of the Oreanda Palace, which suffered from a severe fire in 1881. The proposals were made by the manager of the estate A.A. Panaev, and by a third-party specialist P. Samoilov. Panaev proposed only conservation measures to prevent complete

[1] **Андрей Александрович Ефимов** – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: aaefimov5@gmail.com.

Andrei A. Yefimov – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia).

[2] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-00026, https://rscf.ru/project/22-78-00026/.

destruction of the building, while Samoilov saw fit to implement immediate measures with the prospect of moving to a full-scale reconstruction. But none of the projects were accepted due to economic reasons.
Keywords: the Ministry of the Imperial Court; Crimea; Oreanda; grand duke Konstantin Nikolaevich; Aleksandr III; A.A. Panaev; P. Samoilov; Kichkine.

Министерство императорского двора участвовало в проведении строительных работ не только в столице Российской империи и ее пригородах, но и в различных губерниях. И в этом ряду Крым, применительно к XIX – началу XX в., может быть поставлен на второе место относительно столицы империи. В ходе изучения истории городов и населенных пунктов, а также истории создания памятников архитектуры недостаточное внимание уделяется деятельности министерств и ведомств, выступавших заказчиками и даже исполнителями строительства. Обращаясь к историографии создания и развития имения Ореанда, в первую очередь, стоит отметить капитальный труд Т.А. Петровой «Архитектор А.И. Штакеншнейдер», вышедший в 2012 г. и включающий целый раздел, посвященный истории создания дворца, и книгу Н.Н. Калинина и М.А. Земляниченко «Романовы и Крым» [2; 12]. Также нельзя обойти вниманием диссертации Е.М. Коляды, И.В. Манцыгиной и О.В. Линниковой и отдельные статьи как перечисленных выше исследователей, так и Ю.Я. Арбатской, Т.И. Кулаковой, А. Лосевой, Е.С. Шинтяпиной [1; 3; 4; 6; 7; 8; 10; 11; 15]. При этом следует отметить, что в историографии в целом преобладают исследования, в которых результаты архитектурно-строительной деятельности Министерства императорского двора (МИДв) в имении Ореанда рассматриваются с позиций искусствоведов, историков архитектуры и искусства, когда основное внимание уделяется описанию внешнего и внутреннего убранства зданий; сами постройки представляются как итог творчества архитектора, а не кропотливой работы множества лиц, сложных переговоров и достигнутых соглашений между разными как по роду занятий, так и по статусу людьми. Это дает основания говорить о существовании белых пятен в истории создания и развития имения Ореанда, когда вне поля зрения исследователей остаются организационные, административные и экономические вопросы. Одна из таких малоизученных проблем и стала предметом данной статьи.

В ходе настоящего исследования были изучены предложения по восстановлению или консервации Ореандского дворца, пострадавшего от пожара, и реакция на них со стороны администрации имения и самого августейшего владельца великого князя Константина Николаевича. В более широком контексте это дает представление о подходе Придворного ведомства и представителей дома Романовых к вопросам сохранения архитек-

турных памятников, в первую очередь, с позиции экономики. Основой для исследования послужили хранящиеся в Российском государственном историческом архиве материалы фонда Придворной конторы великого князя Константина Николаевича, содержащие, в том числе, переписку и отчеты по управлению имением Ореанда.

***

Дворец в имении Ореанда, ставший первой резиденцией Романовых в Крыму, возведен по проекту А.И. Штакеншнейдера вместе с другими постройками к 1852 г., но смог простоять лишь около тридцати лет и в 1881 г. был уничтожен пожаром. В донесении управляющего А.А. Панаева, направленном впоследствии в Павловское городовое правление, это событие описывалось так: возгорание началось около шести часов вечера 7 августа на чердаке дворца, а к утру следующего дня от здания остался лишь «обгорелый остов». Состояние последнего оценивалось следующим образом: подвальный этаж под сводами уцелел, однако сами своды получили повреждения от огня и упавших сверху элементов конструкций, треснув в разных местах, а известковый камень, из которого они были сложены, мог частично прогореть; полуразрушенные стены дворца, в свою очередь, были нестабильны и продолжали разрушаться, нанося дополнительный ущерб сводам. Все это не давало никаких гарантий, что и уцелевшие от пожара подвалы не разрушатся от его последствий. При этом, как сообщалось в том же рапорте, от огня удалось сохранить основную массу предметов мебели и внутреннего убранства, часть каминов и мраморных элементов отделки, значительное число дверей и ставень, а также некоторые окна. Равным образом из дворца были вынесены посуда и белье. Все эти предметы рассортировали и по возможности разместили на временное хранение [14, л. 5–5 об.].

Для поддержания целостности остатков дворца Панаев предлагал расчистить своды подвала от мусора и залить поверх слоем бетона, который «послужит ему вместо крыши», а также распереть лесами стены. Все эти меры являлись лишь базовой консервацией, в реальности мало способствовавшей долгосрочной сохранности. Однако средств даже на эти работы, как признавал управляющий, в имении не было [14, л. 5 об.–6].

Куда более масштабный проект предлагал инженер из Севастополя Павел Самойлов, обратившийся по личной инициативе с письмом в контору великого князя. В первую очередь, он считал необходимым покрыть дворец к зиме временной, предпочтительно дощатой крышей. В качестве следующих шагов для консервации предлагалось заделать известковым раствором наружные трещины во внешних стенах и установить в дверные и оконные проемы временные щиты из любого доступного материала, будь то доски,

солома или даже остатки целых листов кровельного железа с дворцовой крыши [14, л. 1–1 об.]. Эти меры, по мнению Самойлова, были необходимы в тот момент, чтобы впоследствии не тратить от 150 до 200 тыс. руб. на восстановительные работы. В противном случае просушенные пожаром стены за осень могли напитаться влагой, а в зимнее время попавшая в трещины вода при замерзании повредила бы конструкции, вызывая искривление стен и даже их обрушение. При этом даже если стены и не разрушились бы, постоянное воздействие влаги могло их настолько повредить, что осталось бы только разобрать их, потеряв хороший материал и потратив на разборку ощутимые средства [14, л. 1 об.–2].

Автор проекта, как можно заключить из его письма, всерьез предлагал впоследствии восстановить дворец на основе оставшихся стен, которые при аккуратном укрытии могли бы стать основой для реконструкции. В пользу этого говорит то, что Самойлов, отмечая, что устройство временной кровли потребует ощутимых расходов на пиломатериалы, видел возможность их использования уже при отделке воссозданной резиденции. Кроме того, высказывалось пожелание найти среди обломков, мусора и углей оставшиеся крепления кровли и перекрытий (скобы, хомуты и т.п.), чтобы потом не делать их заново [14, л. 2–2 об.].

Самойлов, по его собственным словам, уже связался с управляющим имением Панаевым и смог получить с него обещание найти и прислать все чертежи дворца для снятия копий, а при недостаточности этих материалов намеревался искать бумаги в Севастополе. Затем он предполагал лично прибыть в резиденцию вместе с «толковым десятником-чертежником» и отметить на планах те участки стен, которые требуют реставрации. Следующим пунктом стоял анализ рынка строительных материалов и сбор сведений о стоимости того или иного из необходимых товаров с учетом доставки на место работ. Первым в этом списке значился инкерманский камень, сведения о котором предполагалось найти прямо в Севастополе, следующими шли пиломатериалы, которые планировалось заказывать из Херсона как места с наиболее низкими ценами на них, по мнению Самойлова. На основе собранных данных и личного осмотра и обмеров здания полагалось возможным оперативно высчитать стоимость каменных работ и устройства временной кровли. Трудными в точной оценке виделись расходы на устройство полов, которые могли быть как из дерева, так и из других материалов (например, «из старых рельсов с плоскими между ними сводиками»); а равным образом и суммы на столярные работы, поскольку не было доподлинно известно ни сколько удалось спасти дверей, оконных рам и ставней, ни в каком именно они состоянии [14, л. 2 об.–4].

Однако проект Самойлова, хотя и поступил в контору двора великого князя Константина Николаевича, не нашел отклика. В ходе исследова-

тельской работы мне не удалось найти ни ответа на это обращение, ни подобного проекта уже именно от конторы. Более того, не была произведена даже консервация остатков здания, не появилось ни крыши, ни временных щитов на месте дверей и окон. Об этом свидетельствует отправленное в начале ноября 1881 г. Панаевым управлявшему всеми имениями великого князя Константина Николаевича К.П. Голенко донесение о плачевном состоянии оставшихся конструкций дворца. К этому времени началось предсказанное Самойловым обрушение стен. Падавшие фрагменты при этом не только пополняли объем уже имевшегося строительного мусора, но и пробивали своды подвала. В такой ситуации Панаеву не оставалось ничего, кроме как попытаться спасти хранившееся в подвалах имущество, из которого наиболее ценным считались зимние рамы всего старого дворца. Некоторые элементы конструкций, падение которых ожидалось в скором времени, по мнению управляющего имением, можно было аккуратно разобрать и продать желающим. Более того, на примете уже был один такой покупатель, заинтересованный в приобретении целого фронтона с поддерживавшими его колоннами, а также всех тесаных карнизов, годной к повторному употреблению облицовки, части каминов и мраморных деталей, оконных рам, дверей и других подходящих ко вторичному использованию материалов. Покупатель даже был готов своими силами выполнить разборку конструкций. В свою очередь, Панаев также рассматривал возможность разобрать все без привлечения посторонних и самостоятельно отобрать годный материал «на случай, если потребуется для пребывания Его Высочества постройка отдельного помещения», дабы ощутимо сэкономить при строительстве. Соответственно, он испрашивал разрешения на демонтаж и последующую продажу предметов «по усмотрению», прося дать указание телеграммой, чтобы быстрее приступить к делу [14, л. 11–12].

В ответ на это донесение 11 ноября того же года от Голенко поступило распоряжение, согласовавшее разборку тех частей зданий, которые «угрожают неминуемым падением», а также продажу ненужных вещей. При этом предписывалось, «ни в коем случае не приступая к разборке своими средствами», привлечь сторонних рабочих [14, л. 13].

Четыре года спустя, в начале января 1886 г., в контору двора великого князя был представлен предварительный вариант сметы на восстановление дворца в Ореанде. Он предполагал, в первую очередь, разбор поврежденных сводов с последующей уборкой и вывозом мусора. Непосредственно восстановительные работы состояли в возведении стен и перекрытий, установке элементов фасадного и внешнего декора, а также настилке полов, устройстве окон и дверей, выполнении внутренней отделки и монтаже системы водопровода с установкой сантехнических приборов (ванн,

ватерклозетов, рукомойников). Стоимость этих работ в целом коррелировала с предположением Самойлова и составляла 159 396 руб., из которых 147 589 руб. полагались на работы и материалы, а оставшиеся 11 807 руб. – на проектирование, оплату труда архитекторов, его помощников и десятника [13, л. 19–20 об.]. Однако ни один из предложенных комплексных проектов консервации или реставрации не продвинулся дальше предположения в силу отсутствия у великого князя Константина Николаевича возможности личными средствами покрыть эти расходы. Между поиском значительных средств на восстановление представительной резиденции, консервацией или разборкой здания, в силу экономических причин, было выбрано нечто среднее между двумя последними вариантами, когда руинированный дворец оставили как памятник самому себе, а на разборку пошли только нестабильные элементы конструкции.

Через несколько лет после пожара, в 1884 г., в имении Ореанда началось строительство церкви Покрова Пресвятой Богородицы, для фундамента и стен которой использовали камень, оставшийся от бывшего дворца. Многие исследователи при этом с небольшими различиями в формулировке цитируют самого августейшего владельца имения, выступившего инициатором, идейным вдохновителем и активным участником создания храма. Возможно, впервые высказывание великого князя было приведено в издании 1886 г. в следующем виде: «От покойной матушки я получил прелестный дворец. Его более нет, и восстановить его я никогда не буду в состоянии. Пусть же из остатков его созиждется храм Божий. Мне кажется, эта мысль очень прилична и достойна памяти матушки» [5, с. 2].

Имение Ореанда принадлежало ветви Константиновичей до лета 1894 г., когда оно было выкуплено у сына Константина Николаевича великого князя Дмитрия Константиновича за 1,3 млн руб. императором Александром III для цесаревича Николая Александровича. Из этой суммы 300 тыс. руб. составляли средства цесаревича, а один млн руб. выплачивался Департаментом уделов в рассрочку в виде пожизненной ренты в 40 тыс. руб. на содержание имения Стрельна [13, л. 21–21 об., 34]. Спустя без малого 20 лет, в 1912–1913 гг., великий князь Дмитрий Константинович, строивший неподалеку свою резиденцию Кичкине, в ее отделке и меблировке использовал предметы из Ореанды. Таким образом, исчезнувший дворец, от восстановления которого отказался сам августейший владелец, так или иначе передал свое «наследие» храму и другому дворцу.

В заключение стоит отметить, что внесенные управляющим имением Панаевым и сторонним специалистом Самойловым по горячим следам предложения имели значительные различия по своей конечной цели: первый содержал сугубо консервационные меры для недопущения полного

разрушения здания, в свою очередь, второй предполагал от первичной консервации перейти впоследствии к полномасштабной реконструкции. При этом служащие великокняжеской конторы несколько лет спустя подготовили свое предложение по восстановлению дворца. Однако ни один из проектов не был принят по экономическим причинам.

Список источников и литературы

1. *Арбатская Ю.Я.* «Ореанда» – первое императорское имение на южном берегу Крыма // Проблемы и перспективы развития современной ландшафтной архитектуры: материалы всерос. науч.-практ. конференции с межд. участием (г. Симферополь, 25–28 сентября 2017 г.). Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. С. 8–13.

2. *Калинин Н.Н., Земляниченко М.А.* Романовы и Крым. «У всех нас осталась тоска по Крыму...». Симферополь: Бизнес-Информ, 2015. 319 с.

3. *Калинин Н.Н.* Дворец в Ореанде. Шинкель и Штакеншнейдер // III Дмитриевские чтения. История Южного берега Крыма: факты, документы, коллекции, литературоведение, мемуары: сборник научных трудов. Симферополь: Таврия-Плюс, 1999. С. 38–40.

4. *Коляда Е.М.* Дворцы и парки Крыма XIX – начала XX века. История создания и стилистическая характеристика: дис. … канд. искусствовед. СПб., 2002. 181 л.

5. Краткий исторический очерк постройки церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Ореандском имении государя великого князя Константина Николаевича на Южном берегу Крыма. СПб.: Гос. тип., 1885. 35 с.

6. *Кулакова Т.И.* Имение «Нижняя Ореанда» в истории дома Романовых и биографиях деятелей русской культуры // Причерноморье. История, политика, культура. 2012. № 9. С. 113–122.

7. *Линникова О.В.* Проект К.Ф. Шинкеля для дворца в императорском имении Ореанда // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2018. № 1 (10). С. 245–260.

8. *Линникова О.В.* Стилевые особенности усадебной архитектуры Крыма периода эклектики в контексте общеевропейских тенденций: дис. … канд. искусствовед. М., 2011. 233 л.

9. *Лобзень Н.С., Пальчикова А.П.* Ливадия. Ореанда. Очерк-путеводитель. Симферополь: Сонат, 2007. 192 с.

10. *Лосева А.С.* Петергоф и Ореанда эпохи романтизма // Вопросы искусствознания. 1996. № 2. С. 92–107.

11. *Манцыгина И.В.* Архитектура усадеб «Царского берега» в Крыму в XIX – начале XX вв.: дис. … канд. архитектуры. СПб., 1999. 214 л.

12. *Петрова Т.А.* Архитектор А.И. Штакеншнейдер. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2012. 573 с.

13. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 537. Оп. 1. Д. 1762.

14. РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1783.

15. *Шинтяпина Е.С.* Архитектурно-историческое наследие поселка Ореанда на южном берегу Крыма // Культурное наследие России. 2019. № 1. С. 68–73.

УДК 94(571.6)

А.В. Филимонов[1]

Роль представителей администрации в развитии библиотечного и музейного дела на Дальнем Востоке в конце XIX в.[2]

Аннотация. Исследуется роль представителей провинциальной администрации в формировании социокультурной инфраструктуры Дальнего Востока на примере участия в развитии библиотечного и музейного дела в Приморской области в конце XIX в. На основе архивных делопроизводственных материалов, протоколов заседаний и отчетов общественных организаций выявляется вклад чиновников в создание ряда библиотек и музеев. Делается вывод о широком составе участников, включая представителей областной и окружной администрации, а также чиновников Главного управления Приамурского генерал-губернаторства. Определяются основные виды вклада: разработка уставных документов, финансовые и материальные пожертвования, личное руководство, выстраивание диалога с органами местного самоуправления. Отмечается продолжение активного участия ряда служащих в делах библиотек и музеев после их открытия.

Ключевые слова: Дальний Восток; чиновник; администрация; библиотека; музей.

The role of administration representatives in the development of librarian and museum affairs in the Far East at the end of the XIX century

Abstract. The role of representatives of the provincial administration in the formation of the socio-cultural infrastructure of the Far East is studied on the example of their participation in the development of libraries and museums in the Primorsky region at the end of the XIX century. On the basis of archival clerical documents, protocols of meetings and reports of public organizations, the contribution of officials to the creation of a number of such institutions is revealed. The conclusion is made about the wide composition of the participants, including representatives of the regional and district administrations, as well as officials of the Main Directorate of the Amur Governor-General. The main types of contribution are determined, such as the development of statutory documents,

[1] **Александр Викторович Филимонов** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия), e-mail: aleks.filimonoff@yandex.ru.

Alexander V. Filimonov – Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Omsk State University named after F.M. Dostoyevsky (Omsk, Russia).

[2] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-60013.

financial and material donations, personal guidance, creation of ties with local governments. The continuation of the active participation of a number of officials in the affairs of libraries and museums after their opening is also noted.
Keywords: Far East; official; administration; library; museum.

Особое положение дальневосточного региона в составе российского государства отмечалось как современниками, так и исследователями. Значительная часть территории (Приамурье и Приморье) была присоединена к России в середине XIX в. и процесс ее включения в общеимперское пространство проходил существенно позднее по сравнению с соседней Сибирью. Специфика региона находила отражение практически во всех сферах – от административного устройства до культурных обычаев местного населения.

Одним из проявлений своеобразия Дальнего Востока было формирование специфичной группы местного чиновничества. Обширность территории, отдаленность региона, затратность жизни, слабость инфраструктуры и культурных связей с центром страны оказывали существенное влияние на социокультурный облик администрации. В ходе продолжительного пребывания в регионе формировались характерные субъективные черты «амурского» чиновника: самостоятельность в принятии решений, особое неформальное отношение к начальству и подчиненным и др. [10, с. 266]. Одной из таких черт было активное участие в развитии местной общественной жизни. Представители администрации на Дальнем Востоке составляли значительный процент образованного населения, а слабое развитие культурной сферы региона в сочетании с оторванностью от привычной жизни в европейской части страны вынуждало чиновников брать на себя инициативу в соответствующих вопросах [10, с. 263].

Активизация внеслужебной деятельности на Дальнем Востоке совпала с общим развитием социокультурной сферы в конце XIX – начале XX в. Так, за период 1872–1922 гг. в регионе появилось 150 научных и культурно-просветительских организаций [1, с. 24]. Документы общественных объединений (уставы и отчеты) в сочетании с делопроизводственной перепиской администрации, хорошо представленной в документах Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, позволяют выявить особенности участия местных чиновников в процессе развития библиотечного и музейного дела.

В последние десятилетия в отечественной науке возрос интерес к истории Дальнего Востока. В числе перспективных для изучения выделяются вопросы, связанные с развитием социокультурной сферы и вкладом в нее различных социальных групп. Внушительный пласт составляют исследования различных объектов социокультурной инфраструктуры в Рос-

сийской империи: библиотек, музеев, типографий, театров, художественных галерей, приютов и т.д. Подробное изучение города как целостного социокультурного объекта было проведено на материале Западной Сибири В.Г. Потаповым [11]. В работах С.А. Баубековой и коллективной монографии «Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока» выявляется роль научных и культурно-просветительских обществ в развитии книжной культуры дальневосточного региона (в частности, в создании и поддержке библиотек) [1; 9]. Процесс формирования сети комплексных (краеведческих) музеев Дальнего Востока, их культурно-образовательная деятельность, функции сохранения историко-культурного наследия были рассмотрены Л.В. Корневой [3].

Отдельное направление исследований связано с изучением чиновничества как социально-профессиональной группы. Отмечается трансформация местного чиновничества под влиянием реформ и общего изменения российского общества во второй половине XIX – начале XX в. Речь идет о появлении особого бюрократического стиля и языка, ведомственной корпоративности, интеллектуализации. Одним из важнейших процессов являлось формирование особого окраинного типа российского чиновника – носителя имперских ценностей, управленческое поведение которого деформировалось под влиянием местной социокультурной среды [12, с. 20]. Данные положения получили развитие на материале различных регионов, включая Дальний Восток. Анализ сословной принадлежности, уровня образования, материального обеспечения, корпоративного мировоззрения и жизненного мира, карьерных траекторий позволяет выделить основные группы дальневосточных чиновников [10, с. 265–266]. Представители администрации рассматриваются как одна из крупнейших групп в составе дальневосточной интеллигенции, процесс формирования которой был тесно связан с развитием культурной инфраструктуры [7].

Основной задачей данного исследования является выявление особенностей участия представителей приморской администрации в создании музеев и библиотек как объектов социокультурной инфраструктуры, включая состав участников, содержание и основные виды вклада. Выбор Приморской области объясняется возможностью охвата значительной группы чиновничества, включавшей помимо областной и окружной администрации служащих Главного управления Приамурского генерал-губернаторства.

***

Создание первых социокультурных объектов научно-просветительского характера на Дальнем Востоке предвосхитило появление научных организаций. Советник приморского областного правления Г.И. Андреев учредил в Николаевске в 1878 г. общественную библиотеку преимуще-

ственно для служащих и стал ее первым председателем. При его участии посредством добровольной подписки в течение непродолжительного времени фонд библиотеки пополнился более чем 1,4 тыс. книг [14, л. 6].

В 1882 г. по инициативе начальника Южно-Уссурийского округа П.А. Занадворова была открыта библиотека при Южно-Уссурийском полицейском управлении в с. Никольское. Ее основой стали сочинения русских писателей, приобретенные чиновником на сумму в 300 руб. Деньги были пожертвованы в 1873 г. великим князем Алексеем Александровичем Романовым с адресным пожеланием учредить в крае библиотеку «с сочинениями по всем отраслям человеческих знаний» [16, л. 2]. Важно отметить, что пользоваться книгами могли не только сотрудники полицейского управления, но также жители Никольского и близлежащих селений. Занадворов прилагал все усилия для пополнения библиотеки, выписывая книги за свой счет и собирая их у других людей, – в результате под его руководством фонд был доведен до 2 тыс. экземпляров [16, л. 2]. Чиновник также получал книги на иностранных языках из Императорской Академии наук в обмен на чучела, шкуры местных зверей и птиц [4].

С момента присоединения к Российской империи Приамурский край нуждался в организованном всестороннем научном исследовании. 11 декабря 1883 г. в газете «Владивосток» была опубликована заметка флотского механика А.М. Устинова, в которой предлагалось учредить в городе музей для проведения научных работ [17]. На следующий день в квартире владивостокского прокурора И.А. Бушуева состоялось обсуждение предложенной идеи с участием автора газетной заметки Устинова, чиновника В.П. Маргаритова, редактора газеты «Владивосток» Н.В. Соллогуб и нескольких офицеров [8, с. 1–4]. Во многом благодаря позиции присутствовавшего на собрании заведующего переселенческим делом в Южно-Уссурийском крае Ф.Ф. Буссе было решено расширить цели проектируемого учреждения до полноценной научной организации. Как представитель дальневосточной администрации, прослуживший к тому времени в регионе более 20 лет, он хорошо понимал необходимость проведения научного изучения территории. На собрании Буссе заявил: «Только общество может путем письменных сношений с разными людьми, уже работавшими для намеченной цели, путем сообщения интересных сведений о крае, путем группировки коллекций… поддержать интерес к учреждению и вызвать содействие новых соучастников в общей работе» [6, с. 32]. Данное предложение было поддержано, и чиновник был избран в состав комиссии, подготовившей проект устава Общества изучения Амурского края (ОИАК) [6, с. 32–33].

18 апреля 1884 г. состоялось официальное учреждение ОИАК. Буссе был избран первым его председателем, активно способствовав созданию

при нем музея и библиотеки. Чиновник сумел добиться финансовой поддержки музея от Владивостокской городской думы [6, с. 70; 13, л. 84]. Буссе также завещал библиотеке общества 400 томов из личного книжного фонда [6, с. 134].

После открытия ОИАК идея создания научной организации возникла в Хабаровске. С инициативой открытия регионального отдела ИРГО выступил приамурский генерал-губернатор С.М. Духовский, поручив работу по реализации проекта своему первому помощнику Н.И. Гродекову. Проводя подготовительные мероприятия, Гродеков руководствовался мыслью о важности формирования соответствующей инфраструктуры для эффективной деятельности организации. Чиновник взял на себя инициативу по созданию при Приамурском отделе ИРГО музея и библиотеки. Он лично контролировал ход строительства здания музея, способствовал открытию его первых экспозиций, передал учреждению ряд своих коллекций (в частности, собрание почтовых марок и чучела птиц с Филиппинских островов), а также завещал значительную сумму денег и личную библиотеку [2; 6, с. 167]. В 1902 г. общий вклад Гродекова был отмечен присвоением музею его имени.

Первым директором Николаевской публичной библиотеки в составе Приамурского отдела ИРГО стал делопроизводитель канцелярии приамурского генерал-губернатора В.В. Перфильев. За время руководства (1894–1900 гг.) чиновник разработал основные документы, регламентировавшие деятельность библиотеки («Положение...», «Правила пользования...», «Инструкцию к заведыванию...» и др.), ввел научную расстановку и учет фонда [5, с. 247]. Важно отметить, что он работал в библиотеке на общественных началах, без вознаграждения. Перфильев смог добиться расширения площади библиотеки: по его инициативе были открыты читальный зал и зал для научных занятий. Чиновник также основал фонд «книжных редкостей и исторических памятников» [5, с. 248].

Помимо научных обществ в развитие библиотечного дела на Дальнем Востоке вовлекались и другие объединения. Так, в 1903 г. несколько представителей администрации в составе Южно-Уссурийского благотворительного общества (начальник Южно-Уссурийского округа И.С. Вологдин, чиновник Южно-Уссурийского полицейского управления А.И. Гамов-Тайшин и уездный казначей Никольск-Уссурийского казначейства И.П. Губанов) участвовали в утверждении правил библиотеки-читальни при организации [15, л. 70; 16, л. 30]. Смещение направления деятельности общества в сторону образования и просвещения объяснялось его членами тем, что государство более активно занялось развитием медицинской инфраструктуры в округе [16, л. 1].

Подводя итоги, необходимо отметить, что чиновники внесли существенный вклад в развитие научной и культурно-просветительной инфраструктуры в Приморской области и на Дальнем Востоке в целом. В создании библиотек и музеев принимали участие представители областной и окружной администрации, а также служащие Главного управления Приамурского генерал-губернаторства. Вклад в большей степени выражался в разработке уставных документов, финансовых и материальных пожертвованиях, личном руководстве, выстраивании диалога с органами местного самоуправления. Для большинства чиновников также было характерно продолжение активного участия в делах библиотек и музеев после их создания, что свидетельствовало об искренней заинтересованности в предмете деятельности.

Список источников и литературы

1. *Баубекова С.А.* Научные и культурно-просветительские общества Дальнего Востока России в конце XIX – начале XX в.: Исторический опыт деятельности: дис. … канд. ист. наук. Владивосток, 2016. 266 л.

2. Гродеков Николай Иванович // Дальневосточная государственная научная библиотека. URL: https://fessl.ru/resources/elektronnye-resursy/local-lore/507-grodekov (дата обращения: 30.06.2022).

3. *Корнева Л.В.* Становление и развитие музейного дела на Дальнем Востоке России: 1884–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2001. 22 с.

4. *Лынша О.Б.* Занадворов Полиект Алексеевич // Переселенческий пункт. URL: http://relocation.pgpb.ru/history/zanadvorov.html (дата обращения: 30.06.2022).

5. *Ляшук А.В.* Василий Власьевич Перфильев: семья и служба // На перекрестке континентов: материалы XXXI Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский: Камчатская краевая науч. б-ка им. С.П. Крашенинникова, 2014. С. 247–252.

6. *Масло О.А.* Общества научной мысли. О деятельности научных обществ на Дальнем Востоке России в конце XIX – начале XX вв. Хабаровск: Приамурское географическое общество, 2011. 301 с.

7. *Новиков Д.Г.* Особенности формирования интеллигенции Дальнего Востока во второй половине XIX – первые годы XX веков // Чтения памяти профессора Евгения Петровича Сычевского: Сборник докладов. Благовещенск, 2000. URL: https://textarchive.ru/c-2700792-pall.html (дата обращения: 30.06.2022).

8. Отчет Общества изучения Амурского края (с 1884 по 1894 г.). Владивосток: Тип. Сибирского флотского экипажа, 1894. 25 с.

9. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Т. 1: Конец XVIII – середина 90-х годов XIX века / отв. ред. В.Н. Волкова. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2000. 316 с.

10. *Поповичева Ю.Н.* Дальневосточное чиновничество как социокультурная группа // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времен до

начала XX века): материалы междунар. науч. конф. (г. Благовещенск, 17–18 мая 2004 г.). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004. С. 263–267.

11. *Потапов В.Г.* К проблеме изучения социокультурной инфраструктуры провинциального города второй половины XIX – начала XX века (по материалам Западной Сибири) // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX века: сборник материалов региональной научной конференции. Новосибирск: РИПЭЛ, 2007. С. 168–173.

12. *Ремнев А.В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омского университета, 2004. 552 с.

13. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1273.

14. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2428.

15. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1480.

16. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1521.

17. *Хисамутдинов А.А.* Дальний Восток, Общество изучения Амурского края и Русское Географическое общество // Общество изучения Амурского края. URL: http://оиак.рф/news/2019-08-15/dalniy-vostok-obschestvo-izucheniya-amurskogo-kraya-i-russkoe-ge (дата обращения: 30.06.2022).

УДК 355.462.4.

В.А. Болтрукевич[1]

Теория «крейсерской войны» в представлениях контр-адмирала Ф.В. Дубасова (по документам РГА ВМФ)

Аннотация. В данной статье рассматривается один из наиболее представительных источников по истории военно-морской мысли России – записка контр-адмирала Ф.В. Дубасова «Крейсерская война» (1896 г.). Она представляет собой настоящее исследование, в котором на основе всестороннего анализа проблемы ведения крейсерских операций разбираются сильные и слабые стороны использования крейсеров против морских и океанских коммуникаций. Благодаря использованию широкой гаммы исторических источников адмиралу Дубасову удалось создать удачную с точки зрения морской науки и исторического опыта концепцию ведения крейсерских операций. Автор статьи приходит к выводу, что этот документ свидетельствует о переходе теории «крейсерской войны» в России на новый уровень.
Ключевые слова: контр-адмирал Ф.В. Дубасов; крейсера; теория «крейсерской войны»; океанские и морские коммуникации; военно-морское профессиональное сообщество.

The theory of “cruising war” in the views of Rear Admiral Fyodor Dubasov (according to the documents of the Russian State Archive of the Navy)

Abstract. This article deals with one of the most representative sources on the history of Russian naval thought – the note by Rear Admiral Fyodor Dubasov “Cruising War” (1896). It’s a thorough study in which, based on the comprehensive analysis of a problem of conduct of cruising operations, the strengths and weaknesses of using cruisers against naval and ocean communications are weighed. Thanks to use of a wide range of historical sources, Dubasov managed to create a successful concept from the point of view of marine science and experience. We can safely say that this document testifies to the transition of the theory of “cruising war” in Russia to a new level.
Keywords: Rear Admiral Fyodor Dubasov; cruisers; theory of “cruising war”; ocean and sea communications; naval professional community.

На протяжении второй половины XIX в. наблюдалось активное развитие военно-морской мысли, важным направлением которой стала разработка

[1] **Василий Анатольевич Болтрукевич** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра военной истории России Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: tikuma@mail.ru.
Vasily A. Boltrukevich – Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Center of Military History of Russia, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

теории «крейсерской войны». Эта «доктрина» рассматривалась значительной частью военно-морских кругов ряда морских держав как одна из альтернатив строительства дорогих и сложных в производстве броненосцев. Крейсера воспринимались представителями этого течения (получившего обобщающее название «Молодая школа») как многообещающий инструмент сдерживания сильных на море государств (к примеру, Великобритании), имевших развитую морскую торговлю. Вдохновение сторонники подобных взглядов черпали из исторических примеров использования кораблей крейсерского класса против океанских и морских коммуникаций потенциального противника. Во второй половине XIX в. таковыми стали действия рейдеров Конфедерации южных штатов в Гражданской войне в Америке [4, с. 73].

Немало сторонников «крейсерской войны» нашлось и среди представителей российского военно-морского профессионального сообщества. Как гласил один из программных документов, определявших кораблестроение на последние два десятилетия XIX в., при неблагоприятных обстоятельствах для действий нашего флота, «крейсерская война в открытых морях представляется для России почти единственным и весьма сильным средством для нанесения во время войны существенного вреда торговым интересам неприятеля, обладающего более или менее значительным коммерческим флотом» [5, с. 81]. Следует отметить, что эта теория заинтересовала не только флотских офицеров, но и широкие слои российской общественности [7, л. 2]. Следствием подобных настроений стало появление большого числа неофициальных записок, содержавших проекты ведения крейсерских операций против морской торговли Великобритании – в то время основного геополитического соперника Российской империи. Эти интереснейшие документы сохранились в ряде архивохранилищ, в том числе в РГА ВМФ. Одним из наиболее значимых источников, по моему мнению, является записка контр-адмирала Федора Васильевича Дубасова «Крейсерская война» (1896 г.), адресованная великому князю Константину Константиновичу. В ней на основе глубокого знания истории военно-морского флота и принципов морской тактики дается анализ теории «крейсерской войны» и оценивается практическая возможность России применять эту «доктрину». В настоящей статье предпринимается попытка проанализировать взгляды Дубасова и дать им оценку с учетом развития военно-морской мысли конца XIX в.

В начале своего обширного труда Дубасов констатировал, что среди всех прочих проблем военно-морского дела «вопрос о крейсерской войне несомненно привлекает к себе наибольшее общественное внимание». Учитывая расстановку сил в российском военно-морском сообществе, он понимал, «чтобы решиться высказаться против столь распространенного…

столь твердо установленного мнения… нужно иметь много смелости»; но при этом исходил из того, что «крейсерская война имеет свою историю, и потому этот вопрос решается… на основании принципов морской стратегии и исторических уроков морских войн прошедшего…» [7, л. 2–2 об.].

Дубасов выделял восемь основных положений военно-морской науки, сопровождая их конкретными историческими примерами. Хронологически они охватывали период начиная с Первой англо-голландской войны 1652–1654 гг. и заканчивая Гражданской войной в США 1861–1865 гг. И хотя почти все примеры относились к периоду господства паруса, это не мешало автору записки делать выводы применительно к современности, поскольку «принципы стратегии, лежащие в основании крейсерской войны, оставались во все эпохи те же, несмотря на изменение технических условий» [7, л. 8][1]. При этом, как отмечал Дубасов, внедрение пара поменяло условия ведения «крейсерской войны»: раньше «крейсер, имея лишь самую ограниченную потребность в топливе, мог держаться в море так долго, как только позволяли имеющиеся на нем запасы продовольствия и боевого снабжения»; современный крейсер, много выиграв в боевом отношении, «в автономности своей и в районе своих действий, не только не ушел вперед, но значительно отстал от своего предшественника» [7, л. 19 об., 21][2].

Итак, первое положение военно-морской науки, выделенное Дубасовым, гласило, что война «во все времена имела лишь одну цель: заставить противника положить оружие» – разбить его армию и уничтожить его флот; согласно второму, всякая война кроме главной цели может иметь и второстепенные, однако «непосредственное разрешение этой главной задачи всегда разрешает – самым простейшим и самым действительным образом – и все второстепенные задачи» [7, л. 3 об.–4].

Третье положение указывало, что только бой между главными силами «может иметь результатом полное достижение главной цели войны». Как отметил Дубасов, уже этого тезиса достаточно, чтобы «определить настоящее значение операций крейсерских», цели которых не только «второстепенные», но и «находятся еще в довольно отдаленной связи с… первенствующей целью войны»[3]. Положение четвертое гласило: при составлении

---

[1] Аналогичные точки зрения высказывались и другими теоретиками военно-морского дела [6, с. 32].

[2] Схожий взгляд можно найти в публикациях 1870-х гг. Так, например, полный отказ от парусного рангоута, по мнению одного из публицистов, поставил «военные суда в прямую и безусловную зависимость от искусственного парового двигателя, требующего себе запаса топлива, груза настолько громоздкого, что при всех усилиях запас его ограничивается таким количеством, которое низвело прежнее четырехмесячное непрерывное пребывание в открытом море до двух и трех недель, а чаще и до более короткого времени» [1, с. 213].

[3] Следует отметить, что среди представителей российских военно-морских кругов существовала и другая точка зрения. Так, редактор журнала «Морской сборник» Р.В. Зотов пи-

плана боевых действий необходимо принять во внимание то, что «успех крейсерских операций будет непременно зависеть от успеха главных боевых сил», а неудача последних будет иметь неизбежным последствием «упразднение всех результатов успешного крейсерства» [7, л. 4–5].

Пятое положение указывало на то, что «без операционной базы» нельзя осуществить ни главные, ни второстепенные боевые операции. Сформулировав этот тезис, Дубасов представил свою классификацию военно-морских баз, выделив два основных типа: 1) защищенные морские арсеналы, «снабженные всем необходимым для боевых потребностей флота»; 2) второстепенные базы, необходимые, когда «опора на главные базы… становится невозможной». Последние, в свою очередь, включали два разряда: арсеналы «меньшего значения и силы», расположенные на собственной территории; морские станции, вынесенные за пределы государства, на которые должны опираться морские силы, действовавшие на дальних театрах. Шестым положением Дубасов подчеркнул, что операции крейсеров должны опираться на военно-морские базы. Согласно же седьмому и основному положению, «морские станции могут существовать лишь при поддержке боевого флота». Последнее восьмое положение дополняло предыдущее: «крейсерские операции, хотя бы и опирающиеся на базы – морские станции, но остающиеся без содействия боевого флота, не могут быть плодотворными», поскольку без него «остаются лишенными всякой поддержки» [7, л. 5–6 об.].

Следующая часть записки Дубасова посвящена состоянию «крейсерского вопроса» в России. Он привел выдержки из одного важного для российской морской политики документа[1], в котором «целесообразность крейсерской войны обосновывается невозможностью развития у нас именно тех главнейших условий, без которых… эта война успеха иметь не может»; а также утверждается, что российские крейсера «должны быть… самостоятельными боевыми единицами», подобно конфедеративным крейсерам в междоусобную войну североамериканских штатов. Дубасов считал, что такие взгляды на крейсерство возникли не на пустом месте: они «не только существовали и ранее, но… не раз положены были в основание наших действий, а достигнутые этими действиями видимые результаты укрепляли еще более мнимую основательность этих взглядов в глазах их сторонников». Называя их ошибочными, контр-адмирал ссылался на слова известного американского военно-морского теоретика А.Т. Мэхэна:

сал: «С военной точки зрения, крейсерская война есть вопрос стратегического значения» [2, с. 108]; публицист Л.В. Илляшевич отмечал: «Уничтожение неприятельской морской торговли составляет и теперь одну из важнейших форм морской войны» [3, с. 8].

[1] Речь идет о постановлении особой комиссии 1881 г., которая должна была составить план развития российского флота на ближайшие двадцать лет.

«крейсерская война гораздо более раздражает, нежели ослабляет противника» [7, л. 23 об.–25 об.].

Далее в своей записке Дубасов попытался проанализировать положение основных потенциальных противников России – Великобритании и Германии. По его мнению, их сближало то, что они не могли полностью обеспечить себя жизненно важными продуктами (хлебом, мясом и др.). В частности, Великобритания производила от 16 до 28 % необходимого хлеба, Германия – до 70 %. Обе страны были вынуждены ввозить недостающие ресурсы морским путем, следовательно, для них свобода морской торговли составляла «вопрос не только благосостояния, но прямо вопрос жизни» [7, л. 26 об.–27].

Крейсерские операции против Великобритании в союзе с Францией, с точки зрения Дубасова, могли иметь три варианта развития событий: 1) перевес на стороне англичан; 2) равенство противников; 3) перевес на стороне союзников. В первом случае Великобритания постаралась бы «нанести такой решительный удар вооруженным морским силам своего противника, после которого крейсерские операции, лишенные поддержки боевых эскадр, – сделались бы невозможными». Если бы события развивались по второму сценарию, то решительного сражения не было бы, но крейсерские операции все-таки получили бы необходимую поддержку. Наконец, в третьем случае «союзные силы Франции и России могли бы нанесли английскому боевому флоту такое поражение, которое, вероятно, привело бы разом к достижению первенствующей, а с ней вместе и всех второстепенных целей столкновения». Конечно, учитывая данные по корабельному составу на начало 1896 г., вариант превосходства над английским флотом выглядел нереально. Подводя итог разбору гипотетической русско-английской войны, Дубасов опроверг господствовавшее мнение о том, что «крейсерская война» является единственным средством борьбы с Великобританией, поскольку русско-английское соперничество на море не только невозможно, но и не нужно. В качестве альтернативы он предложил раздеть сферы влияния: «для России нет никаких причин оспаривать английское господство на море, а та не в состоянии помешать нашему на суше» [7, л. 28–31 об.].

Более детально Дубасов рассмотрел перспективы войны с Германией. Он отмечал, что эта страна вынуждена «находить источники существования и процветания не в земледельческой, а в промышленной деятельности»; кроме того, к началу 1890-х гг. немецкая торговля занимала второе место после английской. В 1896 г. половина германского импорта, как и четверть экспорта, была доставлена по морю: «весь морской торговый оборот» составил 65–80 % всей ее торговли. Не менее важным являлось

и то, что «главное торговое движение» Германии (до 40 %) шло через порты «Немецкого моря», прежде всего Гамбург и Бремен. Из общего числа ввозимых товаров продовольствие составляло 16 %. Адмирал не сомневался, что Германия «находится в таком положении, что приостановка… подвоза продовольственных продуктов, может… вызвать народное бедствие», и будь у ее противника превосходство на море, то это дало бы возможность достичь «главной цели» без крейсерских операций. Однако в одиночку заблокировать немецкие порты Россия не могла. В случае же войны в союзе с Францией тоже возникали сложности, поскольку последняя, имея свои интересы в Средиземном море, неминуемо была бы втянута в борьбу с Италией и Австро-Венгрией. В свою очередь, в Атлантике Франция была бы вынуждена «ограничиться ролью оборонительной». Иными словами, и совместно с французским флотом добиться победы над Германией не представлялось возможным [7, л. 32–36].

В ходе «крейсерской войны» с Германией один на один база для ведения операций могла быть организована Россией либо на неприятельской территории, либо на побережье соседних государств (Бельгии, Голландии, Норвегии). Второй вариант отпадал по политическим причинам, оставался первый – занять один из пунктов на немецком побережье, что было возможным только в результате высадки десанта. Такой маневр потребовал бы, с одной стороны, «еще большего развития морских операций», а с другой – «отделения» значительной части армии. Дубасов полагал, что при превосходстве главных сил противника «мы не только лишены бы были и возможности достигнуть главной поставленной цели», но и наступательные действия, без которых не могли иметь место крейсерские операции, оказались бы невозможными [7, л. 37–37 об.].

Война между русско-французским и Тройственным союзами не выглядела более перспективной. Конечно, Франция предоставила бы России возможность разместить на своем побережье базу для ведения операций, однако это не сильно помогло бы союзникам. Строительство Северо-Восточного канала давало возможность немецкому флоту быстро перебрасывать свои силы с одного театра на другой. Кроме того, состояние береговой обороны позволяло Германии не беспокоиться о безопасности своих главных портов и сосредоточить силы там, «откуда будет грозить противник». В свою очередь, береговая оборона России находилась не в лучшем состоянии, что мешало выделению достаточных сил для совместных действий с французским флотом. Более того, Германия наверняка бы попыталась помешать объединению российского и французского флотов, стянув силы в Балтийское море [7, л. 37 об.–38 об.].

При рассмотрении возможных вариантов ведения боевых действий с Великобританией и Германией главной для Дубасова являлась проблема

постановки «вопроса о крейсерской войне» в российском общественном сознании. Он исходил из того, что задачи крейсеров не должны ограничиваться исключительно действиями на коммуникациях. На них необходимо возложить обязанность службы при эскадре (прежде всего, для разведки). Это было важно для сбалансированного состава флота, в котором должны находиться не только броненосцы, но и корабли крейсерского класса, причем последние – составлять главный контингент соединения России в Средиземном море и Тихом океане. В этих эскадрах крейсера (прежде всего, броненосные, как самые сильные из них) должны формировать «первую боевую линию». Отсюда вытекала необходимость увеличения российского крейсерского флота. Дубасов не сомневался, что это являлось одной из главных потребностей флота [7, л. 39 об.–40 об.].

***

Поводя итог, следует отметить, что записка Дубасова – это не просто очередной аналитический документ, полемизирующий с противниками проведения крейсерских операций, это настоящее исследование, в котором на основе опыта предшественников и на конкретных примерах разобраны проблемы теории и практики «крейсерской войны». Труд Дубасова отличает всесторонний анализ проблемы с учетом сильных и слабых сторон тактики нарушения океанских и морских коммуникаций. Он основан на обширной источниковой базе (исторические труды, статистика, справочники по корабельному составу и др.), что позволило создать более-менее полноценную с точки зрения морской науки концепцию ведения крейсерских операций.

Конечно, проанализированная записка не лишена недостатков. В ней почти проигнорированы примеры из российской военно-морской истории. Экономические аспекты войны на море хотя и затронуты, но не раскрыты в полной мере. За рамками исследования Дубасова оказались и международно-правовые аспекты войны на море, несмотря на то что эти вопросы активно обсуждались в военно-морском сообществе России вплоть до начала Первой мировой войны.

В целом появление записки Дубасова следует рассматривать как свидетельство перехода теории «крейсерской войны» в России на новый уровень.

Список источников и литературы

1. *-ай-ъ.* Какой нужен России флот? // Сборник морских статей и рассказов. Ежемесячное прибавление морской газеты «Яхта». 1877. № 5. С. 209–221.

2. *Зотов Р.В.* Стратегические уроки морской истории // Морской сборник. 1892. № 8. С. 93–124.

3. *Илляшевич Л.В.* Каперы и крейсеры. СПб.: Типография А.М. Котомина, 1878. 64 с.

4. Испытания корвета «Volage» // Морской Сборник. 1870. № 1. Броненосное и современное судостроение. С. 73–76.

5. *Кондратенко Р.В.* Морская политика России 80-х годов XIX века. СПб.: ЛеКо, 2006. 344 с.

6. Нужен ли флот России // Время. 1863. № 3. С. 5–48.

7. Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 9. Оп. 1. Д. 1197. Л. 2–44 об.

УДК 93(430) 084

А.Ф. Савченко[1]

Германский фактор в эскалации российско-японских противоречий в конце XIX – начале XX в.

Аннотация. В статье анализируется взаимодействие Германии, России и Японии в конце XIX – начале XX в. в контексте их борьбы за реализацию своих геополитических интересов и обеспечения военно-стратегической безопасности. Особое внимание уделяется рассмотрению эскалации российско-японских противоречий в свете германского фактора и концепции «натиска на Восток», реализация которой вызывала разночтения среди германской элиты. Характеризуется восприятие немецкого влияния на свою политику российскими и японскими правящими кругами на примере С.Ю. Витте и Хисаити Тэраути – военного министра Японии (1936–1937), обозначившего свою позицию в беседе с германским генералом Максом Гофманом. Рассматривается период с 1894 до 1907 г., поскольку именно в данное время германское влияние на отношения Петербурга и Токио достигло наивысшего расцвета.

Ключевые слова: международные отношения; германский фактор; отношения Германии, России и Японии в конце XIX – начале XX в.

The German factor in the escalation of Russian-Japanese contradictions in the late XIX – early XX centuries

Abstract. The article analyzes interactions of Germany, Russia and Japan in the late XIX – early XX centuries in the context of their struggle for the implementation of their geopolitical interests and ensuring military-strategic security. Particular importance is given to the consideration of the escalation of Russian-Japanese contradictions in the light of the German factor and the concept of the “onslaught to the East”, the implementation of which caused discrepancies among the German elite. The perception of German influence is given by Russian and Japanese ruling circles on the example of S.Yu. Witte and Khisaiti Terauti, the Minister of War of Japan (1936–1937), who marked his position in an interview with the German General Max Hoffmann. The period from 1894 to 1907 is considered, since it was at this time that the German influence on the relationship of St Petersburg and Tokyo reached its peak.

Keywords: international relationships; German factor; Relations between Germany, Russia and Japan in the late XIX – early XX centuries.

В конце XIX – начале XX в. мир, подпитываемый англо-германским и франко-германским антагонизмом, вступил в новый этап борьбы великих

[1] **Алексей Федорович Савченко** – бакалавр, Московский педагогический государственный университет (Москва, Россия), e-mail: alexey.savchenko_02@mail.ru.
Alexey F. Savchenko – Bachelor, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia).

держав за сферы влияния, изобретая новые способы достижения своих целей. Главным выражением нового времени стало формирование основ геополитических школ и геополитических концепций России, Германии и Японии (российская азиатская программа, обновленный немецкий «Натиск на Восток», зарождающиеся японские проекты), которые неизбежно сталкивались на просторах ослабевшего Китая.

Противоречия на международной арене определяют как проблемное поле настоящего исследования, так и его цель – проанализировать германский фактор в эскалации российско-японских отношений на рубеже XIX–XX вв. В частности, предпринимается попытка охарактеризовать внешнеполитические шаги германского руководства в период с 1894 по 1904 г. на Дальнем Востоке, выявить противоречия в военно-политической элите Германии по рассматриваемому вопросу и раскрыть отношение российских и японских правящих кругов к возраставшему немецкому влиянию. Исследование проводится в рамках геополитического подхода, что обусловлено как объектом изучения (международными отношениями на Дальнем Востоке и германским фактором), так и важностью учета одной из главных идей рубежа веков – борьбы между двумя противоположными цивилизационными началами – Востоком и Западом.

Рассматриваемой проблеме уже неоднократно уделялось внимание в историографии. Как правило, исследовательский фокус был направлен на «личную дипломатию» Вильгельма II, обосновывалась целостность германского курса, вкупе с британским и американским влиянием способствовавшим началу Русско-японской войны 1904–1905 гг. [6; 8; 11; 16; 17; 19]. На современном этапе утверждения о целостности политики Берлина подвергаются критике [18], в первую очередь, сквозь призму рассмотрения противоречий в военно-политической элите Германии касательно реализации «Натиска на Восток». Так, анализ позиции германского морского министра и адмирала Альфреда фон Тирпица раскрывает иную точку зрения на построение отношений Германии и России: он не поддерживал курс Вильгельма II и рейхсканцлера Б. фон Бюлова по столкновению Петербурга и Токио, поскольку считал, что это отразится на развитии военно-морского флота, необходимого для противодействия Великобритании [7].

Сохранение этих противоречий можно проследить вплоть до Русско-японской войны, имевшей особое значение для развития германской дальневосточной политики. Немецкий историк Ф. Якоб отмечает, что «эта война не стала частью коллективной памяти немцев», но она повлияла на «стратегические планы Германии после 1905 г.». Даже знаменитый план Шлиффена он называет «продуктом Русско-японской войны, и, следовательно, сражения в Восточной Азии», которые «в огромной степени влияли на историю Германии вплоть до начала Первой мировой войны» [21, с. 16].

В связи с этим германский фактор в развитии российско-японских отношений в конце XIX – начале XX в. становится еще более привлекательным для изучения. Он, хотя и косвенно, но все же оказывал влияние на развитие Тихоокеанского региона, которое можно обозначить двумя направлениями: внешнеполитическое (действия Берлина в период с 1894 по 1904 г.) и идеологическое (влияние немцев и «личной дипломатии» Вильгельма II на формирование концепции «большой азиатской политики» России). Использование же внешнеполитических актов, а также материалов, иллюстрирующих внутреннее развитие Японии к началу Русско-японской войны [22], и документов личного происхождения [1; 2; 15] позволяет нам раскрыть отношение японской и российской сторон к имевшему место немецкому влиянию.

Точкой отсчета эскалации российско-японских противоречий можно считать завершение Первой китайско-японской войны 1894–1895 гг., по итогам которой был заключен победный для Токио Симоносекский мирный договор. Усиление Японии в регионе негативно восприняли Германия, Россия и Франция, что вылилось в Тройственную интервенцию 1895 г., по которой токийский кабинет был вынужден пересмотреть условия мира с Китаем.

Петербург в тот момент исходил из целей, обозначенных министром финансов С.Ю. Витте 30 марта 1895 г. на Особом императорском совещании, где он обратился с предложением принять все меры, дабы Япония не закрепилась на материке [14, с. 81]. Позднее Витте напишет в мемуарах, что считал стратегически важным для России иметь у восточных рубежей «сильный и неподвижный Китай» [1, с. 38–39]. Но, как отмечал японский дипломат Хаяси Тадасу, «граф Витте никогда не имел намерений уважать суверенитет Китая над той частью китайской территории, по которой должна была проходить железная дорога» [9, с. 102].

При этом методы Витте в проведении политики на Дальнем Востоке способствовали развязыванию Русско-японской войны не меньше, чем немцы или же британцы с американцами. Так, создание Русско-Китайского банка в 1896 г. для помощи Пекину в выплате контрибуции после войны 1895 г. обостряло франко-германские противоречия в регионе, поскольку формирование банка проходило в тесной связке Витте с французскими вкладчиками [9, с. 86–87].

Токио, не имея возможности противодействовать Тройственной интервенции, отказался от продвижения на Ляодунский полуостров, преподнеся это «как знак добрососедских отношений с Китаем» [13, с. 6]. Дальнейшие же действия Германии и России в этом вопросе лишь создавали основу будущего конфликта, поскольку шли в разрез со стратегическими интересами Японии.

В ноябре 1897 г. Берлин занял китайский Циндао, чем ожидаемо вызвал дискуссию в Петербурге. Министр иностранных дел М.Н. Муравьев и военный министр П.С. Ванновский выступили за использование момента для захвата Порт-Артура или Даляня [1, с. 120]. Но против этого был Витте, утверждавший, что сложившаяся ситуация не обязывает Россию следовать примеру Германии, ведь в свете ранее заключенного между Россией и Китаем союза (имеется в виду союзный договор 1896 г.) подобные действия будут носить лишь негативный характер [1, с. 120–121].

В итоге Николай II принял позицию Муравьева, в целом не слишком отличавшуюся от общего курса Витте по эскалации конфликта с японцами. 3 (15) декабря 1897 г. русские военные суда встали на рейде в Порт-Артуре, что привело к заключению 15 (27) марта 1898 г. Русско-китайской конвенции, по которой Россия занимала лидирующую позицию в Маньчжурии и приближалась к Корее – прямой зоне стратегических интересов Токио.

Реакция на действия Петербурга со стороны Вильгельма II была положительной. Кайзер писал поздравления кузену с подчинением Порт-Артура, отмечая, что теперь «мы вдвоем будем хорошими стражами у входа в Печилийский залив», внушая уважение «желтым». Оценку действиям в Корее Вильгельм давал не менее лестную, тем самым играя на амбициях Николая II: «Мастерское соглашение по Корее, которым тебе удалось успокоить чувства сердитых японцев, я считаю замечательным образцом дипломатии и предусмотрительности; <...> теперь, собственно говоря, ты хозяин Пекина» [15, с. 44].

Япония, воспринявшая продвижение русских как удар по своим интересам и весомое унижение, вступила на путь милитаризации. Министр иностранных дел Японии Муцу Мунэмицу в своих «Воспоминаниях дипломата» («Кэнкэнроку») даже отмечал: «в любом случае, Россия для нас противник, война с которой неизбежна в самое ближайшее время» [13, с. 6].

Японский дипломат Нагао Арига также писал в 1904 г. о стремлении «бывших самураев», которым наскучило продолжительное спокойствие и ввергал в ужас «упадок национального мужества» из-за сношения с иностранцами, проявить свой «воинственный патриотизм» [22, с. 138]. Так, эскалация отношений между странами с японской стороны шла в русле милитаризации общества. Позднее «справедливость» японского негодования закрепится в японской историографии в работе историка Кооя Накамуры «История Японии» [4, с. 379].

Роль Германии японской стороной также не была проигнорирована. Как позднее скажет участник Русско-японской войны 1904–1905 гг., японский военный министр в 1936–1937 гг. Тэраути Хисаити, «ультиматум Германии, России и Франции вынудил нас вернуть Порт-Артур китайцам; что

Россия прибегла к ультиматуму – это было понятно: она сама стремилась в Порт-Артур и в незамерзающий порт Дальний; что Франция поддержала Россию – это было естественно, ибо она была с нею в союзе» [2, с. 5].

Активизация Берлина в решении китайского вопроса была обусловлена активной колониальной политикой Вильгельма II в русле «Натиска на Восток» и попытками германского руководства получить выгоду от ослабевшего Китая. Это не отменяло и стремления приобщить Россию к решению дальневосточных проблем для ее отвлечения от европейской политики [3, с. 28]. Оценивая действия Берлина в те годы, германский генерал Макс Гофман отмечал: «У нас тогда думали, что нашей дипломатии удастся удержать Японию от вступления в ряды наших врагов», а русских вынудить, «по крайней мере, часть своих восточносибирских войск оставить на Дальнем Востоке» [2, с. 4].

Так кайзер, убеждая Петербург продолжить свое проникновение на Дальний Восток и раздувая региональные противоречия, стремился достичь еще одной важной цели германской геополитики – не допустить включение Великобритании в Антанту, что означало бы перевес на стороне противников Берлина. На некоторый период это было сделано, поскольку из-за «русской угрозы» Лондон пошел на формирование союза с Японией в 1902 г. (антироссийского по своей направленности) [10, с. 16].

Вместе с тем германский фактор в эскалации российско-японских противоречий проявил себя и в идеологическом плане, способствуя формированию российской «большой азиатской программы», которую сам Николай II, по признанию во время встречи с Вильгельмом II в Ревеле, ставил на первое место в своей политике [12, с. 127–128].

Поддержка такой риторики прослеживается в переписке между двумя монархами. В письме от 10 июля 1895 г. кайзер писал «о великой роли» России «в деле насаждения культуры в Азии и в деле защиты креста и старой христианской европейской культуры против вторжения монголов и буддизма». Вильгельм II обещал Николаю II «охранить тыл России» в Европе для безопасного ее продвижения на Дальнем Востоке, ибо «для России великой задачей будущего является дело цивилизации Азиатского материка и защиты Европы от вторжения великой желтой расы» [15, с. 23–24]. Эти слова о цивилизаторской миссии России в Азии против «желтой угрозы», борьбы Востока и Запада не являлись новыми, но верно раскрывали дух эпохи.

Они же показывают и еще одно противоречие среди германского руководства. Рейхсканцлер Бюлов стремился к локализации войны в Азии и советовал Вильгельму II не слишком акцентировать внимание на «желтой угрозе» в письмах к русскому царю, на что всегда получал отказ. Кайзер видел Россию своим главным орудием в борьбе с Востоком, считая позором,

что западные страны либо занимают нейтралитет (Франция), либо и вовсе встали на сторону Японии (Великобритания и США) [21, с. 154].

Подобные действия Берлина Витте оценивал в мемуарах довольно точно: «Германская дипломатия и германский император в то время всячески старались нас втиснуть в дальневосточные авантюры; он стремился к тому, чтобы отвлечь все наши силы на Дальний Восток и быть спокойным относительно западной границы» [1, с. 129].

Вместе с тем помимо идейных мотивов большую роль в Берлине играли и геополитические установки. Япония рассматривалась как инструмент для дестабилизации отношений Парижа, Петербурга и Лондона. Даже победа японцев в войне с русскими была бы на руку немцам, ведь это скомпрометировало бы русского царя в глазах его союзников [11, с. 82]. Например, Бьеркский договор 1904 г., инициированный Вильгельмом II на фоне Русско-японской войны, дипломатически вывел бы Россию из прямых угроз для Германии.

Отчасти амбиции Берлина были осуществлены, поскольку после Русско-японской войны на некоторый срок франко-русский союз фактически прекратил свое существование [11, с. 86]. Но германский МИД все же не смог развить свой успех, теряя хватку с 1905 г., когда началась окончательная трансформация российской дипломатии по отношению к Германии с династической к государственной [20].

Неудача германского дальневосточного курса так же подтверждается тем, что после заключения Портсмутского мирного договора 1905 г. отношения между Петербургом и Токио вступили на путь стабилизации и активного сотрудничества как в экономической, так и в политической плоскости: был произведен раздел влияния в Китае, осуществлялись совместные шаги против политики США по подрыву железнодорожной монополии России и Японии в Китае. Сотрудничество затронуло и борьбу с революционным движением [5, с. 131–137, 154–160].

Главный удар по германской политике на Дальнем Востоке был нанесен 30 июля 1907 г. по инициативе министра иностранных дел России А.П. Извольского и взявших верх проанглийских сил [6, с. 278]. Извольский считал, что достигнутое соглашение по разделу Китая гармонировало «с общей системой наших международных договоров» [5, с. 152], открывая дорогу для сближения России и Великобритании, формирования Антанты, а также сдерживания Японии. Закрепление этого проходило через ряд двусторонних договоров 1907 г. между четырьмя странами. Таким образом, российско-японский консенсус завершил оформление «сердечного согласия» в Европе и в Азии, нанеся удар по политике Берлине и его интересам на Дальнем Востоке.

В завершение отмечу, что германский фактор в эскалации российско-японских противоречий не был оформлен в единую программу политики Берлина на Дальнем Востоке, вызывая разногласия среди военно-политической элиты Германии. Стремясь же решить свои геополитические проблемы, германское руководство изначально смогло выиграть, столкнув интересы Токио и Петербурга на полях войны 1904–1905 гг., но в долгосрочной перспективе потерпело поражение, поспособствовав сближению Японии и России после 1907 г.

Список источников и литературы

1. *Витте С.Ю.* Воспоминания: Царствование Николая II. Т. 1. Берлин: Слово, 1923. XXXIV, 510 с.

2. *Гофман М.* Война упущенных возможностей / пер. с нем. Б. Кулакова. М.; Л.: Государственное издательство, 1925. 203 с.

3. *Дятлов В.И.* Экзотизация и «образ врага»: синдром «желтой опасности» в дореволюционной России // Идеи и идеалы. 2014. № 2 (20). С. 23–41.

4. История Японии: сборник исторических произведений / под ред. И.А. Настенко. М.: Евролинц: Русская панорама, 2003. 503 с.

5. *Кузнецов А.П.* Взаимоотношения Японии с Китаем и Россией с 1894 по 1919 г.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 325 л.

6. *Кутаков Л.Н.* Россия и Япония. М.: Наука, 1988. 381 с.

7. *Лихарев Д.В.* Германская военно-политическая элита и Русско-японская война 1904–1905 гг. // Россия и АТР. 2014. № 1 (83). С. 81–94.

8. Международные отношения на Дальнем Востоке. Т. 1 / отв. ред. Е.М. Жуков. М.: Мысль, 1973. 276 с.

9. *Молодяков В.Э.* Россия и Япония: рельсы гудят: железнодорожный узел российско-японских отношений (1891–1945): историческое исследование. М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2006. 447 с.

10. *Молодяков В.Э., Молодякова Э.В., Маркарьян С.Б.* История Японии. XX век. М.: ИВ РАН: Крафт+, 2007. 528 с.

11. *Низалова Е.В.* Вильгельм II и Русско-японская война 1904-1905 гг.: к вопросу о влиянии германского кайзера на внешнюю политику Российской империи в начале XX века // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2006. № 22 (4). С. 81–87.

12. *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II: в 2 т. Т. 1. Н. Новгород: Черная Сотня: Вертикаль: XXI век, 2013. 410 с.

13. *Османов Е.М.* Реакция Японии на российско-китайские переговоры и заключение Союзного договора между российской империей и Китаем 1896 года: по материалам отечественных и японских документов // Kant. 2017. № 3 (24). С. 5–9.

14. Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке (1888–1903 гг.). Подготовил к печати А.Л. Попов // Красный архив. 1932. № 3 (52). С. 34–124.

15. Переписка Николая II с Вильгельмом II. М.: ЭКСМО: ГрандМастер, 2017. 316 с.

16. *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 496 с.

17. *Сергеев Е.Ю.* Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке, 1897–1903. М.: ИВИ РАН, 1998. 229 с.

18. *Синегубов С.Н.* Военно-морские оперативные планы кайзеровской Германии в конце 1904 – начале 1905 гг. и их особенности // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 6-2. С. 107–112.

19. *Тарле Е.В.* Европа в эпоху империализма. 1871–1919 // *Тарле Е.В.* Сочинения: в 12 т. Т. 5. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 596 с.

20. *Хлевов А.А.* Бьёркский договор как поворотный пункт российской внешней политики XX в. // Ученые записки. Электронный научный журнал КГУ. 2017. № 3 (43). С. 60–68.

21. *Якоб Ф.* Русско-японская война и ее влияние на ход истории в XX веке / пер. с англ. М. Черенцевой. СПб.: Academic Studies Press: БиблиоРоссика, 2022. 239 с.

22. Японцы о Японии: сборник статей первоклассных японских авторитетом, отобранных и редактированных А. Стэдом / под ред. М.А. Шрейдера. СПб.: Просвещение, 1906. 587 с.

УДК 271.2(470.324)

С.А. Иконников[1]

Освещение Русско-японской войны в проповедях православного духовенства центрально-черноземных губерний России

Аннотация. Русско-японская война стала настоящим испытанием для Российской империи. Значительные потери, неудачи на фронте явились причиной социальных нестроений, приведших к Первой русской революции. Приходское духовенство, по своему служению являясь наиболее близким к крестьянству сословием, не могло оставаться в стороне от происходивших событий. Тема войны поднималась клириками не только в частных беседах с прихожанами, но и в официальной церковной проповеди. В настоящей статье на примере поучений, произнесенных священнослужителями центрально-черноземных епархий, анализируются особенности освещения духовными лицами темы Русско-японской войны. Автор приходит к выводу о том, что церковная проповедь, несмотря на официальный язык и строгие канонические рамки, в полной мере отразила произошедшую в обществе перемену настроений и ожиданий, связанных с ходом вооруженного конфликта.
Ключевые слова: Российская империя; Русская православная церковь; Русско-японская война; приходское духовенство; губернии Центрального Черноземья.

The theme of the Russo-Japanese War in the sermons of clergy of the Central Black Earth provinces

Abstract. The Russo-Japanese War was a real test for the Russian Empire. Significant losses and failures at the front became the causes of the 1905 Revolution. The parish clergy, closest to the peasantry in their service, had to react to the events that were taking place. Priests spoke about the war not only in private conversations with parishioners, but also in official church sermons. This article analyzes the peculiarities of such sermons. The author comes to the conclusion that they reflected changes in mood and expectations in Russian society.
Keywords: Russian Empire; Russian Orthodox Church; Russo-Japanese War; parish clergy; provinces of the Central Black Earth.

Пастырское служение приходского духовенства Русской православной церкви в дореволюционной России не ограничивалось лишь богослу-

[1] **Сергей Анатольевич Иконников** – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, философии и социально-политических дисциплин Воронежского государственного аграрного университета им. императора Петра I (Воронеж, Россия), e-mail: ikonnikovsergey88@mail.ru.
Sergey A. Ikonnikov – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of History, Philosophy and Socio-Political Disciplines, Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter the Great (Voronezh, Russia).

жебным кругом обязанностей. Священнослужители активно занимались социальной, благотворительной, миссионерской и просветительской деятельностью. В годы войн и вооруженных конфликтов служители алтаря стремились поддерживать паству, утешать родственников солдат, ушедших на фронт, организовывать социальную и благотворительную работу. Ввиду того что клирики нередко являлись единственно грамотными людьми в своих селах, крестьяне обращались к ним с просьбами разъяснить причины происходивших событий, растолковать их значение, поделиться текущими новостями. С амвона, таким образом, раздавалась не только храмовая проповедь, но и речи общественно-политического характера.

Современные ученые, занимающиеся церковно-исторической проблематикой, привлекают для изучения самые разнообразные типы источников. Между тем богослужебные поучения остаются на сегодняшний день недостаточно исследованным материалом. Среди специалистов, рассматривающих особенности богослужебной проповеди второй половины XIX – начала XX в., следует упомянуть Д.А. Беговатова, А.А. Зейферт, А.Н. Злобин, А.А. Пишикин, Н.В. Федорова [1; 2; 3; 8; 15].

***

Русско-японская война оказала большое влияние на жизнь приходского духовенства центрально-черноземных епархий. С началом конфликта клирики стремились оказать посильную помощь действующей армии. Организовывались сборы средств, бытовых принадлежностей, продовольствия. Так, при каждом монастыре Тамбовской епархии был организован сбор пожертвований в пользу русских солдат, воевавших на фронте. За 1904 г. удалось собрать сумму в 1 680 руб. 60 коп., еще 16 355 руб. в пользу сухопутных сил перечислили сами монастыри епархии, а в пользу военно-морского флота – 5 875 руб. [11, л. 61]. Монахи пошили для воинов 11 067 рубашек, 19 998 пар белья. На лечение обители приняли 598 раненых солдат, приютили 119 детей погибших в ходе войны офицеров и нижних чинов [11, л. 61].

Приблизительно такая же картина наблюдалась и в других епархиях Центрального Черноземья. Клирики призывали совершать пожертвования, инициировали сбор необходимых для армии вещей. Священно- и церковнослужители Покровской церкви с. Новая Чигла Воронежской губернии, к примеру, организовали в здании церковно-приходской школы мастерскую для пошива одежды на нужды армии и флота. В течение нескольких месяцев было подготовлено 117 специальных бельевых пакетов, в каждом из которых находились пары рубашек, кальсон, теплых чулок, портянок, куски мыла и шведские спички [4, с. 924].

Съезд духовенства Орловской епархии 21 сентября 1904 г. постановил к 1 ноября внести не менее 5 руб. от каждого причта на нужды действо-

вавшей армии, а начиная с 1 января следующего года вплоть до окончания войны отчислять еженедельно по 1 % с общих братских доходов. Единовременно из средств епархиального свечного завода в пользу вооруженных сил и флота была отчислена сумма в размере 2 000 руб., а с 1 октября 1904 г. с каждого проданного пуда церковных свечей на нужды фронта направлялось по 50 коп. На съезде духовенства также было решено силами приходских клириков открыть в г. Орле лазарет для размещения 30 человек [10, л. 19].

Примеров общественной работы, организованной клириками, можно привести множество. Естественно, помимо социальной и благотворительной деятельности приходские причты занимались патриотическим воспитанием и просвещением населения. В годы Русско-японской войны духовенство выполняло роль идеологической опоры самодержавного строя, стремясь использовать для поддержки армии все возможные инструменты, в том числе и церковную проповедь. Священно- и церковнослужители прекрасно понимали, что в обществе существовал запрос на освещение политических событий, однако определенные опасения при выборе тем все же существовали.

На страницах «Церковного вестника» поднималась дискуссия, стоило ли на проповедях касаться темы войны. Посредством официального печатного органа транслировалась мысль о том, что клирикам, безусловно, стоило это делать: «Может ли война, притом в освящении соответствующим русским чувствам, быть предметом церковной проповеди? Не грозит ли это проповеднику опасностью стать в противоречие с тем мирным течением, которое проводится в христианстве и о котором молится Церковь? <...> Нам думается, что как ни хороша осторожность, все же она не должна переходить пределов. Молчать священнику о том, о чем говорят решительно все, не подобает, в особенности, когда многие ждут его авторитетного слова» [6, с. 263].

Подобные нарративы, звучавшие со страниц официальных церковных изданий, естественно, давали духовным лицам полное моральное право касаться общественно-политических тем, в том числе и освещать военные события. Важный аспект проблемы, как правило, затрагивавшийся в поучениях, касался мотивов вооруженного конфликта. Причины войны служители алтаря видели в желании противника «расхитить и разграбить все» на русской земле. Японцы характеризовались как коварный языческий народ, лишенный моральных ориентиров христианской цивилизации и стремившийся лишь к завоеваниям. При этом указывалось на внезапность нападения на Россию и миролюбивость русского царя. Архиепископ Воронежский Анастасий (Добрадин) в проповеди, произнесенной 21 ноября 1904 г. в Бла-

говещенском соборе Митрофанова монастыря, прямо говорил: «Вы знаете, что дорогое Отечество наше находится в войне с язычниками – японцами – народом воинственным, хитрым, лукавым, жестоким. Наш миролюбивейший государь никак не ожидал этой войны, никак не желал проливать кровь своих верноподданных, тем не менее вынужден был обнажить меч против врага» [9, с. 936].

Несмотря на то, что враг напал коварно, в победе русского оружия, по мысли приходских клириков, сомневаться не стоило. Война должна была непременно закончиться победой. Поразительно, но сомнений в этом не было ни в одном слове, опубликованном на страницах региональных церковных изданий за 1904 г. О неизбежности победы, говорил, к примеру, священник Воронежской епархии Стефан Мясищев. Он отмечал, что Япония – сильный враг, которого не следовало недооценивать, но он все равно будет разбит, ведь на стороне русского народа истина православной веры, единство и крепость духа [7, с. 349]. Совершенно иные настроения проявились в поучениях начала 1905 г., когда проблемы на фронте стали очевидными.

Пастыри развивали в проповедях традиционный для русского православного богословия XIX – начала XX в. тезис о святости воинского служения. Протоиерей Тамбовской епархии Иоанн Кобяков 23 ноября 1904 г., обращаясь в г. Моршанске к военнослужащим Бронского полка, указывал на право государства применять оружие против недругов. В такой ситуации обязанность солдат заключалась в исполнении приказов своих командиров. При этом воинский долг прямо назывался служением самому Творцу: «Правда, что воинское служение ваше есть служение весьма трудное, а иногда, и особенно в военное время, даже и опасное, но вы не смущайтесь этим, и всеми силами старайтесь быть мужественными и точными исполнителями своих воинских обязанностей, твердо помня, что воинское служение ваше есть служение самому Богу» [5, с. 1538].

Как солдаты сражались с врагом на поле брани, так и простые прихожане призывались оказывать всю посильную помощь русской армии. В этом заключался подлинный патриотизм: быть деятельным христианином и поддерживать воинов не только сочувствием, но и реальным делом. Призыв оказывать помощь раздавался практически в каждом поучении, так или иначе затрагивавшем события Русско-японской войны. Так, ректор Орловской духовной семинарии протоиерей Владимир Сахаров в Слове на день восшествия Николая II старался объяснить смысл подлинного патриотического чувства. Любовь к Родине, прежде всего, требовала реального самопожертвования. Кровопролитные сражения уносили жизни десятков тысяч солдат, а в тылу жизнь проходила как будто своим чередом. Никому нельзя было оставаться в стороне и равнодушно наблюдать за происходившим: «Что сказать о себе нам, стоящим вне непосредственного отношения

к войне и ее героям? Мы сердечным сочувствием и материальными жертвами на нужды войны и на презрение раненый воинов несем нашу лепту любви на алтарь отечества. Достаточны ли эти наши жертвы – пусть каждый сам спросит себя пред судом своей совести…» [12, с. 1001].

Характерная особенность проповедей заключается в четко выраженных настроениях, отразивших ход войны на начальном и завершающем этапах. Поучения 1904 г., как правило, полны уверенности в победе русского оружия, винят в происходившем японцев и развивают мысль о неизбежности расплаты со стороны православного воинства. О значительных людских и финансовых потерях России духовные лица практически не упоминали.

В словах, произнесенных в 1905 г., перед нами предстает гораздо более мрачная картина. Все чаще звучала мысль о крайней сложности войны, больших потерях, общественных нестроениях. Характерным примером может служить поучение, произнесенное священником Соборной церкви г. Богучара Воронежской губернии Д. Тишанским. Пастырь предлагал прихожанам отказаться от праздничных увеселений, ведь Отечество переживало трагичное время: «Вы представьте ту чашу страданий, которую испытывает наша родина, и вы содрогнетесь, и, быть может, это побудит вас здраво взглянуть на предлагаемое вам увеселение. Рекою льется кровь русских сынов: гибнут царские слуги, умирают воины…» [14, с. 921]. Причины неудач, по мнению клирика, во многом крылись в том, что против России воевала не только Япония, но и Великобритания, «которая никогда не была к нам дружелюбна, которая не мало помогала нашим врагам в нашей несчастнейшей войне». Названная приходским священником «страной – врагом российского могущества», она сделала все, чтобы ослабить наше отечество. В подобных условиях, могли ли верноподданные граждане позволить себе проводить увеселительные мероприятия. Священник Тишанский отвечал на свой риторический вопрос вполне однозначно: разумеется, нет.

В проповедях, произнесенных на завершающем этапе войны, делались попытки ответить на вопрос о причинах неудач на фронте. Одно из наиболее популярных объяснений заключалось в отсутствии внутреннего единства в обществе. Если бы оно наблюдалось, то никакой враг был бы не страшен. В ходе войны у России появились враги не только внешние, но и внутренние – революционеры-смутьяны. Подобный нарратив развивал, например, в своих поучениях епископ Тамбовский Иннокентий (Беляев). В Слове на вечерне в неделю Сыропустную архипастырь во всех красках описал трагичное положение, в котором страна оказалась в начале 1905 г.: «Тяжелая война взяла сотни тысяч сынов, потоки крови пролиты в ней, тысячи трупов наших храбрецов усеяли поля далекой страны, и все же в итоге неудачи, поражения и отступления» [13, с. 474].

Обращает на себя внимание нескрываемое разочарование архипастыря в событиях на фронте. От прежней уверенности в победе не осталось и следа, ведь «вся Русь от края до края, от моря до моря покрылась темным покровом скорби и сетования от этой внешней и внутренней борьбы» [13, с. 474]. Главная задача населения в столь непростых условиях, с точки зрения архиерея, заключалась в преодолении разногласий, сплочении вокруг государя. Только так страна могла дать достойный ответ врагу. Удивительно, но даже архипастырь позволил себе открыто усомниться в победе русской армии в случае, если общество не сможет сплотиться вокруг власти. Ободряющими такого рода поучения назвать крайне сложно.

В целом проповеди приходского духовенства времен Русско-японской войны были призваны поддержать население, объясняли причины военного противоборства в традиционном для христианского богословия ключе. Причина конфликта виделась во грехе и отступлении человека от евангельских идеалов. Однако порой клирики раскрывали и свои собственные оценки происходивших событий. Первоначально поучения были полны оптимизма и веры в победу, однако на завершающей стадии войны, когда стало понятно, что Россия погрузилась в пучину не только внешне-, но и внутриполитических проблем, все чаще стали описываться потери армии, страдания и ужасы войны. Проповеди приходских причтов, несмотря на их официальный характер, вполне отражают надежды, скорбь и разочарование общества, наглядно и эмоционально иллюстрируют перемены в настроениях населения, связанные с потерями армии и начавшимися событиями Первой русской революции.

Список источников и литературы

1. *Беговатов Д.А.* Проповедничество в практике городского духовенства Тверской епархии в первой половине XIX века // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2012. № 1. С. 120–131.

2. *Зейферт А.А.* Особенности лексики и стиля проповедей православного духовенства в 1860–1870 гг. (по материалам Ярославской епархии) // Ключевские чтения – 2020. Народ и власть: материалы межд. науч. конференции молодых ученых: сборник научных трудов. М.: Изд-во «Спутник+», 2021. С. 216–218.

3. *Злобин А.Н.* Проповеди духовенства Тамбовской епархии конца XIX – начала XX века как средство оглашения и катехизации паствы // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2021. № 4 (17). С. 183–196.

4. *Калинников М., свящ.* В пользу воинов // Воронежские епархиальные ведомости. 1904. № 22. С. 923–925.

5. *Кобяков И., протоиерей.* Поучение на 23-е ноября по случаю празднования Бронским полком памяти святителя Митрофана Воронежского // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 49. С. 1535–1539.

6. Мнения и отзывы // Церковный вестник, издаваемый при Санкт-Петербургской духовной академии. 1904. № 9. С. 263.

7. *Мясищев С., свящ.* Несколько слов к пастырям по поводу современных событий на Дальнем Востоке // Воронежские епархиальные ведомости. 1904. № 8. С. 348–352.

8. *Пишикин А.А.* Структурные и языковые особенности проповеди на царскую тему (на примере публикаций духовенства в журнале «Тамбовские епархиальные ведомости» XIX – начала XX века) // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2022. № 2 (19). С. 175–193.

9. Речь пред сбором пожертвований на сирот сказанная Высокопреосвященнейшим Анастасием, архиепископом Воронежским и Задонским, 21 ноября 1904 г. в Благовещенском соборе Митрофанова монастыря // Воронежские епархиальные ведомости. 1904. № 23. С. 935–937.

10. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф .796. Оп. 442. Д. 2043.

11. РГИА. Ф .796. Оп. 442. Д. 2059.

12. *Сахаров В., протоиерей.* Слово в день восшествия на Всероссийский престол Его Величества государя императора Николая Александровича // Орловские епархиальные ведомости. 1904. № 43. С. 993–1002.

13. Слово на вечерне в неделю Сыропустную, сказанное Преосвященным Иннокентием, епископом Тамбовским и Шацким // Тамбовские епархиальные ведомости. 1905. № 10. С. 474.

14. *Тишанский Д., свящ.* Слово в день памяти Св. Митрофана 23 ноября о неблаговременности общественных развлечений в настоящее время // Воронежские епархиальные ведомости. 1905. № 24. С. 917–923.

15. *Федорова Н.В.* Проповеди и речи приходского духовенства Донской епархии в 60–70-е гг. XIX века в контексте реализации социальных функций Церкви // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 3-1 (65). С. 178–183.

УДК 94(470)»19»:329.12’005.2:329.058

Е.И. Головач[1]

Становление и развитие доктрин либеральных и правых партий России по рабочему вопросу в начале XX в.

Аннотация. В статье анализируются программные документы и тактические установки общероссийских либеральных и правых партий начала XX в. по решению одной из наиболее важных социальных проблем – рабочему вопросу. В связи с развитием капиталистических отношений в России наибольшую остроту получил комплекс проблем, связанных с улучшением материального, социального и правового положения наемных рабочих. В статье всесторонне исследованы позиции либеральных и правых партий по совершенствованию рабочего законодательства, продолжительности рабочего дня и сверхурочных работ, использованию труда женщин и подростков, разрешению спорных ситуаций на предприятиях. Рассмотрены особенности воззрений членов местных отделов политических партий, действовавших в белорусских губерниях, которые принимали активное участие в обсуждении рассматриваемого вопроса и предлагали свои варианты для его решения.
Ключевые слова: рабочий вопрос; либеральные; правые партии; партийные программы.

Formation and development the doctrines of the Russian liberal and right-wing parties on the “labour question” at the beginning of the XX century

Abstract. The article analyses the program documents and tactical attitudes of the Russian liberal and right-wing parties of the early XX century to solve one of the most important social problems – the “labour question”. A set of problems related to the improvement of the material, social and legal situation of hired workers arose during the development of capitalist economy in Russia. The article comprehensively investigates views on improving labour legislation, working hours and overtime, the use of women and adolescents’ work, and resolving controversial situations at enterprises. There are the peculiarities of views of local members of political parties, operating in the Belorussian provinces, who took an active part in discussions of the issue under consideration.
Keywords: “labour question”; liberal; right-wing parties; party programs.

Изучение программных документов и деятельности либеральных и правых партий России дореволюционного периода, направленных на регули-

[1] **Елена Ивановна Головач** – старший преподаватель кафедры истории и философии, Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова (Могилев, Республика Беларусь), e-mail: golovachalena@mail.ru.
Elena I. Golovach – Senior Lecturer of the Department of History and Philosophy, Mogilev State University named after A. Kuleshov (Mogilev, Republic of Belarus).

рование социально-экономической жизни общества, создание условий для удовлетворения потребностей населения, повышения его благосостояния и обеспечения системы социальных гарантий, представляет собой важное направление в современной исторической науке. В государственной политике многих стран мира главной целью является последовательное повышение уровня и качества жизни населения. В связи с этим осмысление теории и накопленного опыта преобразований общероссийских либеральных и правых партий по отношению к рабочему классу не теряет своей актуальности и в настоящее время. В российской историографии рассмотрению отдельных аспектов данной темы посвящены работы Ю.И. Кирьянова, В.А. Кувшинова, С.А. Степанова, В.В. Шелохаева [8; 11; 22; 23]. Среди исследователей, занимающихся изучением особенностей возникновения и деятельности либеральных и правых партий на территории Беларуси, можно назвать К.М. Бондаренко, Д.С. Лавриновича [1; 12].

Настоящее исследование проведено на основе широкого круга источников, представленных как архивными, так и опубликованными материалами. Наиболее полезными при написании статьи были фонды Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного исторического архива, Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, а также протокольная документация партий. В совокупности эти источники позволяют определить отношение либеральных и правых партий к решению рабочего вопроса в России. Цель исследования – рассмотреть становление и развитие доктрин либеральных и правых партий России по рабочему вопросу в начале XX в.; задачи – проанализировать программные положения партий и выделить особенности позиций их местных отделов в белорусских губерниях.

В программных документах и тактических установках либеральных и правых партий начала XX в. находили отражение наиболее важные социальные проблемы, среди которых значительное внимание уделялось решению рабочего вопроса. Проблема совершенствования рабочего законодательства занимала видное место в программе Конституционно-демократической партии (КДП) и являлась одним из элементов, входивших в содержание ее парламентской платформы. В кадетской программе содержалось требование свободы организации рабочих союзов, устройства собраний, проведения стачек с целью отстаивания своих интересов перед фабрикантами. Кадеты считали, что свобода союзов отвечает и государственным интересам. По их мнению, политика правительства должна защищать интересы не только сильных мира сего, но и неимущих слоев [9, с. 59].

КДП включила в свою программу требование введения законодательным путем 8-часового рабочего дня. Вместе с тем это требование со-

провождалось весьма существенной оговоркой, так как предлагалось его установить только на тех предприятиях, где это необходимо, а на остальных – вводить в действие закон постепенно [10, с. 14]. Кадеты считали, что невозможно единовременно перейти к 8-часовому рабочему дню из-за низкого уровня развития технической базы промышленности в России, и полагали, что сокращение рабочего времени приведет к разорению фабрикантов, закрытию производств и, как следствие, росту безработицы [9, с. 60]. Они требовали сократить сверхурочные работы для взрослых рабочих и запретить привлекать к ним женщин и подростков.

Члены КДП призывали принять меры, направленные на охрану жизни и здоровья трудящихся. В первую очередь это касалось предоставления компенсации за утраченную трудоспособность вследствие несчастного случая или профессионального заболевания, при этом выплаты должны были производиться полностью за счет предпринимателей. Одновременно кадеты настаивали на введении государственного страхования в России на случай смерти, старости и болезни [17, с. 157].

Для разрешения споров между рабочими и предпринимателями предлагалось создавать «примирительные камеры» с равным представительством от рабочих и фабрикантов. И, наконец, для осуществления надзора за исполнением рабочего законодательства кадеты планировали учредить независимую фабричную инспекцию, члены которой будут нести уголовную ответственность за свою деятельность [4, с. 41–42].

Основы будущей программной платформы КДП по рабочему вопросу были заложены в ходе обсуждений на всероссийских съездах партии. В январе 1906 г. на II съезде при ЦК была образована комиссия по рабочему вопросу, которая одной из важных задач определила разработку главных оснований для проведения коренной реформы законодательства о наемном труде [15, с. 2252]. И, наконец, III съезд партии, состоявшийся в апреле того же года перед открытием Государственной думы и определивший тактику КДП, поставил целью деятельности партии в числе прочих задач принятие неотложных мер по рабочему вопросу [7, с. 339].

Специфика программы КДП в белорусских губерниях была обусловлена многонациональностью местных отделов, в состав которых входило значительное количество представителей еврейского и польского населения. По программным вопросам белорусские кадеты занимали более левые позиции, чем российские либералы в целом, добиваясь изменения положения национальных меньшинств (предоставление всему населению империи равных гражданских и политических прав, установление свободы обществ и союзов и т.п.).

Свой вариант решения рабочего вопроса был представлен в программной платформе партии «Союз 17 октября». По мнению октябристов,

эта проблема была тесно связана с развитием промышленности. Первостепенное внимание в рабочем разделе их программы уделялось проблемам поднятия культурно-образовательного уровня рабочих и улучшения жилищно-бытовых условий. Система мер по урегулированию отношений в сфере наемного труда отодвигалась на второй план. В частности, говорилось об ограничении рабочего времени для женщин и детей на особо вредных для здоровья производствах. Вопрос о введении 8-часового рабочего дня октябристы в программе не затронули вообще [11, с. 127].

Члены «Союза 17 октября» признавали свободу рабочих на создание своих организаций, союзов, собраний и даже стачек, но только на основе экономических, профессиональных и культурных нужд. Если же действия рабочих нарушали государственные и общественные интересы, то забастовки предлагалось запретить [16, с. 146].

Резолюция III съезда делегатов «Союза 17 октября» по рабочему вопросу дополнила программу следующими мерами: 1) систематическое обследование условий труда в промышленности; 2) распространение всех видов обязательного страхования: от несчастных случаев, болезней, инвалидности и старости; 3) законодательное урегулирование условий найма служащих в торговых и ремесленных заведениях [6, л. 42–42 об.].

Таким образом, партия «Союз 17 октября» выработала достаточно широкую программу действий по рабочему вопросу. Октябристы являлись сторонниками улучшения быта рабочих и ограждения их от эксплуатации, законодательного урегулирования отношений с предпринимателями, учреждения примирительных камер, введения страхования на случай несчастий, болезней и старости [20, л. 81–81 об]. Реализация этой программы, безусловно, способствовала бы значительному улучшению условий жизни пролетариата России.

Не оставляли без внимания рабочий вопрос и местные отделы октябристов. Так, 20 февраля 1906 г. в Вильно состоялся съезд окраинных представителей «Союза 17 октября» совместно с представителями «Северо-Западного Русского Веча». Рабочая комиссия этого съезда с целью привлечения на выборах на свою сторону представителей рабочего класса подготовила резолюцию, в которой указывалось, что в тех местностях, где промышленность играет заметную роль в экономической жизни местного населения, желательно провести в Думу кандидатов из рабочих [23, с. 88]. Одной из очередных задач, стоявших перед Думой, должна была «явиться постановка вопроса о страховании рабочих и служащих во всех его видах» [23, с. 88].

Следует отметить, что если в решении аграрного вопроса члены местных отделов либеральных партий выступали с вполне определенными

предложениями, то с рабочими дело обстояло немного сложнее. Так, например, 8 марта 1906 г. на втором предвыборном собрании витебских октябристов А.П. Сапунов в своей речи отметил, что не затрагивает в выступлении эту проблему ввиду того, что он сам мало с ней знаком. Единственное, на что витебский октябрист обратил внимание, это необходимость улучшения быта рабочего до такой степени, чтобы он «чувствовал себя вполне человеком» [2, с. 1].

Чтобы лучше разобраться в различных аспектах социальных вопросов в России, в 1905 г. в ЦК «Союза 17 октября» поступил проект дополнительной организации союза по роду занятий. В соответствии с ним предполагалось организовывать местные группы (фабрично-заводскую, ремесленную, торговую, общественную и т.п.), получавшие название советов, цель которых заключалась в обеспечении думцев-октябристов необходимыми материалами по разным специальным вопросам [5, л. 80].

Основным проводником идейных воззрений октябристов являлись воззвания к разным слоям населения. В воззваниях к рабочим признавалось ухудшение условий их жизни и труда в связи с упадком промышленности и торговли. Октябристы неоднократно рекомендовали Государственной думе заняться улучшением положения рабочих. Члены Витебского отдела «Союза 17 октября» заявляли, что забастовки приведут только к ухудшению материального положения рабочих, так как будут закрываться заводы, прекращаться торговля, и в результате огромное количество населения окажется безработным [3, с. 160]. Таким образом, члены местных отделов «Союза 17 октября» в своей пропаганде призывали общественность обратить внимание на рабочий вопрос, предлагая заняться его решением законодательным путем через Государственную думу.

Разделы рабочей программы мирнообновленцев (Партии мирного обновления, ПМО) не содержали каких-либо новых предложений, а в основном дублировали идеи остальных либералов (возможность сокращения рабочего дня, улучшение быта, государственное страхование, а также свобода стачек, кроме тех, которые представляют опасность для существования государственной и народной жизни) [19, л. 20]. Это подтверждали и сами составители программного документа, в частности лидер партии Ю.И. Милютин. В августе 1906 г. он высказал свои замечания по поводу политической платформы ПМО, отметив, что в большей своей части она является повторением программы Партии демократических реформ [19, л. 10].

В целом в идеологических воззрениях представителей общероссийских либеральных партий рабочему вопросу отводилась менее важная роль, чем аграрной проблеме. Более того, в рабочих разделах своих программных платформ либералы на первый план выдвигали сравнительно второстепенные вопросы, стараясь обходить наиболее острые углы.

В программе Союза русского народа (СРН) говорилось о возможности сокращения рабочего дня, государственном страховании, упорядочении условий труда, учреждении банка для облегчения создания рабочих и промышленных артелей и товариществ на основе дешевого кредита. Несмотря на то, что рабочему вопросу было посвящено всего несколько строк, монархисты в целом были обеспокоены экономическим развитием России и искали выход из создавшегося положения.

Монархические СМИ, рассматривая социально-экономические требования рабочих, подчеркивали, что одной из главнейших своих задач считают установление тесных связей с народом. Сближение с рабочими объяснялось наличием общих общественных идеалов. И если рабочие воспринимали русские идеалы стихийно, бессознательно, то монархисты имели в этом отношении уже сложившееся стройное мировоззрение. Ввиду этого монархические партии стремились уделять самое серьезное внимание народным нуждам, чтобы разрешить наиболее насущные проблемы населения [13, с. 7–8.]. В частности, в уставе СРН заявлялось о намерении основать в дальнейшем «Всероссийский банк Союза Русского Народа» для объединения торгово-промышленного класса, чтобы способствовать развитию исключительно русской торговли и промышленности, а также для предоставления крестьянам дешевого кредита и возможности продавать свои продукты непосредственно потребителям, а не перекупщикам [21, с. 510].

6 сентября 1912 г. в газете «Земщина» Центральный предвыборный комитет правых партий опубликовал «Воззвание к русским рабочим», в котором отмечалось, что борьба между капиталом и трудом приведет к разорению не только рабочих, но и всей промышленности, страны, дороговизне товаров. Особое внимание воззвание акцентировало на том, что интересы рабочих необходимо защищать только законодательным путем [3, с. 160].

Монархисты выступали за широкое покровительство развитию русской промышленности, торговли и финансов и за предпочтение русских изделий иностранным [18, л. 54]. Именно с такой целью на белорусских землях они открывали потребительские союзные лавки, сапожные артели, чайные и другие учреждения.

В 1909 г. в Петербурге Русский народный союз имени Михаила Архангела организовал по инициативе В.М. Пуришкевича 1-й Российский экономический рабочий союз, который провозгласил себя беспартийной организацией. Союз не преследовал никаких политических целей, а ставил своей задачей «содействовать объединению рабочих всех категорий и улучшению их быта» [22, с. 268–269]. Для ее достижения предусматривалось взаимное сотрудничество (кооперация) во всех его видах, открытие бюро труда для поиска мест безработным, страхование рабочих, бесплатные би-

блиотеки-читальни, музыкальные кружки, спектакли, научные экскурсии и т.д. [14, с. 1].

Таким образом, в программных документах либеральных партий содержались разделы, касавшиеся улучшения условий труда и быта рабочих, сокращения продолжительности рабочего дня и сверхурочных работ, запрещения использования труда женщин и подростков, создания примирительных камер для урегулирования спорных вопросов между трудящимися и нанимателями. Монархические партии при разработке своих программ уделяли меньшее внимание рабочему вопросу, но в своей практической деятельности намеревались создать банковские учреждения, ссудо-сберегательные кассы, потребительские лавки и прочие учреждения, призванные способствовать развитию русской торговли и промышленности, а также улучшению положения рабочих.

Список источников и литературы

1. *Бондаренко К.М.* Правые партии и их организации в Беларуси (1905–1917 гг.). Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2010. 412 с.

2. Выборы в Государственную Думу в Витебской губернии. «В Союз 17 октября» // Витебский голос. 1906. 10 марта. С. 1.

3. *Головач Е.И.* Аграрный и рабочий вопросы в воззваниях консервативно-монархических и либеральных политических партий России // Романовские чтения – 7: сборник статей междунар. науч. конф. (Могилев, 26 нояб. 2010 г.). Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2011. С. 159–161.

4. *Голубцов С.А.* Русские политические партии. Краткие исторические сведения: очерк программ. М.: Тип. издат. комиссии Моск. совета солд. деп., 1917. 84 с.

5. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Оп. 233 а. Особый отдел. II отд. Д. 999. Ч. 68.

6. ГА РФ. Ф. 115. Оп. 2. Д. 16.

7. Законодательные проекты и предложения партии народной свободы 1905–1907 гг. / под ред. Н.И. Астрова. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная Польза», 1907. 386 с.

8. *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России, 1911–1917. М.: РОССПЭН, 2001. 464 с.

9. *Кожурякин А.Д.* Реформистская сущность программы кадетов по рабочему вопросу // Непролетарские партии России в трех революциях: сб. ст. / под ред. К.В. Гусева. М.: Наука, 1989. С. 59–62.

10. Крестьянам и рабочим о партии народной свободы (конституционно-демократической). М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1906. 16 с.

11. *Кувшинов В.А.* Программа «Союза 17 октября» (партии октябристов) // Кентавр. 1994. № 5. С. 124–133.

12. *Лавринович Д.С.* Деятельность общероссийских либеральных партий на территории Беларуси (1905–1918 гг.). Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2015. 328 с.

13. *Облеухов Н.* Рабочий вопрос // Прямой путь. 1909. 8 нояб. С. 7–8.

14. От Главной Палаты Русского Народного Союза имени Михаила Архангела // Колокол. 1908. 6 дек. С. 1.

15. Отчет секции о продолжительности рабочего времени // Вестник Партии народной свободы. 1906. 21 дек. Ст. 2252.

16. *Павлов Д.Б., Шелохаев В.В.* Октябристы, «партия пропавшей грамоты» // ПОЛИС. 1993. № 2. С. 144–150.

17. Политические партии России: история и современность / отв. ред.: С.В. Тютюкин, А.К. Сорокин. М.: РОССПЭН, 2000. 631 с.

18. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей (ОР РНБ). Ф. 1072. Т. V.

19. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 869. Оп. 1. Д. 1284.

20. РГИА. Ф. 931. Оп. 3. Д. 55.

21. *Степанов А.* Союз русского народа // Черная сотня: историческая энциклопедия, 1900–1917 / отв. ред. О.А. Платонов. М.: Крафт+: Ин-т рус. цивилизации, 2008. С. 507–521.

22. *Степанов С.А.* Черная сотня. М.: Эксмо: Яуза, 2005. 544 с.

23. *Шелохаев В.В.* Партия октябристов в период первой российской революции. М.: Наука, 1987. 157 с.

УДК 94(47)

Ф.М. Крученов[1]

Революционный терроризм начала XX в. в дневниках российских консерваторов

Аннотация. Революционный терроризм являлся неотъемлемой частью российской политической жизни начала XX в. Террор оказывал влияние на принятие важных политических решений, активно обсуждался в печати, а также осмыслялся на страницах дневников, которые давали возможность свободно излагать свои мысли без оглядки на общественное положение и цензуру. Российские консерваторы осуждали террор и не сочувствовали террористам. При этом они критиковали правительственные репрессии и осознавали необходимость в модернизации империи. Рассуждения консерваторов о терроре были вписаны в контекст осмысления настоящего и будущего России. Изучение восприятия революционного терроризма консервативной средой важно для понимания российской политической культуры начала XX в.
Ключевые слова: Российская империя начала XX в.; революционный терроризм; дневники; российские консерваторы; Первая русская революция 1905–1907 гг.; российская политическая культура начала XX в.

Revolutionary terror of the early XX century in the diaries of Russian conservative thinkers

Abstract. Revolutionary terror was a significant part of Russian politics of the early XX century. People discussed terror and political murders in press and tried to reflect this phenomenon in their diaries. This article is based on thoughts of the Russian conservative thinkers. They did not support it and did not sympathize with terrorist. At the same time they denounced the state suppression and realized there was an urgent need for the modernization of the Empire. Studying the perception and assessment of revolutionary terror by the contemporaries from the conservative political wing will shed some light on the political culture of the early XX century Russia.
Keywords: Russian empire of the early XX century; revolutionary terrorism; diaries; Russian conservatives; the First Russian Revolution of 1905–1907; Russian political culture in the early XX century.

Революционный терроризм являлся важнейшей составляющей политической жизни Российской империи начала XX в. Жертвами террористов стали тысячи людей, среди которых были сановники первого ранга вроде Д.С. Сипягина, В.К. Плеве и П.А. Столыпина, члены императорской семьи,

[1] **Филипп Михайлович Крученов** – студент магистратуры, Московская высшая школа социальных и экономических наук (Москва, Россия), e-mail: kruch15dfa@gmail.com.
Filipp M. Kruchenov – Master's degree student, Moscow School of Social and Economic Sciences (Moscow, Russia).

губернаторы, городовые, жандармы, тюремные начальники и надзиратели. Помимо самой террористической практики исследовательский интерес вызывает отношение представителей российского общества к революционному терроризму. В центре внимания настоящего исследования восприятие российскими консерваторами революционного террора начала XX в.

Данная проблема интересна и важна сразу по нескольким причинам. Во-первых, если смотреть на консерваторов и, шире, на все российское общество через призму революционного терроризма, то можно многое понять об отечественной политической культуре того времени – о поведенческих установках в области практической политики, институциональном оформлении власти, допустимом характере борьбы за власть, доминирующем стиле политического поведения, а также об этических, психологических и идеологических компонентах политической жизни [17, с. 75]. Во-вторых, проблема общественного восприятия революционного терроризма до сих пор не получила достаточного освещения в историографии. Историк К.Н. Морозов в своей монографии справедливо отметил, что мы имеем лишь общее представление о том, как террор воспринимался так называемым образованным обществом, и практически ничего не знаем о том, как к революционному терроризму относились российские рабочие, городские низы и многомиллионное крестьянство [11, с. 493].

Крупнейшие специалисты по истории революционного терроризма – О.В. Будницкий, К.Н. Морозов, Р.А. Городницкий, А. Гейфман, Н. Наймарк, К. Верховен [2; 4; 5; 11; 21; 22] – касались общественной реакции на изучаемое явление, однако эта тема не становилась объектом отдельного исследования. М.И. Леонов и И.М. Пушкарева предприняли попытку рассмотреть данную проблему в своих статьях и эти работы показали широту и перспективность темы [10; 16]. Нельзя не отметить статьи Н.А. Портнягиной, в которых рассматривается отношение различных слоев российского общества к революционному терроризму [15]. Этой теме также были посвящены диссертации Р.М. Пазина и М.А. Носкова [13; 14]. Работы Портнягиной, Пазина и Носкова объединяет выбранная ими основная группа источников – публицистика и воспоминания.

Главным источником для настоящей статьи явились дневники, на страницах которых консерваторы могли свободно, без оглядки на свое общественное положение, занимаемую должность, цензуру, не усиливая полемический эффект политического высказывания (что характерно для публицистики), говорить о революционном терроризме. Актуальность настоящей работы обусловлена еще и тем, что до настоящего времени исследователи революционного терроризма концентрировались в большей степени на вопросах идеологии, а следовательно, на анализе политических

газет и журналов, в которых разные политики и мыслители высказывали свое отношение к террору, вписывали его в собственную политическую тактику, подводили идейную базу под политические убийства или, наоборот, идейно и морально осуждали революционеров. Для того чтобы лучше понять личное отношение консерваторов к террору, необходимо сделать акцент на более интимных в сравнении с публицистикой дневниках, которые создавались синхронно с событиями, в отличие от воспоминаний.

Особенностью работы с дневниками является то, что сведения об изучаемом явлении могут быть разбросаны, носить фрагментарный, отрывочный характер. Например, граф П.А. Гейден вел дневник на протяжении всей жизни, писал статьи о терроре, но в своем дневнике о крупных политических убийствах он делал лишь сухие новостные заметки. 16 июля 1904 г., на следующий день после убийства Плеве, он записал, что получил «известие об убийстве Плеве», не высказав никакого отношения к произошедшему [3, л. 14]. Литератор и композитор М.А. Кузмин также оставил очень подробный дневник, однако в центре его внимания находились, прежде всего, деятели культуры и вопросы искусства. В дневнике можно встретить лишь несколько сухих записей об октябрьских событиях 1905 г., одну заметку о слухах во время декабрьского восстания в Москве и одну о том, что А.А. Блок в феврале 1907 г. читал стихи революционного содержания [9, с. 57–58, 83, 316]. О терроре Кузмин и вовсе ничего не писал. Его дневник, безусловно, является ценным историческим источником, памятником эпохи, но не подходит для изучения общественного восприятия революционного терроризма.

Для настоящего исследования я выбрал несколько дневников, в которых авторы пытались осмыслить проблему революционного терроризма, причем писали о терактах не только «центрального», но и «местного» значения. Дневники А.А. Киреева, Л.А. Тихомирова, А.В. Богданович, А.С. Суворина, Е.А. Святополк-Мирской и И.И. Толстого не только содержат ценные сведения об отношении к террору, но также охватывают сразу несколько лет российской истории, благодаря чему можно проследить динамику взглядов. Понятно, что такая выборка обречена на критику из-за неполноты и фрагментарности. Однако результаты исследования отношения всех российских консерваторов к террору не уместились бы в одной статье. Более того, представленная мною выборка достаточно репрезентативна, включает в себя бывших сановников, издателей, политиков и лиц, приближенных к императорской семье, по дневникам которых можно сделать важные выводы об отношении консервативных кругов к террору и тому, какое место террор занимал в российской политической культуре начала XX в.

Таким образом, цель исследования состоит в том, чтобы показать, как проблема революционного терроризма освещалась в дневниках консерва-

торов, для чего необходимо решить несколько задач: проследить, как они описывали теракты и террористов, как смотрели на причину подъема революционного террора и, самое главное, как революционный терроризм был вписан в их размышления о настоящем и будущем России.

В начале XX в. революционный терроризм прошел несколько этапов развития. Начало его подъема связано с убийством министра народного просвещения Н.П. Боголепова бывшим студентом М.П. Карповичем в 1901 г. Совершенное 2 апреля 1902 г. убийство министра внутренних дел Д.С. Сипягина эсером-террористом С.В. Балмашевым русское общество приняло с восторгом. Это могло быть вызвано, с одной стороны, нелюбовью к полицейским властям [2, с. 131], с другой – сконструированным героическим образом Балмашева, представшим защитником общества от произвола чиновников [5, с. 43]. Реакция на убийство привела к тому, что террор был официально включен в программу партии эсеров. В 1902 г. вышла статья В.М. Чернова «Террористический элемент в нашей программе», в которой давалось идейное оправдание террора. Он представлялся не как средство нападения на правительство, а как необходимый способ общественной защиты в стране, где «правящая клика поистине купается в слезах и крови своих несчастных жертв» [20, с. 79]. Таким образом, эсеры выбрали очень удачный риторический ход для оправдания террора, переложив ответственность за политические убийства на царское правительство.

Пик популярности революционного терроризма пришелся на 1904–1905 гг., когда эсеры совершили два самых громких убийства (министра внутренних дел и шефа жандармов В.К. фон Плеве и генерал-губернатора Москвы великого князя Сергея Александровича) и члены Боевой организации (БО) партии эсеров считались белой костью всего революционного движения. По дневникам консерваторов видно, какой масштаб приобрел революционный террор в России. Неославянофил Киреев, близкий к императорской семье, в июне 1905 г. записал, что «нет дня, чтобы не было убийств то губернатора, то полицейского, то городового, не говоря уже о массовых убийствах» [6, с. 59]. Хозяйка одного из главных политических салонов Богданович отмечала, что император, лишившийся возможности свободно перемещаться по городу, является «узником» в Царском Селе [1, с. 342]. Об этом же писал редактор «Московских ведомостей» Тихомиров, обвинивший всю царскую семью, кроме «поэта Константина и опального Павла», в том, что те не явились на похороны убитого Сергея Александровича из-за угрозы стать жертвами нового покушения [7, с. 50].

Богданович отмечала, что В.Ф. фон дер Лауниц, петербуржский градоначальник в 1905–1906 гг., был вынужден носить «панцирь от пуль» [1, с. 380]. Назначенный после убийства Плеве на пост министра вну-

тренних дел П.Д. Святополк-Мирский, разговаривая с Николаем II, прямо сказал, что самым счастливым днем в его жизни будет тот, когда «государь освободит от этой должности» [8, с. 242]. Об этом же в дневнике написала Богданович, отметившая, что 18 января 1905 г. в день своей отставки Святополк-Мирский пил за завтраком, празднуя, что «живым уходит из министров» [1, с. 335].

В общественном отношении к террору наблюдается перелом в 1905–1906 гг. – популярность террора начала падать, широкие общественные слои постепенно отказывались от его поддержки и одобрения. Причины происходивших событий крылись в удовлетворенности значительной части либеральной общественности Манифестом 17 октября, а также в приобретении террором уродливых форм, всплеске революционного насилия и дискредитации террора связью с провокаторством. Все это привело к падению популярности изучаемого явления, что ярко проявилось в неудачной попытке лидера партии эсеров Б.В. Савинкова восстановить БО в 1909–1911 гг.: организация не совершила ни одного теракта, ее финансовое положение оказалось настолько плачевным, что членам БО пришлось заложить часы и драгоценности, чтобы заплатить за пансион во Флоренции. Савинков даже не мог найти людей, готовых заниматься террором. Он прекрасно понимал, что неудачи созданной им БО напрямую связаны с отсутствием сочувствия широких слоев российского общества [11, с. 430].

Несмотря на то что в целом отношение к террору менялось на протяжении 1901–1911 гг., абсолютное большинство российских консерваторов не сочувствовали ни делу террора, ни террористам. Революционеры и значительная часть либеральной общественности восторгались убийством царских министров и восхваляли убийц, закрепляя в общественном сознании образ террориста-мученика. А.В. Тыркова-Вильямс, журналистка либерального толка и будущий член ЦК партии кадетов, в своем дневнике назвала Е.С. Созонова, убившего Плеве, «смельчаком-героем», который «снял гнет» с «задавленной родины» [12, с. 65–66].

Консерваторы же характеризовали террористов принципиально иным образом. Е.А. Измайлович, совершившую покушение на главного командира Черноморского флота вице-адмирала Г.П. Чухнина, Богданович пренебрежительно назвала «бабой» [1, с. 363]. Киреев считал З.В. Конопляникову, убившую свитского генерал-майора Г.А. Мина, «зверь-женщиной» [6, с. 165], а затем, записывая свои впечатления от покушения на московского генерал-губернатора С.К. Гершельмана, задался вопросом, как можно сочувствовать «заблуждающимся юношам», которые бросают бомбы и убивают людей [6, с. 231]. Кроме того, Киреев критиковал «высокую» моральность «вожаков» революционного движения, которые «сидят за грани-

цей» и «посылают» на покушения «мелкоту из интеллигентных» [6, с. 231]. Тихомиров охарактеризовал организаторов покушения на бывшего московского генерал-губернатора Ф.В. Дубасова «убийцами, утратившими образ человеческий» [7, с. 236].

Интересно, что многие консерваторы на страницах дневников напрямую связывали деятельность террористов с еврейским вопросом и иностранным влиянием. Так, например, консервативный публицист А.С. Суворин, один из создателей монархической организации «Русское собрание», подчеркивал, что убийца Плеве Созонов был членом «саратовского кружка поклонников Балмашева», «трое сотрудников» которого были евреями. Все члены «кружка», по мнению Суворина, являлись «агентами», получавшими приказы из-за границы [18, с. 315]. В дневниковой записи от 11 июля 1907 г. Суворин упомянул об «оригинальности» евреев, намекая на их активное участие в революционном движении [18, с. 360]. Рассказывая о покушении на начальника Киевского ГЖУ генерала В.Д. Новицкого, Богданович отметила еврейское происхождение террористки Ф.М. Фрумкиной [1, с. 285]. Более того, Богданович, не симпатизировавшая реформаторским проектам Святополк-Мирского, назвала министра «поляком», который «работает в пользу поляков и жидам очень покровительствует», хотя его вряд ли можно было упрекнуть в симпатии к революционерам-террористам [1, с. 309–310].

Тихомиров называл убийцу Дубасова «каким-то евреем» [7, с. 236]. Рассуждая о политической ситуации в августе 1905 г., он тонко подметил, что Россия колеблется между реакцией и революцией и не имеет срединного пути. Причину этого явления видел в господстве «революционного», а не «освободительного» настроения в обществе, главным носителем которого являлись «зеленая молодежь» и «отрицатели русских начал»; в их числе были, «конечно, и чуждые народности» – евреи и «особенно» поляки [7, с. 100–101].

Таким образом, консерваторы начала XX в., следуя консервативно-охранительной традиции, сложившейся благодаря М.Н. Каткову после польского восстания 1863 г., считали революционные идеи вредным западным заимствованием, которое противоречит русской идее. Консерваторы подчеркивали «нерусский» характер и революционного движения, и террористической практики. Причину революции 1905–1907 гг. и расцвета насилия видели в подрывной деятельности заговорщиков.

Далеко не все консерваторы были ярыми противниками модернизации и охранителями традиции. Так, например, кружок «Беседа», где велись дискуссии о народном представительстве в России, был образован на коронации Николая II, в том числе П.С. Шереметевым – одним из богатейших лю-

дей России, другом детства императора. О необходимости преобразований говорил Кирееву Плеве, который в общественном сознании представлялся оплотом реакции и «паладином» самодержавия [17, с. 76–78]. Записывая впечатления от убийства Сипягина, Суворин упомянул о необходимости введения в России «свободы совести, личности, печати», которая была невозможна при «самодержавии министров, поддерживающих самодержавие» [18, с. 289]. Помимо прочего, 4 августа 1904 г. в своем дневнике он пересказал разговор императора с министром юстиции и генерал-прокурором Н.В. Муравьевым, считавшим, что «нельзя управлять без общества… через министров при их очных докладах и при том обычае, когда министры выпрашивают у царя его самодержавную подпись, и это является законом» [18, с. 314].

Тихомиров заявлял о «разложении монархической государственности», обвинял «ничтожную власть, доведшую всех до безумной кровавой расправы» [7, с. 58, 62]. И.И. Толстой, глава Академии художеств и министр народного просвещения в 1905–1906 гг., осуждал и революционный террор, и репрессивную политику правительства: «Из-за этого находят нужным одни убивать бомбами и револьверами, другие – вешать и расстреливать… Фу, гадость!» [19, с. 84]. Толстой считал террор напрасным, обвинял революционеров и кадетов в «фанатизме», однако понимал их логику выбора жертв. Узнав об убийстве в Твери члена Государственного совета А.П. Игнатьева, Толстой был удивлен, что «при существующем в России положении это не случилось раньше» [19, с. 151]. Убийство Лауница он не счел «потерей для страны», а убийство Главного военного прокурора В.П. Павлова охарактеризовал как результат «правильного» и «сознательного» выбора революционеров [19, с. 169, 178–179]. Суворин в конце июля 1904 г. написал в дневнике, что стал «понимать» «все, самое гнусное, самое отвратительное, все эти заговоры и убийства» [18, с. 312]. Жена Святополк-Мирского, считавшая правительство ответственным за подъем революционного движения, надеялась, что политические убийства приблизят Россию к «земскому собору» [8, с. 282–283].

Таким образом, в отношении консерваторов к террору можно увидеть двойственность. С одной стороны, они, следуя за Катковым, пытались подчеркнуть антирусскую (западную, еврейскую или польскую) природу революционных идей и их воплощения в терроризме. С другой стороны, консерваторы осуждали и революционный терроризм, и правительственные репрессии, считая, что спасением России станут обширные реформы, а жесткие меры борьбы с революцией.

Многие консерваторы, особенно в 1904–1905 гг., разделяли взгляд революционеров и либералов, винивших правительство в подъеме революци-

онного движения, и считали террор средством защиты от произвола власти. Популярность терроризма времен Первой русской революции, сочувственное отношение к нему со стороны либеральной общественности, отказ кадетов публично осудить террор, значительные пожертвования в кассу БО эсеров, осознание консерваторами необходимости реформ и желание понять логику террора, а в некоторых случаях и симпатии к террористам, – все это характеризует российскую политическую культуру начала XX в. Российское общество охватили «левые» настроения, и оно в высшей мере терпимо относилось к революционному насилию.

Список источников и литературы

1. *Богданович А.В.* Три последних самодержца. М.; Пг.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1924. 504 с.

2. *Будницкий О.В.* Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX вв.). М.: Политическая энциклопедия, 2016. 383 с.

3. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 887. Оп. 1. Д. 6.

4. *Гейфман А.* Революционный террор в России, 1894–1917. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. 448 с.

5. *Городницкий Р.А.* Боевая организация партия социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М.: РОССПЭН, 1998. 239 с.

6. Дневник А.А. Киреева. 1905–1910. М.: РОССПЭН, 2010. 473 с.

7. Дневник Л.А. Тихомирова. 1905–1907 гг. / сост.: А.В. Репников, Б.С. Котов. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 599 с.

8. Дневник кн. Екатерины Алексеевны Святополк Мирской за 1905–1905 гг. // Исторические записки. Т. 77. / отв. ред. А.Л. Сидоров. М.: Наука, 1965. С. 240–289.

9. *Кузмин М.А.* Дневник. 1905–1907 / предисл., подгот. текста и комм. Н.А. Богомолова, С.В. Шумихина. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2000. 608 с.

10. *Леонов М.И.* Террор и русское общество (начало XX в.) // Материалы конференции «Индивидуальный политический террор в России. XIX – начало XX в.». М., 1996. URL: http://old.memo.ru/history/terror/leonow.htm (дата обращения: 25.06.2022).

11. *Морозов К.Н.* Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М.: РОССПЭН, 1998. 624 с.

12. Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма. М.: РОССПЭН, 2012. 1114 с.

13. *Носков М.А.* Революционный терроризм начала XX века в общественном восприятии: дис. … канд. ист. наук. М., 2011. 225 л.

14. *Пазин Р.М.* Революционный терроризм и либерализм в России начала XX века: дис. … канд. ист. наук. Самара, 2015. 271 л.

15. *Портнягина Н.А.* С.Ю. Витте и П.А. Столыпин: два взгляда на террор // Вестник славянских культур: научно-информационный журнал. 2015. № 2 (36). С. 165–179.

16. *Пушкарева И.М.* Российское общество начала XX в. и индивидуальный политический террор // Материалы конференции «Индивидуальный политический террор в России. XIX – начало XX в.». М., 1996. URL: http://old.memo.ru/history/terror/pushkareva.htm (дата обращения: 20.06.2022).

17. *Соловьев К.А.* Политическая культура // Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX века. Т. 2. Власть. Общество. Культура. М.: Изд-во Московского университета, 2011. С. 74–161.

18. *Суворин А.С.* Дневник. М.; Пг.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1923. 398 с.

19. *Толстой И.И.* Дневник: в 2 т. Т. 1: 1906–1909. СПб.: «Лики России», 2010. 688 с.

20. *Чернов В.М.* Террористический элемент в нашей программе // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900–1922 гг.: в 3 т. Т. 1: 1900–1907 гг. М.: РОССПЭН, 1996. С. 78–88.

21. *Naimark N.* Terrorism and the Fall of Imperial Russia // Terrorism and Political Violence. 1990. № 2. P. 171–192.

22. *Verhoeven C.* Time of Terror, Terror of Time: On the Impatience of Russian Revolutionary Terrorism // Special Issue of Jahrbücher für die Geschichte Osteuropas: Terrorism in Imperial Russia: New Perspectives. 2010. № 58 (2). P. 254–273.

УДК 656.8

Н.А. Овчинникова[1]

Развитие почтово-телеграфной службы в Вологодской губернии в начале XX в.

Аннотация. В статье рассматривается развитие почтово-телеграфной службы на территории Вологодской губернии в начале XX в. Автор уделяет внимание анализу структуры почтово-телеграфной сети, состава служащих, условиям их работы. Отмечено, что развитие сети учреждений связи подстегивалось возрастающим спросом на частные денежные переводы. Показано влияние Первой мировой войны на развитие почтово-телеграфной службы в губернии, когда учреждения стали испытывать острую нехватку квалифицированных специалистов, владевших новыми технологиями.
Ключевые слова: почта; телеграф; информационно-коммуникативное пространство; почтово-телеграфная служба; связь.

The development of the postal and telegraph service in Vologda province at the beginning of the XX century

Abstract. The article highlights the main points of the development of the system of messages and communications on the territory of Vologda province. The postal and telegraph service was developing actively at the beginning of the XX century, and the population created great demand for monetary transactions. This process was accelerated by the First World War. Communication institutions began to experience a shortage of qualified specialists able to ensure the development of the department in the light of new technologies. The management tried to solve this problem, but without success.
Keywords: mail; telegraph; information and communication space; postal and telegraph service; communication.

Информационно-коммуникативное пространство является одним из показателей развития общества и взаимодействия людей. В дореволюционной России интенсивность этих процессов можно отчетливо проследить, исследуя систему коммуникаций, включавшую почту, телеграф и телефон, значительное влияние на которую в начале XX в. оказывали развитие экономики, железнодорожного транспорта, рост населения, уровень его образования.

Цель настоящего исследования – проанализировать формирование системы коммуникаций начала XX в. на материалах Вологодской губернии,

[1] **Наталья Андреевна Овчинникова** – заведующий отделом информационно-поисковых систем, Государственный архив Вологодской области (Вологда, Россия), e-mail: baraewa.n@yandex.ru.
Natalya A. Ovchinnikova – Head of the Department of Information Retrieval Systems, State Archive of the Vologda Region (Vologda, Russia).

для чего требуется показать динамику развития почтово-телеграфной сети на данной территории, в том числе особенности функционирования учреждений связи в период Первой мировой войны, а также охарактеризовать состав служащих учреждений связи и условия их работы. Региональный ракурс исследования позволит увидеть, как реализовывались установки центра и насколько учитывались потребности населения, что важно для понимания социально-экономического развития территорий.

Историография истории учреждений связи достаточно обширна. В разные хронологические периоды она имела свою специфику. В первой половине XX в. исследователи уделяли внимание общим проблемам развития почтово-телеграфной сети, в немалой степени критикуя дореволюционную систему [1; 2; 3; 4; и др.]. Во второй половине столетия, в связи с научно-техническим прогрессом, ученых стала привлекать технологическая составляющая почтово-телеграфной сети [44; 47; 48; и др.]. Современные исследования характеризует интерес к формированию и развитию информационного пространства и социальным процессам, протекавшим внутри службы связи [42; 43; 46; и др.]. Особое внимание сегодня уделяется региональным аспектам проблематики. По истории вологодской почтово-телеграфной службы по сей день отдельных работ не имеется.

Источниками данного исследования стали документы из фондов Государственного архива Вологодской области: «Вологодская губернская почтово-телеграфная контора» (ф. 400), «Грязовецкая почтово-телеграфная контора» (ф. 411), «Кадниковская почтово-телеграфная контора» (ф. 412) и др. В основном это циркуляры, распоряжения вышестоящих органов, делопроизводственная переписка, отчеты почтово-телеграфных контор, требовательные ведомости на выдачу заработной платы, личные дела служащих, списки почтовых отделений и т.д.[1] Комплекс выявленных материалов репрезентативен для изучения формирования и реформирования информационной сети на территории Вологодской губернии.

***

Вологодские почтово-телеграфные конторы появились в соответствии с мнением Государственного Совета «О преобразовании местных почтовых и телеграфных учреждений» от 28 мая 1885 г. и были разделены на семь классов, исходя из приносимой прибыли [45, с. 239–240]. Учреждения с 1 по 6 класс именовались почтово-телеграфными конторами, 7-го – отделениями. С 1 января 1887 г. все они находились в подчинении Ярославского почтово-телеграфного округа, после 1905 г. – Архангельского [27, л. 46–47 об.]. С ростом спроса на почтовые услуги, увеличением торговых операций, де-

[1] Наиболее полно представлены источники по трем почтово-телеграфным конторам (Вологодской, Грязовецкой и Кадниковской), по остальным учреждением сохранность документов крайне плохая.

нежного оборота менялся и класс уездных почтово-телеграфных контор. Так, в 1908 г. в Вологодской губернии к 1 классу относились Вологодская (губернская) почтово-телеграфная контора (далее – ВПТК) с денежным оборотом в 100 тыс. руб., к четвертому – Великоустюгская, к пятому – Тотемская, к шестому – Вельская, Грязовецкая, Кадниковская, Никольская, Сольвычегодская и Усть-Сысольская; в Яренске работало почтовое отделение [17, л. 18 об.–21]. В 1915 г. ко 2 классу уже относилась Великоустюгская почтово-телеграфная контора, к третьему – Грязовецкая, Кадниковская, Тотемская, к четвертому – Вельская, Никольская, Сольвычегодская и Усть-Сысольская [9, л. 1–1 об.]. Показательной по увеличению доходности была ситуация в небольшом Шуйском почтовом отделении Тотемского уезда. В нем имелся 1 телеграф, доход от использования которого в 1905 г. составил 448 руб. 20 коп., в 1912 – 879 руб. 73 коп., в 1913 – 887 руб. 39 коп., в 1915 – 2 326 руб. Отмечу, что речь идет не об уездном городе, а о небольшом поселении [32; 34, л. 1 об., 3 об.; 35, л. 1а об.].

К 1915 г. в губернии работало 67 почтово-телеграфных и почтовых учреждений. Так, в ВПТК числилось 19 телеграфных аппаратов, 36 почтовых ящиков (три в и на здании, 29 по городу, три на пароходе, один на пристани) [20, л. 87; 24, л. 4 об.; 28, л. 46 об.; 36, л. 7; 39, л. 21–22]. Правительство поддерживало и расширяло сеть учреждений в основном в губернском и уездных городах. В волостях население вынуждено было само прилагать усилия для открытия новых отделений. Так, в д. Антоново Вепревской волости Вологодского уезда в 1916 г. жители решили открыть почтовое отделение. Для этого они нашли дом, подходящий для учреждения, арендовали его за 400 руб. сроком на 3 года, заключили контракт на этот период времени с перевозчиком почты (2 раза в неделю) за 600 руб. в год [29].

Расширение почтово-телеграфной сети требовало увеличения штатной численности. Так, в ВПТК количество служащих с 1907 по 1916 г. увеличилось с 77 до 211 человек, т.е. почти в три раза. Наибольший рост числа сотрудников пришелся на годы Первой мировой войны, когда объем переписки увеличился в несколько раз с появлением полевой почты и военнопленных в губернском городе. В штаты почтово-телеграфных контор входили начальник, его помощник, надсмотрщики, чиновники, механики, почтальоны, сторожа. Новые виды оборудования требовали подготовленных специалистов, квалифицированных кадров, что стало причиной формирования сложной структуры штатов учреждений. Кроме того, требовались специалисты по обслуживанию телеграфных линий, строительство которых правительство наращивало с каждым годом [6, л. 5]. Например, в штате ВПТК к 1914 г. вместо одного механика появилось три: старший, младший высшего разряда и младший низшего разряда. В связи с расширением сети учреждений требовалось больше почтальонов: в ВПТК их ко-

личество увеличилось с 23 в 1907 до 39 в 1916 г. (см. табл. 1). В уездных почтово-телеграфных конторах штат также менялся в сторону увеличения и усложнения структуры. Как правило, кроме начальника в них работали 2–4 чиновника 5–6 разрядов, надсмотрщик, почтальоны и сторож.

Таблица 1

Штат Вологодской почтово-телеграфной конторы в начале XX в.

Наименование должности	1907 г.	1909 г.	1914 г.	1916 г.
начальник	1	1	1	1
помощник начальника	1	1	1	–
чиновник:				
1 разряда	–	1	1	1
2 разряда	1	3	3	3
3 разряда	5	8	9	10
4 разряда	–	15	15	29
5 разряда	8	20	23	24
6 разряда	24	21	27	60
механик	1	2	5	8
надсмотрщик	3	4	4	8
унтер-офицер	1	1	1	1
почтальон	23	32	38	39
сторож и рассыльный	9	14	–	27
Всего	77	123	128	211

Составлено по: [14, л. 248–251; 18, л. 788 об.; 21, л. 351–378; 22, л. 17–36].

Должностные обязанности работников были строго разграничены. Начальник конторы отвечал за организацию работы в учреждении, нес ответственность за сохранность ценных вещей и средств в сберегательной кассе. Его помощник являлся заведующим по хозяйственной части, осматривал и проверял письма и посылки, осуществлял ежедневный контроль за денежными переводами. В начале XX в. по стране распространялось множество листовок революционного содержания, тайники для которых устраивали в обложках книг, поэтому эта должность была сопряжена с высокой ответственностью [37, л. 24].

Чиновник 1-го разряда заведовал телеграфом, 2-го – принимал и передавал телеграммы. Отмечу, что в Вологде использовались аппараты Юза и Морзе. Последний, с одной стороны, был достаточно дешевый и простой в использовании, с другой – позволял передавать телеграммы на большое расстояние. Именно поэтому являлся самым распространенным: по

нему передавали телеграммы в Вологде и уезде. В отличие от Морзе, где использовались знаки, аппарат Юза был буквопечатающим, позволял быстро расшифровывать телеграммы. Работали на нем при сообщении с большими городами, такими как Москва, Санкт-Петербург, Ярославль. В 1914 г. в ВПТК было 19 телеграфных аппаратов: 5 – Юза, 14 – Морзе. Сотрудники, работавшие на этих аппаратах, передавали важную информацию, за что предусматривалась доплата в размере от 93 до 145 руб. [18, л. 834 об.; 20, л. 87 об.]. Чиновники 3–5 разрядов занимались основной работой в конторе: проводили страховые и денежные операции, продавали марки, принимали и отправляли корреспонденцию и посылки и т.д. Чиновник 6 разряда составлял документацию на выплаты и переводы, ведал бухгалтерской и кассовой книгами. С 1907 по 1916 г. количество чиновников этого разряда в ВПТК увеличилось в 2 раза, что свидетельствует о росте документооборота в учреждении. Унтер-офицер помогал при проверке почты, наблюдал за действиями почтальонов. Сторожа помимо основных обязанностей отвечали за чистоту помещения конторы и помогали при выгрузке и погрузке почты [18, л. 825–837].

После революционных событий 1905 г. начальник Архангельского почтово-телеграфного округа издал распоряжение об увеличении количества сторожей, укреплении дверей помещений. Для доставки на дом денег почтальоны должны были иметь при себе оружие; большие суммы выдавались только в учреждении [15, л. 383–385 об.]. Почтово-телеграфные конторы начали вооружать своих сотрудников. Так, в 1907 г. Кадниковская контора закупила 4 револьвера; с этого же года в Вологде появились почтовые поезда с воинской охраной для отправки ценностей [14, л. 378; 36, л. 7].

В начале XX в. в почтово-телеграфном ведомстве существовали проблемы, связанные с качеством службы. Управление округом в 1909 г. обратило внимание на большое количество нарушений в работе: неправильное направление почтовых посылок, писем и переводов, нанесение надписей на ярлыки карандашами, а не чернилами и т.д. Причины этого руководство видело в халатности руководителей и небрежном отношении к обязанностям сотрудников [31, л. 71–73]. В связи с этим особое внимание стало уделяться образованию новобранцев, в том числе учеников. Так, в 1910 г. при поступлении на должность надсмотрщика требовалось сдать экзамены по предметам (математика, черчение, физика, телеграфия, телеграфостроение, телефония) и выполнить практическое задание [40, л. 79–79 об.]. В 1915 г. вышел циркуляр начальника Архангельского почтово-телеграфного округа о запрете бранных выражений через телеграф, прежде всего, это касалось новых сотрудников, имелись случаи увольнения [23, л. 107].

В 1916 г. ученикам предоставлялись льготы – освобождение от призыва на военную службу при условии поступления в ведомство до начала

призыва. Однако с расширением сети учреждений и потребностью в большем количестве работников, ученики не успевали освоить необходимые знания. В 1916 г. руководство округа отмечало малообразованность учеников и их нежелание после обучения следовать к месту службы. Кроме того, начальники контор, получавшие вознаграждение за быструю подготовку учеников, не всегда добросовестно относились к самому процессу обучения [25, л. 131; 41, л. 67, 302, 349].

В изучаемый период постепенно возрастало жалование работников учреждений связи, однако этот процесс не был равномерным. Так, с 1887 по 1916 г. выплата годового содержания начальника конторы возросла с 500 до 1 635 руб., т.е. более чем в три раза, а механика с 600 до 768 руб., т.е. менее чем в 1,5 раза (см. табл. 2). Правительство пыталось заинтересовать новых работников в продолжении службы. Циркуляр Главного управления почт и телеграфов от 31 декабря 1901 г. разрешал новую статью расхода чинам – квартирные деньги [12, л. 200–201 об.]. Существовали пособия к церковным праздникам (Пасха и Рождество), выдаваемые сотрудникам, демонстрировавшим высоконравственное поведение [17, л. 85]. В 1905 г. при управлении округом был учрежден Комитет по выдаче пособий на воспитание чинов ведомства. Были и дополнительные расходы. Например, в 1904 г. 2 % от жалования направляли на сооружение миноносца «Телеграф» [6, л. 7; 13, л. 130].

Заработная плата в уездных почтово-телеграфных конторах и отделениях была ниже, чем в губернском городе. Так, жалование начальника конторы составляло в среднем 392 руб. и 196 руб. столовых денег в год. Чиновники 5 и 6 разрядов получали в среднем 352 руб. и 88 руб. столовых денег в год. Жалование почтальонов устанавливалось такое же, как в Вологде – 300 руб. в год [7, л. 1–2, 12–13, 186–187]. По всей видимости, разница в размере заработной платы должна была компенсировать высокий уровень ответственности сотрудников губернской конторы, где совершалось больше денежных операций, объем обрабатываемой переписки находился на уровень выше.

В начале XX в. в связи с увеличением спроса населения на услуги связи менялся режим функционирования учреждений. Если в 1880-е гг. в графике работы сотрудников ВПТК были выходные дни (в частности, в церковные праздники), то в 1915 г. выделялся только один нерабочий день – праздник Пасхи. Работа была ежедневной и посменной, начиналась в 6 утра, заканчивалась в 8 вечера. И в губернском, и в уездных городах сотрудники очищали почтовые ящики три раза в день, корреспонденцию и посылки разносили два раза в день. В небольших почтовых отделениях ящики проверяли один раз в день, а где-то эта процедура зависела от времени года: летом проводилась чаще, зимой сокращалась до двух раз в неделю [5, л. 1–1 об.; 9, л. 1 об.–2; 20, л. 87 об.; 35, л. 21 об.; 36, л. 7].

Приложение 2

Жалование служащих Вологодской почтово-телеграфной конторы конца XIX – начала XX в. (в руб.)

Наименование должности	1887 г.		1914 г.			1916 г.		
	жалование	столовые деньги	жалование	столовые деньги	квартирные деньги	жалование	столовые деньги	квартирные деньги
начальник	500	300	1152	576	–	1635	768	–
помощник начальника	450	150	960	480	250	–	–	–
чиновник:								
1 разряда	600	300	768	384	200	960	576	250
2 разряда	360	180,3	576	288	150	768	384	200
3 разряда	300	120	485	242,5	125	672	336	175
4 разряда	120	60	388	194	100	576	288	150
5 разряда	–	–	352,8	88,2	90	388	194	100
6 разряда	–	–	352,8	–	90	441	–	100
старший механик	600	300	768	384	200	–	–	–
младший механик высшего разряда	–	–	576	288	150	768	384	200
младший механик низшего разряда	–	–	485	242,5	125	672	336	175
надсмотрщик	240	120	–	–	–	–	–	–
надсмотрщик высшего оклада	–	–	352,8	88,2	90	576	288	150
надсмотрщик низшего оклада	–	–	352,8	–	90	388	194	100
унтер-офицер	286	–	352,8	–	–	411,6	–	48
почтальон I	246	–	300	–	36	360	–	36
почтальон II	216	–	240	–	36	300	–	36
сторож I	144	–	240	–	36	360	–	36
сторож II	–	–	300	–	36	300	–	36

Составлено по: [11, л. 45–52; 21, л. 351–378; 22, л. 17–36].

С началом Первой мировой войны увеличилась потребность в почтовых отправлениях. Прибавилась корреспонденция от военнопленных, которая сначала направлялась на проверку Вологодскому уездному воинскому начальнику и только потом адресату. Сотрудников не хватало. С 1915 г. правительство увеличило оклады, выплаты на питание и проживание, надеясь, что эти меры привлекут желающих работать в ведомстве [23, л. 57–57 об.]. Начальнику ВПТК прибавка составила более 500 руб., чиновникам 1–4 разрядов, механикам – более 180 руб., надсмотрщикам высшего оклада – более 200 руб., чиновникам 5 разряда жалование увеличили незначительно, но в два раза подняли размер столовых денег. С 1914 г. сотрудники ВПТК получали бесплатную медицинскую помощь. Отмечу также, что из-за нехватки работников в почтово-телеграфные учреждения стали активно привлекать женщин. Это право они получили еще в 1904 г., но первоначально могли выходить замуж только за сотрудников того же ведомства; в 1914 г. это правило отменили [19, л. 157; 38, л. 15]. Если в 1914 г. в ВПТК работало 19 женщин, в основном чиновниками 5 и 6 разрядов, то в 1916 г. уже 34 (чиновники 3–6 разрядов). В 1916 г. они получили право работать рассыльными; ограничения касались возраста (от 21 до 36 лет) и состояния здоровья [26, л. 12].

В годы Первой мировой войны экономика страны пошатнулась, что отразилось и на работе почтово-телеграфных учреждений. Не хватало материалов, особенно бумаги, которая подорожала в несколько раз. В декабре 1915 г. предписывалось сократить расходы на нее: писать меньше отчетов, сократить количество подписок, часть документов составлять в одном экземпляре. Рост недовольства в стране привел к увеличению агентских телеграмм, в связи с этим в ноябре 1915 г. руководство округа рекомендовало сотрудникам пропускать ленту через телеграфный аппарат до трех раз [8, л. 158, 214].

С развитием денежных операций посредством почтово-телеграфной службы к началу XX в. возросло число мошенников. Поскольку пересылаемые деньги всегда облагались страховым сбором, клиенты нередко пытались утаить факт пересылки и отправить их простым письмом. При выявлении такого обмана нарушитель облагался двойным сбором. Выявлялись подделки почтовых марок, бланков писем [10, л. 12; 30, л. 6]. Мошенничеством могли заниматься и сотрудники учреждения. Особое внимание руководства в этом отношении привлекали новички: в 1916 г. поступавшие на обучение ученики должны были предоставить справку о несудимости [41, л. 67].

Таким образом, информационно-коммуникативное пространство Вологодской губернии в начале XX в. активно развивалось под влиянием промышленного роста, расширения сети железных дорог, увеличения чис-

ленности населения, в первую очередь, городского. Расширение сети учреждений связи во многом было обусловлено развитием денежного обращения и возраставшей заинтересованностью населения, однако, несмотря на положительную динамику, в целом почтово-телеграфное ведомство довольно медленно реагировало на общественный запрос. Первая мировая война обнажила накопившиеся проблемы, обнаружив несоответствие качества предоставляемых услуг потребностям клиентов.

Список источников и литературы

1. *Александров В.Н.* Телеграф. М.: Воениздат, 1954. 132 с.
2. *Базилевич К.В.* Земская почта в России. (1865–1917). М.: Связь, 1926. 72 с.
3. *Базилевич К.В.* Очерки по истории профессионального движения работников связи 1905–1906 гг. М.: Изд. ЦК Союза связи, 1925. 714 с.
4. *Беликов Б.С.* Телеграф и телефон. М.: Гостехиздат, 1958. 63 с.
5. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 400. Оп. 1. Д. 1.
6. ГАВО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 77.
7. ГАВО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 78.
8. ГАВО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 79.
9. ГАВО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 81.
10. ГАВО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 104.
11. ГАВО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 110.
12. ГАВО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 113.
13. ГАВО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 115.
14. ГАВО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 118.
15. ГАВО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 119.
16. ГАВО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 124.
17. ГАВО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 130.
18. ГАВО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 132.
19. ГАВО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 155.
20. ГАВО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 157.
21. ГАВО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 172.
22. ГАВО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 564.
23. ГАВО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 595.
24. ГАВО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 619.
25. ГАВО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 638.
26. ГАВО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 642.
27. ГАВО. Ф. 400. Оп. 3. Д. 10.
28. ГАВО. Ф. 400. Оп. 3. Д. 56.
29. ГАВО. Ф. 400. Оп. 3. Д. 57.
30. ГАВО. Ф. 400. Оп. 3. Д. 64.
31. ГАВО. Ф. 400. Оп. 4. Д. 22.
32. ГАВО. Ф. 400. Оп. 5. Д. 6.
33. ГАВО. Ф. 400. Оп. 5. Д. 11.

34. ГАВО. Ф. 400. Оп. 5. Д. 18.
35. ГАВО. Ф. 400. Оп. 5. Д. 27.
36. ГАВО. Ф. 412. Оп. 1. Д. 1.
37. ГАВО. Ф. 412. Оп. 1. Д. 55.
38. ГАВО. Ф. 412. Оп. 1. Д. 58.
39. ГАВО. Ф. 412. Оп. 1. Д. 87.
40. ГАВО. Ф. 996. Оп. 1. Д. 13.
41. ГАВО. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 56.
42. *Галинская О.Ю.* Развитие городской системы коммуникаций в конце XIX – начале XX вв. (на материалах Костромы и Ярославля) // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2021. № 4. С. 141–146.
43. *Карнишина Н.Г., Карнишин В.Ю.* Информационная среда провинциальной России конца XIX – начала XX в.: методология исследования // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2019 № 1 (49). С. 15–22.
44. *Марценицен С.И., Новиков В.В.* 150 лет отечественному телеграфу. М.: Радио и связь, 1982. 149 с.
45. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е: в 33 т. Т. 5: 1885 г. СПб.: Гос. тип., 1887. 1478 с.
46. *Стрекалова Н.В., Щербаков С.В.* Служащие учреждений связи Тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: численность, состав, профессиональная мобильность // Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки. 2020. Т. 25. № 188. С. 164–175.
47. *Частиков А.П.* История развития, этапы становления // 150 лет русскому телеграфу: сборник статей. М.: Знание, 1982. С. 6–60.
48. *Яроцкий А.В.* Основные этапы развития телеграфии. М.; Л.: Госэнергоиздат, 1963. 80 с.

УДК 93 (093)

А.С. Шестопалова[1]

Издание Журнала Императорского Русского военно-исторического общества

Аннотация. В настоящей работе воссоздан процесс издания одного из главных печатных органов Императорского Русского военно-исторического общества – Журнала ИРВИО. Источниковую базу исследования составили архивные документы, хранящиеся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, делопроизводственная документация общества, материалы Журнала ИРВИО, а также воспоминания одного из членов-учредителей общества Г.С. Габаева. Автор приходит к выводу, что издание собственного журнала членами общества способствовало популяризации военно-исторических знаний среди широких слоев населения, консолидации военных историков. В ходе исследования было установлено, что среди причин изменения программы издания журнала были не только финансовые проблемы и давление правительства, но и уход с поста редактора П.Н. Симанского.

Ключевые слова: Императорское Русское военно-историческое общество; ИРВИО; периодика; начало XX в.; Журнал ИРВИО; издательская деятельность.

Publication of the Journal of the Imperial Russian Military Historical Society

Abstract. The article concerns itself with the process of publication of one of the main printed organs of the Imperial Russian Military Historical Society, the IRVIO Journal. The source base of the study are archival documents from the Department of Manuscripts of the National Library of Russia, the society's records management, materials of the Journal, as well as memoirs of one of the founding members of the society G.S. Gabaev. The author comes to the conclusion that the publication of their own journal by members of the society contributed to the popularization of military historical knowledge among the general population, and also contributed to the consolidation of military historians. In the course of the study, it was established that among the reasons for changing the publishing program for the Journal were not only financial problems and pressure from the government, but also the resignation of its editor P.N. Simansky.

Keywords: Imperial Russian Military Historical Society; IRVIO; periodicals; beginning of the 20th century; Journal of IRVIO; publishing activity.

[1] **Анна Сергеевна Шестопалова** – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории и политологии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия), e-mail: ShestopalovaAS@omsu.ru.

Anna S. Shestopalova – Candidate of Historical Sciences, Lecturer at the Department of National History and Political Science of Omsk State University named after F.M. Dostoevsky (Omsk, Russia).

В 1907 г. в Санкт-Петербурге было образовано Императорское Русское военно-историческое общество (ИРВИО), которое объединило военных историков, офицеров и всех интересовавшихся военным прошлым России. Идея создания Общества появилась еще в середине XIX в., но реальные шаги на пути к его появлению были предприняты только в начале XX в., что отнюдь не являлось случайностью. После поражения русской армии на Дальнем Востоке в 1904–1905 гг. на повестку дня была поставлена проблема реформирования армии, что актуализировало изучение военной истории и укрепление традиций русской военной школы. Участие армии в подавлении революции 1905–1907 гг. усиливало падение престижа военной службы не только в среде гражданской общественности, но и в военных кругах [16]. В таких обстоятельствах создание военно-исторического общества являлось своего рода реакцией на внутриполитические события. В настоящее время действует воссозданное Русское военно-историческое общество, продолжающее те направления деятельности, основы которых были заложены еще в начале XX в.

К истории ИРВИО обращались в разные исторические периоды. В советской историографии одну из первых попыток осмысления деятельности общества предпринял его активный участник, военный историк Г.С. Габаев. Опираясь на свои воспоминания, он воссоздал краткую историю ИРВИО, а также охарактеризовал основные направления деятельности [1]. А.Н. Кочетков в своей работе отметил значимость публикационной деятельности ИРВИО для развития отечественной военно-исторической науки. Исследователь подчеркивал, что особую ценность в журнале Общества представлял «военно-исторический архив», где публиковались отдельные документы и письма [3, с. 94–99]. Работа В.А. Дьякова остается до настоящего времени одной из лучших по истории ИРВИО [2]. Автор проанализировал процесс возникновения, состав и основные направления деятельности Общества; причины трансформации программы Журнала ИРВИО в 1912 г. он связал «с изменениями агитационно-пропагандистской работой царизма» [2, с. 285]. В.Н. Самошенко и Н.А. Петрова, характеризуя Журнал ИРВИО, пришли к выводу что изменение характера публикуемых в нем материалов было связано не с финансовыми трудностями, а «с усилившимся давлением со стороны царского правительства» [14, с. 208].

В начале XX в. ИРВИО являлось одним из важнейших социальных институтов по формированию исторической памяти, который не только транслировал знания о событиях военной истории, но и содействовал созданию образцов увековечивания памяти о них. Но несмотря на то что к настоящему моменту научному сообществу удалось накопить немалый материал по истории ИРВИО, его печатное наследие в полной мере не изучено,

также не проанализирована деятельность членов Общества по созданию и развитию журнала. Цель настоящей работы заключается в воссоздании процесса издания Журнала ИРВИО, а также характеристике его как исторического источника, содержащего в себе богатый материал не только по истории собственно Общества, но и по развитию отечественной военно-исторической мысли в начале XX в.

ИРВИО объявляло своей целью «изучение военно-исторического прошлого русского народа во всех его проявлениях» [15, с. 1]. Одной из главных задач, направленных на достижение этой цели, общество считало «собирание и опубликование военно-исторических материалов и исследований по ним» [12, с. 18]. Иными словами, издательская деятельность являлась одним из приоритетных направлений работы Общества. Ее значимость подтверждалась еще и тем, что главный руководящий орган – Совет общества – уже на одном из первых заседаний приступил к выработке Положения об организации издательской деятельности, которое было утверждено 9 декабря 1907 г. Наряду с «Трудами» общества Совет планировал с 1909 г. работу особого печатного органа под названием «Журнал Императорского Русского военно-исторического общества». Журнал должен был выходить последовательными выпусками от 4 до 6 книг в год, объем каждой из которых составлять 10–12 печатных листов.

17 января 1909 г. на собрании Совета состоялись выборы редакции журнала. Редактором мог стать один из действительных членов общества, проживавший в Санкт-Петербурге [12, с. 48]. На эту должность единогласно был избран П.Н. Симанский [4, л. 206], а его помощником назначен Габаев, который впоследствии так описывал это событие: «В конце 1909 г. было положено начало “Журналу” общества. Редактором был избран профессор П.Н. Симанский, обладавший громадной эрудицией, колоссальными знаниями по библиографии» [6, л. 18].

В соответствии с утвержденной программой издания, журнал состоял из четырех разделов: 1) исследования; 2) материалы; 3) критико-библиография; 4) хроника [12, с. 47]. Первый содержал исследования по русской военной и военно-морской истории, а также биографии выдающихся военных деятелей. В самом объемном разделе «Материалы» публиковались мемуары, записки и небольшие исторические документы. В третьем разделе размещались описания редких книг, музеев и их собраний, обзоры русской и иностранной литературы по военной истории. В «хронике» освещались важнейшие события из жизни военно-исторического общества.

Авторы, желавшие опубликовать свои труды, отправляли их в Санкт-Петербург секретарю общества Д.П. Струкову. Поскольку редакция журнала и само общество не имели собственного помещения, статьи

поступали на адрес Артиллерийского исторического музея, заведующим которого также являлся Струков. Все поступавшие материалы тщательно отбирались. Статьи, не получившие одобрения, хранились в редакции в течение года, а затем возвращались авторам или их доверенным лицам [12, с. 48]. За публикацию предусматривался гонорар. Он был одинаковым для всех и составлял 75 руб. за лист для авторов статей, основанных на архивных источниках, и 50 руб. за лист – за статьи, подготовленные на опубликованных материалах. В финансовом отчете за 1909 г. указывалось, что на авторский гонорар журнала потрачено 176 руб. [12, с. 17], в 1910 г. эта сумма, вместе с вознаграждением редактора, возросла до 1 074 руб. 58 коп., в 1911 – 569 руб. 65 коп., в 1912 – 3 183 руб. 51 коп. Среди авторов журнала были как члены общества, так и историки, и военные.

В журнале также размещались материалы из отделов общества. Изначально планировалось, что в каждом из них будет функционировать свой печатный орган, но ввиду сложности и дороговизны решили направлять соответствующие материалы в журнал, «издаваемый при Совете общества» [5, л. 18].

Первый выпуск журнала был опубликован в конце декабря 1909 г. В 1910 г. вышло 5 книг, в 1911 – 7. По воспоминаниям Габаева, они были «изящно-оформленными со строго подобранным, серьезным и широко-аннотированным и научно обработанным материалом» [6, л. 7]. Высокий уровень издательской подготовки требовал больших затрат. В соответствии с финансовым отчетом за 1910 г., подготовленным казначеем А.К. Баиовым, стоимость одной книжки журнала доходила до 1 400 руб. Общие расходы на издание журнала в 1910 г. составили – 4 445 руб. 4 коп., в 1911 – 4 047 руб. 77 коп. [10, с. 19, 33]. Большая часть расходов шла на изготовление печатной продукции. Предполагалось, что затраты на издание будут частично окупаться за счет подписки на журнал, но в 1910 г. она принесла лишь 328 руб. (ожидалась 1 000 руб.), в 1911 – 493 руб. 40 коп. [10, с. 22]. Баиов связывал небольшие поступления от подписки с тем, что сами члены Общества не считали необходимым подписываться на журнал, а некоторые вовсе полагали, что он должен им присылаться бесплатно. Не последнюю роль играло отсутствие информационной поддержки деятельности журнала [9, с. 31].

В 1910 г. предпринимались меры, направленные на популяризацию журнала: Главный штаб разослал по всем войсковым частям циркуляр с рекомендацией подписаться на журнал; наладили сотрудничество с другими периодическими изданиями, которые стали размещать на своих страницах отзывы и рецензии на новые выпуски; членов Общества уведомили о платной подписке и подчеркнули отсутствие возможности бесплатной раздачи

журнала; в повестках, извещавших членов Общества о собраниях, стали печатать содержание готовившихся к выпуску книжек журнала [8, с. 4]. Кроме того, решили удешевить издание (за счет отказа от иллюстраций) и уменьшить стоимость одной книжки до 1 000 руб. Однако, несмотря на предпринятые шаги и сочувственные отзывы в прессе, редакция не добилась роста числа подписчиков. По наблюдениям того же Баиова, «даже из членов общества в 1911 г. было всего 55 подписчиков. Объяснить подобное явление приходится только тем, что характер “Журнала” не отвечал требованиям обычного читателя, интересующегося чтением исторической литературы» [10, с. 25]. Габаев в своих воспоминаниях также отмечал, что «журнал и издания раскупались мало и расходы на них не покрывались и в небольшой мере» [6, л. 11 об.]. Ситуация осложнялась еще и тем, что в 1911 г. Общество не получило от государства субсидию в размере 10 000 руб., что негативно сказалось на издательской деятельности. Ухудшение материального положения «побудило Совет прекратить на будущее время издание Журнала по той же программе» [10, с. 10] (чтобы покрыть расходы журнала за 1910–1911 гг., требовалось 6 424 руб. 62 коп. [10, с. 30]).

По первоначальной программе журнал издавался два года. Редакция стремилась дать читателям серьезный военно-исторический материал, значительное место отводилось публикации архивных документов. В журнале помещались портреты, снимки исторических памятников и знамен, прилагались схемы и пояснительные чертежи. Научная направленность журнала должна была сделать его полезным для военно-исторических работ в разных областях, в частности, в области полковой истории [13, с. 23]. За первые два года было опубликовано семь исследований, в которых рассматривались участие императорской фамилии в формировании государственных ополчений, появление русских знамен и штандартов, развитие регулярной армии и т.д. Наибольшую ценность представляли материалы, представленные во втором отделе. Так, военно-историческим обществом было обнародовано более десяти воспоминаний, мемуаров, походных журналов, писем участников военных событий разного времени, от Северной до Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В третьем отделе опубликовали около 20 статей, заметок, справок, содержавших сведения об отдельных событиях военных компаний Северной 1700–1721 гг. и Отечественной 1812 г. Кроме того, в журнале было представлено свыше 10 докладов, заслушанных на заседаниях Общества.

С начала 1912 г. журнал подвергся коренному преобразованию и до лета 1914 г. издавался в новом формате. В это время он выходил ежемесячно и рассылался всем членам Общества бесплатно за счет ежегодного членского взноса. Объем журнала существенно сократили: он составлял

примерно 1 печатный лист. На этом основании В.Н. Самошенко и Н.А. Петрова предположили, что основной причиной смены курса редакции стали не материальные трудности: «Каждый номер журнала стал начинаться передовой статьей, написанной на злободневную тему, что свидетельствует о сильном давлении на редакцию со стороны правящих кругов» [14, с. 209]. Тем не менее преобразование позволило сократить расходы. Так, в годовом отчете за 1912 г. указано, что на издание было потрачено всего 2 320 руб. 95 коп. [13, с. 28]. Габаев, являвшийся помощником редактора, видел причину изменения программы еще и в том, что Симанского назначили на другую должность. В своих воспоминаниях он отметил: «К сожалению, назначение проф. Симанского в провинцию и главные материальные затруднения вызвали свертывание и сокращение программы журнала. С 1912 г. из широко научного журнала орган общества превратился в небольшой ежемесячный журнальчик, включающий хронику общества, интереснейшие доклады и данные по текущим вопросам военной историографии» [6, л. 6–7].

Совет общества поручил ведение журнала особому редакционному совету в составе Баиова, Габаева, Струкова, В.В. Жерве и Н.М. Печенкина. Должность председателя совета предложили Симанскому, но после его отказа избрали Баиова. Именно он уговорил Габаева остаться в редакции [7, л. 11], о чем последний упоминал в воспоминаниях: «Во главе реформированного редакционного совет был поставлен казначей общества профессор А.К. Баиов, человек поразительной работоспособности и добросовестности, ни жалевший ни трудов, ни здоровья на служение обществу» [6, л. 8]. В соответствии с новой программой главной целью журнала являлось освещение жизни Общества и объединение всех его членов [13, с. 26]. Богатый научный материал, собранный прежней редакцией, частично передали в Военно-исторический вестник – орган Киевского отдела Общества, частично вернули авторам [6, л. 8].

Сокращение объема журнала не могло не привести к изменениям в его содержании. Материал был разбит на несколько небольших отделов: 1) передовые статьи, освещавшие военно-исторические факты, и мнения по поводу исторических событий и лиц; 2) деятельность общества; 3) военно-историческая летопись, содержавшая военно-историческую хронику; 4) небольшие исследования по военной истории; 5) библиография, вмещавшая рецензии и краткие отзывы об опубликованных военно-исторических сочинениях; 6) новые издания по русской военной истории [13, с. 27]. Помимо всего, в журнале размещались частные объявления, что позволило уже в 1912 г. получить за них небольшой доход в размере 25 руб. Всего же, от продажи журнала в этом году доход Общества составил 64 руб. 50 коп. [11, с. 22].

Таким образом, с 1912 г. основное содержание журнала составляла информация о деятельности Общества и его местных отделов, библиографические материалы и хроника. Объем журнала сократился, прежде всего, за счет отказа от публикаций архивных документов, воспоминаний и основательных исследований по военной истории. Однако уже в 1913 г. в журнале появился новый отдел – «Военно-исторический архив», – где публиковались источники, освещавшие различные события военной истории. Новый формат журнала был по-разному оценен членами Общества. Так, Габаев характеризовал его как «журнальчик», но многие достаточно сочувственно отнеслись к трансформации, особенно среди те, кто проживал в провинции [13, с. 28].

В целом издательскую деятельность ИРВИО можно разделить на два периода. В рамках первого, 1909–1911 гг., в журнале был опубликован ряд источников по истории военных событий, которые не теряют своей актуальности и в настоящее время. В 1912–1914 гг., в соответствии с новой программой, объем издания существенно сократился. В отечественной историографии утвердилась точка зрения, что главной причиной изменения издательской деятельности стала политика царского правительства. Однако анализ финансовых документов Общества показывает материальные трудности, с которыми пришлось столкнуться редакции. Более того, уже в 1913 г., когда материальные трудности удалось преодолеть, архивные материалы вновь начали публиковать, пусть и не в прежнем объеме. Не менее важной причиной трансформации программы стал перевод в провинцию редактора Симанского, выполнявшего значительный объем работы по изданию журнала.

Список источников и литературы

1. *Габаев Г.С.* Русское военно-историческое общество (1907–1914 гг.) // Военно-исторический журнал. 1940. № 4. С. 122–124.

2. *Дьяков В.А.* О возникновении, составе и деятельности Русского военно-исторического общества (1907–1917 гг.) // Проблемы истории общественного движения и историографии: сборник статей к 70-летию М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1971. С. 275–288.

3. *Кочетков А.Н.* Русское Военно-историческое общество (1907–1914) // Военно-исторический журнал. 1965. № 9. С. 94–99.

4. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР НБ). Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 62.

5. ОР РНБ. Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 63.

6. ОР РНБ. Ф. 1001. Ед. хр. 47.

7. ОР РНБ. Ф. 1001. Ед. хр. 160.

8. Отчет о деятельности Императорского Русского военно-исторического общества за 1909 г. Год второй. СПб.: Тип. Н. Флейтмана, 1910. 123 с.

9. Отчет о деятельности Императорского Русского военно-исторического общества за 1910 г. Год третий. СПб.: Тип. гр. Скачкова, 1911. 156 с.

10. Отчет о деятельности Императорского Русского военно-исторического общества за 1911 г. Год четвертый. СПб.: Тип. А.В. Орлова, 1912. 161 с.

11. Отчет о деятельности Императорского Русского военно-исторического общества за 1912 г. Год пятый. СПб.: Тип. Императорской Николаевской военной академии, 1913. 58 с.

12. Отчет о деятельности Императорского Русского военно-исторического общества с 27 августа 1907 г. по 1-е января 1908 г. Год первый. СПб.: Тип. Н. Флейтмана, 1909. 96 с.

13. Первые пять лет деятельности Императорского Русского военно-исторического общества. 1907–1912. СПб.: [Б.и.], 1913. 88 с.

14. *Самошенко В.Н., Петрова Н.А.* Научно-издательская деятельность Русского военно-исторического общества // Издание исторических документов в СССР. М.: ВНИИДАД, 1989. С. 197–211.

15. Устав Императорского Русского военно-исторического общества. СПб.: Военная типография, 1907. 20 с.

16. *Шестопалова А.С.* Отражение «социального самочувствия» офицеров российской армии после русско-японской войны и Первой русской революции 1905–1907 гг. в отечественной публицистике // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сб. материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции с международным участием (Новосибирск, 27–29 сентября 2018 г.). Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2018. С. 219–227.

УДК 351.742/351.749

А.Е. Власов[1]

Жандармы при исполнении: к вопросу о профессиональной компетентности служащих железнодорожной жандармерии Калужской губернии в начале XX в.

Аннотация. В статье рассматривается деятельность представителей железнодорожной жандармерии по борьбе с общеуголовной преступностью в 1903–1917 гг. Автор анализирует действия отдельных представителей жандармской железнодорожной полиции при исполнении ими своих прямых обязанностей, предпринимает попытку оценить объективность принимаемых начальниками решений (репрессивных или поощрительных мер) в отношении подчиненных. Особое внимание уделено служебным биографиям двух представителей железнодорожной жандармерии – полковника В.П. Васильева и унтер-офицера Е. Вареника. Сделан вывод о соответствии этих чинов занимаемым должностям.

Ключевые слова: железнодорожная жандармерия; Калужская губерния; унтер-офицер; полковник; общеуголовная преступность; профессиональная компетентность.

Gendarmes on duty. Analyzing the professional competence of the railway gendarmerie of Kaluga province at the beginning of the XX century

Abstract. The article examines the activities of representatives of the railway gendarmerie in the fight against ordinary crime in 1903–1917. Based on the analysis of historical sources, the author attempts to give an objective assessment of the actions of railway police, to assess the objectivity of the chiefs' decisions in taking repressive or encouraging measures against their subordinates. Close attention is paid to the biographies of two representatives of the railway gendarmerie – Colonel V.P. Vasiliev and non-commissioned officer E. Varenik. It's concluded that their employment and the funds that were spent on their maintenance are justified.

Keywords: railway gendarmerie; Kaluga province; non-commissioned officer; colonel; ordinary crime; professional competence.

В настоящее время в исследовательской литературе, имеющей отношение к железнодорожной жандармерии, обозначен целый комплекс вопросов, свя-

[1] **Александр Евгеньевич Власов** – аспирант кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского (Калуга, Россия). e-mail: alexvlasov90@yandex.ru.

Alexander E. Vlasov – Post-graduate student of the Department of History and Law, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky (Kaluga, Russia).

занных с организационно-правовыми основами ее устройства в конце XIX – начале XX в.; уделяется внимание взаимодействию жандармских полицейских управлений железных дорог с другими полицейскими учреждениями, обеспечению безопасности перевозок и борьбе с преступностью [1; 4; и др.]. Однако профессиональная компетентность сотрудников железнодорожной жандармерии по сей день редко попадает в поле зрения ученых.

Цель настоящего исследования – анализ профессиональной компетентности сотрудников железнодорожной жандармерии Калужской губернии в начале XX в. Достижение этой цели потребовало, во-первых, рассмотрения профессиональных качеств представителей железнодорожной жандармерии, во-вторых, анализа их взаимодействия со служащими общей полиции, в-третьих, характеристики обеспечения безопасности пассажиров и их имущества. Источниковой базой статьи послужили материалы Государственного архива Калужской области (ГАКО), а также списки общего состава управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов, содержащие информацию справочного характера. Особое место в такого рода источниках занимают послужные списки жандармских офицеров, в которых указывались должность офицера, дата и год его рождения, сведения об образовании и наградах, полученных за годы службы.

***

Социально-политическая напряженность в Российской империи в начале XX в. привела к росту профессиональной преступности, в том числе и на железнодорожном транспорте. Как известно, 9 сентября 1867 г. на основании Положения о корпусе жандармов были образованы жандармские полицейские управления железных дорог (далее – ЖПУЖД), непосредственно подчинявшиеся начальнику штаба Отдельного корпуса жандармов (далее – ОКЖ). Их обязанности заключались в обнаружении и исследовании государственных преступлений, охране внешнего порядка, благочиния и общественной безопасности. В районе железных дорог они также заменяли собой общую полицию.

К 1917 г. в Российской империи всего насчитывалось 33 ЖПУЖД. Одним из них было Московско-Киевское жандармское полицейское управление железных дорог во главе с начальником и его адъютантом. Согласно штатному расписанию, в 1911–1914 гг. в состав Московско-Киевского ЖПУЖД входило 13 отделений: Малоярославецкое, Сухиничское, Брянское, Глуховское, Конотопское, Рышковское, Мармыжское, Днепровское, Прилукское, Лубенское, Украинское, Черкасское и Вознесенское [6, с. 119–120]. В 1915 г. Черкасское и Вознесенское управления были упразднены [5, с. 125–126].

Малоярославецкое отделение охватывало расстояние 155 км. Его координаты значились от станции «Москва» до 149 км (между станциями

«Суходрев» и «Тихонова Пустынь») главной линии с передаточными ветками к Александровской железной дороге. Начальник этого отделения проживал в Москве. Ему подчинялись 24 нижних жандармских чина: 1 вахмистр и 23 унтер-офицера [6, с. 119]. Особый интерес для настоящего исследования представляет Сухиничское отделение, поскольку в территориальном отношении оно относилось к Калужской губернии. Его протяженность составляла 237 км: от 150 км до входного семафора станции «Полпинской» с веткой и петлей к Калуге и ветками к г. Жиздре и р. Оке [6, с. 120].

С 8 ноября 1903 по 31 октября 1913 г. Сухиничское отделение Московско-Киевского ЖПУЖД возглавлял Валериан Павлович Васильев. Он родился 20 мая 1866 г. в г. Карачеве в семье потомственного дворянина Орловской губернии. Обучался сначала в Орловском Бахтина кадетском корпусе, затем в 3-м Александровском военном училище, которое окончил с отличием в чине подпоручика. С 1886 г. состоял на военной службе, а в мае 1895 г. пополнил ряды ОКЖ. В начале служил в Тульском губернском жандармском управлении (далее – ГЖУ) на должности адъютанта, потом руководил Юрьевским отделением Московско-Архангельского ЖПУЖД, затем был назначен заместителем начальника Тульского ГЖУ, и, наконец, в 1903 г. переведен начальником в Калугу. Под его руководством служило 20 человек: 1 вахмистр и 19 унтер-офицеров [8, с. 337].

29 декабря 1897 г. по собственному желанию в корпус жандармов поступил уволенный в запас младший унтер-офицер 164 Закатальского полка, уроженец Минской губернии Ефрем Вареник [2, л. 1]. За время службы его неоднократно переводили с одной железнодорожной станции на другую («Думиничи», «Полпинская», «Сухиничи», «Тихонова Пустынь»), при этом успешная работа была отмечена премиями и переводом на высший оклад жалования [3, л. 47 об.–49]. Об отношении Вареника к должностным обязанностям свидетельствуют факты из его служебной биографии. Он, как и его коллеги, вел борьбу с преступностью на железнодорожных поездах, и его деятельность, как видно из документов, была весьма успешной. Приведу несколько примеров.

Так, 5 августа 1905 г. у одной из пассажирок поезда похитили вещи на сумму 40 руб. Ехавший вместе с потерпевшей унтер-офицер Иван Ярошенко попытался раскрыть преступление по горячим следам и заметил странное поведение двух женщин и одного мужчины. Он поспешил позвонить Варенику на станцию «Тихонова Пустынь», куда прибывал поезд, и сообщил о происшествии и подозреваемых. В свою очередь, Вареник организовал наблюдение за прибывшими пассажирами и обнаружил лиц, подходивших под описание, данное Ярошенко. Преступники были схвачены, а в поезде под скамьей обнаружены похищенные вещи. Задержанные

оказались профессиональными железнодорожными ворами, причем один из них, Исидор Влязлов, как выяснилось, подозревался в убийстве и принимал участие в церковных кражах. Васильев отметил успешные действия своих подчиненных; за задержание с поличным Варенику даже была назначена награда в размере 5 руб. [3, л. 8–8 об.].

8 марта 1906 г. ночью на станции «Тихонова Пустынь» ограбили диакона Успенской церкви г. Малоярославец Михаила Васильевича Комаровского. По словам священника, некий молодой человек сорвал с него карманные часы, спрыгнул на ходу с поезда и скрылся в лесу. Вареник, вооружившись фонарем, отправился на поиски: преступник был обнаружен, но при задержании оказал сопротивление (при себе имел долото и кинжал), которое едва не стоило жизни унтер-офицеру. Вареник доставил вора на станцию «Тихонова Пустынь», где тот представился калужским мещанином Григорием Петровичем Нечаевым. Однако в ходе следствия установили, что преступник назвался вымышленным именем и при себе имел поддельные документы. Как оказалось, это был сбежавший из калужской тюрьмы Николай Евстигнеев, отбывавший наказание за убийство мещанки. За задержание опасного преступника Варенику объявили благодарность и выдали премию в 10 руб. [3, л. 10–10 об.].

Служащим железнодорожной жандармерии нередко приходилось действовать совместно с коллегами из общей полиции. Приведу один пример. В июне 1912 г. по предписанию калужского уездного исправника стражники Просвиров и Пятиконнов разыскивали лиц, совершивших вооруженное ограбление приказчика Костина (была похищена значительная сумма – 298 руб.). Удалось установить, что злоумышленники, наняв подводы, отправились на станцию «Тихонова Пустынь». Стражники явились к Варенику, представили записку от исправника с указанием примет разыскиваемых и попросили помощи в их поимке. Далее был разработан план совместных действий. Сначала установлена личность человека, привезшего преступников на станцию, который показал, где те находятся и как выглядят. Вареник, его коллега унтер-офицер Мезенцев, Пятиконнов и станционный сторож произвели задержание, а Просвиров стоял в коридоре, держа наготове заряженный револьвер на случай побега. После поимки преступников, ими оказались Суржик и Константинов, был проведен обыск, в ходе которого обнаружена масса любопытных вещей. У Суржика изъяли револьвер системы «Смит и Вессон», 18 патронов и 100 руб. [3, л. 72].

Еще более интересна опись вещей Константинова: 130 руб., фальшивый паспорт на имя Ивана Осиповича Сазонова, вырезка из газеты о зверском убийстве в лесу молодой девушки 20 октября 1911 г., поддельная печать волостного правления, поддельный свинцовый штемпель о явке

к приставу 3 части г. Екатеринослава, 43 патрона к револьверу и памятная книжка, содержавшая, по сути, хронику революционной и преступной деятельности Константинова:

14 декабря 1905 г. – в составе боевой дружины он убил околоточного надзирателя близ фабрики Шлихтерман на Дербеневской набережной в Москве.

12 января 1906 г. – в Москве при блокаде расстреляли 50 полицейских из разных видов оружия.

17 августа 1906 г. – арестован в Армавире.

18 августа 1907 г. – назначен суд.

18 декабря 1907 г. – суд приговорил к 8 годам арестантских рот.

29 декабря 1907 г. – Константинов отправлен из Армавирской тюрьмы в Екатеринодарский централ, где по его инициативе был убит агент-провокатор охранного отделения, по доносу которого задержали товарищей Константинова (студента Кутенбари и П.П. Мозгова казнили, других приговорили к разным тюремным срокам).

Апрель 1908 г. – сидел в Ростовской тюрьме; в конце апреля доставлен в Харьковскую губернскую тюрьму.

20 июня 1909 г. – бежал из Харьковского отделения.

20 октября 1911 г. – по инициативе Константинова группой анархистов-коммунистов убита его двоюродная сестра Екатерина Котова за попытку выдать брата полиции.

Февраль-март 1912 г. – ожидал приезда товарищей и готовился к «экспроприации» [3, л. 72–72 об.].

Суржик и Константинов сознались в совершении вооруженного нападения на приказчика Костина, а Вареник получил очередную награду, о чем ходатайствовал Васильев [3, л. 71–72 об.]. Служебные заслуги унтер-офицера отмечали и другие чиновники. В частности, прокурор калужского окружного суда в своем рапорте указал, что не единожды убеждался «в выдающихся качествах унтер-офицера Вареника, в его постоянно спокойном и тактичном обращении с публикой, а также его неутомимости»; часто проезжая станцию «Тихонова Пустынь», в любое время дня и ночи прокурор видел его выходящим к поездам [3, л. 72–73 об.]. В июле 1912 г. Департамент полиции «за особую распорядительность и смелость в деле о задержании двух злоумышленников» наградил Вареника премией в размере 100 руб. [3, л. 74 об.].

Следует отметить, что взаимоотношения служащих железнодорожной жандармерии с другими чиновниками не всегда были гладкими, и им приходилось сталкиваться с конфликтными ситуациями. Такой пример нашелся и в служебной биографии Вареника, причем случай, прогремевший

на всю губернию. 21 августа 1910 г. Вареник, находясь на дежурстве на станции «Тихонова Пустынь», охранял артельщика Журавлева, собиравшего денежную выручку. Журавлев ехал в вагоне 2 класса, куда вошел земский начальник 3-го участка Калужского уезда Владимир Александрович Грузевич-Нечай, которому не понравилось соседство с артельщиком. Он, будучи надворным советником и потомственным дворянином, пришел в ярость, считая неприемлемым проезд вместе с Журавлевым в вагоне 2 класса, и нанес «словесное оскорбление» жандармскому унтер-офицеру. Вареник составил рапорт на имя Васильева, а тот сообщил о происшествии калужскому губернатору Сергею Дмитриевичу Горчакову. По факту нарушения общественной тишины на станции «Тихонова Пустынь» и оскорбления дежурного жандармского унтер-офицера при исполнении служебных обязанностей было проведено следствие и возбуждено уголовное дело. Опрошенные многочисленные свидетели показали на отсутствие предосудительных действий со стороны унтер-офицер и виновность земского начальника [3, л. 33–42 об.].

Приговором суда от 13 августа 1911 г. Грузевич-Нечай был приговорен к месячному тюремному заключению и взысканию штрафа в размере 50 руб. [3, л. 64–64 об., 65]. Необходимо подчеркнуть, что на протяжении всего времени пока велось расследование и судебное разбирательство Вареника поддерживал его начальник, принимая самое активное участие. С одной стороны, это может свидетельствовать о том, что Васильев высоко ценил работу своего подчиненного. В частности, при аттестации Вареника отмечал, что он «по своему поведению, нравственным и служебным качествам, знанию и усердию к службе заслуживает оставления на таковой [должности. – *А.В.*] и вполне оправдывает присвоенный ему оклад жалованья, по исполнению полицейских обязанностей может быть отнесен к категории “хороший”» [3, л. 87]. С другой стороны, не следует забывать об естественном стремлении руководителя защитить свое ведомство и свою репутацию, поскольку факт неподобающего поведения Вареника отразился бы также и на нем и воспринимался бы как неспособность контролировать работу подчиненных лиц. Васильев не оставлял служебные проступки без внимания, и тот же Вареник был подвергнут взысканию за, казалось бы, не столь значительную оплошность – небрежно составленный протокол дознания (за что получил 4 наряда вне очереди на станции «Жиздра» [3, л. 7–7 об.]).

В целом карьеры и Васильева, и Вареника до революции складывались вполне удачно. За успешную работу Сухиничского отделения Московско-Киевского ЖПУЖД Васильев неоднократно удостаивался правительственных наград [8, с. 337], в свою очередь Вареник за добросовестное исполнение обязанностей получал денежные премии, являвшиеся суще-

ственной прибавкой к довольно скромному жалованию (оно составляло 35 руб.) [2, л. 3–5 об.; 8, с. 337]. Васильев полагал, что его подчиненный «хорош» на занимаемой должности и оправдывал свое содержание, а Вареник старался соответствовать, рассчитывая на одобрение начальства. Отмечу, что денежное довольствие со всеми выплатами являлось немаловажным фактором, стимулировавшим добросовестный труд. Так, в 1906 г. за 2-летнюю сверхсрочную службу Вареник получил в награду 150 руб., а в 1916 г. – орден Св. Станислава.

Подводя итог, следует отметить, что в начале XX в. преступления в отношении железнодорожных пассажиров не были редкостью. Кроме того, в этот период наблюдался рост революционного движения, выражавшийся помимо прочего и в перемещениях вооруженных и опасных лиц, укрывавшихся от полиции. Все это требовало от служащих железнодорожной жандармерии не только охраны порядка и добросовестного исполнения обязанностей, но и взаимодействия с другими ведомствами, и включения в активную борьбу с преступностью, и проведения оперативных мероприятий, в том числе сопряженных с риском для жизни и здоровья. В статье на примере двух служебных биографий – представителя низшего звена железнодорожной жандармерии, с одной стороны, и начальника среднего звена, с другой, – была предпринята попытка показать профессионализм жандармов. И, на мой взгляд, деятельность Васильева и Вареника в полной мере оправдывала доверие правительства. Конечно, на основе проанализированного материала не следует делать выводы о работе всего ведомства, однако очевидно, что решение сложных и важных задач, возлагавшихся на железнодорожную жандармерию, требовало квалифицированных кадров.

Список источников и литературы

1. *Гончарова Ю.В.* Жандармские полицейские управления железных дорог 1867–1917 гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 2000. 239 л.

2. Государственный архив Калужской области (ГА КО). Ф. 784. Оп. 2. Д. 3.

3. ГА КО. Ф. 938. Оп. 2. Д. 25.

4. *Кузнецов С.А.* Деятельность железнодорожной полиции России в 1867–1917 гг. на материалах Рязано-Уральской и Юго-Восточной железных дорог: дис. … канд. ист. наук. Волгоград, 2010. 194 л.

5. Общий состав чинов управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов: исправлен по 15 февраля 1916 г. СПб.: Типо-лит. Месника и Римана, 1916. 816 с.

6. Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов: исправлен по 26 февраля 1911 г. Части 1 и 2. СПб.: Типо-лит. Месника и Римана, 1911. 775 с.

7. Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов: исправлен по 1 июля 1915 г. Части 1 и 2. Пг.: Тип. Штаба ОКЖ, 1915. 807 с.

8. Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов: исправлен по 15 февраля 1916 г. Пг.: Тип. Штаба ОКЖ., 1916. 816 с.

УДК 94(47)

Д.Ю. Хоменко[1]

Организация помощи беженцам из западных окраин в Енисейской губернии (1915–1917 гг.)[2]

Аннотация. Статья посвящена особенностям оказания помощи беженцам из Царства Польского, Северо-Западного края и прибалтийских губерний в годы Первой мировой войны. Исследование основано на ранее неопубликованных архивных документах и материалах периодической печати. Выявлены формы помощи беженцам: денежное пособие, обеспечение теплой одеждой, создание школ для детей, организация культурной жизни. Отмечается, что помощь беженцам оказывали органы местного самоуправления и специально созданные общественные организации. Выявлено, что поток беженцев был полиэтничным, что привело к появлению в Енисейской губернии национальных общественных организаций: латышской и польской. Еврейские организации существовали в губернии до войны и включились в процессы оказания помощи беженцам. Еврейские и польская организации помогали не только беженцам, но и административно-высланным: для них этническая принадлежность оказалась важнее, чем официальный статус беженца.

Ключевые слова: Первая мировая война; беженцы; латыши; поляки; евреи; Енисейская губерния.

Organization of assistance to refugees from the Western territories in the Yenisei region (1915–1917)

Abstract. The article studies the assistance to refugees in the Yenisei region during the First World War on the basis of archival materials and the press. Assistance was provided by municipalities and public organizations. Forms of assistance were various: money, warm clothes, opening of schools, cultural activity. The refugees were of different nationalities. Therefore, ethnic public organizations appeared in the region. Polish and Latvian organizations have been established, Jewish ones existed earlier and began to concern themselves with the work.

Keywords: the First World War; refugees; Latvians; Poles; Jews; Yenisei region.

---

[1] **Денис Юрьевич Хоменко** – кандидат исторических наук, руководитель центра историко-патриотического воспитания, Красноярский медицинский техникум (Красноярск, Россия), e-mail: khomenko_denis@mail.ru.

Denis Yu. Khomenko – Doctor of Historical Sciences, Head of the Center for Historical and Patriotic Education, Krasnoyarsk Medical Vocational School (Krasnoyarsk, Russia).

[2] Участие в X Международной научно-практической школе-конференции молодых ученых «История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды» поддержано Красноярским краевым фондом поддержки науки и научно-технической деятельности в рамках Конкурса проектов академической мобильности (II очередь 2022 г.).

Первая мировая война привела к появлению новой социальной категории в России – беженцев. Само это понятие было введено в имперское правовое поле в 1915 г. Изучение беженского движения началось современниками с практическими целями – усовершенствовать систему управления. В Енисейской губернии публикации о беженцах концентрировались в специальном издании: «Вестнике Приенисейского края», который издавался Красноярским обществом Сибирского Общества помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны. Советская историография практически не касалась изучения беженцев. А.С. Кузьменко объясняет такое отсутствие интереса «неудобностью» проблематики недобровольных миграций», поскольку в СССР также имелись практики «депортации, выселения и перемещения целых групп населения» [4, с. 5]. В современной российской исторической науке существует интерес к изучению беженского движения в годы Первой мировой войны. На региональном уровне следует выделить работы А.С. Кузьменко, И.П. Павловой, Т.А. Катциной, Л.Э. Мезит [8; 9; 10]. Однако этнический контекст по сей день недостаточно исследован, а попытки изучить национальные организации, создававшиеся для помощи беженцам, еще не предпринимались.

Целью статьи является выявление организаций, занимавшихся помощью беженцам из западных окраин в Енисейской губернии, и изучение их деятельности. Под западными окраинами понимаются губернии Царства Польского, Северо-Западного края и Прибалтики. На этих территориях либо велись военные действия, либо они находились близко к фронтовой полосе, поэтому именно оттуда шел основной поток беженцев. Поскольку население западных окраин было полиэтнично, то и в беженском потоке присутствовали лица разных национальностей. Источниковую базу составляют документы Государственного архива Красноярского края и материалы периодической печати.

Общественные организации для помощи беженцам создавались на всероссийском уровне. Одним из первых появился Комитет Великой княжны Татьяны Николаевны (Татьянинский комитет) в 1914 г. Существовали организации, созданные по национальному признаку: Общество помощи бедным семьям поляков, пострадавшим от войны, Центральный еврейский комитет помощи жертвам войны, Латышский центральный комитет по оказанию помощи беженцам и др. [8, с. 75–77].

Организация помощи беженцам в Енисейской губернии началась с телеграммы Сибирского общества помощи больным и раненым воинам на имя красноярского городского головы от 2 августа 1915 г. В телеграмме сообщалось о грядущем потоке беженцев и запрашивались сведения о готовности Красноярска их принять. 10 августа было созвано совещание «из

представителей всех общественных организаций для выяснения вопросов, связанных с прибытием беженцев» [2, л. 44]. Таким образом, вопросы помощи беженцам с самого начала курировались городским самоуправлением и общественными организациями. 24 августа был образован Комитет помощи беженцам, а 23 сентября 1915 г. городская дума приняла его под свою юрисдикцию [2, л. 44 об.].

Аналогичные городские комитеты появились в Ачинске, Канске и Минусинске. В Красноярском, Ачинском и Минусинском уездах создали уездные комитеты под руководством председателей уездных съездов крестьянских начальников. Наконец, общую руководящую функцию взяло на себя Особое совещание под председательством Енисейского губернатора [2, л. 47 об.]. Основная помощь беженцам со стороны городских и уездных комитетов заключалась в обеспечении жильем, деньгами, одеждой и обувью, а также едой. Отмечалось, что многие беженцы занимали иждивенческую позицию и отказывались от предлагаемых им возможностей заработка [2, л. 48 об.].

Общая численность беженцев в Енисейской губернии к 1 марта 1917 г. составила 12 113 человек [2, л. 48]. Еще в августе 1915 г., при формировании Комитета помощи беженцам, отмечалось, что «беженцы в значительной массе составляют жители прирубежных западных земель: латыши, эсты, немцы, поляки и евреи» [3, л. 2]. Известно как минимум о трех общественных организациях, осуществлявших помощь беженцам по национальному признаку: польской, латышской и еврейской.

В годы Первой мировой войны, по данным на 1 марта 1917 г., в Енисейскую губернию прибыло 1 086 поляков. Из них большинство (460 чел.) проживало в Красноярске, еще 26 – в г. Ачинске, трое – в г. Канске. В сельской местности расселились 597 человек [2, л. 48]. Отмечались места наибольшей концентрации польского населения: Николаевская слобода в Красноярске, колония Бариат в Минусинском уезде, села Иланское, Канок и Рыбинское в Канском уезде [2, л. 11]. До 1916 г. в губернии не существовало специального учреждения, оказывавшего помощь полякам, и попечение над ними осуществлялось на общих основаниях. Участие в судьбе польских беженцев приняло Красноярское благотворительное католическое общество, которое в октябре 1915 г. открыло польскую школу для детей беженцев; в ней обучалось около 70 человек [5, с. 33–34]. Весной 1916 г. попечение над польскими беженцами приняло Управление Сибирского района Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского (далее – Польский комитет), назначив в Красноярск специального уполномоченного[1]. Вероятно, в его подчинении имелся незначительный штат, в частности, секретарь [2, л. 11].

[1] В делопроизводственных документах его фамилия написана неразборчиво.

В начале 1917 г. Татьянинский комитет собирал по всей стране экспонаты для выставки изделий, изготовленных беженцами. Ряд предметов был предоставлен Управлением Сибирского района Польского комитета. Большинство предметов изготовили поляки из Западной Сибири. От Енисейской губернии были отправлены живописные картины с сибирскими пейзажами. Отмечено, что их автором был уроженец Волынской губернии, высланный в 1915 г. по распоряжению военных властей. Таким образом, польский уполномоченный оказывал помощь (или, по крайней мере, поддерживал контакты) не только с беженцами, но и с другими лицами польской национальности, проживавшими в Сибири. Это наблюдение подтверждается и тем, что ряд экспонатов («картинки, выжигаемые на дереве») были выполнены австрийским подданным (поляком), эвакуированным в Омск в 1914 г. Следовательно, для названной организации национальная принадлежность оказывалась важнее юридического статуса: Уполномоченные вступали в контакты со всеми поляками, вне зависимости от того, как они оказались в Сибири.

Летом 1916 г. в Красноярске был создан приют для детей польских беженцев. На февраль 1917 г. в нем состояло «29 детей беженцев в возрасте от 6 до 12 лет, причем некоторые из них круглые сироты, а некоторые дети отцов, призванных в действующую армию. Все дети – поляки римско-католического вероисповедания из Варшавской, Люблинской, Гродненской и Виленской губерний» [2, л. 13–13 об.].

На 1 марта 1917 г. в Енисейской губернии числился 801 латышский беженец. Большинство из них поселилось в Красноярске (187 чел.). Из сельских населенных пунктов выделялась д. Каменка-Борисовка (159 чел.). Большое количество беженцев проживало на территории «Заманских колоний» (130 чел.) [2, л. 21][1]. Социальный состав беженцев-латышей характеризовался следующим образом: «батраки, чернорабочие, сельские рабочие, мелкие арендаторы, полузерники… Рига дала десятка два служащих и конторщиков, а Курляндия 5–6 интеллигентов: учителей и учительниц» [2, л. 21 об.]. В прессе сообщалось, что «в Красноярск прибыло несколько беженцев учителей-латышей» [12].

В октябре 1915 г. Латышский центральный комитет по оказанию помощи беженцам латышам (г. Петроград) назначил А.И. Мелналксниса своим уполномоченным по Енисейской губернии. Было организовано Бюро уполномоченного, которое состояло «из местных интеллигентов и представителей беженцев» [2, л. 20–20 об.]. Представляется справедливым вывод о том, что данное Бюро стало первой национальной латышской обществен-

[1] Материалы прессы показывают, что к 1 ноября 1915 г. в губернии находилось до 1 500 беженцев-латышей [1, с. 24]. Вероятно, к марту 1917 г. произошел отток латышей.

ной организацией в Енисейской губернии, хотя оно и распространяло свою деятельность только на беженцев.

Бюро предоставляло беженцам информацию «о свободных хуторах в латышских колониях», «снабдив крестьян беженцев нужными указаниями и советами и необходимой одеждой и пособиями, направляло их в колонии» [2, л. 21 об.]. Бюро распределяло денежные пособия, поступавшие из Центрального латышского комитета. Всего за период с 1 ноября 1915 по 1 января 1917 г. Бюро получило 43 703 руб. 53 коп., абсолютное большинство этих средств были предоставлены Латышским центральным комитетом [2, л. 42 об]. Кроме денежного пособия Бюро выдавало нуждающимся одежду: с 23 октября по 1 декабря 1915 г. было «роздано до 200 пар катанок, 23 теплого платья, 40 пальто, а 4 шт. белья, 15 тепл[ых] шапок и 17 теплых платков» [6, с. 13].

На 1 января 1917 г. на учете Бюро состояло 178 детей школьного возраста, из них 116 обучались в 18 учебных заведениях [2, л. 27–31 об.]. В 1915/1916 учебном году «при Каменской школе, в которую поступило 24 ученика беженца, было открыто школьное общежитие-пансион». Такой же пансион существовал в Клюквенской школе, а в ноябре 1916 г. там был основан приют для детей-сирот. В январе 1917 г. в нем проживало 14 детей [2, л. 22 об.].

Беженцы-латыши стремились организовать собственную культурную жизнь: 13 февраля 1916 г. «проживающие в г. Красноярске латыши и беженцы интеллигенты устроили в зале Общ. Собрания… латышский вечер народных песен, музыки и драмы – в пользу латышских стрелковых батальонов» [13]. Мелналкснис отмечал, что беженское движение способствовало активизации культурной жизни в латышских поселках Енисейской губернии: «в глухих углах тайги устраиваются ПЕРВЫЕ ЛАТЫШСКИЕ [так в тексте. – *Д.Х.*] литературно-драматические и музыкальные вечера» [2, л. 23]. Периодически созывались съезды «уполномоченных и представителей всех латышских беженских организаций Империи» в Петрограде. Один из них состоялся 28–29 декабря 1915 г. Представителем Бюро уполномоченного по Енисейской губернии был направлен К.М. Калнын [13].

Отдельную, относительно малочисленную категорию беженцев составляли евреи. На 1 марта 1917 г. их насчитывалось 70 человек, которые преимущественно проживали в Красноярске (50 чел.) [2, л. 48]. Значительно больше евреев оказалось в Енисейской губернии в качестве выселенцев – лиц, высланных военными властями из зоны боевых действий в административном порядке. В прессе сообщалось, что к 1 января 1916 г. таковых было зарегистрировано 498 человек: 430 мужчин, 34 женщины и 34 ребенка. При этом около половины из них составляли австрийские подданные, высланные при отступлении русской армии из Галиции.

Еврейские общественные организации, существовавшие в губернии, оказывали помощь выселенцам. Например, Общество пособия бедным евреям г. Красноярска «снабжало их теплой одеждой; во время нахождения выселенцев в пересыльной тюрьме… горячей пищей, чаем, сахаром и проч.». Всего заботами красноярского общества в 1915 г. оказались охвачены 75 человек [14, с. 36].

Значительную работу по оказанию помощи этой категории еврейского населения проделало Общество пособия бедным евреям г. Енисейска. В опубликованном отчете оно заострило внимание на том, что эта деятельность была санкционирована енисейским губернатором. Согласно отчету, за август – октябрь 1915 г. Обществу удалось собрать денежные средства в размере 18 485 руб., большая часть которых была предоставлена Петроградским еврейским комитетом помощи жертвам войны (15 000 руб.). Помощь выселенцам оказывалась как непосредственно путем выдачи денег, так и теплой одеждой: пальто на вате, шубы, катанки, шапки и т.д. Вещи и деньги доставлялись специальными уполномоченными, выезжавшими в места водворения выселенцев. Всего, согласно отчету, Общество оказало помощь 319 человекам. При этом отмечалось, что в подсчет не вошли водворенные на жительство в Приангарье и Туруханском крае, поскольку к моменту составления отчета отправленная материальная помощь еще не была туда доставлена. Отмечено также, что эти территории «являются предметом особой заботы Правления» [11, с. 13–16].

Таким образом, в результате беженского движения в годы Первой мировой войны в Енисейской губернии появились первые латышская и польская общественные организации, встроенные в общеимперские аналогичные структуры. Появление национальных общественных организаций отвечало общим тенденциям развития диаспор переселенцев в Сибири. Как отмечает И.В. Нам, в начале XX в. «наряду с конфессиональными социальными институтами создаются светские этнокультурные организации… Процессы диаспорализации в сибирском переселенческом обществе приобретают этническую окраску» [7, с. 42–43].

Структура польской и латышской организаций несколько отличалась: если латышский уполномоченный подчинялся напрямую Петрограду, то в польской организации существовало Управление Сибирским районом – промежуточная структура между центром и губерниями. Существовавшее в Енисейской губернии до Первой мировой войны Римско-католическое общество, несмотря на предпринимавшиеся попытки, не смогло оказать помощь беженцам, сравнимую с деятельностью Польского комитета. Напротив, еврейские общественные организации, созданные в начале XX в., активно помогали прибывавшим соплеменникам. Масштабы их работы,

несомненно, зависели от объемов финансирования. Латышская организация и еврейское общество г. Енисейска наибольшую помощь получали от соответствующих центральных организаций, что и позволяло им осуществлять активную деятельность[1]. Характер помощи во многом совпадал: денежное пособие, теплая одежда, питание, обеспечение школьного образования для детей беженцев. В деятельности латышского Бюро выделялась организация культурной жизни. Еврейские организации не озадачивались созданием отдельной школы.

Польская организация взяла попечение не только над беженцами, но и над административно-высланными поляками. Что касается Бюро уполномоченного Латышского комитета, то не обнаружено сведений о помощи, которая оказывалась бы другим категориям латышского населения, кроме беженцев. Еврейские же общества в основном сконцентрировались на оказании помощи именно выселенцам, что, вероятно, было связано с их многочисленностью (по сравнению с евреями-беженцами). Таким образом, для польской и еврейских организаций этническая принадлежность оказалась важнее, чем официальный статус беженца.

Список источников и литературы

1. Беженцы-латыши // Вестник Приенисейского края. 1915. № 2. С. 23–24.

2. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 3. Оп. 1. Д. 330.

3. ГАКК. Ф. 595. Оп. 25. Д. 218.

4. *Кузьменко А.С.* Недобровольные мигранты в Восточной Сибири в 1914 – феврале 1917 гг. (на примере Енисейской и Иркутской губерний): автореф. дис. … канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2010. 23 с.

5. *Матасов М.* Отчет о деятельности Школьной секции Красноярского Комитета помощи беженцам с 1-го сентября по 15-ое марта 1916 г. // Вестник Приенисейского края помощи больным и раненым воинам, пострадавшим от войны, беженцам и выселенцам и промышленности по снаряжению армии. 1916. № 7-4. С. 32–35.

6. *Мелналкснис А.И.* Отчет о деятельности за время с 23 окт. по 1 дек. 1915 г. // Вестник Приенисейского края. 1915. № 3. С. 12–13.

7. *Нам И.В.* Институционализация этничности в сибирском переселенческом обществе (конец XIX – начало XX в.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: политология, религиоведение. 2014. Т. 10. С. 34–49.

8. *Павлова И.П.* Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны. Красноярск: КрасГАУ, 2003. 152 с.

9. Смена модели и практик социальной помощи в Приенисейской Сибири (1904–1921 гг.) / сост.: Т.А. Катцина, Л.Э. Мезит. Красноярск: КГПУ, 2017. 279 с.

10. Социальное попечение в Сибири (XIX – начало XX в.) в документах и материалах: учеб. пособие / отв.ред. Т.А. Катцина. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 276 с.

[1] Сведения о финансировании польской организации к настоящему моменту не обнаружены.

11. Финансовый и материальный отчет за август, сентябрь и октябрь месяцы 1915 года // Вестник Приенисейского края. 1916. № 6-3. С. 13–16.
12. Хроника // Вестник Приенисейского края. 1915. № 2. С. 19.
13. Хроника // Вестник Приенисейского края. 1916. № 4-1. С. 27.
14. Хроника // Вестник Приенисейского края. 1916. № 5-2. С. 36.

УДК 342.228.3

А.А. Педько[1]

Печати государственных учреждений Российской империи и СССР из собрания ГИМ: эволюция и технические особенности

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформации государственной символики на печатях Российской империи и СССР. Рассматривается Государственный герб Российской империи, и на основе законодательных источников описываются большой, средний и малый государственные гербы. Предпринята попытка проанализировать возникновение государственной символики СССР, и на какого рода печатях она могла использоваться. Сделаны наблюдения о технических особенностях производства печатей двух периодов, о причинах изменения технологии.
Ключевые слова: геральдика; печати Российской империи; Государственный герб; печати СССР; символика СССР.

The state institutions' seals of the Russian Empire and the USSR from the collection of the State Historical Museum: evolution and technical features

Abstract. The article analyzes transformation of state symbols on the seals of the Russian Empire and the USSR. The State Emblem of the Russian Empire is considered on legislative sources. The Large, Medium and Small State Emblems are described in the article. Also author attempts to analyze the emergence of the state symbols of the USSR, and on what kind of seals it could've been used. Technical features of the production of seals of two periods of Russian history and the reasons for technological changes are also considered.
Keywords: heraldry; seals of the Russian Empire; State Emblem; seals of the USSR; symbols of the USSR.

Изучение печатей имеет важное значение. Сопровождая документ, печать является знаком, свидетельствующим о его принадлежности какому-либо лицу или учреждению. С помощью печатей можно определить подлинность документа, проверить и уточнить время его создания, установить авторство. Печати являются в то же время самостоятельным историческим источником.

Оценивая степень научной разработанности темы, следует отметить, что и государственные, и ведомственные печати еще довольно слабо изуче-

[1] **Анастасия Андреевна Педько** – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела нумизматики Государственного исторического музея (Москва, Россия), e-mail: anpova@ya.ru.
Anastasia A. Pedko – Candidate of Historical Sciences, Researcher, State Historical Museum (Moscow, Russia).

ны, и в этой статье будет предпринята попытка систематизировать печати государственных учреждений с опорой на памятники материальной культуры из коллекции Отдела нумизматики Государственного исторического музея. Исследованием государственной символики занимались Е.В. Пчелов, Г.В. Вилинбахов, Л.Е. Шепелев и др. [1; 2; 16; 18; 20; 21; 22; 23], однако ее использование на печатях крайне редко затрагивается в публикациях.

Большинство вещественных источников, рассматриваемых в статье, располагаются в закрытых фондах и недоступны для широкой публики, многие из них ранее не упоминались в научных работах. Помимо вещественных источников из собрания ГИМ в ходе исследования проанализированы дела о государственных печатях, хранящиеся в фонде 136 Российского государственного архива древних актов [19]. В этих материалах кроме описания печатей и свидетельств об их создании можно увидеть оттиски настоящих государственных и ведомственных печатей.

В основе всех печатей лежит государственная печать. Становление изображения на ней формировалось постепенно: лишь к XVII в. изображение всадника, повергающего змия, на одной стороне и двуглавого орла на другой стали называть государственным гербом. Следовательно, с этого периода на русской государственной печати изображался государственный герб. Дальнейшие изменения касались, прежде всего, изменений в государственном гербе, что отражено в Полном собрании законов Российской империи.

В XVIII–XX вв. всадник и двуглавый орел продолжали оставаться основными фигурами государственного герба, а печати отличались лишь незначительными деталями. С 1699 г. после учреждения ордена Св. Андрея Первозванного герб на печатях стал окружаться цепью ордена. Поскольку границы страны расширялись, изменялись и областные эмблемы, и их расположение. Так, гербы Казанского, Астраханского и Сибирского царств стали помещаться на правом крыле орла, гербы царства Польского, великого княжества Финляндского и Тавриды – на левом. Некоторые детали менялись, но основное изображение – двуглавый орел с Георгием Победоносцем на груди – продолжало оставаться неизменным.

В XIX в. со вступлением на престол каждого императора Министерство иностранных дел изготавливало новые государственные печати по утвержденным рисункам. Печати, вышедшие из употребления, передавались в Государственное древлехранилище хартий, рукописей и печатей[1].

Первая основательная геральдическая реформа в России была проведена в 1855–1857 гг. В Департаменте герольдии Сената по инициативе

[1] Под этим названием получила известность коллекция документов, выделенная в 1851 г. в качестве особого отделения Архива Оружейной палаты и переданная в ведение управляющего Московского главного архива Министерства иностранных дел (МГАМИД).

императора было создано Гербовое отделение, которое возглавил барон Б.В. Кене. Он разработал целую систему российских государственных гербов – большой, средний и малый. В своей работе Кене учитывал общепринятые нормы европейской геральдики, благодаря чему государственный герб России был приведен в соответствие с международными правилами. Также изменились изображения орла и Св. Георгия.

11 апреля 1857 г. Александр II утвердил подробное описание государственного герба и государственной печати [11, с. 297]. Вместе с этим последовало утверждение всего комплекта гербов: большого, среднего и малого государственных, титульных гербов членов императорской фамилии и родового герба императора. Одновременно утвердили рисунки большой, средней и малой государственных печатей, ковчегов для печатей, а также печатей главных и низших присутственных мест и лиц, в них состоявших.

31 мая 1857 г. Сенат опубликовал указ с описанием новых гербов и норм их употребления [11, с. 297]. Одновременно утвердили как государственные гербы, так и гербы губерний – всего 110 рисунков, литографированных художником А.К. Беггровым [12, чертежи и рисунки, л. 26–72]. Вслед за этим последовало принятие еще нескольких актов с новыми образцами изображения государственного герба.

Согласно указу Сената, большая печать прикладывалась к государственным законам, учредительным актам, уставам, статутам орденов, манифестам, брачным договорам членов императорской фамилии, грамотам на титул императорского высочества и князя императорской крови, дипломам на княжеское и графское достоинство, грамотам на возведение в патриарший сан каталикоса всех армян, полномочиям, аккредитованиям и отзывам дипломатических лиц при иностранных дворах, патентам на звание консула [11, с. 302]. Средняя печать прикладывалась к грамотам городов и обществ (с подтверждением прав и преимуществ), дипломам на баронское и дворянское достоинство, ратификациям трактатов с иностранными державами и грамотам восточным правителям, грамотам ханам Хивинским и эмирам Бухарским [11, с. 303]. Малая печать прикладывалась к грамотам на пожалование земли, патентам на чин, благоволительным грамотам, грамотам монастырям, на потомственное почетное гражданство, грамотам на тарханское достоинство, ответным грамотам, паспортам, выдававшимся Министерством иностранных дел, аккредитивам, утверждениям договоров и т.п. [11, с. 303].

Среди всех больших государственных печатей из собрания ОН ГИМ выделяется печать императора Александра II, самая крупная по размеру и весу, выполненная из стали в 1860–1870-е гг. [5]. Этот образец считается самым значимым среди других вариантов государственных печатей этого периода. Его вес превышает 60 кг. К документам она прикладывалась не

вручную, а с помощью подъемного механизма и пресса. В центре печати выгравирован большой государственный герб. Главный щит увенчан шлемом Св. Великого Князя Александра Невского – парадным шлемом российских государей. Вокруг щита изображена цепь ордена Св. Андрея Первозванного, а по двум сторонам от щита – Святые Архистратиг Михаил и Архангел Гавриил. Золотая сень, увенчанная императорской короной, усеяна двуглавыми орлами и подложена горностаем, на ней надпись: «С нами Бог!» – девиз российского герба. Над сенью изображена государственная хоругвь, в центре которой повторено изображение герба. Архангелы в качестве щитодержателей, девиз, хоругвь были включены неслучайно – они подчеркивали православный характер Российского государства. По окружности от центрального герба располагались родовой герб императора, а также гербы царств, княжеств и областей. По кругу печати размещался полный императорский титул и перечислялись подчиненные территории[1]. Подчеркну, что как в символике Российского государства, так и в государственных печатях неизменно присутствовали императорская корона, скипетр и держава – регалии, появившиеся при Екатерине II[2].

Новая редакция правил и рисунков государственных гербов была выпущена при Александре III: 24 июля 1882 г. утвердили рисунок большого государственного герба, а 3 ноября того же года – описание герба [13, с. 371, 433–434, рисунки, л. 12]. В законе перечислялись все титулы императора, описывался рисунок герба. Отмечу, что в 1882 г. утвердили три государственных герба – большой, средний и малый, на которых основное изображение оставалось неизменным. Разница была лишь в деталях, в количестве областных гербов и разных дополнительных элементах декора. Гербы Российской империи изображались на трех печатях – большой, средней и малой. В 1882 г. также был обновлен регламент применения этих печатей.

---

[1] «Божіею поспешествующею милостію, Александръ II Императоръ и Самодержецъ Всероссийскій, Московскій, Киевскій, Владимирскій, Новгородскій; Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Польскій, Царь Сибирскій, Царь Херсоніса Таврическаго, Царь Грузинскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Литовскій, Волынскій, Подольскій и Финляндскій; Князь Эстляндскій, Лифляндскій, Курляндскій и Семигальскій, Самогитскій, Белостокскій, Корельскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ; Государь и Великій Князь Новогорода низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Полоцскій, Ростовскій, Ярославскій, Белозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондийскій, Витебскій, Мстиславскій и всея северныя страны Повелитель; и Государь Иверскія, Карталинскія и Кабардинскія земли и области Арменскія; Черкасскихъ и Горских Князей и иныхъ Наследный Государь и Обладатель; Государь Туркестанскій; Наследникъ Норвежскій, Герцогъ Шлезвигъ-Голстинскій, Стормарнскій, Дитмарсенскій и Ольденбургскій и прочая, и прочая, и прочая».

[2] Императорская корона, скипетр и держава были изготовлены к коронации Екатерины II в 1762 г. Этой короной венчали на царство всех последующих государей.

Государственный герб помещали не только на государственные печати. Изображение двуглавого орла присутствовало и на печатях государственных учреждений. В собрании ОН ГИМ насчитывается несколько печатей, принадлежавших Министерству иностранных дел: в центре печати – двуглавый орел с символами власти; на груди орла – щит с Георгием Победоносцем, на плечах – орден Св. Андрея Первозванного; по кругу печати выгравирована надпись: «МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХЪ ДЕЛЪ» [9].

Печати государственных учреждений сильно отличались от государственных печатей. Печатное поле выполнялось из стали, но рукояти могли быть как деревянными, так и стальными, отлитыми в одной форме с матрицей печати. К примеру, сохранившаяся в ОН ГИМ печать, принадлежавшая Государственной коллегии иностранных дел, литая, выполнена из стали. Изображение герба на ней идентично рисунку печати Министерства иностранных дел [8].

На некоторых печатях учреждений периода правления Николая I орел держал в правой лапе громовые стрелы и факел, а в левой – лавровый венец. На груди орла помещался заостренный кверху щит со всадником. Такое изображение имели печати Министерства иностранных дел и его архив [10].

После Февральской революции 1917 г. Временное правительство не разработало новой государственной символики. Оно лишь несколько изменило старый герб. Изображение двуглавого орла сохранилось, но с опущенными крыльями, без корон и всадника, поражающего змия, а также без гербов, входивших в императорский титул. На новом гербе отсутствовали царские регалии. Внизу под орлом изображалось здание Таврического дворца, где заседала Государственная дума [6]. Печать Временного правительства была очень лаконичной, с минимальным количеством декоративных элементов.

С появлением СССР печати как важнейшие предметы в служебной деятельности служащих претерпели значительные изменения. В них нашли отражение новые символы государства. После прихода к власти первое время большевики использовали старый герб с двуглавым орлом. 24 января 1918 г. секретарь СНК Н.П. Горбунов обратился во Всероссийский союз мастеров и техников фабрично-заводских предприятий с просьбой разработать новую печать Российской республики с последующим обсуждением ее на правительственном съезде [16, с. 35–36.]. 18 июня 1918 г. на заседании СНК было заслушано сообщение Я.М. Свердлова «О советской печати». Утвержденный проект имел следующий вид: в центре на щите-картуше, обрамленном ржаными колосьями, перекрещенные серп и молот; внизу

в виньетке текст: «ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!»[1], а по окружности: «РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА» [16, с. 42]. Разработкой печати также занимался Народный комиссариат просвещения. В мае 1918 г. Отдел искусств Наркомпроса организовал конкурс на разработку герба Российской республики. По его условиям, изображение должно было содержать фигуры рабочего и крестьянина, текст «РСФСР», орудия труда, лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Герб РСФСР включал помещенные на красном фоне в лучах солнца изображения золотых серпа и молота с перекрещенными рукоятками, окруженные венцом из колосьев с надписями «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика» и «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Герб почти полностью повторял печать, различия заключались в наличии солнечных лучей и в точном указании цветов. Его рисунок для первого издания Конституции выполнил художник-медальер петроградского монетного двора А.Ф. Васютинский. Серп и молот символизировали нерушимый союз рабочих и крестьян; красный цвет – революцию, творческое созидание, борьбу; солнце – благородную цель построения коммунизма; венок пшеницы – мирный созидательный труд и благополучие державы; девиз – интернациональный союз рабочих всего мира [16, с. 60].

Вид герба РСФСР сложился не сразу. Изображение аббревиатуры «Р.С.Ф.С.Р» вместо полного наименования было установлено Конституцией, принятой 11 мая 1925 г. XII Всероссийским съездом Советов, статья 87 которой гласила: «Государственный герб Российской Социалистической Федеративной Советской Республики состоит из изображения на красном фоне в лучах солнца золотых серпа и молота, помещенных крест-на-крест, рукоятки книзу, окруженных венцом из колосьев, с надписью: “Р.С.Ф.С.Р.” и “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!”» [4, с. 32].

На печати Окружной избирательной комиссии по выборам в Совет национальностей от Белорусской ССР, хранящейся в ОН ГИМ, также присутствует устаревшая символика [7]. В центре печати расположен герб Белорусской ССР, но серп и молот «парят» в солнечных лучах. Эта печать, наряду с другими печатями этого периода, выполнена из резины, прикрепленной с помощью клея на деревянную рукоятку. Упрощение технологии, в отличие от печатей имперского периода, происходило неслучайно. Во-первых, печати после использования необходимо было утилизировать. Во-вторых, господствовавшая идеология требовала удешевления производства.

---

[1] Девиз «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», ставший государственным в Советской России, возник благодаря К. Марксу и Ф. Энгельсу и впервые прозвучал в 1847 г. на Лондонском конгрессе Союза коммунистов.

Постановление ЦИК и СНК СССР от 17 июля 1925 г. определило право пользования печатью с государственным гербом Союза ССР и с изображением наименования соответствующего учреждения или лица (ЦИК СССР, его Президиума, СНК СССР и др.) [15]. Печатью могли пользоваться главы центральных учреждений, секретарь ЦИК СССР, центральные, местные и заграничные органы народных комиссариатов с особого разрешения соответствующего народного комиссара. Печати с государственным гербом СССР изготавливались лишь по особым удостоверениям административных отделов губернских исполнительных комитетов (или соответствующих им органов) в губернских городах и их уездах и президиумов уездных исполнительных комитетов (или соответствующих им органов). Граверные мастерские обязаны были вести книги заказов печатей и сохранять все документы, на основе которых печати производились. В случае утраты печати с государственным гербом, учреждения и должностные лица немедленно сообщали соответствующим органам и давали публикацию об этом в официальные органы печати [15]. Если печать лежала без надобности, ее нужно было уничтожить.

Согласно Постановлению от 17 июля 1925 г., следовало создать в кратчайшие сроки необходимое количество граверных мастерских и сосредоточить изготовление печатей и штампов в мастерских народных комиссариатов в союзных республиках [15]. Другим организациям изготавливать печати и штампы запрещалось. Открытие мастерских и прием заказов производились с разрешения органов НКВД СССР, а готовые изделия выдавались только ответственным представителям учреждения, сделавшего заказ, по установленной доверенности за подписью руководителя [14].

Существует единственный законодательный акт, детально описывающий порядок функционирования штемпельно-граверных предприятий (мастерских) по изготовлению печатей и штампов в СССР [17]. Штемпельная мастика и чернила производились на местных фабриках союзных республик по специальной рецептуре Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР. Все государственные учреждения и общественные организации заполняли важные документы (паспорта, удостоверения личности, членские билеты и т.д.) только специальными чернилами и при засвидетельствовании их печатью пользовались специальной мастикой. Право пользования печатями с государственным гербом РСФСР предоставлялось ВЦИК, его Президиуму, председателю и секретарю, а также краевым, областным, окружным и районным исполкомам, районным, городским и сельским советам, народным комиссариатам автономных республик и отделам местных исполкомам, всем судебным органам РСФСР, прокурорам, следователям, судебным исполнителям и нотариальным конторам и т.д. [3].

Подводя итоги, следует отметить, что создание и модернизация печатей отражали развитие государства и результаты проводимых реформ. Государственная печать являлась важным элементом государственного управления и несла в себе глубокий политический смысл. Изменения в административно-территориальном делении, возникновение одних органов власти, упразднение других – все это находило отражение в оформлении печатей.

Список источников и литературы

1. *Вилинбахов Г.В.* Государственный герб России. 500 лет. СПб.: Славия, 1997. 167 с.

2. *Вилинбахов Г.В.* Родословная российского герба // Родина. 1993. № 1. С. 15–24.

3. Декрет СНК РСФСР «О порядке пользования печатями с Государственным гербом» от 6 июля 1922 г. // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1355.htm (дата обращения: 12.09.2022).

4. Конституция (Основной закон) РСФСР: с изменениями, принятыми XIII Всероссийским Съездом Советов 15 апреля 1927 года и XIV Всероссийским Съездом Советов 18 мая 1929 года. М.: Изд-во Власть Советов при Президиуме ВЦИК, 1929. 32 с.

5. Отдел нумизматики ГИМ (ОН ГИМ). ГИМ 93364 / 25 КР ОН 816678. Большая Государственная печать императора Александра II. Сталь. Ширина с ручками – 355 мм.

6. ОН ГИМ. ГИМ 93365 / КР ОН 816693. Печать Временного правительства. Сталь. Диаметр 82 мм.

7. ОН ГИМ. ГИМ 93366 / КР ОН 898706. Печать Окружной избирательной комиссии по выборам в Совет национальностей от Белорусской ССР. Резина, н/д металл, дерево. Размер: 42х42х71 мм.

8. ОН ГИМ. ГИМ 97257 / КР ОН 1017532. Печать Государственной коллегии иностранных дел. Сталь. Размер: 35х35х103 мм.

9. ОН ГИМ. ГИМ 97257 / КР ОН 1017543. Печать Министерства иностранных дел. Сталь, дерево. Размер: 34х34х82 мм.

10. ОН ГИМ. ГИМ 97257 / КР ОН 1017548. Печать Архива Министерства иностранных дел. Сталь, дерево. Размер: 35х35х85 мм.

11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е: [с 12 декабря 1825 г.]. Т. 32. Отд.1. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К, 1857. 1066 с.

12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е: [с 12 декабря 1825 г.]. Т. 32. Отд.2. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К, 1857. 697 с., 178 л.

13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е: [с 1 марта 1881 г.]. Т. 2. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К, 1882. 1139 с., 15 л.

14. Постановление СНК СССР «Об изготовлении печатей и штампов и пользовании ими» от 21 июля 1935 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР. 1935. № 40. С. 341.

15. Постановление СНК СССР «О пользовании печатью с государственным гербом Союза ССР» от 17 июля 1925 г. // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2564.htm (дата обращения: 12.09.2022).

16. *Поцелуев В.А.* Гербы Союза ССР. М.: Издательство политической литературы, 1987. 166 с.

17. Приказ МВД СССР «Об утверждении инструкции о порядке открытия штемпельно-граверных предприятий (мастерских), изготовления печатей и штампов» от 13 февраля 1978 г. // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_9562.htm (дата обращения: 12.09.2022).

18. *Пчелов Е.В.* Герб России. М.: Исторический музей, 2018. 100 с.

19. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 136. Оп. 1. Д. 31.

20. *Сапрыков В.Н.* Государственная символика регионов России. М.: Парад, 2004. 95 с.

21. *Соболева Н.А.* Старинные гербы Российских городов. М.: Наука, 1985. 176 с.

22. *Хорошкевич А.Л.* Герб, флаг и гимн: из истории государственных символов Руси и России. М.: Время, 2008. 189 с.

23. *Шепелев Л.Е.* Геральдика России: XVIII – начало XX века. СПб.: Аврора, 2003. 400 с.

II. Отечественная история XX – начала XXI в.

УДК 94(47).084.3

И.А. Концевой[1]

Динамика представительства большевиков и левых эсеров в губернских органах власти (март – июль 1918 г.)

Аннотация. Статья посвящена анализу динамики представительства большевиков и левых эсеров в губернских исполнительных комитетах в первой половине 1918 г. Автор восстанавливает партийный состав нескольких десятков губисполкомов на начало июля 1918 г. Показывается изменение представительства политических сил в отдельных регионах Европейской России и делаются выводы о характере изменений в соотношении большевиков и левых эсеров. Автор приходит к заключению, что увеличение представительства левых эсеров в губернских органах власти позволяло этой партии наравне с большевиками участвовать в управлении губерниями.
Ключевые слова: большевики; левые эсеры; губернские советы; двупартийность; исполкомы; региональная история, революция.

The dynamics of the representation of the Bolsheviks and the Left Social Revolutionaries in the provincial authorities (March – July 1918)

Abstract. The article analyzes the dynamics of the representation of the Bolsheviks and the Left Socialist Revolutionaries in the provincial executive committees in the first half of 1918. On the basis of data on the party affiliation of the provincial executive committees, the author restores the party composition of several dozen provincial executive committees. Also in the article, the author studies the dynamics of party representation in certain regions of European Russia and draws conclusions about the nature of the changes that occurred in the party relationship between the Bolsheviks and the Left Socialist Revolutionaries. The author concludes that the increase in the representation of the Left Socialist Revolutionaries in the provincial authorities allowed this party to participate in the management of the provinces on an equal footing with the Bolsheviks.
Keywords: the Bolsheviks; the Left SRs; provincial Soviets; dual-party system; executive committees; regional history; revolution.

Изучение истории «долгой» революции 1917 г., несмотря на прошедшее столетие, остается актуальным, поскольку позволяет понять и проанализировать причины установления в России однопартийной системы. Исследованию вопросов партийного представительства большевиков и левых

[1] **Илья Анатольевич Концевой** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории региональной истории России НИУ ВШЭ (Москва, Россия), e-mail: ilkontsevoy@gmail.com.

Ilya A. Kontsevoy – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Laboratory of Regional History of Russia, Higher School of Economics (Moscow, Russia).

социалистов-революционеров в региональных органах советской власти посвящено множество работ. Однако, невзирая на активное изучение данной проблематики, все еще находятся малоисследованные аспекты. Один из них – динамика партийного состава губернских исполкомов (ГИКов) в первой половине 1918 г. Данный вопрос актуален, поскольку на настоящий момент не существует комплексного исследования представительства партий в губернских исполкомах Европейской части России и Урала.

Научное исследование партийного состава исполкомов началось непосредственно после окончания событий 1917–1918 гг. Одним из первых такие данные собрал М.Ф. Владимирский [2]. Современные историки до сих пор обращаются к его работам, однако представленные в них данные отличаются существенной неполнотой. Партийное представительство на региональном уровне активно изучалось в 1960–1980-е гг. В свет вышли работы К.В. Гусева и Х.А. Ерицяна [3], Л.М. Спирина [14], Л.И. Егоровой [4] и Л.Ф. Болтенковой [1]. На основе архивных документов и материалов периодической печати авторы установили партийный состав более 20 губисполкомов в период с марта по июль 1918 г. Большой вклад внесли авторы, занимавшиеся рассмотрением событий 1917–1918 гг. на отдельных территориях РСФСР. В исследованиях М.И. Шумилова [15], Н.П. Марченковой [9] и Н.К. Кононова [7] представлены новые данные о партийности региональных съездов советов и исполкомов в губерниях Европейской России.

В постсоветский период в связи с «архивной революцией» 1990-х гг. не осталось преград в изучении рассматриваемой проблематики, что привело к расширению источниковой базы исследований. А.А. Смирнова на основе документов смогла точно определить состав губернских и уездных съездов советов и исполкомов Северной области [13]. Исторические знания о деятельности партии левых эсеров в регионах России существенно обогатили работы А.И. Юрьева [16] и М.И. Люхудзаева [8]. Однако в связи с концентрацией исследователей на изучении региональной истории не проведено систематизации информации о партийном составе губернских исполкомов в контексте формирования советской политической системы. Я попытаюсь обобщить данные о партийном составе губисполкомов Европейской части России и Уральского региона на основе сведений советской и постсоветской историографии, материалов периодической печати и документальных источников.

После свержения Временного правительства система советов в России не представляла собой единое целое. Отдельно существовали советы рабочих и солдатских депутатов и советы крестьянских депутатов. Укрепление власти Совнаркома способствовало преобразованию советов в орга-

ны власти, включавшие в себя представителей трех вышеуказанных категорий населения. В январе 1918 г. состоялся III Всероссийский съезд Советов, который сформировал единые высшие органы власти из представителей рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [12, с. 66]. По образцу съезда стали формироваться и региональные органы советской власти. Объединение советов подразумевало проведение губернских съездов делегатов от рабочих, крестьян и армии. Создание единых советов является точкой отсчета, которая позволяет проанализировать представительство советских партий на региональном уровне.

Возникновение объединенных советов и их исполнительных органов – исполкомов – сопровождалось борьбой между большевиками и их союзниками, левыми социалистами-революционерами-интернационалистами (ПЛСР(и)), против умеренных социалистических партий (эсеров и меньшевиков). В некоторых регионах большевикам и их союзникам приходилось образовывать ревкомы или военно-революционные комитеты и разгонять советы, у руководства которых стояли оппоненты [6, с. 29].

К середине марта 1918 г. в большинстве регионов Европейской части России губернские советы оказались объединены. Данные об их партийном составе говорят о значительном преобладании большевиков и левых эсеров над иными социалистическими партиями. Х.А. Ерицян установил точный состав 17 губсоветов накануне созыва IV чрезвычайного Всероссийского съезда советов (март 1918 г.): из 1600 депутатов большевиками являлись 1065 человек (66,5 %), левыми эсерами – 310 (19,3 %), беспартийными – 87 (5,4 %), представителями других социалистических партий (эсеры, меньшевики, максималисты, анархисты) – 138 (8,6 %) [5, с. 190]. Кое-где большевики имели абсолютное превосходство над левыми эсерами и умеренными социалистами. Так, во Владимирском совете из 23 членов 21 принадлежал к РКП(б), а еще два были анархистами. В Смоленском совете из 90 членов большевики составляли 80, а левые эсеры – 8. Из 174 членов Пензенского совета 140 представляли большевиков, а левых эсеров – лишь двое, остальные 37 принадлежали к умеренным социалистическим партиям. В Тверском совете 80 из 95 членов были большевиками, левых эсеров представляли 15 человек [5, с. 190]. В некоторых губерниях левые эсеры, напротив, имели сильные позиции. Так, к этой партии принадлежали 25 из 60 членов Олонецкого и 65 из 120 членов Омского советов [5, с. 190].

Умеренные социалисты в отдельных регионах России еще входили в губернские советы. Из 230 членов Нижегородского совета 30 были эсерами или меньшевиками. Сильные позиции у эсеров сохранялись в Олонецкой губернии, где из 60 членов совета эту партию представляли 10 [5, с. 190]. Однако по мере укрепления левоэсеровской организации кре-

стьянское население переориентировалось на поддержку ПЛСР(и) как альтернативной политической силы, стоявшей на платформе советской власти. В марте 1918 г. наибольшее число беспартийных насчитывалось в Самарском и Нижегородском советах [5, с. 190].

К лету объединительные съезды советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов состоялись в большинстве регионов Центральной России и Урала. На них были образованы губернские органы власти – исполкомы. Их партийный состав в апреле – июле 1918 г. представляет значительный интерес, поскольку его можно сравнить с составом губернских советов в марте того же года.

На основе данных из работ советских исследователей, материалов периодической печати и документальных источников можно установить точный состав 36 губисполкомов Европейской части России и Уральского региона.

Таблица 1

Динамика партийного состав губисполкомов в первой половине 1918 г.

Временной период	Партийность членов исполкомов			
	РКП(б)	**ПЛСР(и)**	**Беспартийные**	**Прочие**
Март 1918 г.	1065	310	87	138
в %	66,5%	19%	5,4%	8,6%
Начало июля 1918 г.	859	435	61	24
в %	62,3%	31,5%	4,4%	1,7%
Разница	**-4,2%**	**+12,5%**	**-1%**	**-6,9%**

Составлено по: [1, с. 54; 4, с. 57–58; 5, с. 190; 7, с. 185; 8, с. 215; 9, с. 239; 10, с. 132; 11, с. 111; 13, с. 275–277].

К июлю 1918 г. в РКП(б) состояло 859 членов губисполкомов (62,3 %), в ПЛСР(и) – 435 (31,5 %), беспартийными считались 61 (4,4 %), а членами других социалистических партий – 24 (1,7 %). Несмотря на значительное представительство левые эсеры лишь в некоторых регионах могли оказывать значительное влияние на принятие решений. Тем не менее члены этой партии вместе с большевиками участвовали в управлении губерниями, что являлось характерной чертой советской двухпартийности.

Беспартийные были представлены слабо. Этот факт может объясняться недоверием к таковым со стороны большевиков. Под видом беспартийных в губисполкомы могли попадать члены умеренных социалистических партий, которые уже редко избирались в их состав. В органах власти большинства губерний Центральной России и Урала эсеры и меньшевики либо

вовсе не были представлены, либо входили в их состав в единичном количестве.

Несмотря на начало политики продовольственной диктатуры и некоторое падение уровня поддержки РКП(б), большевики сохраняли лидирующие позиции в губернских органах советской власти. Партия левых социалистов-революционеров осталась единственной социалистической партией, способной конкурировать с ними. Рост популярности левых эсеров вызывался недовольством политикой РКП(б) со стороны крестьянства и присоединением к ПЛСР(и) выходцев из различных слоев населения, ранее поддерживавших эсеров. Если в марте левыми эсерами были 19 % членов губисполкомов, то к июлю эта доля увеличилась до 31,5 % (см. табл. 1). Значительный рост влияния левоэсеровской партии делал неизбежным противостояние с большевиками в борьбе за определение политического курса.

Таблица 2

Динамика партийного состава губисполкомов в марте – июне 1918 г. (отдельные губернии)

	Март 1918 г.				**Начало июля 1918 г.**			
Губерния	**РКП(б)**	**ПЛСР(и)**	**Бесп.**	**Проч.**	**РКП(б)**	**ПЛСР(и)**	**Бесп.**	**Проч.**
Владимирская	21			2	19	3		1
в %	**91,3**			**8,7**	**82,6**	**13**		**4,3**
Вологодская	120	30	11	33	14	8		
в %	**61,9**	**15,5**	**5,7**	**17**	**58,3**	**33,3**		
Вятская	70	10			20	19	10	
в %	**87,5**	**12,5**			**40,8**	**38,8**	**20,4**	
Костромская	90	30			21	20		
в %	**75**	**25**			**51,2**	**48,8**		
Олонецкая	25	25		10	11	18		1
в %	**41,7**	**41,7**		**16,7**	**37,9**	**62**		**3,2**
Пензенская	140	2		32	18	22		
в %	**80,4**	**1,1**		**18,4**	**45**	**55**		

	Март 1918 г.				Начало июля 1918 г.			
Губерния	**РКП(б)**	**ПЛСР(и)**	**Бесп.**	**Проч.**	**РКП(б)**	**ПЛСР(и)**	**Бесп.**	**Проч.**
Петроградская	25	15			17	11		
в %	**62,5**	**37,5**			**60,7**	**39,2**		
Саратовская	25	10	5	10	55	23		3
в %	**50**	**20**	**10**	**20**	**67,9**	**28,3**		**3,7**
Тверская	80	15			22	18	2	1
в %	**84,2**	**15,8**			**51,2**	**41,9**	**4,7**	**2,3**
Тульская	30	13		2	53	31	1	1
в %	**66,7**	**28,9**		**4,4**	**61,6**	**36**	**1,1**	**1,1**

Составлено по: [1, с. 54; 4, с. 57–58; 5, с. 190; 7, с. 185; 8, с. 215; 9, с. 239; 10, с. 132; 11, с. 111; 13, с. 275–277].

Крайне любопытным является изменение представительства большевиков и левых эсеров в отдельных губернских органах власти. Так, в некоторых губерниях процентное соотношение членов губисполкомов от большевиков и от левых эсеров изменилось значительно. В Пензенском совете в марте 1918 г. большевики составляли 80,4 % его членов, а к концу июня – только 45 %. В Олонецкой губернии в марте фракции большевиков и левых эсеров были равны по численности, а к июлю члены ПЛСР(и) составляли 60,7 %. Левые социалисты-революционеры значительно увеличили численность фракций в главном органе власти Вятской губернии (с 12,5 до 38,8 %), а также в Тверской (с 15,8 до 41,9 %). Процент представителей РКП(б) сократился с 70 до 40,8 в Вятской губернии и с 84,2 до 51,2 в Тверской (см. табл. 2). Незначительно процент большевистских фракций изменился во Владимирском, Вологодском, Петроградском и Тульском губисполкомах. Это может объясняться тем, что в данных губерниях (за исключением Вологодской) РКП(б) имела сильные позиции за счет поддержки со стороны значительного числа рабочих. В Саратовской губернии большевики даже несколько укрепили позиции: процент членов РКП(б) в губисполкоме возрос с 50 до 67,9 %. Это может объясняться потерей влияния умеренных социалистических партий и беспартийных, которые до лета имели значительное представительство (30 %).

Реконструкция представительства партий в губисполкомах показывает, что к июлю 1918 г. РКП(б) и ПЛСР(и) занимали господствующее по-

ложение в региональных органах советской власти. Этот факт свидетельствует о формировании двухпартийной основы советской государственной модели, предполагавшей приоритетное участие в управлении губерниями членов двух партий, которые несли ответственность за принятие политических решений. Влияние иных социалистических партий и беспартийных на управление губерниями оказалось незначительным. РКП(б) пользовалась поддержкой большинства населения Центральной России и Урала. Однако существенная поддержка ПЛСР(и) говорит о том, что жители РСФСР нуждались в альтернативе РКП(б). Дальнейшее исследование рассматриваемой проблематики представляет актуальность для исторической науки, поскольку малоизученной остается история формирования советской власти на периферийных окраинах России – в отдельных областях Сибири и на Дальнем Востоке. Также является важным изучение революционных процессов на территориях Украины, Донской и Кубанской областей, где политическая обстановка была гораздо более турбулентной.

Список источников и литературы

1. *Болтенкова Л.Ф.* Роль НКВД в победе большевистского влияния в Советах на местах (октябрь 1917 – 1918 гг.) // Великая Октябрьская социалистическая революция и вопросы истории государства и права / [отв. ред. Ю.П. Титов]. М.: ВЮЗИ, 1989. С. 47–57.

2. *Владимирский М.Ф.* Советы, исполкомы и съезды Советов (материалы к изучению строения и деятельности органов местного управления): в 2 вып. Вып. 2. М.: Госиздательство, 1921. 64 с.

3. *Гусев К.В., Ерицян Х.А.* От соглашательства к контрреволюции. М.: Мысль, 1968. 447 с.

4. *Егорова Л.И.* V Всероссийский съезд Советов и местные органы советской власти (ноябрь 1917 – ноябрь 1918 гг.): дис. … канд. ист. наук. М., 1968. 314 л.

5. *Ерицян Х.А.* Советы крестьянских депутатов в Октябрьской революции. М.: Соцэкгиз, 1960. 191 с.

6. *Ильин Ю.А.* Советская власть и крестьянство (октябрь 1917 – март 1919 гг.). Иваново: Издательство ИвГУ, 1998. 193 с.

7. *Кононов Н.К.* Борьба коммунистической партии против левых эсеров за крестьянство в первый год советской власти (по материалам Центрально-Черноземных губерний): дис. … канд. ист. наук. М., 1968. 279 л.

8. *Люхудзаев М.И.* Левые эсеры в политической жизни Урала в 1917–1918 гг.: дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2001. 263 л.

9. *Марченкова Н.П.* Тактика блока большевиков с левыми эсерами в период подготовки, победы и развития Октябрьской социалистической революции (на опыте Московской областной партийной организации): дис. … канд. ист. наук. М., 1977. 252 л.

10. Очерки истории Оренбургской областной организации КПСС. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1973. 594 с.

11. *Сахранов В.Р.* Первый съезд советов Донской советской республики в контексте общероссийской внутри- и внешнеполитической повестки // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2020. № 4. С. 107–113.

12. *Сивохина Т.А.* Политические партии в послеоктябрьской России: сотрудничество и борьба. М.: Издательство МГУ, 1995. 160 с.

13. *Смирнова А.А.* Партия левых социалистов-революционеров (эсеров) в октябре 1917 – 1918 гг. (на материалах Северной области): дис. … канд. ист. наук. СПб., 1993. 284 л.

14. *Спирин Л.М.* Классы и партии в гражданской войне в России (1917–1920 гг.). М.: Наука, 1968. 438 с.

15. *Шумилов М.И.* Октябрьская революция на Севере России. Петрозаводск: Петрозаводский ун-т им. О.В. Куусинена, 1973. 338 с.

16. *Юрьев А.И.* Эсеры на историческом переломе (1917–1918 гг.). М.: Кучково поле, 2011. 333 с.

УДК 94(470+571) «1918/1919»

Д.Л. Шереметьева[1]

Массовая политическая коммуникация на востоке России в фокусе публичных выступлений премьер-министра антибольшевистских правительств П.В. Вологодского (30 июня 1918 – 22 ноября 1919 г.)

Аннотация. Публичные выступления председателя Совета министров Временного Сибирского правительства, Временного Всероссийского правительства и Российского правительства П.В. Вологодского осуществлялись преимущественно в форме живых интервью с журналистами влиятельных частных общественно-политических изданий. Он уверенно коммуницировал с прессой широкого идейно-политического спектра контрреволюции и оставался приверженцем политического диалога на всем протяжении Гражданской войны.

Ключевые слова: политическая коммуникация; П.В. Вологодский; контрреволюция; Российское правительство; Гражданская война.

Political communication in the East of Russia during the Civil War as exemplified by the speeches of the Chairman of anti-Bolshevik governments P.V. Vologodsky (June 30, 1918 – November 22, 1919)

Abstract. Public speeches by the Chairman of the Council of Ministers of the Provisional Siberian Government, the Provisional All-Russian Government and the Russian Government P.V. Vologodsky were carried out mainly in the form of interviews with journalists of influential socio-political publications. He confidently communicated with the press on a wide ideological and political spectrum of the counter-revolution and remained committed to political dialogue throughout the Civil War.

Keywords: political communication; P.V. Vologodsky; counter-revolution; the Russian Government; Civil War.

В кризисные исторические эпохи неопределенность будущего вызывает всеобщую тревожность и обостряет внимание к происходящему. В связи с этим значимость массовой коммуникации многократно повышается. Для истории массовой информации мощным вызовом стала Первая мировая война. Она породила государственную пропаганду глобальных масштабов.

[1] **Дарья Леонидовна Шереметьева** – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия), e-mail: dalas83@yandex.ru.

Daria L. Sheremeteva – Candidate of Historical Sciences, Junior Researcher at the Institute of History, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia).

Этот неоднозначный опыт спровоцировал широкий спектр социальных реакций – от полного его отрицания до принятия и усовершенствования. Показательными в этом смысле стали революции и Гражданская война в России. В 1917–1922 гг. здесь были реализованы как интенции полной свободы слова, так и стремление к тотальному подчинению информосферы государству.

Научное осмысление широкого диапазона и исключительной динамики изменений в функционировании массовой коммуникации на территории бывшей Российской империи происходило неравномерно. Наибольшее внимание исследователей привлекал большевистско-советский вариант организации системы массовой информации, санкционированной и контролируемой государственной властью. Он стал основанием для построения нескольких социологических концепций [16; 18]. Антибольшевистские же системы массовой информации мыслились преимущественно как слабые, неэффективные и потерпевшие поражение. Исследования, проводившиеся с упором на изучение государственных институтов массовой информации, истории их организации, внутренних структур, форм работы, количественных результатов деятельности, ключевых идеологем и мифологем, подтверждают этот тезис [13; 14; 20; и др.]. Однако политическая коммуникация в условиях антибольшевистских политических режимов бытовала преимущественно вне рамок государственной пропаганды [15]. Поэтому доминирующий в историографии ракурс представляется недостаточным. Более тонкая диагностика механизмов политической коммуникации возможна на основании изучения публичных практик политических лидеров.

Ключевой политической фигурой на востоке России на протяжении Гражданской войны был председатель Совета министров Временного Сибирского правительства, затем Временного Всероссийского правительства и Российского правительства Петр Васильевич Вологодский (1863–1925) [6; 12]. Он занимал первостепенные позиции в органах государственной власти контрреволюции с 30 июня 1918 по 22 ноября 1919 г.

Основные вехи биографии Вологодского хорошо известны, хотя в историографии встречаются ошибки в определении его политической принадлежности. Коренной сибиряк, с высшим юридическим образованием, имел опыт государственной службы, работал в судебной системе и преуспел на поприще адвокатуры. Много внимания Вологодский уделял общественно-политической деятельности. В начале Революции 1905 г. он был близок к эсерам, потом избирался депутатом Государственной думы второго созыва от прогрессистов, затем оставался беспартийным сибирским областником. Периодическую печать он всегда считал важной составляющей жизни общества и сам работал корреспондентом, публицистом

и редактором ряда повременных изданий. Поэтому хорошо знал прессу изнутри и имел связи в журналистском сообществе.

Полномасштабная Гражданская война, начавшаяся в конце мая 1918 г., застала Вологодского на скромной позиции редактора омского кооперативного журнала. Тем не менее как избранник Сибирской областной думы и фигура, обладавшая известностью и пользовавшаяся уважением в различных общественно-политических кругах, он был выдвинут на ведущую роль в антибольшевистском движении.

На посту председателя Совета министров Вологодский пользовался сформированными навыками и имевшимися у него многолетними социальными связями, в том числе в публичной сфере. Он много выступал на заседаниях, встречах, банкетах и других мероприятиях, но основной формой его публичной деятельности стали «беседы» с журналистами общественно-политических газет.

Жанр интервью был относительно новым для Вологодского, так как до революции он использовал его лишь однажды. Поэтому премьер-министр не выступал в прессе до тех пор, пока Временное Сибирское правительство не столкнулось с острым политическим кризисом, а он сам не оказался далеко от эпицентра событий, в поездке на Дальний Восток. Первый опыт интервью был вынужденным и спонтанным. «Беседа», опубликованная в красноярской газете «Воля Сибири» 13 сентября 1918 г., оказалась провальной, вызвав усиление общественной критики в сторону правительства и лично премьер-министра [21, с. 94]. Однако Вологодский осознал, что такая форма коммуникации имеет сильную обратную связь, и стал ее активно использовать.

В качестве председателя Совета министров антибольшевистских правительств Вологодский давал развернутые интервью русскоязычной прессе не менее 13 раз и провел не менее пяти бесед с иностранными корреспондентами. Кроме того, в виде «интервью П.В. Вологодского» было опубликовано три текста, составленных в аппарате Временного Всероссийского правительства и Российского правительства адмирала А.В. Колчака и санкционированных премьер-министром, а также серия общественно-политических статей редактора влиятельной частной томской газеты «Сибирская жизнь» А.В. Адрианова. Большинство своих «живых» интервью Вологодский дал с сентября 1918 по январь 1919 г., в условиях напряженной борьбы за власть в лагере контрреволюции [1–5; 8–11; 13; 17; 18].

Вологодский преимущественно лично, без посредников взаимодействовал с крупными влиятельными общественно-политическими изданиями, представлявшими широкий идейно-политический спектр контрреволюции – от эсеров (орган Сибирского краевого комитета партии эсеров

«Голос народа») до правых кадетов (частная общественно-политическая новониколаевская газета «Русская речь»). При этом чаще и содержательнее он общался с теми, кто персонально его поддерживал: редактором «Сибирской жизни» и сотрудниками омской «Зари», представлявшими так называемый политический «центр» контрреволюции на востоке России. Примечательно, что для официальных правительственных газет были сделаны четыре публикации от имени Вологодского, но только одна из них являлась интервью в настоящем смысле слова. Премьер-министр, по всей вероятности, придерживался расхожего мнения, что население больше верило частной прессе, чем государственной [7, с. 521].

Инициаторами интервью выступали как журналисты, так и сам Вологодский. Запросы на коммуникацию возникали ситуативно, с обеих сторон. Общение происходило без бюрократических согласований и режиссуры. Большинство текстов оформляли сами журналисты или редакторы газет.

Ключевые интервью премьер-министр дал в трудных политических условиях, когда испытывал реальные или мнимые угрозы собственной отставки и / или распада Совета министров. В режиме импульсивного диалога он «отвечал» на вызовы политических оппонентов и «запрашивал» поддержку сторонников.

Магистральной тематикой интервью Вологодского были история, состав, задачи и результаты работы Совета министров. Премьер-министр последовательно защищал этот институт и отстаивал его интересы. О себе говорил преимущественно в контексте деятельности правительств, для объяснения, оправдания или рекламы государственной политики. Поэтому большинство интервью нужно рассматривать как борьбу за сохранение власти, в первую очередь, Совета министров.

Если обратиться к таким актуальным историографическим сюжетам, как образы войны, врагов и героев, репрезентация власти, то интервью Вологодского дают для исследования специфическую и небогатую информацию. Словосочетание «гражданская война» премьер-министр воюющих правительств в беседах с журналистами не упомянул ни разу. О военных действиях говорил лишь украдкой, когда над Омском нависла угроза захвата Красной Армией. Образ врага в беседах просматривается пунктиром: большевиков он упоминал без эпитетов, как абстрактную данность. Вологодский не был склонен героизировать кого- или что-либо. Единственный развернутый комплиментарный отзыв он дал только Верховному правителю адмиралу А.В. Колчаку. В целом он избегал лексики конфликтов и уверенно заявлял о своем негативном отношении к любому насилию. Себя презентовал как доброго старого знакомого, искреннего и открытого для общения, рассчитывая на доверие и поддержку общества.

Таким образом, публичная коммуникация премьер-министра антибольшевистских правительств осуществлялась преимущественно в форме свободных интервью, подчеркивавших диалогичность общения между властью и прессой. Вологодский уверенно коммуницировал с негосударственной общественно-политической прессой, являясь приверженцем демократических политических практик на протяжении всего периода Гражданской войны.

Список источников и литературы

1. Беседа П.В. Вологодского с представителями местной печати // Голос народа (Томск). 1918. 8 декабря. С. 2.

2. Беседа с П.В. Вологодским // Воля Сибири (Красноярск). 1918. 13 сент. С. 2–3.

3. Беседа с П.В. Вологодским // Русская речь (Новониколаевск). 1918. 18 окт. С. 2.

4. Беседа с председателем Совета министров П.В. Вологодским (от нашего корреспондента) // Сибирская жизнь (Томск). 1919. 14 янв. С. 2.

5. Беседа с председателем Совета министров П.В. Вологодским // Правительственный вестник (Омск). 1919. 14 янв. С. 2.

6. *Вулф Д.Г., Ларьков Н.С., Ляндерс С.М.* П.В. Вологодский и его дневник // Во власти и в изгнании. Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.) / сост., предисл. и коммент. Д.Г. Вулфа, Н.С. Ларькова, С.М. Ляндерса. Рязань: Частный издатель П.А. Трибунский, 2006. С. 7–55.

7. *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. Впечатления и мысли члена Омского правительства. М.: Крафт+, 2007. 704 с.

8. *Зинин.* Интервью с председателем совета министров П.В. Вологодским // Русская речь (Новониколаевск). 1919. 17 янв. С. 2.

9. *И. Р-ский.* Беседа с П.В. Вологодским // Сибирь (Иркутск). 1918. 16 окт. С. 2.

10. *И. Р-ский.* Беседа с П.В. Вологодским // Сибирь (Иркутск). 1918. 17 окт. С. 2.

11. Интервью с председателем совета министров П.В. Вологодским // Заря (Омск). 1919. 11 янв. С. 2.

12. *Казакова Е.А.* П.В. Вологодский: личность и общественно-политическая деятельность (1863–1920 гг.): дис. … канд. ист. наук. Томск, 2008. 363 л.

13. *Молчанов А.Л.* Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (октябрь 1917 – 1920 гг.). М.: Издатпрофпресс, 2002. 272 с.

14. *Посадсков А.Л.* «Белая» и «красная» печатная пропаганда на фронтах гражданской войны в Сибири (опыт сравнения объективных характеристик) // Вестник Омского университета. 1999. № 4. С. 99–104.

15. *Рынков В.М.* Антибольшевистские политические режимы и общество: взаимодействие на информационном пространстве восточных регионов России //

Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918–1919 гг.): сб. науч. ст. / науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2009. С. 105–125.

16. *Сиберт Ф., Шрамм У., Питерсон Т.* Четыре теории прессы. М.: Вагриус, 1998. 223 с.

17. *Соловьев М.* Организация всероссийской власти. Наша беседа с главою Всероссийского временного правительства П.В. Вологодским // Заря (Омск). 1918. 9 нояб. С. 2.

18. *Сомов В.* Представители томской прессы у П.В. Вологодского // Народная газета (Томск). 1918. 8 дек. С. 2–3.

19. *Сорокин П.А.* Социология революции. М.: Астрель, 2008. 784 с.

20. *Шевелев Д.Н.* «Роль печатного слова в современной войне не меньше пули и штыка…»: Осведомительная работа антибольшевистских правительств востока России. Томск: Изд-во Томского университета, 2017. 268 с.

21. *Шишкин В.И.* Генерал А.Н. Гришин-Алмазов: крушение карьеры (конец августа – сентябрь 1918 года) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 1. С. 79–99.

УДК 93/94

А.К. Лагунов[1]

Особенности отражения деятельности Комуча в воспоминаниях современников

Аннотация. В статье рассматривается отражение деятельности Комитета членов Учредительного собрания в воспоминаниях современников и участников событий Гражданской войны в Сибири и Поволжье. Обращается внимание на различие трактовок его деятельности авторами воспоминаний (иногда резкое), их влияние на историографию, в том числе зарубежную. Анализируются причины провала деятельности Комуча, приводимые мемуаристами, рассматриваются тезисы, выдвигаемые исследователями по данной проблематике. Делается вывод, что в большинстве своем современники относились к Комучу негативно, обозначаются причины формирования тех или иных взглядов.
Ключевые слова: Комуч; Гражданская война; интерпретации; мемуары.

Features of the representation of Komuch's activity in the memoirs of contemporaries

Abstract. The article examines the peculiarities of the representation of the activities of the Committee of Members of the Constituent Assembly in the memoirs of contemporaries. Attention is drawn to the difference in the interpretations of Komuch activities by the authors of memoirs. The reasons for the failure of Komuch, put forward by memoirists, are analyzed. The influence of interpretations of Komuch actions by contemporaries on historiography, including foreign, is considered. The theses put forward by researchers on this issue are also considered. Within the framework of the study, it is concluded that for the most part contemporaries treated Komuch negatively, the reasons of certain views of contemporaries in relation to Komuch are indicated. However, it is emphasized that there are exceptions in the memories.
Keywords: Komuch; Civil War; Interpretations; Memoirs.

Изучение событий Гражданской войны в полной мере стало возможно относительно недавно. Отказ от идеологически заданных оценок и установок позволил приступить к изучению широкого спектра научных проблем. Одна из них – деятельность антибольшевистских военных формирований и структур власти. Объектом моего изучения является Комуч – Комитет членов Учредительного собрания, располагавшийся в Самаре и претен-

[1] **Алексей Кириллович Лагунов** – студент магистратуры, Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия), e-mail: a.lag@mail.ru.
Alexey K. Lagunov – Master's degree student, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

довавший на статус лидера сопротивления. Но в моем исследовании не ставится цель реконструировать деятельность Комитета. Оно фокусируется на анализе его отражения в воспоминаниях современников – как опубликованных, так и ранее неизвестных публике. В числе первых важно отметить тексты Г.К. Гинса, В.М. Чернова, А.Г. Ефимова, К.В. Сахарова, Б.В. Савинкова, А.П. Степанова и др.; среди последних – сочинение некоего В. Засс-Корчинского, хранящееся в фонде № 1 Дома Русского Зарубежья имени А.И. Солженицына (об этом человеке не удалось выявить никакой информации, но его текст ценен тем, что, в частности, сообщает немало интересного о деятельности Комуча). Для мемуаров характерна широта интерпретаций, зависящих от личности автора, рода его деятельности, взглядов. Критерием отбора источников стала степень отражения в ней изучаемой тематики. Важно отметить, что использованные мной воспоминания не исчерпывают источниковой базы даже в мемуаристике, что подчеркивает перспективность дальнейшего изучения данной проблемы. В историографии следует выделить работы В.Ж. Цветкова, Е.Е. Шеремеева, Дж. Смэла, Э. Модсли, Дж. Свейна.

В первую очередь обратимся к отображению начального этапа деятельности Комуча. Засс-Корчинский отмечал, что выигрышным оказалось взятие Казани войсками под командованием генерала В.О. Каппеля. Благодаря этому, во-первых, в распоряжение Комуча попал золотой запас Российской Империи, а во-вторых, укрепился авторитет Комитета в глазах других антибольшевистских формирований. Последнее выразилось в прибытии в Самару председателя разогнанного большевиками Учредительного собрания Чернова, и даже последующие события существенно не изменили данную ситуацию [2, л. 27]. По мнению эсера Савинкова, организовывавшего антибольшевистские выступления на первых этапах Гражданской войны, Комуч в принципе возник вследствие взятия Казани чехословаками. Он характеризует его как орган, имевший функции правительства и состоявший из эсеров [4, с. 42]. Ключевая роль чехов также подчеркивается и в историографии, в частности, Шеремеевым [10, с. 124].

В англоязычной научной литературе отмечается широкая поддержка Комуча на селе. Так, Свейн объясняет это контрастностью мероприятий, инициированных Комитетом и большевиками: к продовольственным реквизициям красных крестьяне относились крайне негативно, а введение Комучем свободной торговли зерном восприняли с воодушевлением и поддерживали Комитет до самого конца [13, p. 189]. Аналогичного мнения придерживается и Э. Модсли, который, однако, выделяет среди важнейших проблем Комуча слабость и малоизвестность его руководства, которое ничего не предпринимало для реализации декларировавшейся политики [11, p. 64].

Засс-Корчинский отметил, что Комуч активно участвовал в переговорах с другими правительствами Сибири и Дальнего Востока, с согласия которых появилась Уфимская Директория, задумывавшаяся как Всероссийское правительство [2, л. 28]. Член правительства адмирала А.В. Колчака Гинс уточнил, что Комитет не только участвовал в переговорах, но и вступил в конфликт с Сибирским правительством, занимаясь подрывной деятельностью против него при помощи своих союзников – сибирских эсеров [1, с. 117].

Савинков к негативным моментам относил слабую организацию армии Комитета, вся дисциплина которой держалась на сербах и чехах. Мобилизованные Комучем крестьяне «разбегались», что во многом стало причиной потери Казани. Также он ставил в вину Комитету неверную расстановку приоритетов: вычисление монархистов в офицерской среде вместо того, чтобы выявлять большевиков в тылу [4, с. 43].

Д.В. Филатьев, генерал Белого движения, находившийся на службе у адмирала А.В. Колчака, говоря о формировании Комуча и его армии, также отмечал ключевую роль восстания Чехословацкого корпуса. Как и Засс-Корчинский, он полагал, что взятие Казани подняло престиж комитета, однако развить успех не получилось из-за нехватки командного состава для организации новых вооруженных формирований [7, с. 21]. Более критичный взгляд находим у генерала Белого движения Сахарова, находившегося в Самаре в период Комуча, а позднее командовавшего Восточным фронтом. По его мнению, Комитет делал акцент на внутренней политике, в которую втягивал в том числе и чехов. Руководство Самарского правительства раздавало распоряжения, путавшие офицерский состав, а после вмешательства эсеров в деятельность армии боевая дисциплина совсем исчезла [5, с. 25]. Начальник штаба Ижевской бригады Ефимов свидетельствовал, что действия Комуча вызывали озлобление офицеров. В качестве яркого примера он привел поднятие красного флага над зданием правительства в Самаре, обозначившее, что его цель – уничтожение большевиков, но не отказ от «усугубления революции» [3, с. 26]. Следует отметить, что эпизод с поднятием флага в своем исследовании анализирует историк Цветков, подчеркивая, что Комуч не собирался отрекаться от «завоеваний революции», а напротив следовал ее курсу. Происходила национализация автотранспорта, запрещалось ношение военной формы старого образца, что вызывало враждебность со стороны офицерства [8, с. 304].

Свидетельства современников оказали существенное влияние на зарубежную историографию. Так, Смэл утверждает, что лояльность военных к Комитету находилась под вопросом [12, p. 12], а Свейн пришел к выводу, что его политика оттолкнула консервативно настроенных офицеров (кото-

рых, впрочем, Комуч по существу никогда и не контролировал) [13, p. 191]. Однако в воспоминаниях можно найти и примеры обратного. Полковник Белого движения Степанов при описании событий Симбирской операции, в которой участвовал, отметил, что стрелки-«ударники» настояли на проходе в город войск Комуча, мотивировав тем, что это придаст войскам уверенность в собственных силах [6, с. 94]. В свою очередь, Чернов отвергал аргументы критиков Комитета, особенно из офицерской среды. В ней, по его мнению, оказалось немало противников «всего того, что пахнет демократией». Они устраивали пьяные кутежи в тылу, негативно на него влияя, вследствие чего приходилось принимать соответствующие меры. В ответ на это офицеры стали находить пристанище в Сибирском правительстве [9, с. 189].

Анализируя совокупность воспоминаний, можно заключить, что в целом отношение современников к Комучу было, скорее, негативным. Вероятно, это связано с невнятной реализацией политического курса, который не снискал популярности ни у широких масс (прежде всего, крестьянства), ни у определенных групп (в первую очередь, офицерства). Мемуары, в свою очередь, оказали влияние на исследователей, выводы которых нередко повторяют мемуаристов (схожа даже полярность оценок деятельности Комитета). Скорее всего, объяснение этому – в ограниченности источниковой базы по данной теме. Кроме того, воспоминания в принципе играют ключевую роль в исследованиях проблематики Гражданской войны в России, являясь нередко единственным видом источников по многим темам.

В заключение хочу отметить перспективность изучения воспоминаний в свете развития исторической науки, становления новых подходов, уделяющих особое внимание интерпретациям взглядов на события прошлого, их разнообразию.

Список источников и литературы

1. *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920: впечатления и мысли члена Омского Правительства. М.: Крафт+, 2007. 704 с.

2. Дом Русского Зарубежья имени А.И. Солженицына. Ф. 1. Оп. 1. Д. 99.

3. *Ефимов А.Г.* С Ижевцами и Воткинцами на Восточном фронте. Статьи, письма, документы. М.: Айрис-пресс, 2013. 560 с.

4. *Савинков Б.В.* Борьба с большевиками. Варшава: Русский политический комитет, 1920. 48 с.

5. *Сахаров К.В.* Белая Сибирь. М.: ГПИБ, 2017. 480 с.

6. *Степанов А.П.* Симбирская операция // Белое дело: летопись Белой борьбы. Т. 1. Берлин: Медный всадник, 1926. С. 83–94.

7. *Филатьев Д.В.* Катастрофа Белого движения в Сибири. Впечатления очевидца. Париж: YMCA-Press, 1985. 144 с.

8. *Цветков В.Ж.* Белое дело в России: 1917–1919. М.: Яуза-Каталог, 2019. 1056 с.

9. *Чернов В.М.* Перед бурей. М.: Международные отношения, 1993. 201 с.

10. *Шеремеев Е.Е.* Самарский «Сфинкс» при правительстве Колчака: А.К. Клафтон (1871–1920 гг.) – биография на фоне эпохи. Самара: СНЦ РАН, 2011. 337 с.

11. *Mawdsley E.* The Russian Civil War. L.; Sydney; Wellinghton: Unwin Hyman, 1987. 267 p.

12. *Smele J.D.* Civil War in Siberia. The anti-Bolshevik government of Admiral Kolchak 1918–1920. N.Y.: Cambridge University Press, 1996. 784 p.

13. *Swain G.* The origins of the Russian Civil War. L.; N.Y.: Longman, 1996. 296 p.

УДК 93/94

С.А. Орешин[1]

Политическая борьба в Чечне и создание Чеченской автономной области (1920–1923 гг.)

Аннотация. Статья посвящена анализу политических процессов в Чечне начала 1920-х гг. Автор анализирует причины и предпосылки возникновения чеченской советской государственности и ход создания органов государственной власти. Утверждение советской власти в этом регионе было связано со значительными трудностями. Чеченское общество не было готово к масштабным социальным экспериментам. Большое влияние сохраняли представители традиционной элиты – мусульманское духовенство, старейшины, выступавшие за шариатское правление. Горная Чечня служила базой частых антибольшевистских восстаний и фактически находилась под контролем исламистов. Пытаясь привлечь чеченцев на свою сторону, правительство РСФСР выступило с инициативой предоставления им автономии, создав Чеченский национальный округ. В январе 1923 г. он был преобразован в автономную область. Однако процесс создания органов советской власти протекал с большим трудом, Советы часто заменялись ревкомами.
Ключевые слова: РСФСР; Кавказ; Чеченский округ; Чеченская автономная область; национально-государственное строительство.

Political struggle in Chechnya and creation of Chechen autonomous district (1920–1923)

Abstract. The article analyzes the political processes that took place in Chechnya in the early 1920s. The author describes the causes and prerequisites for the emergence of the Chechen Soviet statehood, and the course of the creation of state authorities. The establishment of Soviet power in this region was associated with significant difficulties. Chechen society was not ready for large-scale social experiments. Representatives of the traditional elite – Muslim clergy, elders who advocated the establishment of Sharia rule in Chechnya - retained great influence. Mountainous Chechnya served as a base for frequent anti-Bolshevik uprisings and was actually under the control of Islamists led by N. Gotsinsky. In an attempt to attract Chechens to its side, the central Soviet government took the initiative to grant them autonomy by creating the Chechen National District. In January 1923, it was transformed into an autonomous region. However, the process of creating bodies of Soviet power proceeded with great difficulty, the Soviets were often replaced by revolutionary committees.

[1] **Сергей Александрович Орешин** – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела Кавказа Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва, Россия), e-mail: Oreshin12345@yandex.ru.
Sergey A. Oreshin – Candidate of Historical Sciences, Researcher of the Caucasus Department of the Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Keywords: RSFSR; Caucasus; Chechen District; Chechen Autonomous Region; national-state construction.

Одним из основных итогов революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войны стало создание (в рамках РСФСР, а затем СССР) национальной государственности нерусских народов, в том числе на Северном Кавказе. В начале 1920-х гг. появилась Чеченская автономная область – первое относительное устойчивое государственное образование этого народа. Однако процесс становления и развития чеченской государственности сопровождался значительными трудностями и в целом протекал сложнее, чем в аналогичных северокавказских автономиях.

Актуальность исследования заключается в том, что «чеченский вопрос» всегда оставался для советских и российских властей одной из наиболее острых внутриполитических проблем, периодически прорываясь вспышками вооруженного конфликта. В этой ситуации представляется важным обращение к раннесоветскому опыту создания чеченской государственности, выявлению специфики национально-государственного строительства в Чечне и тех трудностей, с которыми сталкивались центральные и региональные власти.

В советской историографии создание чеченской автономии рассматривалось в контексте успешной реализации ленинской национальной политики пролетарского интернационализма и представлялось в качестве безусловно прогрессивного явления. Историки больше говорили об успехах, а имевшиеся трудности объясняли социально-экономической и культурной отсталостью Чечни, господством патриархально-родовых и религиозных пережитков, упорным сопротивлением мусульманского духовенства и кулачества социалистическим преобразованиям, подрывной деятельностью «буржуазных националистов». Современная историография больше места уделяет анализу внутричеченских противоречий и конфликтов, борьбе в советском руководстве по вопросам создания автономии, рассмотрению взаимоотношений Чеченской автономной области и союзного центра, пытавшегося поставить ее под всесторонний контроль, что не могло не провоцировать конфликты. Однако далеко не все проблемы нашли отражение в трудах ученых.

Не претендуя на всесторонний охват темы, я хочу рассмотреть политические процессы, протекавшие в Чечне в начале 1920-х гг. Это предполагает анализ расстановки политических сил в регионе, причин создания автономии и отношения к ней центра, выявление сложностей, сопровождавших процесс создания чеченской государственности, и причин антисоветских восстаний.

В качестве источниковой базы исследования использовались законодательные акты центральных и местных властей, декреты, распоряжения

и указы, делопроизводственная документация советского и областного органов власти; материалы съездов Советов и заседаний ревкомов; донесения и отчеты областного ГПУ о внутриполитическом состоянии в Чечне.

В марте 1920 г. территория Чечни была занята войсками Красной Армии. В условиях политической нестабильности последовало решение сформировать чрезвычайные органы управления. 3 апреля в Грозном на съезде чеченского народа образован Чеченский революционный комитет, председателем которого стал известный общественный деятель леводемократического толка Т.Э. Эльдарханов [9, л. 10 об.]. В административном отношении Чечню свели в единый округ, охвативший территорию бывших Веденского и Грозненского округов Терской области, за исключением г. Грозный и прилегавших к нему казачьих станиц [1, с. 675]. 5–25 июля состоялись выборы в Советы, но большинство мест получили не сторонники большевиков, а представители «кулацко-мулльских и националистических элементов», из которых преимущественно состояла и чеченская делегация на I съезде Советов Терской области [15, с. 6]. К тому же власть ревкома и Советов в Чечне зачастую носила формальный характер и не распространялась на большинство аулов, живших своей жизнью и управлявшихся выборными старшинами. Нормы адата и шариата господствовали в судопроизводстве. Большевикам пришлось легализовать возникшие в годы Гражданской войны народно-шариатские суды, деятельность которых распространялась на чеченцев и других мусульман, живших в Чечне. Эти суды рассматривали уголовные и общегражданские дела и выносили обязательные к исполнению решения [13, с. 64].

Сильное влияние духовенства и зажиточного крестьянства на аульные массы, тейповые отношения, сказывавшиеся в период выборов в местные органы власти, исключали, по мнению партийных органов, возможность предоставления чеченцам самостоятельной формы государственности сразу же после окончания Гражданской войны [21, с. 381]. Стоявших на советской платформе было совсем немного, да и их трудно было назвать убежденными большевиками. Ситуацию еще больше осложняла внутренняя борьба. Ультралевые настаивали на необходимости форсировать «проведение классового расслоения в Чечне», выявлении «эксплуататорских классов и скрытых врагов Советской власти» с их последующей ликвидацией [8, л. 66]. Умеренные, признавая, что советские органы «существуют сами по себе, а чеченцы – сами по себе», и что горцы зачастую поддерживали большевиков только потому, что у них имелся общий враг в лице казаков и деникинцев, полагали ненужным разжигание классовой войны и форсирование социалистических преобразований [16, с. 132–133].

Осенью состоялись сразу два чеченских национальных съезда. В селении Алды собрались сторонники революционных преобразований. Они выразили недоверие ревкому и потребовали включить в его состав русских партработников. Одновременно в Грозном провели свой съезд умеренные во главе с Эльдархановым, потребовав ограничить участие «русских товарищей в строительстве Советской власти в Чечне» и вынеся доверие составу ревкома. В результате Алдынский съезд разогнали с применением силы, нескольких местных ультралевых коммунистов арестовали [8, л. 23, 90]. Впрочем, разногласия объяснялись не только идеологическими причинами, но и столкновением личных и клановых интересов. Непрерывная борьба за должности приводила к росту скрытой и явной коррупции, поразившей весь советский аппарат [11, с. 9].

В целом влияние новых органов власти оставалось слабым. Командование Кавказской трудовой армии указывало, что «в Чечне до сих пор никакой Советской власти нет. Там властвуют муллы: в одних местах открыто, в других через посредство “комиссаров”. Чеченский исполком совершенно бездействует и в данном составе ненадежен» [6, л. 20]. В регионе действовало много антибольшевистских повстанческих отрядов, которые вели с новой властью вооруженную борьбу [5, с. 191]. Среди крупных антибольшевистских группировок выделялись национал-демократы, выступавшие за возрождение светской демократической федеративной Горской республики. В состав этой федерации Чечня должна была войти на правах отдельного штата. Не меньшим влиянием пользовались консервативно настроенные религиозные деятели, стремившиеся к теократической шариатской монархии [1, с. 683].

Весенняя, а затем и осенняя активизация повстанческих отрядов в 1920 г. была связана с кампанией по сбору продналога, сопровождавшейся вооруженным насилием над крестьянами [3, с. 281]. К тому же осенью в соседнем Дагестане началось масштабное антибольшевистское восстание под лозунгом восстановления Имамата. Во главе его встали Н. Гоцинский и внук имама Шамиля Саид-бей, провозглашенный новым имамом Северного Кавказа. Вскоре восстание перекинулось на Горную Чечню. На большей части территории Веденского и части Грозненского округов власть большевиков оказалась свергнута [17, с. 82].

Большевикам пришлось маневрировать, сочетая силовые и политические методы. В январе 1921 г. была создана Горская АССР, в состав которой вошли земли, населенные чеченцами. При этом чеченцы оказались самым крупным народом в республике (около 45 % населения). В ее составе появился Чеченский округ, включивший бывшие Веденский и Грозненский округа, правотеречную часть Кизлярского отдела и восточную

часть Сунженского отдела бывшей Терской области [2, с. 35]. Он отличался этническим составом проживавшего на его территории населения, бытом и определенной экономической общностью. Местные органы власти возглавлялись окружным исполкомом Советов. Делопроизводство должно было вестись на чеченском языке, жителям и местным органам власти предоставлялось право апеллировать во ВЦИК РСФСР [4, с. 14].

Летом внутриполитическое положение вновь обострилось. Влияние коммунистов в Советах оставалось очень слабым. Особенностью национально-государственного строительства являлась неразбериха во властной структуре, что не могло не беспокоить руководство Горской АССР. В связи с этим для обследования работы органов советской власти в Чечне в июле создали комиссию республиканского Совнаркома. Она пришла к выводу о необходимости роспуска Советов и создания на их месте революционных комитетов до следующих перевыборов как в центре, так и на местах [12, с. 9]. В результате 10 сентября выборные исполкомы в округе распустили под тем предлогом, что они якобы не оправдали доверия и надежд избирателей и вообще являются «наймитами Врангеля». Их заменили назначенные сверху ревкомы [14, с. 15].

Значительная часть населения выступала против насаждения ревкомов и роспуска выборных Советов. В некоторых аулах дело доходило до вооруженных столкновений. В результате члены президиума Чеченского окрисполкома писали в ЦИК Горской АССР, что «организация ревкомов создает сильнейшее недовольство среди населения, необходимости перехода к этой системе нет… Мы, представители Чечни, протестуем против организации ревкомов» [22, л. 109 об.]. Протест оставили без внимания. Под пристальным руководством ревкомов в ноябре-декабре прошли новые выборы в местные Советы и на II съезд Советов Горской АССР. В начале января 1922 г. окружной съезд Советов Чечни избрал новый состав исполкома, которому ревком передал властные полномочия.

Вскоре обстановка вновь обострилась. Коммунистам так и не удалось добиться прочного влияния. Гоцинский и его сторонники, действовавшие в Горной Чечне, напротив, укрепили позиции. В марте штаб Северо-Кавказского военного округа опять обратил внимание на усиление «нездоровых настроений в Чечне». Особые опасения вызывала ситуация в Урус-Мартановском, Веденском и Шатоевском районах, которые почти полностью перешли под контроль исламистов. Создавалась угроза самому Грозному.

В этой связи пришлось вернуться к системе чрезвычайного управления. В августе Чеченский окрисполком распустили и заменили ревкомом во главе с И. Курбановым. Перед ним поставили задачу стабилизировать обстановку и организовать эффективную борьбу с «контрреволюционными

вылазками бандитских элементов». Эльдарханов выступал против замены Советов ревкомами и критиковал деятельность последних, обвиняя в левацких перегибах и игнорировании особенностей чеченского быта [12, с. 14].

Между тем новообразованная Горская республика просуществовала недолго. Элиты входивших в ее состав народов ставили вопрос о выделении территории их проживания в самостоятельные автономные единицы. Встал вопрос и о чеченской автономии. Для его рассмотрения создали специальную комиссию под председательством К.Е. Ворошилова (в состав вошли С.М. Киров, А.И. Микоян и руководящие работники ГАССР), которая 22 октября «на основании внесенных предложений чеченских работников и в полном согласии с ними» подготовила проект соответствующего постановления ЦК РКП(б) [18, л. 16]. Посетивший Чечню Ворошилов отмечал, что в этом регионе «муллы пользуются неограниченным влиянием, являясь единственной культурной силой. “Расслоение”, “опора на бедняцкие элементы”, “борьба с муллами и шейхами” и прочие прекрасно звучащие вещи служили ширмой для прикрытия своего убожества и непонимания, как подойти к разрешению стоящих на очереди вопросов» [19, с. 117].

Комиссия также отмечала, что вопрос о выделении Чечни в самостоятельную область «интересует исключительно кулаков, духовенство и сторонников организации в Чечне шариата. Повсеместно организуются шариатские отряды и суды под предлогом, что на местах отсутствует власть, необходимая для защиты населения от бандитов. Кулачеством и духовенством одновременно ведется агитация о неприемлемости советской власти в Чечне вследствие слабости… и неспособности установить порядок». Население обложили налогом на содержание шариатских судов в 2 пуда кукурузы с дома. Советскую власть же не признавали, распоряжений ее не исполняли, а если и слушались, то только потому, что различные небольшевистские элементы проникли в исполкомы Советов. Во многих аулах органы советской власти оказались под полным контролем мулл и шейхов [3, с. 448–449].

25 октября 1922 г. Малый президиум ЦИК ГАССР сформировал комиссию в связи с планировавшимся выходом Чечни из состава республики. Комиссия признала такое решение нежелательным в силу социально-экономических и политических причин. 27 ноября представительство республики в Москве также признало выход нежелательным, о чем поставило в известность высшие органы власти РСФСР. Отмечалось, что подобное решение может нанести вред межнациональным отношениям на Северном Кавказе. Однако центр взял уже взял курс на создание чеченской автономии и разукрупнение Горской республики [12, с. 10]. 30 ноября вопрос о создании чеченской автономии обсуждался на Большом Президиуме ВЦИК РСФСР

под председательством М.И. Калинина. В заседании принимала участие чеченская делегация (Т. Эльдарханов и О. Ахтаханов). В итоге последовало решение о выделении Чечни из ГАССР в отдельную автономную область со столицей в Грозном, который, однако, не вошел в ее состав [7, л. 429–430]. 4 января 1923 г. Президиум ВЦИК обозначил границы создаваемой автономной области: территория бывшего Чеченского округа ГАССР, а также станицы Петропавловская, Горячеводская, Ильинская, Первомайская и хутор Сарахтинский Сунженского округа [20, с. 36] (общая площадь – 8 875 кв. верст).

До проведения съезда Советов вся полнота власти в области передавалась Чеченскому революционному комитету под председательством Эльдарханова. Из них только 6 человек являлись коммунистами [10, с. 14]. Одновременно создавалось областное бюро РКП(б), также во главе с Эльдархановым. Представителем Чеченской автономной области при Народном комиссариате по делам национальностей утвердили Ахтаханова. Новому ревкому поручалось создать органы власти на всей территории автономной области; обеспечить, опираясь на чеченскую милицию и красноармейские части, безопасность нефтепромыслов, железной дороги и границ автономии; решать вопросы восстановления экономики и социальной политики; подготовить и провести выборы в Советы всех уровней, которым затем и передать власть [24, с. 224].

Состав ревкома был неоднородным. Часть его членов (Курбанов, Д. Акаев, Д. Токаев) стояла на левых, интернационалистических позициях и выступала за скорейшую советизацию при опоре на крестьянскую бедноту. Наряду с ними в высший орган власти входили умеренные и даже правые, не признававшие социального расслоения чеченского общества и классовой борьбы в нем, выступавшие за налаживание тесных взаимоотношений с мусульманскими духовными деятелями, торговцами, зажиточными крестьянами. Учитывая их влияние и авторитет, ЦК РКП(б) и СНК СССР сочли возможным временно включить их в состав областного ревкома, пока не будет подготовлено достаточное количество молодых кадров, последовательно разделяющих позицию центральных властей.

16 января 1923 г. в Урус-Мартане состоялся съезд трудящихся Чечни, участие в работе которого приняли Микоян, Ворошилов и С.М. Буденный. На этом съезде провозгласили Чеченскую автономную область в составе РСФСР и недавно созданного СССР [23, с. 137].

Подводя итоги, следует, прежде всего, отметить сложность политического положения Чечни в начале 1920-х гг. В регионе фактически продолжалась Гражданская война между исламистами и большевиками, причем социальная база последних была очень узкой. Традиционное общество ока-

залось неготовым к кардинальным социалистическим преобразованием. Это вынуждало большевиков периодически распускать выборные Советы, заменяя их чрезвычайными органами управления. Помимо силовых большевики использовали политические методы борьбы, одним из которых явилось предоставление автономии: первоначально в составе Горской АССР, а затем в виде самостоятельной автономной области, которая стала первым относительно устойчивым чеченским государственным образованием советского типа.

Список источников и литературы

1. *Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х.* История Чечни в XIX–XX веках. М.: Пульс, 2005. 995 с.

2. *Бугаев А.М.* Советская автономия Чечни – Чечено-Ингушетии: очерки истории становления и развития. Назрань: ООО «КЕРП», 2012. 89 с.

3. Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.). М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 1094 с.

4. *Врублевский Ф.И.* Создание советской национальной государственности чечено-ингушского народа – торжество ленинской национальной политики. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1964. 39 с.

5. *Гойгова З.А.-Г.* Народы Чечено-Ингушетии в борьбе против Деникина. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1963. 222 с.

6. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-130. Оп. 4. Д. 270.

7. ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 39. Д. 85.

8. ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 95. Д. 517.

9. ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 122. Д. 136.

10. *Ефанов К.И.* Классовая борьба в чечено-ингушском ауле в период социалистического строительства. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1979. 118 с.

11. Из блокнота секретаря Организационного бюро ВКП(б) Чеченской автономной области Ефрема Эшбы // Справедливость. 1990. № 1/2. С. 1–30.

12. *Кармов А.Х.* Выделение из ГАССР и создание Чеченской автономной области // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. 2009. № 16. С. 3–19.

13. *Кокурхаев К.А.* Особенности судопроизводства в Чечено-Ингушетии в первые годы Советской власти // Проблемы социалистической законности. Вып. 19. Харьков: Изд-во при Харьк. гос. ун-те, 1987. С. 63–68.

14. *Лоов И.Р., Пархоменко М.М.* Из истории классовой борьбы в Чечено-Ингушетии в первые годы Новой экономической политики (1921–1925 годы). Грозный: Грозненский рабочий, 1974. 35 с.

15. *Носов Н.* К первой годовщине Горской Республики // Жизнь национальностей. 1922. № 10. С. 3–20.

16. *Орджоникидзе Г.К.* Статьи и речи: в 2 т. Т. 1: 1910–1926 гг. М.: Госполитиздат, 1956. 516 с.

17. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР: в 2 т. Т. 2: 1917–1970. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1972. 359 с.

18. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 112. Д. 385.

19. *Сигаури И.М.* Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен: в 5 т. Т. II. М.: Русь, 2001. 372 с.

20. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. М.: Издание Народного Комиссариата Юстиции, 1923. 1086 с.

21. *Хлынина Т.П.* «Судьбу национальных районов еще долго будут определять чуждые нам элементы»: идеи и люди в становлении Чеченской автономной области // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа – IV: материалы региональной научно-практической конференции, Пятигорск, 18–20 ноября 2011 г. Пятигорск: ПГЛУ, 2012. С. 376–384.

22. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Ф. 41. Оп. 1. Д. 1.

23. Чечня и власть Советов: 1917–1930. [Б. м.]: Издательские решения, 2020. 672 с.

24. *Эльбуздукаева Т.У.* Чечня и Ингушетия в 20–30-е годы XX века: опыт модернизации. М.: Парнас, 2011. 463 с.

УДК 93:331(477.62)«1920/1925»

А.В. Чеботарева[1]

Контроль как элемент системы управления партийно-советскими кадрами в начале 1920-х гг. (на материалах Донецкой губернии)

Аннотация. В статье освещается актуальная для исторической науки проблема, касающаяся основных направлений изучения советской кадровой политики. Анализируется система многоуровневого контроля и управления партийно-советскими кадрами. Особое внимание уделяется партийному контролю. Показаны направления и формы деятельности контрольных органов. На примере Донецкой губернии раскрывается механизм реализации контроля над управленческими кадрами в начале 1920-х гг. На основе не опубликованных ранее материалов представлены результаты работы контролирующих органов региона. Доказано, что в исследуемый период в губернии активно боролись с должностными преступлениями, а также с различными нарушениями партийной этики. Сделан вывод, что эффективность деятельности партийно-советских кадров в значительной степени зависела от контрольной политики государства.

Ключевые слова: партийно-советские кадры; управление кадрами; контроль; Донецкая губерния.

Control as an element of the management system of party-soviet cadres in the early 1920s (based on materials of Donetsk province)

Abstract. The article highlights an actual problem for historical science, to the main directions of the study of soviet personnel policy, in particular, it considers the control of personnel, analyzes the system of multilevel control and management of party-soviet cadres. Special attention is paid to party control. The main directions and forms of activity of the controlling organ are shown. The article, using the example of Donetsk province, reveals the mechanism of control over managerial personnel in the early 1920s. On the basis of previously unpublished materials, the results of the work of the regulatory authorities of the region are considered. It is proved that during the studied period in the Donetsk province there was an active fight against official crimes, as well as various violations of party ethics. It is concluded that the effectiveness of the activities of the party-Soviet cadres largely depended on the control policy of the state.

[1] **Александра Викторовна Чеботарева** – старший преподаватель кафедры историографии, источниковедения, археологии и методики преподавания истории, Донецкий национальный университет (Донецк, ДНР), e-mail: abc5071@mail.ru.

Alexandra V. Chebotareva – Senior Lecturer, Department of Historiography, Source Study, Archeology and Methods of Teaching History, Donetsk National University (Donetsk, Donetsk People's Republic).

Keywords: party-soviet cadres; personnel management; control; Donetsk province.

Социально-экономическое и политическое развитие государства зависит от структуры и реализации функций власти. Ни один вид управления не может обойтись без контроля, поскольку он предполагает наблюдение за строгим соответствием фактической деятельности должностных лиц предписанным нормам. Проблема совершенствования работы различных звеньев государственного аппарата сохраняет актуальность и сегодня. Изучение исторического опыта позволяет совершенствовать методы управления кадрами.

Советский государственный аппарат создавался в трудных условиях. Отсутствие контроля за деятельностью партийно-советских кадров приводило к снижению продуктивности работы органов власти как в центре, так и на местах. Начало 1920-х гг. стало переломным моментом в организации контроля и проверке исполнения решений центра сверху донизу. Впервые эти вопросы затронули партийные и государственные деятели Советской России и СССР, принимавшие участие в создании и деятельности органов контроля [17]. В работах 1920–1940-х гг. обосновывались принципы создания контролирующих структур, организация их деятельности, подводились первые итоги в виде отчетов и обобщения опыта [16; 18; 19]. После XX съезда КПСС проблемы, связанные с организацией и деятельностью Центральной контрольной комиссии – Рабоче-крестьянской инспекции (ЦКК–РКИ), стали разрабатываться более основательно [25, с. 174]. Одной из первых работ, написанных в этот период, стала монография Г.А. Дороховой [14], осветившая правовое положение РКИ, ее структуру, компетенцию, формы и методы работы, однако практическая деятельность была отражена слабо. Исследователи С.Н. Иконников [15], Л.Ф. Морозов и В.П. Портнов [20], А.И. Чугунов [28] проанализировали организационные формы существования контрольных государственных и партийных органов, а также работу ЦКК–РКИ по совершенствованию советского аппарата.

В постсоветской историографии вопросы партийного контроля в 1920-е гг. затрагивались в ряде диссертационных исследований [1; 2; 13; 21; 23; и др.], авторы которых утверждают, что деятельность контролирующих органов помогла не только уменьшить в партии количество нарушителей партийных и этических норм, но и улучшить качество системы управления. В.В. Шабанов [29] пришел к выводу, что работа с жалобами граждан в 1917–1927 гг. способствовала улучшению работы аппарата, укреплению режима законности в его деятельности. Некоторые аспекты партийного контроля над партийно-советской номенклатурой Донецкой губернии рассмотрены в отдельных публикациях [22; 26; 27].

Неослабевающий интерес ученых к этой проблематике связан с тем, что ряд ее аспектов все еще изучен в недостаточной степени, остается немало дискуссионных вопросов. В фокусе данной статьи – механизмы контроля в советской системе управления кадровыми процессами на материалах Донецкой губернии в 1920–1925 гг. Статья подготовлена на основе анализа материалов Государственного архива ДНР.

Контроль за деятельностью и поведением партийно-советских работников являлся важным механизмом совершенствования работы аппарата управления. Система состояла из органов государственного и партийного контроля. Такого рода функции также осуществляли широкие массы рабочих и крестьян (народный контроль). Основным элементом управления кадрами выступал партийный контроль, который осуществляли Центральная контрольная комиссия (ЦКК), созданная по решению IX Всероссийской конференции РКП(б) (сентябрь 1920 г.), и специальные партийные комиссии при губернских комитетах партии. Так, Донецкая губернская контрольная комиссия КП(б)У была создана в марте 1921 г. Основными ее задачами являлись: борьба с бюрократизмом, злоупотреблением служебным положением, контроль за соблюдением внутрипартийной дисциплины [22, с. 52].

С целью повышения эффективности работы государственных органов, отстранения от рычагов управления лиц, дискредитировавших советскую власть и не соответствовавших по своим деловым качествам занимаемым должностям, вводился институт «чисток» советского аппарата. Они проводились в рамках тех или иных организованных центральной властью политических кампаний. 25 июня 1921 г. было принято совместное постановление ЦК и ЦКК РКП(б) «По вопросу о проверке, пересмотре и очистке партии», в котором говорилось о цели принимаемых мер – «оздоровлении и очистке партии». Основаниями для исключения из рядов РКП(б) являлись: проникновение в партию с контрреволюционными целями, преступное поведение (взяточничество, поборы в личную пользу, шантаж, злоупотребление властью), дезертирство (уклонение от воинской или трудовой повинности), недостойное члена партии поведение (карьеризм, шкурничество, пьянство, грубое обращение, буржуазный образ жизни, использование религиозных обрядов, национализм, шовинизм, юдофобство), нарушение партийной дисциплины (отказ от выполнения обязанностей, пассивное членство) [5, л. 4–5].

В конце августа 1921 г. в Донецкой губернии организовали специальную проверочную комиссию по чистке и проверке партии, которую возглавил секретарь Луганского районного комитета КП(б)У З.Ф. Ляпин [5, л. 6]. Параллельно шло формирование уездных и районных комиссий, для этой работы подбирали опытных партийных сотрудников, знакомых с мест-

ной обстановкой. Так, в состав Бахмутской уездной комиссии по чистке и проверке партии, созданной 27 августа, вошли С.И. Гопнер, Н.В. Чернов, Плотников, Крутько [7, л. 1]. В ходе кампании проверили 13 940 коммунистов, исключили 2 733 человека, из них 224 ответственных работника. В частности, секретарь Шахтинского райкома М. Козлов лишился членства в партии за исполнение религиозных обрядов, председатель Шахтинской РКИ Г. Лекарев – за «авантюризм», секретарь Мариупольского райкома И.Д. Дорожкин – за нарушение партийной этики. Примечательно, что проверке подвергались и сами члены проверочной комиссии. К примеру, в Луганском уезде член уездной комиссии Т. Исанов лишился партбилета за непредотвращение пьянства [5, л. 4–53]. В последующие годы подобные проверки превратились в системные.

Острыми проблемами в исследуемый период оказались склочничество, местничество и борьба бюрократических кланов в парторганизациях. Так, в июле 1922 г. в Мариупольском горкоме разгорелась массовая склока из-за противостояния двух группировок – городской и заводской. Коммунисты обвинялись в «ведении мещанского образа жизни, использовании благ приморского городка, выездах к морю, за город к фруктовым садам» [3, л. 91]. Как отмечалось в годовом отчете Донецкого губкома КП(б)У, «атмосфера склоки накаливалась до того, что члены партии не могли спокойно друг с другом разговаривать, доводя свои “беседы” до кулачества. Коммунист видел в коммунисте злейшего врага. Причем место, где разворачивалась “грызня”, не стесняло товарищей: будь то это небольшой круг беседующих, или заседание, или общегородское заседание» [3, л. 91–93]. В сентябре 1922 г. в результате проверки указанного факта 40 коммунистов, участвовавших в склоке, оказались сняты с занимаемых должностей.

Эффективность функционирования советской партийно-государственной системы в значительной степени зависела от четкости выполнения ответственными работниками своих должностных обязанностей. В 1924 г. в результате контрольно-проверочной работы Донецкой губернской контрольной комиссии по выявлению не справлявшихся с работой сотрудников низового партаппарата из партии исключили председателей сельсоветов – Я.Е. Григоренко (за растрату государственных средств и взяточничество), В.Л. Нисарова (за пьянство, нарушение общественного порядка, клевету, рукоприкладство, невыполнение вышестоящих директив) [6, л. 1–58], председателя волостного исполкома П.И. Коневского (за соучастие в убийстве) [4, л. 541]. Дела бывших членов партии, исключенных в связи с обвинениями уголовного характера, передавали в милицию.

Важным аспектом деятельности контрольных органов выступало противодействие разнообразным нарушениям партийных установок

и принципов в служебной и повседневной жизни коммунистов. Так, в июле 1925 г. Мариупольская окружная комиссия выявила факты злоупотребления властью со стороны руководящих работников партийно-советских органов Бердянского округа – «бесцельная езда на царскую охоту, незаконные штрафы, арест и избиение четырех рабочих и двух милиционеров, растрата государственных средств и приобретение золота и бриллиантов» [8, л. 18]. В результате уволены 16 ответственных работников (среди которых секретарь окружкома и председатель окружного исполкома), а также принято решение о пересмотре аппарата управления округа и подборе новых сотрудников.

Еще одна сторона деятельности – борьба со злоупотреблением должностными полномочиями. Для рассмотрения проступков создавались специальные комиссии. Провинившихся ответственных работников привлекали к дисциплинарной и партийной ответственности, возбуждали против них уголовные дела. Периодически принимались решения о проведении показательных судов. Так, в 1923 г. за невыполнение служебных обязанностей, а именно, за непредставление сведений об осенней посевной кампании и вспашке арестовали на трое суток председателя Бахмутского волостного исполкома. В выписке из протокола Бахмутского окружного исполкома давалось разъяснение: «Широко опубликовать об арестованном и причинах его ареста по всем волостям с предупреждением, что при повторении подобных случаев виновные будут предаваться суду Ревтрибунала и отправляться в лагеря» [10, л. 15].

Обладание властью толкало многих ответственных работников на служебные подлоги. Такие правонарушения были особенно распространены в отдаленных от центра районах. Например, в июне 1925 г. в Ново-Экономическом районе Артемовского округа председатель Гродовского сельсовета Литвин выдал гражданину Ященко фальшивую справку за вознаграждение в виде бутылки самогона [11, л. 74]. За содеянное его привлекли к дисциплинарной ответственности и сняли с должности.

В деятельности партийных комитетов на практике часто использовался метод «передвижения-переброски»: «Для искоренения влияния НЭПа на некоторых партийцев производить переброску членов партии на производство». В период с 1923 по сентябрь 1925 гг. в Донецкой губернии с ответственных постов сняли и отправили на производство 10 человек [27, с. 114].

Важной формой являлся публичный контроль: количество жалоб, заявлений, анонимных писем о нарушениях и злоупотреблениях местных аппаратчиков служило показателем качества работы учреждений и конкретных руководителей, соответствия занимаемым должностям. Однако часто эта информация, как выяснялось в ходе проверок, не соответствовала действи-

тельности. К примеру, в июне 1925 г. президиум Сталинского окружного исполкома рассмотрел жалобу крестьянского мальчика Ивана из с. Амвросиевка. В заявлении сообщалось о грубом обращении с рабочими и крестьянами заместителя председателя исполкома Власова и секретаря Мальковского. В ходе проверки указанные факты не подтвердились [9, л. 137–138].

Жалобы и заявления, содержащие указания на явные признаки уголовных преступлений, рассматривались органами прокуратуры [29, с. 36]. В 1923–1924 гг. из общего числа обращений в губернские прокуратуры УССР 57,1 % составляли жалобы на неправомерные действия местной власти [24, с. 1]. Согласно отчету прокурора Донецкой губернии, в 1924 г. только по Артемовскому округу должностных преступлений совершено 623 (44 % от общего числа) [26, с. 118], имущественных и убийств – 535 (37 %), преступлений в области половых отношений – 102 (19 %) [12, л. 33]. В целом работа с жалобами, проводимая в этот период, способствовала улучшению функционирования государственного аппарата, укреплению режима законности в его деятельности, усилению защиты прав и законных интересов граждан.

Контроль как функция управления обеспечивает правильную оценку ситуации, а также помогает определить эффективность деятельности кадров. В начале 1920-х гг. оформилась довольно сложная система контроля за деятельностью и поведением партийно-советских кадров. На территории Донецкой губернии ее развитие и становление проходило в общесоюзном русле. Как и в целом по Союзу, здесь создавался механизм управления, разрабатывались принципы контроля над региональными структурами власти.

Список источников и литературы

1. *Абракова Т.А.* Органы партийно-государственного контроля в системе губернской власти в 1923–1929 гг.: на материалах Нижегородской губернии: дис. … канд. ист. наук. Нижний Новгород, 1999. 166 л.

2. *Гаджиев Н.Г.* Исторические аспекты развития контрольных органов в СССР // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2020. № 2. С. 51–58.

3. Государственный архив Донецкой Народной Республики (ГА ДНР). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 980.

4. ГА ДНР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2091.

5. ГА ДНР. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 6 а.

6. ГА ДНР. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 47.

7. ГА ДНР. Ф. П-3. Оп. 3-1. Д. 24.

8. ГА ДНР. Ф. П-15. Оп. 2. Д. 15.

9. ГА ДНР. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 38.

10. ГА ДНР. Ф. Р-1169. Оп. 1. Д. 5.

11. ГА ДНР. Ф. Р-1169. Оп. 2. Д. 144.

12. ГА ДНР. Ф. Р-1469. Оп. 2. Д. 17.

13. *Дианов А.Г.* Рабоче-крестьянская инспекция и проблема контроля за деятельностью госаппарата в Сибири в 1920 г. // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 346. С. 64–68.

14. *Дорохова Г.А.* Рабоче-крестьянская инспекция в 1920–1923 гг. М.: Госюриздат, 1959. 182 с.

15. *Иконников С.Н.* Создание и деятельность объединенных органов ЦКК-РКИ в 1923–1934 гг. М.: Наука, 1971. 480 с.

16. *Каганович Л.М.* О задачах партийного контроля и контрольной работе профсоюзов, комсомола и печати (речь председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) на пленуме Комиссии 28 июня 1934 г.) М.: Издательство ЦК ВКП(б), 1934. 36 с.

17. *Ленин В.И.* О партийном, государственном и общественном контроле. М.: Политиздат при ЦК ВКП(б), 1971. 272 с.

18. *Медведев К.Н.* Ленинская система партийно-государственного контроля и его роль в строительстве социализма. (1917–1932 гг.). М.: Мысль, 1965. 235 с.

19. *Мехлис Л.З.* Тридцать лет социалистического Государственного контроля // Вестник государственного контроля. 1949. № 4. С. 8–22.

20. *Морозов Л.Ф., Портнов В.П.* Органы ЦКК – НК РКИ в борьбе за совершенствование советского государственного аппарата (1923–1934 гг.). М.: Юридическая литература, 1964. 220 с.

21. *Санников В.А.* Органы партийного контроля в политической системе СССР в 1920-е – первой половине 1930-х годов (на материалах Москвы): дис. … канд. ист. наук. М., 2020. 211 л.

22. *Стадник В.А.* Создание аппарата контроля в Донбассе – местных (территориальных) КК–РКИ в 1920-х гг. // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2019. № 4. С. 51–57.

23. *Туфанов Е.В.* К вопросу о деятельности органов партийного контроля в 1920–1930-е гг. (на материалах Северного Кавказа) // Научная мысль Кавказа. 2017. № 4. С.96–101.

24. *Фалькевич И.* Административный надзор прокуратуры // Вестник советской юстиции. 1925. № 1. С. 1–6.

25. *Харитонов М.Ю., Харитонова С.Б.* Историография истории органов государственно-партийного контроля Чувашии 1920–1930-х годов (советский период) // Вестник Чувашского университета. 2018. № 4. С. 172–193.

26. *Чеботарева А.В.* К вопросу о девиантном поведении ответственных партийно-советских работников Донбасса (1921–1928 гг.) // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2020. № 3–4. С.116–121.

27. *Чеботарева А.В.* Моральный облик ответственных партийно-советских работников Донбасса (1921–1928 гг.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сборник материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции (Новосибирск, 19–21 сентября 2019 г.). Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2019. С. 104–115.

28. *Чугунов А.И.* Организация социалистического контроля в СССР. 1923–1934 гг. М.: Наука, 1972. 472 с.

29. *Шабанов В.В.* Рассмотрение жалоб граждан как форма контроля над советским государственным аппаратом (1917–1927) // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 9. С. 33–37.

УДК 94(47)»1921-1922»+355.231

А.Н. Гребенкин[1]

Организация культурно-просветительной работы в 1-й Советской объединенной военной школе РККА им. ВЦИК в 1921–1922 гг.

Аннотация. Статья посвящена организации культурно-просветительной работы в 1-й Советской объединенной военной школе РККА имени ВЦИК в начале 1920-х гг. Автор дает подробную характеристику деятельности кружков и секций, показывает, что работа с курсантами не ограничивалась сугубо политической сферой и была направлена на всестороннее развитие личности обучающихся. Сделан вывод о том, что к числу главных проблем, препятствовавших успешной организации культурно-просветительной работы, относились низкий общеобразовательный и культурный уровень курсантской массы, чрезмерная загруженность будущих красных командиров учебными занятиями и нарядами, отсутствие квалифицированных руководителей, необходимых денежных средств и материальной базы и т.п. Меры, принятые в 1922 г., способствовали частичному исправлению ситуации.

Ключевые слова: Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика; военное образование; 1-я Советская объединенная военная школа РККА им. ВЦИК; культурно-просветительная работа.

Organization of cultural and educational work in the 1st Soviet Unified Military School of the Red Army named after VTSIK in 1921–1922

Abstract. This article is concerned with the organization of cultural and educational work in the 1st Soviet Unified Military School of the Red Army named after VTSIK in the early 1920s. The author gives a detailed description of the activities of circles and sections, shows that work with cadets was not limited to the purely political sphere and was aimed at the comprehensive development of the personality of students. It is concluded that among the main problems that hindered the successful organization of cultural and educational work were the low educational and cultural level of the cadet mass, the excessive workload of future red commanders with training classes and outfits, the lack of qualified managers, the necessary funds and material base, etc. The measures taken in 1922 contributed to the partial correction of the situation.

[1] **Алексей Николаевич Гребенкин** – доктор исторических наук, сотрудник Академии Федеральной службы охраны Российской Федерации (Орел, Россия), e-mail: angrebyonkin@mail.ru.

Alexey N. Grebenkin – Doctor of Historical Sciences, Employee of the Academy of the Federal Security Guard Service of the Russian Federation (Orel, Russia).

Keywords: Russian Socialist Federative Soviet Republic; military education; 1st Soviet United Military School of the Red Army named after the VTSIK; cultural and educational work.

Успешное для большевиков завершение Гражданской войны и резкое численное сокращение Красной Армии не повлекли за собой сворачивания деятельности многочисленных курсов и школ, готовивших командные кадры. Это было обусловлено тем, что «красные офицеры» считались действенными помощниками правительства, призванными ликвидировать политическую безграмотность народных масс, повысить культурный уровень крестьян и рабочих. В силу этого работа многочисленных кружков, секций и студий в советских военно-учебных заведениях считалась не менее значимой, чем учебные занятия.

Актуальность изучения культурно-просветительной работы в советской военной школе на этапе создания СССР обусловлена тем, что оно дает возможность уточнить механизм формирования социокультурного облика командного состава РККА и, шире, советской интеллигенции, причем далеко не только военной. В известной степени изучение форм и методов культурно-просветительной работы с курсантами позволяет пролить свет на истоки политики культурной революции в СССР. Кроме того, выводы, полученные в результате настоящего исследования, могут найти применение в практике работы с личным составом в современных военно-учебных заведениях России.

Проблема исследования заключается в противоречии между выявленной потребностью изучения организации культурно-просветительной работы в советских военно-учебных заведениях в начале 1920-х гг. и отсутствием специальных научных трудов, посвященных данному вопросу. Вместе с тем нельзя сказать, что культурная составляющая отечественного военного образования в указанный период находилась вне фокуса внимания исследователей. Уже в первой половине 1920-х гг. появились первые работы [1; 5], авторами которых были люди, стоявшие у истоков советской военной школы. В дальнейшем освещение культурных мероприятий неизменно выступало в качестве одной из основных задач составителей юбилейных изданий, посвященных очередной годовщине со дня создания конкретных военно-учебных заведений [3; 11]. Наконец, в последние годы появился ряд трудов, которые, рассматривая главным образом частные аспекты деятельности военно-учебных заведений (например, участие курсантов 1-й Советской объединенной военной школы РККА им. ВЦИК в охране Московского Кремля) [2; 4], тем не менее затрагивают культурные аспекты их воспитания.

Целью настоящего исследования является комплексная научная характеристика организации культурно-просветительной работы в 1-й Совет-

ской объединенной военной школе РККА им. ВЦИК в начале 1920-х гг., которая, будучи первым по времени создания и самым элитарным военно-учебным заведением Советской России, выступала в качестве своеобразного эталона. Достижение этой цели предполагает постановку и решение следующих задач: 1) анализ форм и методов проведения культурно-просветительной работы; 2) характеристику конкретных мероприятий, проведенных в рамках культурно-просветительной работы; 3) выявление факторов, препятствовавших достижению целей культурно-просветительной работы. Исследование основывается на комплексе неопубликованных документов из фондов Российского государственного военного архива.

***

1-я Советская объединенная военная школа РККА им. ВЦИК унаследовала от своего предшественника (Первых московских пулеметных курсов по подготовке командного состава РККА, реорганизованных в школу в феврале 1921 г.) прочные традиции организации культурно-просветительной работы с обучающимися. Так, в кавалерийском дивизионе летом 1921 г. по понедельникам шли занятия в музыкальном и литературном кружках, по вторникам – в драматическом и спортивном кружках, по средам – в драматическом, литературном и музыкальном кружках, по четвергам и пятницам – в спортивном кружке, по субботам – в драматическом кружке, по воскресеньям – в спортивном и музыкальном кружках. Кроме того, курсанты занимались с безграмотными красноармейцами, когда у тех появлялось свободное время. В дивизионе действовала библиотека-читальня.

По мнению исследователей, особых успехов достиг драмкружок [3, с. 47]. Силами его участников были оборудованы сцена и зрительный зал. Постановки делались главным образом на революционную тематику. Так, 24 июля 1921 г. был поставлен драматический этюд «Без страха и упрека» и показаны три номера революционной декламации. Непосредственно перед спектаклем состоялся митинг, на котором присутствовало 300 человек. Однако далеко не все постановки имели отношение к политике. Например, в рамках одного из детских праздников курсантские хор и балет принимали участие в постановке оперы «Сказка о спящей царевне» [2, с. 171].

Работа кружков не была свободна от ряда недостатков. Так, политрук кавалерийского дивизиона В. Зайцев в своем отчете отмечал, что «преподаватель спорта т[оварищ] Кузнецов свои уроки отбудет и уезжает, так что спортивному кружку приходится заниматься самостоятельно» [8, л. 2 об.]. Требовался спортивный инвентарь: гимнастические костюмы, эспадроны, футбольный мяч. Драматический кружок нуждался в постоянном руководителе, поэтому Кузнецов ходатайствовал о присылке на эту должность

взводного командира Лаврентьева, который, очевидно, был ему хорошо знаком. Политрук был откровенно недоволен позицией школьного клуба имени Я.М. Свердлова, который не оказывал драмкружку необходимой материальной помощи: «Для прошедшего спектакля клуб не отпустил ни костюмов и много кой-чего другого, что было нужно. Хорошо бы было, если бы клуб отпустил бы аршин 100 холста, которым заменили бы нам всякие декорации. Красной материи еще до сих пор ничего не отпущено» [8, л. 2 об.]. Кроме того, он просил прислать на 2–3 дня художника для украшения зала.

В августе 1921 г. вопрос о политико-просветительной работе школьного клуба был включен в повестку дня заседания политотдела школы. Политпросветсектор должен был стать главным сектором клуба. Его деятельностью руководил созданный еще в августе 1920 г. политотдел школы «при участии и под контролем бюро коллектива, бюро участка и КПК» [7, л. 2]. Работа сектора велась по четырем направлениям: 1) проведение курсов лекций; 2) создание политических и просветительских кружков; 3) организация их деятельности; 4) работа в рамках секций.

Курсы лекций читались по истории революционного движения и социализма в России и зарубежных странах, истории, программе и тактике РКП(б), истории мира и земли, а также истории экономического развития в связи с историей культуры. Политические кружки создавались в рамках следующих направлений: 1) история культуры в связи с экономическим развитием; 2) политическая экономия; 3) история революции и социализма; 4) история, программа и тактика РКП(б); 5) аграрный вопрос; 6) исторический материализм; 7) теория и практика советской власти. Кроме того, действовали агиткружок и кружок по изучению истории революционного движения среди молодежи. В октябре 1921 г. было принято решение о том, что слушателями агиткружка № 1 должны быть заместители политруков крупных частей, взводные политруки и члены бюро ротных ячеек. В агиткружок № 2 зачислялись все желающие. Список просветительских кружков выглядел гораздо скромнее: естествознание и иностранные языки.

Таким образом, политика имела явный приоритет перед просвещением. Утвержденный перечень не носил закрытого характера. Если набиралось не менее 15 курсантов или членов клуба, которые изъявляли желание изучать предмет, не предусмотренный программой, бюро сектора после предварительного обсуждения вопроса подыскивало им руководителя. Так, в августе 1921 г. при политпросветсекторе было решено создать кружок по изучению движения молодежи в России и за границей, который отличался от уже имевшегося кружка по изучению истории революционного движения среди молодежи более широкой тематикой и связью с современностью.

Во главе каждого кружка стоял руководитель, который приглашался бюро сектора, и староста, избираемый общим собранием членов кружка.

Занятия велись с периодичностью не менее 1 раза в неделю. Каждый член политпросветсектора был обязан заниматься в одном из политических кружков. Участие в работе двух политических кружков допускалось лишь на основании постановления бюро сектора. Работа каждого кружка начиналась после того, как бюро сектора утверждало представленные руководителями программы и методы работы. Независимо от графика работы политпросветсектор устраивал по средам и воскресеньям эпизодические лекции, доклады, митинги и диспуты на политическую, партийную, научную или литературную тематику.

К сентябрю 1921 г. создание новых кружков и запись курсантов в уже существовавшие были прекращены. Началась работа по налаживанию регулярных занятий. В октябре на заседании политотдела школы было принято решение следить за тем, чтобы курсанты аккуратно посещали занятия в кружках и секциях клуба. В ноябре 1921 г. политотдел призвал усилить клубную работу.

В рамках политпросветсектора действовали 4 секции: литературная, библиотечная, военная и экскурсионная. Кроме того, при литературной секции состояла литколлегия, занимавшаяся редактированием журнала «Меч и молот». Это издание, на страницах которого «систематически отражалась боевая и политическая подготовка курсантов, их быт и отдых» [3, с. 45], выходило с конца 1920 г. с периодичностью раз в 2 недели. В состав литколлегии входило по одному представителю от литературной студии, бюро коллектива, учебной части и всех четырех секторов клуба. Весь материал, который направлялся в журнал, подлежал предварительному обсуждению в соответствующих секциях. Библиотечная секция работала в тесном контакте с библиотекой ВЦИК. В целом изучению прессы в школе уделялось большое внимание. С октября 1921 г. в пехотных частях было введено коллективное чтение газет.

В рамках культурно-просветительной работы организовывали массовые мероприятия. В сентябре 1921 г. на заседании комиссии по организации октябрьских торжеств было решено включить в праздничную программу украшение Московского Кремля и здания школы, устройство агитации, проведение выставки, постановку спектакля, выпуск специального номера журнала «Меч и молот» и стенгазеты, демонстрацию спортивных номеров, осуществление военно-политических маневров и устройство детского праздника. На следующем заседании было принято решение провести военно-политические маневры на Красной площади и назначить особую подкомиссию для разработки их плана. Выставка должна была включать следующие отделы: художественный, революционно-исторический, статистический и ружейный. На заседании редколлегии журнала «Меч и молот»,

состоявшемся 30 октября 1921 г., было постановлено включить в юбилейный номер произведения, посвященные как октябрьским событиям 1917 г., так и итогам деятельности Первых московских пулеметных курсов по подготовке командного состава РККА.

Культурно-просветительная работа проводилась дифференцированно. Все курсанты разделялись на 3 группы: 1) сознательные и преданные советской власти; 2) менее сознательные и 3) враждебно относившиеся к советской власти. Была поставлена задача, опираясь на первую группу, «обработать целиком в пользу Советской власти 2-ю, наиболее многочисленную, и избавиться от последней» [6, л. 6]. В целях улучшения качества культурно-просветительной работы некоторые занятия проводили руководители партии и правительства. Так, в сентябре 1921 г. было принято решение «пригласить тов[арища] Троцкого на одно из ближайших собраний школы сделать доклад “О хозяйственном воспитании армии”, а до того этот вопрос затрагивать на собеседованиях» [6, л. 6].

В ноябре 1921 г. были подведены промежуточные итоги организации политической и культурно-просветительной работы. В кавалерийском дивизионе проведение политической работы осуществлялось на основании заданий политотдела. Избавление от ряда слабых курсантов благотворно повлияло на настроение основной массы, однако занятия в клубе посещались слабо. В артиллерийском дивизионе политическая работа проводилась удовлетворительно, но из-за того, что чистка не была проведена столь успешно, как в кавалерийском дивизионе, проведение занятий оставляло желать лучшего. В пулеметном дивизионе замечалось «ловчение от клубных занятий» [6, л. 14]. В 1-м и 2-м пехотных батальонах клубная работа была организована плохо.

В целом состояние политической и культурно-просветительной работы в школе в конце 1921 г. характеризовалось как кризисное. Главная причина этого, по мнению руководства, заключалась в том, что «курсантский состав… в большинстве своем представляет молодую, не прошедшую ни политическую, ни боевую школу жизни массу» [6, л. 14 об.]. Кроме того, со стороны начальства был допущен ряд ошибок. Так, при разработке плана работы не приняли во внимание ни уровень подготовки курсантов, ни их учебную и служебную нагрузку: ведь «к концу 1921 г. территория Московского Кремля стала охраняться исключительно подразделениями Школы имени ВЦИК» [4, с. 559]. Недостаточное внимание было уделено как непосредственным руководителям занятий, так и бюро ячеек, работавшим бессистемно и неэффективно. Политруки оказались не в состоянии подобрать себе энергичных помощников из числа обучающихся и выстроить занятия в соответствии с насущными задачами, стоявшими перед школой.

Не было налажено конструктивное взаимодействие между политруками и командным составом. Наконец, «вовремя не были приняты достаточные меры к устранению тех или иных лиц, деморализующе действовавших на курсантов» [6, л. 14 об.]. В итоге политотдел пришел к выводу, что главными факторами, мешавшими поднять организацию политической работы на должную высоту, являлись перегруженность курсантов нарядами и плачевное материальное положение семей многих курсантов представителей комсостава, способствовавшее распространению пессимизма и апатии.

В 1922 г. продолжилась работа по расширению форм культурно-просветительной работы и ликвидации выявленных недостатков. В мае в подразделениях школы были созданы агитгруппы, целью которых было «самообразование политическое, а также и разъяснение массам политических вопросов» [10, л. 6]. Между членами агитгрупп распределили газетные рубрики, перечень которых разрабатывался в каждом подразделении самостоятельно. Так, в 1-й батарее были выделены такие рубрики, как внутреннее обозрение, международная жизнь, профсоюзное движение, партийная жизнь, отдел декретов и постановлений Советского правительства. Агитгруппа 1-го эскадрона составила более внушительный список: революционное движение на Западе, антисоветская пропаганда, декреты и постановления правительства, контрреволюционная деятельность, положение рабочих на фабриках и заводах, помощь голодающим, международные отношения Советской республики, промышленность и торговля, партийная жизнь, Красная Армия. Каждый член агитгруппы должен был внимательно изучать материалы, помещенные в закрепленной за ним рубрике, конспектировать их, а затем выступать с докладом на одном из еженедельных собраний группы.

Дислокация школы в центре Москвы давала возможность водить курсантов на экскурсии в музеи. План экскурсий был разработан в начале декабря 1921 г. Руководство возложили на преподавателей учебной части школы за особую плату. Первые экскурсанты посетили 4 декабря Третьяковскую галерею и музей Наротздрава. В декабре 1922 г. руководство школы обратилось в отдел музеев Народного комиссариата просвещения с просьбой предоставить курсантам право бесплатно посещать музеи не только по субботам, но и по воскресеньям, но получило отказ.

Курсанты имели возможность посещать культурные мероприятия в других военно-учебных заведениях. Так, в декабре 1922 г. 15 учащихся, свободных от нарядов и изъявивших желание, были отправлены в клуб школы красных коммунаров, где известный музыковед, будущий директор Московской консерватории Б.С. Пшебышевский выступил с докладом на тему «Музыка и марксизм». Доклад сопровождался исполнением отрывков

из произведений различных композиторов. В целях обмена опытом в декабре 1921 г. было решено приглашать на воскресные спектакли учащихся других школ и курсов, для чего им предоставлялось определенное количество билетов.

Коммерциализация искусства, являвшаяся одним из последствий перехода к НЭПу, не обошла стороной и военную школу. Репертуар при этом составлялся исходя из вкусов публики, которые воспринимались руководством как вульгарные. В январе 1922 г. была предпринята попытка оздоровления культурной жизни военно-учебных заведений, не увенчавшаяся успехом. В июне 1922 г. комиссар Московского управления военно-учебных заведений Воробьев констатировал, что «количество платных зрелищ с весьма сомнительным репертуаром значительно увеличилось» [9, л. 3], и предупредил, что в случае сохранения подобного подхода он запретит проведение платных спектаклей в военно-учебных заведениях.

Курсанты, пропускавшие занятия в клубе, привлекались к дисциплинарной ответственности. Те, кто не мог по каким-либо уважительным причинам посетить заседания кружка, должны были заблаговременно сообщать об этом руководителям. Однако явка все равно оставалась низкой. Так, 11 июля 1922 г. из 46 курсантов и 4 служащих, записанных в кружок по изучению движения молодежи в России и на Западе, на занятии присутствовало лишь 11 человек. Из 39 отсутствовавших 19 не имели уважительных причин.

Подводя итоги, следует сказать, что организация культурно-просветительной работы в 1-й Советской объединенной военной школе РККА им. ВЦИК в 1921–1922 гг., несмотря на ее ярко выраженную политизацию, имела разносторонний характер и способствовала гармоничному развитию личности обучающихся. Ее постановке на прочную основу мешали такие факторы, как низкий общеобразовательный и культурный уровень курсантской массы, загруженность курсантов учебными занятиями, караулами по охране Московского Кремля и нарядами, отсутствие квалифицированных руководителей, необходимых денежных средств и материальной базы и т.п. Тем не менее руководство школы стремилось, пусть и не всегда успешно, поставить культурно-просветительную работу на прочную основу и превратить ее в действенное средство воспитания будущих красных командиров.

Список источников и литературы

1. *Авиновицкий Я.Л.* Советские военно-учебные заведения за 4 года (1918–1922 гг.). М.: Высший военный редакционный совет, 1922. 52 с.

2. *Ветров М.Н., Газетов В.И.* Традиции кремлевского караула. М.: Генеалогическое агентство «Семейный архив», 2015. 300 с.

3. Московское Краснознаменное. М.: Политическое управление Московского военного округа, 1957. 206 с.

4. На страже главной цитадели России: к 100-летию Службы коменданта Московского Кремля Федеральной службы охраны Российской Федерации. М.: Фонд «Русские витязи», 2018. 919 с.

5. *Петровский Д.А.* Военная школа в годы революции (1917–1924 гг.). М.: Высший военный редакционный совет, 1924. 264 с.

6. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 25024. Оп. 1. Д. 106.

7. РГВА. Ф. 25024. Оп. 1. Д. 107.

8. РГВА. Ф. 25024. Оп. 1. Д. 115.

9. РГВА. Ф. 25024. Оп. 1. Д. 127.

10. РГВА. Ф. 25024. Оп. 1. Д. 188.

11. *Рохлин Ю.М., Синев А.В., Кошняк П.Н.* Ленинградское, дважды Краснознаменное: Очерк истории Ленингр. высш. общевойскового командного дважды Краснознам. училища им. С.М. Кирова. Петродворец: [Б. и.], 1966. 245 с.

УДК 908

Д.А. Панов[1]

Управление государственной рыбной промышленностью Мурмана: на материалах «Севгосрыбтреста» (1924–1931 гг.)

Аннотация. В статье анализируется один из этапов становления рыбной промышленности Мурмана. Каждый из этапов имел свои характерные черты и отличался набором различных социально-экономических факторов, особенностями международных отношений, обстановкой внутри страны. Исследуемый период полностью приходится на годы деятельности предприятия «Севгосрыбтрест». Трест возник на базе своих предшественников – «Райрыба» и «Муробластьрыба», существование которых связано с этапом становления рыбной промышленности Мурмана. Трест выступал своеобразной экспериментальной площадкой, на которой государство испытывало те или иные социально-экономические методы управления. При этом предприятие имело определенную экономическую свободу, в то время как его предшественники находились под полным контролем государства. Трест явился первым предприятием тралового лова на Севере, которое вышло на мировую экономическую арену; именно в период деятельности «Севгосрыбтреста» промыслы окончательно обосновались на Мурмане и получили полную инфраструктуру – от пристаней до учебных заведений. Именно благодаря деятельности треста его последователи получили техническую возможность развивать оба вида лова – траловый и прибрежный (кустарный) – как полноценные отрасли рыбной промышленности.

Ключевые слова: Мурман; Севгосрыбтрест; трест; трал; филе; клипфикс.

Management of the state fishing industry of Murmansk: based on the materials of Sevgosrybtrest (1924–1931)

Abstract. The article analyzes one of the stages of the formation of the Murmansk fishing industry. All stages of this formation had their own peculiarity and were distinguished by a set of various factors in the social and economic spheres, the peculiarities of international relations in a particular period, the situation inside the country. The period under study fell entirely on the years of activity of the Sevgosrybtrest enterprise. The trust arose on the basis of its predecessors – Rayryba and Muroblastryba, which can be described as a stage in the formation of the Murmansk fishing industry. The Trust was a kind of experimental platform on which the state tested various socio-economic management methods. At the same time, the state did not deprive the enterprise of a certain economic freedom,

[1] **Дмитрий Александрович Панов** – кандидат исторических наук, экскурсовод, ПК «Кольский Край» (Мурманск, Россия), e-mail: dmipanov@yandex.ru.

Dmitry A. Panov – Candidate of Historical Sciences, guide, PC “Kola Region” (Murmansk, Russia).

while its predecessors were under the tight control of the state. The trust was the first trawl fishing enterprise in the North that entered the international trade, it was during the period of Sevgosrybtrest's activity that Murmansk fisheries finally settled in Murmansk and received a full working infrastructure for their activities – from marinas to educational institutions. It is thanks to the activities of the trust that the followers received a full technical opportunity to develop both types of fishing – trawl and coastal (artisanal) into full-fledged fishing industries.
Keywords: Murmansk; Sevgosrybtrest; trust; trawl; fillet; clipfix.

Рыбная промышленность – одна из традиционных отраслей экономики Мурманской области. Она занимает по своему значению четвертое место после добычи полезных ископаемых, обрабатывающих производств и энергетики. Рыночные преобразования 1990-х – начала 2000-х гг. характеризовались несовершенством нормативно-правовой базы, вызвали распад территориальных рыбохозяйственных объединений, разукрупнение и дробление хозяйствующих субъектов, изменение их организационно-правовых форм и возникновение большого количества новых организаций. Традиционно государственные предприятия преобразовывались в акционерные общества. Изменения как на флоте, так и на берегу проводились для достижения наибольшей коммерческой эффективности. Наметившийся в 2000-е гг. поворот государства в сторону отрасли, вызванный стремлением к продовольственной безопасности, а также международные обстоятельства способствовали тому, что сегодня отрасль вновь заняла заметное место в экономике России.

Северный государственный рыбопромышленный трест («Севгосрыбтрест») появился в период, когда советское государство искало оптимальные формы и методы управления экономикой. Трест явился одним из этапов строительства рыбной промышленности Мурмана, которая создавалась практически на пустом месте, но этапом своеобразным. Предшественников треста – «Райрыбу» и «Муробластьрыбу» – следует рассматривать как «пробу пера», а «Севгосрыбтрест» как предприятие, способствовавшее созданию рыбной промышленности Мурмана. Трест был наделен полной производственной инфраструктурой. Его деятельность отмечена выходом на международную арену (были осуществлены первые рейсы с продукцией в Великобританию), изучением новых промысловых районов, развитием тралового и берегового лова (с постепенной специализацией на первом и отказом от второго), освоением круглогодичного лова, апробацией финансово-экономических механизмов, изменением в социальном составе и географическом размещении работников.

История деятельности треста остается практически неизученной. Историография заявленной темы представлена небольшим количеством работ [6; 7; 8; 12; 14; 15; 16; 18], в которых авторы касались деятельности треста либо в контексте общей истории мурманских рыбных промыслов,

либо в ходе изучения истории Мурманска и Мурманской области. На этом фоне выделяется монография А.А. Киселева и А.И. Краснобаева [9], содержащая достаточно обширный фактический материал и статистические данные. Основой для моего исследования стали документы, обнаруженные в местных и центральных архивохранилищах: Государственный архив Мурманской области; Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга; Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный архив экономики. Также использованы опубликованные документы: отчеты и статистика, источники личного происхождения (воспоминания людей, имевших отношение к мурманским промыслам). Выявленные материалы позволили очертить проблемное поле исследования.

***

«Севгосрыбтрест» организован постановлением Совета труда и обороны (СТО) СССР от 19 апреля 1924 г. [19, л. 17]; подчинялся Наркомату продовольствия, потом Наркомату внешней торговли, а затем Высшему совету народного хозяйства (ВСНХ) СССР. Первоначально он имел следующую структуру: промысловые конторы в Мурманске и Архангельске; агентства в Сороке, Вологде, Новгороде; правление (с момента образования находилось в Ленинграде, а 15 августа 1928 г. его перевели в Мурманск). Постановлением СТО от 19 июня 1924 г. к участию в тресте разрешалось привлекать местные органы власти – губисполкомы Ленинграда, Мурманска, Архангельска, Карельской автономной республики, а также ленинградские хозяйственные организации [17, с. 62]. Таким образом, трест учреждался как акционерное общество. В его уставе, утвержденном СТО 3 декабря 1924 г., говорилось, что он создан для добычи, скупки и обработки рыбы, морского зверя и их продуктов в районе Белого моря и Северного Ледовитого океана, для эксплуатации разного рода подсобных предприятий рыбозвериного промысла, для торговли всякими разновидностями рыбы, в том числе и заграничными, а равно и другими товарами, необходимыми для организации и производства рыбозвериного промысла и снабжения промыслового населения [13, с. 287]. 1 января 1929 г. Мурманскую контору треста ликвидировали, создав на ее базе две конторы: промфлота (занималась уловом и сдачей добытой продукции на берег, с самостоятельной отчетностью) и Траловой базы (занималась выгрузкой, обработкой и затариванием добытой продукции, с самостоятельной отчетностью) [3, л. 11]. Обе конторы входили в состав «Севгосрыбтреста».

Следующий этап преобразований связан с введением пятилетнего плана развития рыбной промышленности, а также необходимостью раз-

дельного руководства двумя видами промысла – тралового и прибрежного. 22 августа 1931 г. приказом по Наркомату снабжения СССР созданы Северный траловый трест («Севтралтрест»), отвечавший за траловый лов и все, что с ним связано, и Мурманский государственный рыбопромышленный трест («Мургосрыбтрест»), ответственный за развитие колхозного и государственного лова на побережье, оперативную обработку рыбы, принимаемой от кооперативных организаций, создание моторного флота для активизации лова, заселение побережья, транспортировку готовой рыбопродукции в Мурманск и ее реализацию [4, л. 2]. Таким образом, структура треста менялась и трансформировалась в зависимости от целей, которые преследовало государство.

Трест пользовался определенной экономической свободой. Так, 17 октября 1924 г. СТО разрешило ему беспошлинно ввозить из-за границы товары и материалы, необходимые для снабжения его предприятий, рыбацкого населения, состоявшего с трестом в договорных отношениях, кооперативных и промышленных предприятий на Севере; также трест получил возможность беспошлинного и беспрепятственного вывоза за границу продуктов своего промысла [5, л. 19]. Данная льгота обуславливалась развитием промысла в сложных экономических и технических условиях, а также тем, что трест нес большие финансовые издержки (дороговизна материалов, привозимых из других регионов и т.д.). Кроме того, предприятие испытывало конкуренцию со стороны ввозимой из Норвегии трески, которая – даже со всеми пошлинами – оказывалась дешевле трески, вылавливаемой судами треста [5, л. 14–15].

Следует отметить, что постановление от 17 октября 1924 г. не могло способствовать превращению треста в поставщика импортных товаров для нужд рынка региона и страны. В нем подчеркивалось, что ввоз возможен в объемах действительно необходимых, а номенклатура импортируемых и экспортируемых товаров строго регламентировалась по ассортименту [5, л. 19]; ввозимыми товарами снабжались исключительно рыбацкий контингент и соответствующие предприятия. В этом проявлялся дуализм дарованной «экономической свободы»: с одной стороны, разрешалось вести деятельность без оглядки на центр, с другой – она была строго ограничена.

Трест первым среди рыбных предприятий Севера вышел на мировой рынок. Его суда получили возможность сразу с промысла, без захода в порт, вывозить улов на реализацию за рубеж (но с прохождением предварительного таможенного досмотра) [5, л. 28]. В 1925 г. траулеры «Форель» и «Налим» отправились в Англию со свежей рыбой во льду: первому удалось реализовать 8,1 из 36 т общего груза, второму – весь объем в 50 т [20, л. 85].

В период деятельности треста произошел перевод тралового флота в Мурманск, с этого момента превратившийся в «рыбную столицу» Севе-

ра, благодаря чему удалось освоить круглогодичный лов. 4 февраля 1925 г. Северо-Западное областное экономическое совещание (Севзапэкосо) приняло решение перенести траловую базу на Мурман. В связи с чем 20 февраля направило в ВСНХ ходатайство об отпуске кредита на перенос базы в размере 536 тыс. руб. 26 марта Архангельскому губкому препроводили копию письма Севзапэкосо с просьбой поддержать ходатайство о кредите «Севгосрыбтресту», на что получили положительный ответ только 28 апреля, а на следующий день президиум Севзапэкосо поручил председателю Мурманского губисполкома Мельникову содействовать продвижению ходатайства перед Экономическим совещанием при СНК РСФСР.

11 июня 1925 г. «Севгосрыбтрест» предоставил в ВСНХ предварительные сметы на постройку траловой базы на Мурмане. 28 сентября трест запросил у Севзапэкосо разрешение начать строительные работы, которое было получено 9 октября: трест приступил к производству землечерпательных работ у мыса Варничного и возведению двух жилых домов [21, л. 74].

«Севгосрыбтрест» также инициировал подготовку специалистов рыбной отрасли. Севзапэкосо поддержало ходатайство Мурманского губисполкома перед центром о необходимости открытия рыбацких курсов и ассигновании Наркомпросом соответствующих сумм на их содержание [21, л. 8]. Вскоре в Александровске открылась школа рыбацкой молодежи. В 1925 г. ее реорганизовали в школу профессионально-технического типа (ФЗУ), перевели в Мурманск и продолжили готовить в ней мотористов и мастеров по обработке рыбы.

Правление треста занимало довольно активную позицию. Так, в частности, оно направило внимание руководства страны на развитие тралового лова на Севере, обратившись в штаб Красного Флота, также заинтересованного в развитии тралового промысла, с просьбой поддержать судостроительную программу, аргументировав это тем, что увеличение числа траулеров приведет к увеличению тоннажа флота в целом, а в случае войны гражданские суда могут быть переоборудованы в военные с уже подготовленными экипажами, знакомыми с театром военных действий [1, л. 20–21]. Относительно финансовой стороны вопроса подчеркивалось, что «средства, затраченные на траловое дело, являются возвратными» [1, л. 14–19]: возврат предполагался посредством амортизационных сумм со стоимости флота, введения специального начисления в размере 5 % от заводской стоимости рыбопродукции или увеличения продажной стоимости товара.

В период существования «Севгосрыбтреста» шло активное развитие технико-промысловой базы хозяйства, увеличивался ассортимент продукции, изучались новые промысловые районы, внедрялись технические новации в промысел. Так, первые траулеры не имели связи ни с берегом, ни друг

с другом. Радиостанции появились на двух траулерах только в 1922 г., но их мощности хватало только в пределах видимости кораблей. Радиофикация промысловых судов продвигалась довольно медленно (в 1924 г. радиостанциями оснастили лишь 8 судов). Более совершенные, ламповые приемники стали появляться только в 1925 г. Благодаря этому появилась возможность спокойно ходить в отдаленные районы Баренцева моря, совместно облавливать рыбные скопления, открывать новые промысловые районы. Стали появляться радиосводки, оперативная информация становилась нормой. Капитан С.П. Леонтьев исследовал Гусиную банку и Западный Колгуевский район, И.Н. Демидов нашел новый промысловый район на Мурманской банке [10, с. 82–83], С.Д. Копытов в 1925 г. открыл промысловый район, известный под названием Северный склон Центрального района.

В 1926 г. наряду с соленой рыбой и тресковым жиром на траловых судах «Севгосрыбтреста» стали заготавливать парную рыбу во льду [9, с. 42]. Этому способствовала разработка инструкции о транспортировке выловленной рыбы в свежем виде. Во второй половине 1920-х гг. на мировом рынке необычайно вырос спрос на клипфиск – соответствующим образом разделанную и законсервированную солью рыбу семейства тресковых. В 1928–1929 гг. трест в виде опыта обработал и транспортировал в Великобританию 27 т полуфабриката для клипфиска, а в 1929–1930 гг. – уже 1 000 т. Изучалась возможность производства собственного клипфиска [11, с. 49–51]. Оказалось, что наивысший сорт можно было получить из только что пойманной и обескровленной рыбы, для чего требовалось обрабатывать ее на корабле, но, ввиду ограниченного числа переработчиков на траулерах, развернуть производство не удавалось. Для решения этой проблемы и механизации трудоемкого процесса в 1929 г. закупили образец машины по обработке рыбы на клипфиск немецкой фирмы «Нордишер Машиненбау», модель-420 – «Визер Сплиттер» [8, л. 41]. Еще одним новым видом рыбной продукции стало рыбное филе, вырабатывавшееся из боков рыбы – трески и пестрой зубатки. Оно выпускалось в парном или замороженном виде, отдельными кусками различной формы. В 1928 г. впервые выработали партию клипфиле из трески [2, л. 266].

В первой половине 1920-х гг. в тресте использовались тралы отечественной конструкции, разработчиками которых являлись Ф.М. Михов и С.П. Леонтьев. Но по мере развития флота и расширения его операционного пространства возник спрос на суда более совершенной конструкции. В эти годы стали вводиться такие технические новшества, как тралы с кабелями, позволявшие увеличивать улов за одно траление в 2 раза, кухтыли (поплавки для вертикального раскрытия трала), дележные стропы с линем (для разделения трала, наполненного рыбой, с целью более удобной ее выборки).

***

В своей деятельности «Севгосрыбтрест» частично опирался на опыт своих предшественников, но по большей части, учитывая изменившиеся социально-экономические условия, ему пришлось действовать по-новому. Перестройка управления промышленностью в период НЭПа наиболее резко проявилась в переходе к «трестированию» при непременном соблюдении принципа хозяйственного расчета. Изучаемый трест стал своеобразной экспериментальной площадкой. Осваивая круглогодичный лов, внедряя технические новинки, переведя траулеры в Мурманск и основав там траловую базу, создав образовательную инфраструктуру под специфику своей деятельности, экспериментируя с системой оплаты труда, открывая и изучая новые районы промысла, вступая в диалог с государством по вопросу развития рыбной промышленности, предприятие помогало находить оптимальный вариант управления рыбной промышленностью в столь специфичном регионе, как Кольский полуостров.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Мурманской области (ГА МО). Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 268.

2. ГА МО. Ф. Р-403. Оп. 1. Д. 15.

3. ГА МО. Ф. Р-534. Оп. 8. Д. 2.

4. ГА МО. Ф. Р-534. Оп. 8. Д. 3.

5. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5446. Оп. 5а. Д. 362.

6. Каменева Т.А., Хаустов П.М. Богатства Мурмана – народу. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1961. 70 с.

7. Каменева Т.А., Хаустов П.М. Вашим именем строим, работаем и живем. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1968. 223 с.

8. Камшилина И.В. Развитие рыбообрабатывающей техники в СССР: дис. … канд. техн. наук. М., 1984. 236 л.

9. Киселев А.А., Краснобаев А.И. История мурманского тралового флота. 1920–1970. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1973. 304 с.

10. На траулерах в Баренцевом море (25 лет советского рыболовного тралового флота). Сборник. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1946. 330 с.

11. Мировое производство, экспорт и импорт клипфикса // Рыбное хозяйство. 1931. № 1/2. С. 49–51.

12. *Орехова Е.А.* Колонизация мурманского берега Кольского полуострова во второй половине XIX – первой трети XX вв.: дис. … канд. ист. наук. СПб., 2009. 311 л.

13. Производительные силы Северо-Западной области. Рыбопромышленность на Мурмане. Петрозаводск: Изд. «Севзапэкосо», 1927. 335 с.

14. *Пятовский В.П.* Великим Лениным вдохновленные. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1970. 208 с.

15. *Пятовский В.П.* Преображенный Север. Ленинская программа развития производительных сил Европейского Севера СССР в действии. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1974. 416 с.

16. *Пятовский В.П.* Осуществление ленинской программы развития производительных сил Европейского Севера СССР (1917–1941 гг.): дис. … д-ра ист. наук. Л., 1974. 417 л.

17. Развитие рыбной промышленности Мурманской области. 1920–1985: сборник документов и материалов: в 2 т. Т. 1: 1920–1945 / сост.: Н.Н. Галактионова, К.С. Задворная, Г.Ф. Клочкова и др. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1986. 304 с.

18. *Сорокин В.В.* К вопросу о создании советского тралового флота на Мурмане (1920–1927 гг.) // Ученые записки Мурманского государственного педагогического института. Т. V. Кафедра истории. Мурманск: МГПИ, 1964. С. 197–220.

19. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПБ). Ф. Р-1215. Оп. 3. Д. 1.

20. ЦГА СПб. Ф. Р-1215. Оп. 3. Д. 41.

21. ЦГА СПБ. Ф. Р-1215. Оп. 4. Д. 110.

УДК 93/94

С.П. Ким[1]

Дискуссия о методологических основах мобилизации промышленности в советском правительстве в 1926–1927 гг. (по материалам Госплана СССР)

Аннотация. В статье рассматривается дискуссия о методологических основах мобилизации промышленности, развернувшаяся в советском правительстве в 1926–1927 гг. Выработка ясной и четкой методологии мобилизации промышленности являлась первым и самым важным шагом для заблаговременной подготовки народного хозяйства страны к войне. Однако в реалиях 1926–1927 гг. она определена не была, что привело, по сути, к срыву мобилизационного планирования промышленности, являвшегося одной из основ подготовки к войне.

Ключевые слова: мобилизационная подготовка; мобилизационный план; промышленность; ВСНХ; Госплан; военно-промышленный комплекс.

Discussions on methodology of mobilization of heavy industry in the government of the USSR in 1926–1927 (based on archival evidence from the funds of State Planning Committee of the USSR)

Abstract. This article reveals the essence of the discussions in the Soviet government on the methodological foundations of the mobilization of Soviet industry in 1926–1927. The development of a clear and precise methodology for the mobilization of industry is the first and most important step in the early preparation of the national economy for war. However, in the realities of 1926–1927, such methodology was not defined, which led in fact to the disruption of the preparation of the plan for the mobilization of industry, which was one of the foundations of the country's preparation for war.

Keywords: mobilization training; mobilization plan; industry; VSNH; Gosplan; military-industrial complex.

Успех в любой войне определяется не только мощью действующих армий, но и способностью в кратчайшие сроки перестроить экономику для производства необходимой фронту продукции и обеспечить ее своевременную доставку. Опыт мировых войн XX в. показал, что исключительно военный сектор промышленности («военпром») не в состоянии в одиночку спра-

[1] **Сергей Петрович Ким** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра военной истории России Института российской истории РАН (Москва, Россия), e-mail: sergeypkim@gmail.com.

Sergey P. Kim – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

виться с этой задачей. Даже в условиях, казалось бы, длительных локальных войн рано или поздно руководство воюющих стран сталкивается с необходимостью частичной мобилизации гражданского сектора экономики.

В ходе исследования становления и развития военно-промышленного комплекса СССР и строительства РККА мобилизационная подготовка изучалась Л. Самуэльсоном, А.К. Соколовым, Н.С. Симоновым, И.В. Быстровой [1; 11; 12; 13]. Более детально проблемы готовности советской экономики к войне изучались в работах М.Ю. Мухина, Ю.П. Бокарева, О.Н. Кена, А.А. Мелии [2; 6; 8; 9]. В монографии, посвященной мобилизации советской промышленности в годы первого пятилетнего плана, на основании ранее не введенных в научный оборот документов – материалов фонда Комитета обороны (ГА РФ, ф. Р-8418) – рассмотрены методологические вопросы мобилизации: соотношение компетенции общесоюзных и республиканских органов планирования (1927–1928 гг.), разработка мобилизационных планов (1929–1930 гг.) и изменение подходов к мобилизационной работе при реорганизации государственного аппарата (1930-е гг.) [7]. В настоящей статье на ранее неизвестных материалах Госплана СССР (ГА РФ, ф. 4372) будет более подробно представлено содержание дискуссии 1926–1927 гг. по вопросам общей методологии мобилизации советской промышленности.

1 мая 1926 г. СТО поручил Госплану СССР подготовить доклад «О методологии построения плана мобилизационной промышленности народного хозяйства в целом на случай войны» [7, с. 60]. Это поручение советского руководства положило начало дискуссии об основах методологии планирования экономической мобилизации (мобпланирования) в Советском Союзе. Она затихала и разворачивалась вновь с разной степенью интенсивности вплоть до 1939–1941 гг., однако на 1926–1927 гг. приходится первая попытка свести в единое целое разрозненные взгляды относительно подготовки к войне.

В дискуссии 1926–1927 гг. достаточно выпукло отражена специфика политико-экономических баталий тех лет. Во-первых, в этот период начиналась форсированная индустриализация СССР. Во-вторых, это время предшествовало переходу советской экономики на пятилетнее планирование (1928–1932), реструктуризации управленческой системы и основ ее функционирования.

Дискуссия затрагивала целый ряд вопросов, связанных с подготовкой тяжелой промышленности к мобилизации. К ним относились границы компетенции общесоюзных и республиканских органов мобпланирования, создание единого руководящего центра и выстраивание принципов его работы, подход к выработке планов мобилизации советской промышленности в случае войны. Однако самые ожесточенные споры в советском руковод-

стве вспыхивали вокруг принципов и методов мобподготовки тяжелого индустриального комплекса.

Уже 9 июня 1926 г. Госплан СССР признал, что не может выполнить указание СТО в силу отсутствия опыта и соответствующего этой задаче аппарата, и может лишь дать заключение [7, с. 60]. В дальнейшем Госплан, впрочем, активно выступал в качестве третейской стороны при рассмотрении вопросов мобилизации промышленности. Их решение отложили до октября 1926 г., а разработка пятилетнего перспективного плана «оздоровления и развития военной промышленности» была возложена на ВСНХ и Наркомат по военным и морским делам СССР.

Формирование основ и принципов мобилизации промышленности требовало оценки потребностей армии и состояния военной промышленности на текущий момент. 30 июня 1926 г. в Госплан СССР поступил доклад Военно-морской инспекции Наркомата рабоче-крестьянской инспекции СССР (НК РКИ), подписанный ее начальником Н.И. Мураловым, который был разослан также в Штаб РККА, Управление снабжений РККА, Президиум ВСНХ СССР, Главное управление военной промышленностью (ГУВП)[1] и Наркомат финансов. Доклад суммировал основные итоги и выводы по результатам проведенной во втором полугодии 1924 – начале 1925 г. в соответствии с Планом работ НК РКИ проверки мобилизационной готовности РККА и советской промышленности. Все принципиальные рекомендации, данные в докладе, были утверждены в первой половине июня на заседании Военно-морской инспекции НК РКИ и легли в основу проекта постановления коллегии НК РКИ по вопросу о готовности промышленности к мобилизации на случай войны[2]. При обсуждении присутствовали представители штаба РККА, Мобилизационно-планового управления снабжения РККА, Мобилизационного отдела военной промышленности, Главного управления военной промышленности, Наркомата флота и артиллерийского управления.

В первую очередь Военно-морская инспекция исследовала имевшиеся в 1924–1925 гг. запасы вооружения и пришла к выводу о том, что обеспеченность Красной Армии в случае войны недостаточна и весьма неравномерна [5, л. 64]. Запасы артиллерийских орудий лишь частично покрывали потребности в мобилизационном развертывании: «задел» имелся только на некоторые калибры орудий, снарядные корпуса, порох и дистанционные трубки, последние при этом нуждались в массовой переделке и пересмотре. По другим калибрам количество орудий было недостаточно даже для снабжения войск согласно штатам военного времени, т.е. в ситуации, когда все

[1] Главное управление военной промышленностью – орган в составе ВСНХ СССР, в ведении которого находились вопросы, связанные с военной промышленностью.

[2] Здесь и далее: мобилизационная готовность (мобготовность) промышленности.

должности по войсковому штатному расписанию заполнены полностью. Запасов стрелкового оружия (пулеметов и винтовок) хватало лишь на два месяца войны согласно тем же штатам военного времени. В то же время учет текущих запасов вооружения, по данным проверки, был организован неудовлетворительно, точные данные отсутствовали.

Боеприпасы также были весьма ограничены: по готовым винтовочным патронам РККА была обеспечена только на два месяца войны. Поскольку производство снарядов и патронов включало в себя ряд операций, выполнявшихся разными предприятиями, имевшегося «задела» по составным частям для стрелковых патронов хватало лишь на изготовление запасов, необходимых для снабжения советских войск по штатам военного времени, и половины от двухмесячной потребности на случай войны. Орудийных боеприпасов хватало на обеспечение войск по штатам военного времени при том, что обеспеченность по ним являлась условной и требовала дополнительной проверки. Запасы продовольствия составили половину от двухмесячной потребности.

Еще до начала проверки комиссией НК РКИ Народный комиссариат по военным и морским делам СССР (НКВМ, Наркомвоенмор) сформировал мобилизационную заявку (мобзаявку) – номенклатуру и количество вооружения, боекомплекта и другого оборудования, необходимых в случае войны для обороны страны, из расчета на первый год военных действий. Эти данные, подготовленные главными «заказчиками» вооружения и боеприпасов – НКВМ и Штабом РККА, – являлись основополагающими для выполнения «заказов» промышленниками. Ситуацию осложняло то, что запасы, оставшиеся после Первой мировой и Гражданской войн, покрывали лишь небольшую часть потребностей. Комиссия НК РКИ подсчитала, что запасы по готовым патронам и артиллерийским снарядам составляли 40 % от заявки Наркомвоенмора, по пороху – 38 % и по взрывателям 10 % [5, л. 62]. В дальнейшем выяснилось, что часть запасов пришла в негодность из-за ненадлежащего хранения или безнадежно устарела.

Дискуссия 1926–1927 гг. в полной мере актуализировала необходимость оценки не умозрительных и «бумажных», а реальных возможностей советской промышленности. Наркомат РКИ подверг критике расчеты Наркомвоенмора относительно производственных мощностей как в военном, так и в гражданском секторах. В частности, по оценкам Наркомвоенмора, они должны были обеспечить производство вооружения и боеприпасов, которых хватило бы на три месяца войны, что, по мнению НК РКИ, не подкреплялось ни теоретическими, ни практическими соображениями. Как показывал опыт Первой мировой войны, для перехода на нормы военного времени отраслям металлообработки требовалось 6–12 месяцев, в течение трех месяцев можно было осуществить лишь мобилизацию текстильной

промышленности, которая не требовала освоения специальных технологий, необходимых для выпуска военной продукции. Следовало принимать во внимание и то, что часть военных заводов в невоенное время будет законсервирована. Наркомат РКИ предполагал, что расчет должен определяться сроком мобилизационного развертывания[1]. Однако заявка Наркомвоенмора превосходила не только максимальные возможности промышленности, но и те, которые, как предполагалось, страна смогла бы обеспечить в ближайшие пять лет даже с учетом плана индустриализации. Так, для ведения войны в течение одного года, по оценке Наркомвоенмора, требовалось 32 млн снарядов для полевой артиллерии и 3,25 млрд винтовочных патронов, на изготовление которых ушло бы 4,8 млн пудов цинка, 2,2 млн пудов меди и 3,64 млн пудов свинца, что, уже по подсчетам НК РКИ, превышало планируемую на 1931–1932 гг. добычу (1 млн пудов цинка, 3 млн пудов меди, 460 тыс. пудов свинца).

Большие объемы требовали заблаговременного накопления металлов, так как в случае войны устоявшиеся производственные связи между гражданскими заводами разрываются, часть рабочих уходит по войсковой мобилизации на фронт. По мнению НК РКИ, расходы на формирование мобзапаса по металлам составят 160 млн руб., при этом потребуется модернизация и расширение имевшихся заводов, в особенности, артиллерийских (до 600 млн руб.), и для выполнения заказов, исходя из текущего состояния промышленности, – еще 830 млн руб. Всего же, по оценкам, представленным в докладе, для выполнения заявки Наркомвоенмора требовалось не менее 1,6 млрд руб. [5, л. 61].

Очевидно, что «аппетиты» Наркомвоенмора следовало сократить, поскольку правительство СССР помимо военных потребностей планировало увеличить расходы на культуру и социальную сферу. Согласно ориентировочным выводам Госплана, всего на развитие промышленности в ближайшие пять лет планировалось потратить: за 1926–1927 гг. – 653 млн руб., что на 12,3 % больше по сравнению с 1925–1926 гг., за 1927–1928 гг. – 715,5 млн руб. (рост на 9,3 %), 1928–1929 – 776 (7 %), 1929–1930 – 834,7 (7,6 %) и за 1930–1931 гг. – 868,5 млн руб. (4 %) [5, л. 60].

Наркомат РКИ, проанализировав реальные и планируемые возможности советской промышленности, учитывая слабую в целом мобготовность заводов военной промышленности и предполагаемые расходы на ее расширение, предложил сократить мобзаявку Наркомвоенмора примерно в 1,5 раза. По его расчету, требовалось 22 млн артиллерийских снарядов

[1] Понятие «мобилизационное развертывание» используется до сих пор. Согласно Военному энциклопедическому словарю, мобилизационное развертывание представляет собой «комплекс мероприятий, проводимых в целях планомерного перевода военной организации государства с мирного на военное время».

и 2,5 млрд винтовочных патронов. Однако и эти цифры были весьма умозрительными: принятие такого плана было возможно лишь при условии, что численный состав Красной Армии в течение 1926–1930 гг. не будет увеличен, рост расходов на зарплату за это же время не превысит 30–35 % от ставок текущего года, а расходы на натуральное довольствие останутся стабильными [5, л. 58]. Всего на выполнение мобзаявки, скорректированной НК РКИ, закладывалось около 300 млн руб., что не потребовало бы сокращения финансирования других проектов Наркомвоенмора.

Следует отметить, что выполнение мобзаявки Наркомвоенмора ставилось под сомнение не только из-за финансовых вопросов. Наркомвоенмор не разработал план развития военной промышленности и программу выполнения военных заказов на ближайшие годы. Наркомат РКИ исходил из того, что в мирное время военные заводы не будут загружены, что могло сказаться на качестве и количестве продукции, производимой при 100 % загрузке во время войны. Чтобы военная и мобилизованная гражданская промышленность могли обеспечивать фронт в течение года войны, требовалось «держать в тонусе» военпром, давая ему заказы в размере 20–25 % от объема продукции, которую предприятия могут выпускать при полной загрузке [5, л. 57]. Также НК РКИ предлагал производить на военных предприятиях общегражданскую продукцию и вообще интегрировать их «кустовым методом» в гражданский сектор «по производственному сходству и территориальной смежности». Под «кустовым методом» подразумевалось включение заводов в «кусты» – объединения предприятий по схожему профилю, выпускавшие одну и ту же продукцию или ее разные составляющие. Например, снаряд состоял из так называемого снарядного стакана, корпуса, пороха, взрывчатой снаряжательной части, взрывателя, сердечника и др. элементов. Предприятия, в том числе мобилизуемые во время войны гражданские фабрики, выпускали их полностью или штамповали заготовки для них (например, листы для корпусов снарядов) по отдельности, а затем один из военных заводов «куста» (иногда – единственный) осуществлял сборку готового снаряда.

Кустование активно применялось при электрификации СССР, требовавшей концентрации сил и средств для создания единой электросети по всей стране [10, с. 558–560]. Применительно к вопросам мобилизационной подготовки возникали трудности в кооперации заводов друг с другом. Для того, чтобы мобилизуемые гражданские предприятия могли выпускать вооружение и снаряды или материалы для их производства, необходимо было заранее осваивать военные технологии, нормативы качества, номенклатуру изделий, обучать рабочих и управленцев. Решение этих задач НК РКИ, а затем и ВСНХ видели в унификации всего гражданского и во-

енного производства. Данные меры, с точки зрения НК РКИ, смогли бы сохранить квалифицированные рабочие кадры, оздоровить общегражданскую промышленность, а также амортизировать неизбежные потери производственного оборудования из-за износа, устаревания и поломок.

Весомым преимуществом объединения гражданской и военной промышленности, как отмечалось, становилась рационализация производства. Наркомат РКИ отмечал, что спрос на высококачественную сталь, производимую на оборонных заводах, будет увеличиваться и среди гражданских заказчиков, что потребует пересмотра всей системы сырьевого снабжения в стране. Военные заводы, унифицированные с гражданским производством, смогут повысить свою рентабельность. Выполнить мобплан, требовавший от гражданских предприятий освоения технологий производства военной техники, значительно легче, если будет стираться грань между военным и гражданским секторами промышленности. Таким образом, по мнению НК РКИ, в случае необходимости будет обеспечена «безболезненная и быстрая» экономическая мобилизация во время войны.

Устранение выявленных проблем, согласно докладу НК РКИ, ставило перед советским правительством ряд задач; самые сложные из них предлагалось поручить ВСНХ. В число приоритетных входили: 1) уточнение сроков перехода на военное производство гражданских отраслей, необходимых для выпуска оборонной продукции; 2) разработка плана изготовления импортного оборудования и материалов; 3) составление плана производства товаров общегражданского назначения на военных заводах; 4) совместная с Реввоенсоветом СССР организация производственных ячеек на заводах гражданской промышленности, чтобы они могли скорее освоить технологические процессы производства вооружения и боеприпасов. Важными задачами становились коренной пересмотр номенклатуры изделий, а также производство высокосортной стали, необходимой для военной промышленности [5, л. 53–54].

Наркомвоенмору также отводился ряд трудоемких задач, вытекавших из неверных расчетов. Большинство из них касалось производства артиллерии, состояние которой раскритиковали. Во-первых, большая часть артиллерийского парка состояла из орудий, использовавшихся в Первой мировой войне, и нуждалась в модернизации. Во-вторых, требовался пересмотр плана текущих военных заказов, который являлся «нереальным по финансовым показателям». Он составлялся из расчета потребностей для ведения войны в течение трех месяцев и в него был заложен значительный процент орудий, нуждавшихся в замене в процессе эксплуатации (5–7 %). При этом имевшихся индустриальных возможностей было явно недостаточно для ведения войны в течение одного года – большая часть мобзаданий по

артиллерии должна была выполняться несколькими заводами в Ленинградской области. В то же время утвержденный план развития орудийной промышленности еще не был создан, отсутствовали программы для военных заказов, а программа расширения орудийных заводов базировалась на устаревших принципах. В-третьих, по мнению НК РКИ, план реорганизации орудийных заводов должен был предусматривать концентрацию производства с учетом усиленной загрузки текущими заказами, требований безопасности, наибольшей экономичности и целесообразности. Этим критериям пока соответствовал лишь Пермский завод. Наконец, Наркомвоенмору было предложено обеспечить изготовление запасных элементов орудий с тем, чтобы была возможность ремонтировать поврежденную во время войны артиллерию.

Замысел НК РКИ о взаимной интеграции военной и гражданской промышленности в институциональном плане требовал высокоорганизованного взаимодействия ВСНХ и военных ведомств, особенно Наркомвоенмора. Весь мобплан по артиллерийскому обеспечению должны были выполнять всего три предприятия: Пермский, Московский и Сталинградский орудийные заводы, которые нуждались в модернизации и расширении. Ленинградский орудийный завод, обладая производственными возможностями, ввиду близости к государственной границе не мог полноценно выполнять мобплан. Его предложили свернуть и перенаправить производство в Сталинград.

Отдельно нуждался в проработке вопрос о снарядном обеспечении войск. Производство снарядных корпусов требовало не только расширения производственной базы уже имевшихся заводов, но и сырья: на производство 22 млн снарядных корпусов уходило 50 млн пудов стали [5, л. 43]. Учитывая интересы других наркоматов, а также неизбежно возникавшие логистические проблемы в условиях боевых действий, снабжение артиллерийскими боеприпасами упиралось в общую проблематику развития металлообработки в стране. При этом металлопромышленность давно уже не привлекалась к массовой выработке снарядной стали. Для восстановления снарядного производства следовало сконцентрировать его на мощных заводах Уральского и Южно-Русского районов, не восстанавливая маломощные предприятия. При этом расходы на новое производство следовало рассчитывать таким образом, чтобы текущие заказы по смете Наркомвоенмора приходились на последние годы. Финансирование модернизации военных предприятий предлагалось передать в ВСНХ, сохранив за Наркомвоенмором контроль за распределением средств.

Снабжение стрелковым оружием хотя и подверглось наименьшей критике со стороны НК РКИ, но все же нуждалось в улучшении. Пулеметные заводы в Туле и Коврове могли удовлетворить нужды фронта, но насколько

станковые пулеметы «Максим» и ручные пулеметы системы «Максим-Токарев» отвечали современным требованиям – этот вопрос нужно было прояснить. Часть запасов винтовок Мосина (4–8 %) нуждалась в замене по причине изношенности [5, л. 41]. Гораздо лучше, по сравнению с артиллерийскими снарядами, было развито производство винтовочных патронов, даже с учетом того, что медь, никель, олово и цинк ввозились из-за рубежа. Промышленность была в состоянии полностью покрыть мобилизационную потребность Красной Армии в 1,4 млрд боеприпасов уже в 1927 г., увеличив запасы до 2,2 млрд.

Пороховая индустрия и производство взрывчатых веществ, без которых невозможно изготовление амуниции, также имели трудности. Требовалось не только расширение производства, но и полная передислокация некоторых заводов (например, Шлиссельбургского) из-за близости к государственной границе. Необходимые военному производству запасы пороха имелись, однако они в основном использовались для выполнения текущих заказов; требовалось их обновление. Кроме того, возникала необходимость создать мобзапас в 10 % от максимальной загрузки заводов [5, л. 32].

В заключение доклада НК РКИ давалась оценка состоянию всей мобилизационной работы, проводимой ВСНХ, Наркомвоенмором, Мобилизационно-плановым управлением снабжения РККА, Мобилизационным управлением штаба РККА и другими ведомствами. Отмечалось, что, во-первых, рассмотрение вопросов мобподготовки во всесоюзном масштабе только начиналось, и к середине 1926 г. еще не вышло из стадии организационного оформления. Вопросы мобилизации сводились пока исключительно к потребностям непосредственно обороны и не учитывали то, что она должна охватывать всю страну в целом. Методология и методы мобилизации экономического сектора, которые разрабатывали Межведомственная мобилизационная комиссия при Наркомвоенморе, увязли в обсуждении организационных вопросов. Планомерное и организованное рассмотрение вопросов мобилизационной работы велось только в Наркомвоенморе. Фактически же мобработа оставалась на начальном этапе: была составлена лишь общая мобзаявка от Наркомвоенмора, которая и была раскритикована Военно-морской инспекцией НК РКИ. В целом авторы доклада отмечали, что Наркомвоенмором проведена «значительная работа по выяснению и упорядочению мобзаявок… на год ведения войны, по составлению плана накопления запасов, хотя и несвободного от недостатков, но важного в качестве первого опыта программы, представляющей более-менее цельную картину обеспеченности мобразвертывания Красной Армии» [5, л. 24]. Высоко была оценена также и работа по разработке и изданию табелей снабжения.

Главным недостатком авторы доклада считали «некий параллелизм» между Мобилизационно-плановым управлением снабжения РККА и Мобилизационным управлением штаба РККА. Военно-промышленное управление (ВПУ) при Президиуме ВСНХ недавно завершило реорганизацию, «устранив самостийность» и структурировав систему подчиненных региональных моборганов. Работа над вопросами мобилизации экономики в ВПУ ВСНХ еще не была выстроена, а в некоторых важных областях и вовсе не начиналась. Первой задачей ВПУ после реорганизации должна была стать, по мнению Военно-морской инспекции НК РКИ, разработка порядка согласования мобплана промышленности с общими потребностями страны, создание Положения о местных моборганах промышленности и ускорение образования отраслевых Управлений ВСНХ. Мобилизационный отдел Военпрома вовсе не располагал данными по мобилизации подведомственных ему заводов. Часть наркоматов (кроме НКПС и НКПТ) также не приступили к работе из-за неукомплектованности штатов.

Следует констатировать, несмотря на все разногласия военные ведомства (Наркомвоенмор, НК РКИ, Штаб РККА) соглашались в том, что развитие гражданской промышленности в ходе предстоявшего первого пятилетнего плана должно быть подчинено задачам развития оборонного сектора. Однако в итоге советское правительство не предусмотрело отдельной программы расширения военно-промышленного комплекса. Не намечалось даже создание цехов по выпуску военной продукции в мобилизуемых гражданских предприятиях.

В апреле 1927 г. ВСНХ представил в СТО доклад «О перспективном плане развития заводов военной промышленности». Сам доклад, к сожалению, в материалах Госплана не сохранился, однако, судя по разгоревшимся спорам, в нем предлагалось четко разграничить военпром и гражданский сектор, развивать их в соответствии со спецификой производства [3, л. 40]. По логике ВСНХ, только военная промышленность должна была снабжать фронт во время войны. Необходимый объем финансирования плана был определен в 345 млн руб. Штаб РККА в лице А.С. Шипека (с октября 1927 г. перешел в Госплан), апеллируя к опыту западных стран, ответил, что успех войны в большей степени зависел от работы мобилизованной гражданской промышленности. Особое внимание он предложил уделить созданию запасов по наиболее редким металлам и химическому сырью, чтобы избежать простоя из-за перебоев поставок во время войны [3, л. 59].

Во второй половине 1927 г. вопросы общей методологии мобработы, на сколько позволяют судить документы Госплана, отошли на второй план. Приоритетной задачей на 1927–1928 гг. объявлялось создание мобилизационного плана. В конце декабря 1927 г. ВСНХ доложил в СТО о результатах

работы специальных сотрудников, прикрепленных к гражданским заводам для оценки состояния мобработы. В докладе ВСНХ, отправленном в СТО 4 января 1928 г., указывалось, что главной задачей для промышленности должно стать «всяческое понуждение предприятий к скорейшему завершению мобилизационного плана» [4, л. 5]. При этом ВСНХ признавал, что полная ясность методологии мобработы отсутствовала. В частности, оставалось непонятным обеспечение материальных потребностей предприятий при мобилизации. ВСНХ пытался убедить СТО в том, что «этот вопрос в настоящее время решен», но ранее он же говорил, что «нельзя рассчитывать на высокое качество ныне составляемого мобплана, так как исходные данные, положенные в его основание, были недостаточно подкорректированы в свое время и содержат ряд неувязок» [4, л. 5–6]. Иными словами, когда в конце декабря 1927 г. свернули дискуссию об основах мобработы, они еще не были четко определены. В советском правительстве начались новые споры – о содержании мобплана, – в которых Госплан уже не оставался безучастным наблюдателем.

***

Имеющиеся документы не позволяют точно определить причины сворачивания дискуссии вокруг методологии мобилизации советской индустрии. Стоит предположить, что окончательное решение этого вопроса было отложено из-за необходимости расширения зоны компетенции тех ведомств, которые его прорабатывали. НКВМ в своем соперничестве с СТО [7, с. 270], несмотря на всю критику, пытался продавить свое видение мобилизации промышленности. Для решения сложившейся ситуации требовалось создать единую сеть мобилизационных органов, которые могли бы вмешиваться в экономическую деятельность правительственных органов. Попытка создания такой системы приходится на первую половину 1930-х гг. [7, с. 270].

Итогом дискуссии 1926–1927 гг. стало решение СТО о разделении плана мобилизации на две отдельные составляющие: мобилизационного плана по промышленности, центром которого должна стать мобилизация тяжелых отраслей экономики, и общего – для всей страны, работу над которым вел Госплан СССР и который включал мобилизацию гражданского транспорта и должен был увязываться с планом войсковой мобилизации, разрабатывавшемся Штабом РККА и НКВМ.

Подводя итоги, следует отметить, что методологические принципы мобилизации промышленности не были окончательно утверждены к концу 1927 – началу 1928 г. Несмотря на то, что все курировавшие ее ведомства имели определенное представление о мобработе, каждое из них и в 1926–1927 гг., и в последующие годы имело свое представление о том, как

она должна выстраиваться. Но споры о методологии не затихли, а разгорелись вновь, но уже в ходе длительной разработки и согласования мобилизационного плана, впоследствии получившего обозначение «С-30». В итоге Госплан, рассмотрев в декабре 1929 г. составленный с большим опозданием мобплан, пришел к выводу о его несостоятельности, что, как выяснилось, было обусловлено значительными лакунами в методологии мобподготовки.

Список источников и литературы

1. *Быстрова И.В.* Советский военно-промышленный комплекс. Проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М.: ИРИ РАН, 2006. 702 с.

2. *Бокарев Ю.П.* Создание учреждений мобилизационной военной экономики в СССР // Россия и современный мир. 2015. № 4. С. 188–199.

3. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 4372. Оп. 91. Д. 64.

4. ГА РФ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 128.

5. ГА РФ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 162.

6. *Кен О.Н.* Мобилизационное планирование в контексте внутренней политики и международного положения СССР. 1927–1935 гг.: дис. … д-ра ист. наук. СПб., 2003. 588 л.

7. *Ким С.П., Мухин М.Ю.* Мобилизационная подготовка советской промышленности в годы первой пятилетки. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 274 с.

8. *Мухин М.Ю.* О создании системы органов мобилизационной подготовки промышленности в Советской России и СССР в 1921–1927 гг. // Оборона России. 2017. № 6. С. 64–71.

9. *Мелия А.А.* Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. 350 с.

10.Развитие электрификации советской страны 1921–1925 гг. Сборник документов и материалов. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. 703 с.

11. *Самуэльсон Л.* Красный колосс: становление советского военно-промышленного комплекса. 1921–1941. М.: АИРО-XX, 2001. 294 с.

12. *Соколов А.К.* От военпрома к ВПК: советская военная промышленность. 1917 – июнь 1941 г. М.: Новый хронограф, 2012. 523 с.

13. *Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы. Темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: РОССПЭН, 1996. 333 с.

УДК 93/94:614.2

В.Н. Сергеев[1]

Два лика Н.А. Семашко: особенности совмещения должностей наркома и профессора в 1920-е гг.

Аннотация. Фигура Н.А. Семашко привлекает исследователей из разных наук уже более 70 лет. Большинство из них сосредотачивают внимание на его деятельности на посту наркома здравоохранения РСФСР. Вопросам же научной и педагогической деятельности посвящена малая часть исследований. В данной статье описывается и анализируется взаимосвязь между работой Семашко на посту наркома и заведующего кафедрой в 1-м МГУ. Отвечая на вопрос, кто больше выиграл – нарком или профессор, можно понять причины такого совмещения должностей и последствия для всей системы высшего медицинского образования.

Ключевые слова: Н.А. Семашко; МГУ; профессиональная патология; социальная патология; социальная гигиена; гигиена труда; история медицины труда.

Two faces of N.A. Semashko: features of combining the post of People's Commissar and professor in the 1920s

Abstract. The figure of N.A. Semashko has been attracting the attention of the researchers from different fields for more than 70 years. Most of them focus on Semashko's activities as People's Commissar of Health in Soviet Russia. A small share of studies is dedicated to the issues of his scientific and pedagogical work. This article describes and analyses the relationship between the work of Semashko as People's Commissar and the head of the department at the 1st Moscow State University. Answering the question 'who benefited the most, the People's Commissar or the professor?' one can understand the reason for such combination and the subsequent impact on the entire system of higher medical education.

Keywords: N.A. Semashko; Moscow State University; occupational pathology; social pathology; social hygiene; occupational hygiene; the history of occupational health.

Долгая жизнь Николая Александровича Семашко (1874–1949 гг.) в сочетании с его периферийным политическим положением в 1930–1940-е гг. обеспечили ему уникальный статус в историографии и пространстве коммеморации. С середины XX в. существует большое количество лечебных,

[1] **Всеволод Николаевич Сергеев** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института медицины труда им. академика Н.Ф. Измерова (Москва, Россия), e-mail: sergeew.w@irioh.ru.

Vsevolod N. Sergeev – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Izmerov Research Institute of Occupational Health (Moscow, Russia).

научных и образовательных учреждений, которым присвоено его имя. Научное освоение жизни и деятельности Семашко началось практически сразу же после его смерти [4]. В периоды «оттепели» и «застоя» его образ удачно вписывался в разные веяния историографии и общественно-политической мысли. С одной стороны, он относился к плеяде героев революции и Гражданской войны («комиссары в пыльных шлемах»), с другой, являлся создателем влиятельного и важного Народного комиссариата (министерства) здравоохранения. Все это привело к появлению значительного числа биографий [2; 6; 12; 13; 17; 18; 20; 22; 32]. Не остывает исследовательский интерес к его фигуре и в XXI в., особенно в юбилейные годы [1; 7; 8; 9; 11; 15; 16; 21; 23; 24; 25; 27; 28; 29; 30; 33]. Несмотря на обилие публикаций некоторые темы остаются слабоизученными. К таковым относится его научно-педагогическая деятельность [5; 23]. В данной статье внимание будет уделено отдельным аспектам создания Кафедры социальной гигиены МГУ и Клиники социальных и профессиональных болезней, в особенности роли Семашко в их появлении.

В 1920-е гг. в Советской России сложилась своеобразная система здравоохранения. Одной из ее характерных черт явилась концентрация практически всей сферы охраны здоровья в рамках Народного комиссариата здравоохранения (НКЗ) и его региональных аналогов. На момент создания общероссийской структуры летом 1918 г. вопросами медицины и врачевания занимались несколько ведомств (военное, внутренних дел, государственного призрения и др.). Семашко и его единомышленники приложили немало усилий для передачи под руководство наркомата всех медицинских учреждений [19]. Следование принципу «один наркомат – одна сфера деятельности (отрасль народного хозяйства)» привело к казусу в вопросе подчинения университетской медицины. Параллельно с созданием единой системы охраны здоровья населения и концентрацией ее управления в НКЗ аналогичный процесс шел в сфере образования: Наркомату просвещения были подчинены все учебные заведения вплоть до университетов. Однако во все времена подготовка высших медицинских кадров предполагала наличие практических занятий с пациентами, а также передачу знаний по принципу «мастер – подмастерья» [3]. Организационным выражением этих принципов являлось и является до сих пор наличие при университетах клиник как учебно-вспомогательных учреждений. В 1920-е гг. вузовская медицина в финансовом и административном плане подчинялась Наркомпросу, а в академическом плане – Отделу медицинского образования Главпрофобра Наркомпроса и Ученому медицинскому совету при НКЗ [26, с. 777]. Данная система обеспечивала профессорско-преподавательскому составу медицинских факультетов и их образовательных аналогов сохранение ав-

тономии и давала возможность разных альянсов для достижения нужных результатов.

Будучи сторонником развития социальной гигиены, Семашко предпринимал активные попытки реформировать медицину за счет развития профилактических компонентов. Стоит отметить, что до массового внедрения антибиотиков в середине XX в. именно развитие профилактической медицины помогало сдерживать распространение инфекционных заболеваний. Но усилия по ориентации сферы здравоохранения на укрепление профилактических начал наталкивались на то, что медицинские учебные заведения оставались бастионами сторонников доминирования лечебного дела. В начале 1920-х гг. для ускорения трансформации медицинского образования Семашко начал реформу «снизу», явочным порядком, через создание новых подразделений при московских университетах.

Первый шаг по изменению системы обучения врачей последовал в 1920 г., когда Семашко и его заместитель З.П. Соловьев прочитали для студентов московских медфаков курсы лекций по основам социальной гигиены и задачам советского здравоохранения. В октябре 1921 г. Главное управление профессионального образования Наркомпроса приняло решение о создании на Медицинском факультете I МГУ Кафедры социальной гигиены под руководством Семашко, и уже в феврале 1922 г. на кафедре прочитали первую лекцию [23, с. 99–100]. Необходимо учитывать, что в это время «социальная гигиена» как дисциплина трактовалась очень широко и включала в себя направления, которые сейчас являются самостоятельными – социальные болезни, охрана материнства, гигиена и охрана труда, коммунальная гигиена и др. Для чтения лекций по столь широкому кругу вопросов привлекались крупные специалисты, которые в большинстве случаев занимались организационной работой в сфере гигиены и санитарии. Коммунальную гигиену преподавали ассистент А.Н. Сысин – многолетний руководитель Санитарного отдела НКЗ, и И.Г. Гельман, который на тот момент возглавлял Жилищно-санитарный подотдел НКЗ. Лекции по гигиене и охране труда читал С.И. Каплун, возглавлявший Отдел охраны труда Народного комиссариата труда (НКТ). Широкое использование практиков-администраторов для преподавательской работы было характерно для медицинского образования 1920-х гг.: отмена ученых степеней и званий в 1918 г. облегчила конверсию символических капиталов. Также привлечение практиков позволяло сократить финансовые затраты. В своей научной деятельности кафедра тесно сотрудничала с Государственным институтом социальной гигиены НКЗ [34]. Симбиоз научно-педагогического и научно-исследовательского учреждений из системы разных наркоматов

был распространенным явлением, позволявшим преодолеть ведомственные границы.

Реализация задачи по фундаментальной перестройке системы подготовки врачей требовала не только создать еще одну теоретическую кафедру, а существенно пересмотреть клиническую подготовку, «внедрить в умы студентов социально-гигиенический подход при осуществлении в будущем их врачебной деятельности» [10, с. 105]. Важным шагом в этом направлении стало создание в конце 1922 г. Клиники социальных и профессиональных болезней (КСПБ) при Государственной высшей медицинской школе (ГВМШ, Московском медицинском институте) в Лефортово. Новая клиника должна была стать учебно-вспомогательным учреждением для медицинских факультетов всех московских университетов. Однако с этим сразу же возникли трудности. Во-первых, ГВМШ ориентировалась на переподготовку военных фельдшеров и зауряд-врачей военного времени. Во-вторых, основные кампусы медфаков I и II МГУ располагались на Девичьем Поле, т.е. на другом конце Москвы. В-третьих, в 1923 г. ГВМШ ликвидировали, а студентов и часть преподавателей перевели на Медицинский факультет II МГУ.

Для дальнейшего нормального функционирования клиники требовалось решить несколько задач: в составе какого ВУЗа она будет находиться, как наладить ее повседневную работу, где она будет располагаться территориально и кто за все это будет платить. В июле 1923 г. Семашко как заведующий Кафедрой социальной гигиены обратился в правление 1-го МГУ с прошением принять КСПБ в состав университета и «внести ее в цикл своих клиник» [31, л. 1], т.е. включить в образовательный процесс. Правление в том же месяце приняло положительное решение по данному вопросу, так как Отдел медицинского образования Главпрофобра уже согласился выделить для клиники 11 ставок. Под ее нужды выделялось 16 коек в Ново-Екатеринской больнице – главной клинической базе московских медфаков. Однако на этом процесс перехода застопорился. Чтобы хоть как-то начать работу по принятию пациентов с социальными и профессиональными патологиями, Семашко пришлось задействовать ресурсы своего наркомата. В ноябре 1923 г. на базе Государственного института физиатрии и ортопедии НКЗ начало работу поликлиническое отделение КСПБ. В декабре 1923 г. Семашко вновь обратился в правление 1-го МГУ с просьбой ускорить создание КСПБ на базе университетских больниц. И снова университетское руководство дало положительный ответ, но уже со встречной просьбой: «Ввиду финансовых затруднений Университета Правление просит Вас оказать содействие в получении части необходимого оборудования (белье, матрацы, мебель) со складов Наркомздрава, так как Главпрофобр

дать его не в состоянии» [31, л. 4]. В конце января 1924 г. заседание правления заслушало представление А.М. Заблудского «об условиях перехода Клиники социальных болезней в ведение 1-го МГУ» [31, л. 9], в котором фиксировалось, что «необходимое для клиники оборудование частично дается Наркомздравом». Материальная помощь от наркома Семашко профессору Семашко позволила запустить работу КСПБ на базе Ново-Екатеринской больницы в феврале того же года.

Если финансирование клиники как учебно-вспомогательного учреждения хоть как-то осуществлялось Наркомпросом, то с субсидированием научно-исследовательской деятельности сразу же возникли проблемы. С самого создания КСПБ перед ней ставили задачу «по изучению состояния здоровья социально-профессиональных групп населения с точки зрения взаимоотношения между здоровьем этих групп и теми социально-профессиональными условиями, в которых они живут и жили» [14, с. 42]. В реализации столь амбициозной программы на помощь пришли два наркомата: здравоохранения и труда. Данное сочетание ведомств связанно с разделением функций в сфере профессионального здоровья: профилактическими мероприятиями (гигиеной и охраной труда) занимался Отдел охраны труда НКТ, лечением профессиональных заболеваний (патологией труда) ведал НКЗ, а пенсионное обеспечение инвалидов труда относилось к компетенции Центрального управления социального страхования НКТ. Все три структуры были заинтересованы в наличии научно-лечебного центра, сотрудники которого могли бы выступать и в качестве экспертов. Как уже говорилось выше, некоторые руководители этих ведомств преподавали на кафедре у Семашко. Вопрос о финансировании научно-исследовательской работы частично решили с помощью соглашения между клиникой и означенными ведомствами. По этому договору КСПБ ежемесячно получала 215 червонцев (15 от Отдела охраны труда и по 100 от ЦУСС и НКЗ) [31, л. 50]. В ответ в состав коллективного руководства клиники (Конференция и Совет) вводились представители этих двух наркоматов [31, л. 62]. Кроме того, в «Положении о Клинике социальных и профессиональных болезней» прописывалась возможность выполнения ею экспертных функций для наркоматов и общественных организаций.

Совмещение Семашко поста наркома здравоохранения и заведующего кафедрой (директора клиники) в 1-м МГУ позволяло ему эффективно мобилизовывать свой символический капитал и переводить его из одного поля в другое. Одновременное занятие этих должностей – не случайное совпадение или погоня за материальной выгодой. Руководство Кафедрой социальной гигиены и Клиникой социальных и профессиональных болезней позволяло Николаю Александровичу начать реформу медицинского

образования явочным порядком. Медицинские факультеты московских университетов явились испытательным полигоном по внедрению социально-гигиенических подходов. Произошедшее во второй половине 1920-х гг. частичное масштабирование опыта кафедры Семашко на другие медицинские ВУЗы говорит об успешности эксперимента.

Список источников и литературы

1. *Арсентьев Е.В., Решетников В.А.* К биографии Н.А. Семашко // История медицины. 2017. Т. 4. № 4. С. 447–460.

2. *Беляцкий Д.П.* Николай Александрович Семашко: К 100-летию со дня рождения (Материал в помощь лектору). Минск: Знание, 1974. 142 с.

3. *Бурдье П.* Homo academicus / пер. с фр. С.М. Гавриленко [и др.]. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. 461 с.

4. *Гейзер И.М.* Николай Александрович Семашко. (1874–1949): Биобиблиография. М.: Изд-во Акад. мед. наук СССР, 1950. 32 с.

5. *Горелова Л.Е., Касимовская Н.А.* Вклад Н.А. Семашко и И.Д. Страшуна в создание высшей медицинской школы страны // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2014. № S1. С. 62–64.

6. *Горфин Д.В.* Н.А. Семашко. М.: Медицина, 1967. 72 с.

7. *Ершов А.Е.* Николай Александрович Семашко – первый нарком здравоохранения // Роль и значение РУДН в системе международного образования: материалы XX Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (г. Москва, 12 мая 2018 г.). М.: РУДН, 2018. С. 34–38.

8. *Ефремова У.С.* Вклад профессора Н.А. Семашко в развитие здравоохранения Республики Башкортостан // VIII Всероссийская олимпиада по истории медицины: сборник трудов конференции (г. Москва, 14–15 октября 2021 г.). М.: КубГМУ, 2021. С. 54–57.

9. *Кензина О.И., Казанцева А.В., Скоромец Н.М.* Николай Александрович Семашко – первый Наркомздрав РСФСР // От качества медицинского образования – к качеству медицинской помощи: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции (г. Екатеринбург, 7–13 ноября 2017 г.). Екатеринбург: УГМУ Минздрава России, 2017. С. 179–186.

10. Клиника и поликлиника профессиональных заболеваний при кафедре социальной гигиены // Гигиена труда. 1923. № 8/9. С. 105.

11. *Кучеренко В.З., Мирский М.Б.* Исторические вехи Н.А. Семашко в отечественном здравоохранении, науке и медицинском образовании // Экономика здравоохранения. 2007. № 11. С. 5–11.

12. *Лаврова И.Г., Майстрах К.В.* Н.А. Семашко (жизнь, деятельность, творчество). К 100-летию со дня рождения (материал для лекции с диапозитивами). М.: [Б.и.], 1974. 27 с.

13. *Ласкин С.Б.* Главный доктор республики. М.: Дет. лит., 1977. 128 с.

14. *Лукомский М.* Год работы Клиники социальных и профессиональных болезней // Гигиена труда. 1925. № 4. С. 42.

15. *Манерова О.А., Дрыгин Д.М., Давыдов П.К.* Актуальные вопросы подготовки медицинских кадров: к 140-летию со дня рождения Н.А. Семашко // История медицины. 2014. № 3. С. 30–37.

16. *Микиртичан Г.Л.* Роль Н.А. Семашко в строительстве советской системы охраны материнства и детства // История медицины. 2014. № 3. С. 38–53.

17. *Мирский М.Б.* Главный доктор республики. М.: Политиздат, 1964. 94 с.

18. *Мирский М.Б.* Николай Александрович Семашко (к 100-летию со дня рождения). М.: Центр. науч.-исслед. ин-т сан. просвещения, 1974. 47 с.

19. *Нестеренко А.И.* Как был образован Народный комиссариат здравоохранения РСФСР: из истории советского здравоохранения (Октябрь 1917 г. – июль 1918 г.). М.: Медицина, 1965. 96 с.

20. *Петров Б.Д., Потулов Б.М.* Н.А. Семашко. М.: Медицина, 1974. 207 с.

21. *Поляков В.Б.* Альма-матер Николая Семашко // Государственные служащие России в прошлом и настоящем: региональный аспект: материалы Межрегиональной научно-практической конференции (Москва – Пушкино, 23–24 ноября 2016 г.). М.-Пушкино: СФК-офис, 2017. С. 255–261.

22. *Потулов Б.М.* Н.А. Семашко – врач и революционер. М.: Медицина, 1986. 117 с.

23. *Решетников В.А., Трегубов В.Н.* К истории создания и деятельности кафедры социальной гигиены медицинского факультета Первого Московского государственного университета // История медицины. 2021. Т. 7. № 1. С. 98–106.

24. *Решетников В.А., Несвижский Ю.В., Касимовская Н.А.* Вклад Н.А. Семашко в развитие медицинской профилактики в России (к 140-летию со дня рождения) // Сеченовский вестник. 2014. № 3. С. 29–33.

25. *Решетников В.А., Несвижский Ю.В., Касимовская Н.А.* Н.А. Семашко – теоретик и организатор здравоохранения // История медицины. 2014. № 3. С. 24–29.

26. *Рыжовский В.В.* Высшее специальное образование в 1880–1930-х годах (медицина, сельское хозяйство, финансы и экономика) // Расписание перемен. Очерки образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы) / [отв. ред. А.Н. Дмитриев]. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 775–809.

27. *Трефилова О.А.* Николай Александрович Семашко – общественный деятель и организатор детского здравоохранения // История медицины. 2014. № 3. С. 65–72.

28. *Хабриев Р.У., Егорышева И.В., Шерстнева Е.В.* Николай Александрович Семашко – первый народный комиссар здравоохранения России // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2018. Т. 26. № 3. С. 164–168.

29. *Хорошева А.В.* Становление советской физкультуры и противостояние Н.А. Семашко и Н.И. Подвойского // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы международной научной конферен-

ции (г. Санкт-Петербург, 2–4 апреля 2020 г.). СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. С. 79–85.

30. *Хорошева А.В.* «В здоровом теле – здоровый дух!». Концепция естественного оздоровления населения Н.А. Семашко и культурная революция // Российская история. 2022. № 2. С. 145–155.

31. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). Ф. Р-1609. Оп. 1. Д. 761.

32. *Чачко М.И.* Повесть о народном комиссаре. М.: Политиздат, 1972. 256 с.

33. *Черниченко М.Ю.* Н.А. Семашко – первый нарком здравоохранения: новый век – новые исследовательские горизонты // История медицины. 2014. № 3. С. 73–81.

34. *Шишкин А.П.* Государственный институт социальной гигиены НКЗ РСФСР и его роль в развитии социальной гигиены, 1919–1934 гг.: дис. … канд. мед. наук. М., 1973. 285 л.

УДК 94(47)+929

В.В. Слискова[1]

О вивариях и лабораторных служителях Государственного института народного здравоохранения (1920-е гг.)[2]

Аннотация. Статья посвящена истории Государственного института народного здравоохранения Наркомздрава (ГИНЗ) в 1920-е гг. На основе документов, выявленных в Архиве Российской академии наук и Государственном архиве Российской Федерации, рассматривается сюжет, связанный с организацией исследований в ГИНЗ на материалах входившего в его состав Института экспериментальной биологии (ИЭБ). Ключевыми задачами являлись обеспечение института помещением для устройства лабораторий, вивариев и питомника и квалифицированный уход за подопытными животными. Ценными для темы исследования стали отчеты о научной работе ИЭБ, в которых фиксировались трудности, с которыми сталкивались ученые, а также обращения в правление ГИНЗ, содержащие сведения об административно-хозяйственной деятельности и штатах. Выявленные материалы позволяют реконструировать исследуемый сюжет и ряд аспектов, касающихся профессиональной повседневности научных институтов в 1920-е гг.
Ключевые слова: история науки; советская наука; 1920-е гг.; ГИНЗ; ИЭБ.

Vivarium and its staff in the State Institute of People's Health Protection in the 1920s

Abstract. The article deals with the history of the State Institute of People's Health Protection (GINZ) in the 1920s. Based on the materials stored in the Archive of the Russian Academy of Sciences and in the State Archive of the Russian Federation, the author studies the aspect related to the arrangement of experimental biomedical studies. The materials include the reporting documents on the scientific and administrative work of the Institute of Experimental Biology, which was a part of the GINZ in the 1920s. They are valuable sources that illustrate various aspects of working space arrangement, first of all, vivarium for laboratory animals. Analysis of the revealed archival sources allows to reconstruct the chosen aspect of the history of GINZ and complete the history of scientists' professional everyday life in the 1920s.
Keywords: history of science; soviet science; 1920s; GINZ; IEB.

---

[1] **Валерия Викторовна Слискова** – аспирантка Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия), e-mail: valeriya.sliskova@mail.ru.
Valeriya V. Sliskova – Postgraduate student, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).
[2] Публикация подготовлена при поддержке программы «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ», проект «Советская наука 1920–1980 гг.: индустрия и социальные проекты».

«Как-то не принято упоминать обслуживающий и хозяйственный персонал, хотя без его участия и помощи не обходится ни одна научная работа»
[9, с. 264]

Период 1918 – начала 1920-х гг. стал временем интенсивного развития советской науки, обусловленным, с одной стороны, идеей ее ведущей роли в построении «нового общества», с другой – необходимостью решения ряда практических задач, в том числе организации здравоохранения. Одной из наиболее важных проблем в конце 1910-х гг. являлась разработка противоэпидемической программы, включавшей лечение и профилактику заболеваний, подготовку медицинских кадров, а также просвещение населения по вопросам санитарии и гигиены [10, с. 58]. Так, в 1918 г. в структуре Народного комиссариата здравоохранения (НКЗ, Наркомздрав) был учрежден государственный институт (ГИНЗ)[1], перед которым ставилась задача научной и практической работы в данном направлении [15, с. 134]. Изначально предполагалось выделить в составе ГИНЗ несколько институтов[2], специализировавшихся в областях биологии и медицины, наиболее тесно связанных с эпидемиологией и бактериологией. Однако уже в 1919–1920 гг. в их число вошли и другие институты[3], например, основанный биологом Н.К. Кольцовым Институт экспериментальной биологии (ИЭБ) [12, л. 39]. Это позволило расширить спектр исследований, включив в него и другие актуальные для данного периода направления.

Несмотря на статус ГИНЗ, разнообразие и значимость исследуемых в нем вопросов, его сотрудники, как и многие их коллеги, сталкивались с препятствиями, осложнявшими ведение научной работы: недостатком финансирования, нехваткой помещений, отсутствием технического персонала и др. [1, л. 6–8]. Важным для экспериментальной работы являлось обеспечение институтов ГИНЗ подопытными животными, что также требовало наличия питомников и вивариев[4] и квалифицированного персонала при них. Роль последнего в организации научных исследований представляется важным сюжетом изучения профессиональной повседневности институтов ГИНЗ в 1920-е гг. Ввиду того, что в первые годы работы виварий функцио-

[1] Государственный институт народного здравоохранения, или Центральный государственный научный институт народного здравоохранения.

[2] Микробиологический институт, Институт протозойных заболеваний и химикотерапии, Институт по контролю вакцин и сывороток, Институт санитарно-гигиенической болезни, Институт научной и научно-практической гигиены.

[3] Микробиологический и Санитарно-гигиенический институты, Институт контроля сывороток и вакцин, Тропический институт, институты Экспериментальной биологии и Физиологии питания.

[4] Виварий – помещение при научно-исследовательском институте для содержания лабораторных (подопытных) животных.

нировал при ИЭБ [1, л. 11], ценным источником стали делопроизводственные документы, отложившиеся в фонде института в Архиве РАН (ф. 570).

Согласно протоколам заседаний Научного совета ГИНЗ, в начале 1920 г. было решено закрепить подсобные учреждения – библиотеку, виварий, мастерские и музей – за каждым институтом для упрощения процедуры составления сметы [1, л. 10–11]. Следует отметить, что ГИНЗ «содержался на государственные средства, отпускаемые по особой смете», включавшей в себя расписанные по каждому специальному институту расходы [15, с. 135]. Виварий был отнесен к ведению ИЭБ, что закрепляло за институтом обязанность составления смет и отчетов о расходовании средств на его содержание.

В 1920 г. в институте работали два лаборанта по виварию – М.А. Гептнер и О.С. Аверина [1, л. 9], в должности заведующего значился старший ассистент зоолог В.Н. Лебедев [1, л. 45][1]; в 1922–1923 гг. по виварию числилась только служительница Н.А. Яковлева [2, л. 1]. Такого количества сотрудников не хватало для обеспечения нужд вивария, о чем сообщалось в отчетах в 1924 г.: «Неблагоприятным моментом является недостаток в лицах, всецело занятых лабораторными животными, как своей основной работой» [4, л. 4]. В 1924 г. старший ассистент отдела зоопсихологии М.П. Садовникова жаловалась на необходимость содержать лабораторных животных (около 100 крыс) в жилой комнате собственной квартиры и самостоятельно ухаживать за ними [4, л. 5]. До начала 1925 г. ИЭБ занимал всего несколько комнат в доме № 41 по улице Сивцев Вражек, в котором также располагались правление ГИНЗ и другие институты [11, л. 2 об.]. Таким образом, нехватка должностей по виварию дополнялась теснотой занимаемых помещений. Краткое описание работы института в этот период приводится в очерке Кольцова: «Тонкие операции по пересадке органов приходится проводить в той же комнате, где живут оперирующие сотрудники, где приготавливается для них пища и где ведут свои исследования по иным научным проблемам восемь человек» [13, с. 272]. Также в одном из отчетов он отмечал, что недостаток помещений сказывался и на возможности организации питомника[2], в котором можно было бы не только содержать, но и разводить особей для экспериментальных исследований[3].

Наиболее трудным был зимний период, сопровождавшийся отсутствием отопления и низкими температурами в жилых и рабочих помеще-

---

[1] Позднее Лебедев будет избран на должность заместителя директора ИЭБ.

[2] Питомник – помещение при научно-исследовательском институте для содержания и разведения лабораторных (подопытных) животных.

[3] В. отчете за летний период 1924 г. И.Г. Коган указывал на то, что работа велась преимущественно на загородной станции. В то же время операции на подопытных курицах не производились ввиду отсутствия подходящего материала.

ниях: «В самом Институте работы… зимою совсем приостанавливались, помещение почти замерзало… тепло обеспечено обыкновенно лишь недели на две вперед» [13, с. 271–272]. В таких условиях задача сохранения в городском виварии особей, пригодных для лабораторных работ, оказалась трудновыполнимой: «Оказала свое неблагоприятное влияние прошлая зима, в течение которой погибло довольно значительное количество производителей, вследствие чего ход работ значительно замедлился» [4, л. 4]. Ситуация улучшалась в летний период, когда сотрудники имели возможность продолжать исследования на базе двух загородных станций: генетической и гидробиологической. Несмотря на большое количество исследователей, к числу которых относились как сотрудники институтов ГИНЗ, так и врачи и аспиранты [2, л. 2][1], за городом научная работа продвигалась успешнее. Таким образом, в число основных вопросов, касавшихся организации работы с лабораторными животными, входили устройство питомника при условии создания необходимых условий, а также введение в штат дополнительных должностей служителей и смотрителей.

Такое положение сохранялось вплоть до переезда ИЭБ в новое, более просторное здание на Воронцовом поле в 1925 г.[2] В декабре 1924 г. институту удалось получить «надворные постройки», которые после ремонта приспособили для содержания лабораторных животных [5, л. 5]. Кроме того, в это же время при ИЭБ был «поселен служитель, надзирающий за животными» [5, л. 5]. В 1925 г. на заседании Научного совета ГИНЗ обсуждался вопрос устройства птичника и конюшни при городском здании института [6, л. 8 об.]. С расширением помещений в штате института появились несколько сотрудников, в обязанности которых входил уход за животными: лабораторный служитель Ф.И. Минаев (виварий № 4), лабораторный служитель и специалист по виварию Г.Е. Максимов (виварий № 1), специалисты по виварию Н. Скокова (виварий № 2) и Е. Егорова (виварий № 3) [7, л. 1, 100]. Следует отметить, что Максимов обладал «квалификацией как специалист по уходу и разведению лабораторных животных» и был рекомендован на должность заместителем директора ИЭБ Лебедевым по итогам наблюдения за его работой [7, л. 6]. Минаев ранее занимал должность конюха, однако ввиду сокращения был в декабре 1925 г. переведен в разряд лабораторных служителей [7, л. 15]. Также в начале 1926 г. вакантной оставалась еще одна

[1] По словам Кольцова, в летний период на станцию вместе с сотрудниками ИЭБ и ГИНЗ командировались учащиеся сторонних, в том числе провинциальных высших ученых заведений, просившие о предоставлении «только места для занятий и руководства их научными работами». В зимние месяцы ввиду тесноты городского помещения таковым приходилось отказывать.

[2] Ул. Воронцово поле, д. 8.

ставка лабораторного служителя, обязанности которого временно исполняли другие лица: «Потребность в присутствии… такого лица настолько велика, что сотрудники готовы принять на себя лично часть обязанностей служителей» [7, л. 4]. Каждого из служителей закрепили за конкретным виварием, но вместе с тем дополнительно привлекали к подготовке животных для операций и ассистированию [7, л. 100]. Распределение обязанностей в течение дня выглядело следующим образом:

Г.Е. Максимов
(виварий № 1 – для морских свинок)

8:00–9:00	Раздача подопытным животным овса, колка и подноска дров, начало топки печей, проветривание помещений и пр[очее].
9:00–9:30	Получение фуража из кладовой и уборка его.
9:30–14:00	Продолжение топки печей, парка овса, мытье посуды, чистка клеток от навоза, вынесение навоза в отведенное место, уборка помещений.
14:00–14:30	Перерыв на обед.
14:30–16:30	а) Приготовление корма, мытье овощей, резка их на корнерезке, раздача корма. б) Помощь при осмотре животных и подача их в операционную, уборка их после операции. *Примечание*: в летнее время в круг обязанностей входит заготовка травы и сена, раздача его.

Источник: [7, л. 99].

Каждый из служителей имел похожий распорядок, в котором отличались задачи, выполнявшиеся во второй половине дня [7, л. 100]. Также из делопроизводственных документов ИЭБ известно, что в их обязанности входил уход за крупными животными вне вивариев (лошади, бараны, собаки и др.), а также выполнение разных поручений при неполной загруженности рабочего дня [7, л. 105]. Так, к 1927 г. в институте появились сотрудники, в обязанности которых входили обеспечение нужд вивариев и ассистирование во время экспериментальной работы. Хотя увеличение рабочего пространства и возможность содержать питомник требовали введения новых должностей технического и вспомогательного персонала[1] [8, л. 92 об.], они также позволяли сотрудникам вести исследования в более подходящих условиях.

[1] Так, в 1927 г. Кольцов сообщал о необходимости ввести еще одну должность лабораторного служителя для ИЭБ и загородных станций.

***

Анализ делопроизводственных документов ИЭБ ГИНЗ позволил выявить основные вопросы, касавшиеся организации экспериментальной работы в 1920-е гг. К ключевым задачам относились обеспечение института помещением для устройства лабораторий, вивариев и питомника и квалифицированный уход за подопытными животными. Ценными для темы исследования стали отчеты о научной работе ИЭБ, зафиксировавшие трудности, с которыми сталкивались ученые, а также письма-обращения в правление ГИНЗ, содержащие сведения об административно-хозяйственной деятельности и штатах. Выявленные материалы позволяют реконструировать исследуемый сюжет и ряд аспектов, касающихся профессиональной повседневности научных институтов ГИНЗ в 1920-е гг.

Список источников и литературы

1. Архив Российской академии наук (Архив РАН). Ф. 570. Оп. 1. Д. 1.
2. Архив РАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 3.
3. Архив РАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 4.
4. Архив РАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 6.
5. Архив РАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 10.
6. Архив РАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 12.
7. Архив РАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 14.
8. Архив РАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 18.
9. *Астауров Б.Л., Рокицкий П.Ф.* Кольцов – организатор Института экспериментальной биологии. Принципы, положенные в основу работы Института // Николай Константинович Кольцов. Очерки, статьи, письма, документы. М.: Научный мир, 2021. С. 257–268.
10. *Васильев К.Г.* История эпидемий и борьба с ними в России в XX столетии. М.: Медицина, 2001. 254 с.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-406. Оп. 12. Д. 2057.
12. ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 25. Д. 9.
13. *Кольцов Н.К.* Институт экспериментальной биологии // Николай Константинович Кольцов. Очерки, статьи, письма, документы. М.: Научный мир, 2021. С. 268–273.
14. Николай Константинович Кольцов. Очерки, статьи, письма, документы. М.: Научный мир, 2021. 600 с.
15. Становление и развитие здравоохранения в первые годы советской власти. 1917–1924 гг.: сборник документов и материалов. М.: Медицина, 1966. 544 с.

УДК 82

А.С. Акимова[1]

Усадебная тема на страницах журнала «Новый мир» 1920-х гг.[2]

Аннотация. В статье впервые предпринято описание «усадебного топоса» раннесоветской литературы и сделана попытка типологии его репрезентаций на страницах журнала «Новый мир» с начала выхода периодического издания в 1925 до 1929 г. В результате изучения опубликованных в журнале художественных текстов, не привлекавших внимания исследователей, а также рецензий на вышедшие в 1920-е гг. издания молодых авторов, чаще всего выходцев из крестьян, был сформулирован вывод относительно идейно-эстетических и социально-политических установок редколлегии, издававшей тексты и рецензии, в которых в неприглядном виде изображалась жизнь усадеб и их владельцев, создавался отталкивающий читателя образ дворянских имений и царивших в них нравов, а также в целом образ деревни, невежественной, развратной, погрязшей в пьянстве и лени. Обращение к частному аспекту большой и значительной проблемы аграрной истории России – судьба частновладельческих земель и расположенных на них усадеб в период НЭПа и ее отражение в художественной литературе должно сформировать понимание процессов, происходивших в российской деревне в 1920-е гг.

Ключевые слова: специфика «усадебного топоса»; НЭП; изучение периодики; журнал «Новый мир».

The estate theme on the pages of the “New World” journal of the 1920s

Abstract. The research is based on the study the “estate topos” of early Soviet literature and attempts to typify of the representations of the estate image on the pages of the New World journal from the beginning of the journal in 1925 to 1929. As a result of the study of literary texts published in the journal and reviews of newly published publications of young authors, mostly peasants by birth, a conclusion was formulated regarding the ideological, aesthetic and socio-political attitudes of the editorial board which published texts and reviews in which the

[1] **Анна Сергеевна Акимова** – старший научный сотрудник, кандидат филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: a.s.akimova@mail.ru.

Anna S. Akimova – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

[2] Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051, https://rscf.ru/project/22-18-00051/.

This study was carried out at IWL RAS with a grant from the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00051).

life of estates and their owners was depicted in an unsightly way, the image of noble estates repulsive to the reader was created, as well as, in general, the image of the ignorant, depraved, mired in drunkenness and laziness countryside. The study of one of the particular aspect of a large and significant problem of the agrarian history of Russia which is the fate of privately owned lands and estates located on them during the NEP period and its reflection in fiction should form an understanding of the processes that took place in the Russian countryside in the 1920s.
Keywords: specifics of the "estate topos"; NEP period; study of periodicals; New World journal.

Усадебная тема является одной из частных, узких тем, более значительной и масштабной проблемы, изучением которой в настоящее время занимаются историки-аграрники, ИРИ РАН (Центр экономической истории) – проблемы аграрной истории России и, в частности, социально-экономической и политической роли деревни и крестьянства в судьбе страны в трагическом XX в. Теоретические аспекты изучения аграрного вопроса затронуты в статьях В.В. Кондрашина [30], В.Я. Романченко [44] и др. авторов. Предварительные итоги изучения взаимоотношений российского крестьянства и государственной власти представлены в обобщающем труде А.А. Никонова «Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.)» (М., 1995). Проблеме деревни посвящены материалы международных научно-практических конференций «Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века», выпуски под редакцией Хироси Окуда «XX век и сельская Россия: российские и японские исследователи в проекте "История российского крестьянства в XX веке"»[1]. В рамках изучения истории помещичьих усадеб с точки зрения методологии необходимо учитывать историографические очерки А.Н. Долгих «"Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный…": Российское дворянство и крестьянский вопрос в XVIII – первой четверти XIX в.» (Липецк, 2018). Для решения поставленной задачи – реконструкции образа усадьбы, создаваемой на страницах журнала «Новый мир» в период НЭПа, – остановимся на исторических исследованиях, посвященных взаимоотношениям крестьянского и помещичьего хозяйств. Прежде всего, необходимо выделить публикации архивных документов, благодаря которым усадьбоведческие исследования, междисциплинарные по своей природе, приобретают необходимую источниковедческую основу: «Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1923–1927» (М., 1991), «Письма во власть в годы новой экономической политики (апрель 1921 – декабрь 1929 г.)» (Новосибирск, 2020), первые два тома издания «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939»

[1] Также см.: [25].

(М., 1998–2000) и вышедший в пяти томах сборник «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939» (М., 1999–2006).

Анализу аграрной политики в начале 1920-х гг. посвящена статья В.А. Ильиных [24], в которой объясняются причины отказа от политики «военного коммунизма», вызвавшей антисоветские вооруженные восстания крестьян, и рассматривается комплекс мер, предпринятых большевиками, по переходу к новой экономической политике. В начале 1920-х гг., в первые годы НЭПа, по справедливому утверждению автора статьи, одной из основных задач советского государства в деревне являлся земельный вопрос, в частности обеспечение прав на землю [24, с. 129]. В качестве его решения признавалось «создание правильного <…> пользования землей, незыблемо оставшейся в собственности государства трудящихся» [41, с. 268–269]. Непосредственно с темой выселения помещиков и ликвидации частного землевладения связаны публикации И.Н. Лозбенева [36], А.В. Беловой [4] и др.

Следует отметить, что тема усадьбы занимает совершенно особое место и в изучении русской литературы XX в. Вопросы политики партии и правительства в отношении деревни рассматриваются в монографии Н.В. Корниенко [31]. В большом объеме постановления и другие документальные источники представлены в комментарии к книге рассказов Вс. Иванова «Тайное тайных» [23]. Однако усадебная проза 1920-х гг. не становилась предметом изучения ученых-филологов: исследователей неизменно привлекают произведения рубежа XIX–XX вв. и, в частности, творчество И.А. Бунина [21; 22; 33], М.М. Пришвина [48], А.Н. Толстого [1; 20; и др.]; лишь в последнее время в работах О.А. Богдановой наметилась тенденция изучения трансформации «усадебного топоса» раннесоветской литературы на примере повестей Пришвина «Мирская чаша. 19-й год XX века», Н. Огнева «Дневник Кости Рябцева», рассказов Бунина «Несрочная весна» и М.А. Булгакова «Ханский огонь» [6].

Образ усадьбы на страницах журнала «Новый мир», как и в целом изучение отражения политики государства в периодическом издании не становились предметом отдельного исследования. Между тем оно дает чрезвычайно ценный материал, иллюстрирующий процессы формирования нового образа дворянской усадебной культуры и, прежде всего, иного образа русской деревни.

Одно из наиболее последовательных направлений в создании образа усадебной культуры и быта, реализованных на страницах журнала «Новый мир», стало рецензирование книг (мемуаров, переписки и др.), связанных с именами представителей дореволюционной литературы (А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова, Л.Н. Толстого). Так, одной из первых появилась рецензия

на воспоминания свояченицы Толстого, послужившей одним из прототипов Наташи Ростовой, Т.А. Кузьминской «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. 1846–1862» (М., 1925), в которых рассказывалось о молодых годах писателя: «Автор, по старой дворянской традиции, начинает с рассказа о родословной своих предков, осыпанных “монаршими милостями”. Эти главы наименее интересны и содержат ошибки…» [8, с. 160]. В отзыве на вторую часть воспоминаний Кузьминской, опубликованных годом позже, одним из их достоинств рецензент отмечает то, как передан «“воздух” яснополянской жизни», простой и неприхотливый быт Толстого, «рачительного хозяина, увлекающегося помещика», однако «идиллия семейной и помещичьей жизни нарушается вспышками страстной ревности» молодого Толстого, первый год женатого на Софье Андреевне [46, с. 190].

О «барских привычках» помещика Некрасова писал рецензент книги К. Чуковского «Некрасов. Статьи и материалы» (Л., 1926) А. Глаголев: «Стремление к комфорту, к богатой жизни, барская охота, английский клуб и т.п., – все это – по Чуковскому – надо объяснять дворянским происхождением поэта» [12, с. 254]. Ряд публикаций 1927 г. был посвящен жизни и творчеству Пушкина в период его пребывания в Тригорском и взаимоотношениям с А. Вульфом, сыном владелицы имения П.А. Осиповой [10]; а также в имении матери Михайловское с экскурсом в историю соседнего имения Петровское, принадлежавшего родственнику по материнской линии П.А. Ганнибалу [50; 51]. В рецензии на изданную в 1928 г. в Москве книгу П.Е. Щеголева «Пушкин и мужики» Н. Ашукин отмечал: «Социальные корни творчества Пушкина глубоко уходят в почву крепостного права, и материальный быт Пушкина-помещика, владельца “крепостных душ”, неразрывно связан с литературной продукцией Пушкина-поэта. Его “поэтическое хозяйство” находится в сильнейшей зависимости от его “крепостного хозяйства”» [2, с. 294].

Сюда можно отнести и ряд публикаций научно-просветительного характера Л. Гроссмана о крепостных поэтах [14; 15], чья судьба являет собой «печальный контраст косной среды и выдающегося дарования» [14, с. 105] и вписана автором в плеяду художников и зодчих, музыкантов и актеров усадебных театров, о которых писали Ф.М. Достоевский («Неточка Незванова») и А.И. Герцен («Сорока-воровка»). В «Новом мире» публиковались рецензии и на подобные издания: например, на книгу о «господских театрах» В.Г. Сахновского «Крепостной усадебный театр. Краткое введение к его типологическому изучению» (1924) была написана разгромная рецензия Н. Пиксанова [43, с. 158–159]; также не остались без внимания воспоминания И.И. Панаева, А. Панаевой, В.Я. Брюсова и дневники, вышедшие в 1927–1928 гг., изображавшие быт ушедших литературных эпох, смену поколений и течений в русской литературе [45].

В связи со 100-летним юбилеем был подготовлен раздел, посвященный Толстому, который открывала статья П.С. Когана. В ней отмечалось и влияние гения писателя на мировую словесность и наличие в его учении «вредных с точки зрения Октября» идей [29, с. 185]. Толстой здесь представлен как «сын класса, находящегося на последней ступени нравственного падения, класса тунеядцев-эксплоататоров, которые веками привыкли к праздному существованию, благодаря подневольному труду подвластных рабов» [29, с. 186]. В этих и многих других, опубликованных в журнале рецензиях на труды, посвященные истории дореволюционной культуры, был представлен взгляд крепостного мужика, в котором, как писал Брюсов в стихотворении «Не память» (1923), «вдруг вздрогнет доля деда, / Кто вел соху под барский бич…» [9, с. 57].

Другая форма репрезентации образа усадьбы связана с публикацией новых авторов, чаще всего выходцев из крестьян, которые писали о проблемах деревни и создавали в своих произведениях образы бывших помещиков, в неприглядном виде изображая их привычки и нравы. Эти произведения ценны прежде всего тем, что фиксируют произошедшую с усадьбами трансформацию – от частного имения к советскому хозяйству. В статье «Что делает советская власть для осуществления демократии» М.И. Калинин заявлял о том, что «конфискация помещичьих земель, фабрик и заводов до расширительных прав Г.П.У. и монопольного положения коммунистической партии, – все эти меры пронизаны одной политической целью: охранить советскую демократию от разрушительных замыслов капиталистического мира против советов» [27, с. 125]. Правда, как убедительно показано в исследовании В.Д. Ковалева, организация совхозов началась через месяц после провозглашения советской власти на базе конфискованных частных земель, но термин «советское хозяйство» был введен летом 1918 г., а «совхозы» – весной 1919 г., поэтому «поначалу такого рода предприятия именовали не совхозами, а “народными”, “советскими”, “красными”, “экономиями”, “имениями” и т.п.» [28, с. 140–141]. Подобное изменение происходит с землями и барским имением в повести М. Герасимова «Пчелка»: «Шумели липы от птичьего гомона, встряхивая буйными кудрями. По свежевыкрашенному фасаду цвета моркови горели под солнцем красные буквы: “Совхоз Ясные Липки”. Кроме скотины и ребят на дворе – никого. Все работали в поле. В столовой – бывшей барской зале с колоннами – чисто и солнечно. Самотканые, вышитые занавески на окнах. Выскобленные столы и полы. На столах тоже узорчатые дорожки, горшки с цветами. Со стены смотрит Ильич в траурной рамке, а на ней венок весенних цветов, совсем свежих, еще росинки не высохли. В углу, киоте, вместо икон – библиотечка» [11, с. 44].

Действие рассказа Б. Губера «Известная Шурка Шапкина» происходит в совхозе на базе Тешеловской усадьбы на берегу Оки («полосатая стена березовой рощи, бок скотного двора, крыши» [16, с. 77]). В рассказе «Лобуда» автор также описал совхоз на месте бывшей усадьбы, принадлежавшей некогда князю Матвею Матвеевичу, ворчливому, но аккуратному и требовательному хозяину: «Кривякинская усадьба полегла на пригорке. Внизу Волга – хитрой извивается полосой… Лицом к ней тяжко опирается на облупленные колонны большой, двукрылый дом, который посейчас называется Зимним, – в отличие от другого – Летнего» [17, с. 68–69]. Владелец не пережил Октябрьской революции, его жена сбежала со шкатулкой с драгоценностями, сыновья – кто в бегах, кто в остроге; летний дом в запустении – все расхищено, зимний заколочен – «на дверях висят печати Центромузея» [17, с. 69]. О создании в барском доме музея усадебного быта с тем, чтобы показать, как раньше жили «баре и буржуи», писал, например, Огнев в «Дневнике Кости Рябцева», герои которого посещали главный дом усадьбы, сохраненный «под показательный музей».

В повести К. Федина «Пастух» в опустевшей Кочановской усадьбе, брошенной владелицей еще во время революции, устроили школу. Здесь в кухне небогатого дома («дом крыт щепой, с обеих сторон ворота соединяют его с флигелями, в левом флигеле кухня, в правом рига, коровник, сараи») и поселился главный герой пастух Прокоп с приемной дочерью Проской и, казалось ему, прежние тревоги отступили: «Перебравшись на новоселье, он снова как-то полегчал, будто Кочаны, отступившие за реку, перестали тревожить его» [49, с. 135]. Как видим, в литературе 1920-х гг. отражены трансформации полуразрушенных опустевших дворянских усадеб, на основе которых создавалась новая жизнь (совхозы, музеи, школы и колонии). В качестве примера можно привести рассказ В. Лидина «Марина Веневцева», героиня которого родилась и выросла в доме, построенном отцом специально для красавицы-жены вдали от города: «Дом наш был угрюмый, мебель всегда стояла в чехлах, и свет зажигали только в тех комнатах, в которых жили <…> Я очень хорошо помню наше детство. Мы редко видели отца, и мама жила затворницей. Это было невеселое детство <…> Теперь этот дом сгорел… в нем была колония для беспризорных, и беспризорные в прошлом году его сожгли» [35, с. 7–8].

Большое внимание в литературе 1920-х гг. уделялось событиям 1905 г. и погромам, которые крестьяне устраивали в усадьбах помещиков. В повести А. Демидова «Жизнь Ивана» речь шла об изменениях в жизни деревни накануне 1905 г. В ней подробно фиксировались все трансформации частновладельческих земель: сначала графские и помещичьи земли в Тульской губернии продали Крестьянскому банку, крестьяне арендовали их, не

решаясь купить, а затем после раздела земель согласно плану ликвидации имения «расхватали» их в один миг [18, с. 248], именно поэтому критикой повесть воспринималась как документ, а не художественное произведение.

В рецензии на повесть П. Низового «Черноземье» (1926) А. Баркова писала о конфликте безземельных темных крестьян и скучающих в огромных имениях помещиков как о традиционном для литературы: «Приятие деревней войны, февраля и октября – тема повести Низового “Черноземье”. Село Казанское-Зарубино и деревня Подгорково, – грязь, вековечная тьма, дурман водки и самогона, а рядом имение князя Кугушева, – дворец с драгоценным фарфором, художественной мебелью и стародворянскими преданиями. Противопоставление обычное в литературе последних лет… Мужик, изголодавшийся по земле, стихийно ненавидит войну, жадно посматривает на помещичьи усадьбы и помещичьи леса» [3, с. 177–178].

Иное решение усадебной темы находим в рассказе А. Яковлева «В родных местах» из одноименного сборника 1925 г. Местом действия рассказа также становится деревня, однако поседевший и потрепанный жизнью граф Петр Семенович возвращается в «родные места», чтобы со своим семейством поселиться в доме бывшего крестьянина, старика Филиппа и его жены Груши: «Не могу жить без родных мест, – сказал граф. – Как лето, – шабаш, – тянет. Прежде опасался, а теперь, кажется, можно. Уж если к себе домой пока не могу, так хоть издали, с вашего берега, буду смотреть на родной дом» [52, с. 9]. С. Борисов в рецензии на сборник «прекраснодушного» Яковлева охарактеризовал рассказ как единственный, в котором «писатель взглянул на жизнь без розовых очков», назвав его «лучшим рассказом по своей убедительности и художественной правдивости» потому, что граф-дачник и его семья «ничего не забыли и ничему не научились, воспользовались хитрым радушием крестьянина, сели ему на шею и дали простор своим паразитическим привычкам»: «В результате мужика выжили из его избы, отравили ему существование эксплоатацией его труда и старым барским чванством. Мужик, которому сперва льстила честь приютить у себя графа, начинает видеть истинное лицо своих господ и озлобляется» [7, с. 153]. Этот рассказ интересен еще и тем, что может служить иллюстрацией слов Калинина. Подводя итоги в статье «Десять лет СССР», он писал: «Когда об этом “далеком прекрасном прошлом” с умилением говорят потомки крепостников, это понятно: паразиты не могут существовать сами по себе, – они тоскуют по живому народному телу, на котором они питались, развивались и которое терзали целые столетия, – для них это вопрос жизни и смерти» [26, с. 12].

В целом ряде рассказов конца 1920-х гг. нет ни тени «умиления», напротив, разрушенные усадьбы становятся символом угнетения и по-

рабощения темных, непросвещенных крестьян. В рецензии на литературно-художественный сборник «Недра» (М., 1928) отмечается «художественная значительность» повести А. Бибика «Конец Филоновки» о затерянном в степи хуторе и разграбленной усадьбе, захваченной дезертирами [32, с. 252]: «В защитном кольце из дуба, ясеня, липы – фруктовый сад на пятнадцати десятинах. В середине – оранжерейка и – затейливой башенкой – домик садовника. Поближе к фасадной стене с крепкими на каменных столбах, воротами простоватый с виду, но прочно и хозяйственно построенный дом. Из окон конторы и кабинета видно длинную, белую конюшню, сараи для машин и крытые навесы для них же, зерновой амбар, погреб, казарму, жилье приказчика, скотницы, сторожей… Позади дома веранда, и ее широкая лестница с балясами и чашами выводит к разделанным цветочным клумбам, за которыми, уже к самой реке, аллея старых лип, сомкнувших свои кроны» [5, с. 3]. Разбив оранжерею, разграбив сараи, крестьяне «стали подтираться боком к господскому дому. Но он был заперт, а окна изнутри закрыты. Столько было перед этим крыльцом отвешено поклонов! – и холопских и от чистого сердца. Теперь оно, чуть запорошенное утренним снежком, было молчаливо. И не хватало пока решимости перешагнуть через это молчанье и сорвать замок» [5, с. 18].

Особо выделяется и по содержанию, и по охвату материала первый номер журнала «Новый мир» за 1927 г. В словах героя Ф. Гладкова «Старая секретная» с подзаголовком «Повесть о былом» разгромленные помещичьи усадьбы упоминаются в связи с темой крестьянского безземелья:

> А Митря нудно мямлил с мужичьей назидательностью:
>
> – Вам – привычно. Вы, городские, земли не чуете, к земле не привязаны. Вы и свободы не знаете. Свобода из земли растет, как хлеб. А какая свобода в городе? Тюрьма. Вот она, сволочь, какая… Стены – крепости, окошки – в железе, двери – в железе. И за нуждой человек ходит в кубышку. Дым, копоть, ералаш: или бьют, или жрут друг друга – не поймешь.
>
> Прахов засмеялся и подмигнул в его сторону.
>
> – Ну, ты дурачком не прикидывайся, паря. Подумаешь, какой навозный простофиля… А кто громил помещичьи усадьбы – не ты ли?
>
> – Я против города шел. У барина-то у нашего какой заводище был в экономии – чистый дьявол. Он – в городе, барин-то, а из города, как паук, тенета плел, – на нашу землю лапу накладывал. Мы – за освобождение земли, за земной дух. Это – дело правое… [13, с. 9].

Здесь, как и в романе С. Мстиславского «1905 год», который публиковался в двух номерах журнала в 1927 г. под заглавием «На крови», в предыстории героев вводятся усадебные погромы начала 1900-х гг.: «А теперь, когда взошла на той, на январской крови народная месть, – когда по всей России из конца в конец идут разгромы усадеб, – когда народ встает за землю, когда бастуют рабочие… когда революция идет – слышите, товарищи, ход ее, уверенный и твердый – царское правительство пробует показать нам вместо волчьих зубов – лисий хвост. А мы его за этот хвост да об стенку!» [37, с. 79]. Однако в опубликованном в 1928 г. полном тексте романа в рассказе дворянина, участника усмирения крестьян, звучит сарказм:

> – Вы были на усмирениях! – Магда подняла на Юренича блеснувшие любопытством… нет, не одним любопытством… глаза. – Это очень ужасно?
>
> – По условиям, в которых приходилось жить, да! – брезгливо повел усами Юренич. – Вы представить себе не можете, какая там в деревнях неописуемая грязь… И эти избушки, passez moi le mot – как грибы-поганки.
>
> – Нет, я не о том. Они очень защищались?
>
> – Кто? Мужики? – Юренич откинул голову и сдержанно захохотал. – Какая защита! Они же – дикие трусы, эти наши добрые православные мужички. На погром усадеб их еще хватает: взять штурмом веранду, которую обороняют два грудных младенца и кормилица; но против вооруженной силы… Они воют, но они не подымают руки. Я прошел с казаками четыре уезда – без выстрела [38, с. 35].

В повести А. Новикова-Прибоя «Ухабы» образ дореволюционной усадьбы с двухэтажными кирпичными постройками, благоухающим садом и оранжереей, тихим прудом и обвитой плющем беседкой возникает на страницах письма, которое читает в своей крошечной каюте Томилин. Это письмо предназначено старинному другу-эмигранту и наполнено тоской по былому и, прежде всего, по прекрасному райскому имению, которое связано с молодостью и первой любовью:

> …Я был очень опечален, когда узнал из письма об участи твоего имения. Ты всколыхнул в моей душе воспоминания, знойные и прекрасные, как солнечное марево. Сколько раз я гостил у тебя. До сих пор мне мерещится, как золотое утро детства, твой чудесный сад, благоухающий редкостными цветами; тихий пруд с зеленоватой водой, местами затененной деревьями; небольшой островок с купальнями, выкрашенными в голубой цвет, с бесед-

кой, пышно обвитой плющом, – там, освежившись в прохладной воде, мы ели самых свежих карасей, добытых из твоих садков, услаждались сочно рдеющей викторией, только что собранной с грядок твоего сада, и пили пенистое шампанское. Более благоустроенное имение, чем твое, трудно было найти. Чего стоила одна только оранжерея с тропическими растениями! Точно кусочек Цейлона ты перенес к себе. А этот буйно разросшийся дубовый парк с дорожками, усыпанными песком, – парк, звеневший в весенние зори трелями соловьев, а твой каменный дом с причудливой старинной архитектурой!

Я помню каждый уголок в твоем имении, каждую деталь. Может быть, потому оно так крепко запечатлелось в моем мозгу, что там я впервые познакомился с баронессой фон Бирман и там же признался ей в любви. Сейчас, когда я пишу эти строки, она, моя супруга, прожившая со мною более тридцати лет, сидит за столом и штопает чулки. Тебе не узнать ее. Она стала в полном смысле старушкой, сгорбившейся, в дешевеньком сером платье, в очках, в которых одно стекло треснуло. Иногда я с грустью смотрю на ее седые волосы, прядями свисающие на сморщенное лицо, в ее черные глаза, когда-то обжигавшие своей страстностью, а теперь полинявшие от обилия слез.

О, жестокое, все разрушающее время!

Где наше прошлое?

Взять твое имение. Оно представляло собой райский уголок на земле. И все в нем было устроено солидно и прочно, все говорило о незыблемости привычных устоев.

А теперь, как видно из твоего письма, разбушевавшиеся крестьяне все это уничтожили: сад и парк срублены, даже выкорчеваны корни, великолепный пруд превратился в замусоренную речонку, а от двухэтажного здания и других построек не осталось ни одного кирпича, ни одного кола.

Там, где процветала красота, где мы думали блаженствовать всю жизнь, мужики устроили кладбище, насыпают свежие холмы могил и ставят кресты.

Какая ирония судьбы! [40, с. 78–79].

Героини рассказа В. Лидина «Белые ночи», «пятнадцати-, шестнадцати- и семнадцатилетние существа», после экскурсии по Зимнему дворцу вышли на Миллионную, бесцельно блуждая по Петербургу, прошли музей Пушкина на наб. Мойки: «Вот тут и стояли кареты, в которых выезжала Natalie, и отсюда увезли Пушкина ночью хоронить в Святые горы… Бед-

ный Пушкин! – Надя сказала все это и смотрела на дверь квартиры, на которой висела табличка с надписью “А.С. Пушкин”» [34, с. 123–124]. Надя, ощущавшая родство и с пушкинской Татьяной, и с Лаурой Петрарки, счастливая и гордая от охватившей ее любви к отчиму подруги, совращенная им, принимает решение покончить жизнь самоубийством.

Появление в «Новом мире» образов, связанных с ушедшей в прошлое усадебной культурой неслучайно. О необходимости «овладения старым искусством» писал Л.Д. Троцкий в статье «Культура и социализм»: «Искусство прошлых веков сделало человека более сложным и гибким, подняло его психику на более высокую ступень, всесторонне обогатило ее. Обогащение это есть неоценимое завоевание культуры. Овладение старым искусством, поэтому, необходимой предпосылкой не только для создания нового искусства, но и для построения нового общества, ибо для коммунизма нужны люди с высокой психикой. Способно ли, однако, старое искусство обогащать нас художественным познанием мира? Способно» [47, с. 172].

Иной взгляд на усадебную культуру и ее носителей представлен в романе А. Дроздова «Лохмотья». Имя главного героя становится нарицательным: «В эту ночь в России, когда трещали помещичьи усадьбы в огне, и спящий тыл, впервые заорал тысячами глоток, вздыбился, лопнул, как назревший нарыв, и пролил кровь, бежали Иваны Михеичи из насиженных гнезд, от старых, с детства, сложенных, как зубы, привычек…» [19, с. 44]. Однако, по признанию А.Р. Палей, эта книга «нужна советскому читателю»: несмотря на отсутствие единого сюжета (роман построен на воспоминаниях и письмах героев) в нем дана «галерея фигур человеческих лохмотьев», «паноптикум живых мертвецов, показ которых – дело социальной важности. Потому что мы должны же знать, что представляет собою эмиграция» [42, с. 269–270].

***

В результате предпринятого впервые изучения художественных произведений, которые были опубликованны или подверглись критическому разбору на страницах журнала «Новый мир» в период с начала выхода издания в 1925 до 1929 г., были выявлены неизученные и не введенные в научный оборот и в контекст усадьбоведческих исследований повести М. Герасимова, А. Демидова, П. Низового, А. Бибика, Ф. Гладкова, А. Новикова-Прибоя, рассказы Б. Губера, А. Яковлева, В. Лидина, романы С. Мстиславского и А. Дроздова. Художественные произведения этих, забытых ныне писателей, ставшие фактом литературной жизни периода НЭПа, являются отражением идейно-эстетических и социально-политических установок редколлегии периодического издания, целенаправленно отбиравшей для публикации тексты и рецензии, в которых в неприглядном виде изображалась жизнь

усадеб и их владельцев, что, разумеется, полностью соответствовало идеологической программе партии и правительства. В дальнейшем необходимо предпринять изучение многочисленных коллективных сборников, альманахов и антологий, в которых также создавался отталкивающий советского читателя образ дворянских имений и царивших в них нравов и в целом образ деревни невежественной, полной суеверий, развратной, погрязшей в пьянстве и лени. Обращение к частному аспекту большой и значительной проблемы аграрной истории России – взаимодействия крестьянских и помещичьих хозяйств в период НЭПа и их отражение в художественной литературе – поможет проанализировать процессы, происходившие в российской деревне в 1920-е гг. и будет способствовать формированию целостной картины о ее культурных и социальных преобразованиях.

Список источников и литературы

1. *Абишева У.К.* Художественная рецепция русской усадебной прозы в повести «Мечтатель (Аггей Коровин)» А. Толстого // Пушкинские чтения – 2002: материалы межвузовской научной конференции. СПб.: ЛГОУ им. А.С. Пушкина, 2002. С. 184–195.

2. *Ашукин Н.С.* Рец. на: Щеголев П.Е. Пушкин и мужики. По неизданным материалам. С автографами Пушкина и иллюстрациями. М.: Федерация, 1928. 287 с. // Новый мир. 1928. № 12. С. 294.

3. *Баркова А.* Рец. на: Низовой П. Черноземье. Повесть. М.; Л.: Изд-во «Земля и Фабрика», 1926. 215 с. // Новый мир. 1926. № 6. С. 177–178.

4. *Белова А.В.* К вопросу о выселении бывших помещиков и крупных землевладельцев в 1925–1926 гг. (на материалах Саратовской и Сталинградской губерний) // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века: сборник статей. М.: Центр экономической истории ИРИ РАН, 2021. С. 218–224.

5. *Бибик А.П.* Конец Филоновки // Недра. Кн. 14. М.: Изд-во «Недра», 1928. С. 3–68.

6. *Богданова О.А.* Образ усадьбы-музея в русской литературе 1920-х гг. // Studia Litterarum. 2019. Т. 4. № 2. С. 190–205.

7. *Борисов С.* Рец. на: Александр Яковлев. В родных местах. Рассказы. М.: Изд. «Никитинские Субботники», 1925. 141 с. // Новый мир. 1925. № 4. С. 153.

8. *Борисов С.* Рец. на: Т.А. Кузминская. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. 1846–1862. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1925. 173 с. // Новый мир. 1925. № 4. С. 160.

9. *Брюсов В.Я.* На память // Недра. Кн. 6. М.: Изд-во «Недра», 1925. С. 57.

10. *Вересаев В.В.* Заметки о Пушкине // Новый мир. 1927. № 1. С. 185–196.

11. *Герасимов М.П.* Пчелка // Новый мир. 1927. № 1. С. 37–64.

12. *Глаголев А.* Рец. на: Чуковский К. Некрасов. Статьи и материалы. Л.: Изд-во «Кубуч», 1926. 395 с. // Новый мир. 1927. № 1. С. 254–255.

13. *Гладков Ф.В.* Старая секретная // Новый мир. 1927. № 1. С. 7–44.

14. *Гроссман Л.П.* Крепостные поэты // Новый мир. 1925. № 3. С. 105–118.

15. *Гроссман Л.П.* Крепостные поэты // Новый мир. 1925. № 8. С. 104–118.

16. *Губер Б.А.* Известная Шурка Шапкина // Новый мир. 1927. № 6. С. 67–78.

17. *Губер Б.А.* Лобуда // Новый мир. 1925. № 12. С. 66–91.

18. *Демидов А.А.* Жизнь Ивана. М.; Л.: Земля и фабрика, 1925. 268 с.

19. *Дроздов А.М.* Лохмотья. [Харьков]: Изд. «Пролетарий», 1928. 288 с.

20. *Ершова Л.В.* Мир русской усадьбы в художественной трактовке писателей первой волны русской эмиграции // Филологические науки.1998. № 1. С. 23–30.

21. *Ершова Л.В.* Усадебная проза И.А. Бунина // Филологические науки. 2001. № 4. С. 13–22.

22. *Зайцева Н.В.* Концепция мелкопоместной усадьбы в творчестве И.А. Бунина 1890-х – начала 1910-х годов: дис. … канд. филол. наук. Елец, 1999. 165 л.

23. *Иванов В.В.* Тайное тайных. М.: Наука, 2012. 566 с.

24. *Ильиных В.А.* Аграрная политика советского государства в начале 1920-х гг. // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века: сборник статей. М.: Центр экономической истории ИРИ РАН, 2021. С. 126–132.

25. Итоги и перспективы исследования аграрной истории России X–XXI вв.: XXXVI сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: тезисы докл. и сообщений (Брянск, 4–28 сентября). М.: ИСл РАН, 2018. 235 с.

26. *Калинин М.И.* Десять лет СССР // Новый мир. 1927. № 11. С. 5–40.

27. *Калинин М.И.* Что делает советская власть для осуществления демократии // Новый мир. 1926. № 10. С. 110–135.

28. *Ковалев Д.В.* Формирование совхозного сектора в агросфере столичной губернии (1918 – середина 1920-х гг.) // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века: сборник статей. М.: Центр экономической истории ИРИ РАН, 2021. С. 140–146.

29. *Коган П.Д.* Л.Н. Толстой // Новый мир. 1928. № 9. С. 185–192.

30. *Кондрашин В.В.* Актуальные проблемы аграрной истории России XX в. // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века: сборник статей. М.: ИРИ РАН, 2020. С. 3–12.

31. *Корниенко Н.В.* Нэповская оттепель: Становление института советской литературной критики. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 183–216.

32. *Кременский Н.* Рец. на: Литературно-художественные сборники «Недра». Кн. 14. М.: Изд-во «Недра», 1928. 211 с. // Новый мир. 1928. № 6. С. 252–253.

33. *Лебедева Т.А.* Мир русской дворянской усадьбы в творчестве И.А. Бунина 1920–1953 гг.: дис. … канд. филол. наук. Череповец, 2002. 187 л.

34. *Лидин В.* Белые ночи // Новый мир. 1927. № 1. С. 123–129.

35. *Лидин В.* Марина Веневцева // Новый мир. 1926. № 10. С. 5–26.

36. *Лозбенев И.Н.* Выселение бывших помещиков из мест их проживания в регионах центральной России в 1925–1927 годах // Российская история. 2009. № 1. С. 81–85.

37. *Мстиславский С.Д.* На крови // Новый мир. 1927. № 9. С. 78–105.

38. *Мстиславский С.Д.* На крови. М.; Л.: Гос. изд-во. 456 с.

39. *Н.К.* Рец. на: Партизаны. Сборник рассказов. Редакция П. Низового. М.: Госиздат, [1925]. 96 с. // Новый мир. 1925. № 4. С. 154.

40. *Новиков-Прибой А.С.* Ухабы // Новый мир. 1927. № 1. С. 76–118.

41. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 5 т. 1917–1967 гг. Сборник документов за 50 лет. Т. 1: 1917–1928 гг. М.: Политиздат, 1967. 783 с.

42. *Палей А.Р.* Рец. на: Дроздов А. Лохмотья. Роман. [Харьков]: Изд. «Пролетарий», 1928. 288 с. // Новый мир. 1928. № 5. С. 269–270.

43. *Пиксанов Н.К.* Рец. на: Сахновский В.Г. Крепостной усадебный театр. Краткое введение к его типологическому изучению. Л.: Колос, 1924. 61 с. // Новый мир. 1925. № 5. С. 158–159.

44. *Романченко В.Я.* Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века (О некоторых теоретических аспектах проблемы) // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века: сборник статей. М.: Центр экономической истории ИРИ РАН, 2021. С. 3–10.

45. *Соболев Ю.В.* Литературный быт в записях прошлого // Новый мир. 1928. № 5. С. 256–262.

46. *Соболев Ю.В.* Рец. на: Т.А. Кузминская. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Ч. 2: 1863–1864. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1926. 180 с. // Новый мир. 1926. № 4. С. 188–190.

47. *Троцкий Л.Д.* Культура и социализм // Новый мир. 1927. № 1. С. 166–184.

48. *Трубицына Н.А.* Феномен усадьбы в художественном-автобиографическом дискурсе Михаила Пришвина и Ивана Бунина // Ученые записки Орловского государственного университета. 2014. № 4 (60). С. 185–189.

49. *Федин К.А.* Пастух // Новый мир. 1926. № 8–9. С. 130–152.

50. *Щеголев П.Е.* Пушкин и мужики // Новый мир. 1927. № 10. С. 149–169.

51. *Щеголев П.Е.* Пушкин и мужики // Новый мир. 1927. № 12. С. 162–188.

52. *Яковлев А.С.* В родных местах. М.: Изд-во «Никитинские субботники», 1925. 141 с.

УДК 791.62+791.66

С.А. Лиманова[1]

Разработка программы празднования 200-летнего юбилея Академии наук СССР

Аннотация. В статье затрагивается тема коммеморативных практик на примере празднования юбилеев Академии наук в XX в. Кратко дается обзор историографии по данному вопросу. Отмечается, что в советский период праздники науки вышли далеко за пределы академической среды, став частью государственной политики и важным направлением популяризации научного знания. Подробно рассматривается 200-летний юбилей 1925 г., способствовавший изменению статуса Академии наук. Цитируется доклад академика В.А. Стеклова, в котором прописана концепция торжества и намечены его основные этапы. Изучается процесс выработки программы юбилейных торжеств, ее компоненты и особенности. В этом контексте отражается работа юбилейных комиссий. Рассматриваются промежуточные и итоговый варианты программы мероприятий. Уделяется внимание публикации юбилейной программы в газете «Правда». В результате делается вывод о том, что 200-летний юбилей Академии наук стал поворотным в разработке советского «сценария» празднования торжеств, связанных с научными достижениями. Последующие юбилеи, отмечавшиеся в 1945 и 1975 гг., во многом использовали успешный опыт 1925 г.

Ключевые слова: Академия наук; СССР; РАН; юбилей; 1925; программа.

Creating a celebration program 200th jubilee of the USSR Academy of Sciences

Abstract. The article touches on the topic of commemorative practices exemplified by the celebrations of anniversaries of the Academy of Sciences in the XX century. A brief overview of the historiography on this issue is given. It is noted that in the Soviet period, the “science celebrations” went far beyond the academic environment, becoming part of state policy and an important direction for the popularization of scientific knowledge. The 200th jubilee of 1925, which contributed to the change in the status of the Academy of Sciences, is considered in detail. The report of academician V.A. Steklov is quoted, in which the concept of the celebration was spelled out and its main stages were outlined. The process of developing a program of anniversary celebrations, its components and features are being studied. In this context, the work of the jubilee commissions is

[1] **Светлана Андреевна Лиманова** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, начальник Отдела истории Академии наук, Архив РАН (Москва, Россия), e-mail: serovasvetlana@mail.ru.

Svetlana A. Limanova – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Head of the History Department of the Academy of Sciences, Archive of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

reflected. The intermediate and final versions of the program, including various celebrations, are considered. Attention is paid to the publication of the anniversary program in the newspaper “Pravda”. As a result, it is concluded that the 200th jubilee of the Academy of Sciences was a turning point in the development of the Soviet “scenario” of celebrations related to scientific achievements. Subsequent anniversaries, celebrated in 1945 and 1975, largely used the successful experience of 1925.
Keywords: Academy of Sciences; USSR; RAS; jubilee; 1925; program.

В преддверии 300-летия Российской академии наук, а также объявленного в России десятилетия науки и технологий актуален ретроспективный взгляд на процессы подготовки и проведения торжеств, связанных с научной сферой. В XX в. на государственном уровне отмечались четыре ключевых юбилея: 200-летие Академии наук в 1925 г., 220-летие – в 1945 г., 250-летие – в 1975 г. и 275-летие – в 1999 г. Каждое из этих торжеств имело свои задачи и «сценарии» и реализовывалось по-разному. В историографии больше внимания уделено юбилеям первой половины – середины XX в.: юбилейные традиции и новации [13; 18], вопросы датировки [15], выработка концепции [10; 23], специфика проведения [11; 16; 17], значение [9], отклики участников и зрителей [5; 7; 8; 12; 14].

Выходившие в XX в. юбилейные издания стремились выявить вклад Академии наук в развитие различных отраслей знания, познакомить широкую общественность с выдающимися учеными, показать развитие сети научных учреждений и т.д. Подробно отражалась и парадная сторона юбилейных торжеств. Менее востребованными в качестве объекта исследования оказались документы по подготовке праздничных мероприятий. Долгое время это была «внутренняя», «рабочая» документация – специальные исторические справки готовились перед каждым новым юбилеем, но, выполнив свою непосредственную функцию, «оседали» в фондах юбилейных комиссий и комитетов. И только в послесоветский период исследователи постепенно стали обращаться к изучению предпосылок, особенностей, концептуальных задач юбилейной практики. Праздники науки в советский период вышли далеко за пределы профессиональной академической среды, став частью государственной политики и важным направлением популяризации научного знания.

Первым и кардинально изменившим положение Академии наук стал 200-летний юбилей, широко отпразднованный в 1925 г. Обсуждать его начали еще до революции, после 1917 г. создали специальную комиссию по подготовке, работа которой по разным причинам то приостанавливалась, то возобновлялась. Лишь к началу 1925 г. появились распоряжения о проведении «всенародного праздника», значимость которого в 1922–1923 гг. обосновывал вице-президент Академии наук академик В.А. Стеклов.

В докладе Стеклова, представленном во временном Комитете науки при Совнаркоме и обсуждавшемся на первом заседании Комиссии по организации празднования 200-летнего юбилея Российской академии наук, оказались озвучены «общие основания, на которых должно быть организовано празднование <…> и намечены, в общих чертах, те части программы празднования, которые требуют предварительных работ по ремонту зданий и оборудованию главнейших музеев и институтов РАН». Сразу решили, что праздник должен носить «широкий международный характер». Исходя из этого задавались хронологические рамки торжеств: «Необходимо <…> оповестить своевременно весь ученый мир о предстоящем юбилее, пригласить выдающихся ученых всех стран, приготовить для них и надлежащие встречу, прием и содержание в течение, по крайней мере, 10 дней» [19, л. 9].

Поскольку праздник планировался не узко-академическим, а доступным для широкой общественности, неотъемлемой частью его программы стал просветительский аспект: «Устроить ряд торжественных заседаний не только в академических зданиях и чисто ученого характера, без которых, конечно, самое торжество потеряет всякий смысл, но и торжественные общедоступные собрания в обширных муниципальных зданиях Петрограда, на которых как приезжие иностранные, так и наши ученые прочли бы ряд общедоступных рефератов о значении науки и ее результатах для жизни народных масс, ее преуспеяния и развития, и вообще для всего строительства народной жизни»; «устроить в юбилейные дни ряд выставок в музеях, кабинетах и институтах Академии, где бы посетители могли наглядно ознакомиться как со скопленными Академией сокровищами, так и с историей развития научных знаний и достижений науки, и с теми богатствами, которые даст и может дать для народного пользования наша необъятная республика» [19, л. 9 об.–10].

Изначально предполагался самый высокий статус торжества: «Считаю необходимым признать хотя бы первый день юбилея РАН неприсутственным в РСФСР и всех союзных республиках, устроив везде, где можно, торжественные собрания с общедоступными рефератами, наглядно разъясняющими, какой свет для жизни народной имеет “учение”. И впредь каждую годовщину РАН считать всероссийским праздником с соответствующими публичными собраниями» [19, л. 9 об.]. Отдельно оговаривалось, что основные торжества пройдут в Ленинграде, но целесообразно также устроить ряд мероприятий в Москве: «Весьма желательно, наконец, после Петербургских торжеств – переезд представителей Академии и приглашенных гостей в Москву, хотя бы на 3 дня для устройства особых торжественных заседаний в Москве при участии московских представителей науки» [19, л. 11]. Такими были предварительные соображения.

В январе 1925 г. председатель СНК А.И. Рыков на основании записки академиков С.Ф. Ольденбурга, В.А. Стеклова и А.Е. Ферсмана поставил перед Политбюро вопрос о подготовке к празднованию: «Я считаю, что следует придать празднованию импозантный характер <…> Можно надлежащим образом организовать прием ученых и проявить к ним особое внимание не хуже, а лучше, чем это делается за границей. Есть, что им показать <…> На торжествах можно устроить ряд наших выступлений. За границей к этим торжествам будут относиться с исключительным интересом, и иностранная пресса вынуждена будет печатать подробные отчеты об этих торжествах. Речи и выступления наших академиков будут с нами согласованы. Весь план празднования будет утверждаться нами. При таких условиях, я думаю, мы можем с большой для себя выгодой использовать этот случай» [3, с. 36]. В течение месяца вопрос решился: было получено разрешение на приглашение ученых из-за границы, дано распоряжение о выделении соответствующего финансирования (этим занимался управляющий делами СНК Н.П. Горбунов).

К разработке программы торжеств обратились весной. В протоколе № 1 от 25 апреля 1925 г. Подготовительной комиссии при президиуме РАН по проведению юбилейных торжеств по случаю 200-летия Российской академии наук (под председательством президента РАН академика А.П. Карпинского) шестым пунктом шли предложения о программе юбилейных торжеств в Ленинграде:

> а) Юбилейные торжества в Ленинграде назначить на 6–9 сент[ября] включ[ительно], а в Москве на 10–12 сент[ября] включ[ительно].
> б) Наметить нижеследующую программу юбилейных торжеств в Ленинграде:
> 5 сентября – день ожидаемого прибытия гостей – в 5 час. пополудни прием, устраиваемый Академией наук в залах Европейской гостиницы.
>
> 1-ый день 6 сентября
>
> 1 ч. дня – торжественное Юбилейное заседание Российской академии наук в б. Конф[еренц]-зале.
> 7 ч. вечера – обед, даваемый Академией наук в Европейской гостинице.
>
> 2-ой день 7 сентября
>
> 11–5 ч. дня – осмотр академических учреждений.
> 7 ч. вечера – популярные лекции по районам Ленинграда о деятельности Росс[ийской] академии наук за 200 лет, читаемые действительными членами Академии наук.

8 ч. вечера – торжественный спектакль в Акад[емическом] театре оперы и балета.

3-ий день 8 сентября

Осмотр достопримечательностей Ленинграда и экскурсии в окрестности по особо выработанным планам.

4-ый день 9 сентября

1 ч. дня – прием иностранных гостей Губисполкомом.

8 ч. вечера – отъезд в Москву.

в) Изложенные предположения внести на утверждение Юбилейного комитета [20, л. 1 об.–2].

Постановления Подготовительной комиссии имели предварительный характер, для реализации требовалось их утверждение Юбилейным комитетом при Совнаркоме [20, л. 3]. В предложенную программу периодически вносились изменения и дополнения. Так, увеличили количество праздничных дней: 5 сентября – прием гостей; 6–10 сентября – торжества в Ленинграде; 11–14 сентября – в Москве.

На заседании Комиссии по организации празднования под председательством Рыкова 8 мая возник вопрос о создании специальных подкомиссий для организации торжеств в Ленинграде и Москве. Постановление гласило: «Передать детальную разработку программы празднования в Подкомиссии, с указанием на необходимость организации в последний день празднования юбилея в Ленинграде (10 сентября) банкета с возможно более широким обменом мнениями» [19, л. 23]. С 12 мая начала заседать подкомиссия в Ленинграде [21, л. 2], с 22 мая – в Москве [21, л. 5–6]. Параллельно выработке итоговой программы и маршрутов торжеств организаторы занимались вопросами приглашения и размещения иностранных гостей, выделения транспорта, помещений для приема, устройства экскурсий и т.д. Особое внимание уделялось подготовке выступлений и организации праздничных банкетов.

8 июля 1925 г. вышло постановление СНК о переименовании Академии наук во Всесоюзную [3, с. 37]. В тот же день Подготовительная комиссия решила сдать в типографский набор окончательную редакцию пригласительных билетов и программы юбилейных торжеств [20, л. 30 об.]. Однако корректировки в последнюю вносились вплоть до конца августа [20, л. 37, 57, 64 об.]. Это было связано, в том числе, с изменением статуса Академии наук. Согласно Постановлению ЦИК и СНК СССР от 27 июля, она объявлялась «высшим всесоюзным ученым учреждением», состоящим при правительстве, и ей присваивалось новое наименование – Академия наук СССР [6, с. 323].

Окончательный вариант программы торжеств утвердили 27 августа на заседании комиссии СНК по содействию организации юбилея (под председательством В.П. Милютина) [21, л. 17, 19–19 об.]. Такое количество сменяющих (или дополняющих) друг друга юбилейных комиссий и подкомиссий в историографии объясняется борьбой за влияние на саму Академию и постоянным включением в процесс новых «акторов», желавших подкорректировать «сценарий» на свой лад [подробнее см.: 23]. В результате общий замысел сохранился, но оказался более «многослойным», политизированным, рассчитанным как на советское общество, так и на общеевропейский резонанс.

В фонде комиссии по празднованию юбилея (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН) сохранилось несколько вариантов юбилейной программы. Один из них (1 500 экз.) [22, л. 69 об.–70] еще содержит прежнее название – Российская академия наук; не везде четко проставлено время (используется формулировка – «вечером»). Этот текст перевели на два языка – французский (500 экз.) и немецкий (200 экз.) [22, л. 71 об.–74]. Другой (2 000 экз.) [22, л. 81 об.–82] – от 1 сентября – представляет собой наиболее полный вариант. В том же деле имеются образцы юбилейных бланков, билетов, приглашений, программ торжественных заседаний, концертов, спектаклей на русском и иностранных языках [22]. И, кроме того, всякого рода полезная информация для приезжающих на торжества. Например, печатное объявление: «По приезде в Ленинград прежде всего посетите Справочное Бюро при Академии Наук <…> чтобы осведомить о своем прибытии и получить все необходимые сведения, справочные издания и билеты на отдельные торжества, выдаваемые Бюро на основании общего пригласительного билета» (указывались адрес и часы работы Бюро) [22, л. 76]. Для участников юбилея также подготовили специальные издания, содержавшие важные сведения об Академии и ее учреждениях, их расположении и проч. [24; 25].

Юбилейная программа оказалась очень насыщенной, включала научные, научно-просветительские и культурные мероприятия, выступления представителей советского правительства:

Ленинград

Суббота, 5 сентября

8 ч. вечера. – Прием в залах Академии Наук.

Воскресенье, 6 сентября

1 ч. – Торжественное заседание Академии Наук в Большом зале Филармонии[1].

8 ч. вечера. – Банкет для делегатов, даваемый Академией Наук[2].

[1] Здание бывшего Дворянского собрания.

[2] Банкет состоялся в Мраморном зале Русского музея.

Понедельник, 7 сентября

С 10 ч. утра. – Осмотр научных учреждений Академии Наук.

8 ч. вечера. – Торжественный спектакль[1] в Государственном Академическом Театре Оперы и Балета.

Вторник, 8 сентября

Экскурсии в окрестности Ленинграда: осмотр Пулковской Обсерватории, Павловского Дворца, Павловской Обсерватории, Дворцов Детского Села и Петергофа. Осмотр научных учреждений и памятников Ленинграда.

Среда, 9 сентября

11 ч. утра. – Открытие и осмотр Библиотеки Академии и академических выставок.

1 ч. – Прием Ленинградским Советом делегатов, прибывших на торжества.

8 ч. вечера. – Торжественный спектакль в Государственном Академическом Театре Оперы и Балета.

Четверг, 10 сентября

10 ч. утра. – Осмотр научных учреждений, музеев и памятников Ленинграда.

6 ч. вечера. – Банкет, устраиваемый делегатам Ленинградским Советом.

Отъезд в Москву.

Москва

Пятница, 11 сентября

Прибытие делегатов в Москву.

7 ч. вечера. – Торжественное заседание в честь Академии Наук в Большом зале Консерватории.

Суббота, 12 сентября

С 10 ч. утра. – Осмотр памятников и музеев Кремля.

2 ч. дня. – Завтрак в Кремле.

4 ч. дня. – Приветственная речь Народного Комиссара по Просвещению РСФСР А.В. Луначарского в Актовом зале Первого Московского Университета.

Воскресенье, 13 сентября

Осмотр ученых учреждений и музеев Москвы, ближайших загородных музеев и дома отдыха ученых.

4 ч. дня. – Возвращение в Москву.

Вечером. – Концерт в Большом Театре.

[1] Опера М.И. Глинки «Руслан и Людмила».

Понедельник, 14 сентября

Последний день празднования

Осмотр ученых учреждений в Москве и ближайших загородных музеев.

6 ч. вечера. – Возвращение в Москву.

Вечером. – Банкет, устраиваемый Правительством и Московским Советом [22, л. 81 об.–82].

Ленинградская и московская части оказались составлены по схожему принципу: приемы – торжественные заседания – знакомство с научными учреждениями – вечерняя культурная программа. Гостей, с одной стороны, планировалось «погрузить» в «научное пространство», продемонстрировав научные достижения и перспективы развития, с другой – дать понять, что особое отношение к науке – заслуга нового советского правительства.

Торжества подробно освещались в периодических изданиях. В газете «Правда» появилась особая рубрика к «200-летию Академии Наук», в которой сообщалось о приезде гостей, размещались интервью с учеными, описывался ход торжеств, печатались произнесенные на заседаниях и банкетах речи, отражались впечатления участников. В номере от 1 сентября напечатана и сама программа торжеств [1]. В ней не везде проставлено точное время (в ряде случаев сохранены формулировки «вечером»), зато по дням расписаны все запланированные мероприятия. Причем в московской части – с указанием, чьи выступления ожидаются: в Консерватории (11 сентября) – приветственная речь заместителя председателя СНК СССР и председателя Моссовета Л.Б. Каменева, доклад академика П.П. Лазарева на тему «Точные науки в России за 200 лет»; в актовом зале первого МГУ (12 сентября) – речь наркома просвещения РСФСР А.В. Луначарского.

Как раз перед возвращением в Москву Луначарский дал корреспонденту «Правды» небольшое интервью, весьма положительно отозвавшись о ленинградской части торжеств: «Я полагаю, <…> что эти торжества прошли с большим успехом со стороны содержания и со стороны организационной. Я слышал от иностранных гостей многочисленные выражения самого искреннего удовольствия по поводу ленинградских торжеств <…> Решительно все вынесли определенное удовлетворение тем, что нашли сокровища искусства и науки вполне сохранившимися» [2]. Следовательно, требуемый фокус восприятия задавался весьма успешно.

Организация 200-летнего юбилея Академии наук и спустя десятилетия оценивалась довольно высоко. Директор Архива АН СССР Б.В. Левшин, готовивший уже к 250-летнему юбилею Академии наук историческую справку о предшествующих празднованиях, охарактеризовал эти торжества так: «Свой двухсотлетний юбилей Академия наук отмечала после победы

Великой Октябрьской революции. Ему был придан невиданный ранее небывало широкий размах, свидетельствовавший о том большом внимании, которое Коммунистическая партия и Советское правительство уделяли Академии наук <…> Юбилей Академии наук носил не только общесоюзный, но и широкий международный характер. На него были приглашены иностранные гости из Франции, Италии, Дании, Германии, Индии, Японии и других стран. Иностранные почетные члены и члены-корреспонденты Академии наук, иностранные послы и посланники. На юбилее Академии наук присутствовали руководители партии и правительства СССР, руководящие работники ВЦИКа, Совнаркома, Совета труда и обороны, Госплана, всех народных комиссариатов, очень полно были представлены научные и высшие учебные заведения страны, культурные и общественные организации» [4, л. 14–39].

Состав вовлеченных в действо и количество мероприятий впечатляли. Выходили специальные издания, устраивались выставки, подготовили юбилейный альбом и сняли кинофильм о праздновании, выпустили юбилейную почтовую марку и т.д. Юбилей организовали с «имперским размахом», но с иной идейной направленностью. Программа выстраивалась таким образом, чтобы показать гостям достижения науки и культуры, отметив результативность работы новой власти по сохранению и приумножению общественного достояния. В бывших царских резиденциях и местах великосветского досуга теперь заседали народные представители бок о бок с выдающимися учеными; на смену неуемной праздности пришел осознанный труд; открывались большие перспективы для реализации главнейших задач – такой стремились представить новую советскую реальность европейскому зрителю в рамках юбилейных торжеств. Праздник науки создавал удобную площадку для трансляции нужных идей и ведения диалога с западным научным миром. Опыт проведения юбилея стал поворотным в разработке советского «сценария» научных торжеств и во многом использовался при подготовке последующих юбилеев – в 1945 и 1975 гг.

Список источников и литературы

1. 200-летие Академии наук. Программа празднования 200-летия Академии наук // Правда. 1925. № 198. С. 4.

2. 200 лет Академии наук. Тов. Луначарский о юбилее // Правда. 1925. № 208. С. 3.

3. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. 1922–1991. Т. 1. 1922–1952. М.: РОССПЭН, 2000. 591 с.

4. Архив Российской академии наук (Архив РАН). Ф. 2137. Оп. 1. Д. 1.

5. *Бровина А.А., Егорова С.Л.* «…Я унес с юбилея Академии неугасимую искру любви к науке…» (Из воспоминаний П.В. Иванова – юного участника 200-лет-

него юбилея Российской академии наук) // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. № 1. С. 185–190.

6. Документы по истории Академии наук СССР. 1917–1925. Л.: Наука, 1986. 384 с.

7. *Ковалев М.В., Груздинская В.С.* «Все были очень впечатлены дружелюбием, гостеприимством и энтузиазмом советских ученых». Отчет представителя «British Council» в СССР Бренды Трипп о поездке британской делегации в Москву и Ленинград на празднование 220-летнего юбилея Академии наук СССР. Июль 1945 г. // Исторический архив. 2020. № 4. С. 87–107.

8. *Ковалев М.В.* «Я впечатлен их колоссальными исследованиями и преподаванием». Дневник лауреата Нобелевской премии физика Макса Борна «Путешествие в Россию» о поездке в Москву и Ленинград на 220-летний юбилей АН СССР. 1945 г. // Исторический архив. 2021. № 5. С. 53–81.

9. *Копелевич Ю.Х., Колчинский Э.И.* Политические итоги академического юбилея 1925 г. // За «железным занавесом». Мифы и реалии советской науки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 37–55.

10. *Корзун В.П., Груздинская В.С.* 220-й юбилей АН СССР в победном 1945-м: сценарий празднования в социокультурном контексте эпохи // Вестник РУДН. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 2. С. 374–392.

11. *Корзун В.П., Ковалев М.В., Груздинская В.С.* Юбилей Академии наук СССР в победном 1945 году: замысел, сценарий праздника, международный резонанс // Вестник РФФИ. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 2. С. 22–36.

12. *Корзун В.П., Колеватов Д.М.* «Русские поклоняются знаниям» (220-летний юбилей АН СССР в восприятии канадского ученого) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 162. № 3. С. 207–219.

13. *Корзун В.П., Колеватов Д.М.* Юбилеи Академии наук в первой половине XX в.: конструирование коммуникативного поля // Наука как общественное благо. Сборник научных статей Второго международного конгресса Русского общества истории и философии науки. М.: «Русское общество истории и философии науки», 2020. С. 60–63.

14. *Лиманова С.А.* «Академия наук сыграла решающую роль в создании <…> орудий победы»: отклики на 220-летний юбилей Академии наук в июне 1945 г. // Великая Отечественная война и проблемы национальной безопасности современной России. Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет, 2020. С. 187–191.

15. *Лиманова С.А.* Выбор даты празднования 220-летия Академии наук: к предыстории «юбилейного» вопроса // Миллеровские чтения – 2020. Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия. Материалы III международной научной конференции. СПб.: «Реноме», 2021. С. 218–222.

16. *Лиманова С.А.* За «ценный вклад в дело разгрома врага»: чествование ученых как коммеморативный символ Победы // Архивный поиск. Вып. 3. М.: Архив РАН, 2020. С. 347–368.

17. *Лиманова С.А.* Победный парад советской науки // Родина. 2020. № 6. С. 122–125.

18. *Орел В.М.* Юбилеи Российской Академии наук: история и традиции // Российская Академия наук: 275 лет служения России. М.: Изд-во «Янус-К, 1999. С. 31–37.

19. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 12. Оп. 1. Д. 1.

20. СПбФ АРАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2.

21. СПбФ АРАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 4.

22. СПбФ АРАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 33.

23. *Сорокина М.Ю.* Двухсотлетний юбилей Академии наук // Нестор. 2005. № 9. Вып. 3. С. 206–235.

24. Справочник для участников празднования двухсотлетнего юбилея Академии наук. 1725–1925. Л.: [АН СССР], 1925. 74 с.

25. Спутник по научным учреждениям и музеям г. Москвы. М.: АН СССР, 1925. 49 с.

УДК 82-94

Д.А. Сосницкий[1]

Юбилеи В.И. Ленина на страницах журнала «Огонек»[2]

Аннотация. В статье исследуются особенности репрезентации образа В.И. Ленина на страницах апрельских «юбилейных» номеров журнала «Огонек». Автор, используя метод контент-анализа, рассматривает 20 выпусков журнала, выявляет нарративы о Ленине, а также упоминания объектов памяти, так или иначе с ним связанных, а именно: известных политических и партийных деятелей, событий из истории СССР и Советской России. Автор прослеживает динамику количества упоминаний Ленина на страницах одного из самых популярных общественно-политических журналов страны и делает выводы о государственном и социальном заказе на формирование его образа. В исследовании проводится сравнение особенностей конструирования образа Ленина в советском и постсоветском «Огоньке».
Ключевые слова: В.И. Ленин; журнал «Огонек»; образы прошлого; историческая память.

Anniversaries of V.I. Lenin on the pages of the Ogonyok magazine

Abstract. Within the framework of this article, the features of the representation of the image of V.I. Lenin on the pages of the April “anniversary” issues of the “Ogonyok” magazine are investigated. The author, using the method of content analysis of 20 issues of the magazine, identifies narratives about Lenin, as well as mentions of memory objects related to him in one way or another, namely, famous political and party figures, events from the history of the USSR and Soviet Russia. The author traces the dynamics of the number of mentions of the leader on the pages of one of the most popular socio-political magazines of the country and draws conclusions about the state and social order for the formation of his image. In addition, the study compares the representation of the image of Ilyich in the Soviet and post-Soviet “Ogonyok”.
Keywords: V.I. Lenin; Ogonyok magazine; images of the past; historical memory.

Культ В.И. Ленина неоднократно становился предметом изучения в российских и зарубежных исторических, социологических и культурологических исследованиях. Одна из самых известных работ такого рода – «Ленин жив!

[1] **Дмитрий Александрович Сосницкий** – кандидат исторических наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: st003114@spbu.ru.
Dmitry A. Sosnitsky – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, St Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).
[2] Публикация подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации, проект № МК–3760.2022.2 «Репрезентация образов государственных деятелей в массовом историческом сознании: на примере В.И. Ленина и И.В. Сталина».

Культ Ленина в Советской России», изданная еще в 1983 г., принадлежит перу американского историка Н. Тумаркин [12]. В ней описываются истоки культа и его место в большевистской мифологии. Автор коснулась некоторых нюансов формирования образа Ленина на страницах газет («Правда, «Известия» и др.), но характеристики, дававшиеся ему в популярных советских журналах, практически не рассматривала. В другой крупной работе авторства Б. Эннкера периодическая печать также специально не привлекалась в качестве источника формирования изучаемого образа в коллективном историческом сознании [13]. Тем не менее нельзя сказать, что особенности конструирования образа Ленина в журнальной периодике не рассматривались вовсе. Эта проблематика изучалась на материалах отдельных периодических изданий, например, «Сибирского детского журнала» [7]. В рамках данной работы исследуются номера журнала «Огонек», выпускавшиеся к очередным юбилеям первого руководителя советского государства. Анализ их содержания позволит выявить основные тенденции в репрезентации образа Ленина на страницах одного из самых востребованных общественно-политических журналов СССР.

В ходе исследования проанализированы «ленинские» номера журнала с интервалом в пять лет, начиная с 1925 г., когда Ленину исполнилось бы 55 лет; всего изучено 20 номеров с 1925 по 2020 г. График 1 отражает, сколько отдельных материалов (статей, заметок, фотографий с подписями, если они расположены вне статьи) содержалось в каждом из рассмотренных номеров и как этот количественный показатель менялся на протяжении почти 100 лет.

График 1

Количество материалов, посвященных В.И. Ленину в юбилейных номерах журнала «Огонек» (1925–2020 гг.)

Обратимся к непосредственному анализу юбилейных выпусков. В номере от 19 апреля 1925 г. размещен материал «Великая жизнь (к 55-летию со дня рождения В.И. Ленина)» [3, с. 1]. Он занимает только один лист и представляет собой фотоколлаж, основная часть которого – снимок рукописи «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа». В верхней части листа – фотография первого заседания Совнаркома РСФСР, в нижней – Ленина, «снятого в характерный для него момент беседы». Текст в статье, за исключением подписей к фотографиям, отсутствует. Спустя 5 лет «Огонек» опубликовал на обложке 20 фотографий Ленина в разные годы жизни. Этот фотоколлаж назван «Лицо Ленина» и не сопровожден никакими комментариями, кроме краткого: «Снимки Владимира Ильича Ленина в разные периоды жизни. 22-го апреля исполняется 60 лет со дня рождения Владимира Ильича» [9, с. 1]. В апрельских номерах за 1935 г. упоминание о дне рождения Ленина отсутствует, а в 1940 г. опубликовано стихотворение Б. Заходера, главным героем которого является И.В. Сталин: «Он вольно дышит, расправляет плечи, / Часами здесь стоять не устает – / Прекрасен день величественной встречи / Вождя с народом. Любит он народ… / Почетный караул у узкой двери, / Уступами сбегающий гранит… / Здесь Ленин… / Здесь принимал он первые парады – / Шли первые рабочие отряды» [6, с. 1]. Специального юбилейного материала нет и в этом номере.

Ситуация изменилась в середине 1940-х гг. В апрельском номере 1945 г. представлено уже 9 материалов, посвященных Ленину. Это как привычные рисунки и фотографии (Ленин в селе Шушенском, рисунки лауреата Сталинской премии Н. Жукова «Теперь земля наша», «В минуту отдыха», «В Разливе», «Одну минутку»), так и художественные произведения – стихотворение «Великий друг» С. Васильева и рассказ «Родной дом» Л. Кассиля. Статья «Во всем гений Ленина» посвящена эпизоду развития торфяной промышленности в Советской России. В материалах этого «ленинского» номера остро ощущается, что вся страна жила с ощущением приближающейся победы. Тема войны вплетается в юбилейные материалы. Так, по сюжету рассказа Кассиля, раненый на фронте Василий Карпухин получил в госпитале письмо о гибели всех его родных – жены, матери и сына. Он потерял интерес к жизни и даже не обращал внимания на то, в каком городе он находится. Видя его состояние, военный врач Зинаида Григорьевна привела Карпухина в дом-музей, в котором вырос Ленин (госпиталь был расположен в Ульяновске). Поняв, где находится, Карпухин преобразился на глазах: «Дом родной сгорел, ничего, будто, не осталось. А вот про этот дом забыл. А он стоит, и вечно стоять будет. Вот уеду я опять на фронт, а буду знать: есть на свете дом, который для меня свой, родной» [8, с. 4].

Тенденция середины 1940-х продолжилась в 1950-е гг. Так, в номере за 16 апреля 1950 г. Ленину посвящены уже 19 материалов. Правда, за

пять лет и объем самого номера вырос почти в два раза. В силу того, что «Огонек» – журнал иллюстрированный, на страницах его «ленинских» выпусков большое внимание уделялось изображениям вождя. На цветную обложку вынесена картина «Владимир Ильич Ленин среди делегатов III съезда ВЛКСМ» П. Белоусова, а на первый лист – портрет Ленина, выполненный художником П. Васильевым. В номере также представлены рисунок В. Высоцкого «У дома-музея В.И. Ленина в Ульяновске», фотографии памятников, изготовленных скульптором Н. Андреевым, картины «В.И. Ленин и А.М. Горький в Горках» (худ. В. Ефанов), «Владимир Ильич Ленин в Смольном» (худ. И. Бродский), «В.И. Ленин и Н.К. Крупская среди крестьян деревни Горки в 1921 году» (худ. Н. Сысоев). Главным сюжетом художественных произведений этих лет стал союз Ленина и Сталина. В поэме «Красная площадь» М. Дудина первый представлен чуть ли не божеством, за советом к которому второй ходит в трудные минуты: «А волны бились и хлестали / В борта напористей и злей. / В ту злую ночь товарищ Сталин / Спустился тихо в Мавзолей. / Потом с надеждой и любовью, / Исполненный великих сил, / Он встал у друга в изголовье / И молча голову склонил» [5, с. 4].

В 1950-е гг. в «ленинских» номерах все больший упор делался на признание гениальности вождя пролетариата самыми передовыми и сознательными людьми из разных стран. Например, в № 16 за 1955 г. есть статья «Книги Ленина в Китае», повествующая о том, какое большое значение придают их изучению в КНР, и материал «Незабываемые встречи» – воспоминания французского политического деятеля М. Кашена. Номер за 1955 г. вообще выделяется разноплановостью представленных в нем материалов. Помимо вышеперечисленных, в нем еще есть статья о ленинских комнатах в Кремле, художественные произведения, описание киноматериалов о юбиляре. Кроме того, этот номер интересен и тем, что несмотря на уменьшение частоты упоминаний имя Сталина еще не было стерто с журнальных страниц полностью. В номере были представлены в цвете две картины: «Залп “Авроры”» (худ. С.И. Дудник) и «Власть советам – мир народам» (худ. Д.А. Налбандян, В.Н. Басов, Н.П. Мещанинов, В.А. Прибыловский, М.А. Суздальцев). На обеих картинах Сталин на первом плане наряду с Лениным. В более поздних номерах подобные картины не встречались.

В 1960–1970-е гг. насыщенность юбилейных номеров материалами о Ленине достигла пика. Некоторые из выпусков, вышедших в эти годы, посвящены ему практически полностью. Названия материалов номера, выпущенного к 90-летию Ленина, демонстрируют, какое обилие тем рассматривалось в журнале в контексте упоминания его личности: «Под знаменем ленинизма», «Завещано Ильичем, сделано народом», «Триумф коммуни-

стических идей – высокий дар Ленину от признательного человечества», «Ленин родной», «Это было в Лонжюмо…», «Песнь о Ленине», «Ленин и теперь живее всех живых!», «Ленинский голос», «Ленин и судьбы Африки», «Как Ленин вошел в мою жизнь», «Образ Ильича» и т.д. Особое место заняли воспоминания старых большевиков. В них Ленин изображен гениальным оратором, умевшим обезоружить политического противника. Вот как, например, И. Белостоцкий описал совещание ЦК РСДРП, состоявшееся в деревушке Лонжюмо под Парижем в 1911 г.: «На совещание Ленин пригласил и нас, рабочих, слушателей партийной школы. Были тут и лидеры меньшевиков: Мартов, Мартынов, Дан и другие. Ильич выступил тогда против меньшевиков исключительно резко. Помню, что, цитируя одну из статей Мартова, Ленин назвал ее великолепной в литературном плане, но предательской в отношении рабочего класса. Тогда Мартов покинул заседание. Затем Владимир Ильич взялся за Мартынова, статьи и взгляды которого получили такую же уничтожающую оценку» [1, с. 12]. На страницах журнала Ленин представлен остроумным человеком, любившим пошутить. В одной из заметок описан эпизод его взаимоотношений с Ф.Э. Дзержинским: «Когда Владимир Ильич узнал, что Дзержинский до сих пор не записан на пластинку, он предложил сейчас же вызвать его к телефону и сказать ему от имени Ленина, что если Феликс Эдмундович не запишется, то будет “арестован”… Шутка Владимира Ильича была дословно передана председателю ВЧК по телефону. Феликс Эдмундович добродушно ответил, что хоть он и не оратор, но так как ему угрожает “арест”, то придется записываться» [4, с. 17].

Номер, выпущенный к 100-летнему юбилею, открывался материалом «Великая жизнь», состоявшим из десятков фотографий и подписей к ним. Далее размещены художественные произведения, публицистические материалы, воспоминания. Большой раздел «Торжество идей социализма» объединил в себе ответы чрезвычайных и полномочных послов социалистических стран на вопрос «Как ленинские идеи претворяются в жизнь в их странах?» [11]. В целом вплоть до конца 1980-х гг. общий стиль «ленинских» номеров «Огонька» не менялся. Варьировалось лишь количество материалов, однако их общий объем в масштабах номера оставался практически неизменным.

Ситуация резко изменилась непосредственно перед распадом СССР. В «ленинском» номере 1990 г. материалов о юбиляре уже значительно меньше. Обращает на себя внимание дискуссионность поднимаемых в них тем. Нет многочисленных картин, изображающих Ленина среди рабочих и крестьян, солдат и матросов. Первый материал посвящен политическому завещанию Ленина, приведены его рассуждения о конфликте между Стали-

ным и Л.Д. Троцким. Даже традиционные для юбилейных номеров Горки упоминаются в совершенно новом контексте. В разделе «Почта “Огонек”» опубликовано письмо жителя д. Горки В. Шульгина о том, что в результате решения Московского облсовета 1972 г. его дом, в котором в 1921 г. проходило выступление Ленина, снесли, а на его месте построили филиал музея. Шульгина переселили, однако старый дом был его личной собственностью, а новый значился на балансе Горкинского сельсовета. Читатель возмущался тем, что ему не заплатили компенсации и требовал передачи нового дома в его личную собственность [10, с. 7]. Кроме того, на страницах номера размещены материалы о Кронштадтском мятеже, продналоге и военном коммунизме.

В постсоветской России «ленинские» номера из «Огонька», по сути, исчезли. Даже в юбилейные годы появлялись лишь немногочисленные заметки. Так, в 2010 г. в журнале опубликована большая статья «Дважды умерший», в которой речь идет о ленинском мемориале в Ульяновске – огромном музейном комплексе, не востребованном у туристов [2, с. 31].

По итогам анализа 20 номеров журнала в материалах о Ленине обнаружено большое количество объектов исторической памяти – событий и деятелей отечественной истории, явлений и мест, связанных с его биографией. Ввиду того, что общее число этих объектов достигает тысячи, было решено учитывать упоминания лишь о тех из них, которые встречались в юбилейных номерах не менее двух раз. Их «рейтинг» представлен в таблице 1.

Таблица демонстрирует, что содержание «ленинских» номеров выстраивалось исключительно вокруг личности юбиляра. Его подпольная деятельность, эмиграция и даже Октябрьская революция служат лишь историческим фоном. Подробности событий Октября 1917 г. встречаются лишь в каждом двадцатом материале, а, например, Первая мировая и Гражданская войны практически не упоминаются. Сталин представлен в числе лидеров рейтинга лишь благодаря частым упоминаниям в 1940–1950-е гг. Остальные соратники Ленина практически вытеснены из числа достойных упоминания, исключение сделано лишь для Крупской и Горького. Интересно, что некоторые события и явления, напротив, включались в номера регулярно, хотя их частые упоминания не кажутся такими очевидными. В частности, большое внимание уделялось ГОЭЛРО: электрификации страны посвящено сразу несколько объемных материалов.

Подводя итоги этому краткому обзору, следует отметить, что отражение «ленинской» темы на страницах журнала «Огонек» в целом релевантно запросам общества и государства. Резкий рост числа публикаций в 1940-е гг. и сохранение этой тенденции вплоть до начала 1990-х гг. демон-

стрируют стремление сохранять и преумножить память о Ленине. Интересно, что при формировании его образа акцент делался не на политической деятельности, а, скорее, на личных качествах. Журнал формировал образ веселого, умного, принципиального человека, готового до конца отстаивать права рабочих и крестьян, солдат и матросов. С целью конструирования такого образа постоянно публиковались картины и фотографии, изображавшие Ленина в окружении народа. Очевидно, что так создавался бесконфликтный, «консенсусный» образ лидера, занятого решением насущных задач простых людей. Описание Гражданской войны, реалий военного коммунизма и внутрипартийной борьбы этому бы не поспособствовало.

Таблица 1

Объекты исторической памяти, упоминавшиеся в материалах юбилейных номеров журнала «Огонек» (1925–2020 гг.)[1]

№	Объект памяти	Количество упоминаний
1	Ленин	173 (46,5 %)
2	Ленин среди рабочих/крестьян/солдат/матросов	20 (5,37 %)
3	Октябрьская революция	18 (4,83 %)
4	И.В. Сталин	12 (3,22 %)
5	Н.К. Крупская	11 (2,95 %)
6	А.М. Горький	8 (2,15 %)
7–8	Великая Отечественная война, Смольный	6 (1,61 %)
9–13	ГОЭЛРО, Памятники Ленину, Горки, Февральская революция, Старые большевики	5 (1,34 %)
14–20	Мавзолей, Дом-музей Ленина в Ульяновске, Всеобуч, эмиграция, М.И. Ульянова, ленинский субботник, Гражданская война	4 (1,07 %)
21–29	Шушенское, орден Ленина, Революция 1905–1907 гг., Первая мировая война, Разлив, Ф.Э. Дзержинский, Декрет о мире и земле, родители Ленина, Л.Д. Троцкий	3 (0,8 %)
30–48	Петр I, А.С. Пушкин, Александр II, Н. Бухарин, крейсер «Аврора», НЭП, военный коммунизм, Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, О.И. Ульянова, А.И. Ульянова, А.И. Ульянов, индустриализация, «Кровавое воскресенье», рукописи Ленина в ГПБ, Красная площадь, голос Ленина, газета «Правда», Сталинская премия, Л.И. Брежнев	2 (0,53 %)

[1] Составлено по материалам юбилейных номеров журнала «Огонек», вышедших в период с 1925 по 2020 г.: 1925 (№ 17), 1930 (№ 11), 1935 (№ 11), 1940 (№ 11), 1945 (№ 15/16), 1950

Список источников и литературы

1. *Белостоцкий И.* Это было в Лонжюмо… // Огонек. 1960. № 16. 17 апр. С. 12.

2. *Белый М.* Дважды умерший // Огонек. 2010. № 15. 19 апр. С. 31.

3. Великая жизнь (к 55-летию со дня рождения В.И. Ленина) // Огонек. 1925. № 17. 19 апр. С. 1.

4. *Гольцев Б.* Ленинский голос // Огонек. 1960. № 16. 17 апр. С. 17.

5. *Дудин М.* Красная площадь // Огонек. 1950. № 16. 16 апр. С. 4.

6. *Заходер Б.* На Красной площади // Огонек. 1940. № 11. 20 апр. С. 1.

7. *Капинос Е.В.* Пропагандистские мифы в Сибирском детском журнале: «ученики Ленина», пионеры на камлании, «Тельбес» // Сюжетология и сюжетография. 2017. № 1. С. 63–78.

8. *Кассиль Л.* Родной дом // Огонек. 1945. № 15/16. 20 апр. С. 3–4.

9. Лицо Ленина // Огонек. 1930. № 11. 20 апр. С. 1.

10. Почта «Огонек» // Огонек. 1990. № 17. 21–28 апр. С. 7.

11. Торжество идей социализма // Огонек. 1970. № 16. 18 апр. С. 26–30.

12. *Тумаркин Н.* Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999. 285 с.

13. *Эннкер Б.* Формирование культа Ленина в Советском Союзе. М.: РОССПЭН, 2011. 438 с.

(№ 16), 1955 (№ 17), 1960 (№ 16), 1965 (№ 16), 1970 (№ 16), 1975 (№ 17), 1980 (№ 16), 1985 (№ 17), 1990 (№ 17), 1995 (№ 17), 2000 (№ 15),2005 (№ 16), 2010 (№ 15), 2015 (№ 16), 2020 (№ 13–16).

УДК 94(47).084+325.2

С.В. Артемова[1]

Дар, проклятие или естественный процесс: взгляд представителей литературного зарубежья на забвение революции и гражданской войны в России

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды представителей российского литературного зарубежья на процесс забывания опыта переживания травмы революции и гражданской войны и забвения России. Анализ теоретических классификаций, созданных в поле Trauma и Memory Studies позволяет установить, что они охватывают лишь часть определений забвения, выявляемых в результате феноменологического анализа. В мемуарных источниках литераторами выделяются позитивные и негативные стороны коллективного забывания о переживании революции и гражданской войны в России, отчетливо проявляется желание и нежелание забыть произошедшее. Несмотря на полярность мнений в кругу литераторов о свойствах памяти, характер определений указывает на общие для представителей зарубежья сложности интеграции социально-политических событий в собственный опыт и творчество.

Ключевые слова: забвение; историческая память; российское зарубежье; коллективная травма.

A gift, a curse or a natural process: the view of representatives of the literary abroad on forgetting the revolution and civil war in Russia

Abstract. The article discusses the views of representatives of the Russian emigrant literature on the process of forgetting the experience of surviving the trauma of revolution and civil war and forgetting Russia. The analysis of theoretical classifications created in the field of Trauma and Memory Studies allows us to establish that they cover only a part of the definitions of forgetting, revealed as a result of phenomenological analysis. In memoir sources, writers highlight the positive and negative aspects of collective forgetting about the experience of the revolution and the civil war in Russia, both the desire and the unwillingness to forget what happened are clearly manifested. The author comes to the conclusion that, despite the polarity of opinions in the circle of writers about the properties

[1] **Софья Владимировна Артемова** – аспирант кафедры истории России нового и новейшего времени Российского государственного гуманитарного университета, студент Института психологии им. Выготского РГГУ (Москва, Россия), e-mail: artemovasofyavl@gmail.com.

Sofya V. Artemova – Postgraduate Student of the Department of Russian History of Modern and Contemporary Times of the Russian State University for the Humanities, Student of the Psychology Department of RSUH (Moscow, Russia).

of memory, the nature of the definitions indicates the common difficulties, for representatives of the literary abroad, of integrating socio-political events into their own experience and works of art.
Keywords: forgetting; historical memory; Russian abroad; collective trauma.

В Trauma и Memory Studies интеграция травматических переживаний, вызванных социально-политическими потрясениями, в коллективную и индивидуальную память рассматривается в тесной связи с процессами забывания и замалчивания тех же сюжетов. В некоторых концепциях забвение даже включается в определение исторической памяти как обратная сторона осознанного или неосознанного обращения к прошлому или естественный процесс преобразования содержания коллективной памяти [13, с. 158]. Актуальность настоящего исследования обуславливается, в первую очередь, значительно более активной разработкой коммеморативных практик, включения исторических сюжетов в автобиографию, нежели процесса забывания.

При этом созданные исследователями классификации забвения соответствуют парадигмальным и методологическим особенностям подходов, в рамках которых они развиваются. Это ограничивает возможности анализа представлений о забвении, почерпнутых из источников личного происхождения. Например, для французского социолога М. Хальбвакса, утверждавшего, что коллективная историческая память отличается от истории своей «конечностью» (т.е. исчезает с уходом носителей памяти о тех или иных событиях), характерен взгляд на забвение как на процесс, связанный с «исчезновением тех групп, которые хранили память о них» [25]. Наиболее распространенными сегодня являются более широкие классификации П. Коннертона и А. Ассман, подробно разобранные Ю.А. Сафроновой [18, с. 150–158]. Выделение форм забвения оказывается весьма значимым в случаях, когда исторические и культурологические работы в этой области ориентированы на рассмотрение чего-то конкретного: например, механизмов «принудительного забвения» в разные исторические периоды [12].

Однако в результате изучения категорий забвения становится очевидной их нерелевантность применительно к конкретному историческому материалу. Фактически ни одна концепция не отражает в полной мере те характеристики и примеры забвения, которые приводят в мемуарах сами участники событий. Нам представляется, что классификация вариантов забвения должна начинаться с феноменологического анализа – выявляемых в мемуарных текстах и дневниках представлений о феномене забвения, оценках сохранности сюжетов в собственной и коллективной памяти.

Целью данного исследования является выявление и анализ феноменологии забвения в среде российской послереволюционной эмиграции. С одной стороны, представления о предмете забвения могут дать более

подробную картину значимых для эмиграции сюжетов. С другой, анализ рефлексии литераторов позволит выявить как индивидуальные особенности, так и общие механизмы интеграции опыта переживания травмы революции и гражданской войны в коллективную память. Основным методом исследования, помимо общенаучных методов анализа и синтеза, является метод типологизации с применением феноменологического анализа.

Забыть страну, язык или революцию: предмет забвения в дискуссионном поле российской эмиграции

Размышления литераторов о забвении можно разделить на две группы. Первые («предметные») стремятся дать ответ на вопрос, можно ли забыть Россию, язык и русских поэтов, и стоит ли это делать. На мой взгляд, она лишь косвенно отражает травматические переживания и скорее является следствием отъезда: формой приспособительной реакции или выражением ностальгии. В историографии отмечается, что именно нежелание забыть Россию, отказаться от прошлого и начать новую жизнь слишком далеко от родины мешало русским эмигрантам сразу переехать в Америку [24, с. 37].

О России и путях ее развития литераторы, философы, политические деятели дискутировали на страницах эмигрантских изданий с самого отъезда. Тема забвения занимала особое место, сопутствуя признанию миссии сохранения духовного наследия российской интеллигенции. Крайне популярным был образ России как неотъемлемой составляющей души эмигранта [26]. Широко известна заметка первого номера парижского журнала «Путь» Н.А. Бердяева и Б.П. Вышеславцева, в которой забвение как потерю связи с русской землей и русским народом предполагалось преодолевать напряженной духовной жизнью и верностью идее России [8]. Исследователи отмечают, что эта заметка прозвучала как «некий манифест русской эмиграции» [20, с. 24].

Однако далеко не все литераторы разделяли положение о недозволенности забвения. В литературных дискуссиях (например, на заседаниях «Зеленой лампы»), а также в мемуарных текстах и стихотворениях можно встретить самые разные мнения. Так, С. Прегель считала, что забыть Родину просто невозможно [16, с. 28–29], а вот Д. Мережковский был убежден в обратном. Забвение России он считал сложным и мучительным процессом, сравнивая его с выкалыванием глаз Эдипом, которое под силу не каждому: «Что, если Россия останется во власти большевиков? Да, конечно, я откажусь от России советской, но не откажусь от свободы. Свобода дороже родины» [22, с. 51].

В ту же группу размышлений относятся и сюжеты о русском языке, религии, корнях, литературной традиции. Исследователи творчества поэтов и писателей отмечают интеграцию этих тем в произведения авторов [20].

К «предметному» забвению можно отнести также снижение популярности литераторов. Примечательно, что некоторым из них предстоящая любому человеку смерть казалась сопряженной с неминуемым забвением [4, с. 300], другие же продолжали «писать для вечности». Не умозрительным этот вопрос стал, когда ушли из жизни знаменитые свидетели эпохи, а оставшиеся литераторы послереволюционной эмиграции брали на себя ответственность за их недооценку. Так, П. Ставров в заметке на годовщину смерти Бердяева написал: «Есть у нас, может быть, и другое преступление против памяти замечательных людей: небрежность, недооценка, забвение» [21, с. 76].

Вторая группа размышлений литераторов о забвении направлена на выявление механизмов памяти. Забывание рассматривается самими литераторами в фокусе последствий пережитого опыта. Это представляет для исследователя особый интерес. Фактически здесь идет поиск ответа на вопрос, как происходит процесс забвения, почему он возникает и что это означает?

Обращение литераторов к особенностям процесса забвения

С. Рафальский писал о свойстве памяти вытеснять значимые события в пользу мелочей: «Лукава человеческая память: в ней порой бесследно стирается то, что, казалось бы, гравировалось навсегда, и с поражающей точностью подымаются со дна черт знает каких далеких дней совершенные пустяки… а вот то, что происходило в нашем городке после октябрьской контрреволюции и до прихода немцев в 1918 году – решительно забыл» [17, с. 71–72]. Основной причиной вытеснения воспоминаний он назвал стремительную смену власти. В классификации Коннерта это соответствует «аннулированию» (из-за внешних событий) как форме забвения, вызванной пресыщением информацией.

Ставров, напротив, обращал внимание на исчезновение деталей дореволюционной России: «Много с тех пор писалось мемуаров и исторических исследований о событиях того времени, а вот особая неповторимая атмосфера его постепенно забывается» [21, с. 55]. Забвение повседневности, лиц и образов является основным мотивом стихотворения Н. Оцупа «Океан Времени». Представляется, что в вышеизложенных примерах речь также может идти об «аннулировании», но внешним фактором, влияющим на сохранение сюжетов в памяти, является время.

З. Гиппиус, готовя к публикации свой дневник в 1927 г., писала об исчезновении и того, и другого вида событий: «Какой урок для памяти человеческой? Как она слаба и как мало знает о своей слабости! Сколько по-

терять может в 7–8 лет! Пусть бы терялись ненужные мелочи (много их во всяком дневнике!), но ведь пропадают не только они» [6, с. 321].

Эти примеры можно отнести к такой психологической категории забывания как «не-вспоминание». Оно означает не бесследное исчезновение событий из памяти, а невозможность их быстрой актуализации (то, о чем не помнят авторы, они теоретически могут вспомнить через несколько дней или даже лет). Верность такой классификации подтверждается самими литераторами. По мнению Г. Адамовича, «воспоминания лежат под спудом, они не уничтожены, но вытеснены в прошлое, и не влияют ни на мысли наши, ни на поступки. Иначе нельзя было бы жить. Внезапно, как молния, то или другое из них пронесется в сознании, взбудоражив его, а затем опять тьма, безразличье и привычные интересы или заботы» [1, с. 172–175].

Причины забвения своего прошлого в России

В мемуарах и дневниках литераторов в качестве одной из причин забвения выявляется боязнь встречи с прошлым. Причем речь идет не столько о событиях прошлых лет, которые страшно вспоминать, сколько о встрече с самим собой в состоянии переживания травматического события. Особенно ярко это проявляется в статье Гиппиус, посвященной публикации дневника: «А вдруг увидишь там что-нибудь по новому, вдруг придется осознать свою ошибку? Нет, лучше – под “крыло забвенья”» [5, с. 8–9]. Принятое поэтессой решение о столкновении с прошлым путем публикации дневника в полной мере согласуется с представлением одного из основателей методологии исследования исторической памяти П. Рикера о долге памяти, рассматриваемом в связи с возможным правом на забвение [18, с. 132]. Он делал акцент на необходимости рассмотрения этого вопроса в сложной связи между дискурсом о памяти и забвении и дискурсом о виновности и прощении. Эта непростая комбинация находит отражение в примерах из мемуарных текстов: «Кто знает все, что сейчас происходит в России, – у того не рана в душе, а вся душа – рана; тот человек с содранной кожей. “Ничего, обрастешь, забудешь”, говорите вы, незнающие; а мы говорим: не хотим обрастать, не хотим забывать. Будь мы прокляты, если забудем!» [15, с. 27].

Примечательно, что в вопросе этого соотношения литераторы также не находили согласия. Для Адамовича правом на забвение обеспечивалась сама возможность заниматься литературным творчеством: «Острие вопроса в том, что поэзия, – как по апостолу совершенная любовь – “изгоняет страх”: поэт не может мысли бояться, не может в себе бояться вообще ничего. Иначе творчество превращается в баловство… В поэзии надо помнить, что о многом следует забыть» [1, с. 215].

Гиппиус и Адамович также выделяли «характеристику» забвения, не соответствующую теоретическим классификациям. Забвение представляется литераторам как дар, который позволяет не возвращаться к страшным страницам прошлого, чтобы осуществлять повседневную деятельность в настоящем, и как милосердие: «Прочтешь, перечтешь что-нибудь такое, “бередящее старые раны”, – и задумаешься над благодатным бесчувствием и беспамятством человека» [1, с. 172–175]. Примечательно, что текст Гиппиус датируется 1927 г., а Адамовича – 1967-м (однако в нем автор описывает всю череду катастроф XX в.). Это может свидетельствовать о стабильности подобного представления.

Желание забыть происходящие катастрофические события соответствует процессу интеграции травматического опыта в память. Иногда для этого используются и другие механизмы. Рикер, опираясь на труды З. Фрейда, выделяет категорию «задержанной памяти», сущность которой сводится к повторению травматического сюжета как способу забвения. Задержанная память — память, подверженная забыванию. Именно в этом заключается работа памяти, «поскольку оно есть результат принуждения к повторению, которое препятствует осознанию события, ставшего причиной травмы» [18, с. 625].

К такому механизму переживания травмы, на мой взгляд, относится описанное З. Шаховской повторение тем, связанных с Россией. Писательница даже выявила постепенную мифологизацию образа в результате этих повторений: «Чем была Россия для этих людей, оторванных навсегда от отчизны? До войны 1940 года никто из них не смел и думать когда-нибудь вернуться в Россию. Казалось, надо бы забыть о белых березах, весеннем половодье, о бескрайних просторах, забыть одесский порт и кавказские горы… гранитные набережные Невы и московские золотые купола. Но тема эта, как навязчивый мотив, все возвращалась и возвращалась. Россия, эта ушедшая под воду Атлантида, уже становилась мифом, но каждый продолжал нести ее в себе» [27, с. 339].

При выделении данного типа забвения особый интерес представляет отмечаемое исследователями зарубежной литературы «несовпадение» выраженного в поэзии Г. Иванова ощущения времени и его тональность с представлениями В. Ходасевича об «обязанностях русского поэта в трагическую послеоктябрьскую эпоху». У Иванова эта тональность «создана постоянно повторяющимися или варьирующимися мотивами распада, хаоса, умирания, торжества пошлости, бесцельной пустоты существования. Причем воплощены они без всякой декламации или надрыва, а так, словно бы речь идет об очевидном, само собой разумеющемся порядке вещей» [10, с. 353].

Возможно, именно в результате такого повторения в некоторых случаях описания катастрофических событий теряют эмоциональную окра-

шенность. Так, например, Б. Зайцев рассказывал о голоде и расстрелах так, словно это обычные элементы повседневности: «В 1921 году наступил летом голод – один из самых ужасающих в России. На Волге, в Крыму ели детей… все это на нашей памяти. Летом создался в Москве Общественный Комитет Помощи – знаменитый Помгол – под председательством Каменева. Это – детище Горького. Он убеждал Прокоповича и Кускову, он втравил и других в это дело сотрудничества с властью в грозную для народа минуту» [9, с. 105].

Молчание как вариант забвения

Понимаемое как замалчивание исторических событий или невозможность говорить о них вследствие «невротизации общества», забвение становится ключевым моментом переживания травмы [23, с. 12]. Изучение тем, о которых не говорят, имеет по меньшей мере столько же фокусов, сколько причин находится у молчания о трагических страницах истории или собственном травматическом опыте. По мнению исследователей, оно может быть представлено в качестве одной из форм переживания, сопровождения или элемента выражения горя [28], возникать при общественно-признанном разрушении морально-духовных основ нации [2, с. 68] или быть связано с расстройством приспособительных реакций [23, с. 56–63].

В мемуарных текстах молчание исследователи фиксируют, выявляя отсутствия записей. Так, М. Грин, редактор дневников Буниных, писала: «Есть периоды долгого молчания и у Веры Николаевны — годы особенно тяжелых личных переживаний» [7, с. 6]. Однако мы не можем однозначно утверждать, что причина отсутствия записей крылась именно в этом. Кроме того, нельзя отрицать наличие заместительных форм (личных встреч, бесед, переписки), в которых человек мог подробно обсуждать свое эмоциональное состояние и происходящие с ним события.

Достаточно много выявляемых в мемуарных текстах примеров можно отнести в группу – по Коннерту – «молчание унижения и стыда». Это выражается, например, в сообщениях о нежелании вспоминать быт гражданской войны: «Трое суток от Петербурга до Х. – сплошной бред. Налеты чрезвычайки, допросы, обыски, аресты, пьянство, песни, ругань, споры, почти драки из-за мест, духота, тьма, вонь, ощущение ползающих по телу насекомых… Лучше не вспоминать» [15, с. 248]. Как можно заметить, в записи Мережковского присутствует широкий набор негативных ощущений, выражено желание не говорить об этом, но все же запись есть, поэтому к категории «молчания» ее можно отнести условно.

Можно выделить и другие причины коллективного и индивидуального молчания, например, состояние аффекта после пережитого травмирующего опыта. К тем же последствиям может привести возникновение не-

дифференцированного страха [11, с. 425]: в таком случае человек не может сконцентрироваться на конкретном событии, не происходит его опознания и осмысления, а значит, и озвучивания. Мережковский отмечал подобное состояние в «Записной книжке»: «Самое страшное в страшном сне нельзя рассказать, почти вспомнить нельзя. Так мы не можем рассказать того, что сейчас происходит в России: уже почти не помним» [15, с. 239].

Замечу, однако, что для литераторов молчание выступало скорее характеристикой советской России, которой противопоставлялась свобода слова: «В Россию [художник. – *С.А.*] поедет молчать, в лучшем случае – умалчивать, в (морально) наилучшем – говорить в стенах “Чека”» [26].

***

Таким образом, в дневниках и мемуарах представителей российского литературного зарубежья темы забвения – как самой России, так и собственного опыта переживания революции и гражданской войны – занимают особое место. Характер выявленных в источниках личного происхождения определений указывает на общие для представителей зарубежья сложности интеграции социально-политических событий в собственный опыт и творчество. Так, некоторые считали, что забыть Россию не надо бояться тому, кто думает о ней как о составляющей себя, или что забвение ее в принципе невозможно – родина там, где ты. По мнению других, забыть Россию (уже большевистскую) можно, сделав выбор в пользу свободы: однако этот выбор под силу немногим. Рефлексируя собственный опыт забывания сюжетов революции и гражданской войны, кто-то из литераторов считал, что забвение – это свойство памяти, вытесняющее изначально значимые события в пользу быта. Другие, напротив, полагали, что оно сопряжено со сложностью восстановления контекста.

Литераторы сами описывали забвение как естественный процесс, начинающийся сразу после переживания страшных событий и вызванный желанием вытеснить их. О распространенности этого представления свидетельствует также представление, что переживание страшного опыта объединяет «знающих» людей в группу и отличает от остальных, поэтому его не хочется и нельзя забывать. Забвение также представлялось литераторам как прощение ужасающих событий, которое может происходить из-за снижения восприимчивости в результате большого количества таких событий. Еще более популярно определение забвения как «дара», который позволяет не возвращаться к страшным страницам прошлого, чтобы жить в настоящем.

Список источников и литературы

1. *Адамович Г.В.* Собрание сочинений. Комментарии / сост., послесл. и примеч. О.А. Коростелева. СПб.: Алетейя, 2000. 757 с.

2. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 328 с.

3. *Ассман А.* Забвение истории – одержимость историей / сост., пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 552 с.

4. *Гаретто Э.* Ринальдо Кюфферле (1903–1955) – переводчик, издатель, критик и корреспондент И.А. Бунина (на материале личных и издательских архивов) // Литературный факт. 2019. № 1. С. 276–311.

5. *Гиппиус З.Н.* Собрание сочинений: в 15 т. Т. 9: Дневники 1919–1941. Из публицистики 1907–1917 гг. Воспоминания современников / сост., примеч. Т.Ф. Прокопова. М.: Русская книга, 2005. 560 с.

6. *Гиппиус З.Н.* Третий путь // *Гиппиус З.Н.* Чего не было и что было. Неизвестная проза (1926–1930 гг.) / сост., вступ. ст., комм. А.Н. Николюкина. СПб.: Росток, 2002. С. 318–326.

7. *Грин М.* Устами Буниных: дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и др. арх. материалы: в 3 т. / под ред. М. Грин. Т. 1: 1881–1920. Frankfurt am Main: Посев, Cop. 1977. 366 с.

8. Духовные задачи русской эмиграции // Путь. 1925. № 1. С. 4–5.

9. *Зайцев Б.К.* Мои современники. L.: OPI. 1988. 167 с.

10. *Зверев А.М.* Повседневная жизнь русского литературного Парижа, 1920–1940. М.: Молодая гвардия, 2011. 368 с.

11. *Ильин Е.П.* Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2001. 752 с.

12. *Кочеляева Н.А.* Взаимодействие механизмов памяти и забвения в исторической перспективе // Культурологический журнал. 2012. № 1 (7). URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/107.html&j_id=9 (дата обращения: 25.06.2022).

13. Литература русского зарубежья (1920–1990): учеб. пособие / под общ. ред. А.И. Смирновой. М.: Флинта, 2012. 640 с.

14. *Лойко О.Т., Вакурина Н.А.* Социальная память в контексте историзма // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2011. № 1. С. 158–161.

15. *Мережковский Д.С.* Третья и четвертая тысяча / вступ. ст. Г. Елисеева, комм. В.Е. Климанова. М.: Кучково поле, 2017. 256 с.

16. *Прегель С.* Не забыть // Берега. Париж: Новоселье, 1953. С. 28–29.

17. *Рафальский С.М.* Что было и чего не было: Вместо воспоминаний / вступ. ст. Б. Филиппова. L.: Overseas publ. interchange, 1984. 95 с.

18. *Рикер П.* Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.

19. *Сафронова Ю.А.* Историческая память: введение: учеб. пособие. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 220 с.

20. *Сердюкова Е.В.* Культурное наследие русского зарубежья: размышления о судьбах России // Научная мысль Кавказа. 2014. № 4. С. 22–30.

21. *Ставров П.С.* На взмахе крыла. Одесса: ВМВ, 2003. 97 с.

22. *Терапиано Ю.К.* Встречи. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. 204 с.

23. *Трубицына Л.В.* Процесс травмы. М.: Смысл, 2019. 223 с.

24. *Федюк В.П.* История русской эмиграции. 1917–1939 гг.: учеб. пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2006. 100 с.

25. *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. URL: https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html (дата обращения: 25.06.2022).

26. *Цветаева М.И.* Ответ на анкету журнала «Своими путями» // *Цветаева М.И.* Собрание сочинений: в 7 т. / Сост., подгот. текста и комм. А. Саакянц и Л. Мнухина. Т. 4, кн. 2: Дневниковая проза. М.: Терра: Книжная лавка РТР, 1997. URL: https://sv-scena.ru/Buki/Tom-4-Kniga-2-Dnyevnikovaya-proza.649.html (дата обращения: 25.06.2022).

27. *Шаховская З.А.* Таков мой век. М.: Русский путь, 2006. 711 с.

28. *Эткинд А.* Кривое горе: память о непогребенных / пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 328 с.

УДК 94(47).081+083:711.41:628

А.С. Котов[1]

Способы организации снабжения городского населения РСФСР в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. (на материалах Вологды и Череповца)

Аннотация. В статье рассматриваются способы организации снабжения населения в провинциальных городах Советской России в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. Анализируются трудности, с которыми сталкивалось местное население в ходе удовлетворения своих ежедневных потребностей. Воспроизводятся схемы функционирования различных торговых объединений, с помощью которых в экстремальных условиях решались задачи по обеспечению населения необходимым для выживания минимумом продуктов. В основу статьи положены архивные документы, в большинстве своем не введенные ранее в научный оборот. Работа восполняет пробел в изучении повседневной жизни человека и некоторых торговых объединений, которые выступали неотъемлемой частью системы снабжения населения. Делается вывод, что созданная в рассматриваемый период система обеспечения населения просуществовала до конца советского строя.

Ключевые слова: торговля; дефицит; карточки; снабжение; магазин; рабочие объединения; советский период.

Methods of organizing the supply of the urban population of Soviet Russia in the late 1920s in the first half of the 1930s (on the example of the cities of Vologda and Cherepovets)

Abstract. The article presents ways of organizing the supply of the population in the provincial cities of Soviet Russia in the late 1920s in the first half of the 1930s. The difficulties faced by the local population in meeting their daily purchasing needs are analyzed. The functioning of various trade associations is reproduced, with the help of which the tasks of providing the population with the minimum necessary for survival in extreme conditions were solved. The article is based on archival documents, most of which were not previously introduced into scientific circulation. It fills a gap in Russian historiography in the study of everyday human life and some trade associations that were an integral part of the system for supplying the population. It is concluded that the created system of providing the population, one way or another, existed until the end of the Soviet system.

Keywords: rade; deficit; cards; supply; shop; workers' associations; soviet period.

[1] **Антон Сергеевич Котов** – кандидат исторических наук, преподаватель Череповецкого лесомеханического техникума им. В.П Чкалова (Череповец, Россия), e-mail: ant_470@mail.ru.

Anton S. Kotov – Candidate of Historical Sciences, Teacher in Cherepovets Forestry Mechanical College named after I. V.P. Chkalov (Cherepovets, Russia).

Изучение деятельности различных торговых организаций и объединений, осуществлявших снабжение продовольственными и непродовольственными товарами населения провинциальных городов СССР, позволяет осмыслить некоторые принципы функционирования советской экономики сталинского периода, выявить особенности развития советской потребительской культуры и повседневной жизни.

В настоящей статье предпринимается попытка анализа системы снабжения населения, существовавшей в 1927–1934 гг. в двух городах Европейского Севера России (Вологде и Череповце), что позволяет увидеть региональные особенности организации снабжения. Хронологические рамки статьи охватывают период от сворачивания НЭПа и введения в стране карточной системы и нормированного потребления до их отмены. Историография вопроса распадается на две предметно-проблемные области: с одной стороны, публикации, касающиеся проблем индустриализации в контексте «социалистического строительства», с другой – быта и образа жизни советских граждан рамках истории повседневности. К вопросам, связанным с благосостоянием советских граждан, уровнем их снабжения и покупательной способности, ученые обратились далеко не сразу. Первоначально они затрагивались исключительно в ходе анализа «успехов» индустриализации [12; 16; 17]. Об уровне жизни населения СССР как об исследовательской проблеме начали говорить только с 1960-х гг., но популярность в научных кругах она приобрела после 1985 г. [10; 11]. Впервые комплексный анализ системы снабжения в советском государстве в годы индустриализации предприняла Е.А. Осокина [15]; вопросы нормирования и обеспечения советского населения в этот период также затрагиваются в работах Н.Б. Лебиной и И.Б. Орлова [9; 13]. Несмотря на широкий круг исследований, освещающих социально-экономическую деятельность торговых объединений в масштабе СССР, по сей день отсутствуют публикации, отражающие особенности организации снабжения советских граждан в условиях свертывания НЭПа и в первые годы индустриализации на материалах Европейского Севера России. Такое исследование позволит не только дополнить общую картину, но и раскрыть региональные особенности изучаемых процессов.

Источниковая база исследования включает документы, сохранившиеся в региональных и местных архивохранилищах: Государственный архив Вологодской области (ГАВО), Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ), Череповецкий центр хранения документации (ЧЦХД). Среди проанализированных материалов следует выделить: 1) директивы, приказы, циркуляры ОГПУ, позволяющие изучить основные направления государственной политики в сфере регламентации торговли и общественной жизни [3]; 2) организационно-распорядительные и дело-

производственные документы советских хозяйственных органов [4; 18; 19]; 3) учетно-статистические материалы (торговые планы и отчеты, докладные записки о выполнении планов Вологодского торгсина, отдельных закрытых кооперативов) [6; 7; 20]. Часть документов была ранее засекречена и впервые вводится в научный оборот.

***

Продовольственные трудности в СССР начались весной 1927 г., а уже в середине лета стали отчетливо проявляться основные признаки экономического кризиса. Так, к июлю индекс оптовых цен Госплана возрос на 60 %, цены на сельскохозяйственную продукцию выросли на 49 % при росте промышленных цен на 75 %, розничные цены поднялись на 75 %. В это же время шло снижение заготовительных цен (в среднем на 22,5 %), что вызвало зерновой кризис, срыв хлебозаготовительной кампании, введение «чрезвычайных мер» [1, с. 134–137]. Начиная с 1928 г., опасаясь взрывов недовольства, власти ряда регионов стали самостоятельно принимать решения о введении нормированного снабжения. Центр не успевал за инициативой «снизу». Первые хлебные карточки появились в 1928 г., а во всесоюзном масштабе они стали циркулировать лишь с середины февраля 1929 г. [9, с. 46].

В Вологде и Череповце нормированная выдача хлеба началась с февраля 1928 г. На день рабочему полагалось 750 г, служащему – 500 г, а членам их семей – 300 г. С 7 марта выдачу хлеба всем категориям уменьшили на 100 г. Из свободной продажи надолго исчезли сливочное и растительное масла. Эти продукты стали выдаваться только по членским книжкам кооперации. В марте стало нормированным распределение чая и макарон: 50 и 500 г. соответственно на одну книжку. Льняное масло и рыба, с конца февраля появившиеся в свободной продаже на городских местных рынках, лишь частично компенсировали дефицит [3, л. 32].

Таким образом, в мирных условиях власть ввела карточную систему, к которой российское население ранее приобщалось лишь в военное время. Издание городскими властями Череповца в декабре 1928 г. постановления о закрытии всех частных лавок усугубило проблему снабжения населения товарами первой необходимости и способствовало росту очередей. В том же месяце вышло постановление о запрете на всю частную торговлю в Вологде, что вызвало полное исчезновение мяса из свободной продажи [3, л. 21].

Ситуация с продовольствием ухудшалась с каждым днем, вместе с тем росло недовольство рабочих и служащих городов. Опасаясь социального взрыва, власти Вологды и Череповца по рекомендации органов ОГПУ в январе 1929 г. пошли на снятие полного запрета на частную торговлю и разрешили крестьянам торговать на рынке. Однако цены по сравнению с

январем 1928 г. значительно выросли: на муку – в 4 раза, на овес – в 6, на молоко – на 17 %. По-прежнему в продаже отсутствовало мясо [3, л. 31]. В феврале 1929 г. в обоих городах организовали выдачу хлеба по «заборным книжкам». Это словосочетание появилось в России еще до революции: так именовали документ, по которому в лавках при некоторых фабриках и заводах можно было в кредит приобрести (забрать) товар. В советское время заборные книжки возродила система кооперации.

К весне 1929 г. в стране была повсеместно введена карточная система, однако распределение оказалось строго ранжированным. Населенные пункты разделили на четыре списка в зависимости от уровня «индустриальности», т.е. количества промышленных предприятий. Вологда и Череповец оказались в самом «низшем», четвертом списке. В январе 1931 г. власти официально подтвердили введение карточек и «заборных книжек». Наркомат снабжения СССР принял постановление «О введении единой системы снабжения трудящихся по заборным книжкам в 1931 году». С этого времени государство официально переложило большую часть проблем по снабжению рабочих на плечи предприятий, которые должны были выдавать заборные книжки для приобретения продуктов и товаров в строго определенных магазинах и столовых [19, л. 6; 21, л. 17; 22, л. 4]. В января 1931 г. в Вологде и Череповце организовали первые распределители – закрытые кооперативы (ЗК) и отделы рабочего снабжения (ОРСы) [4, л. 14; 22, л. 12]. На эти организации власти, согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 декабря 1930 г., возложили решение ряда вопросов обеспечения промышленных рабочих.

С августа 1930 г. в стране вводилась система закрытых столовых, закрепленных за конкретными учреждениями и организациями. Их создание объяснялось населению «борьбой с очередями и улучшением снабжения рабочих по отбору однородных по классовому составу пайщиков». Система основывалась на двух принципах: производственном (заводском) и территориальном (по месту жительства). Число посетителей строго регламентировалось, контроль осуществлялся через талоны, которые рабочий предприятия получал два раза в месяц у руководителя профсоюза. Члены его семьи прикреплялись к столовой согласно документу, подтверждавшему принцип территориальной принадлежности (прописки). В подобных столовых из талонной книжки сразу же вырезались полностью все талоны за исключением хлеба, сахара, чая, спичек, керосина – товаров, которые можно было приобрести в закрытых магазинах-распределителях [19, л. 6; 21, л. 17–18]. В конце года в Череповце на территории, где компактно проживали рабочие водного транспорта (водный участок), открылись ведомственный магазин и столовая. Каждый сотрудник имел специальные карточки, в

которые два раза в месяц ставился штамп о выходе на работу. Без этой отметки обслуживание в магазине и бане не осуществлялось. В случае увольнения человек лишался права обслуживаться в данных объектах, а также выселялся из ведомственного жилья. В процессе ведомственных «чисток» вместе с пропуском и партийными документами у «вычищаемых» забирались и карточки.

Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 4 декабря 1932 г. значительно расширило права заводоуправлений в деле снабжения рабочих промышленных предприятий. ОРСы должны были обеспечить реализацию устанавливаемых внутри предприятий пайковых норм [22, л. 6]. Расширение прав предприятий и организаций привело к созданию сети закрытых рабочих кооперативов (ЗРК) и закрытых кооперативов служащих (ЗСК). В январе 1933 г. в Вологде был организован ЗРК «Северный коммунар», основными пайщиками которого стали рабочие и служащие двух крупнейших предприятий города – машиностроительного завода и ремонтных железнодорожных мастерских, а также учащиеся подведомственных фабрично-заводских училищ (ФЗУ) [8, л. 1, 2, 4]. Это был крупнейший кооператив округа, обслуживавший 2 500 пайщиков [8, л. 6]. Он включал в себя подсобное хозяйство площадью 300 га земли, для обработки которой закупили 10 лошадей и три трактора. В 1934 г. для решения проблемы нехватки овощей на землях хозяйства высадили картофель, капусту, лук, разбили огороды под огурцы, помидоры, кабачки, зелень; также заложили ферму на 100 голов крупного скота и свинарник на 170 голов. Пекарня ЗРК имела две печи и ежедневно выпекала 2,5 т хлеба [8, л. 7]. Торговая сеть состояла из столовой, двух магазинов и ларька на базаре [8, л. 9].

В конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. слово «магазин» потеряло привычное значение. В это же время рынки фактически утратили функцию обеспечения населения продовольствием. Лишь после завершения коллективизации, согласно Постановлению СНК СССР от 20 мая 1932 г. «О порядке производства торговли колхозов, колхозников и трудящихся единоличных крестьян», в городах разрешалось открывать рынки на постоянной основе. В Череповце такое разрешение последовало в августе 1932 г. [18, л. 58].

Распределительные нормы способствовали появлению разнообразных практик выживания, многие из которых инициировались самой властью. Одной из них стала организация 8 июля 1930 г. Наркоматом торговли системы Торгсина – Всесоюзного объединения по торговле с иностранцами Наркомвнешторга СССР. Поначалу это была небольшая контора Мосторга, обеспечивавшего торговлю в столице. В январе 1931 г. правительство разрешило гражданам сдавать в Торгсин бытовое золото (включая предметы

домашней утвари), ювелирные украшения, медали, ордена, нательные крестики и пр. [14, с. 52]. В Вологде универмаг Торгсина открылся в январе 1932 г. [5, л. 14], в Череповце – в мае 1932 г. [18, л. 61]. Внутренний облик помещения и ассортимент товаров провинциального Торгсина значительно отличался от того, что булгаковские герои увидели на Смоленской площади [2, с. 555–558]. Материалы обследования Северной конторы Торгсина запечатлели удручающую картину, мало напоминающую вид магазина: помещение освещалось слабо, двери открывались плохо, не было витрин, десятичных весов с гирями, склада. Магазин был завален мукой, сахаром и пр. товарами, которые, из-за неудовлетворительного хранения, портились. Торговля производилась подмоченной мукой для утяжеления веса (вместо 1 кг после просушки у покупателя оказывалось не более 600 г). Приемщик золота и серебра обвешивал посетителей и перепродавал накопленные «излишки» [7, л. 12].

Изыски и новшества торговли соседствовали в Торгсине с недостатком самого необходимого. В декабре 1933 г., подводя итоги года, директор Вологодского универмага жаловался, что у него на прилавке нет сливочного масла, мяса, обыкновенных овощей (картофеля, лука, моркови), но в избытке абрикосовое масло, кондитерские изделия, комплекты «Детского приданого», керамические электрические плитки и электродуховки производства Ленинградской фабрики «Электродело», граммофоны [6, л. 38]. Острый недостаток товаров не мешал затовариванию, объяснявшемуся не только отсутствием интереса голодных людей к дорогому ширпотребу и деликатесам, но и «автоматической» засылкой товаров без учета региональных особенностей. «Посылают сушеную малину, чернику, землянику, а вокруг леса, в которых с изобилием этих свежих ягод», – эта фраза из архивного документа отлично характеризует уровень организации снабженческой деятельности [6, л. 48].

Система распределения товаров и продуктов, созданная в первой половине 1930-х гг., просуществовала с некоторыми изменениями вплоть до 1991 г. С уничтожением на рубеже 1920–1930-х гг. частного сектора экономики и концентрацией товарных фондов в руках государства распределение продовольствия, а затем дефицитных товаров превратилось в орудие власти. Оно играло роль «кнута и пряника». Анализ распределения показывает иерархичность советского общества, где доступ к ряду товаров определялся принадлежностью к власти и степенью вовлеченности в индустриальное производство. Сама система снабжения была многоукладной основанной на принципе жесткой регламентации, где редко учитывались региональные особенности и запросы местного населения.

Список источников и литературы

1. *Беспятова Е.Б., Колодежный В.Н.* Новая Экономическая политика // Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.: в 4 т. Т. 4 / отв. ред. В.В. Журавлев. М.: РОССПЭН, 2016. С. 62–164.

2. *Булгаков М.А.* Мастер и Маргарита // Булгаков М.А. Дьяволиада. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1989. С. 214–605.

3. Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ). Ф. 1931. Оп. 3. Д. 527.

4. Государственный архив Вологодской области (ГА ВО). Ф. 479. Оп. 1. Д. 15.

5. ГА ВО. Ф. 632. Оп. 1. Д. 2.

6. ГА ВО. Ф. 632. Оп. 1. Д. 180.

7. ГА ВО. Ф. 632. Оп. 1. Д. 181.

8. ГА ВО. Ф. 673. Оп. 1. Д. 19.

9. *Лебина Н.Б.* Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 488 с.

10. *Лельчук В.С.* Индустриализация // Переписка на исторические темы. Диалог ведет читатель. М.: Политиздат, 1989. С. 331–335.

11. *Майер В.Ф.* Уровень жизни населения СССР. М.: Мысль, 1977. 263 с.

12. *Мишустин Д.Д.* Внешняя торговля и индустриализация СССР. М.: Международная книга, 1938. 222 с.

13. *Орлов И.Б.* Советская повседневность исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2010. 317 с.

14. *Осокина Е.А.* Алхимия советской индустриализации: время Торгсина. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 344 с.

15. *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: РОССПЭН, 2008. 351 с.

16. *Петросян К.А.* Советский метод индустриализации. М.: Госполитиздат, 1951. 270 с.

17. *Розенталь К.С.* В защиту индустриализации. М.: Московский рабочий, 1929. 135 с.

18. Череповецкий центр хранения документации (ЧЦХД). Ф. 7. Оп. 1. Д. 102.

19. ЧЦХД. Ф. 587. Оп. 1. Д. 45.

20. ЧЦХД. Ф. 670. Оп. 1. Д. 1.

21. ЧЦХД. Ф. 675. Оп. 1. Д. 3.

22. ЧЦХД. Ф. 690. Оп. 1. Д. 1.

УДК 94 (47)

А.Е. Котельвас[1]

Потребление в фокусе советских травелогов (1930–1931 гг.)

Аннотация. В статье рассматриваются травелоги, изданные по результатам путешествий ударников на кораблях «Абхазия» и «Украина» в 1930–1931 гг. Два события, конституировавшие советский выездной туризм на институциональном и дискурсивном уровнях, были открыто направлены на демонстрацию преимуществ социалистической системы. Автор задается целью установить основные черты в описании советскими путешественниками европейских потребительских практик. Описание голодных, плохо одетых рабочих называется в качестве общего места в анализируемых источниках. Элемент театрализации во внешнем облике советских рабочих, получивших новую одежду перед отправкой за границу, интерпретируется автором исследования не как сознательный обман, а как вера в перспективы страны, проходящей через ускоренную модернизацию. В статье утверждается, что советские туристы были склонны трактовать активные продажи и отсутствие очередей как признаки кризиса капиталистической системы, поскольку их полученный в плановой экономике потребительский опыт предполагал нормативность дефицитов и пассивность роли продавца.

Ключевые слова: культура потребления; травелоги; имагология; история СССР.

The consumption in the focus of Soviet travelogues (1930–1931)

Abstract. The article deals with travelogues published according to the results of the shock workers' travels on the ships "Abkhazia" and "Ukraine" in 1930 and 1931. These two events that constituted Soviet outbound tourism at the institutional and discursive levels were openly aimed at demonstrating the advantages of the socialist system. The author's target is to establish the main features of European consumer practices in the description by Soviet travelers. The depiction of hungry, poorly dressed workers is called as a common place in the analyzed sources. The element of theatricalization in the appearance of Soviet workers, who received new clothes before being sent abroad, is interpreted by the author of the study not as a conscious deception, but as a belief in the prospects of the country going through accelerated modernization. The article argues that Soviet tourists were inclined to interpret active sales and the absence of queues as signs of a crisis of the capitalist system, since their consumer experience gained

[1] **Алексей Евгеньевич Котельвас** – магистрант Московской высшей школы социальных и экономических наук (Москва, Россия), e-mail: kotelvas@yandex.ru.

Alexey E. Kotelvas – Master's degree student at Moscow School of Social and Economic Sciences (Moscow, Russia).

in the planned economy assumed the normality of deficits and the passive role of the seller.
Keywords: consumer culture; travelogues; imagology; history of the USSR.

Будучи на протяжении своего существования преимущественно закрытым государством, Советский Союз никогда полностью не прекращал взаимодействия с внешним миром. Это взаимодействие имело разнообразные формы и географические направления, затрагивало как социалистические страны, так и страны капиталистического блока. Одним из инструментов установления и поддержания контактов с внешним миром был выездной международный туризм, рождение которого относится к началу 1930-х гг. Так, в 1930 и 1931 гг. были предприняты путешествия вокруг Европы на кораблях «Абхазия» и «Украина». Оба тура позиционировались как поездки ударников, премированных за успехи в работе. Мне видится важным подвергнуть внимательному изучению источники по этим морским путешествиям, поскольку именно они заложили институциональные и дискурсивные практики советского выездного туризма.

Поездки ударников на теплоходах «Абхазия» и «Украина» широко освещались в Советском Союзе. Достаточно сказать, что по результатам путешествий было выпущено восемь отдельных книг [2; 3; 5; 7; 10; 11; 14; 16]. Эти источники, совершенно не изученные исследователями советского выездного туризма, представляют большой интерес для анализа с различных точек зрения. Исследовательский вопрос, на который я ищу ответ в настоящей статье, обусловлен целевыми установками, которые декларировали сами пишущие. Так, авторы коллективного труда «Вокруг Европы на Украине» писали: «Цель путешествия была такая: наглядно показать противоречия между системой строящегося социализма и загнивающего капитализма» [2, с. 5]. В свою очередь Б. Фридман формулировал цель поездки следующим образом: «Самим увидеть то, чему готовим могилу, закладывая каждый новый кирпич наших строек» [16, с. 5].

Поскольку участники путешествий, стремились показать превосходство системы социалистического хозяйствования, в своем анализе я сфокусировался на экономической проблематике, а именно на теме потребительских практик. Советские туристы сталкивались в Европе с непривычными для них практиками потребления, даже отчасти вовлекались в них. Новая информация об устройстве западной экономической системы была вызовом, требовавшим осмысления. Путешественникам предстояло выработать отношение к красочным витринам и наполненным товарами магазинам на центральных улицах европейских городов, сохранив при этом верность советской системе. Авторы травелогов 1930–1931 гг. вырабатывали способы описания феноменов европейского потребления, которые впоследствии стали устойчивыми формулами записок советских путешественников.

***

Вопросы советского выездного туризма изучались преимущественно в институциональном ключе. Так, А.Д. Попов реконструировал основные вехи в истории советских зарубежных круизов [15, с. 24–31]. В своей совместной монографии А.Д. Попов и И.Б. Орлов проанализировали широкий круг вопросов, делая акцент на позднесоветский период и используя источники преимущественно с 1960-х гг. до начала перестройки [12]. Зарубежные историки Э. Горсач и Д. Конкер полагают, что экономический фактор и, прежде всего, ограниченность валюты в большей мере, чем идеология, способствовали дистанцированию советских туристов от европейцев. Эта интересная точка зрения, к сожалению, также не нашла развития на конкретном, системно отобранном эмпирическом материале, касающемся путешествий советских граждан [19; 20]. Наличие историографической лакуны в отношении одного из важнейших аспектов советского выездного туризма обуславливает актуальность исследования.

Итак, меня будет интересовать, на каких аспектах потребления фокусировались советские туристы и как они разграничивали советские и европейские практики потребления. После первого знакомства с источниками я выделил основные точки фокусировки авторов: питание и его организация, вестиментарные практики (практики, связанные с модой и одеждой), а также покупки в магазинах и сервис. Анализ текстов с точки зрения этих трех аспектов и составляет задачи исследования. В методологической части я обращаюсь, прежде всего, к работе Д. Урри «Туристический взгляд» [21] и исхожу из того, что взгляд туриста фиксирует нечто необычное, выбивающееся из его повседневности, отличное от родной страны / города. Соответственно, приступая к исследованию, я предполагал, что в описании потребительских практик советские туристы будут фиксироваться на чем-то, контрастирующем с их опытом. Другой повлиявшей на меня работой стала статья А. Голубева «Западный взгляд» [18]. Исследователь считает, что предполагаемая западная точка зрения на советскую действительность служила мобилизующей силой для советского общества, дисциплинировала его членов. В анализируемых источниках мы находим массу фактов, подтверждающих данную концепцию. Прежде всего, это касается особой чувствительности авторов травелогов к публикациям в европейских газетах. Некоторые цитируемые ими статьи касались и темы потребления.

***

Авторы травелогов довольно много писали об обеспеченности европейских рабочих продуктами питания. В меньшей степени их заботило продуктовое потребление капиталистов и высокооплачиваемых служащих. В этой части мы встречаем обычные для подобной литературы пассажи про

«обжорство буржуазии» [2, с. 34]. Что же касается европейских рабочих, то их бедность и недоедание становятся главным аргументов в пользу загнивания стран капитализма и надвигающейся революционной бури.

Авторы путевых записок подробно описывали рацион бедных европейских семей. Так, руководитель поездки на корабле «Украина» писал: «Ломтик хлеба с маргарином является лакомством для детей из рабочей семьи» [10, с. 7], а далее заметил, что завтрак рабочих из английского Ковентри состоял из бобов и чашки кофе [10, с. 22]. А.И. Дементьев описывал обед в семье рабочих из Гамбурга как «кусочки хлеба с листочками салата для детей» [3, с. 11]. В другом месте питание итальянского рабочего описывается как состоящее из ста грамм макарон, двухсот грамм хлеба, а также «капусты, салата, спаржи и фруктов» [2, с. 74]. Видимо, авторы пытались подчеркнуть отсутствие в рационе мяса и малый объем ежедневного потребления. По мысли Фридмана, голод и недоедание подстерегали даже хорошо оплачиваемых рабочих, случись им потерять свое место. Так, автор описывал немецкую фрау, сдававшую комнаты, пока ее муж получал пособие по безработице: «Они сдают комнату, чтобы есть» [16, с. 28].

Описание голодной перспективы европейского пролетариата доводилось до гротеска, когда пишущие утверждали, что «для европейского рабочего тюрьма – это возможность хоть несколько дней получать горячий суп и кусок хлеба» [2, с. 31]. Другую сцену представил И. Панков, описывая ребенка, который «жадно глотал корки <…> обглоданного банана» [14, с. 11]. На контрасте с недоедающими европейцами советские туристы на страницах травелогов выглядели если не зажиточными, то, по крайней мере, сытыми. В текстах мы часто встречаем описания актов продуктовой благотворительности, которые, по-видимому, должны были льстить советскому читателю. Упоминается, как советские рабочие угощали изголодавшихся гамбургских комсомольцев сухарями [2, с. 14], выносили суп безработному [2, с. 14–16], кормили бутербродами пришедшую к кораблю немецкую молодежь [2, с. 30]. В другом месте турист в Англии пытался пожертвовать бутерброд голодному юноше, но тот отказывался, поскольку суровые законы о попрошайничестве не позволяли принять что-то, не отработав в той или иной форме [2, с. 43–44]. Жизнь путешественников корабля «Украина» представлена как изобильная и в тексте Б. Панкова. Вот, как он описывал сцену приема на корабле гамбургских пионеров: «Щелкают челюсти от быстрого пережевывания бутербродов. На столах десятки опустевших бутылок из-под Нарзана» [16, с. 31]. В другом случае автор травелога цитировал зарубежное издание, отмечавшее, что рабочие на «Украине» пьют вовсе не воду из бочки, как ожидалось, а лимонад [10, с. 14].

Особое внимание авторы травелогов уделяли организации питания рабочих на заводах. Из одного текста в другой кочевали почти дословно по-

вторенные пассажи про отсутствие столовых, их крайнюю дороговизну или короткие перерывы, принуждавшие есть прямо у станка. Так, И. Панков признавал, что на английском заводе «А.Е.Г.» есть столовая, переоборудованная из складского помещения, но это он объяснял наличием привилегированной части рабочих [14, с. 20–21]. Многократно в текстах встречается упоминание про рабочих с предприятия в Уэльсе, которые не имели столовой и довольствовались на обед чаем с помидором [2, с. 21]. Немного больше, по версии М. Ленау, повезло итальянским работницам шелковой мануфактуры. Их обед состоял из куска хлеба, помидора, селедки и фруктов (кисть винограда или персик). Но и этот обед приходилось съедать у станка [10, с. 27]. Четыре раза к теме отсутствия у рабочих столовых обращался Дементьев [3, с. 11, 22, 32, 33].

Все упомянутые примеры взяты из травелогов 1931–1932 гг., написанных по результатам путешествия на теплоходе «Украина». У путешествовавших на «Абхазии» тема организации питания на заводах еще не была выделена в приоритетную повестку. Более того, авторы писали о бедности рабочих и безработице, но воздерживались от описаний голода или скудости рациона. Лишь Л. Иванова в одном месте говорила о черном хлебе и кофе как основе рациона гамбургских рабочих [6, с. 35], а в другом критиковала качество заводской столовой [6, с. 27]. У авторов же, путешествовавших на «Украине», краски сгущены: утверждалось, что столовые почти повсеместно отсутствовали, а денег на еду рабочим тотально не хватало.

Авторы анализируемых текстов практически не уделяли внимания европейским кафе и ресторанам. Описания, довольно краткие, касались лишь организованных походов в ресторан, являвшихся частью поездки. К тому же европейские рестораны едва ли способствовали задаче возвысить советскую систему, показать ее превосходство. Следуя этой идее, пишущим проще было сконцентрироваться на недостатках в области охраны труда и организации питания на производстве.

Тем не менее в одном из травелогов мы все же находим описание немецкого общепита демократического формата – речь идет о кафе-автомате. Не имевшая немецких денег Иванова была приглашена туда представителем советского торгпредства. Вот что писала автор травелога: «Это была большая столовая. Мраморные стены с никелированными кнопками. <…> Я опустила монету в кнопку. Так у нас в СССР на вокзалах берут перонные билеты. И что же! Из стены на подставочке выехали два стакана черного пива! Бросили монету в другую кнопку, и появились два кусочка булки с сыром. Мне это понравилось. Кругом было чисто. Белые стены. Кое-где маленькие столики» [6, с. 32]. Подобные кафе-автоматы, согласно Н. Лебиной, появились в Советском Союзе лишь в середине 1950-х гг. [9, ил. 83],

однако это было лишь краткосрочным и не слишком масштабным экспериментом.

***

Описание одежды советских людей и европейцев также является сквозной темой травелогов, заслуживающей анализа. Подчеркну, что здесь я сознательно буду концентрироваться на текстуальных источниках. Травелоги содержат какое-то количество фотографий, однако их анализ предполагает принципиально иную исследовательскую модальность. Как писал Р. Барт, существуют разные уровни вестиментарных кодов: изображение одежды, ношение одежды и вербальное описание одежды [1, с. 55]. В данном исследовании меня интересует последнее.

В своем травелоге работница ленинградского завода «Светлана», путешествовавшая на «Абхазии» в 1930 г., признавалась, что перед поездкой получила пальто, джемпер, чулки и фетровую шляпу [6, с. 8]. Именно получила, а не купила. Это небольшое замечание в тексте проливает свет на масштаб подготовки к поездке и особое щепетильное отношение организаторов к внешнему виду советских граждан, выезжавших за рубеж. Признание, сделанное в начале текста, не помешало той же Ивановой описывать другой эпизод, произошедший в Стамбуле [6, с. 89]. По ее словам, встреченные советскими туристами турки не верили, что их одежда может быть советского производства. Собеседникам казалось, что пальто такого качества могут быть только немецкими. Автору травелога пришлось показывать советский лейбл Ленинградодежды. При этом внимательный читатель Ивановой не мог не запомнить, что одежда была получена незадолго до путешествия, а значит, где бы она ни была произведена, это не отражает обычный внешний вид советского пролетария. Однако было бы неправильным интерпретировать поведение путешественницы как сознательную ложь. Здесь нам важно учесть возможную культурную оптику советского рабочего 1930-х гг., тем более оптику ударника. Страна, переживала ускоренную модернизацию и во многом была обращена в будущее. Граждане вполне могли принимать скорость строительства заводов не просто как обещание, но и как предзнаменование грядущего изобилия. Можно провести аналогию с «потемкинскими деревнями». Современные исследователи не склонны интерпретировать эпизод из путешествия Екатерины II как попытку ввести в заблуждение императрицу. Макет деревни и хорошо одетые счастливые крестьяне рассматриваются, скорее, как презентация, образа ближайшего будущего [4, с. 133]. В этом смысле ударница Иванова не лгала своему читателю, неумело скрывая истинное положение вещей, а, скорее, исходила из оптимистичного прогноза. Это же прослеживается и в другом травелоге: «Наши трудности роста – ничто по сравнению с тяже-

стью капиталистической системы, с тем кошмаром, в котором находится большинство трудящихся капиталистических стран» [10, с. 32]. Этот фрагмент показывает, что сам категориальный аппарат советского публичного дискурса позволял трактовать близкие по форме явления как свидетельства загнивания в одном случае и трудности роста – в другом.

Не следует забывать и о социальных особенностях ударничества. Аргумент В. Данем о наделении советского среднего класса дополнительными ресурсами в обмен на лояльность применим не только к интеллигенции, но и к этой части советских рабочих [17]. Авторы травелогов клеймили позором союз капиталистов с «рабочей аристократией» [16, с. 38], однако во многом сами представляли привилегированный слой советского пролетариата. Порой авторы отмечали скромность наружности советских туристов, но лишь в сравнении с буржуазией. Вот редкий пример подобного описания: «Обитатели Ривьеры привыкли видеть только изящно одетых мужчин и дам в шелках. Очевидно странное впечатление произвела толпа неведомых людей, одетых слишком скромно для роскошной Ривьеры» [2, с. 77]. При этом Ленау с удовлетворением отмечал, что, согласно статье одного английского журналиста, советские люди выглядели вполне нормально, и их наружность резко контрастировала с теми полными экзотики и ужаса картинами, что рисовала зарубежная пресса [10, с. 14].

В обоих приведенных примерах мы вновь имеем дело с western gaze – представлением советских людей о том, каковыми их видел человек западного мира. Фиксация на позиции западного наблюдателя обнаруживает черты некоторого комплекса неполноценности. Для восстановления баланса по компенсаторному принципу требовалось сравнение с теми, кто преуспел меньше. Так, авторы путевых заметок не уставали подчеркивать ладность одежды советских путешественников, по сравнению со встреченными ими рабочими и безработными. И. Панков писал: «Вот стоит безработный, он больно жмет мою руку. Мы немы, у него на глазах слезы. Он уже 2 года безработный. <…> Он показывал мне разорванные ботинки и потертый костюм, его слезы сменились жалкой печальной улыбкой» [14, с. 10–11]. В другом месте мы находим похожее, пусть и менее драматичное описание того, как немецкие рабочие хвалили костюмы советских людей и показывали «свои лохмотья». Эпизод про итальянского работника (полагаю, что на описываемой фабрике имелась в виду работница) в «тряпье и туфлях на деревянных подошвах» оказался настолько соответствующим цели пишущих, что был повторен в нескольких текстах [2, с. 83; 10, с. 27].

***

Советским выездным туристам в разные периоды существования Советского Союза было сложно принимать активное участие в потребительских практиках. Они мало покупали и почти не пользовались европейским

общепитом за исключением организованных походов в рестораны, включенных в тур. Причина состояла в незначительном объеме так называемого обменного фонда. Проще говоря, на руках у туристов было мало местной валюты.

Ограничения на выдачу валюты были связаны с ее постоянной нехваткой. Советский Союз вел строительство новых фабрик и заводов, запускал новые производства. Эта экономическая модель обуславливала потребность в оборудовании, часть которого закупалась за границей. Для получения валюты государство прибегало к различным ухищрениям. Подробнее эти вопросы рассмотрели Е. Осокина на материалах Торгсина [13] и А. Иванова на примере магазинов «Березка» и их аналогов [5]. Не имея на руках достаточного количества наличных денег, советский турист оказывался дистанцированным от общества посещаемой страны [20, с. 150].

Для расчетов на корабле, согласно тексту Л. Ивановой, использовались чеки. Сама чековая книжка была изготовлена из обычного блокнота [6, с. 10]. Она же писала, что в некоторые дни деньги вообще не выдавали, в другие – сумма могла составлять 4 марки [6, с. 36]. Неудивительно, что туристы довольно мало покупали. Все та же Иванова, больше других уделившая в своем тексте внимание покупкам, упоминала о приобретении итальянских чулок (по всей видимости, купленные в Италии, но стершиеся в первый день пребывания в Стамбуле), мундштуков и запонок, фруктов и белого берета [6, с. 73, 86, 105, 106].

Скромные потребительские возможности участников обоих путешествий компенсировались осознанием того, что европейские рабочие могли себе позволить в собственной стране еще меньше. Довольно часто в травелогах мы встречаем описания наполненных товарами магазинов, в которых полностью отсутствовали покупатели [10, с. 29]. Именно проблема сбыта, связанная с тотальным обеднением населения, по мысли путешественников, объясняла активные продажи [2, с. 29, 62; 6, с. 77] и скидочные акции [10, с. 9; 14, с. 12].

Я уже отмечал, что с моей точки зрения, турист фокусировался на тех аспектах, которые контрастировали с привычным укладом его жизни. Если следовать этой логике, то советские люди на родине не имели дела с активными продажами. Последнее вполне соответствует системе сбыта, характерной для плановой экономики. Будучи не гибкой по своей сути, централизованная система производства порождала дефициты [8], что предполагало активную позицию покупателя, а вовсе не продавца. То, что советские туристы описывали в терминах кризиса экономики (скидки, отсутствие очередей, заинтересованность в клиенте), на самом деле, являлось нормальным порядком вещей в плохо знакомой им капиталистической системе торговли.

Желание спасти самооценку, скрыв фактическое отсутствие потребительских возможностей, формировало особый эмоциональный режим советских выездных туристов. По отношению к активному продавцу они были склонны выстраивать насмешливо-высокомерную или даже агрессивную позицию. Сравним два фрагмента травелогов, в которых хорошо виден зазор между подлинным мотивом и демонстрируемой эмоцией. Иванова откровенно описывала ситуацию, когда к кораблю подплывали на лодках торговцы, а туристы просто не имели возможности что-либо купить: «Возле нашей “Абхазии” вертелись лодки с фруктами, шелками, шарфами, коврами и т.д. Купцы испанские развертывали зря перед нами товары – у нас не было местных денег. На пароходе мы рассчитывались по чекам…» [6, с. 46]. А вот как ту же самую сцену описывал работник завода «АМО» А. Салов: «В этот момент налетели десятки лодок спекулянтов-купцов с заморскими товарами и разными фруктами. Но мы объявили купцам бойкот и даже апельсина у них не купили» [7, с. 98]. Так невозможность принять участие в акте потребления обретало форму принципиальной позиции. Участники путешествия 1931 г. и вовсе предпочли сдать местной полиции торговца арбузами, который предложил им обменять деньги [2, с. 88]. Еще одной эмоциональной краской в подобных ситуациях могла стать насмешливость. Та же Иванова писала о походе на рынок в Стамбуле: «Пока мы бродили по проходам рынка, на нас накидывались торговцы и тащили за руки к своему товару. Но у нас не было денег. Напрасно разворачивали они перед нами пестрые шарфы и ковры. Мы только смеялись» [6, с. 89]. Когда же советским туристам все же удавалось совершить «акт потребления», это могло обрести форму пассивной агрессии: само потребление превращалось в своего рода возмездие за былые классовые унижения. Вот как описывалось посещение эмигрантского ресторана: «Мы сидели и посмеивались, глядя, как люди с “голубой кровью” подают кофе нам, “черной кости”» [6, с. 114].

***

Анализ текстов травелогов 1930–1931 гг. позволяет сделать следующие выводы относительно представленных в них образов потребления.

1. Целевая установка поездки и написания травелогов мыслилась как демонстрация преимуществ социалистической системы над «загнивающим» капитализмом. Это обуславливало оптику авторов травелогов, выбор описываемых ими аспектов потребления и способы интерпретации увиденного.

2. Между травелогами 1930 и 1931 гг. можно проследить определенную динамику в части доминирующей повестки. Участники второго путешествия много писали о плохом питании и полном отсутствии столовых на заводах у рабочих.

3. Представление о западном наблюдателе и стереотипах западного мира относительно советских граждан служило средством мобилизации и стимулом – уделять особое внимание внешнему виду. Хорошо одетые буржуа не попадали в фокус авторов травелогов, поскольку их благополучие мыслилось как результат эксплуатации пролетариата. Сами европейские пролетарии описывались как нищие, плохо одетые люди, с завистью смотревшие на советских туристов. Тот факт, что некоторые туристы получили свою одежду непосредственно перед поездкой, не воспринимался как противоречие или обман.

4. Быстрые темпы строительства предприятий и модернизационный рывок могли внушать социальный оптимизм, особенно привилегированным ударникам. Категориальный аппарат оберегал пишущих от травмирующей информации: то, что было признаком «загнивания» в Европе, являлось «проблемами роста» в Советском Союзе. Туристы, приехавшие из страны дефицитов и плановой экономики, неверно атрибутировали такие приметы торговли, как изобилие в магазинах, отсутствие очередей, скидки и активные продажи. Эта сторона капиталистической системы описывалась путешественниками как признак кризиса.

5. Отсутствие возможности у выездных туристов участвовать в потреблении обуславливало особый эмоциональный режим: реакция путешественников на активных продавцов могла колебаться от насмешки до открытой агрессии и игнорирования.

Список источников и литературы

1. *Барт Р.* Система моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр.; вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. 512 с.

2. Вокруг Европы на «Украине» / под ред. Н.А. Сотникова, С.Н. Озерова. М.; Л.: Физкультура и туризм, 1932. 104 с.

3. *Дементьев А.И.* Что я видел за границей. Н. Новгород: Огиз – Нижег. краев. изд-во, 1932. 36 с.

4. *Зорин А.Л.* Кормя двуглавого орла…: литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.

5. *Иванова А.* Магазины «Березка»: парадоксы потребления в позднем СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 304 с.

6. *Иванова Л.* Первое путешествие. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1932. 128 с.

7. Корабль ударников: Сборник очерков участников 1-й заграничной экскурсии рабочих ударников на теплоходе «Абхазия»: с критич. письмом Максима Горького / сост. М. Ляс, З. Кельс. Л.; М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1931. 184 с.

8. *Корнаи Я.* Дефицит. М.: Наука, 1990. 607 с.

9. *Лебина Н.Б.* Энциклопедия банальностей: советская повседневность: контуры, символы, знаки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 442 с.

10. *Ленау М.Н.* Ударники в Европе. М.: Изд-во ЦК Мопр СССР, 1931. 32 с.

11. *Ляс М.А.* Европа слева: Очерки о победном рейсе. Л.; М.: Гос. изд-во худ. лит., 1931. 101 с.

12. *Орлов И.Б., Попов А.Д.* Сквозь «железный занавес». Руссо туристо: советский выездной туризм, 1955–1991. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 351 с.

13. *Осокина Е.А.* Золото для индустриализации: Торгсин. М.: РОССПЭН: Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. 589 с.

14. *Панков И.* Незабываемая премия: На «Украине» вокруг Европы. Иваново: Изд-во Иванов. Пром. обл., 1932. 40 с.

15. *Попов А.Д.* Зарубежные круизы для советских туристов: из истории транспортного туризма в СССР // Современные проблемы сервиса и туризма. 2010. № 1. С. 24–31.

16. *Фридман Б.* На теплоходе «Украина»: (Блокнот комсомольца-журналиста): 336 часов вокруг Европы с ударниками Сов. союза. М.: Молодая гвардия, 1932. 77 с.

17. *Dunham V.S.* In Stalin's Time: Middleclass Values in Soviet Fiction. Durham; L.: Duke univ. press, 1990. 288 p.

18. *Golubev A.* The Western Observer and the Western Gaze in the Affective Management of Soviet Subjectivity // Russian Studies in History. 2019. Vol. 58, nos. 2–3. P. 198–230.

19. *Gorsuch A.E.* All This Is Your World: Soviet Tourism at Home and Abroad after Stalin. N.Y.: Oxford University Press, 2011. 222 p.

20. *Koenker D.* Club Red: vacation travel and the Soviet dream. Ithaca; L.: Cornell University Press, 2013. 307 p.

21. *Urry J.* The Tourist Gaze. L.: Sage, 2002. 183 p.

УДК 94 (470)

С.А. Бельская[1]

«Путевка в жизнь» и Болшевская трудовая коммуна: к вопросу о документализме первого советского звукового художественного фильма

Аннотация. В статье приводятся малоизвестные факты о создании первого советского звукового художественного фильма «Путевка в жизнь», связанные с Болшевской трудовой коммуной, история которой легла в основу сценария. Опираясь на воспоминания очевидцев и участников кинопроизводства, автор прослеживает связь реальных событий и сюжета. На основе архивных, ранее не публиковавшихся записей режиссера Н.В. Экка, которые он вел во время экспедиции съемочной группы в Болшево в апреле-мае 1930 г., восстанавливается хронология съемок на территории трудовой коммуны и ее окрестностей. В научный оборот вводятся новые сведения из истории первых трудовых коммун ОГПУ, публикуются фрагменты киносценария, исключенные из прокатного варианта фильма.
Ключевые слова: История XX в.; борьба с беспризорностью; Болшевская трудовая коммуна; советское кино; Николай Экк; «Путевка в жизнь».

“Way to Life” and Bolshevo Labor Commune: on the issue of documentalism of the first Soviet sound feature film

Abstract. The article provides little-known facts about the creation of the first Soviet sound feature film “A Way to Life”, connected with the Bolshevo Labor Commune, the history of which formed the basis of the script. Based on the memories of eyewitnesses and participants of the filmmaking, the author traces the connection between real events, the biographies of the Communards and individual storylines. Based on archival, previously unpublished recordings of the director N.V. Eck, which he did during the expedition of the film crew to Bolshevo in April-May 1930, the chronology of filming on the territory of the labor commune is being restored. New information from the history of the commune is now introduced into the scientific circulation, fragments of the screenplay are published, excluded from the rental version.
Keywords: history of the 20th century; the fight against homelessness; the Bolshev Labor Commune; Soviet cinema; Nikolai Eck; “A Way to Life”.

Понятие «документализма» применительно к игровому кино неоднозначно. Это и достоверность воспроизведения действительности (в этом смысле

[1] **Светлана Андреевна Бельская** – научный сотрудник отдела «Усадьба Костино» Музейного объединения «Музеи наукограда Королев» (Королев, Россия), e-mail: belskaya.s@mail.ru.
Svetlana A. Belskaya – Researcher in the Department of “Kostino Estate”, Museum Association “Museums of Science City Korolyov” (Korolyov, Russia).

о документализме «Путевки в жизнь» писал киновед С.И. Фрейлих) [15], и особый прием, связанный с включением в ткань произведения подлинных документов, событий, фактов, биографий. В этом контексте на документализм первого советского звукового игрового фильма указывали (правда, не используя специального термина) участники и свидетели кинопроизводства: «В основу сюжета положена история первой в нашей стране трудовой коммуны, организованной <…> в 1924 году в Болшеве»[1] [7, с. 14]; «В 30-е годы эта трудкоммуна стала известна всему миру по фильму «Путевка в жизнь» [8, с. 39]. Эти и другие свидетельства воспроизведены в публикациях Л.М. Горового, посвященных истории создания кинофильма (в периодической печати г. Королева), краеведческих очерках и изданиях Л.К. Бондаренко, Р.Д. Позамантир. Исследователи, обращавшиеся к истории первых трудовых коммун ОГПУ, тоже отмечали документальное начало в сценарии. Так, немецкий ученый-макаренковед Г. Хиллиг прямо указывал на то, что фильм основан «на опыте Болшевской коммуны» [16]; А.Г. Плотникова, автор монографии «М. Горький и кинематограф», писала об «обобщенном образе трудкоммуны», в котором в том числе узнаваемы черты Болшевской коммуны [10, с. 78]. М. Дэвид-Фокс, автор монографии, посвященной культурной дипломатии Советского Союза в 1921–1941 гг., писал, что «появление кинематографического шедевра» стало возможным, когда «основатели и попечители систематизировали основные принципы функционирования коммуны для представления их прогрессивной общественности» [5, с. 284].

Документализм фильма был положен в основу концепции (и названия) выставки «Путевка в жизнь: из истории Болшевской трудовой коммуны», открытой к 85-летию премьеры фильма в июне 2016 г. в отделе «Усадьба Костино» Музейного объединения «Музеи наукограда Королев». Подготовка выставки включала в себя архивные и библиографические исследования, во время которых мною в Российском государственном архиве литературы и искусства были изучены разные редакции сценария фильма и рабочие записи режиссера, сделанные в Болшевской коммуне. Эти материалы, вкупе с уже известными (в первую очередь книгой М.С. Погребинского «Трудовая коммуна ОГПУ»), позволяют подробно рассмотреть сюжетообразую-

[1] Болшевская трудовая коммуна (1924–1939), в разные годы: Детская трудовая коммуна при ОГПУ, Трудовая коммуна ОГПУ, Сельскохозяйственная производственная трудовая коммуна ОГПУ, Трудовая коммуна ОГПУ № 1, Трудовая коммуна НКВД №1, Трудовая коммуна им. Г.Г. Ягода, Болшевская трудовая коммуна им. Г.Г Ягода, Болшевская трудовая коммуна НКВД. Организована в 1924 г. для перевоспитания правонарушителей в свободных условиях на основе труда и самоуправления. В 1930-е гг. была широко известна в стране и за рубежом. В середине 1930-х гг. фабрики коммуны производили 60 % спортивного инвентаря в СССР. Располагалась на территории г. Королев Московской области.

щую роль истории Болшевской коммуны в сценарии фильма, что и является целью данной работы, подготовленной в рамках темы «Отечественная история в отражении произведений литературы и искусства». Основными задачами настоящего исследования являются введение в научный оборот новых сведений из истории первых трудкоммун ОГПУ и съемочного процесса первого отечественного звукового художественного фильма, обобщение всей доступной информации по теме. Для решения указанных задач использованы следующие методы: нарративный, историко-сравнительный, метод наблюдения. Исследование вносит свою лепту в изучение истории раннего советского кинематографа, а также в изучение и осмысление опыта первых трудовых коммун ОГПУ.

Из воспоминаний Регины Янушкевич, сценариста и исполнительницы роли матери Николая Реброва (Кольки Свиста), известно, что знакомство ее и ее коллег по студии «Межрабпомфильм», Н.В. Экка и А.Б. Столпера, с опытом Болшевской коммуны состоялось в начале работы над кинокартиной (замысел родился в процессе совместного написания сценария культурфильма о беспризорниках) [17, с. 61]. К этому времени коммуна представляла собой сложившуюся производственно-воспитательную базу для правонарушителей и располагала богатейшим материалом «для изучения перерождения человеческой психики», как отмечал исполнитель главной роли Николай Баталов. «Там я увидел переродившихся людей, бывших бандитов и проституток, пропущенных через горнило трудового воспитания», – рассказывал он в дни премьерных показов фильма корреспонденту газеты «Советское искусство» [1, с. 4].

Герой Баталова Николай Сергеев впервые появляется на экране в завязке сюжета – сцене заседания комиссии ВЦИК, где происходит распределение отловленных в московских подвалах беспризорников. По воспоминаниям Янушкевич, прототипом героя стал организатор Болшевской коммуны М.С. Погребинский[1]: «именно его образ и воплотил в роли Сергеева актер Николай Баталов» [17, с. 61]. И хотя полностью отождествлять Погребинского и Сергеева не стоит, так как «большое влияние на трактовку роли», по свидетельству самого актера, оказали методы работы руководителя московской трудкоммуны А.Ф. Червонцева [1, с. 4] и консультации сотрудника комиссии по ликвидации беспризорности М.Г. Типографа [6, с. 292], все же нельзя не отметить общее между ними. Погребинский и Сергеев представляли одно поколение и обладали внешним сходством. Оба – один

[1] Погребинский Матвей Самойлович (1895–1937) – с 1924 г. начальник орготдела ОГПУ, организатор Болшевской и созданных по ее примеру других трудкоммун, с 1934 г. полпред ОГПУ – начальник УНКВД Горьковской области. В 1935 г. в связи с 10-летием коммуны награжден орденом Красной Звезды. 4 апреля 1937 г., после ареста Г.Г. Ягоды, застрелился в своем рабочем кабинете.

в жизни, другой на экране – носили каракулевую шапку («кубанку») и шинель. Но главное, в чем сходны Погребинский и герой Баталова, – это отношение к своим подопечным, способы взаимодействия с ними. Современники Погребинского – начальник Московского уголовного розыска Л.Д. Вуль и писатель А.М. Горький – отмечали особенности общения организатора трудкоммуны ОГПУ с воспитанниками: он говорил с ними «очень горячо, страстно, темпераментно, убежденно» [2, с. 11], «тем же грубовато дружеским и шутливым тоном, как и они с ним» [3, с. 30]. Когда Погребинский говорил, стояла «гробовая тишина», при этом коммунары чувствовали, что «человек болеет за них, отдает им все лучшее» [2, с. 11]. Такими же качествами обладает и герой Баталова: вспомним сцену знакомства Сергеева с беспризорниками, его спокойную твердость в острых ситуациях, находчивость – гениальный ход с папиросами помог расположить к себе ребят и найти с ними общий язык. Вероятно, папиросы в кадре появились не случайно – коммунары-болшевцы первые свои зарплаты получали махоркой и табаком [11, с. 62].

Еще больше раскрывается образ Сергеева в финале эпизода переезда правонарушителей из Москвы за город, в коммуну-фабрику. Первые сцены эпизода передают события осени 1924 г. именно так, как они описаны непосредственными участниками: без конвоя, с одним провожатым ребята добираются пешком до железнодорожного вокзала. Точно так же начинали путь в новую жизнь болшевцы в сопровождении Погребинского: «Приехав на место, двух ребят отрядили с деньгами за ужином. <…> Ребята закупили провизию, вернулись и аккуратно вручили сдачу» [11, с. 24]. Для достижения художественного эффекта реальная история с покупкой продуктов была переработана. Мы видим, что в роли гонца выступает Мустафа – один из главных героев фильма. Продукты покупаются перед отправкой состава, а не по прибытии «на место». Минуты напряженного ожидания на перроне усилены титрами: «Уйдет или не уйдет?», а радость возвращения парня, после его фразы «Ловкость рук и никакого мошенства», прерывается всеобщим молчанием: «Как отреагирует на воровство Сергеев?»… «Ну, Мустафа, чтобы это было в последний раз!» – говорит он, и у зрителей не возникает никаких сомнений в том, что так и будет.

Интересно, что вожака беспризорных Мустафу в начальной редакций сценария звали Васей [13, с. 68]. Его роль должен был исполнять Александр Новиков, но во время съемок сцены «Облава беспризорных в подвале разрушенного дома» режиссер в массовке заметил Йывана Кырлю. Молодого марийского актера утвердили на главную роль, а Новиков сыграл беспризорного Васю по прозвищу Буза [6, с. 292]. Образ Мустафы Кырля создавал по собственным наблюдениям. «Главным консультантом» актера

был один из первых болшевских коммунаров Александр Умнов: «Кырля изучил мимику и жесты Умнова. Увидев фильм, я понял, почему так удачно получились реплики “Яблочка хоца!”, “Топай”, “Ловкость рук и никакого мошенства”», – вспоминал П.П. Железнов [8, с. 185].

Первые годы Болшевская коммуна занимала постройки национализированной в 1918 г. усадьбы Костино, по соседству с одноименным селом. В фильме же коммуна-фабрика организуется, растет и крепнет на территории монастыря (съемки проходили в том числе на территории музея-заповедника Коломенское), что, с одной стороны, является отсылкой к истории другой Трудовой коммуны ОГПУ – Люберецкой, организованной в 1927 г. в Николо-Угреше близ железнодорожной станции Люберцы, с другой – создает символический ряд. Монастырь олицетворяет старый мир, мастерская и рабочие инструменты в алтаре храма символизируют мир новый. К слову, съемки фильма совпали по времени с очередной волной закрытия храмов в стране. Так, церковь Рождества Пресвятой Богородицы (1689 г.) в Костине была закрыта, а затем переоборудована в радиоузел Трудкоммуны (в алтаре разместили «сердце» радиоузла – аппаратную). В целом 1920–1930-е гг. отмечены антиклерикализмом и богоборчеством, что, несомненно, получило отражение в отдельных сценах фильма.

В этих же сценах просматривается еще одна важная государственная установка времени – на честный труд во благо страны: «Это вам государство в долг дает. Отработаете – отдадите!» – говорит Сергеев. С такими же словами обращался к правонарушителям и Погребинский [11, с. 24]. Позже организатор коммуны отмечал, что у всех молодых преступников были хорошо развиты глазомер, ловкость рук и находчивость [11, с. 23, 56]. Все эти качества очень пригодились им в сознательном труде, что обыграно в фильме рядом забавных сцен под песню «Ловко».

В процессе становления Болшевская коммуна пережила немало кризисных ситуаций. Большая их часть в буквальном смысле осталась за кадром, но каждая дошедшая до зрителя – имела ключевое значение в деле перевоспитания. Первая такая ситуация отображена в эпизоде с пропажей и возвращением ложек. Находим документальную основу этого эпизода в книге Погребинского «Трудовая коммуна ОГПУ»: «Трудкоммуна сразу же встала перед фактом кражи разных кухонных принадлежностей. Тотчас же было собрано общее собрание коммуны и руководитель спокойно, но твердо заявил: “Все предметы нашего обихода даны нам в кредит, во временное пользование, инвентарь больше пополняться не будет, а за данный мы должны будем заплатить. Пропажа вещей будет оплачиваться из нашего заработка”. <…> На другой день много вещей было подброшено. <…> После этих событий воровство… было совершенно прекращено» [11, с. 51].

Эпизод, в котором показаны организация притона Жиганом и его разгон силами коммунаров, также почти с документальной точностью воспроизводит события, описанные в книге Погребинского: «Преступный мир забеспокоился. Коммуна отбирает у него учеников и помощников. <…> Воры с этим помириться не могут… И вот они задумали организовать свое “становище” в Болшеве, подбирая для этого подходящих людей. Долго искать не пришлось, появился на сцену Васька “Барыга” и его жена Маруська “Марафетчица”. <…> Обставили квартирку, приглашали знакомых девиц, появилась гитара. <…> Менее выдержанные из ребят потянулись туда, там их спаивали, разлагали. Но коммуна была уже настолько сильна, что она быстро реагировала на это. <…> Притон разогнали» [11, с. 48–50].

Самый серьезный кризис в коммуне-фабрике начался весной: разлив реки отрезал производство от железной дороги; возникли затруднения со сбытом продукции и доставкой сырья; оставшиеся без работы ребята стали играть в карты и выпивать, а, когда Сергеев в поисках решения создавшейся ситуации уехал в Москву, самые отчаянные разгромили мастерские.

В этом эпизоде, очевидно, получили отражение события из жизни коммуны ОГПУ, созданной по примеру Болшевской в 1926 г. под Тулой, близ с. Прилепы. В очерке, посвященном трехлетию учреждения, находим: «Весной и осенью разлив рек на месяц-два отрезает коммуну, и в кладовых затягиваются паутиной шкафы, столы, кровати» [14, с. 41]. Судя по всему, неудобное географическое положение мешало расширению производства и стало причиной ликвидации Тульской трудкоммуны (информации о беспорядках в ней нет) и перевода ее воспитанников в Болшево (вероятно, в 1929–1930 гг.), а для сценаристов послужило материалом для творческого осмысления. В фильме кризис не приводит к закрытию коммуны, а, наоборот, становится новой ступенью в ее развитии. Мустафа и Колька Свист останавливают беспорядки, а Сергеев привозит поручение из Москвы: коммунарам необходимо построить железнодорожную ветку до ближайшей станции.

Строительство железной дороги в фильме метафорично: «Наверное, мы рассказывали историю не столько о новой железной дороге и паровозе, сколько о новых людях», – вспоминал Экк [9]. Съемки шли в разгар первой пятилетки, и для поддержания ударнических настроений в обществе, соответствия духу времени требовался пафос строительства. В то же время необходимо было показать зрителю, что дело «перековки» бывших правонарушителей окончательно победило. Нужны были понятные образы: ими стали строительство железной дороги и первый паровоз.

Болшевская коммуна представляла собой подходящую «натуру» для сцен, связанных со строительством. В период съемок возводились произ-

водственные корпуса, готовились коммуникации для будущих общественных и жилых зданий, для подвоза стройматериалов прокладывались железные дороги. То, что съемочная группа работала на территории коммуны, подтверждается и свидетельствами участников процесса, и архивными документами – рабочими материалами Экка.

Экспедиция длилась с 30 апреля по 22 мая. Снимали в основном на улице, поэтому «ловили» подходящую погоду, с которой как раз не везло:

30/IV. Не было солнца. Не снимали.

1/V. Снимали 4 часа + 1 час утром – реконструкцию.

2/V. С утра идет снег, холодно, небо затянуто тучами. Снимали украшение арки и здания, съемка – 3 часа с перерывами.

3/V. Съемка с 11 утра до 17 часов. Массовая. Задержка. Украшение паровоза. Зашивали лозунг. Дали ребят в 10 ч. 30 мин.

4/V. Съемка не состоялась из-за плохой погоды. Снег. Ждали до 13 ч.

5/V. Ввиду плохой погоды, снега, съемка началась в 13 часов, снимали 1 ч. 30 мин. Тучи, ловили “окна”.

6/V. Скверная погода, съемки не было, хотя группа выезжала на место съемки.

7/V. Снимали с 8 ч. утра до 18 час. (паровоз).

8/V. С утра не было солнца, начали снимать с 12 час. Урывками, ловили “окна”. Съемки чистой – 2 часа.

9/V. Съемка началась с опозданием ввиду плохой погоды, начали снимать в 10 ч. 45 мин. до 17 ч. Не могли снимать мастерские, т.к. уполномоченный не договорился с правлением завода. Станция, вызываемая с утра, приехала в 10 ч. 20 мин. вечера.

10/V. Снимали с 8 ч. до 16 ч. (скрылось солнце). Ночью на 11 мая снимали со станцией ночные сцены, с 11 ч. 30 мин. до 3 ч. 15 мин.

11/V. Съемка с 10 ч. до 17 ч. 45 мин. (разбежались ребята). Вечером группа выехала для съемки звука уезжающего Баталова.

12/V. Скверная погода, съемка звуковых реплик Баталова в Москве днем и ночью.

13/V. После ночной съемки звука выехали на съемку в Болшево. Снимали с 11 ч. до 17 ч. 30 мин.

14/V. Снимали пустые мастерские с 11 ч. до 17 ч. 30 мин.

15/V. Съемка работающих мастерских с 10 ч. утра до 16 часов.

16/V. Съемки не было. Плохая погода.

17/V. Съемка задержалась ввиду неприезда актеров на 1,5 часа. Съемка с 9.30 до 18 ч. 10 мин.

18/V. Съемка опоздала на 30 мин., паровоз подали вместо 9 ч. утра в 14 часов, простой группы – 5 часов, потом ждали 2 часа перевода на Ивантеевскую ветку. Съемка отменена в 19 ч. Не было солнца.

19/V. Съемка с 8 ч. 15 мин. до 18 ч. 10 мин.

20/V. Съемка с 8 ч. до 18 ч. 10 мин.

21/V. Весь день ставили палатки для сцены “Мечты”. Вместо 2 ч. на постановку ставили 6 часов. Съемка с 16 ч. до 19 ч.

22/V. Снимали с 15 ч. до 18 ч. 45 мин. В другое время неудобно по свету, так как нужно снимать ночь[1] [12, л. 104–105].

Записи Экка дополняют воспоминания очевидца съемок Железнова (среди сцен, отснятых в Болшевской коммуне и окрестностях, он указывал «Строительство железной дороги», «Приезд первого поезда», «Драку Жигана и Мустафы») и информация из путеводителя «Подмосковье» за 1941 г. Места, связанные со съемками первого советского звукового художественного фильма, авторы путеводителя рассматривают как достопримечательные: «В кадрах <…> картины запечатлены окрестности Болшева, в том числе и дорога в Костино. Сцена прибытия первого поезда, построенного коммунарами, заснята на железнодорожной ветке от Болшева через Трудкоммуну к торфразработкам <…> Другие эпизоды этого фильма происходят на железнодорожном пути, соединяющем Болшево с Ивантеевкой» [4, с. 101, 104].

Упомянутая в записях Экка сцена «Мечты» происходит ночью, перед открытием железной дороги: «И буду первым машинистом на первом паровозе», – говорит Мустафа, а Колька отвечает другу: «Эх, а я кондуктором буду».

Записи, сделанные режиссером 14 и 15 мая, указывают на съемки в мастерских. Вероятно, в эти дни были сняты кадры для эпилога, который был исключен из прокатного варианта фильма по рекомендации К.Е. Ворошилова [17, с. 63]. Эпилог, который должен был показать зрителям коммуну через несколько лет после трагической смерти Мустафы, сохранился в одном из вариантов сценария и для раскрытия данной темы представляет важность. Дело в том, что в его тексте указаны три из четырех мастерских Болшевской коммуны (причем названия даны такие же, как в книге Погребинского [11, с. 60]): «Прошла железная дорога – ожил бездорожный край. Не стояли больше станки. Навсегда прекратилась буза. Удался первый в

[1] Орфография и пунктуация оригинала исправлены в соответствии с современными правилами русского языка; в тексте опущены технические пометы.

мире опыт. Труд переделал воров в честнейших пролетариев <…> Новые выстроены корпуса Коммуны-фабрики <…> Внутренность корпуса. Громадная светлая чудесная мастерская <…> Другая мастерская. Слесарно-механическая. Третья – трикотажная. Четвертая – обувная» [13, с. 68].

Несостоявшийся эпилог подводит условную черту в вопросе документализма первого советского звукового художественного фильма. И если в отношении образов героев (Сергеева, Мустафы) сложно определить, что же в них превалирует – документализм или художественное обобщение, то в отношении событийного ряда, при сопоставлении сценарных материалов и фактологии, четко прослеживается сюжетообразующая роль истории Болшевской трудовой коммуны (точнее, первых лет ее существования), которая подробно изложена Погребинским в книге «Трудовая коммуна ОГПУ». Очевидно, что материалы издания были хорошо изучены сценаристами «Путевки в жизнь». Что же касается возможности использования фильма при изучении истории Болшевской трудовой коммуны (этот вопрос закономерно встает при сопоставлении кадров фильма, записей Экка и мемуарной литературы), то эта проблема требует отдельной проработки с использованием методов исследований визуальных источников.

Список источников и литературы

1. *Баталов Н.* Слово – актеру // Советское искусство: Массовая газета по вопросам искусства. 1931. 3 июня. № 28 (100). С. 4.

2. *Вуль Л.Д.* Преступный мир и беспризорность // Болшево: литературный историко-краеведческий альманах. Вып. 3. Болшево: Товарищество «Писатель», 1994. С. 9–11.

3. *Горький М.* По Союзу Советов // Наши достижения. 1929. № 5. С. 25–36.

4. *Длугач В., Миллер П., Романов С.* Подмосковье. Справочник- путеводитель. М.: Московский рабочий, 1941. 160 с.

5. *Дэвид-Фокс М.* Витрины великого эксперимента: Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. М.: НЛО, 2015. 561 с.

6. *Жаров М.И.* Жизнь, театр, кино. М.: Искусство, 1967. 380 с.

7. *Жаров М.И.* Путевка в жизнь // Говорит и показывает Москва: Программы центрального телевидения и радиовещания. 1975. 16–22 июня. № 25. С. 20.

8. *Железнов П.* Наставники и друзья. М.: Сов. писатель, 1982. 240 с.

9. *Максаков В.* Беспризорные своего времени // Гудок. 2018. № 188. URL: https://www.gudok.ru/newspaper/?ID=1439628&archive=2018.10.19 (дата обращения: 22.06.2022).

10. *Плотникова А.Г.* М. Горький и кинематограф. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 336 с.

11. *Погребинский М.С.* Трудовая коммуна ОГПУ. М.: Гос. изд-во, 1928. 123 с.

12. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2794. Оп. 1. Д. 13.

13. РГАЛИ. Ф. 2794. Оп. 1. Д. 15.

14. *Стасий В.* Падают тюрьмы // Революция и культура. 1929. №13. С. 40–43.

15. *Фрейлих С.И.* Художник-экспериментатор // Чапаев: история кино в истории страны. URL: https://chapaev.media/articles/2910 (дата обращения: 22.06.2022).

16. *Хиллиг Г. А.* С. Макаренко и Болшевская коммуна // Постметодика. 2001. № 2. URL: http://www.el-history.ru/node/348 (дата обращения: 14.06.2022).

17. *Янушкевич Р.* Великий немой заговорил / публ. О. Романовой // Киноведческие записки. 2011. № 98. С. 52–65.

УДК 94 (47)

А.А. Арутюнов[1]

«Свои» среди «чужих»: взаимоотношения советских граждан и испанских эмигрантов

Аннотация. В статье исследуются взаимоотношения советских граждан и политэмигрантов, эвакуированных в СССР в ходе и по окончании Гражданской войны 1936–1939 гг. в Испании. Основное внимание уделяется сформировавшемуся в советском обществе образу испанцев как представителей героического народа, противостоявшего фашизму, что предопределило особое отношение к «детям войны» и взрослым политэмигрантам. В статье рассматриваются процесс их приема, бытовые зарисовки общения советских граждан с представителями испанской эмиграции разных возрастов, наиболее показательные примеры уважения и заботы по отношению к ним, а также реакция на это эмигрантов. По итогам исследования сделан вывод о том, что взаимоотношения граждан принимающего государства и иммигрантов как составная часть культурно-бытовой адаптации позволяют говорить о них как о положительном факторе окончательной интеграции испанских эмигрантов в советское общество.

Ключевые слова: СССР; Испания; политэмигранты; «дети войны»; пионерия; спорт; рабочий класс.

“Friends” among “strangers”: the relationship between Soviet citizens and Spanish emigrants

Abstact. The article is about the relations between Soviet citizens and Spanish political emigrants evacuated to the USSR during and after the Spanish Civil War of 1936–1939. The main place is given to the image of the Spaniards, formed in Soviet society, as representatives of the heroic people who opposed fascism, and this image predetermined the special attitude of Soviet citizens towards the “children of war” and adult political emigrants. The article discusses the receiving of the «children of war», everyday communication between Soviet citizens and representatives of the Spanish emigration of different ages, as well as the most illustrative examples of respect and careful attitude towards them. The article also analyzes the response of Spanish emigrants towards Soviet citizens. At the end of the study, the author concluded that the relationship between citizens of the host state and immigrants as an integral part of cultural and everyday adaptation allows us to speak of it as a positive factor in the final integration of Spanish emigrants into Soviet society.

[1] **Артем Артурович Арутюнов** – кандидат исторических наук, методист по научно-просветительской деятельности, Государственный исторический музей (Москва, Россия), e-mail: artemio.arutiunov@gmail.com.

Artyom A. Arutyunov – Candidate of Historical Sciences, the 1st category methodologist for scientific and educational activities of the State Historical Museum (Moscow, Russia).

Keywords: USSR; Spain; political emigrants; “children of war”; pioneers; sports; working class.

Миграционные процессы, имеющие вынужденный характер, – устойчивое явление современного общества. Вследствие социальных причин любых миграционных явлений культурно-бытовая адаптация, наряду с правовой и экономической, является важнейшей характеристикой феномена вынужденной эмиграции. Жизнь иммигранта в государстве-реципиенте характеризуется не только правами и обязанностями, но еще и свободным временем, которое подразумевает его более глубокое погружение в реалии принимающей стороны. Именно во время такого погружения и происходит столкновение прежней, привычной модели поведения иммигранта с особенностями страны-реципиента как носителя другого культурного кода. Для иммигранта чрезвычайно важно, как он, будучи представителем «иного» мира, будет принят местным населением; будет ли ему оказана какая-либо помощь и поддержка – особенно в том случае, если историко-культурная база взаимоотношений государства исхода и принимающей страны по тем или иным причинам практически отсутствует.

Данная статья посвящена теме взаимоотношений испанских эмигрантов, прибывших в СССР в ходе и по окончании Гражданской войны 1936–1939 гг., с советскими гражданами. Тема испанской эмиграции в СССР в отечественной историографии практически не изучена (а в контексте взаимоотношений советских граждан и испанских эмигрантов не изучалась и в зарубежной историографии, за исключением монографического труда И.К. Лимонеро). Однако пример адаптации испанцев в Советском Союзе, основанный, прежде всего, на системном подходе со стороны государства-реципиента, является крайне показательным в контексте мер, необходимых для успешной адаптации и возможной интеграции иммигрантов в принимающее общество.

Цель данного исследования – определение характера взаимоотношений иммигрантов и граждан принимающего государства как одной из основных проблем адаптации, влияющих на ее успешный характер. Основная задача исследования – анализ этих взаимоотношений на примере испанских политэмигрантов в СССР.

Источниковую базу исследования составил комплекс исторических источников, основа которого – документы архивного хранения. В данной работе освещение детской испанской эмиграции через материалы ГА РФ определено документами фонда Деткомиссии ВЦИК (ф. 5207), в особенности финансовыми сметами испанских детских домов. Опыт культурно-бытовой адаптации выросших «детей войны» (исходя из особенностей их трудовой занятости) отражен в докладных записках, отложившихся в

фонде Центрального комитета профсоюзов авиационной и оборонной промышленности (ГА РФ, ф. 7678). Вопросы, касающиеся культурно-бытовой адаптации взрослых политэмигрантов, освещены с использования материалов Международной организации помощи борцам революции (ГА РФ, ф. 8265). В качестве отдельного источника также использованы материалы периодических изданий. Центральная пресса второй половины 1930-х гг. освещала прибытие «испанских детей», а также организацию досуговых и просветительских мероприятий для них. Статьи в российских и испанских газетах 2000–2010-х гг. – как региональных, так и общенациональных – ярко отражают интерес современного общества к феномену «советских испанцев» / «детей войны» и проблемам их адаптации и репатриации. Также важное место занимает группа опубликованных источников личного происхождения. Среди них, в первую очередь, мемуары отдельных представителей групп, составлявших испанскую эмиграцию: взрослых политэмигрантов (М. Тагуэньи, Х. Гроса, Ф. Мероньо) и «детей войны» (Х. Фернандеса Санчеса, В. де лос Льянос Мас, М. Минтеги, Э. Кабаля, В. Мартинес).

Несмотря на географическую удаленность СССР и Испании друг от друга, Гражданская война 1936–1939 гг. находила отклик в Советском Союзе. Сводки с фронта – тема ежедневных статей центральной прессы: «Правды», «Известий», «Комсомольской правды». Уже 3 августа 1936 г., менее чем через месяц после начала боевых действий, на Красной площади прошел митинг в поддержку Второй Республики, в котором приняло участие почти 150 тыс. человек [11, с. 11–12]. В 1937 г. сборную команду Басконии по футболу, организовавшую под эгидой баскского правительства европейское турне с целью сбора средств для финансовой поддержки республиканцев, пригласили в СССР для проведения серии игр против советских команд; каждый из матчей сопровождался аншлагом. В этой связи на протяжении всего времени пребывания испанцев в стране советские граждане принимали их как представителей героического народа, первым схлестнувшегося с фашизмом в открытом бою, и как людей, потерявших родину. Вследствие этого в отношении «советских испанцев» никогда не использовался термин «иммигранты», несмотря на его логичность с точки зрения миграциологии.

Особая любовь и забота досталась «испанским детям» как невинным жертвам происходивших на их родине событий. В «Правде» писали о подготовке советских граждан к приезду «детей войны»: представители школ, заводов, фабрик звонили в Ленинградский порт, настойчиво интересуясь, как скоро они прибывают, как проходит их плавание, каково их самочувствие [3, с. 6]. Сами дети вспоминали, что в порт их пришло встречать колоссальное количество людей; тут же играл оркестр, пестрели флаги и пла-

каты, проводились приветственные демонстрации. Юные испанцы, сжав правый кулак в республиканском приветствии, проходили через «живой коридор» встречающих; самых маленьких подхватывали на руки и несли до автобусов [9, с. 182]. Встреча описывалась и в прессе: «Морской вокзал, украшенный разноцветными флагами. Торжественно и радостно гремит оркестр. Пионерка, стоящая на берегу, высоко поднимает букет цветов, приветствуя своих испанских товарищей. Маленькие испанцы отвечают радостными криками и пением. Внезапно дети услышали приветствие на родном языке. Это были голоса моряков с испанского парохода. Трап спущен. Небольшими группами сходят юные испанцы на советскую землю. Их встречают аплодисментами, поцелуями, подхватывают на руки» [2, с. 4].

Особое отношение к детям стало причиной организации «домов для испанских детей», где проживали воспитанники младшего и школьного возраста; там же проходил и учебный процесс. Подобная система организации их жизни резко отличалась от того, как приняли «испанских детей» в других странах. В Великобритании их разделили по «лагерям» на территории Англии, Шотландии и Уэльса в соответствии с политическими взглядами их семей (социалистическими, коммунистическими, анархическими). Это не могло не отразиться негативно на ощущении детьми своей испанской общности [26, p. 5]. В то же время примерно 1 300 из почти 5 000 детей, отправленных католическими организациями басков в Бельгию, усыновили и удочерили бельгийские семьи, вследствие чего те навсегда забыли родной язык [24, с. 194–195]. «Дети войны», эвакуированные в Мексику, жили на территории одного из средних учебных заведений школы г. Морелия, не приспособленного к долгосрочному проживанию [20]. Вышесказанное позволяет сделать вывод, что прием «детей войны» в СССР представлял систему продуманных и осуществленных в форс-мажорных условиях действий по воспитанию и образованию «детей войны», которая способствовала единению маленьких испанцев и сохранению в них родного духа.

Параллельно устанавливались контакты между «детьми войны» и советской молодежью. По прибытии второй экспедиции в СССР летом 1937 г. «испанские дети» посетили ленинградский Дом пионеров: «Ленинградские пионеры широко открыли перед гостями двери своего дворца… Быстро завязываются знакомства. Многие уже называют друг друга по имени. Пионеры дарят своим гостям алые галстуки, пионерские значки, шоколад, конфеты» [15, с. 6]. Позднее, как минимум два раза в месяц, советские – в основном отличники и молодежь, уже достигшая определенных успехов в науке и искусстве, – совершали ответные визиты в дома для испанских сверстников. Среди прочих бывала у них и Светлана Сталина [19, с. 90–91]; в Артеке летом 1937 г. вместе с «детьми войны» отдыхал кабардинский пи-

онер Барасби Хамгоков, годом ранее награжденный орденом «Знак почета» за успехи в животноводстве [16, с. 4]. Цель подобных встреч логична и понятна: советские школьники должны были служить примером, вдохновляющим на успехи в учебе. Несмотря на официозность мероприятий, именно тогда «между русскими и испанцами зарождалась дружба, которая длится и по сей день» [19, с. 90–91].

Особое внимание обращалось на физическое состояние детей, совершивших долгое путешествие из страны, охваченной Гражданской войной. В этой связи нормы питания для одного испанского воспитанника накануне Великой Отечественной войны оказались в 2,5–3 раза выше, чем для воспитанника советского детдома [10, с. 6–7]. ВЦСПС в 1938 г. выделил из своего спецфонда на содержание испанских детдомов более 21 млн руб. [12, с. 329], в то время как баланс Деткомиссии РСФСР на мероприятия по улучшению жизни детей (т.е. затраты на деятельность всех остальных детдомов) на 1 ноября того же года составлял 46 555 994 руб. 14 коп. [4, л. 200]. Для подкрепления здоровья в ежедневный рацион «детей войны» входила даже черная икра [13, с. 124]. В результате они довольно быстро окрепли и прибавили в весе – в среднем на 3 кг каждый [16, с. 4]. Проблема питания решалась еще до того, как дети добрались до СССР. «Правда» так описывала завтрак на пароходе «Кооперация», везшем их в Ленинград в октябре 1937 г.: «На столе белоснежные булки, масло, какао, сыр, колбаса, консервы, фрукты. За несколько дней пребывания на советском теплоходе многие из испанских детей успели заметно поправиться» [2, с. 4].

В 1944 г. «дети войны» стали одними из первых, кого вернули из тыла в столицу. Им оказывалась поддержка: руководство одного из текстильных техникумов обратилось в наркомат легкой промышленности с просьбой выдать юным испанцам перед началом зимнего сезона теплую верхнюю одежду [18, с. 58]. При их поступлении в средние специальные и высшие учебные заведения руководство этих учреждений старалось делать так, чтобы испанцы учились вместе. Так, Московский энергетический институт стал единственным столичным ВУЗом, где (на Гидроэнергетическом факультете) имелась отдельная группа, сформированная по национальному признаку, из 23 студентов [7, с. 58].

Что касается взрослых испанцев, то советские граждане восхищались ими, гордились дружбой с ними. Один из «детей войны», Хесус Гарсия Родригес из Овьедо, вспоминал: «На фабрике мы, испанцы, имели славу исполнительных работяг. Все советские знали о нас и слышали разговоры о нас как о детях, эвакуированных по причине антифашистской войны в Испании» [22, с. 105]. Хосе Грос, потомственный республиканец и участник Великой Отечественной войны, писал следующее: «Все рабочие знали, что мы

были теми самыми республиканцами из Испании. К нам относились с любовью и симпатией, показывая, как нужно правильно работать, где расположена столовая» [21, с. 28]. Командир корпуса Республиканской армии, один из представителей политической и военной элиты испанских политэмигрантов Мануэль Тагуэнья, описывая свой отдых в Севастополе накануне Великой Отечественной войны, отзывался о советских гражданах как об очень простых и радушных людях, которые испытывали огромную симпатию и сочувствие к республиканцам, хотели сделать совместное фото и, несмотря на языковой барьер, задать какой-нибудь вопрос о событиях Гражданской войны [25, с. 343]. Футбольные болельщики боготворили игроков испанского происхождения, прибывших СССР как «дети войны»: в Горьком кумиром любителей футбола был Хесус Варела-Савела. Агустин Гомес, капитан московского «Торпедо», обладатель Кубка СССР 1949 и 1952 гг., своей самоотверженностью, надежностью игры в обороне, человеческими простотой и открытостью, вызывал восхищение всех советских граждан того времени, в какой-либо степени интересовавшихся спортом [1, с. 25]. Характерно в этой связи замечание «сына войны» Вирхилио Льяноса, который вспоминал о назначении на должность начальника отдела по снабжению Госснаба СССР: некоторые коллеги приняли его настороженно, но вскоре одобрили назначение. Сам Льянос видел тому две причины: во-первых, его трудовая биография отражала долгий путь «снизу»; во-вторых, он был испанцем [7, с. 217].

Испанцы не оставались в долгу перед принявшими их советскими гражданами. Трогательны слова воспитанника детдома в Обнинском Альберто Фернандеса, будущего председателя Испанского центра на Кузнецком мосту: «Среди работников детдома были простые русские люди. Очень хорошо помню нашу уборщицу. Относилась она к нам, как мать к своим детям, мы ее любили, наверное, так же. Было у нее трое или четверо детей. Жила она очень бедно, муж был пьяница и самодур. Нам ее было очень жалко, и мы решили помогать ей. Начали таскать из столовой для ее ребятишек все, что могли: фрукты, икру, сладости. Отдавали все тайком. Она не хотела принимать от нас гостинцы – очень боялась. Мы убеждали ее взять наши подарки, и она сдавалась» [9, с. 187]. Что касается взрослых испанских эмигрантов, то примечателен следующий эпизод, имевший место во время празднования XXII годовщины Октябрьской революции на Горьковском автозаводе в 1939 г.: коллектив рабочих-испанцев устроил в честь заводских стахановцев вечер с национальными песнями и танцами, вызвавший колоссальный интерес [6, л. 25].

Очень часто советские мужья и жены соотечественников также становились своими для «детей войны». Для них можно и нужно было совершать невиданные поступки: так, друг Адольфо Эустакио Кабаля Алек-

сандр собирался выехать в Испанию со своей женой-испанкой, решившей вернуться к родным после амнистии, объявленной Ф. Франко в 1956 г. для «детей войны». Семья испытывала проблему с покупкой коляски для своей новорожденной дочери. Адольфо, желая сделать приятный и нужный подарок, отправился в Ленинград, где в Гостином дворе приобрел коляску и, вручив ее по возвращении, вызвал у друзей непередаваемое удивление [17, с. 416–420].

Несмотря на столь любовное отношение, некоторым испанцам в ходе адаптации приходилось как иностранцам сталкиваться и с определенной дискриминацией на личностном уровне – как подспудно, так и открыто. Офицер республиканских ВВС Франсиско Мероньо вспоминал случай, произошедший непосредственно по приезде эмигрантов в Советский Союз, когда их группа летчиков во время медосмотра, не спросив разрешения, зашла в кабинет, чтобы отдать рентгеновские снимки. Врач прокомментировала этот момент пациентке, сравнив испанцев с евреями, «которые всюду лезут без очереди». После вмешательства начальства врача уволили [23, с. 55]. Уже в послевоенные годы сын журналиста Эусебио Симорры по окончании средней школы поступал в Московский авиационный институт. На вступительном экзамене по математике он ответил на вопросы основного билета, а также решил девять дополнительных задач, споткнувшись на десятой, неверное условие которой преподаватель подстроил специально. По объяснению приемной комиссии, все же принявшей юного испанца в число студентов, преподаватель следовал той логике, что МАИ – закрытый для иностранцев институт, изготавливающий военную продукцию, являвшуюся государственной тайной [14, с. 261]. С отчасти похожей ситуацией столкнулся и Франсиско Мансилья – президент Испанского центра до 2017 г. В начале 1950-х гг. он поступал в Тимирязевскую академию, и член экзаменационной комиссии по русскому языку, ставя в вину абитуриенту сильный акцент, поставил за устный экзамен оценку «удовлетворительно». Абитуриент дошел до первого отдела академии, где его внимательно выслушали [8, с. 200]. То, что Мансилью в итоге зачислили на первый курс, показывает, что вопрос решили в его пользу.

В целом же взаимоотношения испанских эмигрантов и советских граждан можно описать цитатой «сына войны» Хосе Санчеса Фернандеса: «Я не знаю ни одного случая, когда испанец имел бы какие-либо проблемы совместного проживания с русскими. Если какая-то дискриминация и существовала, то она была институциональной, связанной с характером советского режима» [19, с. 223]. То же самое говорил и Бернардо дель Рио Сальседа, сделавший в Советском Союзе карьеру инженера путей сообщения: «О многих людях, с которыми я общался и которых не упомянул, у меня со-

хранились хорошие воспоминания. Единственное, что я хочу подчеркнуть: никогда в СССР я не ощущал дискриминации из-за того, что я испанец; наоборот, по этой причине чувствовал к себе симпатию» [8, с. 284]. Симпатия, исходя из текстов докладных записок о жилищно-бытовых условиях рабочих-испанцев московских заводов, действительно оказывалась взаимной – не только на производстве среди коллег, но и в личной жизни между мужчинами и женщинами. Так, например, среди рабочих завода № 45 в Москве 9 испанских девушек вышли замуж за «советских» молодых людей, а 10 испанцев женились на русских девушках [5, л. 19]. Интересно, что испанки при этом с легкостью брали фамилии мужей, о чем свидетельствуют докладные записки профсоюзных инструкторов о культурно-бытовом обслуживании испанских рабочих [5, л. 28].

Не скрывая негативных моментов, действующими лицами которых были советская и испанская сторона, необходимо понимать, что подобные случаи, во-первых, касались испанцев как иностранцев в целом, а не как именно испанцев, а во-вторых, все же оказывались минимальными, «местечковыми» и быстро решались на более высоком уровне, не портя общей картины особого, заботливого отношения советских граждан к испанцам. На фоне во многом двойственного, непоследовательного характера деятельности институциональных структур в отношении испанских эмигрантов кардинально иначе выглядят взаимоотношения советских граждан и испанцев, общая тональность которым задавала всесторонняя поддержка Советским Союзом и советским обществом Второй Республики в годы Гражданской войны. Поэтому приезд детей – невинных жертв этой войны, конечно же, мог вызывать только искренние чувства заботы по отношению к ним, что проявлялось уже при встрече детей в советских портах. В дальнейшем советская сторона старалась сделать их жизнь на чужбине хоть сколько-нибудь проще: дома для испанских детей снабжались всем необходимым, налаживались контакты «детей войны» с советскими сверстниками. Взрослые испанские политэмигранты, хоть и прибывали на территорию СССР в большинстве своем в условиях секретности, все равно были узнаваемы, и к ним советские люди испытывали огромный интерес – как к представителям не только другой национальности и культуры, но и героического народа. В годы Великой Отечественной войны именно «испанские дети» стали едва ли не первыми из эвакуированных, кого возвращали обратно. Подобное отношение к испанцам сохранилось и после войны: советские коллеги всегда помогали им как на работе, так и в быту; дружбой с ними гордились, уважая за профессиональные и человеческие качества. Сами испанцы не оставались в долгу перед принявшим их советским народом и всегда старались ответить окружающим взаимностью. Безусловно,

во взаимоотношениях советской стороны и испанских эмигрантов имели место и неприятные эпизоды, связанные с человеческим фактором, когда на первый план выходили личная выгода, принципиальность, простое отсутствие взаимопонимания. Но, как признавали сами испанцы, подобные случаи были исключением.

Список источников и литературы

1. *Бильбао-Гогичайшвили М.* Моя Баскония. Тбилиси: Мерани, 1972. 96 с.

2. *Воронов Н.* Дети Испании прибыли в Ленинград // Правда. 1937. 4 окт. С. 4.

3. *Воронов Н.* «Мы плывем в страну счастливых» // Правда. 1937. 2 окт. С. 6.

4. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5207. Оп. 1. Д. 1662.

5. ГА РФ. Ф. 7678. Оп. 6. Д. 1778.

6. ГА РФ. Ф. 8265. Оп. 4. Д. 73.

7. *Де лос Льянос Мас В.* Ты помнишь, tovarisch…? М.: URSS, 2008. 269 с.

8. Дети войны – о своей жизни, о твоей истории (каталог выставки). М.: [Б. и.], 2015. 291 с.

9. *Ефимова И.Л.* Школа-колония «Бодрая жизнь». Калининград: Аксиос, 2012. 222 с.

10. *Кокина Т.* Хесус Хесусович по прозвищу Чучи // Нижегородские новости. 2009. 16 сент. С. 6–7.

11. *Кольцов М.Е.* Испанский дневник. М.: Советский писатель, 1957. 615 с.

12. Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах / под ред. А.К. Соколова. М.: РОССПЭН, 1998. 352 с.

13. *Санчес Р.Х., Салудес П.М.* Испания: католичество против коммунизма // Вокруг света. 2006. № 7. С. 116–126.

14. *Симорра Б.Э.* Идальго в стране холода. Испанский журналист в Советской России, 1939–1977. М.: ООО «Деловой Домовой», 2011. 414 с.

15. *Соловьев В.* Баскские дети у ленинградских пионеров // Правда. 1937. 25 июня. С. 6.

16. *Токарев К.* Возвращенное детство // Правда. 1937. 25 июля. С. 4.

17. *Cabal del Cueto A.E.* Memorias imborrables. Oviedo: KRK Ediciones, 2007. 448 p.

18. *Compañ Martinez V.* La española rusa. Segunda edición completada. Moscú: Edición particular, 2014. 124 p.

19. *Fernández Sánchez J.* Memorias de un niño de Moscú. Barcelona: Editorial Planeta S.A., 1999. 525 p.

20. *Goicoechea E.* Los «Niños de Morelia», a casi 80 años de su llegada a México // Revista Mira. 2015. URL: https://www.revistamira.com.mx/2016/06/05/los-ninos-de-morelia-aniversario-79-de-su-llegada-a-mexico/ (дата обращения: 18.06.2017).

21. *Gros J.* Abriendo camino. Habana: Editorial arte y literatura, 1977. 293 p.

22. *Limonero I.C.* Dos paises, tres mil destinos. Vida y exilio de los niños de la guerra de España refugiados en la Unión Soviética. Madrid: Ediciones Cinca, 2010. 275 p.

23. *Meroño Pellicer D.* Así como fue. Madrid: Edición particular, 2005. 238 p.

24. *Paya Rico A.* Spaanse kinderen. Los niños españoles exiliados en Bélgica durante la Guerra Civil. Experiencia pedagógica e historias de vida // El futuro del pasado. 2013. № 4. P. 194–195.

25. *Tagüeña Lacorte M.* Testimonio de dos guerras. México: Ediciones Oasis, S.A., 1973. 673 p.

26. Un historiador cifra en 34.037 los niños evacuados por la República durante la guerra // El periódico Extremadura. 2008. El 11 de octubre. P. 5.

УДК 94 (470.316)

О.Н. Шанина[1]

«За отсутствием состава преступления»: механизмы внутрипартийных репрессий 1937–1938 гг. (по документам бывшего Ярославского партийного архива)

Аннотация. Автор статьи анализирует механизмы внутрипартийных репрессий 1937–1938 гг. Репрессии в Ярославской областной организации ВКП(б) являлись составной частью политики «большого террора», проводимой во всей стране. События разворачивались под влиянием директив ЦК ВКП(б), решения претворялись в жизнь руками нового руководства области, так же присланного из Москвы после февральского пленума ЦК. Анализ личных дел коммунистов, исключенных из партии, позволяет сделать вывод о том, что поиск «врагов народа» в партийных рядах, их исключение из ВКП(б) и дальнейшая передача в распоряжение органов НКВД также осуществлялись по отработанным в масштабах всей страны схемам.
Ключевые слова: «большой террор»; ВКП(б); внутрипартийные репрессии 1937–1938 гг.; Ярославский обком ВКП(б).

«For lack of evidence»: mechanisms of intra-party reprisals in 1937–1938 (based on documents of former Yaroslavl party archive)

Abstract. The article is based on documents of former Yaroslavl party archive. Author analyzes the mechanisms of intra-party reprisals in 1937–1938 and concludes that reprisals in Yaroslavl regional party organization were a part of the policy of «Great Terror» which was implemented around the country at the same time. Key events remained under the influence of directives from Moscow; the decisions were implemented by hands of new leadership sent from Moscow after February plenum of CC. Analysis of personal history profiles of repressed communists allows us to make the conclusion that their exclusion from the CPSU(B) and referral to NKVD followed a typical pattern.
Keywords: «Great Terror»; CPSU(B); intra-party reprisals in 1937–1938; Yaroslavl regional committee of CPSU(B).

[1] **Ольга Николаевна Шанина** – кандидат исторических наук, заведующий отделом информационного обеспечения и публикации документов, Центр документации новейшей истории Ярославской области – филиал Государственного архива Ярославской области (Ярославль, Россия), e-mail: o-shanina@mail.ru.
Olga N. Shanina – Candidate of Historical Sciences, Head of Department of Information Support and Publication of Documents, Documentation center of modern history of Yaroslavl region – branch of State archive of the Yaroslavl region (Yaroslavl, Russia).

В 2022 г. исполняется 85 лет с начала политики «большого террора». После распада СССР отмечался всплеск интереса общественности и специалистов к данной проблеме из-за обнародования ранее закрытых архивных документов. Однако спустя 30 лет приходится констатировать, что работа по изучению данного периода советской истории не завершена, так же как и не завершен сбор информации, необходимой для увековечения памяти жертв политических репрессий. И если документы центральных архивов достаточно изучены и введены в научный оборот, то региональные архивы, представляющие не меньший интерес, в основном остаются вне поля зрения специалистов.

Масштаб «большого террора» становится очевиден при рассмотрении описи дел Ярославского обкома ВКП(б), где все делопроизводство за 1937 г. связано с темой массовых репрессий в областной партийной организации. Данные дела прошли процедуру рассекречивания в 2000 г. Часть документов использовалась для написания двух книг, изданных к юбилеям органов прокуратуры и ФСБ по Ярославской области: «Верой и правдой. ФСБ. Страницы истории» (2001 г.) [1] и «Ярославские прокуроры. XVIII–XXI века» (2010 г.) [20]. Данные труды лишь частично затрагивали тему политических репрессий 1937–1938 гг. Некоторые документы использовал С.В. Кудрявцев для написания диссертации «Партийные организации и органы НКВД в период массовых политических репрессий 1930-х гг.» [2], посвященной изучению деятельности органов НКВД СССР в Верхнем Поволжье. Однако большинство дел на сегодняшний день слабо вовлечено в научный оборот.

Учитывая вышесказанное, целью данной статьи является введение в научный оборот новых документов бывшего Ярославского партийного архива. Также на основе данных документов ставится задача изучить механизмы внутрипартийных репрессий в областной организации ВКП(б), в том числе путем анализа личных дел репрессированных партийных работников.

Ярославская область была образована согласно решению президиума ВЦИК от 11 марта 1936 г. На 1 мая 1937 г. в составе областной парторганизации числилось 22 422 члена. Во время проверки и обмена партийных документов 1935 г. исключили 5 140 человек, среди них одного работника горкома, 5 работников райкомов и 32 в первичных партячейках. «Троцкисты» и «зиновьевцы» составили всего 225 человек, шпионы – 10 [15, л. 3, 10]. Основная масса не прошла проверку из-за проявлений пассивности [14]. Состоявшаяся 30 января – 4 февраля 1937 г. I областная партконференция избрала областной комитет ВКП(б) во главе с первым секретарем А.Р. Вайновым. Оргбюро ЦК ВКП(б) по Ярославской области получило высокую оценку за проведение большой работы по обмену партийных документов и

по разоблачению троцкистов, его политическую линию конференция признала правильной [4, л. 16].

Обстановка в области начала резко ухудшаться после февральского пленума ЦК ВКП(б) (23 февраля – 5 марта), имевшего ключевое значение в развертывании политики «большого террора» на территории страны. Всего за четыре месяца органы НКВД собрали компромат на руководство области, в дальнейшем использованный для его смещения. Первую партконференцию объявили «подхалимской», а в газете «Правда» вышла заметка с критикой обкома. 7–12 июня прошла II областная партконференция с участием представителей ЦК Л.М. Кагановича и Г.М. Маленкова. Ее участники пришли к выводу, что обком и его бюро допустили грубые политические ошибки, а также не перестроили деятельность в соответствии с решениями пленума ЦК, что привело к провалам работы [5, л. 17]. Конференция дала идеологическое обоснование репрессиям среди руководящих работников области. Первым с должности сняли Вайнова. Его место на пленуме обкома 12 июня 1937 г. занял бывший чекист Н.Н. Зимин, присланный из Москвы и активно включившийся в работу по поиску «врагов народа». На этом же пленуме избрали новый состав бюро, а также назначили новых заведующих отделами и редактора областной газеты «Северный рабочий» [6, л. 1, 2].

За 1937 г. из областной парторганизации исключили 684 руководящих работника. После этого многие из них оказались репрессированы как враги народа и участники контрреволюционных организаций. Среди них Вайнов, второй секретарь обкома И.А. Нефедов и председатель Ярославского облисполкома Г.Г. Заржицкий, первые секретари двадцати одного райкома, Рыбинского и Ярославского горкомов и всех райкомов ВКП(б) Ярославля, многие вторые секретари райкомов и горкомов [7, л. 3–5]. Особое внимание новое областное руководство уделило партийной группе облисполкома, в работе которой обнаружились «аполитичность и преступная политическая беспечность» [5, л. 23]. Были исключены из партии, сняты с должности и репрессированы за «участие в контрреволюционных организациях» и «вредительство в сельском хозяйстве» председатели 32 райисполкомов области [7, л. 53, 58]. Тщательной чистке подвергся и обком ВЛКСМ, где произошла полная смена руководства по всем основным направлениям работы. Бывших заведующих отделами исключили из партии и репрессировали [7, л. 28–29].

II областная партконференция, руководствуясь решениями февральского пленума, предписала обкому разработать конкретные мероприятия для того, чтобы научить каждого коммуниста своевременно распознавать и разить «врага народа» на своем рабочем месте [5, л. 19]. Сразу после ее окончания прошли собрания партактивов по районам города и области,

одобрившие решения об исключении из партии и арестах, а также наметившие новые кандидатуры «врагов» [13, л. 34]. В некоторые наиболее «неблагонадежные» районы отправились оргпартгруппы обкома для оказания практической помощи по «выкорчевыванию и разгрому» «врагов народа», ликвидации последствий «вредительства». Например, подобная группа выехала в июле 1937 г. в Угличский район, где дала разъяснения по поводу ликвидации вредительства «троцкистской банды», орудовавшей на строительстве Угличского гидроузла, а также вредительской деятельности бывшего секретаря райкома. Во время пребывания группы в районе по горячим следам выявили и исключили из партии еще 14 «контрреволюционных троцкистских элементов» [13, л. 70–73].

Секретари райкомов, не проявлявшие должного рвения в активном поиске «врагов», сами оказывались смятены репрессивной машиной. Так, например, секретарь Большесельского райкома, уличенный в «пассивности», был отстранен от работы как «не внушающий политического доверия», а затем исключен из партии [11, л. 53].

Партконференция также обязала проводить поиск «врагов» по всем отраслям народного хозяйства. Невыполнение рядом предприятий области производственных заданий, слабое развертывание стахановского движения, аварии, уменьшение процента коллективизации, снижение поголовья скота и урожайности списывались на активную работу антисоветских контрреволюционных организаций. Были сняты с должностей, исключены из партии, а затем репрессированы директора и секретари партячеек практически всех крупных промышленных предприятий Ярославля и области [7, л. 33–38]. Обком разработал для руководителей предприятий и учреждений специальную анкету. В дополнение к отчетам последние обязывались подавать сведения о выявленном вредительстве с приложением списка разоблаченных, а также указанием своей роли в их разоблачении и мероприятий по ликвидации последствий «вредительства» [12, л. 111]. Необходимо отметить, что директорам, которые не выявили «врагов», со стороны парторганизации выражалось политическое недоверие [10, л. 237]. Списки «сомнительных лиц» по предприятиям области, составленные анонимами или за подписью особо бдительных коммунистов, регулярно ложились на стол Зимину [11, л. 78].

5 июля прошел II пленум обкома, который обязал все парторганизации области развернуть борьбу за дальнейший поиск «врагов народа» [9, л. 6]. Данная работа проходила по хорошо отработанным схемам: на местах проводились заседания бюро и пленумов райкомов, собрания партактивов, деревенских коммунистов, собрания в первичных парторганизациях, совещания с председателями колхозов, заседания партактивов на предприятиях и в учреждениях, а также ряд политдней и общих колхозных собраний в каждом

колхозе, на которых рядовых партийцев знакомили с распоряжениями ЦК и обкома, а затем давали указания по поиску «врагов народа». Проводились собрания вплоть до низовых организаций, чтобы в разоблачении смог поучаствовать каждый коммунист. О результатах проделанной работы сообщали в обком посредством докладных записок. Выявленные «враги» исключались из партии, снимались с занимаемых должностей и передавались в органы НКВД для дальнейшего расследования и вынесения приговора [12, л. 16, 36, 59]. С руководящими партийными работниками также расправлялись по определенной схеме. Сначала в вышестоящие структуры поступало несколько доносов. После их получения на местах проводились заседания бюро райкомов, на которых данным работникам выражали политическое недоверие, после чего исключали из партии. Как правило, перед заседаниями в местных или в областных газетах публиковались обличительные статьи, которые в качестве доказательства вины затем прикреплялись к личному делу исключаемого [19; 3].

К декабрю 1937 г. в области сложилась беспрецедентная ситуация, когда всего за несколько месяцев сменилось практически все партийное и советское руководство. Были назначены новые люди, которые сами считали себя временными ставленниками и пребывали в обстановке недоверия и всеобщих подозрений [8, л. 6]. Кроме того, выдвинутые в спешке товарищи оказались просто не готовы заместить вакантные должности. Организованной для них политучебы и курсов повышения квалификации оказалось недостаточно, чтобы быстро нормализовать работу. Вопросы кадрового голода пытались решить за счет привлечения в партию комсомольцев и восстановления исключенных за «политическую пассивность», однако данная работа проходила по районам крайне медленно [10, л. 113].

Смягчение репрессий произошло после январского пленума ЦК ВКП(б) 1938 г. V пленум Ярославского обкома ВКП(б), прошедший 7–9 января, поручил бюро обкома проверить все факты огульного исключения из партии большого числа коммунистов и наказать виновных [18, л. 41]. Смещение палачей происходило по хорошо отработанной на их недавних жертвах схеме. 5 февраля прошло заседание VI объединенного пленума Ярославского обкома и горкома по вопросу об ошибках в руководстве бюро и его первого секретаря Зимина. Накануне заседания вышла публикация в газете «Правда» под идентичным названием. Согласно решению ЦК ВКП(б) и последовавшему за ним решению объединенного пленума Ярославского обкома и горкома Зимина сняли с занимаемой должности и отправили в распоряжение ЦК в связи с серьезными политическими ошибками [8, л. 2–4]. 11 февраля его арестовали, а в сентябре расстреляли. На заседании III областной партконференции в конце июля 1938 г. Зимина и

его ближайшее окружение объявили «матерыми троцкистами и агентами фашизма», злейшими «врагами народа». Им предъявили обвинения в исключении из партии преданных коммунистов, создании обстановки всеобщей подозрительности и неуверенности, развале партийно-политической работы и, как это ни парадоксально, саботаже выполнения решений февральского и январского пленумов ЦК [17, л. 8]. Перед обкомом поставили задачу ликвидации последствий вредительства команды Зимина.

С момента проведения II областной партконференции до решения январского пленума ЦК в Ярославской области из рядов ВКП(б) исключили 1 603 человека, из которых восстановили 403. Из числа исключенных репрессировали 506 человек и осудили по уголовным делам 180, из числа репрессированных освободили 75. С 1 января по 23 августа 1938 г. обком рассмотрел 1 091 апелляционное дело, исключив из партии 312 человек и восстановив 351 [16, л. 42–43, 56].

Таким образом, репрессии в Ярославской областной парторганизации оказались составной частью политики «большого террора», проводившейся во всей стране. Они шли под влиянием директив ЦК ВКП(б) и претворялись в жизнь руками нового руководства области, также присланного из Москвы. Анализ личных дел коммунистов, исключенных из партии, позволяет сделать вывод о том, что поиск врагов народа в партийных структурах, их исключение из ВКП(б) и дальнейшая передача в распоряжение органов НКВД осуществлялись по одним и тем же отработанным в масштабах всей страны схемам.

Форсированная индустриализация сформировала благоприятные условия для создания обстановки всеобщего недоверия, подозрений и массовых репрессий. Так, вторая пятилетка (1933–1937 гг.) поставила перед Ярославской областью цель резко увеличить производство за счет технического перевооружения и ввода новых мощностей. Весь этот сложный процесс проходил в кратчайшие сроки на фоне долгих и мучительных поисков оптимизации промышленных процессов и в условиях нехватки квалифицированных кадров, что неминуемо влекло за собой недочеты и аварии. Кадровый голод и отсутствие специалистов априори делали невозможным быстрый и безболезненный переход к индустриализации, качественное управление областью в столь сложных условиях. Из 22 422 человек, состоявших в Ярославской областной парторганизации, только около 3 % имели законченное высшее образование, около 6 % – законченное среднее, 61 % – начальное и 31 человек не знал даже грамоты [15, л. 5]. Однако политика «большого террора», решив сиюминутные задачи за счет списания недочетов на «врагов народа» из числа партийного руководства области, в долгосрочной перспективе привела к еще большему кадровому голоду в

связи с тем, что репрессированное руководство все-таки имело опыт руководящей работы в отличие от тех, кого в спешке поставили ему на замену. В заключение хотелось бы добавить, что практически всех жертв террора реабилитировали в 1957–1958 гг., а их дела закрыли с формулировкой «за отсутствием состава преступления».

Список источников и литературы

1. Верой и правдой. ФСБ. Страницы истории. Ярославль: Нюанс, 2001. 526 с.

2. *Кудрявцев С.В.* Партийные организации и органы НКВД в период массовых политических репрессий 1930-х гг.: На материалах областей Верхнего Поволжья: дис. … канд. ист. наук. Ярославль, 2000. 288 л.

3. Центр документации новейшей истории Государственного архива Ярославской области (ЦДНИ ГАЯО). Ф. 272. Оп. 35. Д. 4498.

4. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 35. Д. 9437.

5. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 223. Д. 11.

6. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 223. Д. 305.

7. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 223. Д. 314.

8. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 223. Д. 337.

9. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 223. Д. 338.

10. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 223. Д. 585.

11. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 223. Д. 586.

12. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 223. Д. 589.

13. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 223. Д. 591.

14. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 223. Д. 593.

15. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 223. Д. 595.

16. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 223. Д. 632.

17. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 223. Д. 750.

18. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 223. Д. 760.

19. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 223. Д. 761.

20. Ярославские прокуроры (XVIII–XXI века). Ярославль: Академия 76, 2010. 192 с.

УДК 94

Д.В. Родин[1]

Советская дипломатия и проблема черноморских проливов в 1936–1941 гг.[2]

Аннотация. Конференция в Монтрё 1936 г. завершилась принятием новой конвенции о статусе черноморских проливов по советскому проекту. Однако охлаждение советско-турецких отношений в ходе конференции и стремление Москвы добиться более выгодного режима прохода через Босфор и Дарданеллы привели к активизации дипломатической активности СССР в означенном направлении. Вплоть до начала Великой Отечественной войны советская дипломатия пыталась с помощью переговоров с различными государствами добиться внесения изменений в конвенцию Монтрё и закрепления за СССР права участвовать в защите проливов от агрессии. Данные попытки, свидетельствовавшие о важности проблемы черноморских проливов в обеспечении безопасности СССР, заложили основу для дальнейших переговоров «Большой тройки» в годы войны и требований к Турции, предъявленных в 1946 г.

Ключевые слова: международные отношения; Вторая мировая война; черноморские проливы; конвенция Монтрё; СССР; Турция; Германия.

Soviet diplomacy and the problem of the Turkish Straits in 1936–1941

Abstract. The conference in Montreux in 1936 ended with the adoption of a new convention on the status of the Turkish Straits according to the Soviet project. Despite that, the cooling of Soviet-Turkish relations during the conference and Moscow's desire to achieve a more favorable regime for the passage through the Bosporus and the Dardanelles led to the intensification of the USSR's diplomatic activity in the indicated area. Soviet diplomacy tried, through negotiations with various states, to achieve amendments to the Montreux Convention and secure for the USSR the right to participate in the defense of the Straits from aggression. These attempts continued right up to the start of the Great Patriotic War. They also testified to the importance of the problem of the Turkish Straits in the general plan for ensuring the security of the USSR, and laid the foundation for further

[1] **Денис Валерьевич Родин** – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: enigma9307@mail.ru.

Denis V. Rodin – Candidate of Historical Sciences, Research Assistant, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

[2] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии № 20-59-18007.

The reported study was funded by RFBR and National Science Foundation of Bulgaria (NSFB), project number 20-59-18007.

negotiations of the «Big Three» during the war years and the demands made on Turkey in 1946.
Keywords: international relations; World War II; Turkish Straits; Montreux Convention; USSR; Turkey; Germany.

На протяжении веков одним из краеугольных камней российской внешней политики являлось стремление добиться выгодного режима прохода через черноморские проливы Босфор и Дарданеллы. Он требовался прежде всего вследствие геостратегического положения проливов как единственного прохода в Черное море и из него, что оказывало существенное влияние на внешнюю торговлю Российского государства, экономическое развитие его южных территорий и способность оборонять черноморское побережье. Штаб-офицер Морского генштаба А.В. Немитц, бывший в 1920–1921 гг. командующим Морскими силами РСФСР, в годы Первой мировой войны писал в памятной записке: «России всегда было ясно действительно жизненное для ее империи значение ее политического положения на Балканском полуострове и в проливах, ведущих от “Царьграда” на восток и на запад… Только став прочной ногой на Босфоре и Дарданеллах, Россия действительно сможет выполнить свое историческое призвание» [3, с. 223–224].

На данный момент в отношении проливов действует конвенция Монтрё, принятая в 1936 г. События начала XXI в. неоднократно доказывали ее высокую эффективность и важность для обеспечения безопасности России и других стран черноморского региона. Справедливым можно считать следующее мнение: «Доктрина Монтрё – это основа гармоничного взаимоотношения стран, целью которого является обеспечение политического равновесия и упорядочение судоходства в проливе» [13, с. 51].

Однако столь высокая оценка конвенции доминировала в отечественных работах отнюдь не всегда. В 1948 г. Б.А. Дранов писал, что конвенция «не защищала в должной мере законные интересы черноморских держав, не обеспечивала внешнюю безопасность всех прибрежных черноморских стран» [12, с. 211]. И.С. Кашкин заявлял, что конвенция носит антисоветский характер, так как она «оказалась недостаточно обеспечивающей безопасность Советского Союза и других черноморских стран» [14, с. 14], а И.В. Васильев в работе «О турецком “нейтралитете” во Второй мировой войне» объявил конференцию в Монтрё «открытой антисоветской демонстрацией» [4, с. 27].

Подобные взгляды обусловливались обострением советско-турецких отношений в связи с требованием СССР к Анкаре о пересмотре конвенции, изложенным в нотах от 7 августа и 24 сентября 1946 г. Согласно им, события Второй мировой войны продемонстрировали, что соглашение «не отвечает интересам безопасности Черноморских Держав и не обеспечивает

условий, при которых предотвращалось бы использование этих Проливов во враждебных Черноморским Державам целях» [1, л. 175]. Вследствие этого советская сторона требовала от Анкары внесения изменений с учетом интересов Москвы, главными из которых являлись следующие: признание за черноморскими державами и Турцией исключительного права на «установление режима Проливов как естественного морского пути, ведущего из Черного моря и в Черное море», и организация силами СССР и Турции совместной обороны Босфора и Дарданелл «для предотвращения использования Проливов другими государствами во враждебных Черноморским Державам целях» [1, л. 179].

Важно отметить, что идея предъявления Турции такого рода требований созревала у советского руководства постепенно, в годы, предшествовавшие Второй мировой войне, и непосредственно во время нее. В данной статье будет прослежена позиция Москвы по вопросу о статусе проливов в 1936–1941 гг., т.е. от подписания конвенции и до начала Великой Отечественной войны. Целью является подтверждение тезиса о том, что в указанный период уже начали прорабатываться требования, приведшие к кризису из-за черноморских проливов в 1946 г.

В первые дни после подписания конвенции советская печать восторженно писала, что успех конференции является «победой тех идей, за которые настойчиво боролась советская дипломатия… не только в интересах СССР, но и в интересах дела мира» [19, с. 1]. Нельзя не согласиться со следующим мнением отечественных исследователей: «Ход и решения конференции в Монтрё довольно точно отразили соотношение сил, сложившееся на международной арене, и положение Советского Союза. В тех условиях советской делегации, видимо, удалось добиться максимального результата» [20, с. 436].

Однако верно и мнение о том, что победу советской делегации «держала в руках Анкара», так как применение основных статей конвенции зависело от курса внешней политики Турции [21, с. 261]. На конференции имело место определенное охлаждение советско-турецких отношений, поскольку турецкая делегация неоднократно блокировалась с английской при обсуждении важнейших статей конвенции. Полпред СССР в Турции Л.М. Карахан указывал Ш. Сараджоглу (на тот момент министру юстиции) на «демонстративное сотрудничество с Англией против СССР» и выражал надежду на изменение данной позиции [7, с. 366]. В последующие годы турецкая дипломатия все больше демонстрировала переход к политике балансирования между Англией и Францией, с одной стороны, и Германией и Италией – с другой.

Вследствие этого советское правительство практически сразу пришло к мысли о необходимости дополнения конвенции советско-турецким пак-

том о взаимопомощи, который позволял бы СССР участвовать в регулировании режима проливов. Уже осенью 1936 г. нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов обсуждал с турецким послом в Москве З. Апайдыном возможность заключения договора, согласно которому СССР обязывался «помогать Турции в Средиземном море, а Турция во всех случаях – закрыть и защищать проливы против вторжения враждебных нам сил» [7, с. 769]. Негативная реакция на предложения дала наркому основания предположить, что «Турция в настоящее время лишена полной свободы в своей внешней политике и что она, по соглашению или добровольно, вынуждена считаться с мнениями других правительств» [7, с. 502].

Аналогичные переговоры велись накануне Второй мировой войны. В условиях нарастающей угрозы войны на востоке и юго-востоке Европы Турция вступила в переговоры с Англией, Францией и СССР, причем турецкий посол в Лондоне Т.Р. Арас заверял советского полпреда И.М. Майского, что Турция готова «принять активное участие во всех тех мерах, кот[орые] ради спасения Румынии сочтут нужным принять Англия, Франция, СССР и Балканская Антанта, однако без СССР Турция будто бы никуда не пойдет» [15, с. 362]. Генеральный секретарь МИД Турции Н. Менеменджиоглу также указывал временному поверенному в делах СССР в Турции О.И. Никитниковой на желание Анкары «иметь с Советским Союзом соглашение о взаимопомощи примерно в таком же духе», как и с Англией, «но, конечно, с другими условиями». Турецкое правительство считало, что оно «может оказать помощь СССР в проливах (в смысле непропуска судов агрессора) и на Черном море» [8, с. 323].

Однако дальнейшее обсуждение деталей соглашения зашло в тупик из-за условий применения ст. 19 конвенции Монтрё о пропуске судов в военное время [8, с. 428]. Кроме того, эти переговоры оказались тесно увязаны с московскими переговорами между СССР, Англией и Францией о заключении трехстороннего пакта взаимопомощи, и после прекращения последних в связи с неуступчивостью сторон и подписанием пакта Молотова – Риббентропа 23 августа 1939 г. переговоры с Турцией также сошли на нет.

Вновь к ним вернулись после нападения Германии на Польшу. Во время визита в Москву занявшего пост министра иностранных дел Сараджоглу в сентябре-октябре 1939 г. И.В. Сталин сделал следующее предложение: «Пакт о взаимной помощи в случае нападения непосредственно на Турцию в проливах и Черном море, без Балкан, и консультация, если возникнет что-либо на Балканах» [9, с. 152]. Одновременно он не рекомендовал туркам соглашаться на заключение англо-турецкого и франко-турецкого пактов, предупреждая, что это может втянуть Турцию в полномасштабную

войну в случае любых изменений в Центральной и Юго-Восточной Европе [9, с. 149].

Но вместе с тем советская сторона не проявляла готовности брать на себя обязательства, способные столкнуть Москву с Берлином. Новый нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов откровенно говорил турецкому министру: «Заключать пакт против Германии мы не можем, против Италии – она является союзницей Германии, против Болгарии, но она ведь не угрожает Турции!» [9, с. 148]. Германскому послу в Москве Ф.-В. фон дер Шуленбургу нарком обещал, что «если и будет подписано соглашение, то оно не будет направлено против Германии. Мы не сделаем ничего, противоречащего нашим отношениям с Германией» [9, с. 170]. Как следствие, пакт между СССР и Турцией не гарантировал последней безопасность и фактически сводился к закрытию черноморских проливов с целью недопущения прохода в море судов Великобритании и Франции.

В результате Анкара предпочла заключить 19 октября договор о взаимной помощи с Лондоном и Парижем, который газета «Таймс» немедленно объявила «первой реальной победой союзников в войне» [2, с. 42]. Несмотря на сделанную в соглашении оговорку, что Турция не предпримет никаких мер, направленных против СССР, последний заявил об отказе от дальнейших переговоров, а в советской прессе появились материалы, осуждавшие Анкару за отказ от «укрепления дружбы с Советским Союзом» [17, с. 158].

Вновь к проблеме проливов советская дипломатия вернулась уже осенью 1940 г., после присоединения прибалтийских республик и Бессарабии. Этому способствовал рост недоверия к турецкой политике. Еще весной 1940 г. на вопрос Майского о возможности пропуска в Черное море союзных военных судов Арас отвечал крайне уклончиво, доказывая, что «при наличии нейтралитета СССР союзникам не было бы надобности проводить через проливы военные суда» [16, с. 148]. Чуть позже, летом, Молотов в разговоре с итальянским послом в Москве обвинил Турцию в стремлении «диктовать Советскому Союзу свои условия на Черном море путем единоличного хозяйничанья в проливах, а также ввиду усвоенной ею практики угрожать Советскому Союзу в районах южнее и юго-восточнее Батуми» [10, с. 374].

На данном этапе наиболее перспективными представлялись переговоры с Германией – они развивали бы предыдущие договоренности о разделе сфер влияния в Восточной Европе от 23 августа и 28 сентября 1939 г. Параллельные попытки прозондировать англичан на предмет принятия мер по контролю проливов и внесению соответствующих изменений в конвенцию Монтрё не дали положительного эффекта [20, с. 450]. Из Берлина, в свою очередь, поступали определенные сигналы о готовности Третьего рейха к уступкам. Советское полпредство в Анкаре получило сообщение о сделан-

ном турецким послом в Берлине прогнозе, что «Проливы с прилегающими районами, в том числе и город Истанбул, будут находиться под совместным управлением Советского Союза, Германии, Италии и Турции» [10, с. 358]. Посол Югославии в Турции И. Шуменкович также сообщал советскому полпреду С.А. Виноградову, что «Германия не имеет ничего против того, чтобы Советский Союз договорился с Турцией о Проливах» [10, с. 609]. Примечательна следующая запись в дневнике начальника генштаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдера: «Стремление России к проливам и в направлении Персидского залива нам не мешает» [5, с. 74].

Визит Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. развеял надежды Москвы на сотрудничество с Германией. План-максимум возможных договоренностей по дальнейшему разделу сфер влияния подразумевал присоединение к Советскому Союзу части территорий Турции и «привилегированный статус в турецких проливах» [6, с. 469]. С этим было связано и установление советской зоны влияния в Болгарии, так как, согласно данной Молотову инструкции, «обеспечение спокойствия в районе проливов невозможно без договоренности с Болгарией о пропуске советских войск для защиты входов в Черное море» [11, с. 61]. Ключевым тезисом советской стороны являлась необходимость гарантий безопасности побережья и недопущения повторения событий Крымской войны и интервенции в годы Гражданской войны [11, с. 61].

Поначалу переговоры шли удовлетворительно для советской стороны. Министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп утверждал: германская сторона понимает, что «СССР недоволен конвенцией Монтрё» и что необходимо новое соглашение, цель которого – «чтобы СССР смог найти выход из проливов в Средиземное море» [11, с. 39]. Равным образом и А. Гитлер подтверждал, что «вопрос о проливах должен быть решен в пользу Советского Союза… чтобы проливы давали возможность торговым судам заходить в проливы в мирное время, но чтобы русские военные суда имели всегда свободный выход и чтобы вход для военных судов нечерноморских держав был закрыт» [11, с. 70].

Однако требование о сфере влияния в Болгарии, оформленное в виде советских гарантий данной стране, вызвало явное недовольство фюрера, рекомендовавшего Молотову «выяснить, желает ли сама Болгария этих гарантий Советского Союза» [11, с. 71]. Дальнейшее обсуждение показало, что германская сторона условием принятия новой конвенции о проливах считает обязательное участие в ее разработке стран Оси – Германии и Италии, в то время как Москва рассчитывала на прямые переговоры с Турцией без вмешательства иных сторон, так как «для Германии и Италии, не являющихся черноморскими державами, вопрос о проливах не является суще-

ственным с точки зрения их безопасности, а для СССР вопрос о проливах связан не только с заключением нового соглашения с Турцией, но и с реальными гарантиями безопасности» [11, с. 81]. Тем самым выявилось фундаментальное различие в подходах Москвы и Берлина: если первая рассчитывала на самостоятельные действия в своей зоне, то второй давал понять, что Советский Союз «претендовать на… Болгарию и турецкие проливы мог исключительно с согласия Берлина» [6, с. 491]. Это делало невозможным достижение конкретных соглашений между двумя державами.

Неудача в переговорах с Германией, которая уже в декабре приступила к подготовке нападения на Советский Союз, подтолкнула последний к новым переговорам непосредственно с турецким правительством. В январе 1941 г. Майский в беседах с Арасом зондировал почву на предмет заключения пакта о взаимопомощи и получил заверения, что турецкий посол, как и его правительство, симпатизирует данной идее и считает, что пакт «должен носить “генеральный характер” и иметь в виду любую державу» [16, с. 326]. Уже в феврале турецкое правительство через советского полпреда в Анкаре и через свое посольство в Лондоне известило Москву о готовности к «расширению и углублению» договора о дружбе и нейтралитете 1925 г., что, по мнению Араса, означало не что иное, как согласие на пакт о взаимопомощи [16, с. 334].

Однако вторжение германских войск в Югославию и Грецию в апреле 1941 г. кардинально изменило ситуацию на Балканах, вследствие чего в Анкаре усилились настроения в пользу безусловного нейтралитета. Майский констатировал, что позиция Турции ясна: «Ни в коем случае не вмешиваться в войну» [16, с. 380]. Несмотря на заверения Араса, что Анкара во всем будет следовать за Москвой, и в «необходимости между ними самой тесной связи», полпред отмечал пораженческие настроения турецкого посла и писал в связи с этим: «Если он правильно отражает Анкару, немцам не трудно будет прибрать Турцию к рукам без войны» [16, с. 384]. Вести в этих условиях переговоры о каком-либо пакте было бессмысленно.

Нападение Германии на СССР изменило положение Советского Союза, превратило его в полноценного участника Второй мировой войны и, следовательно, заставило изменить приоритеты во внешней политике. На время вопрос о проливах уступил место более насущным проблемам выстраивания тесных взаимоотношений с Великобританией и США. Вновь к проблеме черноморских проливов советская дипломатия вернулась в 1943 г., в связи с чем премьер-министр Великобритании У. Черчилль писал министру иностранных дел Э. Идену: «Очевидно, что русские не останутся довольны ныне существующим режимом проливов, и я не думаю, что они забыли о том, что мы предлагали им Константинополь на раннем этапе последней войны» [18, с. 420].

Дальнейшие переговоры о статусе проливов велись уже между участниками «Большой тройки», однако основа для этих переговоров сформировалась еще в период 1936–1941 гг. Безусловным императивом советской позиции в отношении Босфора и Дарданелл являлось дальнейшее улучшение условий для прохода советских военных судов через проливы при одновременном их закрытии для военных судов нечерноморских держав, а также участие СССР в обороне проливов. Это можно было обеспечить путем более тесного взаимодействия между Советским Союзом и Турцией в военной сфере. В дальнейшем указанные требования стали основными в советских нотах 1946 г., приведших к кризису вокруг черноморских проливов.

Список источников и литературы

1. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 194. Оп. 26. П. 28. Д. 1.

2. *Бабинцев В.А.* Англо-франко-турецкий пакт от 19 октября 1939 г. // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке (1933–1941). Свердловск: УрГУ, 1976. С. 42–61.

3. *Боброфф Р.* Пути к славе: Российская империя и Черноморские проливы в начале XX века. Бостон; СПб.: Academic Studies Press; Библиороссика, 2022. 327 с.

4. *Васильев И.В.* О турецком «нейтралитете» во второй мировой войне. М.: Госполитиздат, 1951. 118 с.

5. *Гальдер Ф.* Военный дневник, 1940–1941. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. 765 с.

6. *Дембски С.* Между Берлином и Москвой. Германо-советские отношения в 1939–1941 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 814 с.

7. Документы внешней политики СССР. Т. XIX. М.: Политиздат, 1974. 824 с.

8. Документы внешней политики СССР. Т. XXII. Кн. 1. М.: Международные отношения, 1992. 712 с.

9. Документы внешней политики СССР. Т. XXII. Кн. 2. М.: Международные отношения, 1992. 688 с.

10. Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 1. М.: Международные отношения, 1995. 752 с.

11. Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 2 (1). М.: Международные отношения, 1998. 448 с.

12. *Дранов Б.А.* Черноморские проливы (Международно-правовой режим). М.: Юридическое издательство, 1948. 240 с.

13. *Ивкина Н.В., Павлова Т.С., Никулин М.А.* Нарушение конвенции Монтрё как угроза безопасности России // Морской сборник. 2020. № 1. С. 49–57.

14. *Кашкин И.С.* Мюнхенская политика турецкого правительства накануне второй мировой войны: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1950. 16 с.

15. *Майский И.М.* Дневник дипломата. Лондон, 1934–1943: в 2 кн. Кн. 1: 1934 – 3 сентября 1939. М.: Наука, 2006. 531 с.

16. *Майский И.М.* Дневник дипломата. Лондон, 1934–1943: в 2 кн. Кн. 2, ч. 1: 4 сентября 1939 – 21 июня 1941 года. М.: Наука, 2009. 492 с.

17. *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу: 1939–1941 гг. (Документы, факты, суждения). М.: Вече, 2008. 544 с.

18. Путь к Великой Победе: СССР в войне глазами западных современников: документы и материалы. М.: ООО «Аквариус», 2015. 926 с.

19. Решения конференции в Монтрё // Известия. 1936. 21 июля. С. 1.

20. Россия и черноморские проливы (XVIII–XX столетия) / отв. ред.: Л.Н. Нежинский, А.В. Игнатьев. М.: Международные отношения, 1999. 560 с.

21. *Хормач И.А.* Советское государство на международных форумах 1920–1930-х гг. М.: ИРИ РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2020. 486 с.

УДК 94(47)

Там Хок Чиу[1]

Защитник мира или предатель союзника: китайские историки о роли СССР в борьбе с политикой «умиротворения»

Аннотация. В статье рассматривается китайская историография по истории внешней политики СССР перед началом большой войны в Европе (1938–1939 гг.). Охарактеризован радикальный поворот китайских историков-ревизионистов в оценке роли СССР в борьбе с политикой «умиротворения» Англии, Франции и США. Основное внимание уделено исторической связи между появлением открытых обвинений СССР в «предательстве союзников» и «великодержавном шовинизме» после смерти Мао Цзэдуна и антисоветскими настроениями в доктринах гоминьдановского режима и стран Запада.

Ключевые слова: внешняя политика СССР; англо-советская дипломатическая борьба; китайская историография; антисоветская идеология; исторический нигилизм.

Defender of peace or traitor behind allies: Chinese historians on the role of the USSR during the struggle against the “appeasement” policy

Abstract. This article is mainly about the study on Chinese historiography about the history of the foreign policy of USSR on the eve of Great war in Europe (1938–1939) and the radical change in the evaluation of the role of USSR during the struggle against the conspiracy of England, France and United States under “appeasement”. Major researching concern was drawn on the historical relation between the appearance of tendency to publicly condemn Soviet Union for “betraying” allies and “expansionist’s chauvinism” after the death of Mao Zedong in China, and the anti-Soviet ideology in doctrines of Guomindang’s regime and the western nations.

Keywords: foreign policy of USSR; Anglo-Soviet diplomatic struggle; Chinese historiography; anti-Soviet ideology; historical nihilism.

В современной китайской историографии господствует негативная оценка внешнеполитической деятельности СССР накануне Второй мировой войны. Такой подход сформировался еще в начале 1980-х гг., однако он имеет более давнюю историю и фактически связан с длительной культурной и

[1] **Там Хок Чиу** – PhD исторических наук, преподаватель Института истории и культуры Шаньдунского университета (Цзинань, Китай), e-mail: kuxyz1111@qq.com.

Tam Hok Chiu – PhD in history, Lecturer at the Institute of History and Culture of Shandong University (Jinan, China).

идеологической борьбой периода Гоминьдана. Советский Союз оказывал значимую помощь китайскому народу в наиболее тяжелый период войны с японскими захватчиками – с конца 1937 до середины 1941 г. Несмотря на это Чан Кайши расценивал северного соседа как более опасного врага и в идеологической, и во внешнеполитической сфере, обращая особое внимание на проблему суверенитета Монгольской народной республики (МНР). В своей книге «Советская Россия в Китае» он подверг резкой критике попытки СССР оказать идеологическое воздействие на Китай и другие страны. По его мнению, в 1937–1939 гг. «дружба» с СССР обернулась его стремлением к «законному захвату чужой территории» («бывшей территории “Китая” при маньчжурской оккупационной власти под названием “династии Мань-Цин”», включая Северо-Восточную и Западную части Китая, «Внешнюю Монголию» и т.д.). В частности, в изданной в 1938 г. в Ханькоу книге «Наша Внешняя Монголия» утверждалось, что территория МНР издревле являлась частью Китая, а ее «незаконная независимость» оказалась достигнута лишь с помощью СССР и благодаря его великодержавной экспансии в период Китайско-японской войны [23, с. 45–53].

Чан Кайши также обвинял Советский Союз в стремлении установить политический контроль над Китаем и использовании разногласий между ним и Японией в своих целях. Кроме того, он расценивал отчетный доклад И.В. Сталина на XVIII съезде ВКП(б) о работе ЦК партии 10 марта 1939 г. [10] не только как символизировавший о смене курса советской внешней политики с «единого фронта борьбы с фашизмом» на «самозащиту», но и как сигнал к сближению с нацистской Германией, считая что советский лидер подстрекал Гитлера к захвату Чехословакии [11, p. 152–173; 35, с. 42–44, 52–54].

Китайский исследователь Лу Сичжюнь доказал, что Чан Кайши, говоря о внешней политике СССР в европейских делах, видел в советско-германском пакте угрозу как общей международной обстановке, так и ситуации на Востоке. Китайский лидер полагал, что начало большой войны в Европе приведет к сворачиванию военно-экономической помощи его режиму со стороны Запада и СССР и предоставит Японии возможность для концентрации больших сил против Гоминьдана [22, с. 90–93].

Противники правительства Чан Кайши в лице китайской компартии (КПК) и революционных сил занимали противоположную позицию. Их лидер Мао Цзэдун в 1938–1939 гг. полностью поддерживал и высоко оценивал внешнюю политику Сталина как в европейских, так и в дальневосточных делах. По его мнению, СССР выступал не только надежным и верным союзником китайского народа в борьбе с японскими захватчиками, но и самым твердым защитником мира против фашистской агрессии в отличие

от Англии, Франции и США с их политикой «умиротворения». Раздел Чехословакии выявил суть политики западных держав – «во имя обеспечения мира» «попустительство» и «подстрекательство» Гитлера к свободному вторжению в чужие страны и движению на Восток (т.е. против СССР).

Мао Цзэдун считал, что заключение советско-германского пакта, будучи мудрым решением Сталина и советского правительства, сорвало планы капиталистических стран изолировать СССР и подтолкнуть его к войне с Германией и Японией. Этот ход позволил выиграть время для перевооружения и подготовки к борьбе с империалистическими и фашистскими силами. Это в конечном счете сыграло на руку и Китаю в его антияпонской борьбе, в особенности китайскому революционному движению [4, с. 31–39, 53–64]. Бывший военный корреспондент, министр иностранных дел КНР Цяо Гуаньхуа в сборнике статей «От Мюнхена до Дюнкерка – о ходе образования, развития, изменения Второй европейской войны» поддержал точку зрения Мао Цзэдуна [34, с. 2–3, 34–84].

После победы Народно-освободительной армии Китая в Гражданской войне и создания КНР взгляды, защищавшие позицию и роль СССР (включая последовавшие за заключением советско-германского пакта события, вроде присоединения Прибалтики, Бессарабии и других территорий к СССР), в целом стали официальными. В период культурной революции китайские ученые в своих исследованиях активно использовали опубликованный советским МИДом и переведенный на китайский язык двухтомник «Документы и материалы кануна Второй мировой войны» [2; 3]. Так, известный историк Хуа Ган в книге «История дипломатии СССР» (1950) изложил основные этапы и события внешней политики СССР с октября 1917 г. до середины XX в. По его мнению, Советский Союз на протяжении всего периода стойко держался миролюбивого курса даже в условиях агрессии стран Оси и империалистических держав Запада. Позиция Сталина и В.М. Молотова учитывала на только интересы государственного строя и народов СССР, но и была направлена на укрепление мира, даже на фоне Мюнхенского сговора [30, с. 217–350].

Схожих взглядов придерживались и другие китайские исследователи: Ву Икан, Ше Юй, Чжэн Синь, Хе Яохуа, Сы Му, Сюй Тяньсинь и Го Хуажун [18, с. 66–72; 19; 21; 24; 29; 37; 38; и др.]. В целом поддерживая СССР в его сложной и одновременной борьбе с западными державами (Великобританией, Францией и США), фашистскими странами (Германией, Японией, Италией), а также с антисоветскими националистическими странами-экстремистами (Польшей, Румынией, Финляндией и др.), историки главным образом критиковали политику «умиротворения», приведшую к появлению очагов войны, обману народов, попранию международного права и поряд-

ка. Анализируя международное положение накануне войны, вслед за советскими и восточноевропейскими историками они обосновывали тезис о том, что стратегия и тактика Великобритании, Франции и США сводились к столкновению СССР и Германии: желая оказаться в числе сторонних наблюдателей за «дракой между тиграми», они ожидали краха и распада Советского Союза.

После смерти Мао Цзэдуна с началом политики «реформ и открытости» в 1978 г. и усилением вестернизации все больше распространялись антироссийские настроения, что повлияло и на оценку роли СССР в борьбе с Западом накануне войны. Критика Сталина и политики Советского Союза постепенно приобретала «официальный тон», становясь новой популярной идеологией и «правильным» общественным мышлением. Особое развитие она нашла в трудах историков-ревизионистов, получивших образование на Западе. Эти исследователи обращали основное внимание на события последних месяцев перед началом Второй мировой войны, игнорируя продолжительную дипломатическую борьбу СССР с Германией, англо-французской коалицией, США и др.

Наиболее радикальных взглядов придерживались Ван Сыдэ, Хуан Цзяцюань, Кан Чуньлинь, Чжан Шэнфа и др. [17; 20; 27; 31; 36; 39; 40]. В публикациях этих исследователей СССР представал как «предатель» своих потенциальных антигитлеровских союзников, не желавший договариваться с Англией и Францией, как «оппортунист», изменивший дипломатический курс на сближение с Германией с целью «защиты одного советского государства», добивавшийся «права транзита» войск через территорию Польши и Румынии во время переговоров в августе 1939 г. Историки-ревизионисты сходились во мнении, что переговоры с Западом для СССР служили прикрытием истинной цели внешней политики – реализации его великодержавных амбиций, что нашло отражение в пакте Молотова – Риббентропа.

Ревизионистские взгляды до сих пор являются преобладающими, хотя их аргументация лежит в русле антисоветской позиции Чан Кайши. Это дает основание задуматься над тем, что официальная точка зрения периода Гоминьдана не просто сохранилась, но и смогла выйти на ведущие позиции в современной китайской историографии. В связи с этим на втором плане остаются более-менее нейтральные исследования китайских и китайско-тайваньских историков (Ван Ци [16], Цянь Чэндана [33] и др.), которые, не отрицая «эгоистических» целей СССР, все же признают просчеты в политике «умиротворения» и пытаются найти оправдание действиям правительств западных держав. Еще менее слышны аргументы историков, сохраняющих пророссийские взгляды, таких как У Эньюань, Сюй Тяньсинь, Ци Шижун [25, с. 352–353; 26; 28, с. 132–173; 32, с. 180–196].

Следует отметить, что фундаментом исследований китайских историков-ревизионистов служит не документальный материал, а появившиеся в период холодной войны концепции западных ученых (Ч. Моуэта, У. Рока и др. [12, p. 17–32; 13, p. 639–642; 14]), которые уделяли внимание преимущественно «тайному сближению» СССР и Германии, полностью игнорируя как борьбу СССР за укрепление системы коллективной безопасности, так и явно антисоветские шаги стран Запада, особенно во время переговоров. Современные китайские историки, не предпринимая самостоятельный поиск и анализ исторических источников, зачастую только копируют и повторяют распространенные в западной историографии идеи и тезисы, несостоятельность которых обнаруживается при сопоставлении с фундаментальными публикациями российских ученых[1]. И хотя в той же англо-американской историографии присутствуют исследования, отражающие более объективный подход и не содержащие ошибочных и откровенно ложных утверждений [7, с. 287–289; 8; 15, p. 264–278], они не пользуются популярностью в Китае.

Таким образом, эволюция взглядов китайских историков на советскую внешнюю политику 1938–1939 гг. – от просоветских к антисоветским – тесно связана как с внутриполитическим развитием Китая, так и с геополитикой. Возрождение антирусских настроений эпохи Гоминьдана стало возможным на фоне отказа от идеологической модели Мао Цзэдуна и перехода к реформам Дэн Сяопиня в 1978 г. Политика открытости и культурная вестернизация Китая привели к популярности идей историков-ревизионистов, впитавших «национальную» доктрину Чан Кайши. Копируя в своих трудах теории и методологию западных исследователей, боровшихся на фронтах холодной войны, они обвиняют СССР в предательстве западных союзников и великодержавном шовинизме. Несмотря на то, что сегодня и в российской, и в англо-американской историографии имеются основательные труды, предлагающие более взвешенный и объективный подход к анализу внешней политики накануне Второй мировой войны, в Китае по сей день господствует ревизионистский взгляд.

Список источников и литературы

1. *Волков Ф.Д.* Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит, М.: Мысль, 1980. 462 с.

2. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 1: Из архива МИД Германии (ноябрь 1937–1938 гг.). М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1948. 368 с.

3. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 2: Архив Дирксена (1938–1939 гг.). М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1948. 287 с.

[1] См., например, работы Ф.Д. Волкова, А.Б. Мартиросяна, М.И. Мельтюхова, В.Я. Сиполса [1; 5; 6; 9; и др.].

4. *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. 3: Период войны против японских захватчиков. М.: Иностранной литературы, 1953. 448 с.

5. *Мартиросян А.Б.* Накануне 23 августа 1939 г. М.: Вече, 2009. 317 с.

6. *Мельтюхов М.И.* Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939 гг.). М.: Алгоритм, 2015. 618 с.

7. *Мосли Л.* Утраченное время. Как начиналась Вторая мировая война / пер. с англ. Е.М. Федотова. М.: Воениздат, 1972. 375 с.

8. *Ротштейн Э.* Мюнхенский сговор / пер. с англ. С.И. Аллилуевой, В.В. Исакович и Г.И. Герасимова. М.: Иностранная литература, 1959. 423 с.

9. *Сиполс В.Я.* Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М.: Международные отношения, 1989. 335 с.

10. *Сталин И.В.* Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) 10 марта 1939 г. М.: Госполитиздат, 1952. 168 с.

11. *Crozier B.* The man who lost China: The First full biography of Chiang Kai-shek. Beijing: International Cultural Publishing Ltd., 2009. P. 157–173 // [美国] 克罗泽：《蒋介石传》，封长虹译，北京：国际文化出版公司，2009。

12. *Fuller J.F.C.* The Second World war 1939–1945. A strategical and tactical history. Kent: Eyre and Spottiswoode Ltd., 1948. 431 p.

13. *Mowat C.* Britain between the wars, 1918–1940. L.: Methuen, 1955. 694 p.

14. *Rock W.R.* British appeasement in the 1930's. L.: Edward Arnold (Publishers) Ltd., 1977. 111 p.

15. *Taylor A.J.P.* The origins of the Second World war. N.Y.: Penguin Books, 1964. 357 p.

16. 王琪：〈张伯伦首相时代英国姑息政策之根源探讨〉// 《国立成功大学历史学报》，1988年03期第14号，第79－209页。(*Ван Ци.* Об истоках политики «умиротворения» при премьер-министре Чемберлене // Вестник Национального университета Чэнг-Кунг. 1988. № 3-14. С. 79–209).

17. 王斯德、陈兼：〈中国抗日战争与世界主要大国的战略演变〉 // 《社会科学战线》，1985年03期，第155－165页。(*Ван Сыдэ, Чень Цзен.* Китайская антияпонская война и стратегические маневры главных мировых держав // Фронт социальных наук. 1985. № 3. С. 155–165).

18. 伍贻康：〈美国“中立”法的帝国主义本质〉// 《历史教学》，1961年01期，第66－72页。(*Ву Икан.* Суть империализма США в «нейтральном законе» // Преподавание истории. 1961. № 1. С. 66–72).

19. 伍贻康：〈美帝国主义与慕尼黑阴谋〉 // 《历史教学》，1963年02期，第24－29页。(*Ву Икан.* Империализм США и Мюнхенский сговор // Преподавание истории. 1963. № 2. С. 24–29).

20. 康春林：〈论二战爆发前苏军西进过境的问题〉//《史学集刊》，2003年02期，第57－64、112页。(*Кан Чуньлинь.* О продвижении советских войск на запад накануне Второй мировой войны // Исторический журнал. 2003. № 2. С. 57–64, 112).

21. 《简明世界史——现代部分》，北京大学历史系简明世界史编写组编撰，北京：人民出版社，1974，第214－225页。(Краткая история мира (новейшая эра) / под ред. Исторического факультета Пекинского университета. Пекин: Жэньминь (Народ), 1974. С. 214–225).

22. 鹿锡俊：〈蒋介石对《苏德互不侵犯条约》的反应〉 // 《近代史研究》2011年第3期，第90－103页。(*Лу Сичжюнь.* Как Чан Кайши отреагировал на пакт о ненападении между СССР и Германией // Изучение новейшей истории. 2011. № 3. С. 90–103).

23. 《我们的外蒙古》，汉口：独立出版社，1938 (民国28年) (Наша Внешняя Монголия. Ханькоу: Изд. Дули (Независимости), 1938. 58 с.).

24. 思慕：〈拆穿“缓和”的西洋镜〉 // 《世界知识》，1978年01期，第16－20页。(*Сы Му.* Суть политики «умиротворения» // Знания мира. 1978. № 1. С. 16–20).

25. 徐天新：《斯大林模式的形成: 苏联史(第4卷)》，北京：人民出版社，2013，第348－375页。 (*Сюй Тяньсинь.* История СССР. Т. 4. Пекин: Жэньминь (Народ), 2013. С. 348–375).

26. 徐天新：〈平等、强国的追求与苏联的历史发展〉 // 《史学理论研究》，2005年02期，第126－131页。(*Сюй Тяньсинь.* Историческое развитие СССР и стремление к равноправию и сверхдержаве // Изучение исторических теорий. 2005. № 2. С. 126–131).

27. 徐炽庆：〈从列宁的对外政策评《苏德互不侵犯条约》〉 // 《江西师范大学学报》，1984年04期，第47－54页。(*Сюй Чжыцин.* О пакте о ненападении между СССР и Германией с точки зрения теории внешней политики Ленина // Вестник Педагогического университета Цзянси. 1984. № 4. С. 47–54).

28. 吴恩远：《苏联史论》，北京：人民出版社，2007。(*У Эньюань.* Изучение истории СССР. Пекин: Жэньминь (Народ), 2007. 395 с.).

29. 何耀华：〈评二三十年代的西方绥靖主义〉// 《吉林大学社会科学学报》，1978年03期，第69－76页。(*Хе Яохуа.* Краткий обзор идеи «умиротворения» западных держав в 1920–1930 гг. // Вестник социальных наук Университета Гирина. 1978. № 3. С. 69–76).

30. 华岗：《苏联外交史》，上海：海燕书店，1950。(*Хуа Ган.* История дипломатии СССР. Шанхай: Хайянь (Буревестник), 1950. 465 с.).

31. 黄家泉：〈从过境权问题看1939年英法苏谈判失败的原因〉 // 《郑州大学学报》，1987年04期，第57－64页。(*Хуан Цзяцюань.* Транзит Красной Армии и причины провала англо-франко-советских переговоров // Вестник Университета Чжэнчжоу. 1987. № 4. С. 57–64).

32. 齐世荣等：《绥靖政策研究》，北京：首都师范大学出版社，1998。 (Изучение политики «умиротворения» / Ци Шижун и др. Пекин: Изд. Столичного педагогического университета, 1998. 431 с.).

33. 钱乘旦、许洁明：《英国通史》，上海：上海社会科学院出版社，2002，第330－332页。(*Цянь Чэндан, Сюй Цземинь.* История Англии. Шанхай: Изд. Шанхайской академии социальных наук, 2002. С. 330–332).

34. 乔冠华：《从慕尼黑到敦刻尔克——关于第二次欧战的形成、发展和演变》，北京： 世界知识出版社，1984。(*Цяо Гуаньхуа.* От Мюнхена до Дюнкерка: о ходе образования, развития, изменения Второй европейской войны. Пекин: Изд. Мировые знания, 1984. 236 с.).

35. 蒋介石：《苏俄在中国——中国与俄共三十年经历纪要》，台北，2014。(*Чан Кайши.* Советская Россия в Китае: 30-летние отношения между Китаем и ВКП (б). Тайбэй, 2014. 221 с.).

36. 张盛发：〈20世纪30年代苏联从集体安全到一国自保的历史考察〉 // 《俄罗斯学刊》，2015年04期，第7－33页。(*Чжан Шэнфа.* От коллективной безопасности до за-

щиты одного государства: история политики СССР в 1930-е гг. // Изучение России. 2015. № 4. С. 7–33).

37. 郑析：〈张伯伦是怎样搬起石头打自己脚的？〉 // 《郑州大学学报(哲学社会科学版)》，1975年04期，第85－89页。(*Чжэн Синь*. Как политика Чемберлена получила себе наказание? // Вестник Университета Чжэнчжоу (философские и социальные науки). 1975. № 4. С. 85–89).

38. 学裕：〈何谓慕尼黑阴谋〉// 《世界知识》，1966年05期，第25页。(*Ше Юй*. Что такое Мюнхенский сговор? // Знания мира. 1966. № 5. С. 25).

39. 杨永锋：〈从过境权问题看三国谈判失败的苏联因素〉，《和田师范专科学校学报》，2006年02期，第51－52页。(*Ян Жонфэн*. Проблема «транзита войск» как причина неудачных переговоров между Англией, Францией и СССР // Вестник Педагогического колледжа Хэтянь. 2006. № 2. С. 51–52).

40. 姚红艳：〈《苏德互不侵犯条约》再评价〉 // 《徐州教育学院学报》，2006年01期，第69－71页。(*Яо Хонянь*. Пересмотр пакта о ненападении между СССР и Германией // Вестник Колледжа воспитания Сюйчжоу. 2006. № 1. С. 69–71).

УДК 9.908

А.М. Третьяков[1]

Экономическое положение Архангельска в годы Советско-финляндской войны (1939–1940 гг.)

Аннотация. В статье на основе документальных материалов изучается экономическое положение г. Архангельска во время Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Основа статьи – неопубликованные дела Государственного архива Архангельской области, из которых вычленяются причины экономических проблем, попытки их решения, а также выясняется, были эти попытки успешными или нет. Актуальность исследования видится в изучении проблем мобилизации экономики прифронтовых городов для военных нужд. Отмечены проблемы с кадрами, финансированием, дисциплиной работников, а также выявлено, как эти проблемы решались на примере одного отдельно взятого города. Эти проблемы требовалось решать оперативно, из трудностей во время маленькой войны нужно было сделать выводы о возможных действиях во время большой войны.
Ключевые слова: Советско-финляндская война; Архангельск; экономика; проблема; исторический источник.

The economic problems of the city of Arkhangelsk during the Soviet-Finnish War (1939–1940)

Abstract. The article studies the economic problems of the city of Arkhangelsk during the Soviet-Finnish War, based on documentary materials. The unpublished files of the State Archive of the Arkhangelsk Region became the basis of the article. They contain the reasons for economic problems, attempts to solve them, and whether these attempts were successful or unsuccessful. The relevance of the article is presented in the study of the problems of mobilizing the economy of frontline cities for military needs. As a result, the article talks about problems with personnel, financing, discipline of employees, and also reveals how these problems were solved on the example of one individual city. These problems needed to be solved promptly, using the example of problems during a small war, a plan of action during a big war was needed.
Keywords: Soviet-Finnish war; Arkhangelsk; economy; problem; source.

Начало Второй мировой войны с последовавшими военными действиями на территории Карелии, Финляндии и Норвегии определило место Архан-

[1] **Антон Михайлович Третьяков** – студент Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации, Северный Арктический Федеральный университет им. М.В. Ломоносова (Архангельск, Россия), e-mail: antret2109@gmail.com.
Anton M. Tretyakov – Student of the Higher School of Social Sciences and Humanities and International Communication, Northern Arctic Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia).

гельска как города-порта ближнего тыла Северо-Западного фронта. Однако его ключевое стратегическое значение обозначила Советско-финляндская война 1939–1940 гг. Именно с этого времени практически во всех сферах жизни города (политической, социально-экономической, культурной) развивались процессы милитаризации [13, с. 341–342]. Изучение экономического положения Архангельска, в особенности изменений, связанных с начавшейся войной, представляется весьма актуальной проблемой. Интерес к теме подогревает то, что город был прифронтовым, он находился по соседству с Ленинградской областью и Карельской АССР, в которых шли боевые действия. В связи с этим уже в 1939 г. ужесточились требования к въезду в него [13, с. 341–342]. Близость к фронту требовала мобилизации всех ресурсов, что актуализирует изучение экономического потенциала города в годы войны.

К проблеме мобилизации экономики обращались многие ученые. А.Ю. Ермолов отмечает, что некоторые историки привыкли видеть в советской системе только «жесткую вертикаль власти с четким исполнением идущих сверху приказов» [9, с. 390]. Изучая экономику СССР предвоенного периода, многие исследователи обращались ко временам первых пятилеток и задавались вопросом, мог бы СССР в условиях НЭПа провести мобилизацию и создать сильную военную промышленность или нет. Чаще всего ответ на этот вопрос давался отрицательный [11]. Говоря о развитии экономики в регионах, стоит отметить диссертацию С.Г. Веригина о Карелии в годы Второй мировой войны, в которой уделяется внимание экономике региона в годы Советско-финляндской войны [2]. Повседневности Архангельска 1929–1945 гг. посвящено исследование Е.В. Хатанзейской, в котором мобилизационный опыт 1939–1940 гг. затронут лишь отчасти. В целом заявленная проблематика по сей день остается малоизученной.

В основе источниковой базы моего исследования неопубликованные документальные материалы, выявленные в Отделе документов социально-политической истории Государственного архива Архангельской области (ГА АО ОДСПИ). В основном это делопроизводственные материалы (записки, письма, протоколы собраний партийных ячеек, отчеты и т.п.), которые позволяют выявить проблемы экономического развития Архангельска, а также увидеть, какие меры предпринимались для их решения. Кроме того, в ходе исследования обращено внимание на источники личного происхождения. Это, прежде всего, воспоминания Н.А. Пунанова, на момент войны – студента Историко-филологического факультета Архангельского государственного педагогического института. В них нашли отражение реалии экономической жизни того времени и их восприятие населением.

Анализируя экономическое развитие Архангельска в 1939–1940 гг., необходимо учитывать внешнеполитическую обстановку. В начале 1939 г.

СССР выступал сторонником создания системы коллективной безопасности с Великобританией, Францией и Польшей на случай развития германской агрессии. Однако Великобритания и Франция затягивали процесс переговоров, из-за чего Советскому Союзу пришлось пойти на сближение с Германией. 23 августа две страны подписали пакт о ненападении. К нему прилагался секретный протокол, согласно которому СССР имел свободу действий по отношению к своим западным соседям, включая Финляндию.

В условиях начавшейся 1 сентября 1939 г. мировой войны советскому правительству пришлось озаботиться укреплением северо-западных рубежей страны. В октябре в Ленинградский военный округ стали перебрасывать дивизии из внутренних округов на усиление группировки, располагавшейся в Карелии, в районе Карельского перешейка и на Крайнем Севере. Финское правительство не могло не отреагировать на эти приготовления и приняло меры по повышению боеготовности своих вооруженных сил: 6 октября был отдан приказ о развертывании войск на границе с СССР и об укреплении группировки на Карельском перешейке; начался призыв резервистов, создана Ставка главного командования вооруженных сил и введен ряд чрезвычайных законов.

Несмотря на развертывание войск, между двумя странами велись переговоры по поводу аренды о. Ханко и обмена территориями (СССР предлагал часть Карелии в обмен на Карельский перешеек). Финляндия отказывалась принять предложения советского правительства. 26 ноября 1939 г. произошел «Майнильский инцидент» – артиллерийский обстрел советской погранзаставы, в котором СССР обвинил Финляндию. Это стало поводом для вторжения, начавшегося 30 ноября. Великобритания и Франция готовили план военной помощи Финляндии, однако Норвегия и Швеция выступили против пропуска войск через свои территории [1, с. 28–42]. Советский Союз был объявлен агрессором (14 декабря 1939 г. исключен из Лиги Наций) и оказался в дипломатической изоляции.

Начавшиеся военные действия наложили отпечаток на экономическое развитие близлежащих к линии фронта территорий. В ГА АО отложилось обращение секретаря Архангельского обкома ВКП(б) Афанасова к секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову, в котором подчеркивались важность города и его высокие производственные показатели. При этом отмечалось, что по численности населения, размерам промышленности, объему грузооборота Архангельск хотя и занимал первое место на Европейском Севере, но испытывал недостаток ресурсов. Афанасов просил удовлетворить ходатайство о выделении средств на строительство железнодорожного моста через р. Северная Двина, о чем город многократно просил на протяжении 1930-х гг. Без моста железнодорожная магистраль не доходила до центра

города и промышленных районов, что затрудняло поставку леса и других ресурсов [5, л. 89–92].

Кроме того, требовалось завершить строительство моста через р. Кузнечиха, соединявшего центральную часть города с промышленными районами, где располагалось множество объектов союзного подчинения: 12 лесопильных заводов, вырабатывавших 61 % всей продукции лесной индустрии города, сульфат-целлюлозный завод, 6-е строительство, судоремонтный завод, машиностроительный завод треста «Лесосудомашстрой», судоремонтные мастерские торгового порта, механические мастерские Севлесосплава и т.д. Работы по возведению моста планировалось завершить еще в 1935 г., но затем срок отодвинули до 1 июля 1940 г. и, как следует из документов, хотели перенести еще раз. На 1 января 1940 г. были возведены все опоры и быки моста, подходы левого берега, а также произведена подготовка к монтажу. Однако на площадке еще не имелось пролетного строения, изготовление его береговых частей шло крайне медленно, а к возведению средних пролетных частей даже не приступили. Причинами замедления работ стали отказ Дебальцевского завода от заказа по металлу и недофинансирование моста (вместо требуемых 6 млн руб. выделили только 500 тыс.) [5, л. 5–8].

Еще одна проблема тех лет – неполный охват промышленных районов и центра города телефонной связью и ее неудовлетворительное состояние (прежде всего, проводов, связывавших районы города, которые пролегали по дну рек). Здесь тоже сказывался недостаток финансирования со стороны союзного центра [5, л. 103–105]. А ведь такое положение затрудняло сообщение между предприятиями и замедляло их взаимодействие.

Но самые большие трудности вызывала нехватка кадров, в особенности квалифицированных. Ее можно проследить на примере Севморфлота. За 1939 г. в организацию прибыло 8 инженеров, а убыло 13, техников – 19 и 11 соответственно. Убытие сотрудников отчасти было связано с переводом в другие организации, призывом в РККА, увольнениями за нарушение трудовой дисциплины и пьянством, однако большинство покидало предприятия по собственному желанию из-за плохих условий проживания. Жилье инженерно-технического персонала было очень некомфортным, семья из 4 человек могла жить в комнате размером 15 м^2. Стоит также отметить недисциплинированность командируемых на Севморфлот работников. Некоторые из них, прибыв на рабочее место по назначению, не спешили приступить к своим обязанностям и вскоре увольнялись, мотивируя это отсутствием жилплощади. Кроме того, начальство и коллектив Севморфлота недоброжелательно относились к молодым специалистам. Их обвиняли в критике руководства, клевете, исключали из кандидатов в члены ВКП(б).

Эту проблему впоследствии удалось решить благодаря вмешательству политотдела. Также на предприятии не поощрялись работники, показывавшие хорошие результаты труда, а любая провинность влекла за собой взыскания и штрафы [6, л. 8–10].

Многие нарушения, выявляемые на предприятиях, были связаны с плохим руководством, что можно проиллюстрировать на примере порта «Экономия». В результате обследования предприятия обнаружилось, что из-за диспетчеров звенья часто находились в простое и из-за постоянных перебросок с одного участка на другой теряли драгоценное время. Начальство не выдавало наряды, контроль над производством был весьма слабый, при выдаче заработной платы царила неразбериха (так, грузчикам выдавалось то слишком много денег, то слишком мало). Все это влекло нарушения трудовой дисциплины. Только в феврале 1940 г. из штата порта по этой статье уволили 19 человек [7, л. 10]. Кроме того, не обеспечивался должный ремонт тралового флота [8, л. 15], что могло привести к катастрофическим последствиям.

С осени 1939 г. стало ухудшаться снабжение горожан продуктами питания и промтоварами. Согласно документам, свою роль в этом сыграл целый ряд факторов: безответственное отношение руководителей различных продуктовых и промышленных трестов, слабый контроль за этими организациями со стороны областного отдела торговли, неиспользование ресурсов области в обеспечении города, неспособность организовать децентрализованные заготовки и самозакупки товаров. Чтобы исправить ситуацию, руководителей организаций обязали наладить поставки продукции в город, некоторых сместили с должностей [3, л. 153–156]. В ноябре 1939 г. оказались сорваны планы хлебозаготовок, что привело к очередным дисциплинарным мерам в отношении ответственных лиц [4, л. 61–62]. Однако и это не помогло. Как свидетельствуют источники, во время Советско-финляндской войны снабжение города еще более ухудшилось. По воспоминаниям Пунанова, наблюдались перебои с мясом, маслом, сахаром, колбасой, появились очереди за хлебом [11, с. 8–9].

Следует также отметить, что помимо мер взыскания и персональной ответственности предпринимались попытки мотивировать работников, в том числе вовлечь в социалистическое соревнование. В качестве меры поощрения было разработано положение о премировании за каждый процент перевыполнения месячного плана, а за каждый дополнительный процент полагался 1 % надбавки к заработанной плате [6, л. 13]. Согласно официальным отчетам, на транспортном флоте к соцсоревнованию относились ответственно не только начальники предприятий, но и рабочие, что приводило к росту производительности от 10 до 50 %.

Подводя итоги, следует отметить, что на экономическом развитии Архангельска в 1939–1940 гг. сказывались недостаток финансирования, неразвитость телефонной связи и инфраструктуры, нехватка кадров, слабый контроль из центра, плохое снабжение и неудовлетворительные социально-бытовые условия труда, которые едва ли могли компенсировать доплатами за перевыполнение плана. Проанализированные в статье материалы не позволяют увидеть, насколько сильно близость к фронту сказалась на экономическом положении города. Представляется, что эта проблематика требует дальнейшего исследования, в том числе с учетом изменений, произошедших в связи с началом более тяжелой войны – Великой Отечественной.

Список источников и литературы

1. *Барышников Н.И.* Советско-финляндская война 1939–1940 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 4. С. 28–42.

2. *Веригин С.Г.* Карелия в годы Второй мировой войны: политические и социально-экономические процессы: 1939–1945 гг.: автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2012. 59 с.

3. Государственный архив Архангельской области (ГА АО ОДСПИ). Ф. 296. Оп. 1. Д. 499.

4. ГА АО ОДСПИ. Ф. 296. Оп.1. Д. 504.

5. ГА АО ОДСПИ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 660.

6. ГА АО ОДСПИ. Ф. 1302. Оп. 1. Д. 5.

7. ГА АО ОДСПИ. Ф. 1302. Оп. 1. Д. 7.

8. ГА АО ОДСПИ. Ф. 4424. Оп. 1. Д. 5.

9. *Ермолов А.Ю.* За фасадом сверхцентрализации: влияние борьбы ведомств на конверсию и реконверсию в СССР в середине 1940-х гг. // Экономическая история. Ежегодник. 2014. М.: РОССПЭН, 2015. С. 390–402.

10. *Есиков С.А.* Российская деревня в годы НЭПа: к вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М.: РОССПЭН, 2010. 246 с.

11. *Пунанов Н.А.* В Архангельске перед войной. Северодвинск: [Б.и.], 2004. 20 с.

12. *Хатанзейская Е.В.* Советский город в экстремальной повседневности: Архангельск в эпоху индустриализации и Второй мировой войны 1929–1945 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2021. 311 с.

13. *Хатанзейская Е.В.* Архангельск в 1939–1945 гг.: милитаризация управленческих практик и городская повседневность военного времени // Historia Provinciae – Журнал региональной истории. 2020. Т. 4. № 2. С. 340–391.

УДК 930 (47) «1941/1945»

Ф.В. Копылов[1]

Организация эвакуации и реэвакуации раненых военнослужащих в/через систему РЭП-95 в период Великой Отечественной войны

Аннотация. В статье представлен аналитический обзор эвакуации и реэвакуации военнослужащих в системе распределительного эвакопункта № 95 в период Великой Отечественной войны в / через Вологодскую область. Автор выделяет ряд этапов в организации транспортировки раненых и выздоровевших солдат и офицеров. Переход от одного этапа к другому обусловливался изменением военной ситуации и принятием тех или иных управленческих решений. В 1941 – начале 1942 г. ситуация на северо-западных фронтах отличалась нестабильностью, линия фронта часто сдвигалась. Затем удалось организовать постоянный эвакуационный маршрут с использованием «Дороги жизни». Осенью 1942 г. функционал РЭП-95 изменился – основные усилия сосредоточились на лечебно-санитарной поддержке операций по освобождению Ленинграда, реэвакуации военнослужащих из глубокого тыла, помощи в эвакуации с других фронтов. За время войны успешно перевезли более 1,5 млн человек, из них 33,6 % прошли лечение в госпиталях Вологодской области.

Ключевые слова: военный госпиталь; Великая Отечественная война; эвакуация; реэвакуация; раненые военнослужащие.

Organization of evacuation and re-evacuation of wounded soldiers to / through the REP-95 system during the Great Patriotic War

Abstract. The article presents an analytical review of the evacuation and re-evacuation of military personnel in the system of Distribution evacuation station No. 95 during the Great Patriotic War to / through the Vologda region. The author identifies a number of stages in organizing the transportation of wounded and recovered soldiers and officers. The transition from one stage to the next was due to a change in the military situation and the adoption of certain managerial decisions. In 1941 – early 1942, the situation on the northwestern fronts was unstable – the front line often shifted. Since 1942, it was possible to organize a permanent evacuation route using “Road of Life”. In the fall of 1942, the functionality of the REP-95 changed – the main efforts were focused on medical and sanitary support for operations to liberate Leningrad, the re-evacuation of military personnel from

[1] **Федор Вячеславович Копылов** – кандидат исторических наук, учитель истории Средней общеобразовательной школы № 19 (Череповец, Россия), e-mail: finden.bk@yandex.ru.
Fedor W. Kopylov – Candidate of Historical Sciences, teacher of history in the Secondary school number 19 (Cherepovets, Russia).

the deep rear and assistance in evacuation from other fronts. During the war, more than 1.5 million people were successfully transported, 33.6 % of them were treated in hospitals in the Vologda region.
Keywords: military hospital; The Great Patriotic War; evacuation; re-evacuation; wounded soldiers.

В период Великой Отечественной войны для организации эвакуации и размещения раненых солдат и офицеров Красной армии в госпиталях была создана разветвленная система эвакопунктов: местных (МЭП) и прифронтовых распределительных (РЭП). РЭП-95 осуществлял эвакуацию военнослужащих в / через Вологодскую область и ряд соседних регионов с ближайших Ленинградского, Карельского и Волховского фронтов. Эвакопункт являлся приемно-сортировочной базой для раненых, вел работу по обеспечению медицинским и санитарно-хозяйственным имуществом, кровью, укомплектованию кадрами воинских соединений [11, л. 6]. Важнейшая цель – скорейшее выздоровление военнослужащих и их возвращение в ряды РККА.

Проблема эвакуации военнослужащих с фронтов Великой Отечественной войны неоднократно рассматривалась исследователями. В первую очередь, стоит отметить диссертацию М.И. Тягура о военно-мобилизационных мероприятиях в Ленинградском регионе во время Советско-финляндской войны. Исследователь, в частности, рассмотрел генезис системы транспортировки и лечения военнослужащих, которая апробировалась в это время и стала широко применяться с 1941 г. [10]. В 1990–2000-е гг. появился ряд публикаций по истории эвакогоспиталей в прифронтовых регионах. Некоторые ученые подробно рассматривают организацию системы госпиталей и лечебные практики, но практически не затрагивают эвакуационные процессы [6; 8; 17; и др.]; другие уделяют этому аспекту значительное внимание. В.А. Томилов проанализировал эвакуационные процессы на материалах Среднего Поволжья, разделив их на шесть основных этапов в зависимости от изменения характера и интенсивности, что, в свою очередь, определялось ситуацией на фронтах [9]. Л.А. Астапова проследила процесс возникновения и функционирования системы эвакогоспиталей в Воронежской области – регионе, являвшемся в разные периоды войны как прифронтовым, так и фронтовым. В своей диссертации она провела детальный анализ работы групп медиков, состоявших в отдельных ротах медицинского усиления во время Воронежско-Ворошиловградской операции, когда бои шли на территории области [1].

Вопросы эвакуации военнослужащих на территорию Вологодской области исследованы В.Б. Конасовым [4; 5; и др.]. Он подробно изучил процесс эвакуации с Ленинградского, обзорно – с Волховского и Карельского фронтов в 1941–1943 гг. Исследователь привел учетные данные о количе-

стве военнослужащих, возвращенных в строй и погибших во время эвакуации. На основе рейсовых отчетов военно-санитарных поездов (ВСП) восстановил боевые эпизоды, акцентируя внимание на героических действиях медработников во время нападений противника. Его научные изыскания ограничились указанным хронологическим периодом – лишь в некоторых статьях дается краткое резюме об эвакуации в 1944–1945 гг. [4, с. 46].

Таким образом, на сегодняшний день затронутая тема изучена недостаточно. Важно понимать, что Вологодская область, расположенная по соседству с Ленинградом, с ее ресурсами и развитыми коммуникациями, в военные годы играла ключевую роль в приеме и обслуживании военнослужащих с северо-западных фронтов, а впоследствии принимала пациентов с удаленных центральных и прибалтийских фронтов. Цель данной работы – составить аналитический обзор осуществления эвакуационно-реэвакуационных процессов в системе РЭП-95 в / через Вологодскую область и определить их специфику. Задачи исследования: выделить важнейшие этапы эвакуации в 1941 – первой половине 1942 г. и рассмотреть ее ход в этот период; выявить экстремальные ситуации, возникавшие при организации эвакуационно-реэвакуационных процессов во второй половине 1942 – 1943 г. и проанализировать их; кратко рассмотреть ход эвакуации и реэвакуации в системе РЭП-95 в 1944–1945 гг.; на основе анализа учетных данных представить общую картину, отражающую масштабы эвакуационно-реэвакуационных процессов и потерь в процессе их проведения.

В ходе исследования основное внимание было обращено на два комплекса источников. Во-первых, это отчетная документация, составленная в РЭП-95 по итогам работы за определенный промежуток времени (отчеты, конъюнктурные обзоры). В документах «крупным планом» представлена картина организации эвакуационно-реэвакуационных процессов на разных этапах войны, определены основные сложности, указаны действия органов власти по их преодолению. Отчеты богаты учетными данными по масштабам перевозок. Во-вторых, материалы регионального уровня (акты обследования госпиталей, протоколы горисполкомов). Такие источники представляют «взгляд изнутри» на рассматриваемую проблему, в них отражены некоторые трудности, возникавшие на местах и скрытые от глаз составителей официальных отчетов.

***

Эвакуация и реэвакуация военнослужащих в военное время осуществлялась разными видами транспорта: железнодорожным (который применялся наиболее широко), водным, воздушным и автомобильным. Перевозка пациентов на короткие расстояния по железной дороге осуществлялась на «санитарных летучках», перевозка во фронтовые и тыловые районы – на временных и постоянных военно-санитарных поездах (ВВСП и ВСП),

оборудованных для оказания медпомощи. Эвакуация военнослужащих с Ленинградского фронта началась летом 1941 г. В зависимости от военной ситуации, климатических условий и других факторов менялись ее способы и маршруты движения.

Неоднократно предпринимались попытки периодизации эвакуационно-реэвакуационных процессов с северо-западных фронтов. В отчетах РЭП-95 применялась смешанная периодизация: эвакуация военнослужащих в 1941 – начале 1942 г. поделена на этапы в зависимости от ситуации на фронтах. В дальнейшем авторы отчетов придерживались хронологического принципа, выделяя одинаковые по продолжительности полугодовые этапы. Подобный подход используется и в исследованиях Конасова [5, с. 147]. На мой взгляд, этот период необходимо делить на этапы в зависимости от изменения ситуации на фронтах. Во второй половине 1942 – 1943 г. серьезное влияние на организацию движения военнослужащих оказывали экстремальные ситуации, причины и последствия которых я рассмотрю далее. После полного снятия блокады Ленинграда линия фронта постепенно отдалилась и военные действия уже не оказывали такого влияния на работу РЭП-95, поэтому применительно к этому периоду я считаю возможным придерживаться хронологического принципа.

На первом этапе, летом 1941 г., госпитали Ленинградского региона организованно эвакуировались по железной дороге в ближайший тыл на ВСП фронтового эвакопункта № 50. За июль-август в Вологодскую область вывезли девять эвакогоспиталей общей вместимостью 6300 коек [13, л. 1]. Летом в Череповец прибыли Сестрорецкий, Лужский и Пушкинский госпитали [16, л. 40]. Подготовка к их приему в регионе началась еще в феврале 1941 г. – составлялся список зданий, переселялись школы, начинались работы по переоборудованию помещений [16, л. 67]. В Вологодской области многие пациенты долечивались после фронтовых госпиталей. На данном этапе регион являлся тыловым. Ситуация изменилась после блокировки немцами станции Мга 29 августа.

На втором этапе, осенью 1941 г., предпринималась попытка организовать эвакуацию военнослужащих по Ладожскому озеру, однако из-за плохой подготовки и авианалетов противника она не удалась [14, л. 3]. В результате раненые оказались заблокированы в городе уже 2 сентября. 4 сентября последовало решение о переводе РЭП-95 из Тихвина в Вологду. Руководство РЭП-95 в течение войны меняло место своей дислокации несколько раз – Петрозаводск, Волховстрой, Тихвин, Вологда [5, с. 144]. Госпитали МЭП-19 перешли в распоряжение РЭП-95. В это же время были сформированы Карельский и Северо-Западный фронты, противник отрезал эвакуацию с Мурманского и Петрозаводского направлений на юг по Кировской дороге. Маршруты эвакуации в это время были следующие: «Период

войны от занятия противником ст. Мга до захвата Тихвина эвакуация велась из района Волховстроя и Лодейного поля (на юг) и далее в Вологду и глубокий тыл. Из Петрозаводской группы и Мурманского направления эвакуация велась через Беломорск, Обозерскую на Вологду» [14, л. 3].

9 ноября немцы заняли Тихвин, и начался третий, сложнейший этап эвакуации, продолжавшийся до 10 декабря. Для 54-й армии организовали «грунтовую» эвакуацию протяженностью 400–450 км. Около 800 пациентов из Ленинграда эвакуировали самолетами, был создан эвакоприемник в Подборовье на 500 человек. Линия фронта тем временем сдвигалась на восток и начался процесс эвакуации госпиталей из фронтовой зоны в Бабаево, Череповец, Вологду. Руководство РЭП-95 не разрешило массовую эвакуацию лечебных учреждений в глубокий тыл [14, л. 4]. В 1941 – начале 1942 г. линия фронта в западном и восточном направлении сдвигалась несколько раз, организовать эвакуацию в таких условиях оказалось крайне сложно.

В декабре Красная Армия освободила Тихвин. Начался четвертый этап эвакуации: разгружались армейские госпитали, отправлявшиеся вместе с армией на запад, открылась возможность эвакуации из Ленинграда по льду Ладожского озера. В то же время увеличился разрыв между армейскими учреждениями и госпитальной базой, возросла нагрузка на госпитальную сеть Вологодской области [14, л. 4–5]. Зимой 1941–1942 г. в регионе сложилась критическая ситуация – ресурсы по приему новых пациентов закончились, а их отправка по железной дороге в глубокий тыл оказалась затруднена из-за загруженности путей. Условия жизни раненых и эпидемиологическая обстановка ухудшались. Решение проблемы виделось в расширении госпитальной базы за счет уплотнения и освобождения зданий [15, л. 97].

На пятом этапе (январь – март 1942 г.) после некоторой стабилизации ситуации на фронтах организация эвакуации стала системной. Через Ладожское озеро пациентов на автотранспорте доставляли в Подборовье и Войкобало. Часть раненых прибывала на самолетах. В пунктах Волховстрой, Будогощь, Войкобало, Хвойная происходила погрузка в санитарные поезда для отправки в Тихвин, Бабаево, Череповец и Вологду. В пунктах приема работали сортировочные госпитали, где пациентов распределяли, часть на ВСП отправляли в глубокий тыл [13, л. 23].

На шестом этапе (апрель – июль 1942 г.) открылась навигация санитарных пароходов по Ладожскому озеру. В это же время начались внутренние передислокации пациентов на санитарно-транспортных судах: из Вытегры в Горицы, Кириллов, Белозерск и Череповец; из Вологды и Сокола в Шуйское и Тотьму [13, л. 28–29]. Открылись новые госпитали: весной 1942 г. в Белозерске [3, л. 10], в 1943 г. – два в Великом Устюге [2, л. 17]. Данные лечебные учреждения имели неустойчивые транспортные связи

с центром региона (особенно в зимний период) и недостаточное материальное обеспечение из-за ограниченности местных ресурсов [3, л. 7, 18 об.]. В 1944 г. госпитали передислоцировали в Вологду и Череповец [3, л. 24; 8].

Во второй половине 1942 – 1945 гг. периоды относительной стабильности в организации эвакуационно-реэвакуационных процессов сменялись экстремальными ситуациями, связанными с изменением характера военных действий, постановкой новых задач со стороны Главного военно-санитарного управления (ГВСУ). Росла нагрузка на госпитальную систему, требовалась организационная перестройка работы.

Первая подобная ситуация возникла осенью 1942 г., после того как госпитали Тихвина были переданы Волховскому фронту. Согласно новой схеме, санпоезда следовали через Тихвин без остановки до Череповца, где развернули группу сортировочных госпиталей и переоборудовали прирельсовый приемник на вокзале [13, л. 31]. Неприспособленным санлетучкам приходилось преодолевать значительные расстояния, что негативно отражалось на состоянии пациентов [13, л. 32]. На фронте тем временем развернулась Синявинская операция, в ходе которой эвакуировали 12 тыс. человек, многих – в тяжелом состоянии. В это же время начались первые реэвакуационные процессы – из тыла после лечения через систему РЭП-95 на фронт возвращались военнослужащие. Планировалась реэвакуация 10 тыс. человек (реэвакуировано 9 796). Такие масштабные перемещения людей привели к увеличению нагрузки на транспорт и снижению скорости движения поездов.

Следующая экстремальная ситуация (февраль 1943 г.) обусловливалась прорывом блокады Ленинграда, который привел к увеличению числа военнослужащих, нуждавшихся в оказании медпомощи. С весны изменилась схема эвакуации с фронта. В марте открылась железнодорожная линия по маршруту Шлиссельбург – левый берег реки Невы – южный берег Ладожского озера – станция Жихарево. Несмотря на артобстрелы с мая эвакуация осуществлялась по этой линии постоянно – за первое полугодие вывезли более 9 тыс. человек [13, л. 33]. В это же время на систему РЭП-95 легла дополнительная нагрузка: увеличилась эвакуация с Северо-Западного фронта (до 7 748 человек); с других трасс ВСП РЭП-95 за первое полугодие вывезли более 31 тыс. человек [13, л. 33]. Со второй половины 1943 г. значительно выросла доля эвакуационных перевозок по заданиям ГВСУ с южных и центральных фронтов. Только за сентябрь – декабрь 1943 г. перевезли 48 683 человека.

В ходе подготовки операции по окончательному снятию кольца блокады осенью 1943 г. ГВСУ приняло стратегическое решение: с конца сентября до начала ноября в местах погрузки с южных и центральных фронтов отбирать пациентов со сроками лечения не выше трех месяцев. После сорти-

ровки и короткого лечения в системе РЭП-95 предполагалось направлять их на Ленинградский фронт. Поставленная цель оказалась труднореализуемой. В отчете РЭП-95 отмечалось, что «с 23 сентября по 1 ноября поступило 56 поездов с 25 110 раненых и больных (лимит 15 000, данный ГВСУ, был перевыполнен на 150 %), но, вопреки указаниям ГВСУ, только 24 % из поступившего контингента оказались годными для направления в Ленинград (с отдельных фронтов количество носилочных достигало 54–63 %); остальное количество раненых задерживалось в системе РЭП-95, создавая чрезмерную загрузку госпитальной сети, достигавшую в октябре 118,8 % и в ноябре 125 %» [13, л. 35]. Власти попытались оперативно решить проблему, открыв для «тяжелых» пациентов эвакуационный путь в Архангельск. Однако из-за спецификации коек в этот пункт удалось вывезти чуть более 3 тыс. человек, наиболее тяжелые пациенты остались на лечение в системе РЭП-95. За это время в Ленинград реэвакуировалось 17 336 человек, на других трассах перевезли более 93 тыс. человек [13, л. 35–36].

В 1944 – первой половине 1945 г. структура эвакуационных перевозок изменилась. В ходе операции по снятию блокады с Ленинградского фронта вывезли 65 573 человека. В первой половине 1944 г. также завершилась реэвакуация в Ленинград и Пашу [13, л. 36]. Армия продвигалась на запад, Волховский фронт ликвидировали и госпитальная база РЭП-95 превратилась в тыловую. Так, во второй половине 1944 г. доля перевозок с удаленных трасс составляла 59 %, в первой половине 1945 г. – 78,5 % (большая часть – из Прибалтики) [13, л. 37].

За период войны на разных направлениях перевезли более 1,5 млн пациентов, из них более 500 тыс. (33,6 %) эвакуировали для лечения в систему РЭП-95. В 1941–1942 гг. в госпиталях Вологодской области лечилось 40–50 % раненых с ближайших фронтов. Наибольшее их число вывезли после открытия «дороги жизни». Значительными были масштабы эвакуации и реэвакуации во втором полугодии 1943 и первом полугодии 1944 г. С каждым полугодием росла доля перевозок «на сторонних трассах». Общие масштабы эвакуационно-реэвакуационных перевозок через систему РЭП-95 в 1941–1945 гг. представлены в приложении к настоящей статье.

При рассмотрении вопроса о потерях в процессе движения я опираюсь на данные об авариях из отчетов РЭП-95 за 1941–1943 гг. и весь военный период[1]. За время войны пострадало 142 санпоезда (из них 98 постоянных и 44 временных), погибло и ранено 835 человек. Самыми частыми причинами аварий являлись авианалеты и артобстрелы – 48,5 %. Значительное число аварий, связанных с налетами, произошло в 1941 и второй половине 1943 г. [12, л. 37]. Наиболее уязвимым для нападений противника являлся участок движения по маршруту Жихарево – Ленинград, открытый

[1] Не учитываются потери от ран, полученных на фронте.

в 1943 г. [13, л. 229–230]. Случаи нападений противника на ВСП и героических действий персонала поездов подробно разобраны в публикациях Конасова [5]. Точное соотношение убитых и раненых в общем числе потерь известно за 1941 – первое полугодие 1944 г.: убито 154 и ранено 564 человека. Наибольшее число смертей и ранений пришлось на 1941 г., значительное число ранений отмечено в первой половине 1943 г. [12, л. 38].

***

На организацию эвакуационно-реэвакуационных процессов, осуществлявшихся РЭП-95 в 1941–1945 гг., серьезно повлияли характер военных действий, географический и транспортный факторы. Организация эвакуации военнослужащих с Ленинградского фронта в 1941 – первой половине 1942 г. в постоянно меняющихся условиях потребовала принятия оперативных и нестандартных решений. Успешные действия Красной Армии в 1943–1944 гг. также способствовали созданию экстремальных ситуаций, требовавших грамотного руководства. Дополнительная нагрузка на систему ложилась в связи с организацией работы на удаленных фронтах.

Несмотря на возникшие трудности, система РЭП-95 выполняла важнейшие стратегические военные и гуманитарные задачи, спасла тысячи человеческих жизней. В организации эвакуации и реэвакуации военнослужащих много нюансов, требующих дальнейшего всестороннего изучения уже за рамками данной статьи.

Список источников и литературы

1. *Астапова Л.И.* Деятельность эвакогоспиталей по лечебно-эвакуационному обеспечению советских войск в годы Великой Отечественной войны (на материалах Воронежской области, июнь 1941 – декабрь 1943 гг.): дис. … канд. ист. наук. Воронеж, 2006. 271 л.

2. Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ). Ф. 2522. Оп. 6. Д. 66.

3. Государственный архив Вологодской области (ГА ВО). Ф. 1876. Оп. 1. Д. 77.

4. *Конасов В.Б.* Военно-санитарные поезда распределительного эвакопункта // Вологда: Краеведческий альманах. 2000. Вып. 3. С. 38–46.

5. *Конасов В.Б.* Эвакуация раненых на военно-санитарных поездах в 1941–1943 гг. // Вопросы истории. 2004. № 8. С. 144–148.

6. *Салбиева С.З.* Здравоохранение республик Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. … канд. мед. наук. М., 2009. 24 с.

7. *Соколов А.К.* Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. URL: http://www.hist.msu.ru/Departments/HisTheory/Book/Chapter3.htm (дата обращения: 18.01.2022).

8. Справочник дислокации госпиталей РККА в 1941–1945 гг. // Солдат.ru. URL: https://www.soldat.ru/hospital.html (дата обращения: 30.01.2022).

Приложение

Численность эвакуированных военнослужащих, прошедших через систему РЭП-95

Период	Количество рейсов	Общее количество перевезенных лиц	В том числе:									
			В систему		Из системы		Транзитом		Внутри системы		По заданию ГВСУ	
			чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
2 полугодие 1941 г.	477	216 107	107 287	49	83 669	39	25 151	12	-	-	-	-
1 полугодие 1942 г.	636	280 780	125 966	45	106 924	38	47 890	17	-	-	-	-
2 полугодие 1942 г.	263	114 232	58 721	51	45 316	40	6 450	6	3 745	3	-	-
1 полугодие 1943 г.	386	173 426	68 256	40	42 902	25	19 296	11	3 057	2	39 915	22
2 полугодие 1943 г.	465	203 138	59 683	30	30 884	15	13 236	6,5	5 093	2,5	94 342	46
1 полугодие 1944 г.	452	207 757	45 930	22,2	25 300	12,1	53 716	25,8	2 672	1,2	80 139	38,7
2 полугодие 1944 г.	415	181 678	22 635	12,5	3 461	2	44 438	24,5	3 580	2	107 564	59
1 полугодие 1945 г.	233	124 454	15 508	12,4	143	0,1	10 744	8,6	321	0,3	97 738	78,5
Итого:	3 377	1 501 572	503 886	33,6	338 599	22,6	220 921	14,7	18 468	1,2	419 698	27,9

Составлено по: [13, л. 38].

9. *Судоргин Н.С.* Формирование и функционирование системы госпитального лечения в годы Великой Отечественной войны (на материалах партийно-государственных структур и общественных организаций областей Нижнего Поволжья): автореф. дис. … канд. ист. наук. Саратов, 1993. 17 с.

10. *Томилов В.А.* Организация работы эвакогоспиталей Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.): автореф. дис. … канд. мед. наук. Пенза, 1993. 20 с.

11. *Тягур М.И.* Военно-мобилизационные мероприятия в Ленинградском регионе в связи с Советско-финляндской войной. Осень 1939 – лето 1940 гг.: дис. … канд. ист. наук. СПб., 2019. 263 л.

12. Филиал Центрального архива Министерства обороны (военно-медицинских документов), г. Санкт-Петербург (Филиал ЦАМО (ВМД)). Ф. 308. Оп. 4586. Д. 3.

13. Филиал ЦАМО (ВМД). Ф. 308. Оп. 4586. Д. 4.

14. Филиал ЦАМО (ВМД). Ф. 308. Оп. 4589. Д. 1.

15. Филиал ЦАМО (ВМД). Ф. 308. Оп. 8033. Д. 2.

16. Череповецкий центр хранения документации (ЧЦХД). Ф. 7. Оп. 1. Д. 488.

17. ЧЦХД. Ф. 7. Оп. 9. Д. 29.

18. *Шелия Ж.А.* Госпитали в годы Великой Отечественной войны (по материалам Ярославской и Костромской областей): дис. … канд. ист. наук. Ярославль, 2001. 308 л.

УДК 94(47).084.8, 94 (4) «1939/45»

А.В. Латышев[1]

Роль исправительно-трудовых лагерей НКВД в фильтрации советских граждан (1943–1948 гг.)[2]

Аннотация. В исправительно-трудовых лагерях НКВД проходили фильтрацию вернувшиеся из вражеского плена и окружения военнослужащие, рядовые коллаборационисты и подозрительные гражданские лица. Они должны были проходить проверку в специально созданных для этого проверочно-фильтрационных лагерях НКВД, но поступали и в места содержания заключенных в больших количествах. В статье на основе документации руководящих структур НКВД выясняются причины и масштабы фильтрации в Воркутинском и Унженском ИТЛ в 1943–1944 гг., основания и условия содержания в них новой группы контингента. Затем выявляются лагеря, задействованные в фильтрации начиная с лета 1945 г. в период репатриации. Реконструируется динамика их открытия и закрытия, приводятся данные о движении контингентов и их общем числе, анализируется качество ведомственной статистики и ее данные о составе проходивших фильтрацию.
Ключевые слова: Вторая мировая война; ГУЛАГ; фильтрация; репатриация; военнопленные; коллаборационизм; принудительный труд.

The role of the NKVD forced labor camps in the filtration of Soviet citizens (1943–1948)

Abstract. In the labor camps of the NKVD, soldiers who returned from enemy captivity and encirclement, ordinary collaborators and suspicious civilians were filtered. These people were supposed to be send to the NKVD filtration camps specially created for this task, but they also entered the labor camps in large numbers. This article, on the basis of the documentation of the NKVD central departments, deals with the causes and extent of filtration in the Vorkuta and Unzha labor camps in 1943–1944, researches the principles of temporal imprisonment of a new group of the inmates. Then it identifies the camps involved in the filtration since the summer of 1945 during the repatriation period. The process of their opening and closing is reconstructed, data on the movement of the inmates and their total number is given, the quality of the departmental statistics and its data about the different groups among the inmates are analyzed.

[1] **Артем Валерьевич Латышев** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института советской и постсоветской истории, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: alatyshev@hse.ru.
Artem V. Latyshev – Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow, Institute for Advanced Soviet and Post-Soviet Studies, HSE University (Moscow, Russia).
[2] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-78-00024, https://rscf.ru/project/21-78-00024/.
The research was supported by RSF (project No. 21-78-00024).

Keywords: World War II; Gulag; filtration; repatriation; prisoners of war; collaborationism; forced labor.

В завершающий период Второй мировой войны в СССР вернулось порядка 4,5 млн человек, в основном выживших в плену военнослужащих и угнанных на принудительные работы гражданских лиц (остарбайтеров) [14, с. 158–159; 18, с. 474–495; 25]. Долгое время считалось, что сразу после возвращения на родину многие из них попали в исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ) ГУЛАГа. Начиная с конца 1980-х гг. историки стали показывать, что для «проверки» (фильтрации) репатриантов и их трудового использования органы госбезопасности создали систему подчиненных армии репатриационных лагерей и сборно-пересыльных пунктов в Европе, пограничных проверочно-фильтрационных пунктов НКВД, приемно-распределительных пунктов в СССР, рабочих батальонов различных наркоматов и специальных запасных воинских частей для военнослужащих.

К марту 1946 г., когда основной поток репатриантов сошел на нет, больше половины проходили проверку по месту жительства и только 6,5 % были «переданы в распоряжение НКВД» [14, с. 127]. Под этой формулировкой скрываются отправленные в проверочно-фильтрационные (до 1945 г. – специальные) лагеря (ПФЛ) НКВД, которые сегодня активно изучаются историками [2; 15; 16; 17]. Однако в эту цифру помимо ПФЛ включены и ИТЛ. Хотя для специалистов это не секрет, роль ИТЛ в фильтрации специально не изучалась, а для широкой общественности отправка из репатриационных лагерей сразу в ГУЛАГ и вовсе звучит как «черный миф». Между тем изучение этого вопроса позволяет лучше понять логику действий сталинской системы в политике и экономике после окончания войны, а также прояснить травматический опыт и судьбы десятков тысяч людей.

Целью данной статьи является анализ роли ИТЛ в фильтрации бывших советских военнопленных и гражданских лиц. Для этого необходимо выяснить, когда началась и чем вызывалась практика их отправки в ИТЛ, какова общая численность фильтрантов и как они делились на группы, какие ИТЛ для этого задействовались и как менялась конфигурация лагерной сети. Постановка задач в рамках институционального подхода ограничена доступной источниковой базой. Для выяснения практик фильтрации в ИТЛ необходимы документы отдельных лагерных комплексов, в большинстве своем плохо сохранившихся либо малодоступных исследователям. В данной статье используются материалы центральных структур НКВД: ведавшего фильтрацией с 1942 г. Управления по делам военнопленных и интернированных (УПВИ), созданного в конце августа 1944 г. Отдела проверочно-фильтрационных лагерей (ОПФЛ) и поглотившего его в феврале 1946 г. ГУЛАГа. Преимущественно это ведомственная переписка, инструк-

ции и сводные статистические данные. Они позволяют увидеть фильтрацию в ИТЛ глазами контролирующих инстанций и понять основные принципы ее организации.

Первые опыты по отправке подлежащих фильтрации вместо ПФЛ в ИТЛ относятся к 1943 г. Планировать их завоз в ИТЛ для трудового использования начали с апреля, а в мае предполагалось направить в Воркутлаг 2–3 тыс., а в Интлаг 1 тыс. человек [20, л. 38]. Известно, что до июля 1944 г. в Воркуте содержалось от 919 до 1 001 фильтрантов. Они появились там в июне 1943 г., после запроса в Москву от начальника лагеря М.М. Мальцева [24, с. 75]. Об их составе на конец мая 1944 г. известно, что из 919 человек только несколько имели офицерские звания, все они на момент пленения или окружения служили в армии, никто из них не обвинялся в коллаборационизме [8, л. 2–3].

К лету 1943 г. «население» Воркутлага серьезно сократилось: в 1942 г. смертность составила 5,2 %, в 1943 г. – уже 15,5 % [23, с. 38]. Также весной 1943 г. помиловали осужденных советских солдат, вернувшихся в 1940 г. из финского плена, из которых в лагерь поступили 1 942 человека [22, с. 116]. Таким образом, убыль пленных Советско-финской войны компенсировалась прибытием пленных Великой Отечественной. Это произошло несмотря на то, что в ПФЛ на тот момент остро не хватало людей – на фронте установилась длительная оперативная пауза, что резко сократило поступление освобожденных из плена или бывших в окружении военнослужащих.

В связи с прибытием фильтрантов в НКВД определили и, видимо, опробовали на практике основные принципы содержания в ИТЛ. Поступившие в Воркутлаг имели статус проходящих проверку, а не осужденных к заключению. Их охраняла та же вооруженная охрана, что и заключенных, средства на содержание также брались из фондов лагеря (их потом надеялись возместить за счет Наркомата обороны). Хотя для экономии средств особые лагерные отделения не планировались, УПВИ требовало не содержать фильтрантов в одних помещениях с заключенными и, по возможности, выделить им отдельные участки работ. Для руководства процессом создавались аппараты во главе с заместителем начальника ИТЛ «по спецконтингенту» [3, л. 410; 21, л. 21].

Начальник УПВИ предлагал вести фильтрацию через управление подчиненной НКО военной контрразведки СМЕРШ, который ведал проверкой в ПФЛ и отделения которого следовало создать в каждом ИТЛ. Заместитель наркома внутренних дел В.В. Чернышов в ответ предложил вести фильтрацию «через оперативно-чекистский отдел ГУЛАГа», – видимо, силами оперативных отделов лагерей, но также под руководством главного управления контрразведки СМЕРШ [21, л. 21]. Не ясно, связано ли сокра-

щение прибывших в Воркутлаг с 1 001 до 919 человек с арестами по итогам их проверки, но, так или иначе, подавляющая часть бывших пленных в июле 1944 г. стала вольнонаемными работниками Воркутстроя. Одним из них был архитектор В.Н. Лунев, построивший ряд зданий и улиц в Воркуте [24, с. 80]. Конечно, «вольность» новых рабочих оказалась условной – как и все рабочие в годы войны, они не могли сменить место работы.

До лета 1945 г. в фильтрации участвовал и Унженский ИТЛ (Унжлаг). В марте – августе 1943 г. для него заготавливал древесину контингент в 1 200 человек Ветлужского ПФЛ № 0209, хотя в самом ИТЛ они не содержались [19, л. 112]. Затем, в сентябре 1944 г., в Унжлаг направили около 1 тыс. человек для еще не созданного Минеевского ПФЛ № 0318. Все они прибыли с территории Украинской ССР [6, л. 23]. К 20 ноября их насчитывалось уже 1 300 человек, из которых 1 200 обвинялись в сотрудничестве с врагом [8, л. 45, 48, 55]. С открытием в декабре Минеевского ПФЛ весь контингент Унжлага в сводках стал отмечаться как содержащийся в ПФЛ № 0318. Однако в сводке от 20 января 1945 г. появилось примечание, что часть людей «оставлены на списочном составе Унжлага НКВД» [7, л. 3]. Это вызывалось тем, что в Минеевском ПФЛ людей оказалось негде селить [1, с. 110]. В марте 1945 г. ОПФЛ предложило оставить 972 человека в Унжлаге и вести их проверку в оперативном отделе лагеря [6, л. 23]. Она шла до июня 1946 г., когда в ИТЛ еще содержалось 80 человек [12, л. 54].

Массовое использование ИТЛ для фильтрации началось с конца июня 1945 г. В июне-июле НКВД «бронировало» гораздо больше людей, чем в тот момент поступало от органов репатриации. Например, план по завозу в Норильск 12 тыс. человек выполнили только к апрелю 1946 г. [9, л. 106]. Политические мотивы этого решения представляются вторичными. Логика НКВД, как и в 1943 г., вполне понятна – использовать труд новых узников в обезлюдевшем ГУЛАГе, а после завершения проверки перевести на положение вольнонаемных работников. После решения ГКО в августе 1945 г. об отправке рядовых коллаборантов из ПФЛ и ИТЛ в районы спецпоселения НКВД стало ходатайствовать о праве организации спецпоселений в районах расположения самих лагерей [14, с. 360–362].

Организация фильтрации в ИТЛ в 1945–1948 гг. повторяла опыт 1943 г. ОПФЛ приказывал прибывших на проверку изолировать от остальных групп узников и дать отдельные участки работ. Саму фильтрацию проводили лагерные оперативные отделы и специально создаваемые для этого отделения СМЕРШа [14, с. 329]. Вероятно, первые занимались гражданским населением, а вторые – вернувшимися из плена военнослужащими. Интересно, что в одном из ИТЛ, Ухтижемлаге, для фильтрантов установили режим, близкий к воинской части: деление на взводы, роты и батальоны,

размещение вне зоны [5, л. 114]. Попытки распространить эту модель на все ИТЛ и ПФЛ встретило сопротивление в апреле 1946 г., когда в ГУЛАГе решили, что будущие спецпоселенцы не должны иметь основания считать себя военнослужащими [14, с. 335].

Главным источником для выявления использовавшихся в фильтрации ИТЛ являются сводки о наличии и составе контингента, все приведенные ниже цифры рассчитаны по ним [7; 10; 11; 13]. В конце июня 1945 г. первые партии отправились в Воркутлаг, Дальстрой (вероятно, в Севвостлаг), Норильлаг, Печорлаг, ИТЛ строительства Соликамского целлюлозно-бумажного комбината, Строительство № 500, Ягринлаг. К 20 октября 1945 г. люди прибыли на строительство Байкало-Амурской магистрали (видимо, в восточную ее часть), в Усольлаг и Ухтижемлаг. Затем к местам фильтрации в ИТЛ добавились: в декабре 1945 г. – Устьвымлаг, в январе 1946 – Ныроблаг, в феврале – Красноярский ИТЛ, в марте – Интлаг (возможно, в последнем контингенты содержались и ранее, но шли в одной графе с Воркутлагом). В начале марта 1946 г. последовал приказ создать для работ на БАМе три ИТЛ: Амгуньский, Ургальский и Братский. В первые два репатриантов отправили еще в феврале, до Братска они добрались к апрелю, одновременно появившись в отделении Дальстроя в Находке (Приморское отделение Севвостлага). В мае фильтрация шла также в Щугорлаге и в созданном на базе ПФЛ № 0334 ИТЛ Спецстроя (ИТЛ № 90). В июне в сводках отразилась реорганизация начала марта на Строительстве № 500: вместо последнего как места содержания фильтрантов указывались его Владивостокское отделение, управление Амурского ГУЛЖДС, Нижне-Амурский ИТЛ, Восточный ИТЛ в составе Строительства № 500. Последними были подключены ИТЛ, задействованные в советском атомном проекте: Чирчикстрой в декабре 1946 г. (Строительство № 883) и Строительство комбината № 7 в феврале 1947 г. Также есть свидетельство о содержании репатриантов в июне-июле 1946 г. еще в нескольких ИТЛ, отсутствовавших в основных сводках: Строительство № 108 (404 человека), Вятлаг (375 человек), Севжелдорлаг (1 869 человек; возможно, под ним указан контингент Щугорлага), Востураллаг (5 207 человек) [12, л. 54].

В 1946 г. фильтрация завершилась только в трех ИТЛ, где содержалось небольшое количество контингентов (Ягринлаг, Краслаг) или, в случае с Соликамбумстроем, завершилось строительство объекта. Процесс принял массовый характер только в феврале 1947 г., когда из сводок исчезли 8 ИТЛ, еще 11 закончили фильтрацию до конца года. Характерна одномоментная убыль людей из ИТЛ крупными партиями, после чего в каждом из них оставались несколько сотен, десятков или даже менее десяти проверяемых, которые еще долгие месяцы числились в сводках. Дольше всего, до конца

1948 г., содержались 5 человек в Спецстрое и 56 в Ухтижемлаге. Этому не мешали постоянные угрозы НКВД, например, прекратить с ноября 1946 г. снабжение таких контингентов вещами и продуктами [4, л. 200].

Всего за 1945 г. в ПФЛ прибыло (за вычетом внутренней переброски и интернированных иностранных граждан) 191 177 человек, а в ИТЛ – 102 187. За 1946 г. в ПФЛ прибыло еще 39 333, в ИТЛ – 46 969 репатриантов. Таким образом, всего в ИТЛ после войны на проверку поступило 149 156 человек. Если «население» ПФЛ с января 1946 г. начало сокращаться, то в ИТЛ оно росло, достигнув в мае пика в почти 120 тыс. человек. С марта по ноябрь в ИТЛ проходило проверку больше людей, чем в ПФЛ. С мая число подлежащих фильтрации в ИТЛ резко сокращалось и к сентябрю снизилось до 60 000, к ноябрю – до 28 000, к началу 1947 г. – до 11 000, к середине 1947 г. – до 1 830 человек.

Несмотря на довольно большое (порядка 26) число ИТЛ, значительная часть подлежащих фильтрации концентрировалась в нескольких крупных лагерях. Так, Дальстрой получил около 35 тыс. человек, Строительство № 500 – 15 тыс., Воркутлаг – более 13 (от приема еще 8,5 тыс. лагерь отказался [14, с. 329]), Норильлаг – 12, Печорлаг – около 10, Усольлаг – 9 тыс.

Принято считать, что, как и контингенты ПФЛ после войны, почти все фильтранты в ИТЛ были рядовыми коллаборационистами [14, с. 314]. Однако статистику НКВД для ИТЛ нельзя признать полной и точной. В 1945 г., видимо, предполагалось отправлять в ИТЛ только сотрудничавших с врагом, и в сводках все фильтранты автоматически показывались как коллаборанты. В дальнейшем выяснилось, что это не так. В конце 1945 г. всем ИТЛ приказали выявить не сотрудничавших с врагом, профильтровать их в первую очередь и поселить вне зоны без охраны [6, л. 89]. После этого пропорции между группами фильтрантов в сводках начали меняться. Но ряд ИТЛ не давал данных о составе контингента даже в 1946 г. Так, к 1 мая во всех ИТЛ содержалось почти 120 тыс. человек, из них сведения о делении на гражданских лиц и военнослужащих доступны для 78 тыс., а о службе врагу (или ее отсутствии) – только для 48 тыс. Первые полные данные по всем ИТЛ были представлены только к августу.

Фрагментарная статистика на 1 апреля и 1 мая 1946 г. показывает, что гражданских лиц в ИТЛ насчитывалось около 25 %. Данные за август – декабрь полные, но не вполне репрезентативные, так как относятся к периоду резкого сокращения численности контингентов из-за перевода их на спецпоселение. Согласно им, гражданских лиц в ИТЛ было от 32 до 40 %. В ПФЛ с августа 1945 по 1947 г. доля гражданских была выше – от 47 до 59 %. Что касается сотрудничавших с врагом, то, по неполным данным весны 1946 г., в ИТЛ они составляли 63–67 %, а с августа по декабрь их доля

возрастала с 59 до 77 %. В ПФЛ шел обратный процесс: доля обвиненных в коллаборационизме снизилась с 77 в апреле до 71 % к концу года.

***

Массовое использование ИТЛ для фильтрации началось летом 1945 г., но в ходе экспериментов 1943–1944 гг. были заложены основные принципы: управление через аппараты ИТЛ, изоляция от других контингентов, расчет на трудовое использование даже после окончания проверки. Реконструкция используемой для фильтрации сети ИТЛ показала, что в 1943–1948 гг. она состояла из 26 лагерных управлений. Отправка советских граждан на проверку в ИТЛ объяснялась не политическим недоверием к репатриантам, а в первую очередь ведомственными интересами НКВД (добыча угля, строительство железных дорог, в меньшей степени – атомный проект и лесозаготовки). В ИТЛ содержалась значительная часть общего количества подлежащих фильтрации, в 1946 г. они обогнали по этому показателю ПФЛ. Процент коллаборационистов в ИТЛ оказался ниже, чем в ПФЛ: от четверти до трети не были обвинены в сотрудничестве с врагом. Таким образом, ИТЛ играли в фильтрации не меньшую роль, чем ПФЛ.

Список источников и литературы

1. *Альбов В.Ю.* Советские пленные Второй мировой войны (по архивным материалам Нижегородской области): дис. … канд. ист. наук. Н. Новгород, 2004. 217 л.

2. *Гаевская Ж.Ю.* Роль спецконтингента в восстановлении предприятий военно-промышленного комплекса Сталинграда в 1943–1945 гг. // Вестник архивиста. 2015. № 1. С. 46–63.

3. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р–9401. Оп. 1. Д. 662.

4. ГА РФ. Ф. Р–9401. Оп. 1а. Д. 217.

5. ГА РФ. Ф. Р–9408. Оп. 1. Д. 1.

6. ГА РФ. Ф. Р–9408. Оп. 1. Д. 20.

7. ГА РФ. Ф. Р–9408. Оп. 1. Д. 23.

8. ГА РФ. Ф. Р–9408. Оп. 1. Д. 53.

9. ГА РФ. Ф. Р–9408. Оп. 1. Д. 54.

10. ГА РФ. Ф. Р–9414. Оп. 1а. Д. 463.

11. ГА РФ. Ф. Р–9414. Оп. 1а. Д. 466.

12. ГА РФ. Ф. Р–9414. Оп. 1. Д. 1248.

13. ГА РФ. Ф. Р–9414. Оп. 1. Д. 1265.

14. *Земсков В.Н.* Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944–1952 гг. М.: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 424 с.

15. *Клочков А.Н.* Деятельность лагерей НКВД СССР на территории Тульской области // Великая Отечественная война: история и историческая память в России и мире: в 2 т. Т. 1. Тула: изд-во ТПГУ, 2015. С. 165–173.

16. *Латышев А.В.* «Счастлив тот, кто не попал сюда»: настроения и поведение военнослужащих Красной Армии в фильтрационных лагерях НКВД, 1942–1945 гг. // Российская история. 2019. № 5. С. 59–74.

17. *Обухов Л.А.* Проверочно-фильтрационные лагеря как один из видов репрессий (на примере ПФЛ № 0302) // Пути к Победе. Человек, общество, государство в годы Великой Отечественной войны: материалы XIII международной науч. конф. / отв. ред. А.К. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2021. С. 554–562.

18. *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. М.: РОССПЭН, 2002. 894 с.

19. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1п. Оп. 1и. Д. 4.

20. РГВА. Ф. 1п. Оп. 9а. Д. 3.

21. РГВА. Ф. 1п. Оп. 9а. Д. 11.

22. *Рогачев М.Б.* Жертвы «незнаменитой войны» // Покаяние. Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий / сост. М.Б. Рогачев. Т. 7. Ч. 2. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2007. С. 99–128.

23. *Упадышев Н.В.* Воркутинский исправительно-трудовой лагерь в годы Великой Отечественной войны // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 3. С. 35–40.

24. *Barenberger A.* Gulag town, company town: forced labor and its legacy in Vorkuta. New Haven; L.: Yale University Press, 2014. 331 p.

25. *Goeken-Haidl U.* Der Weg zurück. Die Repatriierung sowjetischer Zwangsarbeiter und Kriegsgefangener während und nach dem Zweiten Weltkrieg. Essen: Klartext Verlag, 2006. 573 p.

УДК 94(44).085

С.В. Решетников[1]

Письма участников движения Сопротивления о событиях на острове Олерон в 1944–1945 гг.

Аннотация. Статья посвящена послевоенным письмам советских участников движения французского Сопротивления на о. Олерон, которые были адресованы своим товарищам – русским эмигрантам, помогавшим в их борьбе. Эти источники дают ценную информацию о жизни советских сопротивленцев после войны, показывают трудности, через которые бывшие военнопленные проходили после проверочно-фильтрационных лагерей, арестов советской прокуратурой, и последующей реабилитации. Личные письма эмигрантам свидетельствуют, что упоминаемые советские партизаны даже после своей реабилитации подвергались дискриминации на протяжении всей жизни и были поражены в правах несмотря на общественный резонанс после публикаций советских журналистов и публицистов, раскрывавших подробности их подпольной деятельности во время войны.
Ключевые слова: Вторая мировая война; советские военнопленные; русская эмиграция во Франции; движение Сопротивления; о. Олерон; репатриация; письма солдат.

Letters of partisans – members of the Resistance movement about the events on the island of Oleron in 1944–1945

Abstract. The article concerns itself with the post-war letters of the Soviet participants in the French Resistance movement on the island of Oleron, which were addressed to their comrades – Russian emigrants who helped them in the struggle. These letters provide valuable information about the life of the Soviet resistance fighters after the war, to show in detail the difficulties that former prisoners of war went through after the check-filtration camps, arrests by the Soviet authorities and subsequent rehabilitation. Personal letters to emigrants clearly show that the mentioned Soviet partisans, even after their rehabilitation, were actually discriminated throughout their lives and were deprived of their rights despite the public response after the publications by Soviet journalists and publicists of the details of their underground activities during the war.
Keywords: World War II; Soviet prisoners of war; Russian emigration in France; Resistance movement; Oleron Island; repatriation; soldiers' letters.

Послевоенная жизнь советских участников французского движения Сопротивления в годы Второй мировой войны остается до сих пор почти не

[1] **Степан Владимирович Решетников** – аспирант Центра военной истории России Института российской истории РАН (Москва, Россия), e-mail: reshehistorien@gmail.com.
Stepan V. Reshetnikov – Postgraduate student, Centre for Military History of Russia, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

исследованной темой в отечественной и зарубежной историографии. Это обусловлено рядом факторов: узкой источниковой базой, в первую очередь, немногочисленностью источников личного происхождения (воспоминаний сопротивленцев о своей послевоенной жизни), а также сложностью комплексного выявления информации о репатриантах – участниках европейского Сопротивления – как в федеральных, так и в ведомственных архивах. Для решения этой проблемы некоторые исследователи привлекают документы из архивов информационных центров МВД РФ [2] и РГАЛИ [1].

Участие русских эмигрантов и советских военнопленных в движении Сопротивления на о. Олерон в 1944–1945 гг. является ярким примером не только взаимодействия наших соотечественников с партизанским движением во Франции в годы Второй мировой войны, но и послевоенной жизни советских сопротивленцев в СССР [12]. Отмечу, что речь в публикации идет о советских военнопленных, перешедших на сторону французского Сопротивления из состава Восточных войск вермахта. Это, несомненно, негативно отразилось на их судьбе после проверочно-фильтрационных лагерей, но, однако, не помешало им в 1960-е гг. войти в число реабилитированных.

С осени 1943 г. во Францию начали пребывать Восточные войска вермахта, сформированные из советских граждан (численность 30–40 тыс. человек) [14, p. 238]. Весной 1944 г. одна из таких рот прибыла на о. Олерон для охраны Атлантического побережья. В это же время на острове проживало семейство русских эмигрантов Андреевых-Сосинских-Резниковых[1]. Главами этой большой семьи были поэт, прозаик В.Л. Андреев и писатель, журналист В.Б. Сосинский, ранее вступивший добровольцем в Иностранный легион, но попавший в плен и освобожденный по семейным обстоятельствам. Они решили познакомиться с прибывшими на остров советскими солдатами и выяснили, что их было около 30 человек. Большинство солдат нельзя было назвать военнопленными в полном смысле слова. Так, лидера группы 19-летнего В.М. Антоненко не успели призвать в РККА и он, по собственному признанию, после короткого партизанского периода был схвачен немцами и завербован в немецкую армию. Сосинский, имевший немалый военный опыт как в Гражданской войне в России, так и в текущей войне, с разрешения находившегося на материке командующего партизанской группой FFI (французское внутреннее Сопротивление) Франк-Марин «Арманьяк» капитана Л. Леклерка решил сформировать партизанскую группу, насчитывавшую 29 человек. После первой диверсионной операции она официально вошла в состав французского Сопротивления [5]. Среди ее участников были лица, о которых пойдет речь в статье: И.М. Фатюков, Н.А. Серышев, В.Н. Орлов, В. Педенко, И. Тимохин. «Группа Сосинско-

[1] Семейство обозначено по фамилии мужчин.

го», первоначально собиравшая только разведывательные данные, вскоре приступила к активным диверсионным действиям. Советские солдаты во главе с эмигрантом смогли выкрасть для французского Сопротивления план немецких батарей на острове и взорвать главный склад боеприпасов. В момент высадки союзников на Олерон они подняли восстание в разных частях острова, испортили орудия на нескольких батареях и вывели из строя часть немецкого военного персонала. После освобождения Олерона тела двух солдат, Антоненко и Е. Красноперова, были похоронены с воинскими почестями в июле 1945 г. На церемонии установления мемориальных плит присутствовали представители английской, американской и советской армий. Всего на протяжении периода действия «группы Сосинского» погибло 7 советских солдат.

После окончания войны только 14 солдат решили вернуться на родину. Известно, что репатриировавшиеся около года находились в проверочно-фильтрационных лагерях НКВД, после чего некоторых из них отпустили домой. Вероятно, это было связано со слежкой советских органов безопасности, стремившихся узнать, с кем бывшие военнопленные, прибывшие из-за границы, вступали в связь на родине и что они рассказывали о своем пребывании во Франции. Так, в 1947 г. возвращавшийся в родную Саратовскую область Фатюков успел побывать в Москве и навестить родного брата В.Л. Андреева – Д.Л. Андреева, не видевшего своего родственника со времен Гражданской войны. Фатюков передал ему привезенное из Франции письмо от брата с зашифрованным посланием об опасности визита в Советский Союз. Эта встреча и, вероятно, записка послужили поводом для ареста Д.Л. Андреева в апреле 1947 г. и его последующего 25-летнего заключения. Сам Фатюков был арестован в июне 1948 г. Бывших олеронцев – Серышева, Орлова и Тимохина – арестовали в том же году и осудили по двум пунктам 58-й ст.[1] УК РСФСР на 25 лет лагерей. После смерти И.В. Сталина и последовавшей амнистии в 1958 г. бывшие военнопленные были освобождены, успев отбыть в заключении 7–8 лет[2].

В 1960 г. Сосинский приехал в СССР вместе с женой Ариадной. Он искал выживших солдат и вступил в переписку, а затем и заинтересовал своей историей белорусского писателя Л.Я. Прокшу, который помог ему с публикацией большого очерка. После этой публикации на связь с Сосинским и Андреевым вышло пять солдат[3]: Фатюков, Серышев, Орлов, Педен-

[1] Пункт 1б – «измена со стороны военного персонала»; пункт 10 – «пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослабления советской власти».

[2] Стоит отметить, что по этой статье полагался расстрел с конфискацией имущества, но после войны такая мера наказания заменялась на 25 лет лагерей.

[3] Также на связь вышли родственники погибшего 3 ноября 1944 г. солдата А. Ковалева, но переписка не сохранилась.

ко и Тимохин[1]. С этими людьми и Сосинские, и Андреевы в разное время вели переписку.

24 марта 1964 г. Сосинскому пришло первое письмо от вышедшего на связь бывшего солдата Орлова из Кривого Рога, где он кратко рассказал о своей жизни: «Живу я сейчас неплохо, <…> работаю в шахте бригадиром слесарей» [6]. В следующем письме от 14 апреля он писал: «Володя, я и моя семья очень рады, что Вы живете в Советском Союзе. Когда-то на острове Вадим [Андреев. – *С.Р.*] говорил, что Вам хочется приехать на Родину, что перед войной было, как будто бы разрешение и по вине войны Вы не смогли попасть на Родину. А знаешь, Володя, я одно время не желал, чтобы Вы приезжали в Россию. А потом, когда жизнь стала нормальной, я захотел получить от Вас весточку. Милый Володя, я не в обиде на тебя, что ты мало обо мне написал: ведь я не стану лучше, чем я есть, и от этого мне ни лучше, ни легче не будет. Мой арест люди тоже забывают, только спецчасть да военкомат по анкетам знают. Но все это дым в общем» [7].

В другом письме, от 22 мая 1964 г., Орлов писал: «Володя! Эта статья в “Известиях” заставила меня ехать 8 мая в город Днепропетровск выступать по телевизору. Выступал в день Победы 9 мая, а на следующий день заставили выступить в Историческом музее, где и сфотографировали на доску героев Днепропетровской области. Приходили домой два корреспондента из газеты нашей области, а потом появился фоторепортер на самой шахте! В общем, откровенно говоря, я не очень рад: меня всю жизнь никто не восхвалял, так что мне как-то не по себе» [8]. В письме от 4 июля, последнем сохранившимся, Орлов написал о своей жизни сразу после войны: «С 1956 г. вернулся с Воркуты домой в Кривой Рог. Поступил сразу работать в шахту. У нас в роду все шахтеры. Поработал слесарем, стал бригадиром, ну и потом, когда немного отдохнул, женился, взял в жены бедную девчонку, без родных, без приданного, да и у меня тоже ничего не было кроме того, что было на мне» [9].

Другим нашедшемся солдатом был Фатюков, который написал Сосинскому 25 июня 1965 г. из г. Балашова: «17 марта 1965 г. я пришел с работы, умылся и стал перечитывать [газетные вырезки Сосинского и Прокши. – *С.Р.*] одно за другим. И таким образом просидел за чтением воспоминаний об Олероне до четырех часов утра, а когда лег в постель, то тоже не мог уснуть целых два часа от волнения. Общее впечатление от этих воспоминаний у меня сложилось такое, как будто я воскрес из мертвых!» [10]. Свою жизнь сразу после возвращения на родину Фатюков описывал так: «В 1948 г., 16 июня, меня, как и Володю Орлова, арестовали и дали 25 лет заключения

[1] Стоит отметить, что 7 июня 1964 г. чета Сосинских встретилась в Москве с Орловым и Тимохиным.

в лагерях, где я отбывал 7 лет и 8 месяцев. В следственном материале об участии в партизанском отрядах ничего не указано, документов, которые были изъяты при аресте, тоже не оказалось – об этом мне стало известно только 5 января 1965 г. 2 марта 1965 г. я реабилитирован. Работаю на Балашовском мясоконсервном комбинате конюхом лишь потому, что, как видите, у меня сложилась такая обстановка» [10]. В юбилей Победы в газете г. Балашова была опубликована статья «Партизан Иван Фатюков» [3], повествовавшая об его участии не только в движении Сопротивления во Франции, но и в партизанском движении в районе Ельни в полку «ФД»[1].

Еще одним откликнувшемся солдатом был Серышев, вернее, его жена А.А. Серышева-Соболева, которая проживала с ним в с. Воскресенское (разг. Ерга) Череповецкого района Вологодской области. Ее письмо не датировано, но я предполагаю, что оно было написано в 1964–1965 гг.: «Странный у меня Коля! Собирается написать, а потом приходит к выводу, что это все совсем незачем: не стоит о нем вообще писать, если о подвигах, так надо о настоящих героях, а он что?! <…> За 10 лет, как вернулся, не написал ни одного письма. Все воспоминания как-то очень болезненно на него действуют. За реабилитацию он очень благодарен – ему больше ничего не надо. <…> Но Николай просит о нем ничего не писать: имеются герои с куда большими подвигами. А о ребятах, которые были на острове, он отзывается очень хорошо. Все были с русской душой – никто никого не продал» [11]. По материалам краеведа Е.Ф. Булатовой, пройдя фильтрацию, Серышев вернулся в Ленинград, где жил до войны, но 14 августа его арестовали. В это время он работал кочегаром в третьем домохозяйстве Приморского района. 30 октября 1948 г. был осужден военным трибуналом Архангельского военного округа, а 18 февраля 1965 г. дело по обвинению «изменника Родины» Серышева было пересмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР и «по вновь открывшимся обстоятельствам» приговор отменили, дело прекратили за отсутствием состава преступления, а осужденного полностью реабилитировали [4, с. 223].

В ходе настоящего исследования удалось выйти на связь с родственниками и знакомыми Фатюкова и Серышева. По воспоминаниям племянника Фатюкова, после войны дядя не смог вернуться на работу бухгалтером и до конца жизни работал в местном совхозе конюхом: «Он был крайне закрытым человеком и о войне ничего не рассказывал. Лагеря оставили на нем серьезный след, всю жизнь он жил словно с “обрезанными крыльями”»[2].

Серышев, по воспоминаниям соседки по его дому М.В. Веселовой, сначала работал на маслозаводе в д. Петрино Череповецкой области, в до-

[1] Имеется в виду полк Федора Даниловича Гнездилова.

[2] Интервью с В.М. Фатюковы, взятое мною 1 августа 2022 г.

рожном ремонтно-строительном управлении рабочим, потом сторожем или кочегаром на медицинских складах в с. Воскресенском. Не любил быть на виду, о прошлом рассказывал мало (только иногда в мужских компаниях). Один раз в присутствии мужа Веселовой сказал, что «в немецких лагерях не видел того, что пришлось повидать в советских…». Веселова вспоминала, «соседи знали, что получить реабилитацию Серышеву помог друг, который работал в ООН» (речь идет о Сосинском).

Муж Веселовой также отмечал, что, когда «учился в школе в с. Воскресенском, однажды целое занятие было посвящено рассказу о судьбе Серышева Н.А. Учитель сказала, что он отказался от какого-то иностранного ордена, которым его хотели наградить», со словами: «Я за этот орден уже отсидел». Не имея своих детей, Серышев помогал сестре: «Был очень умным человеком. Много умел делать сам. Когда работал на маслозаводе, во многом благодаря его стараниям открылось производство сухого молока – монтировал оборудование. Умер он в декабре 1988 г. прямо на работе»[1].

Благодаря стараниями Сосинского и его публикациям в советской прессе Орлов, Фатюков и Серышев были реабилитированы во второй половине 1960-х гг.

Судьба героев данной публикации показывает, что участие советского гражданина в европейском Сопротивлении не являлось поводом для его скорого возвращения к мирной жизни после проверки в проверочно-фильтрационном лагере. Напротив, такие «возвращенцы» находились под наблюдением и нередко попадали в заключение на длительный срок по особо тяжким статьям. Даже после реабилитации бывшие партизаны фактически оставались пораженными в правах и не могли вернуться к полноценной жизни. Только в 1960-е гг. к участникам Сопротивления стали проявлять интерес журналисты, публицисты, да и все общество; об участии советских граждан в европейском движении стала писать пресса, снимали репортажи для телевидения. Однако вплоть до издания Указа Президента РФ от 24 января 1995 г. они не признавались государством полноценными участниками войны [13].

Список источников и литературы

1. *Дерюгина А.А.* Проблемы послевоенной реинтеграции в воспоминаниях бывших военнопленных СССР (по материалам фонда С.С. Смирнова в РГАЛИ) // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сборник статей участников Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых (Москва, 24–25 ноября 2020 г.). М.: ИРИ РАН, 2020. С. 391–397.

[1] Интервью Е.Ф. Булатовой с М.В. Веселовой от 23 июля 2019 г. Цитируется с разрешения интервьюера.

2. *Маркдорф Н.М.* Судьбы советских военнопленных – участников европейского движения Сопротивления // Исторический курьер. 2021. № 3 (17). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sudby-sovetskih-voennoplennyh-uchastnikov-evropeyskogo-dvizheniya-soprotivleniya (дата обращения: 28.07.2022).

3. Партизан Иван Фатюков // Балашовская правда. 1965. 9 мая. С. 1–4.

4. Мы из XX века. Воспоминания жителей Череповецкого края о политических репрессиях. Вып. 3 / сост. Е.Ф. Булатова. Череповец: ИД «Порт-Апрель», 2019. 178 с.

5. Русский архив Университета г. Лидс (РАЛ). MS 1350/724.

6. РАЛ. MS 1350/742.

7. РАЛ. MS 1350/743.

8. РАЛ. MS 1350/745.

9. РАЛ. MS 1350/747.

10. РАЛ. MS 1350/749.

11. РАЛ. MS 1350/750.

12. *Решетников С.В.* Участие русских эмигрантов и советских военнопленных в движения Сопротивления на острове Олерон в 1944–1945 гг. // Новейшая история России. 2022. № 1. С. 58–74.

13. Указ Президента Российской Федерации от 24 января 1995 г. № 63 «О восстановлении законных прав российских граждан – бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период» // Официальный сайт Президента России. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/7453 (дата обращения: 30.07.2022).

14. *Laroche G.* On les nommait des étrangers. Paris: Les éditeurs français réunis, 1965. 477 p.

УДК 94(100)

А.А. Дерюгина[1]

Образ плена и Сопротивления в эго-документах и литературных произведениях (на примере Г. Златник и В. Маслакова)

Аннотация. В данной статье отображены некоторые особенности конструирования образа плена в послевоенном СССР на основе рассказа из цикла «Вересковый мед» белорусского писателя Алексея Зарицкого об отношениях австрийской коммунистки Гермины Златник и советского пленного Владимира Маслакова, а также их собственных свидетельств. В ходе анализа специфики повествования каждой из сторон выявляются как стилистические особенности и разница в оценке событий прошлого, так и замалчивание или изменение отдельных фактов. Особое внимание уделено анализу возможных причин подобных искажений. В качестве источниковой базы использован комплекс документов Златник, отложившийся в фондах Центра документации Австрийского Сопротивления в Вене (DÖW).
Ключевые слова: советские военнопленные; Движение Сопротивления; Великая Отечественная война; послевоенное общество; эго-документы; историческая память.

The image of captivity and resistance in the ego-documents and literary works (on the example of Hermine Zlatnik and Vladimir Maslakov)

Abstract. This article shows some features of the construction of the captivity and resistance image in the post-war USSR. On the basis of the story from the cycle “Heather Honey” by the Belorussian writer Alexei Zaritsky about the history of the interaction between the Austrian communist Hermine Zlatnik and the Soviet prisoner of war Vladimir Maslakov, as well as the ego-documents of these persons, the distinctive features of the Soviet discourse of captivity are revealed. The article analyzes the specifics of the narrative, stylistic features and differences in the assessment of past events, as well as the silencing or changing of individual facts. Special attention is paid to the analysis of possible causes of such distortions. The article is based on Zlatnik’s documents in the funds of the Documentation Centre of Austrian Resistance (DÖW).
Keywords: Soviet prisoners of war; Resistance movement; Great Patriotic War; post-war society; Ego-Documents; historical memory.

Великая Отечественная война занимает одно из ключевых мест в российской исторической памяти. Одним из актуальных аспектов ее изучения

[1] **Анна Александровна Дерюгина** – магистрант Венского университета (Вена, Австрия), e-mail: anka.derugina@gmail.com.
Anna A. Deriugina – Master’s degree student of University of Vienna (Vienna, Austria).

является проблема военного плена, долго остававшаяся темой, во многих отношениях табуированной. К 1960-м гг. в общественной памяти сформировался определенный образ плена, специфика которого задавалась целым рядом факторов.

Одним из традиционных средств формирования представлений об исторических фактах, событиях и процессах в общественном сознании выступает литература. В современной российской историографии отдельные исследователи обращались к образу плена как в советской [6], так и в зарубежной, эмигрантской прозе [8]. Безусловно, существенную роль в конструировании образа плена играли сами бывшие военнопленные. В последнее время исследователи плена все чаще обращаются к эго-документам, например, при изучении военной повседневности [3], участия советских граждан в Движении Сопротивления [2], при рассмотрении процесса репатриации [5] и послевоенной судьбы бывших узников нацистских лагерей [1]. Тем не менее проблема восприятия бывшими пленными событий военного времени и выстраивания ими нарратива собственного прошлого остается фактически неосвещенной.

В данной статье предпринимается попытка на отдельном примере проанализировать образ плена и Сопротивления в послевоенном СССР, выявить его характерные черты и особенности. Источниковую базу составляют документы из переписки австрийской коммунистки Гермины Златник с бывшим советским военнопленным Владимиром Маслаковым и белорусским писателем Алексеем Зарицким. Ее фрагменты отложились в фондах Центра документации Австрийского Сопротивления в Вене и вводятся в научный оборот впервые.

Новизна работы заключается как в обращении к новым архивным источникам, так и в постановке исследовательской проблемы. Выбранный для анализа сюжет предоставляет уникальную возможность рассмотрения образа плена одновременно с нескольких сторон: первую из них составляют свидетельства самого бывшего военнопленного, вернувшегося после окончания войны в СССР; вторую – и немаловажную – воспоминания оказавшей ему помощь в годы войны австрийской коммунистки; наконец, третью – художественная переработка истории человеком, не являвшимся ее непосредственным участником или свидетелем. Цель данной статьи обусловливает необходимость решить следующие задачи: охарактеризовать особенности образа плена и Сопротивления в свидетельствах каждой из вышеуказанных сторон; выявить возможные причины как фактических, так и стилистических расхождений в описании прошлого, а также определить влияние послевоенных условий на освещение плена.

Обращение к эго-документам делает необходимым использование методов антропологической и лингвистической исторических школ.

В качестве основных подходов в работе использованы нарративный и дискурс-анализ. Анализ используемой автором лексики, речевых конструкций, характерный для филологии, дает возможность реконструировать отражение общественных событий в индивидуальном сознании. Кроме того, разработка данной темы была бы невозможна без использования методов источниковедческого анализа.

История взаимодействия Г. Златник и В. Маслакова началась, исходя из их свидетельств, в начале 1943 г. и продлилась до мая 1945 г. В 1958 г. по инициативе Гермины им удалось возобновить контакт. В ходе визита в СССР в 1960 г. австрийка познакомилась с белорусским писателем, журналистом А. Зарицким. Вдохновленный этой встречей, он включил историю Гермины и Владимира в сборник рассказов «Вересковый мед» [4].

В рассказе, получившем название по имени главной «героини», плен представлен как страдание и испытание, которое советские военнослужащие переносили с достоинством и честью. Они неизменно следили за ситуацией на фронте и при первой же возможности планировали побег [11, с. 24]. Отдельно храбрость советских солдат в рассказе подчеркнута от лица Гермины: «Когда ваши войска освободили Вену, я радовалась победе, а также тому, что смогла хоть немного помочь солдатам, которые так храбро сражались с фашистами» [11, с. 21].

Вероятно, для придания истории большей реалистичности, повествование представлено как разговор с Герминой и Владимиром. Кроме того, по собственному утверждению, автор составил рассказ на основе бесед с Владимиром и писем Гермины, почти слово в слово переведенных на русский язык [10, с. 1]. Тем не менее произведение содержит ряд существенно измененных и даже вымышленных деталей. Так, например, в рассказе описан побег Владимира с фирмы «Вагнер и Биро» при бомбежке лагеря американцами. При побеге он сталкивается с немецким офицером, но на помощь приходит бежавший вместе с ним товарищ. Оба военнопленных укрываются дома у Гермины, куда она привозит из другого города врача, чтобы помочь раненому Владимиру. Этот эпизод не только добавляет рассказу художественной выразительности, но и позволяет дополнить образ гордых советских военнопленных, совершающих рискованный побег. Безусловно, эпизод с врачом, обозначенный Зарицким как «поэтическая вольность» [10, с. 2], подчеркивает также героизм Гермины. Писатель неоднократно акцентирует внимание на ее подвиге, на трудности и опасности ее поступков. «Было нелегко помогать, понимаете?», – пишет Зарицкий от лица австрийки [11, с. 21].

Хотя писатель признал за собой лишь один «художественный вымысел» (эпизод с врачом), Гермина в воспоминаниях опровергла многое

из рассказа. В ответ на ее критику в одном из писем Зарицкий объяснил, что она показана с лучших сторон, как настоящая коммунистка, человек с большим и храбрым сердцем, который рисковал жизнью, чтобы спасти советских военнопленных [10, с. 1]. Австрийка не согласилась с подобной оценкой ее вклада. Описывая «реальные факты» своей биографии, она неоднократно подчеркивала дружественную обстановку на фабрике, фактическое отсутствие рисков: «Таким был эпизод с пленными и моей помощью, которую я легко могла оказать, потому что это позволяла человечная атмосфера на предприятии. Так, как это описано в книге, освобождение попросту не могло произойти» [10, с. 10].

С одной стороны, нарочитое упрощение Герминой собственных действий можно связать со скромностью и нежеланием героизировать свой опыт. С другой стороны, ее описание, отличающееся большим количеством деталей, дает более реалистичную картину взаимодействия с пленными. Гермина подробно описывает, в чем именно заключалась ее помощь, какими были мотивы ее действий и обстановка на фабрике. Конечно, стоит учесть, что на момент написания воспоминаний она была уже достаточно пожилой женщиной (в 1965 г. ей исполнилось 70 лет), что не могло не наложить определенный отпечаток на рассказ. Так, она назвала явно ошибочную дату попадания Владимира на фабрику – весна 1942 г. [10, с. 4], не помнила отдельных имен. В связи с этим действительно можно предположить наличие ошибок в указании отдельных фактов и дат. Однако существенное искажение и выдумывание ею эпизодов все же маловероятны.

Одним из существенных отличий повествования Гермины является ее внимание к моральной стороне плена. Стоит отдельно отметить, что в одном из эпизодов она даже достаточно откровенно написала об обычно не упоминаемой стороне плена: «Все они были мужчинами в расцвете сил и наверняка очень страдали от того, что у них не было женщин… Я давно осознавала, что… не разрешалось иметь с ними ни малейшего человеческого отношения, тем более сексуального… Все рабочие и служащие фабрики не предали бы меня, поняли бы и не осудили» [9, с. 10].

Ее чуткость по отношению к переживаниям пленных в целом заслуживает особенного внимания: «Конечно, мы очень жаждали окончания войны, а пленные к тому же – возвращения на Родину. Я продолжала прилагать усилия, чтобы привнести немного радости в их печальную судьбу». В качестве примера можно привести устроенное Герминой для пленных празднование годовщины революции в 1943 г., совместный визит с Владимиром в кино в 1945 г. или организованный тогда же выезд на природу [10, с. 9–10].

В сохранившихся письмах Владимир благодарил Гермину за «усилия помочь продуктами, хорошими сведениями с фронта» и неоднократно отмечал ее человеческое отношение: «Я помню все, да разве можно забыть хоть когда-нибудь именно Ваше отношение к нам. Я помню наши беседы с Вами о победе социализма, потом и коммунизма, о победе в войне с фашизмом мы и тогда с Вами уверены были в нашу победу» [11, с. 18]. Интересно при этом, что Маслаков в ходе переписки почти не вспоминал о последних годах войны. Если предположить, что версия побега, попавшая в рассказ Зарицкого, записана автором со слов бывшего военнопленного, можно говорить о замалчивании им этой части биографии.

Анализ сохранившегося комплекса источников позволяет установить, что из фирмы «Вагнер и Биро» Владимиру удалось по поддельным документам перебраться в сборный лагерь на восточном вокзале Вены, условия в котором были вольготнее. Замена этого эпизода на рискованный побег может отражать стремление Маслакова представить свою военную судьбу как пример страданий, трудностей и борьбы. Кроме того, замалчивание им достаточно комфортного положения в последние месяцы войны может быть связано с особенностями фильтрации и проверки при репатриации в СССР.

В целом стоит отметить, что часть фактов Владимир в послевоенные годы по всей видимости замалчивал, часть же подавал с иной окраской. Безусловно, для него плен оказался тяжелым опытом. Однако трудно не отметить характерную стереотипность описания им своей судьбы. Вспоминая собственные переживания, он часто прибегал к шаблонным терминам, взятым из официальной пропаганды и художественной литературы. Так, например, вспоминая о разговорах с Герминой, он писал о страхе быть отправленным в Маутхаузен, «где немцы так искусно превращали людей в дым, который развевался по ветру вместе с человеческими душами». В данном случае Маслаков заимствовал вдохновившую его фразу неизвестного автора, узника одного из нацистских лагерей [11, с. 15]. Говоря о трудностях военного времени, он также оперировал штампами о войне, «навязанной проклятым навеки гитлеризмом», и о «катастрофе, которая постигла народ» [11, с. 17]. Обезличенность воспоминаний проявляется и в том, что он нередко писал не столько о роли Гермины, сколько об общей симпатии австрийцев и «любви простого народа, находящегося за границей, к русским простым людям» [11, с. 17]. Можно предположить, что вследствие своих представлений Владимир несколько идеализировал взаимодействие с помогавшими ему в годы войны людьми. Так, подтверждение симпатии австрийского народа он усмотрел в том, что шеф стекольной фабрики не выдал Гермину и ее товарищей гестапо за связь с пленными [11, с. 18]. Также он, например, подчеркнул «отчаянность» Роберта, оказавшего ему по-

мощь с побегом, и не верил Гермине, что его самого хотела выдать гестапо одна из сотрудниц [11, с. 15].

В целом наблюдаемая ситуация использования шаблонных понятий без вкладывания в них живого содержания характерна для послевоенного СССР [7]. В случае бывших военнопленных подобная стереотипизация могла объясняться сложившейся системой цензурирования и умалчивания. Выстраивание тяжелого образа плена, попытка найти в событиях прошлого героические страницы, сокрытие определенного спектра сюжетов, способных «запятнать» биографию, заставляли давать индивидуальным воспоминаниям новую оценку. Подобный подход в определенной степени «деперсонализирует» рассказ Владимира. Воспоминания Гермины, напротив, отражают ее личные переживания. В гораздо меньшей степени попадая под влияние идеологических трактовок войны и плена, австрийка акцентировала реалистичность описываемой истории. Плен в ее рассказе представлен как морально и физически тяжелое испытание. Помощь же возможна только в силу благоприятных условий.

Рассказ Зарицкого, объединивший две версии прошлого, в наибольшей степени отражает сформировавшиеся советские клише. Добавление эпизода с врачом, перестановка акцентов и конструирование героического образа Сопротивления как поэтически-художественные приемы во многом отражают правила освещения проблемы военнопленных и принудительных рабочих. Опыт плена должен был содержать в себе героические черты, при этом личные переживания отходили на второй план. В этом отношении сопоставление эго-документов и художественного изложения событий отражает не только различия в выборе средств выразительности, но и разницу в восприятии событий прошлого.

Список источников и литературы

1. *Болотова Е.Ю., Гаевская Ж.Ю.* «За право пользования правами граждан нашей Родины…»: положение советских граждан, вернувшихся из плена в период и после окончания Великой Отечественной войны (по документам личного происхождения) // Гуманитарные исследования Центральной России. 2017. № 1. С. 59–66.

2. *Вовк А.Ю.* «В 1943 г. я вошел в контакт подпольной французской организации…»: русский эмигрант Владимир Тарасов во французском Сопротивлении // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 4. С. 214–224.

3. *Гаража Н.А.* Письма остарбайтеров как источник микросоциальной истории и истории повседневности Великой Отечественной войны (на материалах коллекции писем остарбайтеров в фондах государственного архива Республики Крым) // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 4. С. 24–30.

4. *Зарицкий А.А.* Вересковый мед: рассказы. Минск: Беларусь, 1965. 327 с.

5. *Курганов Н.С.* «Каждую ночь надо было идти к трем следователям по отдельности…»: мемуарные источники о фильтрации советских граждан 1941–1953 гг. // Тульский научный вестник. Серия: История, Языкознание. 2022. № 1. С. 55–65.

6. *Лысенко А.С.* Правда о войне в рассказе М.А. Шолохова «Судьба человека» // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2015. Т. 5. № 5. С. 496.

7. *Мальцев В.В.* Успехи и «прорехи» советской культурной дипломатии // Журнал российских и восточноевропейских исследований. 2019. № 1. С. 317–324.

8. *Матвеева Ю.В.* Другая проекция (Великая отечественная война в судьбах и творчестве писателей-эмигрантов) // Филологический класс. 2010. № 23. С. 27–30.

9. Центр документации Австрийского Сопротивления (DÖW). Д. 194.

10. Центр документации Австрийского Сопротивления (DÖW). Д. 5558a.

11. Центр документации Австрийского Сопротивления (DÖW). Д. 5558b.

УДК 93/94

В.Н. Круглов[1]

«Было время – и цены снижали». Финансовая политика и настроения населения в СССР (1946–1954 гг.)

Аннотация. Статья посвящена анализу таких послевоенных акций советского руководства, как снижение цен на продовольственные и промышленные товары и размещение государственных займов восстановления и развития народного хозяйства. Они проводились каждый год и носили как практический, так и пропагандистско-идеологический характер. Исследователи не обошли их вниманием, однако данные акции почти никогда не рассматриваются в комплексе. Между тем они представляли собой «звенья одной цепи». В статье объясняются их взаимосвязь, цели и задачи. Отдельно рассмотрена реакция населения на эти акции и их последствия. Сделан вывод об их влиянии на радикализацию общественных настроений в СССР.
Ключевые слова: СССР; денежная реформа 1947 г.; финансовая политика; снижения цен; государственный заем; настроения населения.

“There was a time, and the prices were reduced”: financial policy of the state and the popular opinion in the late Stalinist USSR (1946–1954)

Abstract. The article analyzes such post-war actions of the Soviet leadership as the reduction of prices for food and industrial goods and campaigns for the placement of government bonds for the restoration and development of the national economy. They were held every year and were both practical, and propagandistic and ideological in nature. The researchers did not ignore them, but these actions are almost never considered in complex. Meanwhile, they were “links of the same chain”. The article explains their links, goals and objectives. The reactions of the population to these actions and their consequences are considered separately, their influence on the radicalization of public sentiment in the USSR is also noted.
Keywords: USSR; monetary reform of 1947; financial policy; price reductions; government bonds; popular opinion.

[1] **Владимир Николаевич Круглов** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Центр социальной истории России), научный редактор журнала «Российская история» (Москва, Россия), e-mail: vladimirkruglov2007@yandex.ru.

Vladimir N. Kruglov – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of the Russian History of the Russian Academy of Sciences, Editor of “Russian History” journal (Moscow, Russia).

Статья подготовлена в рамках проекта Института российской истории РАН по созданию многотомной истории России. Публикуется в целях апробации.

The article was prepared as part of the project of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences to create a multi-volume history of Russia. It is published for evaluation purposes.

Во второй половине 1940-х гг., в условиях нараставшего и обострявшегося противостояния со странами «капиталистического» Запада, в СССР сложилась достаточно стройная система финансово-экономических мер, направленная на решение проблемы уравнения колоссального спроса населения на промышленные товары и продукты питания и скудного предложения таковых. Последнее обусловливалось приоритетным направлением сил и средств на максимально возможное усиление военно-силовой составляющей [5, с. 242–244; 42, с. 165–168]. В указанной системе пропагандистские акции тесно переплетались с формально добровольными, а на деле принудительными.

Финансы позднего сталинизма давно привлекают внимание исследователей. Глубоко изучены реформа денежного обращения 1947 г. и ее последствия, налоговая политика, регулирование цен, настроения населения в связи с этим, опубликован крупный корпус документов по данной проблематике [2; 8–10; 14–15; 27; 37; 39; 42–43; 45–46]. Однако эта политика далеко не всегда рассматривается комплексно, как взаимосвязанный и взаимообусловленный набор действий, имевший важные последствия и для народного хозяйства, и для общественно-политической атмосферы в стране. В этой связи в предлагаемой статье я обращусь к таким ее непременным составляющим, как кампании по снижению цен и подписке на государственные займы. Это, пожалуй, наиболее известные и резонансные шаги в изучаемой сфере, ярко раскрывающие намерения государства и реакцию на них населения.

Снижения цен

Данные акции не были послевоенным нововведением. Они имели место еще в середине 1930-х гг., в ходе отмены карточек на продукты питания [44, с. 94–105], и в рассматриваемый период осуществлялись фактически по сценариям десятилетней давности (и столкнулись с очень похожими трудностями). Их возобновление анонсировал лично И.В. Сталин в выступлении на собрании избирателей Сталинского округа Москвы в феврале 1946 г.: «Особое внимание будет обращено на <…> поднятие жизненного уровня трудящихся путем последовательного снижения цен на все товары» [40, с. 15]. Вскоре состоялось первое снижение, которое затронуло коммерческую торговлю в Москве, Ленинграде и городах центральных, северных и восточных областей. Среди прочего понизились цены на ржаной хлеб (на 58 %), крупы (от 53 до 63), хлебобулочные изделия (от 41 до 50), макароны (55), сахар (33), кондитерские товары (от 10 до 32), папиросы (50), чай (33), кофе (40), икру кетовую (37), рыбу и рыботовары (от 15 до 30), мясо и мясопродукты (от 10 до 20), сыр (от 15 до 20), водку и вина виноградные (25 %), а также на одежду, обувь и галантерею [24].

Первое снижение цен в государственной торговле состоялось вскоре после денежной реформы (декабрь 1947 г.) и проводилось в два этапа. Сначала одновременно с отменой карточек определили новый уровень цен (хлеб подешевел на 19, крупы – на 22, масло растительное – на 16, масло животное – на 20, сахар – на 37, мясопродукты – в среднем на 14, яйца – на 13 %) [2, с. 373], затем, в апреле 1948 г., скорректировали некоторые позиции. Подешевели промтовары, прежде всего мотоциклы, велосипеды, репродукторы, патефоны (на 20 %), а также алкоголь, табачные изделия, икра (на 10 %) [38]. Новое снижение имело место 1 марта 1949 г. Больше всего подешевели часы, патефоны, телевизоры, цемент, сено (на 25–30 %), алкоголь (водка и ликеро-водочные изделия – на 25–28, вина и коньяки – на 15 %), но цены на продовольственные товары (хлеб, мука, крупы, макароны, мясо, колбасы, консервы, рыба, масло, печенье) снизились лишь на 10 % [31].

28 февраля 1950 г. вышло объявление об очередной акции. Общее снижение составило 20, а по отношению к 1947 г. – 43 %, и, таким образом, оказалось самым масштабным из всех. Хлебопродукты и мука подешевели на 20–30, макароны – на 25, мясопродукты – на 24–30, рыбные, масломолочные продукты и жиры – на 10–30, сахар – на 12–15, соль – на 40–50, картофель – на 10, алкоголь – на 16–49 % (в зависимости от вида) [28]. Сообщалось, что «в связи с особенно большим снижением розничных цен даже несколько уменьшился абсолютный размер бюджетных доходов» [11, с. 481].

Последние «сталинские» снижения цен оказались значительно скромнее. Акция 1951 г. удешевила хлеб, муку, макароны, мясо на 15, молоко, рыбу, кондитерские и бакалейные товары и алкоголь на 10, промтовары – также в основном на 10 и лишь по отдельным позициям на 20 % (мебель, фарфор, спички, бензин) [29]. В 1952 г. цены снижались только на продовольствие примерно в том же объеме, что годом ранее: на 10–20 % почти по всем позициям [30]. Преемники «вождя» решили сохранить «славную традицию», и 1 апреля 1953 г. устроили очередное снижение (в среднем на 10 %). Некоторые товары подешевели заметнее: так, мясо – на 15, а картофель и овощи – вообще на 50 % [33]. Но это жест оказался символическим и слабо повлиял на покупательную способность населения – страна находилась в состоянии острого продовольственного кризиса, продуктов не хватало даже в Москве [19]. Последний раз цены снизили 1 апреля 1954 г. [34], а осенью 1955 г. новый лидер КПСС Н.С. Хрущев направил в президиум ЦК записку, в которой отметил, что в условиях «трудностей с удовлетворением спроса на продовольственные товары» впредь снижать цены нецелесообразно. Он предложил выделяемые на эту акцию средства направить

на повышение заработной платы низкооплачиваемых рабочих и служащих, улучшение пенсионного обеспечения, а также на резкое расширение сети общественного питания [23, с. 279].

Даже из сухих официальных данных видно, что уже в начале 1950-х гг. курс на снижение цен вошел в полосу кризиса, хотя и в «лучшие годы» он давал лишь кратковременный эффект. Так, уже в конце апреля 1950 г., всего через пару месяцев после наиболее широко разрекламированной акции, историк С.С. Дмитриев, проживавший в находившейся на особом (приоритетном) снабжении Москве, отметил: «В магазинах расхватывают сахар, сахарный песок и т.д., что может лежать: явно, делать начинают запасы <…> все начинает исчезать, а качество товаров после снижения цен заметно ухудшилось» [16, с. 161]. Годовой план товарооборота выполнен не был (дефицит составил 4 млрд руб.) [27, с. 115]. Более того, по итогам завершившейся в том году четвертой пятилетки «восстановления и развития народного хозяйства» не удалось даже достичь довоенного уровня государственной и кооперативной торговли: он составил 94 % по отношению к 1940 г.[1] [2, с. 381].

В этой связи представляют интерес недавно опубликованные документы о торговле по сниженным ценам. Если отчеты, подававшиеся на имя Сталина в 1949–1952 гг., старательно обходили «острые углы», упирая на «выигрыш населения», оживление торговли и одобрительные высказывания в этой связи, то доклад Министерства внутренней и внешней торговли СССР от 3 апреля 1953 г. по понятным причинам отличался более критическим тоном [39, с. 297–301]. В частности, в нем отмечено, что повышенного спроса, характерного для первых дней торговли по новым ценам, долго выдержать не удастся. Раскрывалась и «механика» процесса: резкий рост продаж обеспечивался за счет предварительного увеличения крупным городам товарных фондов, каковые затем распродавались «в большем размере, чем это полагалось бы». Кроме того, из текста выясняется, что ведомство отслеживало состояние торговли лишь «в 30 крупнейших городах», которые «относительно лучше обеспечены товарами, чем остальная торговая сеть». Схожим образом проходило установление новых цен в декабре 1947 г. [2, с. 370–372]. Все это позволяет предположить, что и прочие снижения осуществлялись так же и имели те же итоги.

Как следствие, возникали две задачи: компенсация убытков госбюджета от понижения цен и изъятие остававшейся на руках у населения избыточной наличности, не обеспеченной предложением в торговой сети. Решались они, с одной стороны, при помощи привычных фискальных мер

[1] Стоит отметить, что на рубеже 1930–1940-х гг. сфера торговли и снабжения пребывала в тяжелом кризисе [25].

(повышения платы за проезд на различных видах транспорта, электричество, жилье и коммунальные услуги, введения прямых налогов с населения, отмены различных льгот, выплат и пособий, понижения расценок за работу на предприятиях и т.д., вплоть до задержки или неполной выплаты заработной платы [37, с. 173–174, 503; 45, с. 291–292]), с другой – посредством акции, которая редко увязывается со снижениями, хотя, по сути, являлась прямым их продолжением.

Государственные займы

Это один из важных источников доходов советского бюджета. Еще с конца 1920-х гг. ежегодно выпускались беспроцентные «займы пятилетки», «займы укрепления обороны», на которые должны были подписываться предприятия и учреждения, а также колхозы и кооперативы. В годы Великой Отечественной войны выходили «военные займы», а с 1946 г. – «займы восстановления и развития народного хозяйства» (с 1949 г. – «займы развития народного хозяйства») [45, с. 277–281]. В рассматриваемый период существовали как общесоюзные займы, так и займы в союзных республиках. Их размещение среди имеющего постоянный источник дохода населения официально провозглашалось добровольным, более того – проявлением «высокой сознательности» граждан. Каждый заем, по сообщениям газет, советский народ встречал «с огромным подъемом и воодушевлением». Правдивее, впрочем, звучали заявления о том, что «ни одно зарубежное государство не знало и не знает подобных примеров» [4, с. 1].

Займы представляли собой проходившую в мае или июне в течение недели подписку на облигации госзайма в размере двух-трехнедельного заработка (изредка наиболее нуждающимся сумму снижали до половины месячного оклада). Однако фактически платили больше. Во-первых, на этом настаивало начальство предприятия / учреждения / колхоза. Привлекался широкий спектр средств «убеждения» – от апелляции к патриотическим чувствам до матерной ругани и физического насилия. Это вызывало регулярные жалобы в органы власти: «При распространении займа применяются репрессии самого деспотического характера, применяя методы воздействия по методу 1936–1937 гг.»; «До каких пор будут нас принуждать при подписке на заем? До каких пор будет, что рабочий не может распоряжаться своим заработком?» и т.п. [2, с. 15, 33, 229; 14, с. 80; 15, с. 124–125; 37, с. 544–552; 39, с. 329–339]. Во-вторых, к кампании активно привлекался «голос рабочего класса» – ударники и передовики производства. По объявлении о займе и размере подписки они заявляли, что подпишутся на более крупную сумму – от одной до двух месячных зарплат (что по доходам вполне могли себе позволить). Остальным приходилось следовать их примеру, несмотря на невысокие (а то и прямо нищенские) заработки.

В сельской местности курс был еще строже: сначала проводилась индивидуальная подписка колхозников, а затем деньги брали еще и с колхоза в целом, не выдавая никаких облигаций. Так же поступали и с производственными кооперативами.

Пожалуй, самыми циничными акциями этого рода явились кампании осени 1946 и мая 1947 г. – власть не постеснялась собирать деньги с населения накануне и в разгар голода. Установка отличалась категоричностью: «Ни одного трудящегося без облигаций нового займа». В результате оказалось получено около 45 млрд руб. – половина суммы военных сборов 1942–1945 гг. При этом на просьбы доведенных до отчаяния людей о возвращении им изъятых сумм или обмене облигаций займа на деньги для покупки продуктов или одежды следовали отказы (даже пожилым и инвалидам). «Полное безденежье – самая характерная черта существования человека в те годы», – отметил в своем исследовании В.Ф. Зима [13, с. 46, 48–50].

Впрочем, и последующие действия в этой сфере оказывались под стать. Например, в декабре 1947 г. одновременно с реформой прошла конверсия займов (за исключением майского). Они объединялись в единый 2-процентный заем 1948 г. и обменивались в соотношении 3 руб. в облигациях прежних займов на 1 руб. нового. Срок погашения облигаций, выданных взамен старых, продлили на 10 и 20 лет [45, с. 275]. Следовательно, государство, взяв средства у населения по одним обязательствам, отныне собиралось рассчитываться с ним по иным – льготным для себя.

В послевоенный период в подписке ежегодно участвовали свыше 70 млн человек [43, с. 282] (численность населения за это время выросла со 170,5 в 1946 до 188,7 млн человек в 1953 г. [21, с. 126–127]). В 1950 г. подписка составила 117 % от среднемесячной зарплаты, тогда как в 1940 г. этот показатель равнялся 85 % [3, с. 459]. Почти у 50 млн рабочих и служащих ежемесячно удерживалось в среднем 7–8 % их оклада в счет займа [15, с. 123–124], который по сути превратился в дополнительный налог. В результате если в 1940 г. общая сумма сборов с населения составляла 20,9 млрд руб., то в 1952 г. достигла 90,3 млрд [27, с. 104], причем в 1950 г. их доля равнялась 7,3 % годового дохода казны, в 1951 г. выросла до 7,8, а в 1952 г. – до 8,4 % [7, с. 50]. Правда, одновременно ежегодно проводились розыгрыши облигаций займов за те же 1946–1950 гг., однако выплаты по ним составили лишь 1,7 млрд руб. [17, с. 163].

Наглядное представление о соотношении выигрышей населения от снижения цен в торговле и государственных займов дает таблица 1. В 1948–1949 гг. займы «съедали» не менее трети-четверти выигрыша, а с 1951 – как минимум весь этот выигрыш, а то и значительную сумму сверх того.

Таблица 1

Соотношение выигрышей от снижений цен и госзаймов в 1947–1952 гг. (в млрд руб.)

Год	Выигрыш от снижения цен*	Плановая сумма займа	Собранная сумма займа
1947/1948	86 (57+29)	20	22,6
1949	71 (48+23)	20	23,8
1950	110 (80+30)	20	27
1951	34,5 (27,5+7)	30	34,45
1952	28 (23+5)	30	35,7
1953	53 (46+7)	15	15,3
1954	20	16	17,5

* Сумма выигрыша от снижений в государственной розничной торговле и на колхозном рынке (в 1954 г. цены снижались только в торговле).

Подсчитано по: [47, с. 468, 481, 493, 504, 515, 524, 543].

Интересна также динамика внутреннего долга по займам: на 1 января 1948 г. он составлял 185,6 млрд руб., год спустя благодаря денежной реформе и конверсии займов понизился до 92,6, но в 1950 г. составил 118,3, в 1951 г. – уже 148, в 1952 г. – 178,8, а в 1953 г. – 218,5 млрд [37, с. 553], т.е. незадолго до смерти Сталина долг государства перед гражданами не просто достиг дореформенной отметки, но значительно ее превзошел. Удельный вес долга в 1946–1953 гг. составлял 33–34 % от доходной части госбюджета, а в общей сумме внутреннего долга государства по займам повысился за те же годы с 74,7 до 84 %.

Займы проводились и позднее, однако после 1952 г. их размещение сталкивалось с большими трудностями. Уже в 1953–1954 гг. плановые суммы сбора оказались в 2,5 раза меньше, чем в предыдущие два года [26, с. 365], а в 1955 г. план по подписке впервые оказался не выполнен [45, с. 285]. В результате в 1957 г. руководство страны с «единодушного одобрения трудящихся» решило отказаться от дальнейшего размещения займов, а выплаты по старым долгам отсрочило на 20–25 лет [35].

«Это все – сплошная фикция»

Удалось ли государству при помощи рассмотренных акций добиться желаемого эффекта? И да, и нет. Если говорить о снижениях цен, то их на первый взгляд можно занести в актив. Ожидания перемен были хорошо известны в структурах власти. «С конца войны мы отмечаем в письмах, прошениях и личных обращениях все более настойчивые требования. Жалую-

щиеся считают, что теперь, когда война закончилась победой, бесчисленные нужды населения могут и должны быть немедленно удовлетворены», – сообщали в ЦК ВКП(б) из секретариата президиума Верховного совета СССР в начале 1946 г. В течение года служба зарегистрировала свыше 324 тыс. письменных и устных ходатайств, посыл которых был прост: «Разве мы не завоевали для нас и наших детей право жить лучше?» [6, с. 352–353]. Пропагандистская риторика реагировала на такого рода настроения с особенной чуткостью – постоянно утверждалось, что снижения проводятся в «чистый убыток для государственного бюджета», как жест доброй воли, доказательство заботы партии и «вождя» о народе. В историографии утвердилось мнение, что эти кампании принесли режиму колоссальные дивиденды в глазах населения [14, с. 86; 20, с. 316; 27, с. 98–99]. Во всяком случае, «сталинские снижения» долго еще потом припоминались последующим «вождям».

На поверку, однако, удешевления оказались достаточно скромными. Так, цены 1953 г. по сравнению с 1947 г. составили 45 % (39 по промтоварам и 57 % по продовольственным). Однако по отношению к довоенным оставались в целом выше на треть (133,5 %, в том числе по продовольствию – 132, промтоварам – 137 %). Посуда, спички, обувь, ткани, мебель, игрушки стоили дороже вдвое, хлеб – более чем в 1,5 раза, самые ходовые сорта рыбы (килька и хамса) – в 1,5–2. Серьезно по сравнению с 1940 г. подешевел лишь картофель – до 61 % от прежней цены [37, с. 516–518].

Но главное в том, что как минимум заметная часть жителей страны вполне осознавала суть этих акций. Особенно красноречивы «высказывания отрицательного характера», зафиксированные Министерством госбезопасности СССР в ходе снижения 1952 г. Они также ценны пониманием механики процесса и сообщают о нем важные детали. Вот некоторые из них: «Это все – сплошная фикция. Во-первых, потому, что все равно в провинции <…> торговля хлебом ведется по спискам; во-вторых, никакого выигрыша население не получит, так как сэкономленную сумму с нас вытянут другим путем под любым предлогом»; «Оно, конечно, подешевление заметное <…> Но если учесть, что оно затронуло только часть продуктов, а промтовары совсем не подешевели, то это очень мало. К тому же повторится ловкий прием в магазинах – более дешевые сорта <…> совсем исчезнут, а более дорогие, подешевев, станут дороже, чем раньше были дешевые. Одним словом, государство никакого убытка не терпит, как об этом пишут газеты»; «Следом за снижением всегда сейчас же бывает снижение расценок и зарплаты у всех рабочих и служащих. Поэтому снижение не играет никакой роли»; «Все равно население питается суррогатами и концентратами, так как в магазинах нет мяса, яйца, а если где и появится что-либо,

то <…> устраиваются громадные очереди»; «Наше правительство наверняка не дало бы снижения цен, если бы не экономическое совещание, на котором присутствуют иностранцы[1]. Все это делается только для того, чтобы доказать, что у нас “рай земной”»; «Не могу понять, каким образом колхозники получают выгоду, если сельскохозяйственные продукты, которые они получают на трудодни или с приусадебного участка, они должны продавать на рынке дешевле на 15–20 %, а на вырученные деньги приобретать товары ширпотреба, цены на которые остались прежними» [18, с. 290–294].

То же касается и займов. С одной стороны, государству удавалось изымать у населения большую часть необеспеченной товарными фондами наличности. С другой, однако, это вызывало раздражение и возмущение, которые нарастали с каждым годом. Уголовные дела по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде» дают богатый материал для изучения реакции, по сути, всех слоев населения – как трудящихся, так и интеллигенции и служащих (порой занимавших нерядовые посты в государственных и даже партийных структурах). Проблема займов в высказываниях лиц, осужденных весной 1953 г., фигурировала достаточно часто, причем в комплексе с другими причинами, и нередко вела к обобщениям: «Среди рабочих ругал займы, условия жизни в СССР, политику правительства»; «Снижения цен – пустая формальность, государство грабит народ с помощью налогов и займов»; «Цифры о хорошей жизни дутые, народ грабят займами» [1, с. 129, 196, 24].

При этом привлекает внимание радикализация настроений. После войны виновником тягот и проблем граждане считали местную власть, в частности отдельных нерадивых руководителей, а центр (в первую очередь Сталин) рассматривался как заступник, гарант справедливости и «мудрый судия» [6, с. 354; 14, с. 88–89]. В начале 1950-х гг. эмоциональный фон накалился и уже наблюдалась массовость высказываний антисистемного характера. Граждане не ограничивались «стрелочниками», напрямую обвиняя «вождя», «действиями которого недовольна значительная часть населения страны» [1, с. 79]. В этой связи красноречиво выглядит такой важный экономический показатель, как производительность труда в промышленности. Она резко выросла благодаря широко разрекламированным реформам 1947 г. с их лейтмотивом «последней жертвы населения» [32], и в относительно благополучных 1948–1950 гг. держалась на уровне

[1] Имеется в виду прошедшее в апреле 1952 г. Международное экономическое совещание с участием представителей 49 стран. Во время его работы представители делегации Великобритании собирали данные о жизни москвичей и среди прочего отметили: «В продовольственных магазинах и на рынках имеются в изобилии хлеб, картофель, мясо, птица, рыба, сыр, сливочное масло и яйца. Цены на эти товары приблизительно такие же, как и у нас, и товары эти, разумеется, не нормированы». В связи с этим можно считать, что пропагандистская цель была достигнута [36, л. 171].

13–15 %. Но уже в 1951 г. ее прирост составил 11, в 1952 г. – 7, а в 1953 г. – 6 %, т.е. даже по официальным данным упал более чем вдвое [2, с. 373]. Как видно, слова недовольства у рабочих не расходились с делом.

Исследователи обоснованно считают, что к моменту смерти Сталина советское общество «было на грани кризиса» [41, с. 176], «находилось накануне социального взрыва» [22, с. 155], и даже что «продолжать линию покойного вождя без существенных корректировок – это был путь заведомого политического самоубийства» [12, с. 136]. Источники и статистические данные показывают, что проводимая на рубеже 1940–1950-х гг. финансовая политика выступала значимым фактором общественного недовольства. Как следствие, в рамках разворота курса обновленного руководства страны на внимание к нуждам граждан и (частичный) учет их настроений эта политика подверглась ревизии. В итоге такие значимые ранее акции, как снижения цен и государственные займы, превратившиеся в сильные раздражители, были отменены.

Список источников и литературы

1. 58[10]. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953 – 1991: аннотированный каталог / под ред. В.А. Козлова, С.В. Мироненко; сост. О.В. Эдельман и др. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. 940 с.

2. *Белоусов Р.А.* Экономическая история России: XX век. Кн. 4. М.: ИздАТ, 2003. 412 с.

3. *Бердникова Т.Б.* Сталинские послевоенные займы: директивы и жизнь // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг.: материалы VII международной научной конференции (г. Тверь, 4–6 декабря 2014 г.). М.: РОССПЭН, 2015. С. 451–463.

4. Блестящий успех нового займа // Правда. 1947. 7 мая. С. 1.

5. *Быстрова И.В.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-е – 1980-е гг.: экономические аспекты развития // Экономическая история: ежегодник. 2003. М.: РОССПЭН, 2004. С. 234–248.

6. *Верт Н.* Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М.: РОССПЭН, 2010. 447 с.

7. Государственный бюджет СССР за четвертую и пятую пятилетки (1946–1950 и 1951–1955 гг.). Статистический сборник. М.: Госфиниздат, 1957. 139 с.

8. Денежная реформа в СССР 1947 года. Документы и материалы / сост.: Л.Н. Доброхотов, В.Н. Колодежный, В.С. Пушкарев, В.Н. Шепелев. М.: РОССПЭН, 2010. 791 с.

9. Денежная реформа 1947 года и ее роль в восстановлении народного хозяйства СССР: коллективная монография / под ред. Р.М. Нуреева, М.А. Эскиндарова. М.: КНОРУС, 2021. 322 с.

10. Денежные реформы в России: история и современность. Сборник статей / отв. ред. Е.А. Тюрина. М.: Древлехранилище, 2004. 280 с.

11. *Дьяченко В.П.* История финансов СССР (1917–1950 гг.). М.: Наука, 1978. 493 с.

12. *Земсков В.Н.* Политические репрессии в СССР: реальные масштабы и спекулятивные построения // Политическое просвещение. 2013. № 6. С. 106–137.

13. *Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М.: ИРИ РАН, 1996. 265 с.

14. *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 2000. 229 с.

15. *Иванова Г.М.* На пороге «государства всеобщего благосостояния». Социальная политика в СССР (середина 1950-х – начало 1970-х годов). М.: ИРИ РАН, 2011. 282 с.

16. Из дневников С.С. Дмитриева / публ. Р.Г. Эймонтовой // Отечественная история. 1999. № 3. С. 143–169.

17. История Министерства финансов России: в 4 т. Т. III: 1933–1985 гг. М.: ИНФРА-М, 2002. 370 с.

18. Как снижали цены в конце 40-х – начале 50-х годов и что об этом говорил народ / Публ. А. Краюшкина и Н. Тепцова // Неизвестная Россия. XX век: архивы, письма, мемуары. Кн. 2 / сост.: В.А. Козлов, С.М. Завьялов. М.: Историческое наследие, 1992. С. 290–294.

19. *Круглов В.Н.* «Последний сталинский голод»: кризис продовольственного обеспечения в СССР начала 1950-х гг. // Экономическая история: ежегодник. 2013. М.: РОССПЭН, 2014. С. 403–446.

20. *Малиа М.* Советская трагедия: история социализма в России. 1917–1991. М.: РОССПЭН, 2002. 584 с.

21. Население Советского Союза: 1922–1991 / [Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харькова]. М.: Наука, 1993. 143 с.

22. *Наумов В.П.* К истории секретного доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 147–168.

23. Никита Сергеевич Хрущев: два цвета времени. Документы из личного фонда: в 2 т. Т. 2 / сост.: А.Н. Артизов, Л.А. Величанская, И.В. Казарина, М.Ю. Прозуменщиков, С.Д. Таванец. М.: Международный фонд «Демократия», 2009. 888 с.

24. Объявление Наркомторга СССР о снижении цен на товары в коммерческих продовольственных магазинах с 26 февраля 1946 г. // Правда. 1946. 26 февр. С. 4.

25. *Осокина Е.А.* Цена «большого скачка». Кризисы снабжения и потребление в годы первых пятилеток // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: в 2 т. Т. 1. М.: РГГУ, 1997. С. 205–243.

26. *Петухова Н.Е.* История налогообложения в России IX–XX вв.: учебное пособие. М.: Вузовский учебник, 2008. 416 с.

27. *Попов В.П.* Экономическая политика советского государства. 1946–1953 гг. М.; Тамбов: Издательство ТГТУ, 2000. 222 с.

28. Постановление Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) «О новом снижении государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары» от 28 февраля 1950 г. // Правда. 1950. 1 марта. С. 1–2.

29. Постановление Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) «О новом снижении государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары» // Правда. 1951. 1 марта. С. 1.

30. Постановление Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) «О новом снижении государственных розничных цен на продовольственные товары» // Правда. 1952. 1 апр. С. 1.

31. Постановление Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) «О новом снижении с 1 марта 1949 года государственных розничных цен на товары массового потребления» // Правда. 1949. 1 марта. С. 1.

32. Постановление Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары» от 14 декабря 1947 г. // Правда. 1947. 15 дек. С. 1.

33. Постановление Совета министров СССР и ЦК КПСС «О новом снижении государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары» // Правда. 1953. 1 апр. С. 1.

34. Постановление Совета министров СССР и ЦК КПСС «О новом снижении государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары» // Правда. 1954. 1 апр. С. 1.

35. Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О государственных займах, размещаемых по подписке среди трудящихся Советского Союза» от 19 апреля 1957 г. // Правда. 1957. 20 апр. С. 1.

36. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 137. Д. 791.

37. Советская жизнь, 1945–1953 гг. / сост.: Е.Ю. Зубкова, Л.П. Кошелева, Г.А. Кузнецова, А.И. Минюк, Л.А. Роговая. М.: РОССПЭН, 2003. 720 с.

38. Сообщение Совета министров СССР «О новом снижении с 10 апреля 1948 г. единых государственных розничных цен на некоторые товары» // Правда. 1948. 10 апр. С. 1.

39. Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1945–1953 гг.: документы и материалы / сост.: В.В. Журавлев, Л.Н. Лазарева. М.: РОССПЭН, 2020. 718 с.

40. *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 16. М.: Писатель, 1997. 463 с.

41. *Фатеев А.В.* Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. М.: ИРИ РАН, 1999. 261 с.

42. *Фильцер Д.* Советские рабочие и поздний сталинизм: рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны / пер. с англ. А.Л. Раскина. М.: РОССПЭН, 2011. 354 с.

43. *Хлевнюк О.В., Горлицкий Й.* Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры / пер. с англ. А.А. Пешкова. М.: РОССПЭН, 2011. 229 с.

44. *Хлевнюк О.В., Дэвис Р.У.* Отмена карточной системы в СССР. 1934–1935 гг. // Отечественная история. 1999. № 5. С. 87–108.

45. *Чуднов И.А.* Денежная реформа 1947 года. М.: РОССПЭН, 2018. 431 с.

46. *Шестаков В.А.* Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х годов. М.: Наука, 2006. 295 с.

47. Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов: 1917–1959 / под ред. С.Г. Струмилина. М.: Советская энциклопедия, 1961. 780 с.

УДК 93/94

В.В. Тихонов[1]

Языковые процессы в СССР в 1950–1980-е гг. и борьба за национальные языки

Аннотация. Через призму концепции М. Хроха о нациестроительстве рассматриваются языковые процессы в позднем СССР. Делается вывод, что языковые проблемы и лозунги сохранения и развития родного языка становились значимым фактором этнической мобилизации. Этнографический (национальный) патриотизм республиканских интеллектуалов, спровоцированный процессами унификации культурного пространства Советского Союза, получил распространение в официальных научно-культурных институциях и неофициальных кругах. Как следствие, именно деятели культуры оказались в авангарде формирования национальных дискурсов в годы перестройки.

Ключевые слова: языковые процессы; поздний СССР; нациестроительство; этническая мобилизация.

Language politics in the USSR in the 1950s–1980s and struggle for national languages

Abstract. Language politics in the late USSR are considered through the prism of M. Hroch's concept of nation-building. It is concluded that language problems and calls for the preservation and development of the Native language have become a significant factor in ethnic mobilization. The ethnographic (national) patriotism of republican intellectuals, provoked by the processes of unification of the cultural space of the Soviet Union, has become widespread in official scientific and cultural institutions and unofficial circles. As a result, it was the cultural figures who were at the forefront of the formation of national discourses during the years of the Perestroika.

Keywords: language processes; late USSR; nation-building; ethnic mobilization.

Проблема роли языковых процессов в этнокультурной мобилизации позднесоветского времени чаще всего рассматривается через призму концепции «языков этнической мобилизации», предложенной М.Н. Губогло [4]. В целом она позволяет адекватно фиксировать явление, однако не дает представления о механизмах его развития. В изучении генезиса культурного национализма в Восточной Европе большим авторитетом пользуется концепция М. Хроха (Miroslav Hroch), который выделял следующие фазы

[1] **Виталий Витальевич Тихонов** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Россия), e-mail: tihonovvitaliy@list.ru.
Vitaly V. Tikhonov – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

нациестроительства: этнографический патриотизм; формирование национальных культурных институтов; формулировка политических требований и создание массового национального движения [18, с. 121–145]. Думаю, что ее эвристический потенциал применим и к языковым процессам в позднем СССР.

Язык как важнейший культурный ресурс традиционно является объектом и инструментом национальной политики. В 1920–1930-е гг. развитие языков народов СССР вошло в число приоритетов новой власти, поскольку считалось необходимым элементом построения нового общества. Утверждалось, что царское правительство проводило политику насильственной русификации. Теперь же великороссы должны вернуть долг ранее угнетенным народам Союза. Широко практиковалось внедрение в процесс управления (делопроизводство и др.) языков народов СССР. Одновременно советские ученые разрабатывали алфавиты и методики преподавания языков национальных меньшинств в школах. Считалось, что языки должны выйти на новый уровень. Активно продвигалась модель двуязычия, когда человек должен был знать не только свой родной язык, но и язык национального большинства в месте его проживания.

Для развития языка и письменности неславянских народов (финно-угорских, кочевых и северных, Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии и т.д.) решено было отказаться от кириллицы (как напоминания о русификации), а также от сложной арабской графики в пользу латиницы [12, с. 256–290]. Одновременно активно развивалось образование на родном языке, который внедрялся даже в те школы, где уже шло преподавание на русском. Это явление было особенно характерно для Кубани и западных республик СССР – Украины и Белоруссии [6].

Несмотря на то, что реализации грандиозного проекта языковой коренизации мешало множество факторов (низкая грамотность многих народов, недостаток средств, людских ресурсов и т.д.), «прогрессоры» могли похвастаться значительными успехами. Но в 1930-е гг. ситуация постепенно менялась. Конституция 1936 г. содержала положение о праве на образование на родном языке, однако идеологические приоритеты изменились. Это обусловливалось отдалением перспектив мировой революции и переходом к построению социализма в «отдельно взятой стране», а также переходом к идеологии «дружбы народов», в рамках которой русские становились не потенциальными носителями «великодержавного шовинизма», а «первыми среди равных», «старшим братом» других народов. Поворотным стал 1938 г., когда в школах СССР ввели обязательное изучение русского языка вне зависимости от национальности учащихся. Кроме того, уже латинизированные алфавиты срочно переводились на кириллицу [1, с. 89–90].

Сложилась неофициальная иерархия языков. Она являлась прямым продолжением административно-территориального устройства. На вершине находился русский язык, игравший роль языка межнационального общения и центрального управления. Следом шли языки титульных народов союзных республик, автономных республик, ниже оказывались все остальные. Описанная иерархия фактически противоречила лозунгу о равноправии языков, ставя одни языки над другими и позволяя их носителям доминировать.

В послевоенное время наблюдалось, с одной стороны, все большее усиление и расширение статуса и роли русского языка в жизни народов СССР, а с другой – дальнейшее развитие языков. Активное наступление на «нерусскую» школу в РСФСР началось при Н.С. Хрущеве. Отмечавшееся в начале 1950-х гг. значительное распространение второгодничества объяснялось в том числе и трудностью изучения сразу нескольких языков. Оказалось, что именно они (русский и родной) являются самыми распространенными предметами, по которым не успевали школьники. В автономных республиках доля второгодников составляла высокие 15,4 %. Министр просвещения РСФСР А.И. Каиров указывал, что качество обучения в национальных школах, как правило, отстает от качества преподавания в русских [8, с. 26].

Особое значение в резком росте обучающихся на русском языке сыграла школьная реформа 1959 г., после которой родители получили возможность выбора языка обучения для своих детей. Несмотря на то, что образование (данные на 1967/68 учебный год) в СССР шло на 54 языках (в том числе на 52 языках народов СССР, а также польском и венгерском) [14, л. 99], многие выбирали образование на русском языке, так как считали, что это будет способствовать жизненному успеху их детей. Заметное изменение ситуации фиксировала ЦСУ в 1968 г. (см. табл.1).

Из таблицы 1 видно, что на русском обучалось гораздо больше, чем тех, кто считал его родным языком. Одновременно виден и главный «ресурс» таких учеников: украинцы и белорусы. Согласно данным ЦСУ, если в 1959 г. в Украинской ССР на русском обучалось 29,7 %, то в 1967/68 таковых насчитывалось уже 37,2 %. При этом по переписи 1959 г. родным языком русский считало 24,3 % [14, л. 101]. В Белорусской ССР тенденция была еще нагляднее. Если в 1959/60 учебном году на белорусском языке обучалось 73,4 %, то в 1967/68 – только 54,7 %. Разрыв между белорусским и русским языками стремительно сокращался. В 1967/68 учебном году на русском обучалось 45,3 % [14, л. 102]. К началу 1980-х гг. ситуация с белорусским языком ухудшилась. Во всей республике сохранилась только одна школа с полным циклом обучения на белорусском языке [1, с. 118].

Таблица 1

Статистика обучения на языках народов СССР в общеобразовательной школе (1959–1968 гг.)

Язык обучения	Численность учащихся, обучающихся на данном языке, в % к числу учащихся на начало учебного года по СССР			Процент лиц, считающих данный язык родным (по переписи 1959 г.)
	1959/60	1965/66	1967/68	
Русский	66,7	69,0	68,1	59,4
Украинский	12,9	11,1	10,7	15,9
Белорусский	3,0	2,3	2,1	3,3
Узбекский	3,5	4,1	4,8	2,9
Казахский	1,4	1,6	1,7	1,7
Грузинский	1,4	1,4	1,3	1,3
Азербайджанский	1,6	2,0	2,2	1,4
Литовский	1,1	1,0	1,0	1,1
Молдавский	1,1	1,0	1,0	1,0
Латышский	0,5	0,4	0,4	0,7
Киргизский	0,5	0,6	0,7	0,5
Таджикский	0,8	0,9	1,0	0,7
Армянский	1,1	1,3	1,4	1,2
Туркменский	0,6	0,7	0,8	0,5
Эстонский	0,4	0,3	0,3	0,5

Составлено по: [14, л. 99].

Любопытно сильное увеличение обучающихся на узбекском языке. Это объяснялось не только заметным демографическим ростом этнических узбеков, но и необходимостью учить узбекский язык для других среднеазиатских народов (таджиков, киргизов, каракалпаков и т.д.), проживавших в Узбекской ССР. Стоит отметить, что в Таджикистане почти четверть школьников также обучалась на узбекском [14, л. 111]. Впрочем, и в Средней Азии русский язык оставался престижен, поэтому если родным его в 1959 г. назвало только 16,2 %, то в 1967/68 учебном году обучение на нем проходило 21,7 % учащихся [14, л. 103]. Заметно упал процент обучающихся на русском в Азербайджане (с 24,9 % в 1959/60 уч. г. до 17,5 % в 1967/68) [15, л. 106].

В целом тенденцию можно обозначить следующим образом. В славянских республиках (Украина и Белоруссия), а также (в меньшей степени) в Прибалтике количество обучающихся на русском языке быстро росло. В Средней Азии и Азербайджане же этот показатель медленно снижался. При этом следует учитывать и относительно низкий уровень владения русским языком в Грузии и Армении. Здесь же следует указать на то, что русский быстрее вытеснял родственные языки, в то время как носителям тюркских языков, а также армянского и грузинского освоение русского языка давалось куда сложнее, чем украинцу или белорусу.

У распространения русского языка была и еще одна особенность. Это был язык урбанизированного населения. Именно в городах, в том числе и союзных республик, русский язык получил самое широкое распространение. Причин тому несколько. Во-первых, именно в городах концентрировались жившие в республиках русские. Во-вторых, русский выступал языком межнационального общения, поэтому в ситуации полиэтничного города именно он приобретал особую значимость. В-третьих, русский являлся языком высококвалифицированных специальностей. Так, несмотря на достаточно большое количество изданий на языках народов СССР, только незначительная их часть посвящалась науке, особенно негуманитарным специальностям [1, с. 114–115]. Получалось, что для высококлассных специалистов русский язык оказывался еще и профессиональным. Русский язык вытеснял своих «конкурентов» и на бытовом уровне. Это определялось его «престижностью»: ассоциацией с высокой, имевшей мировое признание культурой; преимуществами при получении высшего образования (в 1970–1980-е гг. практически вся система высшего образования в союзных республиках, кроме Закавказья, перешла на русский).

Возрастающую роль русского языка прекрасно понимали и простые граждане. Так, в ряде пожеланий, выраженных в письмах читателей «Правды» в связи с 50-летним юбилеем СССР в 1972 г., предлагалось внести в Конституцию положение, по которому русский признавался языком межнационального общения, добровольно выбранного нациями и народностями Советского Союза [15, л. 15].

Носители родственных языков – украинского и белорусского – подвергались стихийной «русификации» и позднее. Так, во время переписи 1989 г. 64 % жителей УССР назвали украинский язык родным, но, согласно исследованиям начала 1990-х гг., только 43,9 % отдавали ему предпочтение в общении (а в восточных регионах – всего 14,6 %) [10, с. 105]. В Белорусской ССР 80,2 % назвали родным языком белорусский, но пользовались им в повседневной жизни только 10,5 % [7, с. 130].

Еще динамичнее русский язык распространялся в автономных республиках РСФСР. После упразднения Карело-Финской ССР и преобразова-

ния ее в Карельскую АССР финский язык стал факультативным предметом [17, с. 59]. Население стремительно осваивало русский язык и в Мордовии [11, с. 80–81].

При этом родной язык сохранял ценность в сознании людей. Проведенный во второй половине 1980-х гг. в РСФСР опрос показал, что язык рассматривался в качестве ключевого ресурса идентичности [5, с. 30]. Особенно злободневными языковые вопросы оказались в тех республиках, в которых местные интеллектуальные элиты акцентировали их значимость. В первую очередь речь идет об Украине и Молдавии.

В 1970-е гг. ключевой концепцией языковой политики стало распространение двуязычия как нормы языковой компетенции гражданина СССР [16, с. 294–315]. Предполагалось, что человек обязательно должен знать не только свой родной, но и русский язык. Активно дискутировалась необходимость обучения русскому начиная с детского сада [1, с. 112]. Конституция 1977 г., в отличие от Конституции 1936 г., говорила уже не о праве, а о возможности образования на родном языке. Как следствие, переписи 1970 и 1979 гг. демонстрировали рост двуязычия и особенно рост владения русским языком народами СССР.

Впрочем, по мнению лингвистов, эти цифры были обманчивы. Например, перепись 1979 г. показала, что количество узбеков, владевших русским, достигает 49,6 %. Но уже перепись 1989 г. дала только 23,8 %. Можно предположить, причиной этому стал как рост антипатии к русскому языку в конце 1980-х гг. на волне популярности националистических идей, так и завышение количества узбеков, владевших русским, в конце 1970-х гг. [1, с. 109]. Имелась и другая трудность. Для ряда народов необходимым оказывалось не двуязычие, а триязычие. Например, абхазам, проживавшим в Грузинской ССР, приходилось владеть не только родным языком, но также грузинским и русским [1, с. 123].

Итак, в 1970-е гг. в Советском Союзе сложилась противоречивая картина. Многим в союзных республиках ситуация виделась угрожающей, и именно языковые проблемы и лозунги сохранения и развития родного языка становились значимым фактором этнической мобилизации. Так, принятие в 1977 г. новой общесоюзной конституции запустило процесс пересмотра конституций союзных республик. Попытка изменить положение Конституции Грузинской ССР (принята в 1937 г.), согласно которому грузинский являлся государственным языком, закончилась массовыми волнениями. Под давлением общественности это положение было сохранено. Ссылаясь на грузинский пример, так же поступили Армения и Азербайджан, закрепившие государственный статус армянского и азербайджанского языков [19, с. 343–344]. В свою очередь, смена Конституции спровоцировала

протест у абхазов, считавших, что грузинским руководством проводится целенаправленное переселение грузин в Абхазию и ущемление местных языка и культуры. Основным требованием стал выход из состава Грузинской ССР. Этого не произошло, а в Конституции Абхазской АССР было закреплено уже три языка: абхазский, грузинский и русский.

«Наступление» русского языка и культуры вызывало серьезную тревогу у динамично развивавшихся интеллектуальных (в первую очередь литературно-художественных) элит союзных республик. В значительной мере в этих кругах происходили те же процессы, что и в среде русской интеллигенции: затухание интереса к коммунистическому проекту, повышение интереса к национальным традициям, рост националистических настроений. Особую активность проявляли писатели, которые завуалировано, при помощи литературных произведений, выражали тревогу по поводу деградации аутентичной культуры и языка. Культурный неотрадиционализм стал важным интеллектуальным фактором культурной жизни 1970–1980-х гг. и провозвестником этнической мобилизации.

Так, значительную роль в борьбе за молдавский язык и культуру сыграло новое поколение писателей, пришедшее в литературу уже после смерти И.В. Сталина. После войны большинство местной интеллигенции, появившейся в годы, когда Молдавия была частью Румынии, эмигрировало. Советская власть делала ставку на интеллектуальные и управленческие кадры из Приднестровья [13, с. 157]: А. Бусуйока, Г. Маларчука, И. Друцэ и др. Однако уже в 1965 г. молдавское руководство било тревогу, указывая на «националистические» тенденции в их выступлениях и деятельности. Отмечался и общий рост интереса населения к румынской литературе [2, с. 100–107]. Центральную власть беспокоило потенциальное движение за присоединение к соседней Румынии (романизм), поэтому значительные силы оказались брошены на обоснование того, что молдавский язык и культура являются самостоятельными, а не частью румынской культурной традиции («молдаванизм») [13, с. 158]. Пользуясь этими страхами, руководство республики требовало субсидии на развитие молдавского языка и культуры. Тем не менее сложилась ситуация, при которой этот язык остался языком сельской местности и важным элементом этнической идентичности, а языком городов (население которых преимущественно составляли русские, украинцы и евреи) выступал русский [4, с. 47–49].

Скандал вызвали пьесы Друцэ, посвященные молдавскому крестьянству. Сотрудники КГБ утверждали, что писатель в узком кругу предсказывал, что «XXI век будет веком национализма. Народам в одинаковой степени надоели и коммунизм, и империализм, потому что обе эти доктрины подавляют национальный дух и национальные чаяния» [2, с. 775]. В 1968 г. писателю пришлось переехать в Москву. Но молдавские власти продолжа-

ли обвинять его в идеализации патриархальной жизни и очернении советской действительности [3, с. 84–87].

В Украинской ССР при П.Е. Шелесте (первый секретарь ЦК КП Украины в 1963–1972 гг.) руководство старалось развивать украинский язык и культуру. Появились историко-культурный заповедник на Хортице, Музей народной архитектуры и быта Украины в Пирогове, дворец культуры «Украина». Это «национальное возрождение» вылилось в 1968 г. в громкий скандал после публикации романа О. Гончара «Собор», который в анонимном обращении «украинских писателей» был назван «клеветническим» и «националистическим», а в записке КГБ указывалось, что в нем присутствуют элементы национализма [2, с. 481–486]. При преемнике Шелеста ситуация изменилась – В.В. Щербицкий имел репутацию «москвофила».

Во второй половине 1980-х гг. на Украине сужение сферы использования украинского языка сравнивали с «духовным Чернобылем», и уже в 1987 г. местные литераторы выдвинули требование закрепить в Конституции УССР его государственный статус, а на пленуме Союза писателей прозвучали требования отменить право выбора родителями языка образования в школе, поскольку в условиях небольшого количества украинских школ это положение ущемляет права украиноязычных граждан [10, с. 106]. Особенно острый характер языковой вопрос приобрел в Молдавии. Местный Народный фронт и его активисты сделали тему развития языка и возвращения латиницы одним из своих ключевых лозунгов. 27 августа 1989 г. они организовали в Кишиневе Великое национальное собрание, в котором приняло участие около 500 тыс. человек.

В 1990 г. в союзных республиках прошел «парад» законов о языке, объявивших языки титульной нации государственными. Исключением стала более русифицированная Белорусская ССР, где эта тема казалась не настолько болезненной, а государственными языками были объявлены белорусский и русский [9, с. 20–29]. В то же время в Молдавии под давлением националистов был принят закон, вводивший латинский алфавит и придавший молдавскому языку статус государственного. Это вызвало серьезный протест у местного немолдавского населения (поскольку знание этого языка требовалось для всех специалистов, работающих с людьми) и спровоцировало этнополитическую мобилизацию в Приднестровье и среди гагаузов. В ответ на провозглашение 19 августа 1990 г. суверенитета Молдавской ССР последовали провозглашения Гагаузской и Приднестровской ССР. Вскоре это привело к военному конфликту [13, с. 162–169]. Согласно обоснованному мнению Губогло, «парад законов о языках стал важной частью изменения этнополитической ситуации, существенным катализатором национальной консолидации, межнациональной интегра-

ции, межнациональной дезинтеграции, политической и социальной активности» [4, с. 198].

Нарисованная выше картина вполне вписывается в модель М. Хроха. Этнографический (национальный) патриотизм республиканских интеллектуалов, спровоцированный процессами унификации культурного пространства Советского Союза, распространялся и утверждался в официальных научно-культурных институтах, а также среди неформальных кругов. Как следствие, именно деятели культуры оказались в авангарде формирования национальных дискурсов. Особенностью этого процесса в позднем СССР являлось то, что он реализовывался в обществах, уже прошедших фазу национального строительства. Возникал своеобразный феномен «вторичного нациестроительства», требующий дальнейшего изучения и концептуализирования.

Список источников и литературы

1. *Алпатов В.М.* 150 языков и политика. 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Институт востоковедения РАН, 2000. 190 с.

2. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1965–1972. Документы. М.: РОССПЭН, 2009. 1245 с.

3. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1973–1978. Документы. Т. 2: 1977–1978. М.: РОССПЭН, 2012. 607 с.

4. *Губогло М.Н.* Языки этнической мобилизации. М.: Языки славянской культуры, 1998. 811 с.

5. *Дробижева Л.* Национализмы в республиках Российской Федерации (Саха, Татарстан, Тува, Северная Осетия): идеология элиты и массовое сознание // Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе. Т. 3. М.: РОССПЭН, 2010. С. 23–51.

6. *Дроздов К.С.* Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923–1933 гг. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 486 с.

7. *Зам А.* Республика Беларусь – суверенитет впредь до отмены? // Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2010. С. 127–154.

8. *Иванова Г.М.* Советская школа в 1950–1960-е годы. М.: Фонд «Московское время», 2018. 432 с.

9. *Катунин Д.А.* Государственный и официальный язык в конституциях стран бывшего СССР // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. 2009. № 4 (8). С. 20–29.

10. *Кулык В.* Национализм в Украине. 1986–1996 годы // Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2010. С. 101–126.

11. *Маресьев В.* Национализмы Мордовии // Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе. Т. 3. М.: РОССПЭН, 2010. С. 75–99.

12. *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. 662 с.

13. *Нойкирх К.* Республика Молдова между унионизмом, молдаванизмом и национализмом граждан государства // Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2010. С. 155–181.

14. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 60. Ед. хр. 52.

15. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Ед. хр. 17.

16. Современные этнические процессы в СССР. М.: Мысль, 1977. 562 с.

17. *Хайккинен К., Лииканен И.* Этнический и политический национализм в Республике Карелия в период с 1985 по 1995 год // Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе. Т. 3. М.: РОССПЭН, 2010. С. 52–74.

18. *Хрох М.* От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 121–145.

19. Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства / отв. ред.: Т.Ю. Красовицкая, В.А. Тишков. М.: Новый хронограф, 2012. 448 с.

УДК 94(47+57)«1917/1991»

Чжуан Шици[1]

Непроизнесенная речь Г.М. Маленкова на январском (1955 г.) пленуме ЦК КПСС

Аннотация. Популярность Г.М. Маленкова в стране в 1953–1954 гг. тревожила других членов Президиума ЦК, и последние все больше проявляли враждебности к нему. В январе 1955 г. Маленков пытался если не перехватить инициативу в сельском хозяйстве, то хотя бы повысить личный авторитет среди колхозников, специалистов и руководителей хозяйственных органов. В проекте речи для выступления на ближайшем пленуме ЦК отмечались негативные последствия аграрной политики, проводимой по инициативе Н.С. Хрущева с сентября 1953 г., а также подчеркивалась необходимость повышения уровня механизации в колхозах, что облегчило бы тяжелый физический труд и укрепило роль хозяйственных органов. Однако члены Президиума решили освободить главу правительства от должности, и Маленков на пленуме ЦК вынужден был заменить подготовленную речь самокритикой.

Ключевые слова: СССР; Г.М. Маленков; январский (1955 г.) пленум ЦК.

The Unspoken Speech of G.M. Malenkov at the January (1955) CC Plenum

Abstract. In 1953–1954 Malenkov's popularity in the country seriously worried other Central Committee's Presidium members, and the latter demonstrated significantly hostility towards him. In January 1955, Malenkov attempted, if not to seize the initiative in agriculture, then at least to some extent to increase his personal authority among collective farm labourers, specialists and government managers. His draft speech for the forthcoming Central Committee plenum highlighted the negative consequences of the agrarian policy pursued by Khrushchev since September 1953, as well as emphasized the need to increase the level of mechanization in collective farms, which would facilitate hard physical labor and strengthen the role of governmental organs. However, on the eve of the plenum Malenkov was dismissed from the post of the head of the government, and at the Central Committee plenum instead of reading the prepared speech he chose to make a confession.

Keywords: the USSR; G.M. Malenkov; the January (1955) CC Plenum.

Г.М. Маленков является едва ли не самым загадочным среди наследников И.В. Сталина. Многие факторы затрудняют научное освещение его поли-

[1] **Чжуан Шици** – кандидат исторических наук, старший преподаватель Института регионального исследования Пекинского университета (Пекин, Китай), e-mail: shandongxutao@gmail.com.

Zhuang Shiqi – PhD in History, Postdoctoral Researcher, Institute of Area Studies, Peking University (Beijing, China).

тической биографии. Вплоть до настоящего времени вышла только одна монография, специально посвященная его партийно-государственной деятельности, основанная на конкретных исторических материалах [6], однако многие детали, связанные с политической борьбой после смерти Сталина, по сей день неизвестны. Так, взгляды и действия Маленкова по аграрному вопросу на рубеже 1954–1955 гг. практически не подвергались специальному комплексному исследованию.

Цель данной статьи – анализ непроизнесенной речи Маленкова на январском (1955 г.) пленуме ЦК. Определены следующие задачи: охарактеризовать ситуацию в Президиуме ЦК, в особенности отношение его членов к главе правительства; проанализировать взгляды и действия Маленкова по аграрному вопросу. Основными документальными источниками послужили материалы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ). Результаты проведенного исследования дают материал для более детального осмысления эволюции советской политической системы, а также расширяют наши представления о формировании советской модели социализма в послесталинский период.

В 1954 г. Маленков пользовался значительной популярностью в стране. Заняв пост председателя Совета министров СССР, он воспринимался многими как наследник умершего Сталина. Его инициативы по пересмотру внутренней и внешней политики вызвали широкий общественный резонанс. Письма и отзывы простых советских граждан о его личности и политической деятельности свидетельствуют, что глава правительства являлся наиболее популярной и уважаемой фигурой в народе, особенно среди колхозников. В русской деревне появилась пословица «Пришел Маленков – поели блинков», а в армянских селах – «Послушай десять моих баранов и двух коров, они молятся за тебя, Маленков» [1, с. 147–148]. Как вспоминал сотрудник ЦК КПСС В.П. Мыларщиков, 13 июня 1954 г. он и Маленков осматривали одну из деревень Новгородской области. Увидев главу правительства, плохо одетые колхозницы босиком пришли к нему и выразили глубокую благодарность за снижение налога: «слезы из глаз готовы были брызнуть». Маленков сказал, что это первые меры. Услышав главу правительства, одна из колхозниц, произнеся «спасибо», «заревела и, больше ничего не сказав, ушла» [4, с. 376].

Все это, безусловно, не могло не вызывать беспокойство у других членов Президиума ЦК. С целью сохранения баланса сил они стали активно поддерживать Н.С. Хрущева. В первые месяцы 1954 г. на волне коренизации кадров на западных окраинах СССР, освоения целинных и залежных земель, а также критики неудовлетворительной работы партийного и го-

сударственного аппаратов они позволили Хрущеву снять многочисленных региональных руководителей, которых ранее выдвинул Маленков. В апреле 1954 г., используя 60-летие Хрущева как повод, высшее руководство наградило его орденом Ленина и золотой медалью «Серп и молот», а также начало пропагандировать его заслуги перед партией и страной. Более того, именно Хрущева назначили руководителем делегации СССР в Пекин на празднование пятилетия образования КНР, хотя он не был ни главой правительства, ни председателем Президиума Верховного совета СССР, а его должность – первый секретарь ЦК КПСС – тогда не считалась высшим постом в государстве.

Хрущев охотно использовал поддержку большинства Президиума для укрепления своих позиций и дальнейшего ослабления главного противника. Помощник Маленкова Д.Н. Суханов вспоминал: «В сентябре 1954 года Хрущев, находясь на отдыхе в Крыму, вызвал к себе Н.А. Булганина, А.И. Микояна, Ф.Р. Козлова, Е.А. Фурцеву, А.И. Кириченко, Д.С. Полянского и предрешил вопрос об отстранении Маленкова с поста председателя Совета Министров СССР и о назначении на этот пост Булганина… Я об этом сборе был осведомлен через фельдсвязистов, доставлявших почту Маленкову, находившемуся в это время на отдыхе в Крыму в Воронцовском особняке» [7, л. 30]. Спустя несколько недель Хрущев добился превращения борьбы против «недостатков в работе партийного и государственного аппарата» в борьбу исключительно против «существенных недостатков в структуре министерств и ведомств СССР», которая была направлена в первую очередь на отстранение Маленкова от занимаемой должности [7, л. 31]. В декабре 1954 г. в газетах усилилась критика бюрократизма правительственных органов и курса на приоритетное производство продовольствия и товаров народного потребления. Хотя фамилии не упоминались, но адресат этих обвинений угадывался легко.

Глава правительства, понимая складывающуюся ситуацию, решил предпринять контрудар. В РГАСПИ хранится проект его выступления на январском пленуме ЦК 1955 г., который долгое время не привлекал внимание историков. Эта непроизнесенная речь свидетельствует о попытке если не перехватить инициативу в реформировании сельского хозяйства, то хотя бы в какой-то степени повысить личный авторитет среди колхозников, специалистов и руководителей хозяйственных органов. Проект содержит не только точный и подробный анализ проблем в аграрной сфере, но и статистику, конкретные данные, что свидетельствует об основательной подготовке Маленкова к ближайшему пленуму. Значительная часть текста посвящена негативным последствиям политики, проводившейся по инициативе Хрущева с сентября 1953 г. В нем также подчеркивалась необходимость

повышения уровня механизации в колхозах, что облегчило бы тяжелый физический труд и укрепило роль хозяйственных органов.

Маленков, прежде всего, критиковал бесполезность специальных групп райкомов партии по сельскому хозяйству, созданных по решению сентябрьского пленума 1953 г. взамен районных управлений сельского хозяйства и заготовок. Несмотря на усиление работы партийных организаций, в отрасли по-прежнему наблюдалась «бесхозяйственность»: «За 1954 год в колхозах пало более 2,4 млн голов, или 6 %, крупного рогатого скота, более 4,7 млн голов, или 10 %, свиней… В колхозах бездействует почти четверть всех электродвигателей, не работает почти одна треть колхозных и межколхозных электростанций» [2, л. 9, 20]. Более того, глава правительства подчеркнул, что раздутый штат сотрудников райкомов партии превратился для колхозов в тяжкое бремя. Только за один год на их зарплаты было израсходовано 473 млн руб., или 5% от всех затраченных в колхозах трудодней, а на разного рода работы по их обслуживанию – 592 млн руб., или 7 % от всех трудодней [2, л. 23].

Автор доклада фактически критиковал Хрущева, который в декабре 1953 г. возглавил Бюро по сельскому хозяйству и заготовкам при Совете министров СССР и таким образом стал официальным куратором сельского хозяйства как в партии, так и в правительстве. «Есть немало ретивых администраторов, – писал он, – любителей давать указания и директивы колхозам без учета хозяйственных интересов колхозов… [Эти люди. – *Ч.Ш.*] толкают колхозы на путь бесхозяйственности и нарушения элементарных основ экономики, на путь напрасного растрачивания материальных и трудовых ресурсов» [2, л. 25]. В докладе заявлялось, что «колхоз – это прежде всего производственная организация. Стало быть, руководство колхозом, проведение в колхозе того или другого мероприятия должно исходить из интересов увеличения производства продукции, повышения производительности труда колхозников, роста доходов колхоза» [2, л. 24].

Что же касается главной темы пленума – дальнейшего развития животноводства, – Маленков полагал, что оно должно опираться на механизацию всех производственных звеньев, для чего требовалось широкое внедрение современных технологий [2, л. 20]. Он прекрасно понимал, что уровень механизации оставался низким, в связи с чем на плечи колхозников ложились издержки тяжелого физического труда. В докладе отмечалось: «В 1954 году только одна десятая часть всех колхозов имела механизированное водоснабжение ферм. Автопоение крупного рогатого скота организовано только в 11 тыс. колхозов. Приготовление кормов с применением электроэнергии производится несколько более чем в 4 тыс. колхозов. Внутрифермский транспорт имеют 2 тыс. колхозов, а электродоение коров применяется менее чем в 1 тыс. колхозов» [2, л. 19].

Однако глава правительства недооценил враждебный настрой коллег. В частности, он не ожидал, что на сторону Хрущева перейдут В.М. Молотов и Л.М. Каганович. Накануне пленума, на заседании Президиума ЦК 22 января, обвинив Маленкова в «незрелости», «отсутствии ясной политической линии», в том, что он «поддался парламентской популярности», присутствующие решили освободить его от должности председателя Совета министров СССР. Для сохранения членства в Президиуме Маленков вынужден был признаться почти во всех обвинениях, даже в несправедливых [5, л. 23–25]. Подготовленную речь о развитии животноводства он, естественно, не произнес на пленуме, вместо этого выступив с самокритикой: «Я во многом и больше других отвечаю за неудовлетворительное положение дел в сельском хозяйстве… Я обязан признать перед пленумом свою вину в плохом руководстве делом развития сельского хозяйства» [3, л. 31]. В награду за признание «ошибок» его оставили членом Президиума и назначили министром электростанций СССР. После этого влияние Маленкова в руководстве страны значительно ослабло, ему стало весьма сложно оказывать влияние на политику вообще и аграрную сферу в частности.

В целом Маленков оказался человеком компромисса. Он был сторонником принципа «коллективного руководства» и участия в нем членов Президиума ЦК, а также принципа равноправной координации партии и правительства. Вероятно, он в полной мере не осознавал, что его популярность у населения вызывала сильное беспокойство коллег. Обращая внимание, прежде всего, на рядовых тружеников и специалистов-хозяйственников, Маленков недооценил волю и влияние партийного аппарата, который много сил и внимания уделял утверждению и поддержанию своего авторитета. Результатом стало крушение баланса сил как в руководстве партии, так и между партийным и правительственным аппаратами.

Список источников и литературы

1. *Маленков А.Г.* Отец явно недооценил последствия усиления партаппарата во главе с Хрущевым и вскоре поплатился за это // Историческая экспертиза. 2019. № 3. С. 122–165.

2. *Маленков Г.М.* Проект речи на январском пленуме ЦК КПСС (не произнесена, январь 1955 года) // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 83. Оп. 1. Д. 4. Л. 5–30.

3. *Маленков Г.М.* Речь на заседании пленума ЦК КПСС 31 января 1955 года // РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1 Д. 4. Л. 31.

4. Молотов, Маленков, Каганович, 1957: стенограмма пленума ЦК КПСС и другие документы / под общ. ред. А.Н. Яковлева. М.: МФД, 1998. 843 с.

5. Протокол № 104 заседания Президиума ЦК КПСС от 22 января 1955 года // Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 8. Д. 388. Л. 23–25.

6. *Сорокин А.К.* Практический работник Георгий Маленков. М.: РОССПЭН, 2021. 735 с.

7. *Суханов Д.Н.* Воспоминания о совместной работе с Г.М. Маленковым в 1937–1956 годах // РГАНИ. Ф. 99. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–33.

УДК 94(571.65).084.8:351.814

М.В. Третьяков[1]

Роль магаданских обкома КПСС и облисполкома в развитии региональной авиации во второй половине 1950-х гг.

Аннотация. Образование 3 декабря 1953 г. Магаданской области, выделенной из Хабаровского края в самостоятельный субъект, предопределило создание в ней партийных и советских органов. Несмотря на имевшийся до июня 1957 г. административный параллелизм и сосуществование с некогда мощным главком – «Дальстроем», такая реформа наглядно показывала стремление руководства СССР к скорейшему включению Северо-Востока в общую для всей страны политическую систему, а также к определению форм и методов его дальнейшего промышленного развития. Помимо решения множества проблем и задач во всех жизненно важных сферах, вновь созданные местные органы власти, пользуясь вниманием центра, предпринимали меры по развитию авиации, являвшейся основным видом пассажирского транспорта, связывавшим населенные пункты как внутри региона, так и с Хабаровском, на тот момент – единственным пунктом пассажирских перевозок за пределами области.

Ключевые слова: авиация; перевозки; маршруты; обком; облисполком; Магаданская область.

The role of the Magadan regional committee of the CPSU and the regional executive committee in the development of regional aviation in the second half of the 1950s

Abstract. The formation of the Magadan oblast, separated from the Khabarovsk krai into an independent subject, predetermined the creation of party and Soviet bodies on its territory. Despite the administrative parallelism that existed until June 1957 and coexistence with the once powerful Dalstroy, such a reform clearly showed the desire of the USSR leadership to quickly include the North-East into the domestic political system common for the whole country, along with determining the forms and methods of its further industrial development. In addition to solving many problems and tasks in all vital areas, the newly created local authorities, using the attention of the “center”, took measures to develop aviation, which was

[1] **Максим Викторович Третьяков** – кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории истории и экономики Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н.А. Шило Дальневосточного отделения РАН (Магадан, Россия), e-mail: maximmgn@mail.ru.

Maxim V. Tretyakov – Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Laboratory of History and Economics of the North-Eastern Interdisciplinary Scientific Research Institute named after N.A. Shilo of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Magadan, Russia).

the main type of passenger transport for connecting settlements both within the region and with Khabarovsk, at that time it was the only point of passenger traffic outside the region.
Keywords: aviation; transportation; routes; regional committee; regional executive committee; Magadan Region.

Северо-Восток страны с момента его промышленного освоения в начале 1930-х гг. и до настоящего времени во многом зависим от наличия регулярного воздушного сообщения. Одним из первых документов Совета труда и обороны СССР применительно к Дальстрою стало постановление о регулярном авиасообщении с его приисками. В конце 1934 г. появились собственный авиаотряд и первый парк самолетов, роль и значение которых в последующие годы сложно переоценить. Авиация внесла немалый вклад в выполнение планов (в особенности добычи золота), но на ней также отразились и кризисные явления. К моменту образования Магаданской области 3 декабря 1953 г. Управление воздушного транспорта Дальстроя имело большой опыт, накопленный как при выполнении планов в конце 1930-х гг., так и при решении непростых задач в условиях войны и последующего периода восстановления экономики. К середине 1950-х гг., планируя упразднение Дальстроя, центральное правительство начало перевод его объектов в «гражданский» статус, что вскоре затронуло и авиацию.

Магаданская авиация по сей день остается слабоизученной темой[1], а заявленный в статье вопрос в литературе в принципе не освещался по причине секретности документов. Выявленные в ходе моего исследования материалы позволяют увидеть, что декларировавшаяся в советский период роль КПСС и ее руководителей в развитии авиации во многом преувеличена, а мажорная тональность статей и заметок о воздушном транспорте, помещенных в сборники и периодическую печать 1950–1960-х гг., не вполне соответствовала действительности.

Цель проводимого исследования – на основе впервые вводимых в научный оборот архивных материалов рассмотреть мероприятия партийных и советских органов Магаданской области, нацеленные на развитие местной авиации, в том числе проанализировать многочисленные обращения в Главное управление Гражданского воздушного флота (ГУ ГВФ), советы министров РСФСР и СССР. Хронологические рамки исследования ограничены второй половиной 1950-х гг. Это обусловлено тем, что в 1954–1955 гг. в авиации региона наблюдалось «троевластие» в лице авиации Дальстроя, 185-го авиаотряда Дальневосточного территориального управления Граж-

[1] Применительно к региону отмечу статьи Е.В. Алтунина (1926–2003), работавшего в 1960-х гг. заместителем начальника политотдела Магаданской отдельной авиагруппы (с 1966 г. – управления) и являвшегося фактически единственным автором публикаций по данной проблематике [2; 3; 4; 5; 6; 15].

данского воздушного флота и Чукотской авиагруппы управления полярной авиации (УПА) Главного управления Северного морского пути (ГУСМП), а к началу 1960-х гг. основные перевозки уже выполняла Магаданская отдельная авиагруппа (хотя на Чукотке ей еще приходилось взаимодействовать с 248-м авиаотрядом УПА). Источниковую базу исследования составляют документы, выявленные в фондах Магаданского обкома КПСС и Магаданского облисполкома Государственного архива Магаданской области (ф. П-21, Р-146, [16, с. 38; 17, с. 16]). Среди дел указанных фондов сохранились распоряжения, письма и обращения (в том числе черновые проекты), направлявшиеся согласно властной вертикали от районных к областным и далее в центральные инстанции.

В 1953 г., на момент создания Магаданской области, в которую вошла большая часть территории Дальстроя, основной объем воздушных перевозок выполняло Управление воздушного транспорта, которым руководил Герой Советского Союза В.А. Борисов. Оно состояло из четырех авиаотрядов и имело в парке самолеты «Ли-2», «Ил-4», «По-2», выполнявшие пассажирские и грузовые перевозки, а также аэрофотосъемочные работы. После смерти И.В. Сталина Дальстрой передали из ведения Министерства внутренних дел в Министерство металлургической промышленности. Это стало первым шагом на пути организации на его территории сугубо гражданских предприятий с характерными для них механизмами управления. Применительно к воздушному транспорту это выразилось в создании 1 января 1954 г. параллельной структуры – 185-го авиаотряда Дальневосточного теруправления ГВФ. По сути, монополия Дальстроя на воздушные перевозки уходила в прошлое, хотя следует отметить, что самолеты ГВФ (в основном Якутской авиагруппы) периодически появлялись на Северо-Востоке в первые послевоенные годы, и здесь сохранялись аэродромы, оставшиеся в его ведении после 1945 г., когда прекратила работу особая воздушная трасса Аляска – Сибирь – фронт.

Первым шагом, значительно опередившим свое время, стало обращение председателя Магаданского облисполкома П.Я. Афанасьева в ГУ ГВФ с просьбой об объединении трех работавших на Северо-Востоке подразделений (ГВФ, Дальстроя и УПА) и создании Северо-Восточного управления ГВФ. Это ходатайство не получило поддержки, и 10 апреля 1955 г. был создан 185-й отряд, под началом которого объединили лишь авиацию Дальстроя. Вскоре отряд укрупнили в Магаданскую авиагруппу, в которую также вошли 194-й, 159-й авиаотряды, аэропорты Магадан (1-го класса), Сеймчан (3-го класса), Петропавловск, Елизово, Марково, Гижига, Каменское, Омсукчан, Северо-Эвенск, Залив Креста, Певек, Байково, Омолон и авиаремонтная мастерская (АРМ-73) [1, с. 44]. Присоединять «полярни-

ков» не решились, поскольку ГУСМП было весьма мощной структурой, имевшей свои интересы и сферы влияния. Оставшись самостоятельным, руководство Чукотской авиагруппы УПА, опираясь на систему хозрасчета, подняло цены на услуги (почти два раза превышали стоимость авиаперевозок Дальстроя).

Ценовая политика ГУСМП в первую очередь ударила по населению – оленеводам, колхозникам и иным жителям отдаленных поселков, для которых тариф спецрейса оказался непосильным. Руководство авиагруппы, игнорируя нужды населения, перестало выделять самолеты для доставки продуктов, снаряжения и товаров первой необходимости. Чукотский окрисполком обратился в обком с жалобой на сложившуюся ситуацию. Изучив вопрос, заместитель председателя облисполкома Б. Рогушин 22 июня 1954 г. обратился к министру морского и речного флота СССР З.А. Шашкову и начальнику ГУСМП инженер-контр-адмиралу В.Ф. Бурханову, но ответа так и не получил. Спустя год выяснилось, что проблема ценообразования была актуальна и для пассажиров, пользовавшихся услугами ГВФ. Выполнение Магаданской авиагруппой установленного на 1957 г. плана, предусматривавшего 70 млн руб. прибыли, вынуждало повышать стоимость билетов (Магадан – Хабаровск – 1235 руб., Певек – Магадан – 1275, Эгвекинот – Магадан – 1820 руб.).

Установленные тарифы ограничивали возможности выезда обычных жителей, что приводило к напряженной обстановке. Принятая правительством новая система тарифов, предусматривавшая снижение цены на 25 %, не помогла – стоимость все равно оставалась слишком высокой. Известно, что Т.И. Абабков и Афанасьев просили председателя Совета Министров СССР Н.А. Булганина снизить цены наполовину, чтобы не только сделать авиабилеты более доступными для граждан, но и сократить расходы предприятий на грузовые авиаперевозки. Ответ из центра обнаружить пока не удалось, но, возможно, какие-то меры все же приняли, поскольку в последующие годы облисполком подписал большое число распоряжений об оплате авиаперевозок различных грузов – от продуктов питания до крупных агрегатов для строек (причем доставка самолетом в ряде случаев была дешевле, чем на оленях) [10, л. 107; 11, л. 95; 12, л. 30; 13, л. 259; 14, л. 48; и др.]. Стоит отметить, что в стране в целом, несмотря на проведенное в 1956 г. снижение авиатарифов по некоторым линиям, а также скидку в 10 % при покупке билета туда-обратно, цены оставались высокими [18, с. 226]. В центральных регионах России пассажиры предпочитали наземный транспорт, но магаданцы такой альтернативы не имели.

Наряду с реорганизационными вопросами требовалось дооборудовать аэропорты Магадана, Марково, Анадыря, бухты Провидения, зали-

ва Лаврентия современной аппаратурой, улучшавшей самолетовождение и их прием-выпуск, завезти горючее, выделить самолеты «Ли-2», «Ил-14», «Ан-2» и моторы к ним [9, л. 16]. Вопросы, поднимавшиеся обкомом и облисполкомом перед вышестоящими органами, также касались дальнейшего развития региональной авиации, ее технической оснащенности, условий труда и быта сотрудников (хотя, к примеру, жилищный вопрос не решился и спустя 30 лет). Так, после создания Магаданской авиагруппы облисполком обратился в ГУ ГВФ с требованием установления ее работникам зарплат не ниже, чем в «дальстроевской» авиации, с распространением на них имевшихся льгот.

Недовольство пассажиров вызывало невысокое качество предоставляемых услуг, в чем прямой вины авиаторов в целом не было. Чтобы обратить внимание центра на эту проблему, еще в сентябре 1954 г. в обращении на имя заместителя председателя правительства Л.М. Кагановича сообщалось, что несмотря на ряд указаний ГУ ГВФ не спешил решать вопрос о приеме авиации Дальстроя в свое ведение и заниматься обеспечением Магаданской авиагруппы самолетами, необходимым объемом топлива и недостающим кадровым составом[1]. Кроме того, многие маршруты обслуживались на самолетах без отопления, на что часто жаловались пассажиры. Иными словами, к 1954 г. в региональной авиации накопилось множество проблем, на которые в более раннее время никто не обращал внимания из-за принадлежности территории к Министерству внутренних дел, но с образованием Магаданской области обком и облисполком, пользуясь повышенным вниманием центральных органов власти, регулярно обращались в Москву с ходатайствами.

Создание подразделений ГВФ и слияние с ними авиации Дальстроя не привело к значительному улучшению ситуации с авиасообщением. Областные парторганы справедливо винили в этом ГУ ГВФ, поскольку Магаданская авиагруппа просто не располагала необходимым оборудованием и персоналом. 31 октября 1955 г. на имя Булганина было направлено соответствующее обращение, в котором подчеркивалось, что создание Магаданской авиагруппы, обеспечивавшей авиаобслуживание на территории около 2 млн км^2, не сопровождалось никакой дополнительной помощью со стороны центральных органов. Имевшегося парка в количестве 42 самолетов «Ли-2» и 30 «Ан-2» не хватало, в отдаленных аэропортах отсутствовала механизация для обслуживания авиапарка и радиотехнические средства [9, л. 52]. Авиаобслуживание Певека, бухт Провидения и Угольной, мыса

[1] Следует отметить, что из проекта документа по непонятным причинам вычеркнут п. 3, предусматривавший образование Северо-Восточного управления ГВФ с центом в Магадане. Этот вопрос неоднократно поднимался и до, и после 1954 г.

Шмидта осуществлялось силами полярной авиации, которая базировалась в Нижних Крестах Якутской АССР, но ее услуги были очень дорогими, даже в экстренных случаях. Так, 27 января 1954 г. «Ли-2» УПА вылетел на поиск трех охотников, унесенных в море, которых нашли и доставили в п. Ванкарем. За спасательную операцию Чукотский окрисполком получил счет на 37 213 руб. 5 коп. Для его оплаты пришлось обратиться в облисполком, и Афанасьев разрешил выплатить эту сумму из бюджета округа [8, л. 39–40].

В первом пункте обращения от 31 октября 1955 г. облисполком вновь просил Булганина создать Северо-Восточное территориальное управление ГВФ с включением в него авиагруппы и подразделений УПА, расположенных в Нижних Крестах, Батыгае, Депутатском, Нере, Ожогино и Зырянке, расширить сеть авиалиний, оборудовать трассы для ночных полетов, выделить необходимую технику и средства механизации для обслуживания самолетов [9, л. 54]. 2 ноября 1955 г. Булганин дал соответствующие поручения ГУ ГВФ (С.Ф. Жаворонкову), министерствам цветной металлургии (П.Ф. Ломако) и морского флота (В.Г. Бакаеву), но процесс обсуждения затянулся. 2 февраля 1956 г. Абабков и Афанасьев отправили очередное обращение в Совет Министров СССР, на этот раз составленное в более резких тонах. Они напомнили о неудовлетворительном состоянии Магаданской авиагруппы, которой требовалась конкретная помощь.

Этот запрос разминулся с очень сдержанным ответом из Москвы на предыдущий. Создание Северо-Восточного территориального управления ГУ ГВФ сочло нецелесообразным, поскольку, по его мнению, Магаданская авиагруппа вполне справлялась с поставленными задачами. В передаче подразделений УПА также отказали, связав это со строительством ряда северных аэропортов Министерства морского флота. Как и следовало ожидать, повторное обращение Абабкова и Афанасьева правительство вновь передало в ГУ ГВФ, которое привело немало аргументов в свою защиту, уверяя, что и так принимает меры по улучшению авиасообщения в Магаданской области (например, в летний период частоту рейсов Магадан – Хабаровск увеличили до 8–10 в день, для чего привлекали самолеты иных управлений; планировали выделить Магаданской авиагруппе 2 вертолета и 3 самолета «Ан-2»), но из-за недостатка средств[1] решение многих задач переносилось на следующую пятилетку (вплоть до 1960 г.).

Тем не менее столь частые обращения в центр не проходили бесследно – Бакаев, несмотря на ожидаемый отказ передать Чукотскую авиагруппу

[1] Несмотря на сокращение расходов на вооружение и перенаправление части этих средств в ГВФ, затраты на производство новых самолетов, в том числе первого реактивного «Ту-104», подготовку экипажей, содержание иных аэродромов, тоже были велики. К тому же «Аэрофлот» в 1955 и 1956 гг. не выполнил плановые показатели, хотя годовой объем перевозок пассажиров чуть возрос [18, с. 208, 228, 315].

из УПА в ГВФ, распорядился организовать с 1 марта 1956 г. регулярные рейсы из Крестов Колымских через Певек, Мыс Шмидта и Анадырь в бухты Провидения и Угольную с оплатой по обычному тарифу и выделить Чукотской авиагруппе по два «Ми-4» и «Ли-2» на лыжах, что позволяло взлетать и садиться со снежного покрова. В последующий период отношения с Чукотской авиагруппой вновь ухудшились [7, л. 69–71], но в данное время вопросы решались на относительно приемлемых для областного руководства условиях (по крайней мере, удалось снизить цену авиауслуг).

Таким образом, областные органы власти регулярно направляли в центр ходатайства, инициируя мероприятия по поддержке авиации с учетом конкретных нужд «на местах». Безусловно, не все поставленные вопросы решались сразу, зачастую для этого требовалась настойчивость. В отдельных случаях принятие решения затягивалось настолько, что вопрос терял актуальность. Однако в целом на рубеже 1950–1960-х гг. удалось создать основу для дальнейшего развития воздушного транспорта области даже в условиях сохранявшегося подчинения авиагруппы ДВТУ ГВФ. Документы свидетельствуют, что в первой половине 1960-х гг. ситуация с авиаобслуживанием стала меняться в лучшую сторону.

Список источников и литературы

1. 70 лет авиации Северо-Востока России / под общ. ред. М.А. Уманского. Магадан: Охотник, 2005. 160 с.

2. *Алтунин Е.В.* В.И. Ленин и авиация // Блокнот агитатора. 1969. № 11. С. 10–18.

3. *Алтунин Е.В.* Гражданская авиация Северо-Востока в семилетке // Материалы второй дальневосточной межвузовской научной конференции по истории советского Дальнего Востока, посвященный 50-летию Советской власти. Хабаровск: Изд-во Хабаровского гос. пед. ин-та, 1967. С. 234–238.

4. *Алтунин Е.В.* Забота партии о развитии воздушного транспорта Восточной Сибири // За советскую социалистическую Сибирь. Ч. 2. Иркутск: ИГУ, 1982. С. 35–42.

5. *Алтунин Е.В.* Могучие крылья. 18 августа – День Воздушного Флота СССР // Блокнот агитатора. 1968. № 15. С. 1–10.

6. *Алтунин Е.В.* Могучие крылья. 18 августа – День Воздушного Флота СССР // Блокнот агитатора. 1969. № 14. С. 13–20.

7. Государственный архив Магаданской области (ГА МО). Ф. П-21. Оп. 5. Д. 692.

8. ГА МО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 17.

9. ГА МО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 61.

10. ГА МО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 241.

11. ГА МО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 243.

12. ГА МО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 244.

13. ГА МО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 248.

14. ГА МО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 306.

15. *Крылов Н.И., Алтунин Е.В.* Развитие воздушного транспорта на Северо-Востоке / Проблемы развития производительных сил Магаданской области. Т. 2. Магадан: СВКНИИ, 1969. С. 173–176.

16. Путеводитель по фондам Государственного архива Магаданской области. Т. 1 / сост. Н.П. Брянская, Н.А. Варава. Магадан: Охотник, 2020. 420 с.

17. Путеводитель по фондам Государственного архива Магаданской области. Т. 2. / сост. Н.П. Брянская, Т.В. Веркина, Т.В. Рушкина, М.Н. Смирнова. Магадан: Охотник, 2020. 232 с.

18. *Соболев Д.А.* Хроника советской гражданской авиации. 1941–1960. М.: Фонд «Русские Витязи», 2020. 352 с.

УДК 94(47) «1953/1964»

Т.М. Петрова[1]

Реакция советских людей на поездки Н.С. Хрущева по СССР (конец 1950-х – начало 1960-х гг.)

Аннотация. В статье анализируются чувства и эмоции советских граждан в отношении поездок Н.С. Хрущева по СССР в середине 1950-х – начале 1960-х гг. На основе материалов прессы и кинохроники, дневников и «писем во власть» предпринимается попытка выявить корреляцию между официально конструируемым образом партийного лидера и его рецепцией в обществе. СМИ создавали канон эмоционального восприятия визитов Хрущева, однако реакция людей на властные установки оказывалась иной: одни граждане полностью подчинялась навязываемой норме, другие, наоборот, выражали несогласие с доводимой до них информацией. Тем не менее сама практика выездов советского лидера за пределы Московской области вкупе с ограниченным допуском критики в его адрес свидетельствуют о расширении границ допустимого в отношении как действий власти, так и их оценок населением.

Ключевые слова: СССР; Н.С. Хрущев; поездки; пресса; кинохроника; эго-документы; мнения; настроения.

Reaction of Soviet people to trips of N.S. Khrushchev around the USSR (late 1950s – early 1960s)

Abstract. The article analyzes opinions, attitudes and emotions of Soviet citizens about N. S. Khrushchev's trips around the country in late 1950s and early 1960s. Referring to the analysis of the press, newsreel, diaries and letters to Khrushchev, the author attempts to identify the correlation between official leader's image and its reception in society. Massmedia constructed specific rules for the emotional perception of Khrushchev's trips. However, people's real perception of power attitudes was different. One part of population completely obeyed the standard that was imposed on them by the authorities. Another part expressed critical disagreement with the information that was provided to them. Nevertheless, the practice of the Soviet leader's trips outside the Moscow region simultaneously with the admission of criticism against him indicates the expansion of the boundaries of what is permissible both in relation to actions by the authorities and to their assessments by the population.

[1] **Татьяна Михайловна Петрова** – аспирант Института российской истории РАН, стажер-исследователь Института советской и постсоветской истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: tmpetrova@hse.ru.

Tatiana M. Petrova – Postgraduate Student in the Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Trainee Researcher in the Institute of Soviet and Post-Soviet History HSE University (Moscow, Russia).

Keywords: the USSR; N.S. Khrushchev; trips; press; newsreel; ego-documents; opinions; attitudes.

С 1954 по 1964 г. Первый секретарь ЦК КПСС и председатель Совета министров СССР Н.С. Хрущев совершил 128 поездок по Советскому Союзу[1]. Это – прецедент в отечественной истории XX в. По мнению Ю.С. Никифорова, визиты советского лидера служили примером общей политики давления на местные элиты, сопротивлявшиеся проведению реформ, а также элементом импровизационной культуры реформаторства «а-ля Хрущев» [10]. Эта трактовка укладывается в линию исследования «культуры политического действия», намеченную Е.Ю. Зубковой [6]. Подобный подход позволяет реконструировать механизмы взаимодействия центра и периферии, поведенческие тактики и риторику местных элит. Однако при этом упускается антропологический аспект коммуникации власти и общества. В регионах помимо руководителей и членов обкомов и горкомов Хрущева ждали люди. Его общение с ними, пусть даже протокольное, освещалось средствами массовой информации. Следовательно, создавалась не только новая практика взаимодействия власти с населением, но и норма показа лидера.

Как реагировали на подобные командировки советские граждане и как соотносилась информация, представленная в СМИ, с их реакцией? В настоящей статье предпринимается попытка ответить на эти вопросы, сопоставив кинохронику и информацию, полученную из прессы, с источниками личного происхождения – дневниками и «письмами во власть». Через средства массовой информации власть задавала ориентир для оценки командировок лидера. В свою очередь, в дневниках и письмах фиксировалось персональное отношение к увиденному, услышанному и прочитанному. Несмотря на возможное присутствие рефлексии, в данных текстах представлена преимущественно сиюминутная, эмоционально окрашенная реакция на происходившие события, а не воспоминания о них.

Первые поездки по стране Хрущев начал совершать еще при Сталине, но тогда он выступал скорее как представитель «вождя», посредник между Кремлем и населением. В 1954–1956 гг. ситуация принципиально не изменилась. Хрущев все так же посещал различные совещания (связанные преимущественно с вопросами сельского хозяйства), но не играл там ведущей роли. Как правило, он был членом делегации, собирал мнения по разным вопросам на местах, чтобы затем передать их в ЦК КПСС и правительство. Полностью самостоятельные командировки он начал совершать в 1957 г., однако большого внимания СМИ они не привлекли.

[1] В 1954 г. Хрущев совершил 10 поездок по стране, в 1955 – 7, в 1956 – 6, в 1957 – 8, в 1958 – 9, в 1959 – 10, в 1960 – 8, в 1961 – 25, в 1962 – 16, в 1963 – 11, с января по октябрь 1964 г. – 18. Подсчитано мною [24, с. 705–822].

Перелом произошел в июле 1958 г., когда Хрущев вместе с главой Чехословакии А. Новотным прибыл в Ленинград, выступил на Дворцовой площади, осмотрел Кировский завод и посетил крейсер «Киров» в Кронштадте [19, с. 1]. Данная поездка получила широкое освещение в прессе и кинохронике и стала образцом для освещения последующих визитов. Для демонстрации настроений местных жителей в связи с приездом лидера использовались приветствия. В текстах о посещении представителями власти колхозов и / или промышленных предприятий, общении с населением, отбытии обратно в Москву выраженные эмоционально-чувственные характеристики отсутствуют.

Средства массовой информации фиксировали, что граждане на местах приветствовали поездки Хрущева с использованием исключительно сенсуальных и энергетических характеристик: «от всего сердца», «горячо», «тепло», «с чувством радости» и т.п. При этом выражение подобных чувств могло исходить от кого угодно, не было различий по полу, возрасту, социальной или профессиональной принадлежности. К примеру, приветствие по случаю приезда в станицу Вешенскую в конце августа 1959 г. от лица местных жителей озвучил писатель М.А. Шолохов. Свою речь он начал следующим образом: «Дорогие товарищи земляки! Я думаю, что выражу не только мое личное мнение, но и наше общее чувство глубокой радости по поводу приезда к нам Никиты Сергеевича Хрущева и его родных и близких» [17, с. 1].

В отличие от приветствий, которые сотрудники прессы могли наполнять разными эмоциями, описания встреч Хрущева с населением практически всегда характеризовались как «сердечные». Так, заголовком «Сердечная встреча» сопровождались статьи о приезде Хрущева в Рязанскую область, Ростов-на-Дону, его родное село Калиновку, Акмолинск (Казахская ССР), Казань и т.д. [1, с. 1; 2, с. 1; 8, с. 1; 13, с. 1; 18, с. 1; 20, с. 1; 22, с. 1; 23, с. 1]. Категория «сердечности» стала одним из паттернов текстов о приезде Хрущева в ту или иную область РСФСР или союзную республику.

Сюжеты кинохроники не сильно отличались от прессы. В частности, все та же поездка в станицу Вешенскую показывалась как радостное событие, сопровождавшееся сердечными приветствиями со стороны местных жителей [11]. Важной особенностью дискурса хроникальных кинокадров было присутствие в нем возвышенных гражданских чувств. Хрущева приветствовали уже не только «сердечно» или «искрясь радостью», в его отношении выражали чувства «восторга» (Ленинград, 1959 г.) и «гордости» (Петрозаводск, 1963 г.) [9; 12; 21].

Пресса и кинохроника доносили до граждан готовую модель восприятия командировок Хрущева, включавшую три базовых чувства: сердеч-

ность, благодарность, горячность. Используя подобную лексику, СМИ, скорее всего, пытались наделить образ Хрущева «свойскостью», возможно, даже семейностью по отношению к советским гражданам, поскольку перечисленный набор эмоций, как правило, испытывают в отношении близких и родных людей. Следовательно, репрезентация лидера через призму сенсуально-энергетических характеристик делала его образ более человечным, расширяла нормы допустимого в его отношении.

Однако реакция советских граждан существенно отличалась от картины, рисуемой в СМИ. В дневниках и «письмах во власть» люди не только хвалили, но и критиковали главу партии: с одной стороны, им импонировало его желание увидеть жизнь народа собственными глазами, с другой – вызывала недоверие ритуализация данной практики.

Часть граждан вслед за СМИ выражала «счастье» и «благодарность» за посещение их родного города (например, Тулы) [4, л. 30]. Люди «восхищались» и испытывали «радость», видя волю, энергию и трудоспособность Хрущева, которые наглядно проявлялись уже в самом количестве поездок по стране [15, л. 2–2 об.]. Однако другая часть граждан отрицательно оценивала эти командировки и их освещение в СМИ. Наиболее часто и резко критиковалась практика торжественных встреч на аэродромах: «Любая его поездка из Москвы сопровождалась пышными проводами на вокзале или на аэродроме, а возвращение его в Москву (куда бы он ни ездил: в свою Калиновку или к Насеру) встречей с цветами чуть ли не всем составом ЦК КПСС, министрами и зам. министров, зав. отделами ЦК и большим составом дипломатического и корреспондентского корпусов» [14, л. 14–15].

Литературовед и первый заместитель главного редактора журнала «Новый мир» В. Лакшин в этой связи пересказал в дневнике историю приезда Хрущева в Свердловск в 1960 г. Секретарь местного обкома Кутырев слишком серьезно отнесся к борьбе с культом личности и не организовал должного приема, т.е. встречи народными толпами с цветами на аэродроме. В результате уже через неделю Кутырева отправили на пенсию [7]. Также Лакшин привел рассказ А.Т. Твардовского о том, как в Иркутске Хрущев отказался выступать перед 50 тыс. человек и сказал секретарю местного обкома: «Вы людей собирали, вы и извиняйтесь» [7]. Обе истории натолкнули автора дневника на сравнение Хрущева со Сталиным, демократизм которого якобы заключался в клеймении «аракчеевского режима» в языкознании и выдвижении на руководящие посты В.В. Виноградова.

Помимо пышных встреч люди обращали внимание на факты получения Хрущевым подарков во время поездок. В частности, уже после октябрьского пленума 1964 г. некоторые граждане писали А.Н. Косыгину

благодарности за то, «что Партия своевременно вскрыла безобразные дела туриста и любителя подарков, т.е. дела Хрущева. У него все его домашние помещения завалены подарками. Брал он подарки в колхозах, брал подарки в совхозах, брал подарки от капиталистов в капиталистических странах, брал везде, где давали» [15, л. 10].

Наконец, третья особенность визитов, вызывавшая неудовольствие со стороны населения, – наличие «потемкинских деревень». Лидера обвиняли в том, что он ездит только туда, «где растет хлопок да виноград», а не «рожь да гречиха» [16, л. 70–71]. Часть авторов негодовала по поводу того, что представители власти во время поездок не видели реальной жизни населения: «Уважаемый Алексей Николаевич! Прошу Вас строго предупредите всех, когда в какой области будут правительственные делегации, запретить устраивать “потемкинские деревни”. Недаром была поговорка “Еште[1] до сыта пока здесь Никита”. Пусть представители видят жизнь, какой она есть» [5, л. 36–38]. Один из примеров подобного подлога, согласно дневнику геолога Б. Вронского, произошел во Львовской области в марте 1960 г. К приезду Хрущева свиноферма Чижа завезла откормленных породистых свиней, а часть своих выгнала в лес, рассчитывая, что Хрущев пробудет один день и уедет. Вместо этого он задержался на несколько дней, что привело к гибели животных [3].

Записи о поездках Хрущева, сделанные людьми «по горячим следам», содержат как перечисление навязанных средствами массовой информации чувств радости и восхищения, так и совершенно противоположные эмоции (злость, недоверие, обманутость). Подобная полярность оценок, скорее всего, связана с отсутствием полного доверия СМИ и более критичным взглядом на текущую действительность.

***

Поездки Хрущева, по сути, ознаменовали появление важного феномена в политической истории СССР – личное посещение регионов, знакомство с ситуацией на местах, общение с населением. Данные практики активно использовались прессой и кинохроникой для репрезентации лидера как простого и доступного человека, «нашего Никиты Сергеевича». Журналисты насыщали свои тексты чувственно-эмоциональными характеристиками гордости и радости, теплоты и сердечности. Однако восприятие людьми информации об этих поездках разнилось. Чувства одной части населения повторяли дискурс газет и хроники, другой – были полностью противоположны. Сам факт того, что люди перестали бояться критиковать власть и, более того, в некоторых случаях сообщали свое недовольство напрямую главе государства, свидетельствует о начале «потепления» не толь-

[1] Так в документе.

ко во внутренней и внешней политике СССР, но и в головах и душах его жителей.

Список источников и литературы

1. *Аверченко Б., Бреус Ф.* Сердечная встреча. Посещение Н.С. Хрущевым совхоза «Кантемировец» // Правда. 1961. № 72. С. 1.

2. *Аверченко Б., Каландаров Г.* Теплые встречи в Таджикистане. Прибытие товарища Н.С. Хрущева в Душанбе // Правда. 1962. № 275. С. 1.

3. *Вронский Б.* Дневник // Электронная библиотека «Прожито». URL: https://prozhito.org/note/608421 (дата обращения: 23.06.2022).

4. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5446. Оп. 93. Д. 1288.

5. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 98. Д. 1614.

6. *Зубкова Е.Ю.* Реформы Хрущева: культура политического действия // Свободная мысль. 1993. № 9. С. 97–107.

7. *Лакшин В.* Дневник // Электронная библиотека «Прожито». URL: https://prozhito.org/note/53323 (дата обращения: 23.06.2022).

8. *Ляпоров Н., Яхневич В.* Химический гигант Северного Кавказа. Товарищи Н.С. Хрущев, Н.В. Подгорный и П.Н. Демичев на Невинномысском комбинате // Правда. 1963. № 77. С. 1.

9. Наш край. 1961. № 29 // Архив документальных фильмов и кинохроники. URL: https://www.net-film.ru/film-89012 (дата обращения: 01.06.2022).

10. *Никифоров Ю.С.* Визит Н.С. Хрущева в Ярославль в 1963 г.: образ власти в региональном измерении // Российская история. 2016. № 4. С. 56–72.

11. Новости дня. 1959. № 36 // Архив документальных фильмов и кинохроники. URL: https://www.net-film.ru/film-10730 (дата обращения: 01.06.2022).

12. Новости дня. 1961. № 20 // Архив документальных фильмов и кинохроники. URL: https://www.net-film.ru/film-11013 (дата обращения: 01.06.2022).

13. *Поляков В., Волков Л.* Вручение ордена Ленина Смоленской области // Правда. 1958. № 226. С. 1.

14. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 100. Оп. 5. Д. 152.

15. РГАНИ. Ф. 100. Оп. 5. Д. 155.

16. РГАНИ. Ф. 100. Оп. 5. Д. 164.

17. *Сатюков П., Абалкин Н.* Народный праздник в станице Вешенской. Сердечная встреча трудящихся Дона с товарищем Н.С. Хрущевым // Правда. 1959. № 243. С. 1.

18. Сердечная встреча Н.С. Хрущева с колхозниками села Калиновки // Правда. 1960. № 241. С. 1.

19. Сердечные встречи в Ленинграде. Пребывание товарищей А. Новотного и Н.С. Хрущева в Ленинграде и Кронштадте // Правда. 1958. № 187. С. 1.

20. Сердечные встречи. Товарищ Н.С. Хрущев прибыл в Казань // Правда. 1964. № 223. С. 1.

21. Советская Карелия. 1963. № 1 // Архив документальных фильмов и кинохроники. URL: https://www.net-film.ru/film-87315 (дата обращения: 01.06.2022).

22. Товарищ Н.С. Хрущев в Петрозаводске // Правда. 1962. № 198. С. 1.
23. Товарищ Н.С. Хрущев на Украине // Правда. 1963. № 271. С. 1.
24. *Хрущев Н.С.* Воспоминания: в 2 т. Т. 2. М.: Вече, 2016. 894 с.

УДК 93/94

В.С. Батченко[1]

Комиссия по правовым вопросам межпланетного пространства АН СССР: история советского космического права

Аннотация. В статье анализируется период зарождения международного космического права как отрасли юридической науки во второй половине 1950-х гг. Наиболее пристальное внимание уделено формированию космического права в СССР, центром которого стала Комиссия по правовым вопросам межпланетного пространства АН СССР. Она действовала с 1959 по 1973 г. – этому периоду в тексте отводится центральное место. Роль Комиссии в развитии космического права как в стране, так и на международной арене крайне значима: ее члены участвовали в разработке основных международных нормативных правовых актов, например, деклараций и договоров стран-участниц ООН, совмещали научно-теоретические разработки космических правовых норм и практическую деятельность в международных организациях. Многие проблемы, с которыми столкнулись юристы в вопросах регулирования действий человека в космическом пространстве, уже имели место в начале XX в. при разработке воздушного права.

Ключевые слова: космическое право; история космонавтики; советский космос; Академия наук; ООН.

Commission on legal issues of interplanetary space of the Academy of Sciences of the USSR: history of Soviet space law

Abstract. The article analyzes the beginning of international space law in the second half of the 1950s as a branch of legal sciences. The most attention is paid to the formation of space law in the USSR, the center of which was the Commission on legal issues of interplanetary space of the Academy of Sciences of the USSR. The Commission operated from 1959 to 1973 – this period is given a central place in the text. The role of this Commission in the development of space law both in the country and on the international arena is extremely significant: its members participated in the development of major international normative legal acts; combined scientific and theoretical developments of space legal norms and practical activities in international organizations. Many of the problems that lawyers faced in regulating the actions of mankind in outer space already took place at the beginning of the XX century during the development of air law.

[1] **Виктория Сергеевна Батченко** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра изучения новейшей истории и политологии Института российской истории РАН (Москва, Россия), e-mail: vik-batchenko@yandex.ru.

Viktoria S. Batchenko – Candidate of Historical Sciences, Researcher in the Center for the Study of Modern History and Political Science, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Keywords: space law; history of cosmonautics; Soviet space; Academy of Sciences; UN.

Прорыв человечества в космическое пространство в середине прошлого века стал отправной точкой для развития новых отраслей науки, побудил развитие всех сфер жизни мирового сообщества. И так как освоение космического пространства немыслимо без организации международного сотрудничества, пока первый искусственный спутник Земли еще только готовили к запуску, лучшие юридические умы уже задумывались над вопросом, по каким нормам и правилам землянам следует осуществлять дальнейшие шаги в космосе. Новая наука – космическое право – все более заявляла о себе, в том числе и в СССР. Ее развитие неизменно связано со складыванием международных отношений, позицией ООН и других организаций по космосу в этом процессе, стремлением к исключительно мирному характеру космических исследований – всю деятельность, так или иначе связанную с космосом, необходимо было оформить в единое правовое поле.

Как ни странно на первый взгляд, история космического права берет свои истоки в 1920–1930-е гг.: уже тогда при разработке норм воздушного права юристы высказывались об актуальности в скором будущем регулирования межпланетных передвижений. Первым идею «о необходимости разработки в будущем "межпланетного транспортного права" в связи с приближением эры высотных полетов и межпланетных сообщений» высказал известный в те годы юрист В.А. Зарзар в статье, опубликованной в сборнике трудов секции воздушного права ОСОАВИАХИМ (1927 г.) [4, с. 3]. В 1933 г. другой юрист, Е.А. Коровин на совещании по воздушному праву выступил с докладом «Завоевание атмосферы и воздушное право», ряд положений которого «предвосхищал правовые проблемы, возникшие позже в процессе освоения космоса» [4, с. 4]. В начале 1960-х гг. аналогичные вопросы стояли перед юристами мира в области международного космического права, а вопрос о применении суверенного права к космосу и небесным телам нашел отражение в Декларации ООН 1963 г. о принципах, регулирующих деятельность государств по исследованию и использованию космического пространства [1].

Любопытно, что в 1958 г., когда после запуска первого искусственного спутника Земли космонавтика окончательно перешла из разряда фантастики в реальность и международное ученое сообщество стало активно обсуждать, в том числе юридические аспекты проникновения человека в космос, именно работа Коровина, написанная в 1933 г., «была оценена международным фондом им. Г. Гроция как большой вклад в создание международного космического права, а ее автор награжден медалью Гуго Гроция» [4, с. 4]. И, если Зарзару развить свои мысли в печатных работах помешала ранняя

смерть, то Коровин дожил до эры начала пилотируемой космонавтики и стал одним из основоположников советского космического права [8, с. 9], соответственно, и российского тоже [17, с. 10].

С конца 1950-х гг. началось всестороннее исследование юридических вопросов освоения космоса. Уже в 1958 г. в Гааге в ходе работы IX конгресса Международной федерации аэронавтики состоялся коллоквиум по режиму космического пространства, а в Мюнхене по тем же вопросам прошла сессия Международного юридического фонда Гуго Гроция – эти и последующие научные форумы были посвящены вопросам определения «понятия космического пространства» [11, с. 3], границ воздушного пространства и пределов суверенитета в космосе. 7 сентября 1958 г. Международная ассоциация международного права приняла резолюцию, «в которой подчеркнула "значение дальнейшего изучения всех этих вопросов" правового регулирования космического пространства и обратилась с призывом к Организации Объединенных Наций и другим международным органам изучать политические, правовые, космические, социальные и научные проблемы, связанные с использованием космического пространства» [11, с. 25]. На тот момент к космосу не было применимо ни одно из международных соглашений, кроме основных принципов международного права.

13 декабря 1958 г. при ООН начал работу Специальный комитет по использованию космического пространства в мирных целях, в состав которого вошли представители 19 стран, и уже тогда основной целью его работы была провозглашена организация международного сотрудничества по использованию космического пространства, в том числе, составлению норм международного космического права. Собственно, с этого времени официально зарождается эта отрасль. При Комитете работал Юридический подкомитет, который занимался согласованием позиций юристов от стран-представительниц. СССР как одному из участников этого Комитета необходимо было удерживать позиции международного лидерства, поэтому вопросам разработки норм космического права уделялось пристальное внимание.

В 1958 г. при другой международной организации – Международной астронавтической федерации – был создан Постоянный комитет по космическому праву, а два года спустя комитет трансформировался в более статусное учреждение – Международный институт космического права. На всех уровнях и во всех странах специалисты понимали необходимость формирования комплекса международных космических норм. Лидер СССР Никита Хрущев в начале космического сотрудничества с США в 1962 г. настойчиво требовал от президента Джона Кеннеди среди прочих точек соприкосновения уделять внимание разработке международных конвенций

по космосу: в частности, выработать совместные соглашения об оказании помощи в поисках и спасении космонавтов, терпящих бедствие на территории других государств, и скорейшем их возвращении на родину.

Перед правительством СССР и Министерством иностранных дел, в частности, встала необходимость «разрабатывать правовые проблемы освоения космоса, и в 1959 г. был направлен запрос в научные учреждения с просьбой заняться этим вопросом» [9, с. 14]. В декабре 1959 г. при Отделении экономических, философских и правовых наук Академии наук СССР начала работу Комиссия по правовым вопросам межпланетного пространства (далее – Комиссия), а ранее упомянутый Коровин, к тому времени ставший член-корреспондентом АН СССР, назначен ее председателем. Ученым секретарем Комиссии стал кандидат юридических наук Г.П. Жуков (Институт государства и права АН СССР – ИГП); в состав вошли: от ИГП АН СССР – Е.Г. Василевская, Г.П. Задорожный, П.И. Лукин; от Министерства иностранных дел СССР – Ф.Н. Ковалев, Г.А. Осницкая, И.С. Чепров; от Президиума АН СССР – В.С. Верещетин. К тому времени все члены Комиссии уже имели научные публикации по юридическим вопросам в космосе [5; 6; 13].

Комиссия занималась разработкой проектов первых международно-правовых документов в области космического права, а также определением его терминов. Ее работа была открытой и официальному засекречиванию не подлежала. Также при Кафедре международных отношений МГИМО разработкой основ критики некоторых концепций, обсуждавшихся в международном научном пространстве, занимался аспирант Ю.М. Колосов – позже один из основоположников советского космического права [9, с. 14]. В 1961 г. при ИГП АН СССР начала работу проблемная группа по изучению правовых вопросов космического пространства, состоявшая на тот момент из трех человек, одновременно представлявших Институт в Комиссии. В научном отношении проблемная группа вошла в подчинение Комиссии по правовым вопросам [4, с. 7]. С 1965 г. после смерти Коровина Комиссией руководил А.С. Пирадов, а в 1973 г. она была упразднена [4, с. 7].

Какие вопросы тогда охватывала область космического права? Центральной мыслью проходила проблема мирного космоса – другими словами, запрет военного использования космического пространства и применение общих международных правовых принципов, установленных на Земле, к космическому пространству, а, следовательно, соотнесение зарождающегося космического права с Уставом ООН. Одним из примеров может служить решение в ООН проблемы спасения космонавтов, приземлившихся на территории чужих государств, и возвращения их на родину: плюрализм

мнений представителей разных государств порой уводил юристов к точкам зрения о схожести искусственного спутника Земли на орбите с «плавающей в открытом море бутылкой» [3, с. 43] – кто найдет его приземлившимся, тот и собственник; либо о праве государства, запустившего космический аппарат, предпринимать любые действия по его спасению на территории чужих государств [3, с. 44].

Из основных проблем в начале 1960-х гг. члены академической Комиссии выделяли пять: 1) суверенитет в космосе; 2) применимость общих международных принципов к космосу и вопрос заражения космоса микробами и радиацией с Земли и наоборот; 3) правовой режим, связанный с космическими кораблями и космонавтами, – регистрация запусков, распределение орбит и радиочастот и порядок возврата космических кораблей и их частей в случае приземления на территории чужих государств; 4) статус небесных тел, их оккупация и использование, в том числе внеземных ресурсов; 5) также иногда юристами ставились вопросы о правовом регулировании сделок в космосе, космических преступлениях (в том числе, пиратство), взиманиии налогов «с космических путешественников» и т.д. [11, с. 30].

В 1961 г. при активном участии Комиссии на русском языке был издан сборник статей ведущих зарубежных юристов-практиков под общим названием «Проблемы космического права» [15]. Туда вошли четыре статьи первопроходцев международного космического права: американцев Э. Хейли, Н. Катценбаха, О. Лисицына и французского юриста Э. Пепэна, а также сокращенный перевод монографии уругвайского юриста А.Б. Араухо. В 1962 г. Комиссия подготовила сборник научных статей «Космос и международное право» [11], охвативший проблемы политического противоборства, становления космического права как отрасли науки и ряд вопросов по международному сотрудничеству в первые годы его оформления.

Первая монография советских ученых по космическому праву вышла в 1962 г. [7] и касалась насущных теоретических проблем становления правовых норм вокруг темы космоса, таких как свобода космоса, пределы действия государственного суверенитета и запрещение использования космоса в военных целях. Тогда же вышла небольшая монография члена Комиссии Осницкой «Освоение космоса и международное право» [14], в которой пусть и в традиционном для 1960-х гг. пропагандистском стиле были описаны цели и задачи основных международных организаций по космосу: Комитета по мирному использованию космоса ООН, Специального комитета по изучению космического пространства (КОСПАР), Международной федерации астронавтики (МАФ), ЮНЕСКО, Всемирной метеорологической организации (ВМО) и Международного союза электросвязи (МСЭ).

Силами советских юристов в 1966 г. в ООН был внесен проект «Международного договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, Луны и других небесных тел» (так называемый Договор о космосе), который в итоге был подписан 27 января 1967 г. в Москве, Вашингтоне и Лондоне [2, с. 24]. Это был знаковый этап как в истории международного космического права, так и в работе советской Комиссии, своеобразная кульминация ее деятельности.

В 1968 г. была опубликована работа Колосова «Борьба за мирный космос», стереотипное переиздание которой успешно предприняли в 2014 г. Если не брать во внимание свойственные времени отсылки к классикам марксизма-ленинизма, то суть книги – анализ принятия основных международных директив по космосу, противоборство в ООН по вопросам мира и войны в космосе – крайне актуальна и в наши дни. Интересно также то, что название книги как бы связывает работу Колосова с ранними публикациями Коровина о космическом праве и еще более ранними Зарзара о становлении воздушного права: у Коровина в книгах фигурирует борьба за космос [10], у Зарзара одна из статей носила название «Борьба за воздух». Если в 1920-е гг. сила авиационной техники и владение ею сильными мира сего ассоциировались с борьбой за воздух, то с учетом силы космической техники в 1960-е гг. борьбу приходилось вести уже за весь мир.

Развитие космического права зависело от развития космонавтики в целом: во времена «лунной гонки» юристов заботил статус Луны и других небесных тел, вопросы использования их в военных целях, добычи полезных ископаемых; во времена начала работы орбитальных станций ученые стали разрабатывать проблемы правового статуса околоземных орбитальных станций. Наиболее полной работой по последнему вопросу является книга А.И. Рудева «Международно-правовой статус космических станций» [16]. Начало работы околоземных орбитальных станций в 1970–1980-х гг. привело к рассмотрению ряд вопросов: к примеру, проблема регистрации запусков космических аппаратов – как регистрировать орбитальную станцию, запуск которой подготовлен совместно несколькими государствами или на борту которой установлено оборудование, изготовленное другим государством; или, как организовать право доступа на орбитальную станцию, право собственности относительно станции и ее оборудования и в каком правовом положении находятся космонавты во время пребывания на орбитальной станции, когда прекращается зона юридической ответственности государств за космические аппараты и т.п.

В основном все исследования по космическому праву, сколько-нибудь содержащие исторический дискурс, основаны на перечислении и анализе нормативных правовых актов, которыми космическая деятельность в стра-

не и мире регулировалась. Имея эти данные в распоряжении, можем ли мы ответить на вопрос, насколько полно сформировался за годы советской власти комплекс базовых норм космического права? Учитывая засекреченность многих документов до распада СССР, наиболее полный их анализ стал возможен только в последние 30 лет. Конечно, юристы, непосредственно включенные в разработку космической нормативно-правовой базы, были осведомлены о составе имевшихся актов, но заявлять о них в открытой печати и в полном объеме просто не имели возможности. Современные же авторы пришли к выводу, что несмотря на солидный объем нормативно-правовой базы она включала только подзаконные акты (постановления Совета Министров СССР и ЦК КПСС, решения Комиссии по ВПК при СМ СССР и постановления министерств и АН СССР), но «каких-либо законодательных актов о космической деятельности в советский период космонавтики принято не было» [12, с. 15], как, собственно, отсутствовал и специальный правительственный орган, «который централизованно осуществлял бы руководство этой [космической. – *В.Б.*] деятельностью» [12, с. 53]. Первый закон о космосе был принят только после распада СССР в 1993 г. – закон «О космической деятельности».

В заключении хотелось бы отметить, что именно Комиссия по правовым вопросам дала Советскому Союзу плеяду ученых в области новой отрасли науки – международного космического права. Все главные работы по истории движения СССР к мирному космосу написаны либо под личным авторством этих ученых, либо с их редакторским участием. Работа Комиссии состоялась, в первую очередь, благодаря времени, насыщенному событиями по становлению всего, связанного с космосом (1960–1970 гг.), а также благодаря личности ее основателя – Коровина, научное формирование которого пришлось на период строительства международного воздушного права.

Список источников и литературы

1. Декларация правовых принципов, регулирующих деятельность государств по исследованию и использованию космического пространства: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 1962 (XVIII) от 13 декабря 1963 г. // Official Documents System of the United Nations. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/188/63/PDF/NR018863.pdf?OpenElement (дата обращения: 27.05.2022).

2. Десять лет космических исследований. М.: Издательство АПН, 1967. 72 с.

3. *Жуков Г.П.* Международное сотрудничество по спасению космонавтов // Авиация и космонавтика. 1964. № 10. С. 41–44.

4. *Жуков Г.П.* Текст к лекции к спецкурсу «Международное космическое право». Тема «История советской доктрины»: для студентов V курса, стажеров, аспи-

рантов и преподавателей специальности «Правоведение». М.: Изд-во УДН, 1990. 51 с.

5. *Задорожный Г.П.* Атом, космос, мировая политика. М.: Изд-во ИМО, 1958. 80 с.

6. *Ковалев Ф.Н., Чепров И.И.* Искусственные спутники Земли и международное право // Советский ежегодник международного права. 1958. М.: АН СССР, 1959. С. 128–149.

7. *Ковалев Ф.Н., Чепров И.И.* На пути к космическому праву. М.: ИМО, 1962. 180 с.

8. *Колосов Ю.М.* Борьба за мирный космос. М.: Статут, 2014. 173 с.

9. *Колосов Ю.М., Юзбашян М.Р.* Вклад российской (советской) юриспруденции в становление и развитие международного космического права // Московский журнал международного права. 2015. № 2 (98). С. 12–34.

10. *Коровин Е.А.* Борьба за космос и международное право // Космос и международное право. М.: Издательство международных отношений, 1962. С. 5–22.

11. Космос и международное право. Сборник статей. М.: Издательство Института международных отношений, 1962. 184 с.

12. *Малков С.П.* Космическое право России: основные этапы формирования и развития. СПб.: ГУАП, 2008. 173 с.

13. *Осницкая Г.А.* К вопросу о межпланетном праве // Советское государство и право. 1958. № 7. С. 52–58.

14. *Осницкая Г.А.* Освоение космоса и международное право. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1962. 72 с.

15. Проблемы космического права. М.: Издательство иностранной литературы, 1961. 212 с.

16. *Рудев А.И.* Международно-правовой статус космических станций. М.: Международные отношения, 1982. 144 с.

17. *Солнцев А.М.* PERSONA GRATA Г.П. Жуков: «Служу космическому праву России!». Интервью с основоположником международного космического права СССР, профессором, доктором юридических наук Г.П. Жуковым // Евразийский юридический журнал. 2014. № 3 (70). С. 7–10.

УДК 33:94 (571.150)

Г.А. Гряникова[1]

Государственное и общественное регулирование торговли в Алтайском крае в середине 1960-х – 1980-е гг.

Аннотация. Статья посвящена изучению механизма регулирования торговли в середине 1960-х – 1980-е гг. На материалах Алтайского края рассмотрены основные аспекты управления торговлей, деятельность непосредственного руководства и органов исполнительной власти. Особое внимание уделено государственным инспекциям по качеству товаров и торговле, а также органам народного контроля – комиссиям и группам комитетов профсоюза. Комплексное исследование партийных и отчетных документов, сохранившихся в Государственном архиве Алтайского края, и документов для служебного пользования управления Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай позволило детально рассмотреть процесс управления сферой торговли региона, проанализировать методы контроля над торговыми организациями и их эффективность в рамках плановой системы хозяйствования.

Ключевые слова: торговля; государственные инспекции; общественный контроль; народные контролеры; Алтайский край.

State and public regulation of trade in the Altai territory at the mid-1960s – 1980s

Abstract. The article studies the mechanism of the trade regulation in the mid-1960s – 1980s on the materials of the Altai Krai. The study is based on the consideration of the main aspects of trade management by the direct leadership and executive authorities. Special emphasis is placed on identifying the role of the activities of state inspections on the quality of goods and trade, as well as public control bodies – commissions and groups of committees of the trade union. The comprehensive application of the party and reporting documents stored in the State Archive of the Altai Krai, and the documents for official use by the Office of the Federal State Statistics Service for the Altai Krai and the Altai Republic contribute to a detailed definition of the management process of the trade sphere in the region, methods of control over trade organizations and their effectiveness within the framework of the planned management system.

Keywords: trade; state inspections; public control; people's controllers; Altai krai.

Изучение вопросов организации советской торговли в рамках конкретного региона позволяет выявить влияние торговли на повседневную жизнь

[1] **Галина Андреевна Гряникова** – преподаватель кафедры отечественной истории Института истории и международных отношений Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: galya9309@mail.ru.

Galina A. Gryanikova – Lecturer in the Department of National History of Department of History and International Relationship of Altay State University (Barnaul, Russia).

и степень удовлетворения ею потребностей населения. В данной статье основное внимание уделено управлению торговлей и организации деятельности розничной сети, предприятий общественного питания и службы быта. К основным аспектам управления относятся руководство торговыми предприятиями, их совершенствование и реструктуризация, формирование штатов с указанием численности персонала, должностей и заработной платы. Важную роль в механизме регулирования торговли играли общественный контроль и деятельность государственных инспекций по соблюдению трудовой дисциплины.

Изучение структуры управления советской торговлей, а также роли и задач органов контроля над торговыми организациями в рамках конкретного региона представляет большой интерес с точки зрения не только экономической истории, но и истории повседневности. Отдельные вопросы управления рассмотрены в специальной научной литературе советского периода [9; 20] и в общих работах по истории социалистического строительства [13; 14; 15]. В современной историографии можно выделить исследования, касающиеся поиска эффективных методов хозяйствования и его результатов [21; 22], экономической реформы 1965 г. и ее значения для развития советской экономики [10; 18], трансформации торгового сектора в позднесоветский период, рассматриваемой как следствие перевода предприятий торговли и общественного питания на полный хозрасчет и самофинансирование [19; 24; 25]. Несмотря на внушительный пласт публикаций, малоизученными остаются вопросы взаимосвязи государственной политики, общественного контроля и изменений в экономическом развитии применительно к отдельным регионам, в том числе к Алтайскому краю, что не позволяет составить целостную картину управления торговой сферой в региональном разрезе.

Цель данной работы – проанализировать структуру государственного и общественного контроля над торговыми организациями, предприятиями общественного питания и бытового обслуживания Алтайского края в середине 1960-х – 1980-е гг. К задачам исследования относятся характеристика государственной политики в сфере торговли, выявление методов общественного и народного контроля за деятельностью предприятий торговли, определение их эффективности в условиях плановой экономики. Решение этих задач потребовало обращения к разнообразным историческим источникам. Анализ нормативных правовых актов [11; 12] и документов советских и партийных органов, регулировавших работу торгующих организаций и сферу бытового обслуживания [16; 17], позволил выявить механизмы государственного и общественного контроля над торговыми организациями в условиях плановой экономики и степень их проникновения в сферу

товарного обращения, осмыслить установки, исходившие от государства. Акты ревизий и проверок соблюдения штатной дисциплины содержатся в документах предприятий торговли, отложившихся в фондах Государственного архива Алтайского края. Большая часть делопроизводственной документации торговых и контролирующих организаций выявлена в архиве управления Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и республике Алтай в ходе работы с документами, имевшими гриф «для служебного пользования» [1; 2; 3]. Материалы к отчетным докладам горкома КПСС отражают деятельность партийной организации Барнаула по реализации решений съездов партии в социально-экономической сфере.

Управление торговой деятельностью в крае осуществлялось руководством торгов, трестов, магазинов, предприятий общественного питания и бытового обслуживания и органами исполнительной власти – Алтайским крайисполкомом, городскими отделами народных депутатов, краевым советом народных депутатов. Влияние на работу отрасли оказывали государственные инспекции по качеству товаров и торговле, а также органы народного контроля в лице комиссий и групп профсоюзных комитетов.

Деятельность органов народного контроля, преобразованных из органов партийно-государственного контроля, определяли Закон СССР «Об органах народного контроля в СССР» от 9 декабря 1965 г., Положение об органах народного контроля в СССР, а также законы союзных и автономных республик [12; 17]. 30 ноября 1979 г. был принят Закон СССР «О народном контроле в СССР», согласно которому органы народного контроля организовывались по территориальному и производственному признакам [11].

Основная цель контроля заключалась в предупреждении нарушений и улучшении торгового обслуживания. В конце 1970-х гг. в Алтайском крае под руководством краевой парторганизации работало 88 комитетов, 9 592 группы (в том числе 1 366 в Барнауле), 4 912 постов народного контроля общей численностью более 106 тыс. человек. Кроме того, контролирующую деятельность осуществляли 648 внештатных отделов (из них 80 в Барнауле), объединявших 6 625 инспекторов (720 в Барнауле) [1, с. 13; 2, с. 23]. Данные органы руководствовались, с одной стороны, решениями партии и правительства, с другой – специальными правилами, утвержденными приказами Министерства торговли РСФСР и регламентирующими розничные цены и наценки, отпуск покупателям товаров чистым весом и полной мерой, правильность расчетов с покупателями, состояние весов и измерительных приборов и пользование ими, своевременность рассмотрения жалоб и т.п. [16].

К основным нарушениям относились наценки и завышение розничных цен, обвес и обсчет, низкая санитарная культура, истекший срок годности продовольственных товаров, продажа товаров низкого качества в результа-

те технологических нарушений на производстве, беспорядочное ведение книги жалоб и предложений [6, л. 1–12]. В 1965 г. из 9 337 предприятий торговли и общественного питания проверке подверглись 7 874 (84,3 %). Нарушения выявили на каждом третьем предприятии [7, л. 7–18]. В 1970 г. было обнаружено 115 случаев недостач, растрат и хищений в торговле и 27 – на предприятиях общественного питания, ущерб составлял 115 тыс. руб. при общем доходе предприятий в 586 435 тыс. руб. [4, л. 58–61]. К нарушениям относилась поставка некачественных изделий, включая брак (6,2 %), в том числе появившийся по вине торгующих организаций – 0,5 % [5, л. 8]. В 1973 г. было проверено 9 272 предприятия, нарушения выявлены в 22,6 % из них. Результаты проверок госинспекций свидетельствуют о высоком уровне выявления нарушений. Так, в 1973 г. из 12 проверенных сельских районов в двух количество нарушений составило от 24 до 27,1 %, в пяти – от 31 до 38,1 %, в двух – 40 %, в трех – от 56 до 68 %. Группами народных контролеров в 39 сельских районах проведена 1 701 проверка, из них 511 проверок выявили отступления от законного порядка (30,0 %). Наибольшее число нарушений было связано с продажей товаров по завышенным ценам и использованием весоизмерительных приборов с неправильными или просроченными клеймами. В общей сложности в проверках 1973 г. участвовали 84 внештатных инспектора, 415 общественных контролеров, 361 народный контролер [8, л. 2–3].

Одной из форм контроля выступали сообщения покупателей о недостатках в торговом обслуживании и предложения по их устранению, вносившиеся в книгу жалоб и предложений. Все предприятия розничной торговли обязывались иметь такую книгу в торговом зале на доступном месте и выдавать ее по первому требованию покупателя. Администрация магазина в течение 48 часов должна была отреагировать на замечания и внесенные предложения, а также устранить недостатки. За 1965 г. от населения края поступило 103 жалобы различного характера: 41 факт продажи некачественных товаров, 26 нарушений правил торговли, 25 случаев завышения розничных цен, 19 случаев обмера, обвеса, обсчета [7, л. 15]. Но ответы на жалобы не всегда оказывались своевременными. Так, на жалобу покупателя магазина № 1 Барнаула от 7 июня 1973 г. о продаже водки лишь избранным лицам последовал формальный ответ: «Адреса нет, отвечать некуда». Без ответа более месяца оставалась жалоба на грубость продавца магазина Ельцовского района [8, л. 3].

Выявление нарушений влекло наказание торговых работников. За 1965 г. наказано в дисциплинарном порядке 1 228 человек, в том числе 4 – осуждены, 36 – лишились работы, 74 – оштрафованы, поведение 108 нарушителей обсуждалось на собраниях трудовых коллективов в проф-

союзных органах [7, л. 15]. В 1973 г. проведено 237 занятий с общественностью, охватывавших 3 129 человек, и наказано 1 819 нарушителей (в том числе 552 руководителя), в том числе одного осудили, 48 сняли с работы, 196 оштрафовали, а «поведение 65 нарушителей обсуждалось на товарищеских судах» [8, л. 2].

Потребители из городской и сельской местности писали о проблемах организации торговли в местную газету «Алтайская правда» и редакции общесоюзных газет «Сельская жизнь», «Советская торговля», «Правда». Основными темами обращений выступали нарушение финансовой дисциплины, использование служебного положения в корыстных целях, дефицит и предложения по его преодолению, перебои в торговле продовольственными и промышленными товарами [21, с. 153–163].

В 1980-е гг. неотъемлемой составляющей трудового воспитания стали единые политдни, идеологические планерки, дни открытого письма, встречи партийных, советских, хозяйственных руководителей с коллективами предприятий. Проводимые меры должны были повысить воспитательную роль партии посредством лекционной пропаганды и устной политической агитации. В частности, XI пятилетний план развития народного хозяйства проходил под девизом «Каждый слушатель – мастер по профессии, активный общественник, носитель высоких моральных качеств». Воспитательная работа должна была содействовать борьбе с негативными явлениями, укреплению трудовой дисциплины, формированию разумных потребностей и повышению культуры производства и быта. Кроме того, на собраниях большое внимание уделялось «идейной закалке» работающей или учащейся молодежи посредством комсомольского политпросвещения, массовых форм пропаганды и агитации [3, с. 28–29].

Таким образом, представленные сведения, иллюстрирующие управление торговой деятельностью в условиях плановой системы хозяйствования, позволили увидеть, как и с какими результатами осуществлялся контроль над торговыми предприятиями Алтайского края в середине 1960-х – 1980-е гг. Помимо непосредственного руководства в лице директоров трестов, торгов, магазинов, начальников отделов работу торговых предприятий контролировали органы исполнительной власти, а также государственные инспекции по качеству товаров и торговле и органы народного контроля через комиссии и группы комитетов профсоюза. Особую роль играл общественный контроль, распространенной формой которого являлись письма граждан в редакции газет с целью вскрытия фактов «теневой» торговой деятельности и связанных с ней проблем в снабжении и обслуживании.

Список источников и литературы

1. Алтайский край 1979–1981 гг.: материалы в дополнение к отчетному докладу Алтайского крайкома КПСС: делегату XX Алтайской краевой партийной конференции. Барнаул: [Б. и.], 1981. 128 с.

2. Барнаул в десятой пятилетке (1976–1978 гг.): материалы к отчету Барнаульского горкома КПСС: делегату XXVI Барнаульской городской партийной конференции. Барнаул: [Б. и.], 1978. 149 с.

3. Барнаул в одиннадцатой пятилетке (1980–1983 гг.): материалы к отчету Барнаульского горкома КПСС: делегату XXVIII Барнаульской городской партийной конференции. Барнаул: [Б. и.], 1983. 149 с.

4. Государственный архив Алтайского края (ГА АК). Ф. Р-606. Оп. 6. Д. 726.

5. ГА АК. Ф. Р-926. Оп. 4. Д. 95.

6. ГА АК. Ф. Р-1118. Оп. 3. Д. 24.

7. ГА АК. Ф. Р-1118. Оп. 4. Д. 11.

8. ГА АК. Ф. Р-1118. Оп. 4. Д. 61.

9. *Григорьян Г.С.* Торговля в развитом социалистическом обществе. М.: Экономика, 1977. 174 с.

10. *Губанов С.С.* «Косыгинская реформа»: итоги и уроки // Экономический портал. URL: https://institutiones.com/personalities/672-kosiginskaya-reforma.html (дата обращения: 29.11.2021).

11. Закон СССР от 30.11.1979 № 1159-X «О народном контроле в СССР» // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=44514#pwlM24TYtUbvMDSz (дата обращения: 01.04.2022).

12. Закон СССР от 9 декабря 1965 года № 4224-VI «Об органах народного контроля в СССР» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6332.htm (дата обращения: 01.04.2022).

13. История социалистической экономики СССР: в 7 т. Т. 7: Экономика СССР на этапе развитого социализма (1960–1970-е гг.) / отв. ред. И.А. Гладков. М.: Наука, 1980. 718 с.

14. *Косыгин А.Н.* Избранные речи и статьи. М.: Политиздат, 1974. 783 с.

15. Краткий экономический словарь / под ред. Ю.А. Белика и др. М.: Политиздат, 1989. 397 с.

16. Основные правила работы и внутреннего распорядка магазина в СССР // Торговля в СССР. URL: http://www.soviet–trade.ru (дата обращения: 25.11.2021).

17. Положение об органах народного контроля в СССР от 19 декабря 1968 г. № 1020 // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6965.htm (дата обращения: 01.04.2022).

18. *Славкина М.В.* Социальные аспекты «косыгинской» реформы середины 1960–1970-х годов. Анализ динамики показателей уровня жизни населения // Экономическая история. Обозрение / под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 8. М.: ЦЭИ, 2002. С. 94–96.

19. *Соловьев Б.А., Алькевич Л.А., Андросов В.И.* Экономика торговли. М.: Экономика, 1990. 414 с.

20. Статистика общественного питания / сост.: Н.П. Тительбаум, Е.М. Новожилова и др. М.: Статистика, 1975. 222 с.

21. *Столетова А.С.* Теневые стороны организации советской торговли в оценках массового сознания 1960–1980-х гг. (интерпретация писем в центральные органы власти и средства массовой информации) // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 472. С. 153–156.

22. *Ульянова М.В.* Тенденции и противоречия реформирования экономической модели развитого социализма в СССР в 1965–1991 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2011. 18 с.

23. *Ульянова О.А.* Провал экономических реформ во второй половине XX в. и причины краха советской экономической системы // Экономический журнал. 2011. № 21. С. 92–101.

24. *Шабашова Е.В.* Деформация советской системы управления в период «перестройки» на примере государственной розничной торговли // Вестник МФЮА. 2017. № 1. С. 250–257.

25. *Янковский К.П.* Совершенствование хозяйственного механизма в торговле. Куйбышев: Кн. изд-во, 1990. 142 с.

УДК 93/94

Р.Ю. Червяков[1]

«Союзу нашему полвека, а дружба наша – на века»: 50-летие образования СССР на страницах журнала «Крокодил»

Аннотация. Статья посвящена анализу репрезентации первого юбилея образования СССР, отмеченного в декабре 1972 г. Журнал «Крокодил», один из наиболее важных печатных органов страны, откликнулся серией праздничных карикатур и репортажей с крупных промышленных и сельскохозяйственных предприятий, выходивших под рубрикой «Иду, шагаю по стране». Следуя идеологическим установкам, заложенным в Постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик», художники и журналисты отражали успехи в решении национального вопроса, преподнося их как важнейший фактор создания современной материально-технической базы промышленности и сельского хозяйства в союзных республиках. Успех национальной политики СССР противопоставлялся политике «буржуазного национализма» западных стран.

Ключевые слова: 50-летие образования СССР; журнал «Крокодил»; советская пропаганда; юбилееведение.

«Our country is half a century old but our friendship will last for centuries»: 50th anniversary of the USSR in the pages of «Crocodile» magazine

Abstract. The article analyzes the USSR formation, celebrated on the all-union level in December 1972. «Crocodile», one of the most important Soviet magazines, responded with a series of festive cartoons and reports from large industrial and agricultural enterprises, which were published under the heading ‘I’m marching through the country’. Following the ideological guidelines laid down in the decree of the CPSU Central Committee «On Preparation for the 50th Anniversary of the Union of Soviet Socialist Republics», artists and journalists reflected the success of the Soviet government in the solution of the «national question, presenting them as a major factor in the creation of modern material and technical base of industry and agriculture in the Union’s republics. The success of national policy of the USSR was opposed to the policy of «bourgeois nationalism» of Western countries.

[1] **Руслан Юнадиевич Червяков** – аспирант исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, старший научный редактор «Большой российской энциклопедии» (Москва, Россия), e-mail: tcherviakov.ruslan@yandex.ru.
Ruslan Yu. Chervyakov – Postgraduate Student, History Faculty, Moscow State University; Senior editor, Great Russian Encyclopedia (Moscow, Russia).

Keywords: 50th anniversary of the USSR formation; magazine «Crocodile»; Soviet propaganda; anniversary studies.

Юбилей – это не просто круглая дата. Смысловое наполнение этого явления давно перешагнуло границы простого хронологического отрезка, настоятельно требующего подведения итогов и организации торжеств. Это феномен общественной жизни, который активно осмысляется и изучается учеными. Более чем полвека назад для этого направления исследований придумали, как тогда казалось, шуточное определение – юбилееведение [25]. Однако оно прижилось и теперь объединяет исследовательские усилия историков, политологов, культурологов и социологов.

Ходу юбилейных торжеств различного уровня и масштаба, их политическому значению и идеологическому наполнению посвящена многочисленная литература [4; 5; 13; 14; 20; 26; и др.]. В отношении советской истории немалую роль играют коллективные исследовательские проекты, реализованные под руководством Г.А. Бордюгова, предлагающего рассматривать юбилеи как элемент формирования «пространства памяти» [14]. Связанные с ними мероприятия рассматриваются как способ использования образов прошлого для нужд настоящего. Коллективы исследователей на сегодняшний день рассмотрели идеолого-политическую подоплеку празднования Дня Октябрьской революции [22], победы в Великой Отечественной войне [19], а также юбилеев И.В. Сталина [2] и В.И. Ленина [1]. Несмотря на значительность проделанной работы, исследования советских юбилеев могут быть продолжены за счет расширения проблематики.

В частности, до сих пор не появилось исследований, связанных с празднованием юбилеев образования СССР. Во многом это связано с тем, что за точку отсчета существования первого в мире социалистического государства традиционно брался не акт юридического закрепления новой «геополитической реальности» I Всесоюзным съездом Советов 30 декабря 1922 г., а события октября 1917 г. Подписание Декларации об образовании СССР рассматривалось лишь как один из этапов формирования советского государства, начавшегося пятью годами ранее. Разница в один юбилейный шаг (5 лет) сыграла злую шутку с чествованием образования СССР: необходимости в дублировании праздников советское руководство поначалу не видело. Лишь 40-летие Союза отметили выпуском почтовой марки и конверта первого дня [21, с. 29].

Первое полноценное празднование состоялось в 1972 г. План и концепцию торжеств сформулировали в Постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик» [17]. В нем отмечалось, что «на протяжении первого пятилетия советской власти был накоплен богатый опыт развития новых, социалистических взаимоотно-

шений и сотрудничества между нациями и народностями» [17, с. 6]. Период с октября 1917 по декабрь 1922 г. определялся как пролог к образованию государства, сплотившего «все нации и народности в единое интернациональное братство» [17, с. 5]. Акцент впервые перенесли с революционных событий на образование государства. Исходным положением стал тезис о межнациональном характере советского государства, «братском единении» наций и народностей, с которыми связываются все победы нового общественного строя. Дальнейшие успехи на пути построения социализма увязаны в Постановлении с необходимостью взаимосвязанных усилий «трудящихся всех республик, экономических районов, работников всех отраслей народного хозяйства и культуры, многонациональных трудовых коллективов» [17, с. 11]. В области международных отношений декларировались приверженность принципам «ленинской внешней политики», нацеленность на разрядку международной напряженности и стремление консолидировать международное антиимпериалистическое движение вокруг СССР [17, с. 11–12].

21–22 декабря во Дворце съездов состоялось совместное торжественное заседание ЦК КПСС, Верховных советов СССР и РСФСР, на котором Л.И. Брежнев выступил с докладом «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик» [3]. Его содержание красноречиво отражают названия разделов: «Образование СССР – триумф ленинской национальной политики», «Нерушимое единство и братская дружба народов СССР – великое завоевание социализма», «Советский Союз – надежный оплот борьбы народов за мир, национальную независимость и социализм», «Советский Союз идет по пути, намеченному XXIV съездом». Таким образом, и Постановление, и доклад генерального секретаря ЦК задавали три пропагандистских постулата: во-первых, это успехи национальной политики; во-вторых, достижения в экономической сфере; наконец, в-третьих, традиционное осуждение империализма. Эти элементы и должны были получить отражение в ходе юбилейных торжеств.

Наиболее ярким тому свидетельством являются материалы средств массовой информации, в первую очередь, периодической печати. Многочисленные газеты и журналы, выходившие к началу 1970-х гг. миллионными тиражами, не могли не откликнуться на столь знаковое событие, тем более что постановление о праздновании вменяло «полнее использовать центральную и местную печать… в интернациональном воспитании трудящихся, всесторонне освещать жизнь всех советских республик, их братское сотрудничество» [16, с. 15]. Советская печать была многогранна, большинство изданий, несмотря на идеологический контроль, обладало своим «лицом», имело свои особенности. Так, особой, сатирической направленностью отличался журнал «Крокодил».

Первые выпуски «Крокодила» появились летом 1922 г. В 1972 г. журнал, так же как и Советский Союз, отмечал полувековой юбилей. В поздравительной телеграмме ЦК КПСС в адрес редакции отмечалось, что «Крокодил» «служит верным помощником партии в воспитании трудящихся в духе коммунистической морали, мобилизует читателей на выполнение задач, поставленных XXIV съездом КПСС; средствами сатиры и юмора ведет борьбу с пережитками прошлого в сознании людей» [10, с. 2]. Привилегированное положение в совокупности с сатирической направленностью публикуемых им материалов дало Л.С. Петрушевской, проходившей в его редакции практику, повод охарактеризовать его как орган «карательной юмористики» [18, с. 6].

Несмотря на то, что главной функцией издания являлась критика негативных явлений общественной жизни, журнал активно откликался на разнообразные праздничные события. В частности, на страницах «Крокодила» сформировался специфический образ Победы [27], ежегодно публиковались тематические номера, посвященные Дню Октябрьской революции. Поэтому в чествовании годовщины образования СССР, несмотря на «острый» характер издания, не было ничего удивительного.

По случаю торжества в журнале появилась рубрика «Иду, шагаю по стране», в которой печатались репортажи корреспондентов из разных уголков Советского Союза. Первый репортаж опубликован в восьмом выпуске журнала, вышедшем в марте. Такая задержка связана с тем, что постановление о праздновании 50-летия образования СССР вышло только во второй половине февраля. Бежать впереди паровоза «крокодильцы» явно не хотели. Аккуратность редакции выразилась и в тональности даваемых материалов. Острая сатира была неприемлема для характеристики достижений советской власти за 50 лет. А. Никольский, один из авторов репортажа, посвященного работе Минского тракторного завода, писал: «Если весна является преддверием такого большого праздника, как 50-летие образования Советского Союза, то тут даже у фельетониста губы растягиваются в улыбку и ему хочется вместо злого фельетона о каких-то там нарушителях написать положительный репортаж о достижениях» [16, с. 2]. Конечно, поводы для критики были, тем более что авторы выезжали на места и общались с работниками и администрацией и знали больше, чем рассказывали читателям. Но юбилейный канон не предусматривал чрезмерной критики. Лишь иногда в текстах проходят критические замечания об отдельных недочетах. В остальном шаблон рапорта об успехах оставался стабилен.

В общей сложности оказалось опубликовано 15 «положительных репортажей о достижениях». Корреспонденты журнала писали о возведении Камского автомобильного завода в Набережных Челнах и Токтогуль-

ской ГЭС в районе Кара-Куля, строительстве Каракумского канала имени В.И. Ленина, работе Минского тракторного завода, совхозов и угольных шахт Караганды, развитии сельского хозяйства Таджикской ССР и Краснодарского края, успехах в развитии Заполярья и Дальнего Востока и многом другом. Широкая индустриальная панорама осязаемых успехов советского строя должна была убедить читателей в уверенном движении по пути построения развитого социализма. Вот, например, описание строительства на месте Набережных Челнов: «Новый город, возникший на горизонте, в чистом поле, прорывался к Каме многоэтажными громадинами, сметая на своем пути кривые улочки, деревянные покосившиеся домики, приземистые, словно вцепившиеся в землю в дурном предчувствии, бывшие купеческие лабазы» [7, с. 8]. Дела должны были убеждать читателей сильнее лозунгов.

Большинство репортажей посвящалось развитию национальных республик и автономий, в особенности Средней Азии и Закавказья, выравниванию уровня жизни которых отдавалось предпочтение. Строительство каналов и заводов, открытие университетов, школ и больниц – все это преподносилось как общий успех всех народов, объединившихся в Советский Союз. Авторы репортажей стремились подчеркнуть «общий» характер развития народного хозяйства. Так, об успехах сельского хозяйства в Караганде Ю. Спиридонов сообщал: «Карагандинский каравай стал действительно интернациональным. “Испечь” его помогали механизаторы Саратова и Грозного, Ставрополья и Татарии, Узбекистана, Молдавии, Запорожья» [23, с. 2]. М. Владимов, передавая слова управляющего «Краснодаргидростоя» С.А. Кошарницкого о строительстве Краснодарского водохранилища, писал: «Можно сказать, всенародная стройка: в ней принимают участие люди 35 национальностей. Помогают десятки городов. Краматорск дает металлопрокат, Челябинск – трубы, Ереван – лак, Чебоксары – электрооборудование, Красноярск – лес… А всего – сто один поставщик» [6, с. 2].

При этом репортажи не следует рассматривать исключительно как официальную хронику. Особое внимание уделялось судьбам людей, приезжавших помогать поднимать народное хозяйство из других регионов: «Дочь Украины, уроженка России, одна из лучших чаесборщиц Грузии, Раиса Ивановна Бугаенко – депутат Верховного Совета Абхазии. У детей ее два родных языка – русский и грузинский» [24, с. 2]. Сквозь выверенные формулировки прорывались интересные судьбы. На страницах журнала приводились рассказы основателей первых коммун в Средней Азии, переезжавших из Центральной России, заводских рабочих Белоруссии, оставшихся в республике со времен Великой Отечественной войны, истории первых национальных театральных трупп, обучавшихся в ГИТИСе. Все

Рис. 1. И.М. Семенов. За столом никто у нас не лишний… 1972 г.

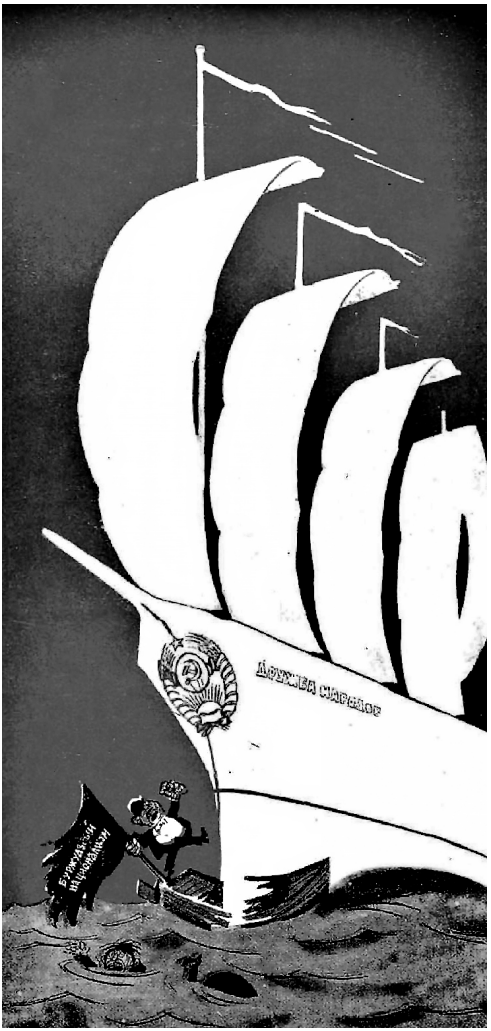

Рис. 2. Ю.А. Черепанов. Без названия. 1972 г.

они составляли важный компонент празднования юбилея: судьба человека и страны оказывались сплетены воедино.

Апофеозом празднования стал 35-й номер «Крокодила», материалы которого полностью посвящены 50-летию образования СССР. На обложке, выполненной И.М. Семеновым, Советский Союз изображен в виде большого стола, за которым собрались люди разных национальностей (рис. 1). На «столе» изображена Спасская башня Московского Кремля, со всех сторон окруженная корпусами заводов, буровыми вышками и каскадами ГЭС, символизирующими экономическую мощь страны. За «столом» сидят люди с бокалами в национальных костюмах народов СССР. Сзади них виднеется новогодняя елка, украшенная флагами союзных республик, гербом и надписью «50 лет СССР». Подписью к рисунку служит строчка из «Песни о Родине» В.И. Лебедева-Кумача: «За столом никто у нас не лишний»[1] [11, с. 1].

Именно в этом номере нашел наиболее полное отражение тезис о противостоянии «агрессивной стратегии империализма». Разницу двух подходов к решению «национального вопроса» демонстрирует рисунок Ю.А. Черепанова,

[1] Примечательно, что строчка эта взята из куплета, в котором упоминался «Всенародный сталинский закон». После развенчания «культа личности» весь куплет перестал исполняться. Ее упоминание в 1970-е гг., на волне пересмотра отношения к личности Сталина, кажется символичным.

на котором «буржуазный национализм», изображенный в виде лодки, терпит крушение от столкновения с белоснежным кораблем, на борту которого написано «Дружба народов» (рис. 2). Нос корабля украшает герб Советского Союза, а в контуре парусов читается аббревиатура «СССР» [28, с. 2].

На рисунке А.П. Крылова кафедра проповедующего антисоветские взгляды лектора постепенно превращается в мусорное ведро (рис. 3) [12, с. 5]. Той же теме посвящена басня белорусского поэта К. Крапивы «Жаба в колее». Ее главная героиня – жаба, сидящая «под веткой чахлого куста» (явная отсылка к «загнивающему Западу»), которая возмущается начавшемуся сенокосу. Стремясь выместить злобу на косарях (советских людях), она заявляет, что опрокинет воз с сеном, сев в колею и толкнув его с дороги. Результат предсказуем: «Тут обод по хребту ей хрясь! / И в колее – одна лишь грязь». Мораль произведения обращена к «жабам всех мастей»: «Кто хочет на ходу столкнуть советский воз?» [9, с. 5].

При этом обращает на себя внимание тот факт, что в принципе отсылок к «враждебному окружению» в контексте юбилея СССР немного. Это объясняется начавшимся в 1972 г. процессом разрядки международной напряженности, в рамках которой СССР и США стремились нащупать баланс интересов. В связи с этим градус антизападных и антиамериканских настроений в журнале был заметно снижен.

***

Журнал «Крокодил» принял активное участие в юбилейных торжествах. Приступая к формированию канона, журналисты и художники отложили в сторону «боевой карандаш» сатиры и перешли к репортажам об успехах советской промышленности и сельского хозяйства. Несмотря на некоторое однообразие в подаче материала, динамику развития государства

Рис. 3. А.П. Крылов. Эволюция одной трибуны. 1972 г.

Рис. 4. Б.Е. Ефимов. Без названия. 1972 г.

за 50 лет показать удалось. Последний юбилейный репортаж «Крокодила» завершается двумя фразами: «Дружба не только обмен приветствиями и памятными значками. Дружба – обмен непреходящими ценностями – дар ума и сердца одного народа другому» [29, с. 4]. Но «дружба народов» к тому моменту начала давать явные сбои. Замедление темпов экономического роста, товарный дефицит, дисбаланс в распределении ресурсов между республиками усилили трения между народами, воскресили старые территориальные споры. Но о негативных явлениях в юбилейных материалах журнал старался не упоминать.

«Происки империализма» в контексте юбилея упоминались мало, что связано с особенностями международной обстановки. Однако в тех случаях, когда империализм все-таки изображался, художники (конечно, ненамеренно) могли что-то угадать. Привлекает внимание карикатура Б.Е. Ефимова, на которой врачи обсуждают «странный вид шизофрении», которым страдает бывший западный политический деятель (рис. 4). Увлеченный экс-политик, не обращая внимания на врачей, занимается разрезанием карты СССР на отдельные республики [8, с. 16]. Тогда почти невозможно было представить, что подобное станет реальностью в канун 70-летия СССР.

Список источников и литературы

1. *Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А.* Ленин: культ и антикульт в пространствах памяти, истории и культуры. М.: АИРО-XXI, 2020. 632 с.

2. *Бордюгов Г.А.* Сталин: культ юбилеев в пространствах памяти и власти. М.: АИРО-XXI, 2019. 192 с.

3. *Брежнев Л.И.* О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик // Брежнев Л.И. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 4. М.: Политиздат, 1974. С. 41–101.

4. *Булыгина Т.А., Кожемяко Т.Н.* Историческая память и юбилеи в России в XX–XXI веках // История и историческая память. 2012. Т. 6. № 6. С. 63–76.

5. *Буслаев А.И.* Имперские юбилеи – тысячелетие России (1862 год) и девятисотлетие крещения Руси (1888 год): организация, символика, восприятие обществом: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2010. 30 с.

6. *Владимов М.В.* На дне морском // Крокодил. 1972. № 20. С. 2–3.

7. *Дубровин Е.П.* Город на Каме // Крокодил. 1972. № 8. С. 2, 8–9.

8. *Ефимов Б.Е.* Без названия // Крокодил. 1972. № 35. С. 16.

9. *Крапива К.* Жаба в колее // Крокодил. 1972. № 35. С. 5.

10. Крокодил. 1972. № 25. С. 2.

11. *Семенов И.М.* За столом никто у нас не лишний… // Крокодил. 1972. № 35. С. 1.

12. *Крылов А.П.* Эволюция одной трибуны // Крокодил. 1972. № 35. С. 5.

13. *Кузнецов А.А., Маслов А.Н.* Диктатура юбилеев: мемориальный бум как призрак иной повседневности // Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет. М.: АИРО-XXI, 2011. С. 1425–1461.

14. *Кузнецов А.А.* Революция спустя 100 лет // Диалог со временем. 2018. № 64. С. 262–277.

15. *Майорова О.Е.* Бессмертный Рюрик: празднование тысячелетия России в 1862 году // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. С. 137–165.

16. *Никольский А.В.* На стальном коне // Крокодил. 1972. № 10. С. 2–3.

17. О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС // Коммунист. 1972. № 3. С. 3–16.

18. *Петрушевская Л.С.* Вилы в бок // Крокодил. 2000. № 4. С. 6–7.

19. Победа-75: реконструкция юбилея / под ред. Г.А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2020. 800 с.

20. *Поршнева О.С.* От юбилея к юбилею: интерпретация российского военно-революционного кризиса 1914–1922 гг. в контексте двух знаменательных дат // Диалог со временем. 2018. № 64. С. 248–261.

21. Почтовые марки СССР. 1962. Каталог. М.: Главная филателистическая контора, 1963. 40 с.

22. Революция-100: реконструкция юбилея / под ред. Г.А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2017. 1088 с.

23. *Спиридонов Ю.* Тысяча, миллион, миллиард // Крокодил. 1972. № 32. С. 2.

24. *Убилава К.Х.* Колхидские соловьи // Крокодил. 1972. № 24. С. 2–3.

25. *Уралов Р.* Введение в юбилееведение // Вопросы литературы. 1960. № 7. С. 77–80.

26. *Цимбаев К.Н.* Феномен юбилеемании в российской общественной жизни конца XIX – начала XX века // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 98–108.

27. *Червяков Р.Ю.* «Я тороплюсь стереть с лица земли агрессоров – и действую в три бритвы»: память о Великой Отечественной войне на страницах жур-

нала «Крокодил» (1945–1991 гг.) // Война в человеческом измерении: идеология, психология, повседневность, историческая память: материалы Международной научной конференции (г. Москва, 20 марта 2020 г.). СПб.: Алетейя, 2021. С. 480–489.

28. *Черепанов Ю.А.* Без названия // Крокодил. 1972. № 35. С. 2.

29. *Юдин Б.Г.* Дом в Собиновском переулке // Крокодил. 1972. № 36. С. 4.

УДК 94(571.6)

П.С. Гребенюк[1]

Золото сверх плана: визит А.Н. Косыгина в Магадан в 1974 г. и проблемы развития золотодобычи на Северо-Востоке СССР

Аннотация. В статье рассматривается визит в марте 1974 г. в Магаданскую область председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина и его выступление перед областным активом. В ходе поездки Косыгина обсуждались вопросы увеличения добычи золота, было принято решение о добыче 2% сверхпланового золота с целью приобретения 100 тяжелых бульдозеров импортного производства для объединения «Северовостокзолото». После максимума золотодобычи 1974 г. последовало падение показателей. Причинами явились усложнение работ и слабая обеспеченность минерально-сырьевой базы, обусловленная снижением среднего содержания золота в россыпях, резким уменьшением количества передаваемых запасов со стороны Северо-Восточного территориального геологического управления и их низкой достоверностью.

Ключевые слова: Северо-Восток СССР; Магаданская область; А.Н. Косыгин; золотодобывающая промышленность; геологоразведка.

Gold over-plan: A.N. Kosygin's visit to Magadan in 1974 and the problems of gold mining developing in the Soviet North-East

Abstract. The article explores the visit in March 1974 to the Magadan of the Chairman of the Council of Ministers of the USSR A.N. Kosygin and his speech to the regional party and soviet activists. During the trip, the tasks of increasing gold production were discussed, it was decided to produce 2% gold above the plan for the purchase of 100 heavy bulldozers of foreign production. After the peak of gold production in 1974, a swift drop followed. The reasons were the complexity of the work and the poor supply of the mineral resource base, due to a decrease in the average gold content in placers, a sharp decrease in the amount of transferred reserves from the North-Eastern Territorial Geological Administration and their low reliability.

Keywords: North-east of USSR; Magadan region; A.N. Kosygin; gold mining industry; geological exploration.

[1] **Павел Сергеевич Гребенюк** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории истории и экономики Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н.А. Шило Дальневосточного отделения РАН (Магадан, Россия), e-mail: grebenyuk.pavel@gmail.com.

Pavel S. Grebenyuk – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Far East Branch, Russian Academy of Sciences (Magadan, Russia).

История государственного управления на Северо-Востоке СССР в 1970-е гг. неразрывно связана с развитием горнодобывающего комплекса и золотом. Исследование эволюции российской золотодобычи принадлежит Л.В. Сапоговской [5], которая выявила и обработала большой комплекс источников, изучила содержание и развитие золотопромышленной политики России и СССР, рассмотрела роль золота в государственной политике. Развитие горнодобывающего комплекса на Северо-Востоке в советский период подробно рассмотрел В.Г. Зеляк [3]. Исследователь отметил, что добыча золота на Колыме и Чукотке, достигнув в 1974 г. максимальных показателей, затем снижалась, однако техническое переоснащение отрасли на основе отечественной и зарубежной техники стабилизировало работу приисков, позволило предприятиям осуществлять масштабные горные работы.

В настоящей публикации я обращаюсь к истории визита в Магаданскую область председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина в марте 1974 г. Исследование этого вопроса важно для понимания того, как видели положение дел лидеры страны, а также каким образом решались проблемы, поднятые региональным руководством. Так, в ходе поездки обсуждались задачи увеличения добычи золота. Руководство области и объединение «Северовостокзолото» поставили вопрос о приобретении ста тяжелых бульдозеров импортного производства и Косыгин принял решение о добыче 2 % сверхпланового золота, на которые будет закуплена необходимая техника. В литературе приводятся данные о добыче 2 т золота сверх плана, однако в архивных документах (протоколы заседаний бюро Магаданского обкома) и выступлениях участников зафиксирована информация о добыче 2 % сверхпланового золота.

Бурный рост золотодобычи в период 1960-х гг. обеспечивался ежегодным вводом одного-двух новых приисков, в основном в Чукотском национальном округе. Однако в конце 1960-х – начале 1970-х гг. этого уже не происходило, что затрудняло планирование. Кроме того, в первой половине 1970-х гг. не удавалось наладить деловые отношения «Северовостокзолоту» и Северо-Восточному территориальному геологическому управлению, периодически возникали конфликты, в которых арбитрами выступали партийное руководство и представители центральных министерств. Противоречия руководителей организаций мешали договориться о своевременной передаче запасов и принятии решений по тому или иному месторождению. Все это усугублялось положением дел в обеспечении запасами горной промышленности и просчетами геологоразведки на Чукотке.

Руководство области было озабочено необходимостью проведения геологоразведочных работ с целью ускорения разведки новых месторождений, в том числе Карамкенского и Дукатского и др. На эти направления

выделялись большие инвестиции, однако финансирование осуществлялось за счет уменьшения средств на разведку россыпного золота. Ассигнования на геологоразведку выросли со 105 млн руб. в 1966–1970 гг. до 136,5 млн в 1971–1975 гг., в том числе на золото выделили 102,4 млн, на олово – 26,9 млн [4, с. 9]. Однако пятилетний план по приросту запасов россыпного золота выполнили лишь на 77,5 % [2, л. 79]. Восточно-Чукотская экспедиция за пятилетие не выявила ни одного перспективного объекта на россыпное золото. Разведка россыпей в районах Чукотки обуславливалась значительными объемами основных видов геологоразведочных работ, включая ударно-канатное бурение, что приводило к удорожанию грамма разведанного золота. Во второй половине 1960-х гг. его стоимость выросла к уровню первой половины десятилетия на 45 %, а за первую половину 1970-х гг. – на 70 % [2, л. 79–80].

Имеющихся запасов россыпного золота не хватало для обеспечения деятельности золотодобычи на перспективу. В ЦК КПСС и Министерстве геологии и цветных металлов понимали, что значительная часть россыпей изъята и многие объекты, предлагаемые к освоению, требуют экономического обоснования. Эта проблема касалась всей золотодобывающей промышленности СССР. По Северо-Востоку страны мнение ученых и руководства заключалось в том, что от центральной Колымы больше не следует ожидать крупных открытий, а значит, необходимо пересматривать методику геологической разведки.

В 1974 г. Магаданскую область во главе представительной делегации посетил Косыгин. Во всех отношениях это было важнейшее событие в истории региона. Глава правительства прилетел 11 марта около 15:00, в аэропорту его встречали первый секретарь обкома С.А. Шайдуров, председатель облисполкома И.П. Чистяков, члены бюро обкома и горкома, облисполкома, заведующие отделами обкома, начальники областных управлений и ведомств, первые секретари райкомов и председатели райисполкомов, директора горных комбинатов, начальники экспедиций.

Программа пребывания оказалась насыщенной. За несколько дней Косыгин посетил строящиеся объекты в Карамкене и Дукате, Омсукчан, ремонтно-механический завод, морской порт, цех алюминиевых панелей, дворец спорта, институт «Дальстройпроект», провел совещание в обкоме по вопросу развития горнодобывающей промышленности, принял участие во встрече с ветеранами труда горных предприятий и председателями старательских артелей. Кульминацией стала встреча с активом области во Дворце профсоюза, на которой присутствовало более 600 человек, после чего вечером 13 марта делегация вылетела в Якутск.

В своем выступлении Косыгин отметил, что общий политический курс утвердил XXIV съезд партии, впоследствии он уточнялся и дополнял-

ся. Весной 1974 г. корректировались планы на последний год пятилетки – 1975 г. Главная цель – экономический рост. В связи с этим 1973 г. рассматривался руководством страны как успешный для развития экономики, так как установленные для промышленности планы оказались значительно перевыполнены. Отмечался «скачок в области сельского хозяйства» [1, л. 19], что дало возможность обеспечить население продукцией и сделать необходимый запас.

Оратор подчеркнул, что Магаданская область занимает первые места по производству золота и олова и имеет «огромные перспективы» для развития в будущем: «Сейчас золото нам очень важно для народного хозяйства. Надо сказать, что золото на международном рынке представляет огромную стоимость. За последние три года оно выросло в своей стоимости в 3,5–4 раза. Конъюнктура все время меняется, но она растет очень быстро. Не только сейчас, когда сам валютный вопрос составляет большие трудности, но также есть возможность осуществлять очень серьезные операции. Поэтому золото представляет для нас огромное значение» [1, л. 22]. Он вспомнил, что когда-то, почти 50 лет тому назад, посещал Ленский район: «Я должен сказать, что, конечно, тот период с настоящим периодом сравнить нельзя. Это неизмеримое движение вперед. Это другая промышленность, это другие люди, все стало другим, социалистическим. Это дает возможность сказать, что мы твердо стоим на этой почве, твердо развиваем эту промышленность и имеем большие успехи. Но все же надо сказать, что эта золотая промышленность имеет развитие в кустарном направлении. Это кустарное производство. Говорить так есть основания, потому что главным образом вы занимаетесь россыпным золотом. Пришли, отработали и ушли. И все кончилось» [1, л. 24]. Во времена Дальстроя у геологов, руководства и населения были разные мнения, но в целом работа здесь рассматривалась как временное явление: «Пройдет 20–30 лет и золота никакого не останется, все будет отработано и неизвестно, чем будет развиваться край. Что ясно? Теперь ясные перспективы, что Магаданская область, Чукотский округ представляют собой огромный интерес на многие, многие годы (определяется бесконечностью), что район будет развиваться, процветать и двигаться вперед» [1, л. 24].

В развитии края Косыгин выделил три направления – добыча золота, олова и серебра. Он особо остановился на развитии энергетики, понимая, что без этого трудно рассчитывать на создание мощной промышленности: «Я думаю, что мы рассмотрим эти вопросы с министерством энергетики и электростанций по приезде в Москву. Постараемся предусмотреть необходимые цифры в эту пятилетку для развития энергетики, чтобы создать твердую базу для развития всей промышленности области. Надо рассчиты-

вать на настоящую энергетику, а не за счет небольших дизельных электростанций, которые существуют сейчас. Это вопрос гидроэнергии, которую нужно развивать… И нужно оказать, что имеются большие возможности для получения электроэнергии гидроспособом. 30 млрд кВт можно получить для вашей области только за счет реки Колымы. Это дело не простое. Нужно вложить будет несколько миллиардов рублей, но все это оправдывает. И первая ступень, первая задача – нужно построить большую гидростанцию и плюс тепловую станцию. Я не знаю, насколько эффективно можно развивать атомную энергетику, но нельзя создавать энергетику на привозном жидком топливе, если считать, что нужен мазут, причем развозить его по трубопроводам… Единственная возможность серьезного обеспечения энергетикой этого края – это строительство гидростанций, которые начали строить» [1, л. 26–27].

Затем Косыгин затронул вопрос развития геологоразведки на золото. Говорил, что не следует противопоставлять рудное золото россыпному, в области будет создаваться коренная промышленность, которая должна прорабатывать рудное золото и одновременно перерабатывать все россыпное золото в прилегающих районах. Это серия предприятий, рассчитанных на много лет, однако большинство предприятий обеспечены запасами лишь на один-три года, а некоторые не имели таковых и на один год: «Кто может создать крупную промышленность, которая должна серьезно обосновываться в смысле промышленного производства, быта, если запасы исчисляются на 1–2 года? Это создает неуверенность, когда вы приезжаете в Москву, в Госплан, министерства, очень трудно провести ассигнования на те предприятия, которые не имеют запасов золота. Нужно поднять геологоразведку с таким расчетом, чтобы были запасы на 5–10 лет» [1, л. 28].

При этом председатель правительства говорил о необходимости давать не прогнозные, а балансовые запасы, что работу геологов надо считать законченной не тогда, когда они утвердили запасы, а когда у них приняли запасы и поставили на баланс предприятия. Он подтвердил согласие на упрощение процедуры с тем, чтобы дать больше прав на утверждение запасов на месте, чтобы можно было решать эти вопросы без центральных органов.

Что касается добычи золота, то обращалось внимание на разработку небольших месторождений, которые можно выработать в течение одного-двух сезонов, что требовало передвижного оборудования: «Такие нужно создать предприятия, которые все делают на колесах: приезжают и уезжают, отработав, создают хорошие удобства для людей, которые проводят эту работу» [1, л. 31]. Решили уже в текущем году улучшить техническое оснащение геологической службы, для чего посмотреть, может ли промыш-

ленность центральных районов производить технику, адаптированную к природным условиям Севера.

Косыгин подчеркнул важность нового пятилетнего плана (до 1980 г.), цифры которого должны были довести до всех уже в середине 1974 г. В связи с этим он озвучил главные решения по золоту: «Я говорил с товарищами, если будет получено дополнительно какое-то количество золота, то мы могли бы гарантировать либо изготовление у нас, либо покупку за границей необходимого оборудования для быстрейшего оснащения предприятий золотой промышленности: транспортом, тяжелыми машинами, буровыми машинами, передвижными электростанциями и др., что крайне необходимо вам. Это можно сделать. Если возьмет организация обязательство, а Министерство подтвердит его, чтобы все это было реально, то могли бы начать закупку оборудования уже в этом году, в середине этого года и доставить это оборудование сюда уже в этом году. Но это обязательство будет не таким, которое можно принять и потом не оплатить. Это вексель, который дается, чтобы за границей получить кредит. Мы купим оборудование, а через два года наступит срок платежа и, если золота не будет, тогда вы и мы окажемся несостоятельными. Поэтому все должно быть продумано, разработано, и эти мероприятия осуществлять уже сейчас» [1, л. 34].

Второе направление – добыча олова. Здесь Косыгин отметил, что открытия геологов позволяют решить этот вопрос за счет Магаданской области, и поставил задачу в следующей пятилетке снять вопрос покупки олова за границей. В этот период в СССР производилось около 19 тыс. т олова в год, 3–4 тыс. т приобретались за границей [1, л. 35].

Третье направление – добыча серебра. Здесь он также отдал должное геологам, которые «провели большую работу и дали запасы по серебру и рудному золоту»: «Это, конечно, огромная работа геологов, которая проводилась под руководством партийных организаций, всех местных органов. Эта работа проделана очень большая. Теперь нужно осваивать. Добывается в мире 7,5 тыс. т серебра. Здесь можно добывать до 2 тыс. т серебра в год. Эта цифра представляет огромный интерес и является весомой в добыче серебра и запасы, которыми вы располагаете, являются надежной опорой для решения очень крупных вопросов и представляют очень большой интерес» [1, л. 35–36].

Таким образом, руководство страны определило главные направления развития горнодобывающей промышленности Магаданской области – именно на добычу золота, олова и серебра требовалось выделять финансирование. Косыгин кратко остановился на бытовых условиях, сказав, что необходимо развивать жилищное строительство, строить капитальные дома и создавать домостроительную базу на месте. В целом он остался доволен

тем, что увидел в ходе посещения региона: «Но у вас есть благоприятные условия для людей. Откровенно говоря, когда я ехал сюда, я не думал, что здесь так хорошо обстоят дела с притоком людей. Сейчас у вас 411 тыс., а было около 300 тыс. населения» [1, л. 37]. Заключительная часть выступления касалась международной тематики, были затронуты вопросы нефтяного кризиса, отношения с США, ФРГ, положение на Ближнем Востоке.

Фактический прирост запасов с 1961 г. постоянно уменьшался на протяжении 15 лет, отмечалась низкая достоверность разведанных запасов. Удельный вес крупных россыпей также с каждым годом уменьшался, а разведка в районах Чукотки дорожала. Строительство Карамкенского и Дукатского горнорудных комплексов затягивалось, сроки ввода объектов переносились, возникли проблемы с проведением геологоразведочных работ, обеспечением жильем и электроэнергией, снабжением и доставкой грузов и др. Уже к началу 1980-х гг. стало ясно, что данные по запасам Карамкенского месторождения оказались завышенными и перспективы комбината значительно меньше проектных, хотя объект ввели в эксплуатацию лишь в 1978 г. [3, с. 291–292].

Предложения в рамках дискуссий по докладам и проектам развития северо-восточного региона во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. включали установление высокой системы оплаты труда с учетом материального стимулирования, производство и доставку новейшей техники в «северном варианте», улучшение снабжения и сокращение сроков строительства проектов. Все они воплощались частично и ограниченно. Повышение заработной платы не связывалось с системными мерами материального стимулирования, проблему производства отечественных машин в «северном исполнении» не решили, а относительно поставки техники из-за рубежа руководство страны в революционно-дальстроевском стиле предложило единовременную акцию по добыче сверхпланового золота. Сроки строительства крупных объектов также не удавалось сократить, наоборот, с начала 1970-х гг. наблюдался отказ от планирования, разработки и строительства части проектов, снижение темпов финансирования текущих проектов и сдвиг сроков ввода объектов в эксплуатацию. Вопрос с производством и поставкой на Северо-Восток техники, пригодной для работы в северных условиях и произведенной под нужды «Северовостокзолото», который неоднократно поднимался и фиксировался в резолюциях, решить не смогли. Выбор управленцев привел к тому, что бульдозеры, успешно прошедшие испытания, оказались направлены в другие районы страны, а их дальнейший выпуск прекратился.

Иностранная техника превосходила советские образцы, и руководство региона искало возможности для обновления парка машин горнодобываю-

щего комплекса. Решением о добыче 2 % сверхпланового золота осуществлялся поиск возможностей и ресурсов для резкого увеличения добычи золота и технического обновления парка машин. В результате количество поставленных бульдозеров заграничного производства составило менее 10 % от общего числа бульдозеров, использовавшихся на добыче всех металлов в 1974 г. В дальнейшем «Северовостокзолото» наращивало количество иностранной техники.

Внимание высшего руководства страны к региону обуславливалось резким скачком мировых цен на золото в начале 1970-х гг. Руководство страны опиралось на прогнозы роста цены на золото, выступавшего залогом получения кредитов за рубежом. Расчеты специалистов показывали, что годовая добыча золота может быть доведена к 1980 г. до 95 т, однако за максимумом 1974 г. (83,18 т) последовало падение показателей. Причинами явились усложнение работ и слабая обеспеченность минерально-сырьевой базы, обусловленная снижением среднего содержания золота в россыпях, резким уменьшением количества передаваемых запасов со стороны Северо-Восточного территориального геологического управления и их низкой достоверностью. Среди просчетов в управленческой сфере следует отметить необдуманные решения о сокращении службы обогащения и снижения числа технологов-обогатителей, что привело к нарушению технологии золотодобычи и существенным потерям металла. При этом общее усложнение работ, а также увеличение объемов вскрытия торфов и промывки песков, которыми компенсировалось снижение среднего содержания золота, неизбежно влекло за собой увеличение численности персонала.

Резкое падение показателей золотодобычи в 1975 г. (на 9,44 т) ясно обозначило пределы роста. Одним из способов выйти за них стало дальнейшее развитие старательской добычи. К концу 1970-х гг. старатели, составлявшие чуть менее 20 % численности промышленно-производственного персонала отрасли, поставляли около 25 % добываемого золота. Старательские артели отличались лучшей технической вооруженностью и более высокой заработной платой, что особенно раздражало высшее руководство области. Заработок старателей превышал доходы работников государственных предприятий – артели использовали на оплату труда своих сотрудников более половины средств от суммы вознаграждений за сдаваемое золото и другие работы. Ввиду особых условий работы артелей ни партийно-советские органы, ни хозяйственные организации не имели полного контроля за их деятельностью. Экономика артелей оставляла возможности для «приписок», завышения «издержек» и получения высоких доходов для их руководства. Фактически деятельность артелей представляла особую форму частного предпринимательства в рамках социалистической эко-

номики. Она также была тесно связана с черным рынком золота на Северо-Востоке, объемы которого в 1970-е гг. достигали нескольких миллионов рублей в год.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Магаданской области (ГА МО). Ф. П-21. Оп. 19. Д. 88.

2. ГА МО. Ф. П-21. Оп. 19. Д. 288.

3. *Зеляк В.Г.* Валютный цех страны: история развития горнопромышленного комплекса Северо-Востока России в 1928–1991 гг. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2015. 466 с.

4. Историческая хроника Магаданской области. 1973–1990. События и факты. Магадан: Охотник, 2013. 528 с.

5. *Сапоговская Л.В.* Национальная золотопромышленная политика XVIII–XX вв., или нужно ли России золото? Екатеринбург: УрО РАН, 2008. 328 с.

УДК 323.1 (476)

О.Г. Казак[1], *А.С. Середа*[2]

Западнополесское этнокультурное движение в оценках научного сообщества Беларуси (конец 1980-х – первая половина 1990-х гг.)

Аннотация. В статье рассматривается феномен западнополесского этнокультурного движения в Беларуси в позднесоветский период и в первые годы существования независимого государства. Особое внимание уделено оценкам, которые давали движению и его лидеру Н.Н. Шеляговичу сотрудники различных структурных подразделений Академии наук БССР (Беларуси). Основу источниковой базы составили документы Национального архива Республики Беларусь и Центрального научного архива Национальной академии наук Беларуси. Делается вывод, что большинство участников дискуссий негативно относилось к попыткам Шеляговича и его сторонников сконструировать альтернативную этническую идентичность жителей белорусского Полесья на основе региональных культурных особенностей. В то же время отдельные представители научного сообщества по разным причинам симпатизировали данному этнокультурному движению.

Ключевые слова: Западное Полесье; этнокультурное движение; сепаратизм; идентичность.

Western Polesie ethnocultural movement in the assessment of the scientific community of Belarus (late 1980s – first half of 1990s)

Abstract. The article consideres the phenomenon of the Western Polesie ethnocultural movement in Belarus in the late Soviet period and in the first years of the existence of independent state. Special attention is paid to the assessments of the movement and its leader N.N. Shelyagovich by the staff of structural subdivisions of the Academy of Sciences of the BSSR (Belarus). The basis of the article are the documents of the National Archives of the Republic of Belarus, the Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus. The conclusion is made about the negative attitude of the majority of the participants in the discussion to the attempts of Shelyagovich and his supporters to construct an

[1] **Олег Геннадьевич Казак** – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета (Минск, Республика Беларусь), e-mail: olegkazak90@tut.by.

Oleg G. Kazak – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Belarusian State Economic University (Minsk, Republic of Belarus).

[2] **Артем Сергеевич Середа** – магистр исторических наук, учитель средней школы № 3 г. Жабинки (Жабинка, Республика Беларусь), e-mail: MarcellinuS@tut.by.

Artyom S. Sereda – Master of Historical Sciences, teacher, Secondary School № 3 in Zhabinka (Zhabinka, Republic of Belarus).

alternative ethnic identity of the inhabitants of the Belarusian Polesie on the basis of regional cultural characteristics. At the same time, individual representatives of the scientific community, for various reasons, sympathized with this ethnocultural movement.
Keywords: Western Polesie; ethnocultural movement; separatism; identity.

В годы перестройки (конец 1980-х гг.) активизировались движения, выступавшие под лозунгами защиты культурных и политических прав народов, официально не признанных властями советских республик. К примеру, в Украинской ССР заявили о себе активисты русинского движения. В это же время в Белорусской ССР оказалась предпринята попытка западнополесского «возрождения», деятели которого выдвинули идею существования отдельного полесского (ятвяжского) народа, обладающего уникальной культурой и историей. По утверждению В.А. Тишкова, в советской исторической науке (в частности, в этнологии) сложилась традиция отождествления этносов и языковых сообществ. В годы перестройки и после распада СССР укрепились не только позиции новых государственных языков титульных наций советских (постсоветских) республик, но и (вопреки официальной политике) языков отдельных меньшинств [9, с. 38]. Яркой иллюстрацией этой последней тенденции и стало западнополесское движение. Его активисты пытались разыграть «языковую карту» (диалектные особенности жителей Брестской области) в политической деятельности сепаратистской направленности.

Это движение не нашло широкого отображения в историографии. Интерес к нему проявляют прежде всего исследователи, придерживающиеся конструктивистского подхода к пониманию природы наций. Наиболее последовательно изучением данной проблемы на протяжении 30 лет занимается белорусский историк П.В. Терешкович [8]. Анализу различных инструментов конструирования западнополесской идентичности (попытки кодификации языка, создание собственного исторического нарратива) посвящены работы К.В. Шевченко [14] и О. Цадко [10]. Эти авторы концентрируют внимание на деятельности активистов движения в первой половине 1990-х гг., игнорируя важные аспекты раннего этапа западнополесского «возрождения». Кроме того, основным объектом их анализа выступает полесскоязычная газета «Збудінне» («Пробуждение»).

В данной статье рассматриваются новые документы (прежде всего архивные), благодаря которым можно составить более точное представление о природе движения. Основу источниковой базы составляют аналитические материалы ученых (филологов, историков, социологов), большинство которых впервые вводится в научный оборот. Эти документы готовились по запросам государственных органов и отложились в фондах Национального

архива Республики Беларусь и Центрального научного архива Национальной академии наук Беларуси. Цель работы – охарактеризовать основные подходы к оценке западнополесского движения научным сообществом Беларуси в конце 1980-х – первой половине 1990-х гг. Реализация данной цели предполагает решение ряда задач: определить основные аргументы критиков и противников западнополесского этнокультурного движения; выявить мотивы ученых, участвовавших в движении или симпатизировавших ему.

Лидером движения являлся молодой поэт, журналист, филолог Н.Н. Шелягович. Его первая статья с концептуальным обоснованием этнической самобытности жителей Западного Полесья вышла в 1982 г. в газете «Голас Радзімы» («Голос Родины») [15, с. 2–3]. В ней изложена гипотеза балтской (ятвяжской) этнической природы населения региона, которая в последующем станет одним из главных объектов критики со стороны оппонентов движения. С 1984 по 1986 г. Шелягович являлся аспирантом Института языкознания Академии наук (далее – АН) БССР и работал над диссертацией, посвященной западнополесским диалектам. После публикации стихотворений на западнополесском говоре в журнале «Беларусь» (декабрь 1985 г.) у него возникли проблемы с администрацией института. Члены Ученого совета, на заседании которого в июне 1986 г. проходила аттестация аспирантов, вменяли ему в вину неспособность вести системную научно-исследовательскую работу, отсутствие публикаций и упорядоченной картотеки лексики западнополесских говоров, «желание создать отдельный литературный полесский язык». Осенью Шеляговича отчислили из аспирантуры (формально – по собственному желанию) [2, с. 144].

В апреле 1988 г. было создано Общественно-культурное объединение (далее – ОКО) «Полісьсе», которое в качестве основных целей декларировало изучение и сохранение уникальной культуры региона, достижение для него национально-культурной автономии. С осени общество действовало под эгидой Белорусского фонда культуры (отделение Советского фонда культуры). Руководство ОКО сумело привлечь к деятельности известных ученых (прежде всего филологов и историков), писателей и поэтов, среди которых корреспондент республиканской газеты «Звязда» («Звезда») А.М. Лукашук, писатель А.И. Трушко (псевд. Алесь Наварич), поэт, научный сотрудник Института педагогики Н.Н. Минзер, историк, профессор Минского института культуры Л.Р. Козлов, философ, сотрудник АН БССР Г.А. Антонюк и др. [10, с. 80].

С момента возникновения «Полісьсе» развернуло активную деятельность, одним из важнейших направлений которой стали многочисленные обращения в государственные и партийные органы, общественные организации, СМИ. Так, уже в ноябре 1988 г. объединение направило письмо

первому секретарю ЦК КПБ Е.Е. Соколову с просьбой оказать содействие в создании «Полесского национально-культурного центра» (его должен был возглавить известный лингвист-славист, академик Н.И. Толстой), «Музея истории и культуры этнического Полесья» в г. Иваново, экспозиции «История полесской письменности» в музее д. Мотоль Ивановского района, издании материалов на западнополесском языке и др. [6, л. 10–10 об.].

Заведующий отделом диалектологии Института языкознания АН БССР Н.А. Михайлов подготовил аналитическую записку с комментариями изложенных предложений (в последующем именно филологи выступали в качестве основных экспертов, привлекаемых для анализа природы рассматриваемого движения). Он позитивно оценил интерес активистов к проблемам сохранения и изучения полесской культуры, но не видел перспектив становления литературного языка: «В истории многих народов (славянских и неславянских) известны факты использования родного говора в качестве языка художественного произведения, газеты, театра. Если речь идет о лингвистической ситуации на территории Брестско-Пинского Полесья, то необходимо отметить ее довольно значительную сложность и членение, особенно на фонетическом уровне, на определенное количество мелких групп и подгрупп. Попытка же тов. Шеляговича Н.Н. предложить для этой территории какой-то литературный вариант языка (точнее, койне), как показали первые публикации в печати, очень неудачная. Этот вариант не выдерживает никакой научной критики, так как не имеет под собой никакой научной основы. Главным критерием при отборе особенностей полесского “литературного языка” для Шеляговича Н.Н. является отыскивание экзотических узкорегиональных черт, фактов, явлений, которые, таким образом, распространяются на значительно большую территорию, где они являются нехарактерными, непонятными и противоречат законам местного говора» [6, л. 6–7]. Подобные доводы стали для противников идеи кодификации западнополесского языка традиционными.

Отдельные филологи, критически относившиеся к литературному творчеству Шеляговича и его единомышленников, считали при этом возможной кодификацию западнополесского языка, поскольку это могло послужить аргументом в возможных спорах с общественно-политическими силами УССР, выдвигавшими территориальные претензии на регион. Так, на заседании Ученого совета Института языкознания АН БССР 5 февраля 1990 г. Г.А. Цыхун отметил: «Полесский микроязык может быть создан. Этому даже можно содействовать. На Украине его никто не признает, единственное место, где он может существовать – в Беларуси. Только он должен создаваться естественным путем, как и другие языки (предлагаются проекты, обсуждаются)» [13, л. 14].

Другие сотрудники Института Ф.Д. Климчук и И.И. Лучиц-Федорец (уроженцы Брестской области, профессионально исследовавшие западнополесские диалекты) принимали участие в деятельности ОКО, публиковали филологические очерки в газете «Збудінне». Заведующая отделом диалектологии и лингвогеографии Института В.М. Курцова отметила, что отношение Климчука к движению неоднозначно: ученый поддерживал его научно-просветительскую составляющую, но выступал против политизации, «отрыва региональной культуры от общебелорусского контекста» [1]. После неожиданного прекращения движения во второй половине 1990-х гг. Климчук продолжил научное исследование полесских диалектов, а также стал основателем общества «Загородье», которое объединило историков, филологов и краеведов. Данная организация позиционировалась как сугубо культурно-просветительская, на ее мероприятия Шеляговича не приглашали. Лучиц-Федорец в публикациях конца 1990-х гг. позволял себе более смелые заявления: «Этому [заинтересованности жителей Западного Полесья своей культурой. – *О.К., А.С.*] содействовало бы и правовое признание западных полешуков как этнической единицы (национальности, народности), потому что “несмотря на значительные микрорегиональные различия, коренное население Западнополесского региона отличается своей спецификой и общностью языка и культуры, которые создают условия для формирования отдельного этноса” (А.Е. Супрун). Правовое признание содействовало бы и полноценной жизни западнополесской этнической культуры, а главное – языку, без которого невозможно существование и самого этноса» [3, с. 461].

«Ситуационными союзниками» движения становились представители научного сообщества, скептически оценивавшие процессы белорусского национально-культурного возрождения. В 1990 г. в журнале «Политический собеседник» (орган ЦК КПБ) вышла статья историка, члена-корреспондента АН БССР П.Т. Петрикова «Загадки полесских пущ», в которой отмечалось право полешуков на свободное этническое развитие: «Сторонники “единой и неделимой” Белоруссии решительно выступают за такое право для себя (борьба против влияния русского языка на белорусский язык, который превращает-де “родную мову” в “трасянку”, за обязательную государственность белорусского языка и т.д.) и столь же решительно отказывают в таком праве полешукам» [7, с. 30].

Основной довод противников движения заключался в том, что его активисты вместо того, чтобы изучать и популяризовать культурное наследие региона, занимались ненужной и вредной политизацией проблемы. Так, в заключении, представленном бюро Отделения гуманитарных наук АН Беларуси (26 февраля 1992 г.), подчеркивались богатые традиции научного из-

учения полесского региона институтами Академии, научно-исследовательской лабораторией белорусского фольклора и диалектологии Белорусского государственного университета. Отмечалось, что «Полісьсе» не стало серьезным центром по изучению полесской культуры, занималось исключительно необоснованными политическими проектами по административному обособлению региона: «Совсем нецелесообразно создавать отдельные административные структуры, а тем более принимать Закон “О Западнополесском национальном и культурном возрождении в Республике Беларусь”. Это может привести не к консолидации, а к разъединению белорусского народа» [4, л. 104]. На заседании Ученого совета Института истории АН Беларуси 3 марта 1992 г. прозвучали популярные среди интеллигенции, но не нашедшие подтверждение гипотезы: движение инспирировано партийными и советскими органами для «торпедирования» процесса белорусского национального возрождения (В.П. Крук, Н.М. Забавский), Шелягович и его соратники выступали за присоединение региона к Украине (М.М. Чернявский) [12, л. 26–29].

Важную роль в осмыслении феномена движения сыграли социологические исследования. 20 января 1993 г. на заседании Комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям Верховного Совета Беларуси Э.К. Дорошевич озвучил результаты исследования, проведенного в июле – декабре 1992 г. временным творческим коллективом отдела социологии культуры Института социологии АН. Отмечалось, что «местный» язык использовался в быту значительным числом жителей Западного Полесья (на русском в семьях разговаривали 53,6 % опрошенных, на «местном» – 49,7 %, на белорусском – 12,6 %)[1], но особое этническое самосознание практически не фиксировалось. На вопрос о возможности выделения Западного Полесья в отдельный культурно-языковой регион положительно ответили всего 7,3 % опрошенных [5, л. 10–11]. Данные социологического исследования, опубликованные в 1997 г. Терешковичем, подтвердили данную тенденцию. Большинство жителей региона использовали в быту и в общении с друзьями местные диалекты (говоры своей деревни), однако представления о существовании единого общеполесского диалекта или языка в массовом сознании отсутствовали. Подавляющее большинство опрошенных (89,7 %) считало себя белорусами, полешуками назвались 4,1 %, а ятвягом – только один (!) человек [11, с. 119–120].

Таким образом, западнополесское этнокультурное движение столкнулось с резкой критикой большей части научного сообщества Беларуси. Шелягович и его соратники обвинялись в стремлении к расколу белорусской нации путем ненужной политизации этнокультурных факторов, сепа-

[1] По условиям опроса респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

ратизме, желании присоединить западнополесский регион к Украине или использовать «полесскую карту» для реализации реваншистских просоветских проектов. Ученые, признававшие наличие в регионе особых диалектов, скептически относились к идее создания на основе разрозненных говоров отдельного литературного языка. В то же время некоторые ученые в силу разных причин (симпатии к родному диалекту, научного интереса, стремления использовать «полесский фактор» в качестве аргумента в спорах со сторонниками гипотезы украинской этнической природы жителей Западного Полесья и др.) в той или иной мере поддерживали деятельность ОКО.

Список источников и литературы

1. Интервью с В.М. Курцовой (15.11.2021 г.). Рукопись на 3 л. // Частное собрание О.Г. Казака.

2. *Казак О.Г., Середа А.С.* Западнополесское этнокультурное движение в оценках академического сообщества Беларуси (конец 1980-х – первая половина 1990-х гг. // Культура Беларуси: реалии современности: материалы X Международной научно-практической конференции (Минск, 7 октября 2021 г.). Минск: БГУКиИ, 2021. С. 142–146.

3. *Лучыц-Федарэц І.І.* Мовы ў Заходнім Палессі // Гуманітарныя і сацыяльныя навукі на зыходзе XX стагоддзя / уклад. В.К. Шчэрбін. Мінск: АНІГН НАН Беларусі, 1998. С. 459–461.

4. Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). Ф. 968. Оп. 1. Д. 4091.

5. НА РБ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 4092.

6. НА РБ. Ф. 1515. Оп. 1. Д. 33.

7. *Петриков П.* Загадки полесских пущ // Политический собеседник. 1990. № 7. С. 30–31.

8. *Терешкович П.* Конструирование идентичностей населения западной части белорусского Полесья // Свои и чужие. Метаморфозы идентичности на востоке и западе Европы / под ред. Е.И. Филипповой. М.: ИЭА РАН: Горячая линия – Телеком, 2018. С. 247–270.

9. *Тишков В.А.* Языковое многообразие как проявление культурной сложности современных наций // Язык и идентичность: антропологическое исследование ситуации в России / отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2021. С. 34–51.

10. *Цадко О.* Полесье и опыт национального конструирования (1988–1995) // Палітычная сфера. 2016. № 24. С. 78–93.

11. *Церашковіч П.* Палескі рэгіяналізм у святле сацыялогіі // Беларусіка = Albaruthenica 6. Беларусь паміж Усходам і Захадам: Праблемы міжнацыянальнага, міжрэлігійнага і міжкультурнага ўзаемадзеяння, дыялогу і сінтэзу / рэд. У. Конан. Мінск: ННАЦ імя Ф. Скарыны, 1997. С. 119–122.

12. Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси (ЦНА НАНБ). Ф. 3. Оп. 1. Д. 962.

13. ЦНА НАНБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 406.

14. *Шевченко К.В.* Кризис идентичности и возникновение альтернативных этнических идентичностей у восточных славян: полешуки в Белоруссии // Белоруссия и Украина: история и культура. Ежегодник 2005/2006. М.: «Индрик», 2008. С. 318–342.

15. *Шэляговіч М.* Голас старажытных балтаў // Голас Радзімы. 1982. 25 лістапада. С. 2–3.

УДК 069.15

С.Ю. Козлова[1]

Презентация и интерпретация советского времени: нарративы краеведческого музея и их восприятие посетителями (на материалах Музея истории города Ярославля)

Аннотация. В статье анализируются подходы к формулировке сообщений, транслируемых экспозициями о советском времени и задающих его восприятие. Исследование проведено по материалам экспозиции Музея истории города Ярославля и выставочного проекта, инициированного музеем в рамках 100-летия со времени образования СССР. Исчерпаемость ностальгии как ресурса для музейных нарративов о советском времени и фактора, мотивирующего к посещению таких экспозиций в краеведческих музеях, определяет необходимость поиска новых «опорных точек» повествования об этом периоде истории. Понятное посетителю сообщение может способствовать объективному восприятию советской эпохи, оно должно быть связано с современностью, опираться на универсальные ценности, содержать слова с преимущественно положительными коннотациями.
Ключевые слова: СССР; музейный нарратив; сообщение; краеведческий музей; ностальгия; интерпретация.

Presentation and interpretation of the Soviet time: narratives of the local history museum and their perception by visitors (on the example of the Museum of the Yaroslavl City History)

Abstract. The article analyzes approaches to the formulation of messages broadcast by expositions about the Soviet time and defining its perception. The research is based on the materials of the exposition of the Museum of the Yaroslavl City History and the exhibition project initiated by the museum as part of the 100th anniversary of the formation of the USSR. The exhaustibility of nostalgia as a resource for museum narratives about the Soviet time and a motivating factor for visiting such expositions in local history museums determines the urgent need to find new “supporting points” for narration about this period of history. A message that is understandable to the visitor can contribute to an objective perception of the Soviet era, it should be connected with modernity, rely on universal values, contain words with predominantly positive connotations.
Keywords: USSR; museum narrative; message; local history museum; nostalgia; interpretation.

[1] **Светлана Юрьевна Козлова** – кандидат исторических наук, ученый секретарь Музея истории города Ярославля (Ярославль, Россия), e-mail: libushe19@yandex.ru.
Svetlana Yu. Kozlova – Candidate of Historical Sciences, Scientific Secretary, Museum of the Yaroslavl City History (Yaroslavl, Russia).

Тема советского прошлого, его презентации, интерпретации и визуализации в музеях в настоящее время открывает широкое проблемное поле для теоретиков и практиков музейного дела. Краеведческие музеи – самая многочисленная группа музеев в России [18], однако их опыт в отмеченном направлении до сих пор малоизучен. Наметилась значимая проблема в создании музейных нарративов о советском времени и формулировке передаваемых в них сообщений, которые должны быть понятны посетителю. Исчерпаемость ресурса ностальгии, одного из важных мотивационных аспектов посещения таких экспозиций в краеведческих музеях, актуализирует поиск новых «опорных точек» повествования об этом периоде истории.

В последние годы опубликован ряд научных статей о возможных путях презентации и интерпретации советского прошлого. Эта проблема носит междисциплинарный характер, привлекает внимание музейных работников, историков, культурологов и социологов. Авторы пытаются осмыслить современные музейные нарративы о советском времени, каналы и способы трансляции идеологем, актуальную политику памяти [17], научно-теоретические подходы, используемые для создания экспозиций [19]. Предпринимаются попытки выделить основные тематические направления репрезентации советского прошлого. Среди формирующихся направлений экспозиционно-выставочной деятельности отмечаются репрезентация культуры советской повседневности [6; 14] и ярких «болевых точек» социальной памяти [7]. Исследуются конкретные примеры актуализации историко-культурного наследия советской эпохи [4; 5], анализируются причины обращения к «советскому» как феномену [13]. Понимание форм репрезентации прошлого напрямую связывается с изучением различных проявлений ностальгии о нем [1; 2; 3].

Связь передаваемых в экспозициях о советском времени сообщений, задающих его восприятие, и мотивации посетителей к их посещению очевидна, однако проблема формулировки понятных современному посетителю сообщений как научно-исследовательская в контексте работы краеведческого музея ставится впервые. Важность и актуальность изучения отмеченной проблемы определяется тем, что в настоящее время музеи переживают переходный период. Среди посетителей активно растет число тех, кто не имеет собственного опыта жизни в советский период, при этом осознанно и самостоятельно принимает решение о посещении экспозиций. У этой категории посетителей нет личной связи с эпохой, ностальгии «по тому времени» как мотивации. Музеи же заинтересованы в поддержке интереса к теме.

В статье анализируется опыт Музея истории города Ярославля (далее – МИГ) по презентации и интерпретации советского времени в экс-

позиции «Десять веков истории города Ярославля» (далее – историческая экспозиция) и выставочном проекте «Мечта хозяйки» (8 октября 2021 – 15 марта 2022 г.), выявляются основные сюжеты, интересующие посетителей в музейных нарративах. Именно «точки интереса» могут стать основой для формулировки актуальных сообщений о советском времени. Цель исследования – определение характеристик сообщения о советском времени, понятного современному посетителю. Предмет анализа – материалы включенного наблюдения и записи посетителей в музейных книгах отзывов [8; 9; 10]. В ходе исследования проанализировано около тысячи отзывов, в том числе полностью за период с января 2016 по июнь 2022 г.; около 15 % из них содержат материалы для осмысления интересов посетителей по рассматриваемой теме. В исследовании применяются методы контент-анализа и включенного наблюдения. Задачи исследования: определить основные аспекты придания привлекательности советской теме в краеведческих музеях (на материалах МИГ); выявить особенности разных типов сообщений о советском времени; показать влияние степени сформированности сообщения на восприятие экспозиции посетителем.

МИГ – один из ведущих муниципальных музеев Ярославской области. В его коллекции более 32 тыс. предметов, ежегодно музей посещают около 50 тыс. человек. Историческая экспозиция включает в себя 6 залов, из них два посвящены преимущественно советскому периоду. Музей открылся в 1998 г., процесс формирования коллекции в рамках концепции «Ярославль в истории России, человек в истории Ярославля» проходил довольно стихийно – экспонаты передавали коллекционеры, краеведы, жители города. В исторической экспозиции представлены следующие темы: становление советской власти; индустриализация; репрессии 1930-х гг.; «Ярославль – город трудовой доблести» (до 2021 г. – Великая Отечественная война); ярославцы на целине; освоение космоса; политические деятели; повседневная жизнь в 1960–1980-е гг.; промышленность; культура; спорт. Советский период встраивается в общее повествование по хронологическому принципу (от основания города до современности), выделяется характерной символикой и цветом.

Проблема формулировки понятных сообщений и на их основе актуальная презентация и интерпретация советского времени, придание ему привлекательности в экспозиционно-выставочной деятельности краеведческого музея включает в себя ряд взаимосвязанных аспектов.

Во-первых, выход за рамки привычного набора базовых тем рассказа о советском периоде. Однотипность предметного ряда и предсказуемость экспозиций свидетельствуют о необходимости концептуализации комплектования фондов краеведческих музеев на основе местных контекстов, на-

учного изучения коллекций. Важный ресурс для их комплектования – вещи 1960–1980-х гг. Они составляют наибольшее количество сохранившихся предметов советской эпохи и, в то же время, позволяют собрать сопутствующую информацию (легенду бытования, истории), выявить связанные с ними смыслы для дальнейшей интерпретации. Предмет, сопровождаемый «живой историей», вызывает у посетителей наибольший интерес. Мотивация горожан к передаче предметов советского времени в фонды МИГ связана с четырьмя основными факторами: необходимостью освободить жилое пространство; желанием сохранить память о конкретном человеке или семье; ликвидацией учреждений в городе; личной причастностью к событию.

Во-вторых, усиление репрезентативности предметного ряда в экспозициях с учетом возможности трансляции сообщения через отобранные предметы. Проблемой для краеведческих музеев является избыточность предметов в экспозициях и их низкая совокупная информативность для посетителей. Эта избыточность может служить метафорой неотрефлексированности недавнего советского прошлого, влияющей на оценку и восприятие того времени. Сообщение должно считываться в предметах, текстах и художественном решении, емко выражаться в названиях, маркирующих музейные экспозиции и проекты, определять их оригинальность и связь с местными контекстами. Такие широко используемые названия, как «Сделано в СССР» или «Родом из СССР», не придают привлекательности, но отражают шаблонность мышления.

В-третьих, активизация включенности посетителей в процесс создания музейного нарратива, определение актуальной повестки повествования о советском времени в рамках культуры участия, мотивация к участию через идею о причастности. Опыт МИГ показывает, что наиболее эффективный способ вовлечения посетителей – трансляция семейной памяти, придание ей ценности в контексте истории города. Музейный нарратив со «своим» материалом, представление о значимости личного вклада в осмысление процессов, явлений и событий, делает сообщение более понятным.

Усиление привлекательности исторической экспозиции МИГ связано в числе прочего с выявлением сюжетов, интересующих посетителей. Историческая экспозиция отражает ситуацию «распыленного сообщения»: советское время представлено совокупностью тематических комплексов, каждый из них транслирует свою идею. При этом есть набор идей, но нет общего связующего сообщения об эпохе как целостном историческом периоде. В таком случае возникают предпосылки для восприятия экспозиции как неполноценной. Посетители по-разному оценивают достаточность экспонируемого материала: отмечается наличие основных тем [10, с. 75, 110] или подчеркивается необходимость шире представить ту или иную тему, в

том числе уточнить сведения или увеличить пространство для ее презентации [10, с. 21, 49, 59]. В последнем случае выделяются два основные сюжета, интересующие посетителей: репрессии 1930-х гг. и люди (известные личности, участники событий). Тема репрессий как болевая в коллективной памяти проявлена и в стремлении емко описать экспозицию в целом: «От войн, осад, ополчений до репрессий и космических полетов» [9, л. 39]. Недостаточная интеграция «маленькой», личностной истории в городскую историю проявляется в коротких рассказах о людях, подчеркивающих связь «человек – город» [10, с. 53, 109]. Посетители связывают значимость темы с количеством экспонатов и определяют ее через свой опыт изучения или семейную память.

В отзывах отражается побуждение к сравнению советского и настоящего времени: «Впечатлили предметы советского периода. Они всколыхнули душу, вернули в прошлое, когда Ярославль был действительно большой, индустриальный в плане развития промышленности» [10, с. 119]. Как отмечает Р.Н. Абрамов, ностальгию по «старым добрым временам» можно рассматривать как ощущение дефектности настоящего или адаптацию к быстрым и неожиданным изменениям [1, с. 99]. Посетители сами оценивают восприятие нарративов как ностальгию или эмоциональное возвращение в советское время.

Изложенные выше наблюдения по формулировке сообщения о советском времени учтены в 2021–2022 гг. при реализации выставочного проекта «Мечта хозяйки», освещавшего полувековой период в истории Ярославля (1941–1991 гг.) и приуроченного к 100-летию со времени образования СССР. Проект рассказывал о городе через судьбы горожан и акцентировал внимание на мечте как «социокультурном явлении, повествующем об эпохе, обществе и людях» [11, с. 2]. Из 346 экспонатов более 70 % предоставили горожане. Выставка включала 5 тематических блоков: «Мечты о Победе», «Профессия мечты», «Мечты: образ героя», «Покупка мечты», «Столичные мечты» [15, с. 3–6]. Внимание посетителей привлекал сюжетный повествовательный рассказ: повествования 10 героинь, раскрывающие какой-либо конкретный сюжет из личной истории и, одновременно, истории города (интервью, воспоминания, видео-интервью).

Выставка транслировала следующее сообщение: «Мечта, осознанная как цель, активизирует внутренние ресурсы человека, а эпоха задает условия для личностного развития» [11, с. 3]. Опыт проведения экскурсий показал, что многие посетители (семьи и молодежь) нацелены на личностно-ориентированный диалог и стремились рассказать свои истории «на тему». Это подтверждает мысль, что воссоздание прошлого в музее не ограничивается актом его репрезентации, а «осуществляется и после него, в процессе вос-

приятия экспонируемой истории» [12, с. 530–531]. Посетитель генерирует и транслирует свои смыслы, а экскурсовод и экспликация задают направление развития мысли. Интерпретация зависит среди прочего от степени вовлеченности посетителей: «факты эпизодической памяти в процессе коммуникации образуют общую коммуникативную память» [16, с. 276].

Концентрация смыслов в выставочном пространстве достигалась и через художественное решение, содержащее визуальные образы для более широкой интерпретации темы. Авторы отказались от символики советского времени и сконцентрировались на философском осмыслении советской женщины как «хозяйки своей судьбы», ее новом социальном статусе [11, с. 2]. В выставочном пространстве использовались тяжелые строительные блоки, покрашенные в «женский» розовый цвет и составляющие различные опорные конструкции для презентации экспонатов – апология тяжелых судеб. Материалы (фотографии, личные вещи, предметы гордости) транслировали советскую эпоху как время заданных условий саморазвития, в которых раскрывался потенциал личности.

Интересно, что сообщение считывалось посетителями в большей степени не содержательно, а в контексте дифференциации восприятия материалов об эпохе разными поколениями: «это о нас» и «это для них» (молодежи). В первом случае отмечалось, что экспонаты знакомы и понятны, подчеркивалась личная причастность к советскому времени: «мы – немножко экспонаты» [8, с. 3]; «материал представлен дефицитный для того времени, когда мы мечтали и добивались в жизни того, что хотели» [8, с. 20]. Во втором случае подчеркивалась высокая информативность экспонатов: «очень познавательно для молодежи» [8, с. 5]; «бесценно для нынешнего поколения, которое может увидеть подлинные вещи из советской жизни» [8, с. 6]. В последнем отзыве отражена значимость погружения в предметную среду в условиях «ухода» советских вещей из домов и квартир. При работе с молодым поколением неизбежно осовременивание в процессе интерпретации, нацеленное на лучшее понимание эпохи.

***

Опыт МИГ показывает, что в основе каждой экспозиции о советском времени должно лежать сообщение, понятное и тем, кто жил в то время и воспринимает его через собственные воспоминания, и тем, для кого советское время – только совокупность интерпретаций. Проведенное исследование показывает, что на восприятие экспозиции влияет степень сформированности сообщения, возможность его трансляции через все компоненты экспозиции: «распыленное сообщение» создает предпосылки для оценки материала как неполного и недостаточного. В качестве базовых характеристик понятного посетителю сообщения о советском времени можно вы-

делить следующие: связь с современностью, опора на универсальные ценности, слова с преимущественно положительными коннотациями. В ходе исследования определен и апробирован один из возможных подходов к формулировке актуальных сообщений – выделение сюжетов, интересных для посетителей (интересны личности – рассказ об эпохе через судьбы людей). Заявленная в статье проблема решена лишь частично, ее постановка открывает широкое исследовательское поле.

Список источников и литературы

1. *Абрамов Р.Н.* Музеефикация советского. Историческая травма или ностальгия? // Человек. 2013. № 5. С. 99–111.

2. *Абрамов Р.Н.* Ностальгические аффекты и коммодификация советского: на примере Музея советских игровых автоматов // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2018. Т. 10. № 15. С. 41–54.

3. *Абрамов Р.Н.* Семиотические ландшафты посткоммунистической ностальгии: на примере музеефикации советского прошлого // Человек: образ и сущность. 2020. № 1. С. 126–151.

4. *Глушкова П.В., Белоусова О.Ф.* Актуализация советского быта посредством презентации коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения). Материалы международной конференции (Кемерово, 19–21 октября 2016 г.). Кемерово: ООО «Авторское издательство Кузбассвузиздат», 2016. С. 306–310.

5. *Добрецова С.А.* Актуализация культурного наследия советской эпохи в музеях Казани и Рыбинска // Культурная жизнь Юга России. 2021. № 4. С. 105–114.

6. *Добрецова С.А.* Частная жизнь советского человека в музейных экспозициях города Иванова // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 4. С. 194–203.

7. *Желтоухова Д.В.* Память «советского» в экспозициях и выставках современных областных краеведческих музеев Среднего Поволжья // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений: материалы международной научно-практической конференции: в 2 ч. (Самара, 23–25 мая 2013 г.). Ч. 2. Самара: Самарский государственный институт культуры, 2013. С. 191–196.

8. Книга отзывов выставки «Мечта хозяйки» (8 октября 2021 г. – 15 марта 2022 г.). Ярославль, 2022. 30 с.

9. Книга отзывов и предложений Муниципального учреждения культуры «Музей истории города Ярославля» (отрасль «Культура»; зарегистрирована в управлении культуры мэрии города Ярославля). Ярославль, август 2017 г. – н.в.

10. Книга отзывов экспозиции «Десять веков истории города Ярославля». Ярославль, 2016 г. – н.в.

11. *Козлова С.Ю., Королева Н.С.* Концепция выставочного проекта «Мечта хозяйки» в рамках проекта «Тур в советскую эпоху» (8 октября 2021 г. – 15 марта 2022 г.). Ярославль, 2021. 6 с.

12. *Куприянов П.С.* Историческая экспозиция глазами посетителя: к проблеме музейной реконструкции // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки. М: ООО «Издательство «Этерна», 2015. С. 530–554.

13. *Купцова И.А.* Советское наследие в культурном ландшафте современной Российской провинции // Россия в контексте межкультурных коммуникаций. XX–XXI век. М.: МГИК, 2022. С. 181–189.

14. *Манохина А.Д.* Культура советской повседневности в экспозициях исторических музеев Санкт-Петербурга // Вопросы музеологии. 2018. Т. 9. № 1. С. 83–92.

15. Мечта хозяйки: 100 экспонатов выставки: каталог выставки для школьников в рамках проекта «Тур в Советскую эпоху» к 100-летию образования СССР. Ярославль: Издательское бюро «ВНД», 2021. 116 с.

16. *Морозов И.А., Слепцова И.С.* «Ключ от дома дедушки»: предметные и визуальные нарративы в пространстве семейной памяти // Сибирские исторические исследования. 2020. № 2. С. 276–297.

17. *Морозов И.А., Слепцова И.С.* С пристрастием вглядываясь в прошлое: «ад» и «рай» советской эпохи в современных музейных нарративах // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23. № 5. С. 195–224.

18. Российская музейная энциклопедия. URL: http://www.museum.ru/rme/sci_kray.asp (дата обращения: 15.06.2022).

19. *Смирнов А.П.* Советская эпоха. Проблемы музейной интерпретации // Политическая история России. Теория и музейная практика: сборник научных трудов ГМПИР. Вып. XI. СПб.: ООО «Грей Принт», 2021. С. 125–142.

Научное издание

История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды

Сборник статей
Международной научно-практической школы-конференции
молодых ученых
(25–28 октября 2022 г.)

Редактор *В.Н. Круглов*
Макет и оформление *Ю.И. Дин*

Подписано к печати 01.10.2022. Формат 60x90/16.
Заказ № . Тираж 500 экз. (Первый завод 300 экз.)
32,5 п. л., 31,10 уч.-изд. л.

Издательский центр Института российской истории РАН
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
Отпечатано в ООО «МИК»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, стр. 5